СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ
В СОЦИАЛИЗАЦИИ БУДУЩЕГО ПРОФЕССИОНАЛА

СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ
ЯЗЫКОВ, КУЛЬТУР, ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке

The Humanities and Social Studies in the Far East

SOCIAL AND PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES
IN THE SOCIALIZATION OF FUTURE PROFESSIONALS

MODERN INTERNATIONAL RELATIONS IN LINGUISTIC,
CULTURAL AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT

ETHNIC IDENTITY IN THE DIGITAL AGE

Vol. XXII, Issue 2, 2025

Министерство
образования и науки России

Министерство
транспорта России

Российский Союз ректоров

ФГБОУ ВО
«Дальневосточный
государственный университет
путей сообщения»

Совет ректоров вузов
Дальневосточного федерального округа

СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Научно-теоретический журнал
издается с января 2004 года
выходит один раз в три месяца

Том XXII

Выпуск 2, 2025

Хабаровск, 2025

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

The Russian Rectors' Union

Council of Rectors of Higher Educational
Institutions in the Far Eastern
Federal District

Ministry of Transportation
of the Russian Federation

Federal State Budgetary
Educational Institution
of Higher Education
«Far Eastern State
Transport University»

THE HUMANITIES AND SOCIAL STUDIES IN THE FAR EAST

Journal of Theoretical Research
Published since January 2004
Issued quarterly

Vol. XXII

Issue 2, 2025

Khabarovsk, 2025

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Е.Н. Спасский, д-р полит. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Отдел философии

С.В. Пишун, д-р филос. наук, проф. (редактор отдела);
А.П. Забияко, д-р филос. наук, проф.; **Кальво-Мартинез Томас Мариано**, PhD (Испания);
Р.Л. Лившиц, д-р филос. наук, проф.; **Н.И. Мартишина**, д-р филос. наук, проф.;
И.Б. Микиртумов, д-р филос. наук, доц.

Отдел филологии

З.Г. Прошина, д-р филол. наук, проф. (редактор отдела);
У.М. Бахтикиреева, д-р филол. наук, проф.; **С.М. Пак**, д-р филол. наук, проф.;
Нобуюки Хонна, PhD (Япония); **Е.А. Первушина**, д-р филол. наук, проф.;
Раймонд Хики, PhD (Германия); **Г.Н. Ловцевич**, д-р филол. наук, проф.

Отдел психологии

К.И. Воробьева, д-р психол. наук, проф. (редактор отдела);
И.В. Пахно, канд. психол. наук, доц. (ответственный секретарь);
Л.Г. Дикая, д-р психол. наук, проф.; **А.Н. Занковский**, д-р психол. наук, проф.;
Н.А. Кравцова, д-р психол. наук, проф.; **Лора Роджерс**, PhD (США);
Мартин Кашорке, PhD (Германия); **Т.Х. Невструева**, д-р психол. наук, проф.

Отдел «Проблемы Дальнего Востока»

Е.Н. Спасский, д-р полит. наук, проф. (редактор отдела);
М.А. Ковальчук, д-р ист. наук, проф.; **Н.Е. Мерецкий**, д-р юрид. наук, проф.;
О.А. Рудецкий, канд. филос. наук, доц. (зам. главного редактора);
Ю.А. Тюрина, д-р социол. наук, проф.; **С.В. Филонов**, д-р ист. наук, проф.;
Ж.В. Петрунина, д-р ист. наук, проф.

РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА

Ю.А. Тюрина, д-р социол. наук, проф.; **Л.С. Торопова**, канд. филол. наук, доц.;
О.А. Рудецкий, канд. филос. наук, доц.

СОТРУДНИКИ РЕДАКЦИИ

Е.И. Москвина (web-мастер); **Е.В. Листопадова**, канд. социол. наук, доц. (технический секретарь);
М.А. Никитина, канд. филол. наук, доц. (переводчик)

Научно-теоретический журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» включен в «Перечень по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки» по следующим отраслям научного знания и научным специальностям: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России; 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские, романские языки); 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика; 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки); 5.7.1. Онтология и теория познания (философские науки); 5.7.2. История философии (философские науки); 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

Печатается по решению Совета ректоров вузов Дальневосточного федерального округа № СР/ДФО-54а от 9 октября 2002 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»
(680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47).

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия ПИ № ФС77-77529 от 25 декабря 2019 г.

Адрес редакции: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47, оф. 262,
Тел./факс: (4212) 40-71-93, E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Evgeniy N. Spassky, Doctor of Science (Political), Professor

EDITORIAL BOARD

Philosophy

Sergei V. Pishun, Doctor of Science (Philosophy), Professor, Executive Editor (Philosophy)
Andrei P. Zabiyako, Doctor of Science (Philosophy), Professor
Tomás Mariano Calvo-Martinez, PhD (Spain)
Rudolf L. Livshits, Doctor of Science (Philosophy), Professor
Natalya I. Martishina, Doctor of Science (Philosophy), Professor
Ivan B. Mikirtumov, Doctor of Science (Philosophy), Associate Professor

Philology

Zoya G. Proshina, Doctor of Science (Philology), Professor, Executive Editor (Philology)
Uldanai M. Bakhtikireyeva, Doctor of Science (Philology), Professor
Svetlana M. Pak, Doctor of Science (Philology), Professor
Nobuyuki Honna, PhD (Japan)
Elena A. Pervushina, Doctor of Science (Philology), Professor
Raymond Hickey, PhD (Germany)
Galina N. Lovtsevich, Doctor of Science (Philology), Professor

Psychology

Klarisa I. Vorobyova, Doctor of Science (Psychology), Professor, Executive Editor (Psychology)
Irina V. Pakhno, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor (Executive Secretary)
Larisa G. Dikaya, Doctor of Science (Psychology), Professor
Anatoliy N. Zankovsky, Doctor of Science (Psychology), Professor
Nataliya A. Kravtsova, Doctor of Science (Psychology), Professor
Laura Rogers, PhD (USA)
Martin Koschorke, PhD (Germany)
Tamara Kh. Nevstrueva, Doctor of Science (Psychology), Professor

Problems of the Far East

Evgeniy N. Spassky, Doctor of Science (Political), Professor, Executive Editor (Problems of the Far East)
Mikhail A. Kovalchuk, Doctor of Science (History), Professor
Nikolai E. Meretsky, Doctor of Science (Law), Professor
Oleg A. Rudetsky, Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor (Deputy Editor)
Yulia A. Tyurina, Doctor of Science (Sociology), Professor
Sergei V. Filonov, Doctor of Science (History), Professor
Zh.V. Petrunina, Doctor of Science (History), Professor

MANAGING EDITORS

Yulia A. Tyurina, Doctor of Science (Sociology), Professor
Lyudmila S. Toropova, Candidate of Science (Philology), Associate Professor
Oleg A. Rudetsky, Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor

EDITORIAL STAFF

E.I. Moskvina (Web Designer); **E.V. Listopadova**, Candidate of Science (Sociology), Associate Professor (Technical Secretary); **M.A. Nikitina**, Candidate of Science (Philology), Associate Professor (Translator)

Journal of theoretical research is published in accordance with the decision of the Council of Rectors of Higher Educational Institutions in the Far Eastern Federal District № CR/FEFD-54a of October 9, 2002

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Far Eastern State Transportation University»
Office 262, 47 Seryshev Str., Khabarovsk, 680021

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration number and date of the registration decision: Series PI № FS77-77529 of December 25, 2019

Editorial office address: Office 262, 47 Seryshev Str., Khabarovsk, 680021
Phone/fax: (4212) 40-71-93; E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 10

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОЦИАЛИЗАЦИИ БУДУЩЕГО ПРОФЕССИОНАЛА

Тюрина Ю.А., Антончева О.А., Ляшко С.В. Роль студенческих организаций в формировании надпрофессиональных компетенций обучающихся: выводы социологического исследования 11

Гареева И.А. Проектная деятельность студентов: опыт в реализации проекта «Дружелюбный центр социальной поддержки» 19

Донкан И.М., Синицына Л.В. Система профориентационной работы в вузе на примере Дальневосточного государственного университета путей сообщения 25

Злобина О.Г., Гафиатулина Е.С. Рубрики как средство оценивания компетенций 31

Корнеенко Т.Н., Зиссер И.С. Теоретические и практические аспекты социализации студента в образовательной среде университета (на примере регионального университета Дальнего Востока) 42

Кузнецова Е.И. Образование как драйвер качества человеческого капитала в контексте демографической политики 51

Левкова Т.В., Луценко Е.Л. Выбор профессии на пороге взросления: факторы влияния 56

Милованова Л.Р., Леженина А.А., Головань С.А. Компетенции педагога российского вуза: запросы, реалии, перспективы 62

Савин С.Д., Махова О.О. Противодействие деструктивному информационно-психологическому воздействию на сознание российской молодежи 69

Тулупьева Т.В., Бородина Ж.В. Способы противодействия кибер/телефонному мошенничеству с использованием методов социальной инженерии 77

Шеина А.Ю. Доверие молодежи к новым информационным технологиям: применение искусственного интеллекта в госсекторе 86

СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ЯЗЫКОВ, КУЛЬТУР, ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ

Маринич Л.Ф., Прыткова Ж.И. Реферирование как эффективная форма компрессии научно-технической статьи при обучении ELSP студентов инженерных специальностей Дальневосточного государственного университета путей сообщения 91

Никитина М.А. Экономические термины-метафоры 100

Блажевич В.В. Объективные трудности изучения русского языка китайскими студентами 105

Астахова Е.В., Борзова Т.В. Потенциал генеративного искусственного интеллекта для развития навыков профессиональной межкультурной коммуникации 111

Резанова Н.В., Помченко М.А., Харина И.В., Кожевникова Т.В. Взаимосвязь особенностей адаптации иностранных студентов с уровнем знания русского языка (на примере обучения студентов Китайской Народной Республики в вузах Дальнего Востока) 118

Польшина Ю.А. Решение лингвистических задач с помощью корпуса: из практики преподавания 124

Иванкова Т.А. Опосредованный перевод как инструмент международного культурного обмена на Дальнем Востоке России 132

Дежина Т.П. Музыкально-ориентированное обучение немецкому языку. Анализ возможностей дидактической адаптации музыки на занятиях по немецкому языку 141

Караванова Е.К., Торопова Л.С. О слове «Zen» в современной англоязычной культуре 147

Торопова Л.С. Дискурсивное конструирование концепта HYGGE в англоязычном массмедийном пространстве 155

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Березницкий С.В. Влияние киберпространства на этничность коренных народов Севера 160

Беляева-Сачук В.А., Трушкина Е.Ю. Репрезентация коренных малочисленных народов Саян: этнография в голобальной сети Интернет.....167

Зангиров В.Г. Цифровая деконструкция этнической идентичности 177

Ким А.С., Козырская К.Р. Феномен этничности в информационно-цифровом обществе.....183

Осипова М.В. Айнская сувенирная кукла как способ презентации этнической идентичности.....188

Прудникова О.А., Сливко С.В. Этнографические коллекции Хабаровского краевого музея имени Н.И. Гродекова и интеграция музейных проектов в цифровое пространство 195

Чимитдоржиев Ж.Ж., Басова С.Н. Региональная идентичность в условиях цифровизации гастрономического поля 205

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Ахметова А.В., Бобышев С.В., Наливайко В.В., Алиева Ш.С., Мусалитина Е.А. Биоэтические проблемы советской модернизации здравоохранения малочисленных народов Дальнего Востока 214

Ковальчук М.А., Ковальчук А.М. Дорожное хозяйство Дальнего Востока в годы революции и Гражданской войны (1917–1922) 219

Бобышев С.В., Ахметова А.В., Ковальчук М.А., Наливайко В.В., Алиева Ш.С. Проблемы организации медицинского обслуживания среди коренного населения Нижнеамурской области в первой половине 1940-х годов 224

Марков С.М., Шумилова В.В. Японский путь цветка (кадо) 229

Садченко В.Т., Хоу Сюэли. Поле глаголов речи в русских говорах Приамурья.....241

Титорева Г.Т. История китайской коллекции из собрания Хабаровского краевого музея имени Н.И. Гродекова 250

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ И ПОДПИСЧИКОВ.....255

CONTENTS

FORWARD 10

SOCIAL AND PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES IN THE SOCIALIZATION OF FUTURE PROFESSIONALS

Tyurina Yu. A., Antoncheva O.A., Lyashko S.V. The Role of Student Organizations in Forming Supra-Professional Competencies of Students: Conclusions from a Sociological Study 11

Gareeva I.A. Students' Project Activities: Experience in Implementing the Friendly Social Support Center Project 19

Donkan I.M., Sinitsyna L.V. The System of Career Guidance at the University on the Example of Far Eastern State Transport University 25

Zlobina O.G., Gafiatullina E.S. Rubrics as a Means of Assessing Competencies 31

Korneenko T.N., Zisser I.S. Theoretical and Practical Aspects of Student's Socialization in the Educational Environment of the University (on the Example of the Regional University of the Far East) ... 42

Kuznetsova E.I. Education as a Driver of Human Capital Quality in the Context of Demographic Policy 51

Levkova T.V., Lutsenko E.L. Choosing a Profession on the Threshold of Adulthood: Influencing Factors 56

Milovanova L.R., Lezhenina A.A., Golovan S.A. Competences of the Teacher of the Russian University: Requirements, Realities, Prospects 62

Savin S.D., Mahova O.O. Counteraction of the Destructive Information-Psychological Impact on the Consciousness of Russian Youth 69

Tulupieva T.V., Borodina Zh.V. Ways to Counter Cyber/Telephone Fraud Using Social Engineering Techniques 77

Sheina A.Yu. Youth Trust in New Information Technologies: the Application of Ai in the Public Sector 86

MODERN INTERNATIONAL RELATIONS IN LINGUISTIC, CULTURAL AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Marinich L.Ph., Prytkova Zh.I. Abstracting as an Effective Instrument of Compressing a Scientific and Technical Article While Teaching ELSP to Students of Engineering Specialities in Far Eastern State Transport University 91

Nikitina M.A. Metaphorical Economic Terms 100

Blazhevich V.V. Objective Difficulties in Learning Russian Language by Chinese Students 105

Astakhova E.V., Borzova T.V. Generative ai's Potential in Fostering Professional Intercultural Communication Skills 111

Rezanova N.V., Pomchenko M.A., Kharina I.V., Kozhevnikova T.V. The Relationship Between the Features of Foreign Students' Adaptation and the Level of Proficiency in the Russian Language (Using the Example of Studying Students from China in Universities in the Far East) 118

Polshina Yu.A. Using Corpora in Solving Linguistic Problems: From Classroom Experience 124

Ivankova T.A. Intermediary Translation as an Instrument of International Cultural Exchange in the Far East of Russia 132

Dezhina T.P. Music-Oriented Teaching of the German Language: Analysis of Didactic Adaptation of Music in German Language Lessons 141

Karavanova E.K., Toropova L.S. On the Word 'Zen' in Contemporary English-Speaking Culture 147

Toropova L.S. Discursive Constructing of the HYGGE Concept in English-Language Mass Media Framework 155

ETHNIC IDENTITY IN THE DIGITAL AGE

Bereznitsky S.V. The Impact of Cyberspace on the Ethnicity of Indigenous Peoples of the North 160

Belyaeva-Sachuk V.A., Trushkina E.Y. Representation of Indigenous Peoples of Sayan: Ethnography in the Internet 167

Zangirov V.G. Digital Deconstruction of Ethnic Identity 177

Kim A.S., Kozyrskaya K.R. The Phenomenon of Ethnicity in the Information and Digital Society 183

Osipova M.V. Ainu Souvenir Doll as a Means of Presenting Ethnic Identity 188

Prudnikova O.A., Slivko S.V. Ethnographic Collections of the Khabarovsk Regional Museum Named After N.I. Grodekov and the Integration of Museum Projects Into the Digital Space 195

Chimitdorzhiev Zh.Zh., Basova S.N. Regional Identity in the Context of Digitalization of the Gastronomic Field 205

PROBLEMS OF THE FAR EAST

Akhmetova A.V., Bobyshev S.V., Nalivaiko V.V., Alieva Sh.S., Musalitina E.A. Bioethical Issues of the Soviet Modernization of Health Care for the Indigenous Peoples of the Far East 214

Kovalchuk M.A., Kovalchuk A.M. Road Infrastructure in the Far East During the Revolution and Civil War Years (1917–1922) 219

Bobyshev S.V., Akhmetova A.V., Kovalchuk M.A., Nalivaiko V.V., Alieva Sh.S. Problems of Organization of Medical Services Among the Indigenous Population of the Nizhneamur Region in the First Half of the 1940s 224

Markov S.M., Shumilova V.V. The Japanese Way of the Flower (Kado) 229

Sadchenko V.T., Hou Xueli. The Field of Verbs of Speech in the Russian Dialects of the Amur Region 241

Titoreva G.T. History of the Chinese Collection from the Collection of the Khabarovsk Regional Museum Named After N.I. Grodekov 250

AUTHORS GUIDELINES 255

ПРЕДИСЛОВИЕ / FORWARD

Уважаемый читатель!

Перед Вами очередной выпуск журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке», посвящённый вопросам педагогики, языкознания, культурной антропологии и истории.

Открывает выпуск ставший уже традиционным раздел «Социально-педагогические технологии в социализации будущего профессионала». В его заглавной статье (*Ю.А. Тюрина, О.А. Антончева, С.В. Ляшко*) представлен социологический анализ места и роли студенческих организаций и объединений в формировании и развитии надпрофессиональных навыков и личностных качеств студентов. Публикации, представленные в первом разделе, освещают различные аспекты социализации студенческой молодёжи (*И.А. Гареева, Т.Н. Корнеенко, И.С. Зиссер, Т.В. Левкова, Е.Л. Луценко*), поднимают проблемы развития системы образования (*О.Г. Злобина, Е.С. Гафиатулина, И.М. Донкан, Л.В. Синицына, Л.Р. Милованова, А.А. Леженина, С.А. Головань*). Особый акцент сделан на новейшей цифровой реальности, оказывающей мощное влияние на становление личности профессионала (*Т.В. Тулупьева, Ж.В. Бородина, С.Д. Савин, О.О. Махова, А.Ю. Шеина*).

Второй раздел журнала продолжает дискуссию, начатую в рамках Международной научно-практической конференции «Международные отношения в контексте языков, культур, образовательных моделей» (20–21 ноября 2024 г., Хабаровск, ДВГУПС). Статьи, размещённые во втором разделе, посвящены цифровизации образовательного пространства и проблемам межкультурного взаимодействия (*Е.В. Астахова, Т.В. Борзова*), современным методам обучения иностранным языкам (*Т.П. Дежина, Т.А. Иванкова, Л.Ф. Маринич, Ж.И. Прыткова, Ю.А. Польшина)*, лингвокультурологическому аспекту международных отношений (*М.А. Никитина, Е.К. Караванова, Л.С. Торопова*), психолого-педагогическим особенностям изучения иностранного языка в поликультурном пространстве современного вуза *(В.В. Блажевич*), проблемам социальной, психологической и академической адаптации и аккультурации иностранных студентов (*Н.В. Резанова, М.А. Помченко, И.В. Харина, Т.В. Кожевникова*).

Вопросы культурной антропологии рассматриваются в третьем разделе журнала. Показаны разные грани проблемы этнической идентичности в цифровую эпоху. Особый акцент сделан на этнографии коренных народов, на воздействии так называемого киберпространства на этничность, на смешение этнических традиций и границ (*С.В. Березницкий, В.А. Беляева-Сачук, Е.Ю. Трушкина, М.В. Осипова О.А. Прудникова, С.В. Сливко*). В других публикациях раздела представлен опыт философского осмысления этничности в её связи в цифровизацией всех сторон жизни общества (*В.Г. Зангиров*), рассматривается дискурс этнополитической конфликтологии (*А.С. Ким, К.Р. Козырская*), исследуются некоторые аспекты цифровизации культуры питания (*Ж.Ж. Чимитдоржиев, С.Н. Басова*).

Завершает второй выпуск журнала раздел «Проблемы Дальнего Востока», включающий публикации в области истории (*А.В. Ахметова, С.В. Бобышев, М.А. Ковальчук, В.В. Наливайко, Ш.С. Алиева, Е.А. Мусалитина*), филологии (*В.Т. Садченко, Хоу Сюэли*), культурологии (*С.М. Марков, В.В. Шумилова*), истории музейного дела (*Г.Т. Титорева*).

Редакторы выпуска

Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2025. Т. XXII, Вып. 2. С. 11–18
The Humanities and Social Studies in the Far East. 2025. Vol. XXII, Is. 2. P. 11–18

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ
В СОЦИАЛИЗАЦИИ БУДУЩЕГО ПРОФЕССИОНАЛА

SOCIAL AND PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES
IN THE SOCIALIZATION OF FUTURE PROFESSIONALS

Научная статья
УДК 378.4
doi:10.31079/1992-2868-2025-22-2-11-18

РОЛЬ СТУДЕНЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ НАДПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ: ВЫВОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Юлия Александровна Тюрина[1], Ольга Алексеевна Антончева[2], Светлана Всеволодовна Ляшко[3]
[1, 2, 3]Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1]jultur2005@yandex.ru
[2]antoncheva-oa@ranepa.ru
[3]lyashko-sv@ranepa.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, проведенного авторами в 2024 г. в трех вузах Санкт-Петербурга с целью анализа роли студенческих организаций в формировании надпрофессиональных компетенций и навыков студентов в рамках реализации государственной молодежной политики. Дизайн исследования спроектирован на основе принципов мультиметодичности и мультипарадигмальности. Главной исследовательской стратегией авторы избрали case study. Исследование показало, что студенческие проекты в вузах способствуют профессиональной подготовке и личностному развитию студентов. Однако отмечено отсутствие системной работы по их формированию в рамках образовательной среды, что ведет к снижению эффективности деятельности студенческих организаций для развития коммуникативных и лидерских навыков обучающихся, также ощущается недостаток менторства и поддержки со стороны преподавателей и администрации вузов.

Ключевые слова: компетенции, компетентностный подход, надпрофессиональные компетенции, молодежь, высшее образование, case study, проектная деятельность

Original article

THE ROLE OF STUDENT ORGANIZATIONS IN FORMING SUPRA-PROFESSIONAL COMPETENCIES OF STUDENTS: CONCLUSIONS FROM A SOCIOLOGICAL STUDY

Yulia A. Tyurina[1], Olga A. Antoncheva[2], Svetlana V. Lyashko[3]
[1, 2, 3]Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management, St. Petersburg, Russia
[1]jultur2005@yandex.ru
[2]antoncheva-oa@ranepa.ru
[3]lyashko-sv@ranepa.ru

Abstract. The article presents the results of a study conducted by the authors in three universities in St. Petersburg in 2024 in order to analyze the role of student organizations in the formation of students' supra-professional competencies and skills in the framework of implementing state youth policy. The research design was based on the principles of multimethodology and multiparadigmality. The authors chose case study as the main research strategy. The study has showed that student projects in universities contribute to professional training and personal development of students. However, it has been noted that there is a lack of systematic work in forming these competencies within the educational environment, leading to a decrease in the effectiveness of student organizations in developing students' communication and leadership skills. Additionally, there is a lack of mentoring and support from teachers and university administration.

Keywords: competencies, competence approach, supra-professional competencies, youth, higher education, case study, project activity

© Тюрина Ю.А., Антончева О.А., Ляшко С.В., 2025

Введение

В контексте развития современного высшего образования все большее внимание уделяется формированию у студентов не только профессиональных, но и надпрофессиональных компетенций. Эти универсальные качества, к которым относят сотрудничество, анализ информации и принятие решений, коммуникативную грамотность, планирование и организацию, саморазвитие и др., становятся ключевыми факторами успешной интеграции выпускников в рынок труда и их последующего карьерного роста[1].

История зарубежных исследований по проблематике профессиональных, а затем и надпрофессиональных компетенций выпускников вузов началась в 70–80-е гг. XX в. Из большого списка исследователей выделим работы последних десятилетий Дж. Дж. Хекмана, Т. Каутца (J.J. Heckman, T. Kauts, 2012), М. Хамбурга, А. де Грипа, К. ван дер Вельдена (M. Humburg, A. de Grip, R. van der Velden, 2017), Ф. Леви (F. Levy, 2010), Л.Х. Липпман, Р. Райберг, Р. Карни (L.H. Lippman, R. Ryberg, R. Carney [et al.], 2015), которые призывают учитывать при рассмотрении выпускника вуза в качестве кандидата на ту или иную должность не только «жёсткие профессиональные компетенции», но и «мягкие» – черты характера, цели, ценности, мотивы и предпочтения, самоконтроль, критическое мышление, решение проблем и пр. Авторы в разных вариациях говорят о значимости таких черт личности, как сознательность, настойчивость, общительность, любознательность и др., влияющих на достижение важных профессиональных и жизненных результатов. Кроме того, указывается на необходимость разрабатывать образовательные программы по подготовке/переподготовке профессиональных кадров с учётом компонента развития «мягких» компетенций. Тем самым авторы поднимают проблематику на уровень государственной образовательной политики, а также политики занятости населения.

Данный контекст нашел отражение и в работах многих отечественных учёных (см. подробнее: [2; 5; 6; 11–14; 18; 22; 25; 26]).

В целом авторы исследований сходятся во мнении, что, несмотря на растущую актуальность надпрофессиональных компетенций, существует дисбаланс между требованиями работодателей и тем, что предлагают образовательные учреждения [17; 23].

В этой связи актуализируется аспект задействования внутреннего потенциала самой молодежи, ее возможностей самоорганизации и самоуправления для вовлечения молодых людей в конструктивную деятельность и создания в вузах среды, формирующей надпрофессиональные навыки и личностные качества в контексте реализации государственной молодежной политики.

Одним из эффективных способов реализации потенциала самоорганизации молодежи является включение студентов в проектную деятельность внутри вузов. Проектная деятельность позволяет студентам не только развивать свои профессиональные навыки, но и приобретать ценные надпрофессиональные компетенции, такие как командная работа, управление проектами и решение проблем [3].

Основная часть

Авторы статьи, поставив перед собой *цель* дать социологический анализ места и роли студенческих организаций и объединений в формировании и развитии надпрофессиональных навыков и личностных качеств студентов, руководствуясь интегративными возможностями, которые предоставляет деятельностно-активистский подход, применяя целый спектр теорий и концепций в решении поставленных исследовательских задач, обратились к социологии повседневности в изучении повседневных практик [7], а также к социологии молодёжи, социологии образования и к социологии групп.

Выбранный вектор исследования позволил научному коллективу сконструировать *дизайн эмпирического исследования*, основным компонентом которого был выбран case study (исследование случая). Гибкость и мультипарадигмальность case study допускает отказ от конкретной теоретической рамки или подхода, что позволяет применять принцип мультиметодичности, используя широкий набор исследовательских техник и источников информации.

В качестве «случая» в окончательном варианте исследовательской тактики была принята «проектная деятельность студенческих коллективов/объединений», вписанная в системную деятельность вуза, включающую в себя как профессиональную подготовку через образование, так и формирование личностных, социальных, надпрофессиональных качеств обучающихся. Студенческие коллективы/организации/объединения интересны не сами по

[1] Жуковский И. Исследование профиля надпрофессиональных компетенций молодых специалистов // Сетевое издание «Национальная система квалификаций России». 2022. 8 сентября. URL: https://journal.nark.ru/articles/proekty-i-partnery/issledovanie-profilya-nadprofessionalnykh-kompetentsiy-molodykh-spetsialistov/ (дата обращения: 01.04.2025); Оценка надпрофессиональных компетенций студентов // Блог «Россия – страна возможнстей». 2023. 15 февраля. URL: https://rsv.ru/blog /oczenka-nadprofessionalnyh-kompetenczij-studentov/ (дата обращения: 01.04.2025).

себе, а благодаря их деятельности. Студенты участвуют в данных коллективах потому, что они могут дать им как различные возможности для личностной социализации (надпрофессиональные «софты»), так и площадку для формирования и тренировки профессиональных компетенций («харды»).

Проектная деятельность студентов в вузе решает задачу «продуктивного обучения». Его целью является подготовка специалиста, который будет субъектом «…социально-исторического и культурно-созидательного процесса, умеющего не просто вписаться в окружающий мир, но и активно действовать в нем, приобретающего в процессе обучения опыт решения различных социальных и производственных проблем» [4].

Проектная деятельность как педагогический метод стала широко использоваться в 20-х гг. XX в. Обоснование ее применения в учебном процессе связано с именем американского философа и педагога Дж. Дьюи. Он предлагал строить обучение на основе целесообразной деятельности обучающегося, сообразуясь с его личным интересом. Дальнейшее развитие метода связано с работами У.Х. Килпатрика, Э. Коллингса. Они предлагали строить обучение на основе расширения и обогащения индивидуального жизненного опыта учащихся[2].

В России включение метода проектов в учебный процесс произошло под руководством С.Т. Шацкого. В 1905 г. им была организована группа соратников, пропагандировавших метод среди российских педагогов. В советский период метод стал применяться в образовательных учреждениях, однако делалось это недостаточно продуманно, и к 1931 г. метод практически исчез из педагогической практики. В других странах, напротив, метод стал широко применяться, рационально сочетая теорию и практику. Сегодня и в России проектный метод также нашел свое применение как в общеобразовательной, так и в высшей школе для формирования профессиональных и надпрофессиональных компетенций обучающихся.

Технология проектного обучения, обучения через проект становится актуальной в современном информационном обществе. Она помогает сформировать проективный стиль мышления, сочетающий в себе теоретический и практический компоненты деятельности человека в единую систему, что позволяет раскрыть, развить, реализовать творческий потенциал личности (см. подробнее: [8; 9; 19; 20]).

Как подчеркивала Е.С. Полат, проектный метод учит студентов самостоятельно мыслить, находить и решать проблемы, привлекая для этой цели знания из разных областей, умения прогнозировать результаты и возможные последствия разных вариантов решения, умения устанавливать причинно-следственные связи[3].

Основная черта проектной деятельности состоит в том, что она разворачивается в проблемной ситуации. Вторая особенность заключена в том, что ее участники должны быть мотивированы. Но простого интереса недостаточно. Нужно, чтобы обучающиеся реализовывали в проектной деятельности не только свое понимание, но и свои смыслы. Третьей важной особенностью является ее адресный характер, поэтому проектная деятельность имеет ярко выраженную социальную окрашенность.

В качестве основного метода сбора информации в данном исследовании авторами использовался метод глубинных интервью.

Майкл Буравой отмечал, что «задача социологии состоит в том, чтобы понять смысл каждого [*высказывания*], продемонстрировать их взаимосвязь, а не играть ими как разрозненными и несвязанными. Конечно, это сложно: некоторые голоса будут заглушены, а некоторые – усилены. Нам следует позволить им выговориться, оспаривать и изменять нашу "госпожу – повествование". И это не причина отказываться от полифонии»[4].

Основная цель применения стратегии case study к исследованию роли студенческих организаций и объединений в развитии надпрофессиональных навыков и личностных качеств обучающихся в образовательных организациях Санкт-Петербурга заключена в выявлении общих тенденций и типичных практик в указанном процессе.

Кейс, как известно, отдельный фрагмент социальной реальности, ограниченный в пространстве и времени. «Заметим, что такие исследования проводятся на одном объекте – случае (case), каким является некое сообщество, отдельно взятое социальное явление, класс действий или область деятельности. Изучение случая опирается на выделение частных единиц для анализа…»[5]. В рамках представляемого исследования кейсом стала проектная деятельность студентов – участников разнообразных студенческих

[2] См. подробнее: Помелов В.Б. Уильям Хёрд Килпатрик и его метод проектов: к 150-летию со дня рождения педагога // Вестник Вятского государственного университета. 2021. № 3 (141). С. 149–157.

[3] Полат Е.С. Метод проектов: история и теория вопроса // Школьные технологии. 2006. № 6. С. 43–47.

[4] Буравой М. Развернутое монографическое исследование: между позитивизмом и постмодернизмом // Рубеж. 1998. № 10-11. С. 171–172.

[5] Романов П.В. Стратегия кейс-стади в исследовании социальных служб // Социологические исследования. 2005. № 4. С. 102.

организаций и объединений трех вузов Санкт-Петербурга – Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (далее – СЗИУ), Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения (далее – КИТ), Петербургского государственного университета путей сообщения (далее – ПГУПС).

Нами были проанализированы восемь глубинных интервью с участниками/руководителями проектов, реализуемых в перечисленных высших учебных заведениях. Кроме того, были проанализированы сайты вузов, изучены документы, фиксирующие миссии, цели и задачи вузов, а также страницы различных проектов, реализуемых, в вузах в социальной сети ВКонтакте на предмет охвата участников и реакций на идеи проектов.

В СЗИУ были рассмотрены два проекта – экологический «Гретель» и студенческий клуб «Активист», цель которого – проведение развлекательных мероприятий. В КИТе – проект «Куратор-студент», направленный на адаптацию первокурсников, а также проектный метод при подготовке курсовых проектов. ПГУПС был представлен проектом «Школа пресс-центра», а также научным проектом «Информатизация учебного центра управления движением имени Бориса Павловича Бесчева».

Ключевыми вопросами интервью стали вопросы организации проектной деятельности, вовлеченности в нее студентов, оценки полезности и влияния на участников.

Участие студентов в проектах дает им возможность развивать не только коммуникативные и организаторские навыки, но также расширять круг общения, приобретать полезные связи и получать новый опыт.

«…можно прокачать свои скиллы, улучшить навыки. Например, ты всегда боялся быть организатором, но тут тебе придется им быть, потому что к тебе приходят, там, 20 новых маленьких студентов, которые ничего не знают, и ты должен их всех организовать».

Мотивация прихода студентов в проекты, как правило, внутренняя – как утверждает одна из информанток «*…в основном идут, потому что замотивированы развиваться где-то помимо учебы».*

«На самом деле ребята приходят к нам за разным опытом. Кто-то приходит за творческим опытом, кто-то за опытом организации мероприятий, но в основном приходят за людьми, за возможностью обрести команду единомышленников, за новыми друзьями».

«И все они приходят к нам в объединение ради людей и эмоций».

Вместе с тем участие в проектах поощряется администрацией вузов начислением рейтинговых баллов, что помогает получить повышенную стипендию.

Участие в проектах также может стать стимулом для личного развития и профессионального роста студентов. Проекты активно развиваются поддержкой профессионалов и преподавателей, что способствует их успеху и привлечению студентов. В целом участие в проектах имеет множество положительных сторон и может оказать значительное влияние на будущую карьеру и развитие студентов.

«Руководство у нас постоянное. Уходят из проекта только при выпуске из вуза (кураторы). Пока студенты кураторы учатся в вузе, естественно, они каждый год возвращаются, будь они два или три раза уже кураторы. Кому это очень нравится, кому это надо, те возвращаются. Но мы даем дорогу новым молодым ребятам, чтобы они попробовали тоже поучаствовать» (Информант студентка 3-го курса, Институт кино и телевидения).

«Администрация института связывается с руководителем проекта, потом руководитель проекта распределяет задачи между организаторами, в свою очередь организаторы распределяют задачи между студентами из рабочих команд».

«Вообще, конечно, очень большую роль играет администрация, потому что без их согласия на официальном уровне все, что мы там придумываем, к сожалению, не имеет особо никакого смысла, кроме как выражение какой-то гражданской позиции».

Участие в проекте позволяет студентам не только получать новый опыт и развивать навыки, но и находить единомышленников, создавать ценные связи и обретать новых друзей.

По большей части проекты не являются массовыми. Экологический проект РАНХиГС объединяет 4 человека, научный проект – 7 человек, «Школа пресс-центра» – примерно 25 человек (у каждого из пяти организаторов есть своя команда в 4–5 человек). Массовыми являются только проекты КИТа – «Куратор-студент» – 50 человек, а проект, связанный с выполнением курсовых работ, включает всех студентов курса, на котором выполняется курсовая.

Надпрофессиональные компетенции участниками проектов осваиваются самостоятельно, как правило, методом проб и ошибок, но никак не на систематической основе. Часто студенты подражают деятельности администрации. Особенно ярко это проявляется во внутренней организации проектной деятельности в ПГУПС.

Команда проекта, изначально позиционирующегося как творческий, строится по иерархическому принципу. По-видимому, это отголоски того, что

вуз железнодорожный, а эта сфера жестко иерархизирована.

«В рабочие команды мы набираем людей, которые проходят мини-кастинг. Ребята рассказывают нам о своих умениях, показывают портфолио, а мы уже решаем, полезен ли нам будет такой человек в команде или нет».

Если участник не выполняет поручений или делает это не вовремя, он может быть исключен из проекта.

«Студент был в рабочей команде. Он не выполнял порученные задания, подставлял команду, а ждать его времени у нас просто не было. У нас четко сроки прописаны. Мы, 5 человек, собрались и решили, что на его место мы поставим другого студента, который давно хотел в рабочую команду, но не прошел кастинг по причине того, что его знания и навыки тогда для нас были неактуальны, у нас же уже был человек с такими навыками».

Таким образом, анализ кейсов показал, что студенческие организации и объединения активно работают в высших учебных заведениях Санкт-Петербурга. Студенческая проектная деятельность действительно является механизмом формирования и дальнейшего развития надпрофессиональных компетенций, в первую очередь, коммуникативных, связанных с работой в команде, а также лидерских.

Студенческие объединения и организации – платформа для общения и обмена опытом. Организации предоставляют студентам возможность встречаться, общаться и сотрудничать в ходе работы над общими проектами, что способствует развитию личных и надпрофессиональных, а в некоторых случаях профессиональных компетенций.

Студенческие объединения и организации дают возможность студентам влиять на жизнь вуза: могут отстаивать интересы студентов, представлять их точку зрения перед администрацией учебного заведения и принимать участие в принятии важных решений.

Благодаря студенческим организациям можно наблюдать повышение социальной активности и ответственности студентов. Участие в студенческих организациях помогает студентам осознать важность общественной деятельности и развить социальные навыки, что актуально для их будущей карьеры.

Участие в студенческих организациях помогает обучающимся развить навыки лидерства, руководства коллективом, принятия решений и коммуникации.

Активное участие в деятельности организаций способствует развитию у студентов чувства принадлежности к сообществу, повышению самооценки и уверенности в своих силах.

Немаловажная составляющая – формирование новых связей и отношений, что, безусловно, позволяет получить поддержку и помощь от опытных и успешных людей в различных сферах деятельности.

Таким образом, проекты в рамках университета не только способствуют профессиональной подготовке студентов, но и являются источником ценного опыта, способствующего личностному и профессиональному росту.

Вместе с тем следует отметить, что общественная деятельность не охватывает всех студентов, большинство из них выступают лишь в качестве объекта, а отнюдь не субъекта проектной деятельности студенческих организаций и объединений. Рекрутинг активистов осуществляется среди тех студентов, которые ранее, в школе или на первых курсах тем или иным образом проявляли активность.

Проектная деятельность в полном масштабе представлена только в одном вузе из трех. Объективным фактором здесь является творческий характер самого вуза, куда поступают абитуриенты с гуманитарным складом мышления.

В техническом вузе существенно сложнее реализовать проектную деятельность студентов в рамках различных активностей. В этой связи результаты по массовому вовлечению обучающихся в студенческую проектную деятельность хуже.

Ставка на досуг и развлечения в СЗИУ также не помогает сделать проектную деятельность массовой.

Отсутствует систематическое обучение студентов коммуникативным навыкам, лидерству. Студенческие организации не имеют структурированных программ обучения и развития, предназначенных специально для подготовки новых лидеров. Это может привести к нехватке ресурсов и инструментов для успешного обучения и развития лидерских навыков у студентов. Ощущается недостаток менторства и поддержки. Новым лидерам часто не хватает наставников, которые могли бы помочь им развить свои лидерские качества, ориентироваться в сложных ситуациях и принимать обоснованные решения.

Заключение

В ходе исследовательской работы представлен социологический анализ места и роли студенческих организаций и объединений в формировании и развитии надпрофессиональных навыков и личностных качеств студентов вузов Санкт-Петербурга, что имеет как теоретическую значимость в развитии социологии молодежи и социологии образования, так и практическую значимость в реализации эффективной государственной молодежной политики в высшей школе России через выявление и использование потенциала студенческой самоорганизации в культивировании определенных (задаваемых государством и обществом) качеств лич-

ности и навыков (в контексте исследования – надпрофессиональных).

Обобщённый и систематизированный опыт студенческих организаций и объединений вузов Санкт-Петербурга по формированию и развитию надпрофессиональных навыков и личностных качеств обучающихся позволил получить объективное представление о среде самоорганизации студенческой молодежи в Санкт-Петербурге.

Вместе с тем исследование показало отсутствие системной работы со студентами в формировании надпрофессиональных компетенций. В тех вузах, где создана образовательная среда, способствующая развитию надпрофессиональных компетенций, общественные студенческие организации существенно более эффективны.

Образовательная среда университета имеет ключевое значение для формирования разносторонних навыков и компетенций у студентов. Такие факторы, как наличие менторской поддержки, открытость, вариативность, избыточность и упорядоченность среды, имеют важное значение для развития студентов. Открытость образовательной среды обеспечивает взаимодействие с внешней средой и позволяет студентам выбирать и адаптировать образовательные процессы под свои потребности. Вариативность среды предоставляет студентам широкий выбор методов обучения и инструментов для максимального погружения. Избыточность среды обеспечивает возможность выбора подходящих возможностей для достижения успеха. Упорядоченность среды представляет собой систему взаимоотношений и традиций, способствующих организации образовательного процесса.

Образовательная среда влияет на развитие надпрофессиональных компетенций студентов в учебной, научно-исследовательской и общественной деятельности. Процесс формирования надпрофессиональных компетенций следует сделать приоритетным направлением деятельности университетов для подготовки студентов к современному быстро меняющемуся миру. Отдельное внимание следует уделить контролю прогресса развития компетенций, обеспечению обратной связи и инвестициям в развитие личностных и профессиональных навыков, необходимых для успешной карьеры и самореализации студентов.

Список источников

1. Абашкина О. Soft skills: ключ к карьере. URL: http://www.pro-personal.ru/article/7811-soft-skills-klyuch-k-karere (дата обращения: 10.03.2025).

2. Авво Б.В. Методология компетентностного подхода в высшем образовании // Письма в Emissia.Offline. 2005. № 1. URL: http://www.emissia.org/offline/2005/978.htm (дата обращения: 12.03.2025).

3. Айбазова М.Ю., Айбазова А.К., Карасова А.А. Формирование надпрофессиональных компетенций студентов в цифровой образовательной среде // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. № 2 (31). С. 143–147.

4. Антонова Д.А., Оспенникова Е.В. Методологические основы продуктивного обучения // Педагогическое образование в России. 2020. № 6. С. 163–173. doi:10.26170/po20-06–19

5. Бабина Ю.В. Надпрофессиональные компетенции: операционализация понятия в контексте парадигмы современного образования // Профессиональное образование в современном мире. 2022. Т. 12, № 3. С. 528–538. doi:10.20 913/2618‑ 7515‑ 2022‑ 3‑ 15

6. Базаров Т.Ю., Ерофеев А.К., Шмелев А.Г. Коллективное определение понятия «компетенции»: попытка извлечения смысловых тенденций из размытого экспертного знания // Вестник Московского университета. 2014. № 1. С. 87–102. (Серия 14: Психология).

7. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с нем. Е.Д. Руткевич. Москва : Медиум, 1995. 323 с.

8. Васильева А.М., Рак Е.В. Этапы становления проектной деятельности в вузе // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 4 (73). С. 246–248.

9. Головина И.В., Папуткова Г.А., Медведева Т.Ю., Вотинцев А.В., Демидова Н.Н. Становление теоретико-методологических подходов к организации проектной деятельности в образовании // Гуманитарные исследования Центральной России. 2024. № 2 (31). С. 46–53. doi:10.24412/2541–9056-2024-231-46-53

10. Дьюи Д. Школа и общество: руководство для преподавателей / пер. с англ. Г.А. Лучинского. Москва : Гос. изд-во, 1924. 174 с.

11. Зеер Э.Ф., Степанова Л.Н. Акмеологическая технология прогнозирования индивидуальных профессионально-ориентированных траекторий развития личности студентов // Образование и наука. 2023. Т. 25, № 6. С. 69–98. URL: https://doi.org/10.17853/1994-5639-2023-6-69-99 (дата обращения: 15.03.2025).

12. Зеер Э.Ф., Павлова А.М., Сыманюк Э.Э. Модернизация профессионального образования: компетентностный подход / гл. ред. Д.И. Фельдштейн. Москва : МПСИ, 2005. 216 с.

13. Зимняя И.А. Компетенция и компетентность в контексте компетентностного подхода в образовании // Иностранные языки в школе. 2012. № 6. С. 2–10.

14. Зимняя И.А., Мазаева И.А., Лаптева М.Д. Коммуникативная компетентность, речевая деятельность, вербальное общение / под ред. И.А. Зимней. Москва : Аспект Пресс, 2020. 400 с.

15. Степашкина Е.А., Суходоев А.К., Гужеля Д.Ю. Исследование профиля надпрофессиональных компетенций, востребованных ведущими работодателями при приеме на работу студентов и выпускников университетов и молодых специалистов / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. Москва : НИУ ВШЭ, 2022. 32 с.

16. Кандаурова А.В., Михайлова С.В. Роль надпрофессиональных компетенций в профессиональном развитии обучающихся // Вестник Нижневартовского государственного университета. Раздел: Педагогические науки. 2021. № 4 (56). С. 78–86. doi:10.36906/2311–4444/21–4/08

17. Комиссаров А.Г., Степашкина Е.А., Соболева О.Б., Гужеля Д.Ю., Селезнев П.С. Методология оценки надпрофессиональных компетенций в российских образовательных организациях. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. № 12 (6). С. 53–62. doi:10.26794/2226–7867-2022-12-6-53–62

18. Лебедев О.Е. Компетентностный подход в образовании // Школьные технологии. 2004. № 5. С. 3–12.

19. Мишин И.Н. Реализация проектной деятельности в системе студентоцентрированного обучения // Высшее образование в России. 2022. Т. 31, № 3. С. 140–151. doi:10.31992/0869-3617-2022-31-3-140-151

20. Нагорный Д.О., Щербаков С.М. Проектная деятельность в вузе: особенности, проблемы, технологии управления // Информатизация в цифровой экономике. 2021. Т. 2, № 4. С. 167–180. doi:10.18334/ide.2.4.113393

21. Пеша А.В. Надпрофессиональные компетенции и их значение в становлении специалиста // Современные исследования проблем управления кадровыми ресурсами : сборник научных статей V Международной научно-практической конференции (МИРЭА – Российский технологический университет). Ч. II (31 марта – 1 апреля 2020 г.) / отв. за вып. д.э.н., профессор Е.И. Данилина; ред. кол.: Т.Н. Родюкова, Д.Н. Суров, Л.С. Шепелева. Москва : Эдельвейс, 2020. С. 114–122. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43045835_74136483.pdf (дата обращения: 10.03.2025).

22. Севостьянов Д.А., Калошина Т.Ю., Гайнанова А.Р. Исследование целеполагания современных студентов // Профессиональное образование в современном мире. 2021. Т. 11, № 3. С. 33–41. doi:10.20913/2224–1841-2021-3-04

23. Тюрина Ю.А., Антончева О.А., Ляшко С.В. Надпрофессиональные компетенции в представлениях студентов вузов // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2024. Т. XXI, Вып. 2. С. 119–125.

24. Универсальные компетентности и новая грамотность: от лозунгов к реальности / под ред. М.С. Добряковой, И.Д. Фрумина ; при участии К.А. Баранникова, Н. Зиила, Дж. Мосс, И.М. Реморенко, Я. Хаутамяки. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 472 с.

25. Хуторской А.В. Компетентностный подход в обучении : научно-методическое пособие. Москва : Эйдос; Изд-во Института образования человека, 2013. 73 с.

26. Хуторской А.В. Методология инновационной практики в образовании : монография. Москва : Ридеро, 2021. 162 с.

27. Heckman J.J., Kauts T. Hard evidence on soft skills // Laboure Economics. 2012. Vol. 19, Iss. 4. P. 451–464.

28. Humburg M., Grip A. de, Velden R. van der. Which skills protect graduates against a slack labour market? // International labour review. 2017. Vol. 156(1). P. 25–43.

29. Levy F. How technology changes demand for human skills. Paris : OECD, 2010. URL: http://dx.doi.org/10.1787/5kmhds6czqzq-en (accessed: 10.03.2025).

30. Lippman L.H., Ryberg R., Carney R. [et al.] Workforce connections: key «soft skills» that foster youth workforce success: toward a consensus across fields. ChildTrends Publication, 2015. 56 p.

References

1. Abashkina O. Soft skills: klyuch k kar`ere. URL: http://www.pro-personal.ru/article/7811-soft-skills-klyuch-k-karere (accessed: 10.03.2025). (In Russ.).

2. Avvo B. V. Metodologiya kompetentnostnogo podxoda v vy`sshem obrazovanii // Pis`ma v Emissia.Offline. 2005. № 1. URL: http://www.emissia.org/offline/2005/978.htm (accessed: 12.03.2025). (In Russ.).

3. Ajbazova M.Yu., Ajbazova A.K., Karasova A.A. Formirovanie nadprofessional`ny`x kompetencij studentov v cifrovoj obrazovatel`noj srede // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarny`e issledovaniya. 2021. № 2 (31). C. 143–147. (In Russ.).

4. Antonova D.A., Ospennikova E.V. Metodologicheskie osnovy` produktivnogo obucheniya // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2020. № 6. S. 163–173. doi:10.26170/po20-06-19 (In Russ.).

5. Babina Yu.V. Nadprofessional`ny`e kompetencii: operacionalizaciya ponyatiya v kontekste paradigmy` sovremennogo obrazovaniya // Professional`noe obrazovanie v sovremennom mire. 2022. T. 12, № 3. S. 528–538. doi:10.20 913/2618‑7515‑2022‑3‑15 (In Russ.).

6. Bazarov T.Yu., Erofeev A.K., Shmelev A.G. Kollektivnoe opredelenie ponyatiya «kompetencii»: popy`tka izvlecheniya smy`slovy`x tendencij iz razmy`togo e`kspertnogo znaniya // Vestnik Moskovskogo universiteta, 2014. № 1. S. 87–102. (Seriya 14: Psixologiya). (In Russ.).

7. Berger P., Lukman T. Social`noe konstruirovanie real`nosti. Traktat po sociologii znaniya / per. s nem. E.D. Rutkevich. Moscow : Medium, 1995. 323 s. (In Russ.).

8. Vasil`eva A.M., Rak E.V. E`tapy` stanovleniya proektnoj deyatel`nosti v vuze // Ucheny`e zapiski OGU. Seriya: Gumanitarny`e i social`ny`e nauki. 2016. № 4 (73). S. 246–248. (In Russ.).

9. Golovina I.V., Paputkova G.A., Medvedeva T.Yu., Votincev A.V., Demidova N.N. Stanovlenie teoretiko-metodologicheskix podxodov k organizacii proektnoj deyatel`nosti v obrazovanii // Gumanitarny`e issledovaniya Central`noj Rossii. 2024. № 2 (31). S. 46–53. doi:10.24412/2541-9056-2024-231-46-53 (In Russ.).

10. D`yui D. Shkola i obshhestvo: rukovodstvo dlya prepodavatelej / per. s angl. G.A. Luchinskogo. Moscow : Gos. izd-vo, 1924. 174 s. (In Russ.).

11. Zeer E.F., Stepanova L.N. Akmeologicheskaya texnologiya prognozirovaniya individual`ny`x professional`no-orientirovanny`x traektorij razvitiya lichnosti studentov // Obrazovanie i nauka. 2023. T. 25, № 6. S. 69–98. https://doi.org/10.17853/1994-5639-2023-6-69-99 (accessed: 15.03.2025). (In Russ.).

12. Zeer E.F., Pavlova A.M., Symanyuk E.E. Modernizaciya professional`nogo obrazovaniya: kompetentnostny`j podxod / gl. red. D.I. Fel`dshtejn. Moscow : MPSI, 2005. 216 s. (In Russ.).

13. Zimnyaya I.A. Kompetenciya i kompetentnost` v kontekste kompetentnostnogo podxoda v obrazovanii // Inostranny`e yazy`ki v shkole. 2012. № 6. S. 2–10.(In Russ.).

14. Zimnyaya I.A., Mazaeva I.A., Lapteva M.D. Kommunikativnaya kompetentnost`, rechevaya deyatel`nost`, verbal`noe obshhenie ; pod red. I.A. Zimnej. Moscow : Aspekt Press, 2020. 400 s. (In Russ.).

15. Stepashkina E.A., Suxodoev A.K., Guzhelya D.Yu. Issledovanie profilya nadprofessional`ny`x kompetencij, vostrebovanny`x vedushhimi rabotodatelyami pri prieme na rabotu studentov i vy`pusknikov universitetov i molody`x specialistov / Nacional`ny`j issledovatel`skij universitet «Vy`sshaya shkola e`konomiki», Institut obrazovaniya. Moscow : NIU VShE`, 2022. 32 s. (In Russ.).

16. Kandaurova A.V., Mixajlova S.V. Rol` nadprofessional`ny`x kompetencij v professional`nom razvitii obuchayushhixsya // Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta. Razdel: Pedagogicheskie nauki. 2021. № 4 (56). S. 78–86. doi:10.36906/2311-4444/21-4/08 (In Russ.).

17. Komissarov A.G., Stepashkina E.A., Soboleva O.B., Guzhelya D.Yu., Seleznev P. S. Metodologiya ocenki nadprofessional`ny`x kompetencij v rossijskix obrazovatel`ny`x organizaciyax. Gumanitarny`e nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2022. 12 (6). C. 53–62. doi:10.26794/2226-7867-2022-12-6-53-62 (In Russ.).

18. Lebedev O.E. Kompetentnostny`j podxod v obrazovanii // Shkol`ny`e texnologii. 2004. № 5. S. 3–12. (In Russ.).

19. Mishin I.N. Realizaciya proektnoj deyatel`nosti v sisteme studentocentrirovannogo obucheniya // Vy`sshee obrazovanie v Rossii. 2022. T. 31. No. 3. S. 140–151. doi:10.31992/0869-3617-2022-31-3-140-151 (In Russ.).

20. Nagorny`j D.O., Shherbakov S.M. Proektnaya deyatel`nost` v vuze: osobennosti, problemy`, texnologii upravleniya // Informatizaciya v cifrovoj e`konomike. 2021. T. 2, № 4. S. 167–180. doi: 10.18334/ide.2.4.113393 (In Russ.).

21. Pesha A. V. Nadprofessional`ny`e kompetencii i ix znachenie v stanovlenii specialista // Sovremenny`e issledovaniya problem upravleniya kadrovy`mi resursami: Sbornik nauchny`x statej V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (MIRE`A – Rossijskij texnologicheskij universitet). Chast` II (31 marta – 1 aprelya 2020 g.) / otv. za vy`P. d.e`.n., professor E.I. Danilina ; red. kol.: T.N. Rodyukova, D.N. Surov, L.S. Shepeleva. Moscow : E`del`vejs, 2020. S. 114–122. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43045835_74136483.pdf (accessed: 10.03.2025). (In Russ.).

22. Sevost`yanov D.A., Kaloshina T.Yu., Gajnanova A.R. Issledovanie celepologaniya sovremenny`x studentov // Professional`noe obrazovanie v sovremennom mire. 2021. T. 11, № 3. S. 33–41. doi:10.20913/2224-1841-2021-3-04 (In Russ.).

23. Tyurina Yu.A., Antoncheva O.A., Lyashko S.V. Nadprofessional`ny`e kompetencii v predstavleniyax studentov vuzov // Social`ny`e i gumanitarny`e nauki na Dal`nem Vostoke. 2024. T. XXI, Vy`p. 2. S. 119–125. (In Russ.).

24. Universal`ny`e kompetentnosti i novaya gramotnost`: ot lozungov k real`nosti / pod red. M.S. Dobryakovoj, I.D. Frumina ; pri uchastii K.A. Barannikova, N. Ziila, Dzh. Moss, I. M. Remorenko, Ya. Xautamyaki. Moscow : Izd. dom Vy`sshej shkoly` e`konomiki, 2020. 472 c. (In Russ.).

25. Hutorskoj A.V. Kompetentnostny`j podxod v obuchenii. Nauchno-metodicheskoe posobie. Moscow : E`jdos; Izd-vo Instituta obrazovaniya cheloveka, 2013. 73 s. (In Russ.).

26. Hutorskoj A.V. Metodologiya innovacionnoj praktiki v obrazovanii. Monografiya. Moscow : Ridero, 2021. 162 s. (In Russ.).

27. Heckman J.J., Kauts T. Hard evidence on soft skills // Laboure Economics. 2012. Vol. 19, Iss. 4. P. 451–464.

28. Humburg M., Grip A. de, Velden R. van der. Which skills protect graduates against a slack labour market? / International labour review. 2017. Vol. 156(1). P. 25–43.

29. Levy F. How technology changes demand for human skills. Paris : OECD, 2010. URL: http://dx.doi.org/10.1787/5kmhds6czqzq-en (accessed: 10.03.2025).

30. Lippman L.H., Ryberg R., Carney R. [et al.] Workforce connections: key «soft skills» that foster youth workforce success: toward a consensus across fields. ChildTrends Publication, 2015. 56 p.

Информация об авторах

Ю.А. Тюрина – доктор социологических наук, доцент;
О.А. Антончева – кандидат политических наук, доцент;
С.В. Ляшко – кандидат социологических наук, доцент.

Information about the authors

Y.A. Tyurina is Doctor of Sciences (Sociology), Assistant Professor;
O.A. Antoncheva is Candidate of Political Science, Assistant Professor;
S.V. Lyashko is Candidate of Science (Sociology), Assistant Professor.

Статья поступила в редакцию 04.04.2025; одобрена после рецензирования 28.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.
The article was submitted 04.04.2025; approved after reviewing 28.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2025. Т. XXII, Вып. 2. С. 19–24
The Humanities and Social Studies in the Far East. 2025. Vol. XXII, Is. 2. P. 19–24

Научная статья
УДК 316
doi:10.31079/1992-2868-2025-22-2-19-24

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТУДЕНТОВ: ОПЫТ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «ДРУЖЕЛЮБНЫЙ ЦЕНТР СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ»

Ирина Анатольевна Гареева

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, gar_ia@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3764-7073

Аннотация. В статье рассмотрены практические вопросы внедрения проектной деятельности в рамках образовательного процесса в вузе в целях формирования профессионального, научного и предпринимательского направлений развития студентов, а также практической востребованности конкретного проекта. Представлены результаты исследования проектной работы студентов, осуществленной по техническому заданию учреждения социальной защиты. Представлен опыт по реализации мероприятий различной направленности в рамках проектной деятельности и сделаны выводы, что в большей степени активность студентов отмечается в профессиональном направлении развития и формирования компетенций. Сделаны выводы, что в процессе обучения необходимо привлекать студентов к исследовательской, инновационной и проектной деятельности.

Ключевые слова: проектная деятельность, обучающиеся, профессиональная подготовленность, практико-ориентированная деятельность

Original article

STUDENTS' PROJECT ACTIVITIES: EXPERIENCE IN IMPLEMENTING THE FRIENDLY SOCIAL SUPPORT CENTER PROJECT

Irina A. Gareeva

Pacific State University, Khabarovsk, Russia, gar_ia@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3764-7073

Abstract. The article discusses the practical issues of integrating project activities within the educational process at universities, focusing on the goals of shaping professional, scientific, and entrepreneurial development paths for students, as well as the practical relevance of a specific project. The results of a study on students' project work, carried out according to the technical specifications of the social protection institution, are presented. The article shares experiences from implementing various activities within the framework of project activities and concludes that students engagement is particularly notable in the professional development and competency formation areas. It is emphasized that in educational process it is necessary to involve students in research, innovation and project activities.

Keywords*:* project activities, students, professional training, practice-oriented activities

Введение

В современных условиях цифровизации и быстрой смены технологий традиционная модель высшего образования становится маловостребованной. В этой связи актуальной является проблема перехода от концепции профессиональной подготовки к концепции развития личности, которая может выстраивать и реализовывать траекторию персонального профессионального и карьерного развития [1; 8]. Такой подход предполагает три основных направления: профессиональное, научное и предпринимательское.

Основными направлениями, нацеленными на формирование и развитие профессиональных компетенций, выступают профессиональная и практико-ориентированная деятельность. Участие в проектной деятельности дает возможность студентам приобретать дополнительные знания, умения и реальный практический опыт. Проектное обучение в таком формате позволяет в ближайшие годы встраивать студенческие проектные группы в коллективы, работающие над проектами в области фундаментальных и прикладных исследований важнейших направлений науки и техники [2; 7].

Таким образом, актуальными становятся вопросы исследования проектной деятельности и ее практической реализации как инструмента профессионального развития студентов. Целью статьи является определение роли проектной деятельности в профессиональном развитии, анализ опыта ее внедрения на примере конкретного учреждения.

© Гареева И.А., 2025

Основная часть

В настоящее время проектной работе в образовании уделяется значительное внимание как в научной литературе, так и практике управления образовательной деятельностью [3; 9]. Способность обучающихся к проектной деятельности является одним из результатов обучения, который соответствует ряду универсальных и общепрофессиональных компетенций, сформированных в результате обучения в вузе. Проектную деятельность можно рассматривать как технологию, позволяющую глубже освоить методы профессиональной деятельности в процессе обучения. И наконец, проектная деятельность позволяет усилить научно-технический и инновационный компоненты работы образовательного учреждения [4; 10]. Основная цель проектной деятельности в вузе – образовательная. Но, вместе с тем, проектная деятельность обеспечивает развитие исследовательской и познавательной деятельности студентов, умение планировать, алгоритмизировать свою деятельность, получать результаты. Проектная деятельность способствует формированию компетентности студента, умения решать профессиональные задачи и готовности к своей дальнейшей профессиональной деятельности.

Методика организации проектной деятельности по своей структуре является системой, которая включает в себя три блока: управленческий, организационно-процессуальный и содержательный. Метод проектов по своему содержанию предполагает обучение через деятельность [5; 6].

На управленческом этапе руководителем проектной деятельности озвучивается проблема, которую предполагается решить при реализации проекта. Руководитель мотивирует участников проекта обсудить в нужном направлении идеи, которые соответствуют теме проекта, предмету, целям и задачам. На этом этапе деятельность руководителя проекта осуществляется на уровне сотрудничества (субъект-субъектные отношения).

В основу организационно-процессуального этапа положена идея о том, что проект выступает как процесс, как деятельность, инициированная определенной проблемой, имеет конкретный порядок действий, включая разработку, выполнение и воплощение проектного замысла, который приводит к конкретному результату.

В реализации проекта предусмотрены определенные стадии: мотивация студенческой деятельности; актуализация идеи среди потенциальных участников; обсуждение интересов участников проекта и их роли в данном проекте; формирование рабочих групп; реализация проекта; представление результатов и защита проекта.

Студентами направления подготовки «Социальная работа» был реализован проект «Дружелюбный центр социальной поддержки». К реализации проекта студенты приступили после поступления технического задания. На встрече участников проекта и кураторов были сформулированы проблемы, поставлены задачи и озвучены ожидаемые результаты. Рабочей площадкой для реализации проекта послужили центры и отделы поддержки населения регионального министерства социальной защиты. Для того чтобы приступить к работе над проектом, студентам необходимо было проанализировать работу центров и отделов. Руководителями учреждений для студентов – участников проекта были организованы экскурсии. В ходе реализации проекта исследования проводились на базе данных учреждений.

Исходя из технического задания были сформулированы цель, задачи и программа исследования.

Содержание технического задания – определить удовлетворённость граждан качеством услуг, оказываемых учреждениями социальной поддержки населения.

Цель проекта – выявить недочеты и достоинства работы центров поддержки населения и предложить варианты улучшения работы. Выявить критерии «дружелюбности» учреждений.

Задачи проектной деятельности:

– создать проектную команду;

– разработать программу исследования и инструментарий (интервью для сотрудников центра и клиентов);

– провести исследование;

– составить аналитическую записку по результатам проведенного исследования;

– предложить необходимые мероприятия для улучшения деятельности.

Была создана проектная группа, а затем и проектная команда. Команда состояла из студентов второго-третьего курса, обучающихся по направлению подготовки «Социальная работа». Руководителями проекта стали преподаватели и их помощники из числа активных студентов. Кураторами данного проекта были руководители учреждений.

На организационно-процессуальном этапе студенты изучили понятия «социальная уязвимость», «социальная поддержка», ознакомились с нормативными документами, Региональным социальным стандартом и стандартом «Государство для людей».

Понятие «социальная уязвимость» может трактоваться как в широком, так и в узком смысле. Социальная уязвимость – это уязвимость перед многочисленными стрессорами и потрясениями, с кото-

рыми может столкнуться человек или социальная группа (семья). В более узком смысле под социальной уязвимостью понимается неспособность людей, организаций и обществ противостоять неблагоприятным воздействиям множества факторов.

В современной России создана и функционирует система социальной защиты, призванная оказывать эффективную социальную помощь людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию. Одной из форм социальной защиты в РФ является социальная поддержка.

Социальная поддержка – это форма выражения социальной политики государства, направленная на оказание социальной помощи нуждающимся гражданам. В современном обществе социальная поддержка необходима тем группам населения, которые по разным причинам не имеют постоянного дохода для того, чтобы вести достойный человека образ жизни. К таким группам мы можем отнести инвалидов, пенсионеров, безработных и других людей, которые не могут удовлетворить свои базовые потребности и нуждаются в материальной и физической помощи.

Следующий этап – практический – предусматривал посещение проектной командой центра поддержки населения с целью ознакомления с ежедневной работой сотрудников и изучения внутренней среды учреждения. Для более полного исследования работы центра помощь в реализации проекта и консультативную поддержку оказывала сертифицированный сервис-дизайнер края, поэтому исследование было построено с учетом методологии сервис-дизайна.

В ходе реализации проекта было подготовлено несколько промежуточных отчетов, а основные результаты были отражены в аналитической справке.

Так, в ходе реализации проекта было установлено, что отдел социальной поддержки населения находится в двух кварталах от автобусной остановки. При подходе к отделу отсутствует навигационный указатель, на входе имеются пандус и кнопка вызова персонала для помощи маломобильным гражданам. Подъезд ко входу в отдел узкий, на въезде припаркованы автомобили, которые мешают проезду социального транспорта (социальное такси).

В холле отдела расположена стойка администратора, гостевой компьютер, 4 посадочных места, информационный стенд, информационное табло, а также терминал электронной очереди.

Прием граждан осуществляется в понедельник, вторник и четверг – эти дни считаются приёмными. Работа с документами осуществляется сотрудниками по средам и пятницам. Если в эти дни приходят посетители, сотрудники отдела находят возможность предоставить им необходимые услуги.

В центре имеются 8 кабинетов для приема граждан, в трех из них ведется прием, над каждым кабинетом расположен монитор электронной очереди, рядом два мягких посадочных места, столик для документов. Двери кабинетов оборудованы табличками со шрифтом Брайля. Имеется слуховой аппарат для слабослышащих, также оборудован детский уголок.

Уже при первом посещении отдела, несмотря на удобство расположения учреждения и комфортную среду, рабочей группой было предложено несколько рекомендаций для повышения уровня дружелюбности и клиентоориентированности центра. Так, гражданин, впервые посетивший центр, может столкнуться с определенными трудностями, так как в здании расположено несколько учреждений и имеется два входа – с фасада и тыльной стороны здания. Подход к центру загорожен автомобилями, а информационное табло находится непосредственно на входе учреждения. Чтобы люди не сталкивались с данной проблемой, необходимо возле или на торце здания, где находится центр, установить навигационные стрелки/указатели (и лучше световые) для понимания, в каком направлении посетителю следует двигаться.

В самом отделе присутствует комфортная среда. Однако в холле учреждения отсутствуют стойки для одежды посетителей и кулер с водой. Сама процедура получения услуги довольно простая и понятная – никаких трудностей не возникает.

В ходе реализации проекта в качестве «минуса» или критерия недружелюбности центра проектная команда указала на нечитабельный текст на информационных стендах, размещенных в холле. В качестве рекомендации было предложено шрифт и текст на информационном стенде сделать более объемными, яркими и привлекательными для ознакомления.

Особое внимание, по мнению участников проектной группы, следует уделить навигационным указателям на входе в учреждения. Подобные навигационные указатели целесообразно было бы установить и в помещении учреждения (так, например, не все посетители после визита к специалисту смогут быстро найти выход из учреждения или санузел).

Следующим этапом работы проектной команды стала разработка анкет для интервью и его проведение. Рабочей группой было проведено интервьюирование клиентов учреждения и сотрудников. Для проведения интервьюирования клиентов руководством учреждения был выделен один приемный день.

В интервьюировании клиентов приняли участие 5 женщин и 7 мужчин. Возраст респондентов 42–87 лет. В ходе интервьюирования респондентам было задано 9 вопросов.

Чаще всего клиенты данного учреждения получали информацию о необходимых услугах через своих знакомых (старшая возрастная группа), более молодые пользовались интернетом. В ходе интервьюирования были определены наиболее частые причины обращений клиентов в центр – получение субсидий на оплату ЖКУ и необходимых справок. Респонденты указали, что для получения различных социальных услуг они имеют опыт обращения в МФЦ или ПФР (на данный момент – Социальный фонд). Практически все респонденты были удовлетворены качеством работы сотрудников учреждения. Все респонденты достаточно информированы и при посещении имели сформированные намерения получения той или иной услуги, необходимый пакет документов, некоторые были предварительно проконсультированы и записаны на прием.

В качестве положительных моментов респонденты отметили достаточную квалификацию сотрудников центра, деловую рабочую обстановку и уютное помещение.

В качестве «минусов» клиенты указали на необходимость посещения центра для получения услуги, что может быть связано с опытом пандемии, когда услуги учреждения оказывались дистанционно. Поступили предложения об увеличении штата, организации записи на прием по телефону.

Анализ интервьюирования клиентов учреждения позволил сформулировать следующие выводы: профессионализм сотрудников и вежливость при общении с клиентами; оправданные ожидания в получении социальной услуги; приятное впечатление при нахождении в центре; быстрое обслуживание и грамотный персонал; трудности добраться до отдела, особенно маломобильным группам населения; мало кабинетов, в которых осуществляется прием клиентов; долгий ответ от учреждения, если требуются какие-либо уточнения; недостаточное количество дней для приема клиентов.

В ходе интервью клиентами учреждения были озвучены предложения о возможных изменениях в деятельности отдела: увеличить число менеджеров на входной зоне учреждения, так как один специалист не всегда справляется; обеспечить возможность оформления субсидий, не выходя из дома; больше пространства; увеличить численность персонала; сократить срок от момента обращения до момента приема; сделать более доступной запись по телефону. В целом, острые негативные отзывы по организации работы учреждения отсутствовали, а замечания и предложения по изменению работы центра позволили бы повысить уровень его дружелюбности.

Следующий этап реализации проекта – проведение интервьюирования сотрудников. Сотрудники учреждения указали: что работают в доброжелательном коллективе; испытывают позитивные эмоции от работы, хотя не отрицают, что элементы профессионального выгорания присутствуют; отмечают хорошее техническое оснащение, что делает работу более эффективной, наличие обратной связи от руководителя.

В качестве изменений в организации деятельности отдела сотрудниками были указаны: ускорить ответы на межведомственные запросы; внести технические изменения в программный комплекс; получать консультативно-квалифицированные ответы при работе с нормативно-правовыми документами; закрыть прием посетителей или сократить количество приемных дней до минимума; увеличить заработную плату; организовать предварительную запись на прием за месяц; ввести электронный оборот документов, что позволит минимизировать работу с бумажными квитанциями.

Со стороны сотрудников отдела было озвучено достаточно много предложений о том, чего не хватает и что тормозит работу. И если была бы возможность учесть все (или бóльшую часть) предложений от клиентов и сотрудников, то работа отдела была бы намного оперативнее и качественнее, что привело бы к удовлетворенности от получения услуг у клиентов и более качественному выполнению сотрудниками своих профессиональных функций.

Одной из задач проектной команды являлось проведение «контрольной закупки» – «тайный клиент» в одном из отделов социальной поддержки города, где необходимо было оценить его внешний вид, обустройство и удобство для посетителей, выявить «плюсы» и «минусы» его работы посредством беседы с клиентами учреждения и обращения к сотруднику отдела, провести анализ, сравнить с деятельностью других отделов и разработать предложения по улучшению работы. Несмотря на «тайное» посещение, в деятельности отделов было обнаружено много схожего. На основании проведенной работы участники проектной группы сформулировали критерии дружелюбности социального учреждения:

– среда, ориентированная на потребности клиента;

– среда, ориентированная на реализацию прав клиентов;

– среда, ориентированная на нужды персонала учреждения;

– среда, обеспечивающая безопасность и защиту для всех участников социального взаимодействия.

В ходе реализации проекта «Дружелюбный центр социальной поддержки населения» проектной группой был сформулирован основной принцип дружелюбности – принцип трех «О» – открытость, оперативность, отзывчивость.

Таким образом, в результате реализации проекта проектной группой были разработаны рекомендации и предложения по улучшению деятельности отдела социальной поддержки:

– создать более эффективную связь межведомственного взаимодействия;

– создать колл-центр по вопросам предоставления мер социальной поддержки;

– установить кулеры с водой для посетителей, а также гардеробные элементы;

– разместить на сайте учреждения ссылки на картографические ресурсы, чтобы посетителям, которые хотят записаться на прием, проще было ориентироваться, где территориально находится отдел, и выстроить маршрут;

– организовать лабораторию студенческого офиса «Независимая социальная экспертиза» для эффективной реализации подобных проектов и проведения различных исследований, касающихся социальной сферы жизни края.

Важным предложением является создание лаборатории студенческого офиса «Независимая социальная экспертиза». Студенческий офис предназначен для расширения круга компетенций студентов и получения опыта практической деятельности. Студенты могут быть консультантами в вопросах социального обеспечения, социальной защиты и поддержки, а также консультантами, координаторами по социальным вопросам.

Деятельность студенческого офиса будет осуществляться под кураторством опытных сотрудников министерства социальной защиты, центров социальной поддержки населения, центров социальной поддержки семьи и детей, центров занятости и преподавателями вуза. Социальные учреждения могут обращаться с запросами на проведение научных исследований, а студенты оказывать помощь в организации и проведении научно-исследовательской деятельности. Для обучающихся расширяются возможности для прохождения практик (ознакомительной, технологической, производственной, преддипломной), погружения в исследовательскую и проектную деятельность, в частности при реализации подобных проектов. Начиная уже со второго курса студенты, не отвлекаясь от учебной деятельности, смогли бы погружаться в будущую профессиональную деятельность, тем самым профессионально социализироваться. Подобная деятельность могла бы быть взаимовыгодной, так как студенческий офис и проектные команды способны оперативно проводить научные исследования и реализовывать проектные задачи. Сотрудники учреждений могли бы осуществлять подбор молодых кадров.

Основные задачи студенческого офиса:

– осуществление постоянного мониторинга деятельности социальных учреждений;

– мониторинг количества и качества востребованных социальных услуг;

– разработка методологии предоставления социальных услуг;

– реализация грантовых проектов;

– осуществление набора волонтеров для нужд социальных учреждений;

– проведение различных социальных акций.

Заключение

Таким образом, цель проекта была реализована, задачи выполнены. Результаты работы по данному проекту свидетельствуют, что центр социальной поддержки является дружелюбным, так как в нем реализованы все критерии дружелюбности, разработанные проектной группой, а деятельность учреждения соответствуют Региональному стандарту и стандарту «Государство для людей».

Необходимо отметить, что периодическое проведение подобных исследований позволит социальным учреждениям быть «дружелюбными» и качественно предоставлять социальные услуги населению.

По результатам анализа студенческой проектной деятельности были выделены основные проблемы:

– недостаточность информационного обеспечения. Студенты имеют мало информации о проектах практической направленности;

– проблема организации рабочей группы связана с тем, что студентов принуждают участвовать в научной деятельности;

– отсутствие контроля над проектной деятельностью, если проект выполняется вне рамок гранта;

– сложность совмещения проектной деятельности с учебой. Проектная работа отнимает много времени и практически не совпадает с жестко зафиксированными учебными планами и рабочими программами дисциплин, а участие студентов в проектной деятельности слабо отражается на успеваемости.

Перспективы развития студенческой проектной деятельности заключаются в совершенствовании системы проектной деятельности в вузе, связанной с интеграцией в учебный процесс, охватом студентов и преподавателей проектной работой и оценкой эффективности проектной работы.

Список источников

1. Никулина Ю.Н. Проектная деятельность как инструмент профессионального и карьерного развития выпускников // Экономика труда. 2022. Т. 9, № 7. С. 1133–1146.

2. Рыжова Н.В. Роль образовательной организации в подготовке студентов к построению карьерной траектории на современном рынке труда // Кадровый потенциал инновационного развития : II Международная научно-практическая конференция (Москва, 10 ноября 2021 г.) / Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет). Москва : Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2022. С. 177–180.

3. Косенок С.М., Безуевская В.А. Проектное управление в университете – ответ на вызовы времени // Экономика, предпринимательство и право. 2019. № 4. С. 595–604.

4. Ефремова П.В. Показатели оценки эффективности развития инновационной деятельности вузов // Вопросы инновационной экономики. 2019. № 3. С. 989–1010.

5. Гарас Л.Н. Метод проектов в высшей школе // Информационные и коммуникативные технологии, проектная деятельность в образовательном и информационно-коммуникативном процессе: опыт и перспективы : сборник научных статей по материалам III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Севастополь, 2020. С. 165–168.

6. Чурсин А.А. Основные подходы к созданию методологии управления проектной деятельностью в условиях неопределенности в целях обеспечения технологической независимости приоритетных отраслей экономики России // Экономическая безопасность. 2024. Т. 7, № 6. С. 1447–1460.

7. Куклина М.В. Анализ внедрения проектного обучения в российских вузах // Современные проблемы науки и образования. 2021. № 6. С. 62.

8. Вылегжанина С.Ю. Опыт реализации проектной деятельности в вузе: проблемы и пути решения / С.Ю. Вылегжанина // Вестник Марийского государственного университета. 2019. Т. 13, № 2(34). С. 153–160.

9. Кутрунова З.С. Оценка эффективности проектной деятельности студентов технического вуза // Мир науки. Педагогика и психология. 2024. Т 12, № 5. С. 33.

10. Муллер О.Ю. Теоретические и практические аспекты внедрения проектного обучения в вузе // Гуманитарно-педагогические исследования. 2021. Т. 5, № 1. С. 6–9.

References

1. Nikulina Yu.N. Project activity as a tool for professional and career development of graduates // Labor economics. 2022. Vol. 9, no. 7. P. 1133–1146. (In Russ.).

2. Ryzhova N.V. The role of an educational organization in preparing students to build a career trajectory in the modern labor market // Personnel potential of innovative development : II International Scientific and Practical Conference (Moscow, November 10, 2021) / Bauman Moscow State Technical University (National Research University). Moscow : Publishing House of the Bauman Moscow State Technical University, 2022. P. 177–180. (In Russ.).

3. Kosenok S.M., Bezeevskaya V.A. Project management at the university a response to the challenges of the time // Economics, Entrepreneurship and Law. 2019. No. 4. P. 595–604. (In Russ.).

4. Efremova P.V. Indicators for assessing the effectiveness of the development of innovative activities of universities // Issues of innovative economics. 2019. № 3. P. 989–1010. (In Russ.).

5. Garas L.N. The method of projects in higher education // Information and communication technologies. project activity in the educational and information and communication process: experience and prospects : collection of scientific articles based on the materials of the III All-Russian Scientific and Practical conference with international participation. Sevastopol, 2020. P. 165–168. (In Russ.).

6. Chursin A.A. Basic approaches to the creation of a methodology for project management in conditions of uncertainty in order to ensure the technological independence of priority sectors of the Russian economy // Economic security. 2024. Vol. 7, no. 6. P. 1447–1460. (In Russ.).

7. Kuklina M.V. Analysis of the implementation of project-based learning in Russian universities // Modern problems of science and education. 2021. No. 6. P. 62. (In Russ.).

8. Vylegzhanina S.Y. The experience of implementing project activities in higher education institutions: problems and solutions // Bulletin of the Mari State University. 2019. Vol. 13, no. 2(34). P. 153–160. (In Russ.).

9. Kutrunova Z.S. Evaluation of the effectiveness of project activities of technical university students // The world of science. Pedagogy and psychology. 2024. Vol. 12, no. 5. P. 33. (In Russ.).

10. Muller O.Y. Theoretical and practical aspects of the implementation of project-based learning in higher education // Humanitarian and pedagogical research 2021. Vol. 5, no. 1. P. 6–9. (In Russ.).

Информация об авторе

И.А. Гареева – доктор социологических наук, доцент.

Information about the author

I.A. Gareeva is Doctor of Sciences (Sociology), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 07.04.2025; одобрена после рецензирования 28.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.
The article was submitted 07.04.2025; approved after reviewing 28.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2025. Т. XXII, Вып. 2. С. 25–30
The Humanities and Social Studies in the Far East. 2025. Vol. XXII, Is. 2. P. 25–30

Научная статья
УДК 378.018.54
doi:10.31079/1992-2868-2025-22-2-25-30

СИСТЕМА ПРОФОРИЕНТАЦИОННОЙ РАБОТЫ В ВУЗЕ НА ПРИМЕРЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

Ирина Михайловна Донкан[1, 2], **Лилия Валерьевна Синицына**[3]
[1, 3]Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия
[2]Институт повышения квалификации специалистов здравоохранения, Хабаровск, Россия, donkan-irina@yandex.ru
[3]Sinicina.liliya@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается система работы по профориентации в ФГБОУ ВО «ДВГУПС» – старейшем транспортном вузе Азиатско-Тихоокеанского региона. Университет сохраняет лучшие традиции подготовки российских инженеров на Дальнем Востоке и является ярким примером в использовании самых новых, передовых в этом направлении средств и форм работы, что позволяет обеспечивать набор абитуриентов для поступления в вуз с целью подготовки специалистов для транспортной отрасли. Это связано с тем, что серьезные перемены, происходящие в настоящее время в обществе (в том числе в экономической, социальной, политической, технологической и других сферах) требуют реформирования не только образовательных подходов, программ, но и поиска новых форм, методов, приемов для эффективной профессиональной ориентации школьников.

Ключевые слова: профориентация, образование, абитуриент, транспортный вуз, транспортная отрасль, программы, подходы, методы обучения

Original article

THE SYSTEM OF CAREER GUIDANCE AT THE UNIVERSITY ON THE EXAMPLE OF DVGUPS

Irina M. Donkan[1, 2], **Lilia V. Sinitsyna**[3]
[1, 3]Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia
[2]Postgraduate Institute for Public Health Workers, Khabarovsk, Russia, donkan-irina@yandex.ru
[3]Sinicina.liliya@yandex.ru

Abstract. The article examines the system of career guidance at FESTU, using the example of the oldest transport university in the Asia-Pacific region. The University preserves the best traditions of training Russian engineers in the Far East and is a prime example in the use and application of the latest, most advanced tools and methods in this area, which makes it possible to recruit applicants for admission to the university in order to train specialists for the transport industry. This is due to the fact that the serious changes currently taking place in society (including in the economic, social, political, technological spheres, etc.) require reforming not only educational approaches and programs, but also the search for new forms, methods, and techniques for effective professional orientation of schoolchildren.

Keywords: career guidance, education, entrant, transport university, transport industry, programs, approaches, teaching methods

Введение

Реформирование в сфере высшего образования нашей страны, наряду с быстро развивающимся рынком труда, приводит к коренным изменениям в профориентационной работе вузов. Сегодня одной из ключевых задач системы образования становится подготовка молодежи к выбору профессии и обеспечению успешной профессиональной жизни. Эффективность образовательной системы, включая университеты, техникумы и колледжи, измеряется качеством подготовки специалистов и процентом выпускников, трудоустроившихся по своей специальности в первый год после завершения учебы.

Вузы вынуждены адаптировать свои программы к быстро меняющимся требованиям рынка труда. В этом процессе необходимо создать гибкую систему, сосредоточенную на учащемся, который постоянно взаимодействует с вопросами выбора профессии и строит свою образовательную траекторию. Важную роль в этом играет профориентация молодежи, помогающая выявить профессиональные интересы, способности и оценить реальные возможности освоения различных профессий [5: с. 3].

В настоящее время вопросы системы профориентационной работы отражены в ряде стратегических документов федерального уровня. Один из

© Донкан И.М., Синицына Л.В., 2025

них – национальный проект РФ «Образование», который предполагает внедрение новых подходов к профориентации школьников.

Согласно Рекомендациям ЮНЕСКО 1974 г., профориентация рассматривается как непрерывный и важный процесс в сфере образования, который помогает каждому человеку сделать осознанный выбор в отношении своего обучения и профессиональной деятельности [5].

Профессиональная ориентация, согласно распространенному определению, представляет собой систему научно обоснованных мероприятий. Эти мероприятия направлены на подготовку молодежи к выбору профессии с учетом их личных особенностей и текущей социально-экономической ситуации на рынке труда [5].

Ключевыми характеристиками профориентации являются:

1. Система государственных мероприятий, направленная на эффективное использование кадров.

2. Акцент на комплексный подход, основанный на данных различных дисциплин: экономики, психологии, педагогики и др.

3. Учет трех основных условий, влияющих на эффективность профориентации: потребностей и мотивации личности, ее способностей и потребностей рынка труда в разных профессиональных сферах.

4. Активное взаимодействие, формирующее личность через учет ее жизненного опыта.

Профориентационная деятельность направлена на решение следующих задач:

1. Гарантии социальной свободы в выборе профессии и путей самореализации.

2. Обеспечение согласованности между профессиональными интересами, психологическими характеристиками личности и актуальными возможностями рынка труда.

3. Оценка перспектив успешности в выбранной профессиональной сфере.

4. Поддержка развития профессионализма как основы для удовлетворенности работой и раскрытия индивидуального потенциала [2].

С момента распада Советского Союза до сегодняшних дней изменились формы и методы профориентационной деятельности. Современные инновационные технологии, такие как виртуальная реальность, мобильные приложения и онлайн-платформы, значительно обогащают процесс профориентации, делая его более привлекательным для молодежи. Эти технологии предлагают уникальные визуализации и интерактивные возможности для изучения различных профессий и получения практического опыта. Однако традиционные методы, такие как тестирования и консультации, продолжают оставаться востребованными и эффективными, подчеркивая важность личного общения и наставничества в процессе выбора карьерного пути [6]. Актуальными являются элективные ориентационные курсы, а также разнообразные средства профильной ориентации в предпрофильной подготовке школьников [10].

Профориентация помогает выявить наиболее подходящие варианты занятий или учебного направления с учетом индивидуальных качеств, способностей и интересов человека [6].

Важным моментом является изменение мышления, что отражается в теории поколений, указывающей на эволюцию ценностей и взглядов у разных возрастных групп. Каждое поколение обладает своими уникальными предпочтениями и подходами к трудовой деятельности. Растет осознание необходимости заниматься тем, что вызывает личный интерес.

В настоящее время традиционные методы профориентации остаются актуальными, опираясь на проверенные инструменты для выявления личных интересов, способностей и ценностей. Обычно это включает индивидуальные консультации и взаимодействие с профессионалами из различных отраслей, что способствует осознанному выбору карьерного пути.

Традиционный подход к выбору карьеры основывается на проверенных методах. Акцент делается на тех, которые помогают определить карьерные цели и направления. В настоящее время в профориентации учащихся используются следующие основные методы:

1. Тесты и опросники. Это удобные инструменты, которые помогают выявить интересы, навыки и личные качества у молодежи. Они показывают, в каких областях у них больше шансов добиться успеха.

2. Консультации и встречи с экспертами. Это возможность молодежи пообщаться с профессионалами, получить полезные советы по выбору профессии.

3. Анализ рынка труда. Изучение текущих тенденций на рынке профессий, которые наиболее актуальны и сейчас востребованы в обществе. Специалисты делятся информацией о сферах, которые могут быть перспективными для карьеры.

4. Изучение профессий. Это важный процесс, когда молодежь собирает информацию о различных специальностях, их задачах и о том, как они могут развиваться в карьере.

5. Стажировки и практики. Это возможность накапливать и закреплять практический опыт в определенной сфере, что помогает учащимся понять, подходят ли им данные навыки и интересы.

6. Образовательные программы. Это курсы, которые помогают приобретать новые знания и навыки, соответствующие интересам молодежи.

Сегодня самостоятельная профориентация набирает популярность, когда люди сами исследуют свои интересы и цели. В этом помогают онлайн-сервисы с профориентационными тестами, которые предоставляют быстрые результаты.

Изменения на рынке труда, отраженные в проекте «Атлас новых профессий», показывают появление новых направлений и эволюцию необходимых навыков. Появились новые специальности, связанные с информационными технологиями, такие как специалист по данным, аналитик больших данных, специалист по кибербезопасности и др. В то же время профессии, связанные с традиционным производством, теряют популярность, хотя такие профессии, как врач и учитель, остаются актуальными. Мы также наблюдаем, как некоторые профессии устаревают из-за автоматизации. В будущем ожидается исчезновение таких профессий, как токарь и бухгалтер [6].

Развитие профориентации привело к появлению новой научной дисциплины – профориентологии, которая изучает факторы формирования личности на пересечении философии, психологии и педагогики [8].

Симоненко В.Д. утверждает, что профориентация является педагогической дисциплиной по методам, социальной по содержанию, экономической по результатам и государственной по организации процесса [9].

Государство несет ответственность за организацию эффективной профориентации в образовательных учреждениях, создавая специальные структуры для этой цели. Видение российской системы профориентации отражено в стратегических документах, включая Национальный проект «Образование», который нацелен на раннюю профориентацию детей и молодежи.

В рамках проекта «Современная школа» разрабатываются программы, отвечающие современным образовательным требованиям. Федеральные проекты, такие как «Проектория» и «Билет в будущее», предлагают школьникам участвовать в решении реальных технологических задач, связанных впоследствии с выбором профессии, осуществляя предварительное диагностическое тестирование учащихся, после которого они могут принять участие в профессиональных пробах [1].

Школьные проекты находят свое продолжение в молодежных инициативах и программах. В рамках проектов Федерального агентства по делам молодёжи (Росмолодежь) молодым людям помогают определиться со специализацией, получить необходимые навыки и компетенции и найти работу.

На региональном и муниципальном уровнях для реализации целей национальных и федеральных проектов задействованы механизмы целевых программ [6].

Система мероприятий в области профориентации включает разнообразные формы, каждая из которых имеет свои уникальные цели и содержание.

К основным элементам профориентационной работы относятся профессиональное просвещение (включающее информацию о профессиях и их популяризацию), профессиональные консультации, а также профессиональный отбор.

Профориентационные мероприятия могут быть организованы в различных форматах в зависимости от числа участников.

1. Индивидуальные: нацелены на конкретного обучающегося, такие как: личные беседы или индивидуальные тестирования.

2. Групповые: предполагают работу с группами, включая уроки, игры, обсуждения, семинары и тренинги.

3. Массовые: охватывают большое количество участников, например муниципальные мероприятия по профессиональной информации и ярмарки учебных мест.

По способу подачи информации профориентационные формы делятся :

1) на словесные: конференции, лекции, обсуждения профессий, работа с литературой и справочными материалами;

2) визуальные: демонстрация видеороликов и фильмов, использование наглядных пособий, различных таблиц и стендов, а также наблюдение за производственными процессами;

3) практические: создание схем, изготовление макетов и выполнение заданий в мастерских.

По продолжительности мероприятия могут быть разовыми, краткосрочными, среднепродолжительными и долговременными. Также помощь для обучающихся, родителей и педагогов классифицируется на информационную, диагностическую, формирующую и корректирующую.

По уровню вовлеченности обучающихся мероприятия делятся:

1) на пассивные: учитель является основным инициатором, а обучающиеся выступают в роли слушателей. Взаимодействие происходит через опросы и тесты, включая классные часы, лекции и оформление стендов;

2) активные: учащиеся становятся активными участниками процесса профессионального самоопределения, формируя интерес к решению своих проблем и обладая инструментами для планирования карьерных путей. Это семинары, обсуждения, проекты и другие вовлекающие мероприятия;

3) интерактивные: направлены на глубокое взаимодействие между обучающимися и учителем, предполагают активную роль учащихся в организации профориентационных мероприятий.

Таким образом, посредством стратегического управления учреждения образования прикладывают усилия для внедрения практики профессиональных проб, которые позволяют школьникам ознакомиться с различными профессиональными сферами и приобщить их к реальной профессиональной жизни.

Рассмотрим систему профориентационной работы на примере Дальневосточного университета путей сообщения (ДВГУПС).

ДВГУПС, основанный в 1937 г. как Хабаровский институт инженеров железнодорожного транспорта (ХабИИЖТ), сосредоточивал работу на школьниках среднего и старшего возраста. В настоящее время, являясь одним из ведущих вузов транспортной сферы Дальнего Востока под управлением Правительства РФ и Росжелдора, университет помимо сотрудничества с различными образовательными организациями направляет пристальное внимание на профильные классы обучения – кадетские, инженерные, железнодорожные и др.

Для координации данной работы в Университете организована Служба по формированию контингента студентов ДВГУПС (Служба), она входит в Единый сервисный центр. Данное подразделение вуза действует на основании устава учреждения, приказов и распоряжений ректора. Для решения содержательных задач имеет необходимые оборудование, помещения и офисный кабинет. Сотрудничает с директорами и кафедрами институтов, Психологическим центром ДВГУПС, с Центром управления партнёрства, карьеры и практики, Военным учебным центром и другими структурными подразделениями, а также строит своё взаимодействие с Дальневосточной железной дорогой – филиалом ОАО «РЖД», с Дальневосточной детской железной дорогой [4].

Задачами Службы являются организация профессиональной ориентации школьников, информационное, нормативное и инструктивно-методическое обеспечение структурных подразделений Университета в части профориентационной работы, а также участие в организации и проведении приемной кампании [4].

В своей деятельности данное структурное подразделение использует традиционные методы и инструменты:

– просветительские беседы о направлениях подготовки, специальностях и профилях институтов ДВГУПС;

– организацию лекториев и кинолекториев;

– проведение дней открытых дверей институтов;

– ярмарки профессий/вакансий;

– выездную профориентационную работу;

– творческие и научные лаборатории;

– олимпиады для школьников;

– летние и зимние профориентационные школы;

– клубы по интересам для школьников;

– мастер-классы;

– стажировки и практики.

Инновационный формы:

– on-line тестирование;

– инженерные каникулы;

– игры-квесты;

– тематические поезда в удаленные населённые пункты;

– использование цифровых платформ и виртуальных симуляторов.

Основные направления работы Службы по формированию контингента студентов ДВГУПС

1. Профессиональное просвещение играет ключевую роль в развитии профессиональной культуры и углублении знаний в конкретной области. Этот процесс включает в себя проведение тематических встреч, на которые приглашаются опытные специалисты-практики. Такие мероприятия позволяют участникам обмениваться опытом и получать актуальную информацию из первых рук. Кроме того, создаются клубы по интересам, где профессионалы могут обсуждать новейшие тенденции и технологии, делиться идеями и находить единомышленников, работают «Юридическая гостиная», «Клуб любителей психологии». Это способствует не только личностному и профессиональному росту, но и укреплению профессионального сообщества в целом.

Специалисты с привлечением студентов участвуют в различных ярмарках, таких как ярмарка учебных мест в рамках фестиваля АМУРФЕСТ, г. Хабаровск.

Для студентов и школьников проводятся фотоконкурсы, такие как «Профессия в кадре».

Школьникам предлагается широкий спектр мероприятий: экскурсии по лабораториям, профориентационные настольные игры, игра-квест «NEXT» (Путеводитель профессий), дискуссии «Профессия и специальность: в чем разница?», «Профессии будущего: цифровой мир», интерактивные занятия «Деловое совещание», «Первые шаги к выбору», ролевая игра «Биржа труда».

2. Профессиональная диагностика фокусируется на изучении уникальных черт и склонностей личности, а также ее потенциальных возможностей в процессе обучения и воспитания, что играет важную роль в профессиональном самоопределении. В рамках проекта «Стратегия выбора профессии на

железнодорожном транспорте в современном мире», реализуемого на базе Детской железной дороги совместно с Психологическим центром ДВГУПС, ежегодно создается психологический портрет будущих специалистов. Для студентов выпускных курсов, обучающихся по целевым договорам, составляется психологический портрет выпускника. В дни открытых дверей институтов проводится диагностика, выявляющая профессиональные интересы и склонности.

3. Профессиональное консультирование предоставляет поддержку студентам и преподавателям в вопросах развития, воспитания и обучения. Консультации помогают в профессиональном самоопределении, способствуя осознанному выбору карьерного пути.

4. Информационно-просветительская деятельность направлена на удовлетворение потребности будущих абитуриентов и студентов в знаниях о специальности, создание условий для их полноценного личностного и профессионального развития. Для этого оформляются стенды по профориентации, распространяются информационные буклеты, проводятся родительские собрания, осуществляется экспорт образовательных услуг. Ученые ДВГУПС активно участвуют в эфирах СМИ, а также направляются в командировки в отдаленные регионы, такие как Хабаровский край, Приморский край, Амурская область и Еврейская автономная область. В январе–феврале 2024 г. был впервые опробован маршрут Минеральные Воды–Железноводск–Пятигорск–Кисловодск–Ессентуки–Нальчик–Владикавказ–Грозный–Махачкала.

Профориентационная работа адаптирована для каждой группы участников.

Со школьниками средних и старших классов ведется работа по приобщению к знаниям по профессии, развитию мотивации к профессиональной деятельности, самосовершенствованию и самоактуализации.

Проводится ранняя диагностика, ориентированная на профессиональные интересы, с целью выявления как общих, так и специализированных способностей. Это позволяет осуществлять научно обоснованный отбор учащихся в профильные классы, которые находятся под кураторством университета.

Со студентами техникумов и колледжей проводится консультативная работа, направленная на поддержку в приобретении необходимых знаний, умений и навыков. Это содействует успешному освоению выбранной профессии, развитию карьеры и достижению успеха в жизни.

В рамках профориентационной работы среди абитуриентов осуществляется профессиональная диагностика для обеспечения обоснованного выбора профессии с учетом общих и профессиональных способностей. В дальнейшем этот процесс продолжается на протяжении всего периода обучения студентов до момента выбора места работы и поступления на него, особенно если абитуриент заключает договор на целевое обучение.

Работа со студентами ведется поэтапно и строится следующим образом.

Первый курс – это этап определения готовности к выбору профессии и сопровождения первокурсников в процессе адаптации к университетской среде. Это помогает предотвратить неуспеваемость и облегчить вхождение в новую образовательную среду, что способствует сохранению контингента студентов.

Во время ежегодного социально-психологического тестирования, оценивающего готовность к обучению в вузе, выявляются студенты с низким уровнем адаптации. Для них после завершения адаптационного периода разрабатываются индивидуальные рекомендации для кураторов.

На втором и третьем курсе студенты погружаются в интенсивную учебную деятельность и начинают специализацию. В этот период осуществляется психологическое сопровождение, направленное на формирование профессиональной личности и развитие её компетенций. Консультативная работа помогает студентам в профессиональном самоопределении и построении карьеры.

Четвертый и пятый курсы посвящены развитию профессиональной компетентности и активной жизненной позиции. Студенты развивают субъектные качества, которые позволяют им самостоятельно планировать и строить свою профессиональную деятельность в будущем.

Заключение

Работа профессиональной системы в Дальневосточном государственном университете путей сообщения направлена на формирование конкурентоспособных специалистов, готовых решать задачи в условиях быстро меняющейся среды. Университет продолжает трансформироваться и адаптироваться к новым вызовам, внося значимый вклад в развитие общества и экономики.

Профориентация является составной частью «трудового капитала» государства. Это мощная основа развития и конкурентоспособности личности. Вузы страны выполняют важную миссию. Они профессионально направляют подрастающее поколение, помогают ему сделать правильный выбор своей специальности.

Все это будет достигнуто, если человек научится делать ответственный выбор в соответствии с индивидуальными способностями, склонностями и возможностями, которые предоставляет человеку общество.

Список источников

1. Амбарова П.А., Немировский М.В. Новые подходы к профессиональной ориентации в школе в условиях изменяющегося мира профессий // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2020. Т. 26, № 1(195). С. 188–199.
2. Зеер Э.Ф., Павлова А.М., Садовникова Н.О. Основы профориентологии. Москва, 2005. 157 с.
3. Минеев В.Е., Федотов А.С., Ахмеджанов Р.Р. Профильные классы как одна из эффективных форм профориентации подростков // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2018. № 4(32). С. 70–75.
4. Положение ДВГУПС 10-07-23 «О службе формирования контингента студентов». URL: www.festu.khv.ru (дата обращения: 21.03.2025).
5. Пряжников Н.С., Пряжникова Е.Ю. Психология труда : учебное пособие для студентов высш. учеб. заведений. 5-е изд., стер. Москва : Академия, 2009. 480 с.
6. Сараева О.Н., Колесова А.С. Комплексный подход к организации профориентационной деятельности с учетом трендов внешней среды // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13, № 8. С. 3137–3156. doi:10.18334/epp. 13.8.118840
7. Сардушкина Ю.А. Сущность понятия профессиональной ориентации с позиции определения её цели // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2009. № 6 (2). С. 42–45.
8. Сизганова Е.Ю. Основы профориентологии : учебно-методическое пособие. Орск : Изд-во ОГТИ, 2010. 138 с.
9. Симоненко В.Д. Профессиональная ориентация учащихся в процессе трудового обучения : книга для учителя. Москва : Просвещение, 1985. 223 с.
10. Элективные ориентационные курсы и другие средства профильной ориентации в предпрофильной подготовке школьников : учебно-методическое пособие / науч. ред. С.Н. Чистякова. Москва : АПК и ПРО, 2003. 102 с.

References

1. Ambarova P.A., Nemirovsky M.V. New approaches to professional orientation at school in the changing world of professions // Izvestia Ural Federal University. Series 1. Problems of education, science and culture. 2020. T. 26, № 1(195). C. 188–199. (In Russ.).
2. Zeer E.F., Pavlova A.M., Sadovnikova N.O. Fundamentals of Proforientology. Moscow, 2005. 157 p. (In Russ.).
3. Mineev V.E., Fedotov A.S., Akhmedjanov R. Profile classes as one of the effective forms of vocational guidance of adolescents // Vocational Education in Russia and abroad. 2018. № 4 (32). P. 70–75. (In Russ.).
4. Provision of DVGUPS 10-07-23 «On the service of student contingent formation». URL: www.festu.khv.ru (accessed: 21.03.2025). (In Russ.).
5. Pryazhnikov N.S., Pryazhnikova E.Yu. Psychology of labor : textbook for students of higher educational institutions. 5th ed., erased. Moscow : Academy, 2009. 480 c. (In Russ.).
6. Saraeva O.N., Kolesova A.S. Complex approach to the organization of vocational guidance activities taking into account the trends of the external environment // Economics, Entrepreneurship and Law. 2023. T. 13, № 8. C. 3137–3156. doi:10.18334/epP. 13.8.118840 (In Russ.).
7. Sardushkina Yu.A. The essence of the concept of professional orientation from the position of defining its purpose // Psychology and pedagogy: methodology and problems of practical application. 2009. № 6 (2). P. 42–45. (In Russ.).
8. Sizganova E.Ю. Fundamentals of proforientology : training and methodological manual. Orsk: Publishing House OGTI, 2010. 138 p. (In Russ.).
9. Simonenko V.D. Professional orientation of students in the process of labor training : book for teacher. Moscow : Prosveshchenie, 1985. 223 p. (In Russ.).
10. Elective orientation courses and other means of profile orientation in pre-profile training of schoolchildren. Study guide. Scientific editor S.N. Chistyakova. Moscow : APK i PRO, 2003. 102 p. (In Russ.).

Информация об авторах

И.М. Донкан – кандидат социологических наук, директор Психологического центра ДВГУПС, доцент кафедры «Общественное здоровье и медицинское право»;

Л.В. Синицына – кандидат психологических наук, доцент кафедры «Общая, юридическая и инженерная психология», заместитель руководителя Службы по формированию контингента студентов.

Information about the authors

I.M. Donkan is Candidate of Sociological Sciences, Director of the Psychological Center of FESTU, Associate Professor of the Department of Public Health and Medical Law.

Л.V. Sinitsyna is Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of "General, Legal and Engineering Psychology", Deputy Head of Student Contingent Formation Service.

Статья поступила в редакцию 03.04.2025; одобрена после рецензирования 28.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.
The article was submitted 03.04.2025; approved after reviewing 28.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2025. Т. XXII, Вып. 2. С. 31–41
The Humanities and Social Studies in the Far East. 2025. Vol. XXII, Is. 2. P. 31–41

Научная статья
УДК 378.14
doi:10.31079/1992-2868-2025-22-2-31-41

РУБРИКИ КАК СРЕДСТВО ОЦЕНИВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ

Ольга Георгиевна Злобина[1], **Елена Сауганова Гафиатулина**[2]

[1]Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, Санкт-Петербург, Россия, olga_zlobina@list.ru, https://orcid.org/0000-0002-7703-7739
[2]Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия, gaf-lena@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0000-2715-5350

Аннотация. Авторы рассматривают понятие и виды рубрик, их роль в системе оценивания результатов обучения, анализируют положительные и отрицательные стороны, перспективы и проблемы применения рубрик. Показывают, что рубрики могут выступать инструментом как суммативного, так и формирующего оценивания, таким образом являются универсальным способом проверки сформированности компетенций в соответствии со стандартами образовательной организации. Предлагают алгоритм создания рубрик с учетом экспертной оценки и обратной связи от студентов.

Ключевые слова: качество образования, суммативное оценивание, формирующее оценивание, рубрика, холистическая и аналитическая рубрика, компетенция, результаты обучения

Original article

RUBRICS AS A MEANS OF ASSESSING COMPETENCIES

Olga G. Zlobina[1], **Elena S. Gafiatullina**[2]

[1]Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University, St. Petersburg, Russia, olga_zlobina@list.ru, https://orcid.org/0000-0002-7703-7739
[2]Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia, gaf-lena@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0000-2715-5350

Abstract. The authors explore the concept and various types of rubrics, their significance in the framework of evaluating learning outcomes. They analyze the advantages and disadvantages, as well as the potential and challenges associated with using rubrics. The authors demonstrate that rubrics can serve as a tool for both formative and summative assessment, making them a versatile method for assessing the development of competencies in accordance with the standards of an educational institution. They put forward an algorithm for creating rubrics that incorporates expert evaluation and student feedback.

Keywords: quality of education, summative assessment, formative assessment, rubric, holistic and analytic rubric, competence, learning outcomes

Введение

При разработке и реализации основных профессиональных образовательных программ (ОПОП) высшего образования образовательная организация руководствуется действующими федеральными государственными образовательными стандартами высшего образования (ФГОС ВО), которые представляют собой совокупность обязательных требований к результатам освоения программы в виде универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций выпускников и предъявляют особые критерии к применяемым механизмам оценки качества образовательной деятельности и подготовки обучающихся [1].

В ст. 2 п. 29 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» дается следующее понятие «Качество образования – комплексная характеристика образовательной деятельности и подготовки обучающегося, выражающая степень их соответствия федеральным государственным образовательным стандартам, образовательным стандартам, федеральным государственным требованиям и (или) потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, в том числе степень достижения планируемых результатов образовательной программы» [2].

© Злобина О.Г., Гафиатулина Е.С., 2025

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» [2] предусматривает независимую оценку качества образования (НОКО). Согласно [2] НОКО делится на внутреннюю и внешнюю, на оценку качества подготовки обучающихся и на оценку качества условий осуществления образовательной деятельности [3].

В рамках внутренней системы оценки обучающимся предоставляется возможность оценивать качество образовательного процесса в целом и отдельных дисциплин (модулей) в частности, а также практик, наряду с организацией образовательного процесса, его содержанием и условиями [1]. Периодичность оценивания определяется, в первую очередь, участниками образовательных отношений: преподаватель–студент.

Одной из составляющих качества образования является система оценки достижения результатов обучения, которая представляет собой средство проверки выполнения требований ФГОС ВО и должна нести в себе не только оценивающую, но и информационную, прогностическую, контрольно-корректировочную и стимулирующую (мотивационную) функции.

При создании системы оценки достижения результатов обучения используют суммативное (итоговое) и формирующее оценивание.

Суммативное оценивание (summative) применяется для определения объема усвоенного обучающимися содержания курса к определенному моменту времени, например к концу семестра, что является аналогом промежуточной аттестации студентов [5].

Суммативное оценивание проводится с целью установления соответствия знаний, умений и владений обучающихся нормам и требованиям ФГОС ВО и подтверждает факт сформированности определенных компетенций [4].

Под формирующим оцениванием понимается оценивание, осуществляемое в процессе обучения, когда анализируются знания, умения, владения, а также поведение обучающегося, дается обратная связь по итогам обучения. Результаты обучающегося сравниваются с его же предыдущими результатами. Происходит мотивирование обучающегося, постановка образовательных целей и определение путей их достижения [6; 7].

В России система оценивания отражается в рабочих программах дисциплин (РПД), которые являются обязательным элементом основной образовательной программы. РПД содержат шкалу, которая используется при промежуточной аттестации для выставления оценки (отлично, хорошо, удовлетворительно, неудовлетворительно, зачтено, не зачтено) и оценки уровня результатов обучения. Однако она не отражает:

– оценивание отдельных видов активностей (письменные и устные работы, работа в команде и т.д.), формирующих компетенции в процессе обучения;

– поликультурную среду, которую необходимо адаптировать под нужды студента;

– пути устранения разрыва между фактическим и планируемым уровнем сформированности компетенций;

– самооценку и взаимооценку уровня сформированности компетенций у студентов (self-assessment и peer-review);

– индивидуальную траекторию обучения;

– обратную связь обучающегося с преподавателем.

Становится очевидным, что реалии, сложившиеся в педагогической практике высшей школы на сегодняшний день, требуют новых подходов к системе оценивания, которые помогут качественно сформировать компетенции выпускников. Суммативное оценивание предлагается дополнить формирующим: переходом к более объективным способам оценки успеваемости обучающихся, разработкой индивидуальных образовательных траекторий, анализом возможностей для повышения качества образовательного процесса.

К подобным выводам приходят и авторы работ [8–10]: формирующее и суммативное оценивание должны «работать вместе». На рис. 1 показана связь формирующего и суммативного оценивания.

В течение семестра при выполнении аудиторной и внеаудиторной работы по отдельным дисциплинам, курсам, которые соответствуют целям обучения, осуществляется непосредственная связь между студентом и преподавателем, что относится к основам формирующего оценивания. Суммативное оценивание начинает играть роль, когда преподавателю необходимо выставить оценку по итогам обучения, чаще всего это происходит в период сессии, по результатам проведенного тестирования или классического приема экзамена (зачета). Но и в этом случае, если будет налажена обратная связь между студентом и преподавателем, можно рассматривать вышеназванные способы оценивания как формирующее оценивание [9]. Формирующее оценивание также может выступать в роли суммативного, если, например, использовать рейтинговую оценку работы студента в семестре по дисциплине в качестве итоговой оценки.

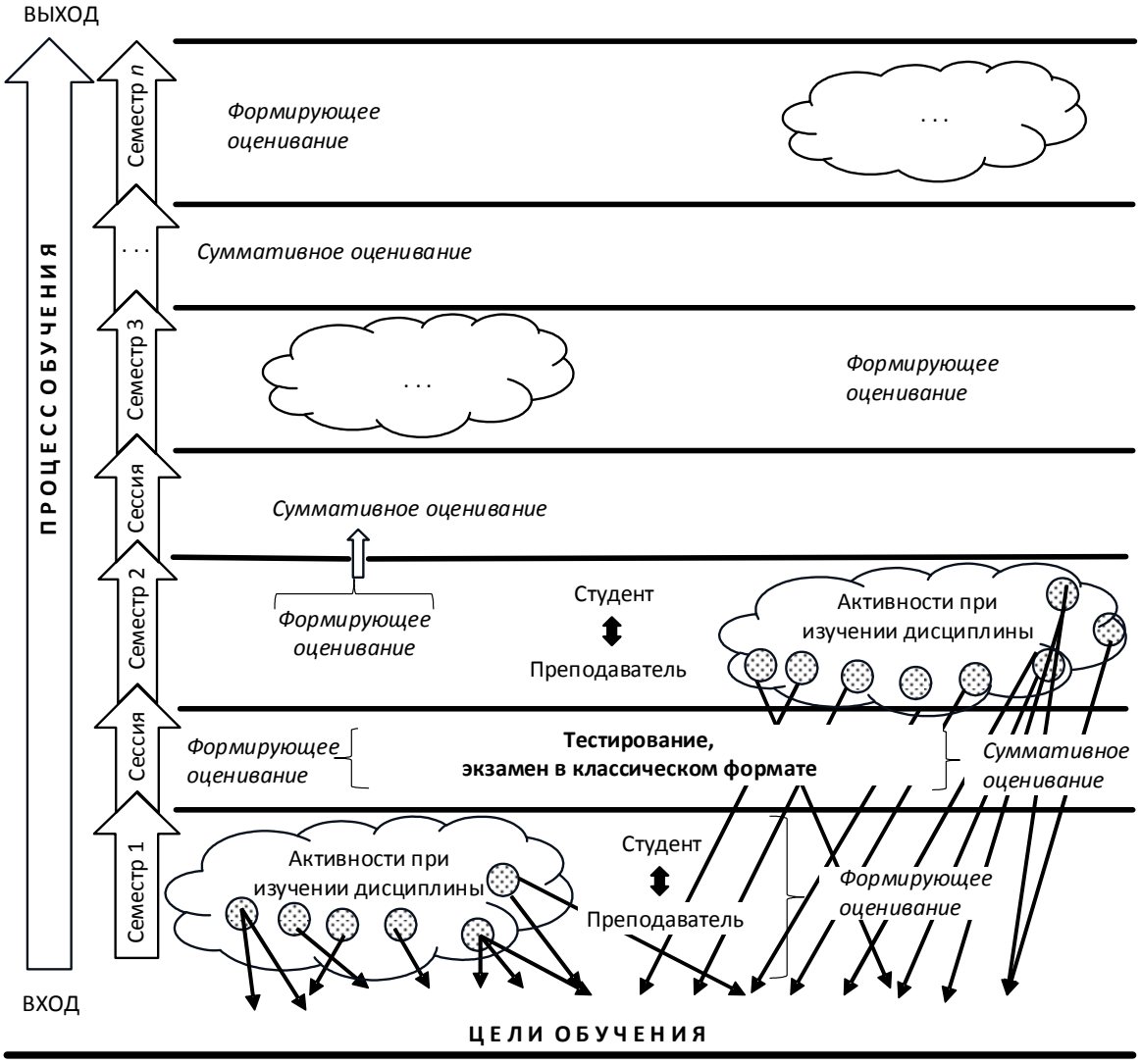

Рис. 1. Модель взаимосвязи формирующего и суммативного оценивания

Подтверждение взаимосвязи формирующего и суммативного оценивания нашло отражение в Финляндии в концепции национальных уровней курикулума (Curriculum) [10].

На взгляд авторов, одним из инструментов как суммативного, так и формирующего оценивания являются рубрики.

Слово «рубрика» происходит от латинского слова ruber, обозначающего «красный». В Средние века это слово использовалось для написания заголовков законов, основных положений судебного решения, а также предписаний по проведению религиозных служб, которые можно увидеть на полях богослужебных книг – и то и другое написаны красным цветом.

В широком смысле слова термин «рубрика» существует в английском языке уже более 600 лет, и за это время он в основном означал набор «печатных правил или инструкций» [11].

Однако в образовании его можно отнести к различным категориям, таким как критерии оценки, оценка обучения, уровни усвоения набора инструкций и т.д. [12].

В литературе [8–13] даются различные определения рубрики. Андраде [13] описывает рубрику как «инструмент оценки, который содержит перечень критериев для определенного вида активности» и «устанавливает уровни качества по каждому критерию, начиная от отличного до неудовлетворительного». Ли [14] рассматривает рубрику как документ (инструмент/матрица), который представляет собой задание, разделенное на отдельные компоненты (составные части) с чётко прописанными характеристиками различного уровня сложности.

Авторы, изучив работы [12–17], рассматривают рубрику как элемент системы оценивания достижения результатов обучения, который представля-

ет собой совокупность критериев для оценки выполнения различных заданий и отображен в виде таблицы с баллами и ожидаемыми результатами обучения.

Согласно [15] рубрики имеют три основные характеристики: критерии оценки, качества и стратегия подсчёта баллов.

Рубрики можно классифицировать по методу оценивания (холистическая, аналитическая, пороговая), объекту оценивания (в целом по процессу обучения, конкретная задача), ориентации на субъект образовательных отношений (создана для облегчения труда преподавателя или для самооценки или взаимооценки студенческих работ) [16]. Классификация рубрик представлена на рис. 2.

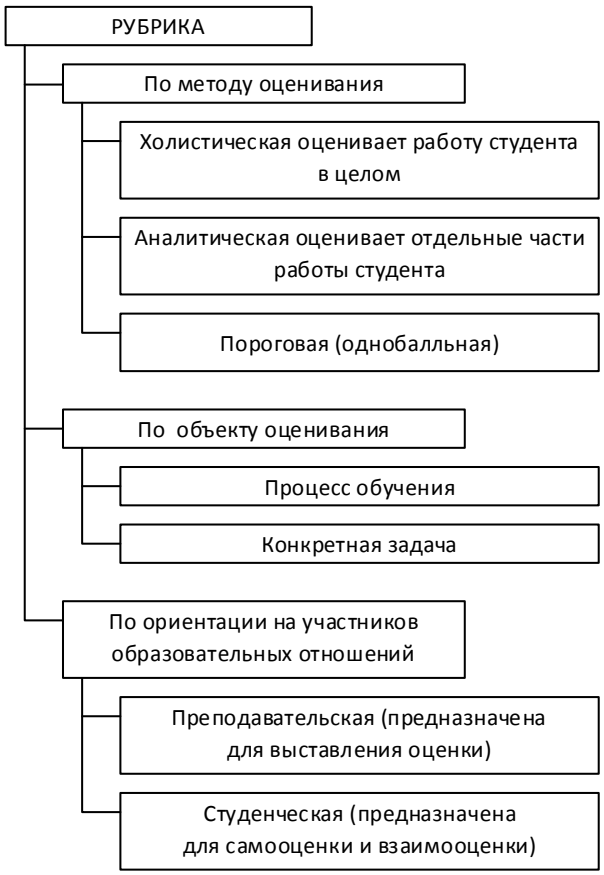

Рис. 2. Классификация рубрик

Рассмотрим более подробно виды рубрик, их преимущества и недостатки.

Холистическая рубрика направлена на то, чтобы оценить весь процесс или вид работы обучающегося без какой-либо целенаправленной, конкретной обратной связи со студентами и в основном используется в качестве оценочных инструментов. Аналитическая рубрика оценивает отдельные, индивидуальные части процесса или работы, а затем позволяет суммировать индивидуальные оценки для получения общей и используется в качестве направляющей образовательного процесса. Другой разновидностью этих рубрик является пороговая или однобалльная рубрика, в которой перечислены критерии оценки и имеется место для того, чтобы отметить сильные и слабые стороны работ обучающихся.

Рубрики, созданные для проверки сформированности компетенций, предусмотренные ФГОС ВО, после завершения обучения относятся к рубрикам, оценивающим весь процесс обучения, но существуют и такие рубрики, которые позволяют оценить отдельный вид работы студента, решение конкретной задачи.

Рубрики, ориентированные на преподавателя, предназначены для того, чтобы преподаватель мог быстро и объективно выставлять оценки, в то время как рубрики, ориентированные на студента, направлены на обучение и достижения обучающихся, помощь в выстраивании индивидуальной образовательной траектории.

Анализируя работы [12–18] и собственный опыт, авторы провели SWOT-анализ применения рубрик как оценочного инструмента достижения результатов обучения (табл. 1) и выявили, что рубрики при правильном проектировании имеют достаточно большие возможности для их использования в образовательном процессе.

Активная работа на занятии не гарантирует того, что, выполняя определенные задания, обучающийся компетентен в изучаемой теме. С этой точки зрения рубрика решает задачу контроля качества овладения компетенцией. Рубрика включает в себя конкретные проверяемые компетенции и различные критерии для их оценивания. Для создания полезной рубрики важно точно определить, что именно измерять, как измерять работу и что считать проходным уровнем компетенции. Существует возможность разработки универсальной рубрики для определенного вида работы с целью ее многократного и регулярного использования для проверки различных компетенций.

Авторы провели исследования возможности использования отдельных видов работ для формирования универсальных компетенций. На основании проведенного анализа выделили, как минимум, четыре вида работ (письменные, информационная речь, командная работа, мультимедийная презентация), которые можно использовать для наращивания всех групп универсальных компетенций (табл. 2), соответственно возникает вопрос оценивания этих работ, например с помощью рубрик.

Таблица 1

SWOT-анализ применения рубрики

Преимущества	*Недостатки*
• Прозрачность системы оценивания • Сокращение времени проверки заданий • Единство требований к однотипным работам • Повышение объективности оценки • Наличие обратной связи студент–преподаватель • Развитие навыков работы в команде • Образец (алгоритм/стандарт) для выполнения той или иной работы студентом • Прокачка критического мышления • Мотивация студента на результат • Ответственность к процессу подготовки • Уверенность в эффективном освоении компетенций	• Увеличение нагрузки на преподавателя в период внедрения • Невозможность при планировании работы преподавателя оценить его трудозатраты • Трудности в определении весовых коэффициентов критериев рубрики при существующей оценке результатов освоения образовательных программ • Излишняя формализация оценивания работ обучающихся • Субъективизм в выборе критериев и их описания • Сложность оценивания с помощью рубрик части активностей обучающегося
Риски	*Возможности*
• Подмена работы преподавателя искусственным интеллектом • Отсутствие у преподавателя понимания образовательных запросов обучаемых • Использование обратной связи как средства управления, а не как средства повышения эффективности обучения • Несовпадения выбранных критериев для оценки работ с характеристиками проверяемых работ • Отсутствие единого понимания среди участников образовательного процесса критериев оценивания	• Использование для самооценки, оценки одногруппниками • Создание индивидуальной образовательной траектории • Изменение технологий и методик обучения • Применение искусственного интеллекта для проверки работ • Повышение эффективности преподавания • Использование для оценки уровня сформированности компетенций

Таблица 2

Использование рубрик для формирования универсальных компетенций

Наименование категории (группы) универсальных компетенций [1]	Возможное использование рубрик для оценивания			
	информационной речи	письменных работ	работы в команде	мультимедийной презентации
Системное и критическое мышление	+	+	+	+
Разработка и реализация проектов	+	+	+	+
Командная работа и лидерство	+	+	+	+
Коммуникация	+	+	+	+
Межкультурное взаимодействие	+	+	+	+
Самоорганизация и саморазвитие (в том числе здоровьесбережение)	+	+	+	+
Безопасность жизнедеятельности	+	+	+	+

Ниже опишем процесс создания рубрик детально.

До того, как приступить к разработке рубрики, преподаватель должен:

1. Сформулировать ожидаемые результаты обучения (знать, уметь, владеть) по дисциплине/темам (в РПД на основании ОПОП с учетом компетенций дисциплины). Начиная процесс разработки необходимо помнить, что результаты обучения по дисциплине должны коррелироваться с компетенциями, заявленными в РПД. Данный процесс схож с методом обратного проектирования, используемым в разработке дисциплин [19].

2. Спланировать цели каждого занятия по темам, представленным в РПД, в соответствии с ожидаемыми образовательными результатами.

При планировании важно учесть следующее:

– какие знания, умения и владения подлежат оценке;

– каковы критерии достижений студентов в рамках проверяемых компетенций;

– какой запас проверяемых компетенций имеется у студентов («точка отсчета» – способность студента к восприятию и освоению новой информации) [20];

– какие категории знания подлежат оценке: осмысление (понимание) (знание содержания, понимание понятий/ студент воспринимает объект изучения, выделяет его из общей массы и определяет отличительные характеристики; осмысливает полученную информацию), запоминание (воспроизведение) (студент старается самостоятельно воспроизвести полученную информацию/понимание и рассуждение), или применение (навыки критического мышления и коммуникативные умения)/ студент пробует использовать полученные знания на практике;

– каковы ожидаемые результаты, что студенты должны достичь по окончании каждого курса (дисциплины) (уровни достижений), основываясь на хорошо прописанных критериях, дифференцирующих различные уровни достижений (по пятибалльной шкале);

– какими критериями пользуемся для оценивания [21].

Пример 1. Цель занятия по дисциплине "General English" для студентов первого курса технических специальностей (уровень B1) – «рассказать об образовании и использовании условных предложений первого и второго типа (1st and 2d Conditionals). Эту цель ставит себе преподаватель, и она подлежит измерению в конце занятия. Не подвергается сомнению факт достижения цели занятия преподавателем, но остается непонятным результат усвоения грамматической темы студентами.

Таким образом, диагностично сформулированная цель занятия по английскому языку: «Научить использовать грамматические конструкции (1st and 2d Conditionals) в устной речи».

Пример 2. Диагностично сформулированные цели практических занятий по теоретическим основам электротехники: «научить студентов применять метод контурных токов для нахождения токов в электрической цепи постоянного тока»; «студент сможет объяснить причины возникновения переходных процессов в электрических цепях».

Участники образовательных отношений (преподаватель–студент) имеют возможность определить, достигнута ли цель занятия, посредством рубрики как одного из инструментов формирующего оценивания.

3. Определить задачи занятия как шаги деятельности обучающихся.

Пример 3. Цель практического занятия по теоретическим основам электротехники – «научить студентов применять метод контурных токов для нахождения токов в электрической цепи постоянного тока». Цель данного практического занятия может быть достигнута при решении следующих задач:

1) повторить второй закон Кирхгофа, дать определение понятий: «контур», «независимый контур», «ветвь», «смежная ветвь»;

2) изучить последовательность действий составления уравнений по методу контурных токов;

3) на примере рассмотреть нахождение токов методом контурных токов в электрической цепи постоянного тока;

4) самостоятельно решить задачу на нахождение токов методом контурных токов в электрической цепи постоянного тока;

5) выявить преимущества данного метода перед другими, случаи наиболее эффективного применения.

Пример 4. Цель занятия по дисциплине "General English" для студентов первого курса технических специальностей (уровень B1) – «научить использовать грамматические конструкции (1st and 2d Conditionals) в устной речи».

Для достижения цели занятия необходимо решить следующие задачи:

1) изучить правило образования условных предложений первого и второго типа (1st and 2d Conditionals) (особенности построения главной и придаточной части в обоих видах условных предложений);

2) узнать определенные слова (предлоги), которые употребляются при построении указанных грамматических конструкций (if, unless, in case, even if, provided that, in case);

3) рассмотреть особенности употребления и перевода на русский язык условных предложений 1 и 2-го типа (1st and 2d Conditionals);

4) составить примеры условных предложений 1 и 2-го типа (1st and 2d Conditionals) и перевести их на русский язык и т.д.

4. Сформулировать конкретные критерии оценивания деятельности студентов на занятии.

Разрабатывая критерии оценивания, целесообразно определиться, на кого они будут ориентированы: на преподавателя или на студента. При этом необходимо помнить, что критерии оценивания должны быть:

1) объективными, не зависимыми от того, кто проводит оценивание;

2) очевидными, простыми для использования в самооценке (self-assessment) и взаимооценке (peer review);

3) четкими, без размытых выражений, например, «Уловил суть» или «Неплохо овладел».

Взаимосвязь между результатом обучения и критериями оценивания должна быть однозначной.

Например, «Студент привел пять причин возникновения утечки информации, это соответствует …» – это объективный, простой, четкий критерий («правильный»).

5. Оценивать деятельность обучающихся по критериям.

После разработки критериев и доведения их до студентов от преподавателя требуется оценивать студенческие работы строго по критериям. Таким образом, преподаватель уходит от субъективизма в оценке. В качестве примера можно привести критерии для оценки письменных текстов на уровне абзаца (The Rubric for Assessing Paragraph Level Written Texts):

Содержание (Content).

Структура абзаца (Paragraph Structure).

Грамматика (Grammar).

Словарный запас (Vocabulary).

Орфография и пунктуация (Spelling and Punctuation).

Критерии для оценки групповых обсуждений, таких как дебаты, могут быть представлены такими позициями, как:

Уважение к «команде-конкуренту» (Respect for Other Team).

Использование фактов/ Статистика (Use of Facts/ Statistics).

Информация (Information).

Стиль Презентации (Presentation Style).

Структура (Organization).

Понимание темы (Understanding of Topic).

6. Осуществлять обратную связь: преподаватель–студент, студент–студент, студент–преподаватель.

В технике обратная связь – это передача выходного сигнала на вход. Проецируя обратную связь на процесс оценивания результатов обучения, можно выделить связь:

– студент–преподаватель (студент получает отклик от преподавателя);

– преподаватель–студент (преподаватель получает отклик от студента);

– студент–студент.

Если с первым видом связи студент–преподаватель все ясно – студенту необходимо определить, какие у него достижения, какие ошибки, что необходимо сделать для устранения ошибок, то вторая связь не так очевидна. Преподавателю необходимо получить отклик от студента с целью:

– провести корректировку критериев;

– пересмотреть инструменты оценивания;

– изменить методику преподавания;

– обобщить ошибки студентов;

– выработать обобщенные рекомендации для студентов.

Обратная связь **студент–студент** возникает, если проводится взаимооценка. Так, например, на одном из занятий со студентами по направлению 13.04.02 «Электроэнергетика и электротехника» было предложено оценить выступление одногруппников по защите результатов работы, связанной с их научной деятельностью, по тем критериям, которые они самостоятельно разработают и придадут им весовые коэффициенты. Студенты в качестве критериев выбрали: отсутствие агрессивности (агрессивного навязывания своих идей), пунктуальность, визуализацию, структурированность, информативность с весовыми коэффициентами соответственно 0.1; 0.1; 0.3; 0.2; 0.3. При обсуждении со студентами проведенного занятия было отмечено, что оценка одногруппниками гораздо больше стимулирует студентов к работе над слабыми сторонами выступления.

7. Проводить сравнительный анализ достижений студентов.

Например, при использовании рубрики «Оценивание мультимедийной презентации» для работы студента в начале и в конце семестра показать студенту, по каким критериям его работа оценивается выше, по каким остается на прежнем месте.

8. Определить достигнутый уровень достижения цели.

С помощью рубрики показать студенту его достижения, недостатки, ошибки в работе, пути их исправления. Определить вероятность достижения цели к определенному моменту времени.

9. Откорректировать образовательную траекторию студента.

Например, после использования рубрики по оценке выполнения лабораторной работы по электротехнике «Определение параметров и исследование режимов работы трехфазной цепи при соединении потребителей по схеме "звезда"» провести анализ и тем студентам, у которых были проявлены навыки исследовательской работы, предложить самостоятельно провести дополнительный эксперимент. При этом студенты должны предварительно начертить схему для режима обрыва фазы или короткого замыкания фазы, рассчитать токи в цепи, выбрать приборы для проведения эксперимента.

Исходя из вышеприведенного, можно рассматривать создание рубрики как некий проект, который проходит все этапы жизненного цикла: инициирование (определение целей, задач, ресурсов и ожиданий), планирование (определение конкретных задач, рисков и план действий для их минимизации), разработку, мониторинг и контроль (наблюдение за ходом применения рубрики, контроль за изменениями и качеством формирования компетенций), завершение

(оценивание качества разработанной рубрики, анализ результатов, совершенствование и формальное завершение процесса создания рубрики). С этих позиций разработана блок-схема создания рубрики, которая представлена на рис. 3.

Хотелось бы отметить, что к созданию качественных, объективных рубрик целесообразно привлекать экспертное сообщество (преподавателей, практиков). Обязательно должна проходить апробация на студенческих работах, которые уже были оценены другими инструментами. Рубрику можно применять только после того, как получены положительные отзывы как со стороны экспертов, так и со стороны студентов.

Авторы в качестве примера представляют фрагмент рубрики, созданной для оценивания мультимедийной презентации (табл. 3).

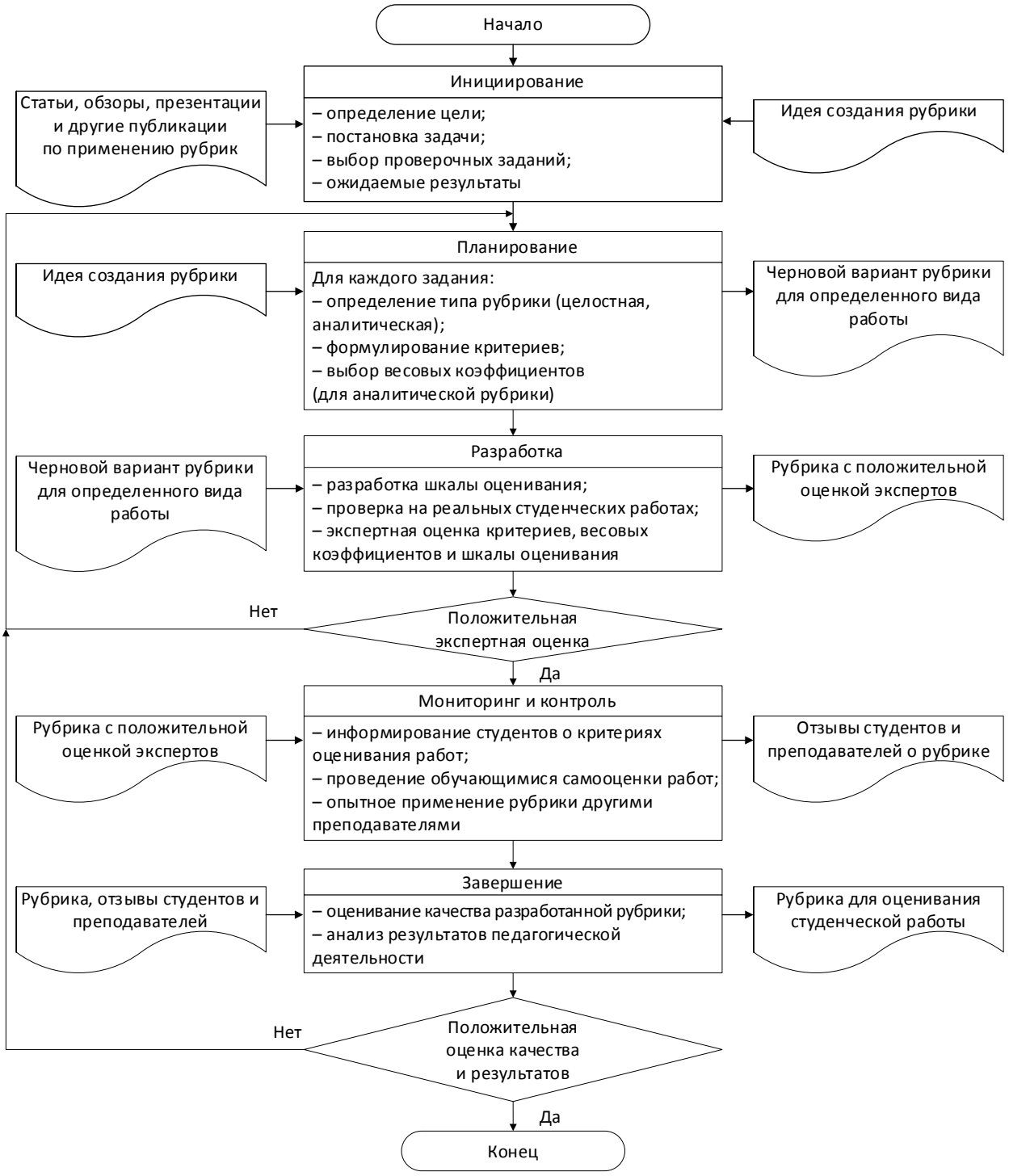

Рис. 3. Блок-схема создания рубрики

Таблица 3

Фрагмент рубрики «Оценивание мультимедийной презентации»

Критерий	Весовой коэффициент критерия n	Оценка		Суммарная оценка	Примечание
		Лингвистическая оценка критерия	Балльная оценка критерия, B		
План	0,1				
Структура	0,05	Следует предоставленному плану	5	$n_i B_i$	
		Следует предоставленному плану, но имеются отклонения от плана (1–2 отклонения)	4		
		Сделана попытка следовать предоставленному плану	3		
		Несоответствие плану	2		
Библиография	0,05	Указаны общеизвестные авторы, занимающиеся данной проблематикой. Библиографический список превышает необходимое количество источников. Ошибки отсутствуют	5	$n_i B_i$	
		Указаны менее известные авторы, занимающееся данной проблематикой. Библиографический список превышает необходимое количество источников. Имеются неточности в оформлении	4		
…	….	…	…	…	…
Суммарная оценка за презентацию		**$Б = \Sigma n_i B_i$**	Суммарная оценка выставляется округлением до целого числа по законам математики		

Заключение

В целом следует отметить, что рубрика при грамотном применении является универсальным инструментом для проверки сформированности компетенций в соответствии со стандартами образовательной организации, позволяет применять единые требования к студенческим работам, формирующим компетенции – планируемые цели обучения.

Независимо от большого количества исследований, проведенных зарубежными и российскими учеными, в которых рассматривается понятие рубрики, дается типология, разрабатываются этапы создания разных видов рубрик, сравниваются их потенциальные преимущества и недостатки и т.д, существует очень мало исследований в отечественной науке, посвященных разработке и использованию различных видов рубрик в высшей школе, остается неизученным вопрос оценки качества образовательного процесса в условиях применения новых образовательных технологий и уровня сформированности компетенций обучающихся, мотивации студентов при использовании различных видов оценивания и др.

Проведя анализ зарубежной и отечественной научной литературы, авторы пришли к выводу, что при разработке и актуализации ОПОП представляется важным:

– исследовать возможные точки роста методик разработки рубрик;

– создавать «банки рубрик»;

– более интенсивно применять информационные технологии, в том числе и искусственный интеллект;

– рассмотреть необходимость наличия локальных нормативных актов, содержащих фундаментальные принципы организации проведения оценки сформированности компетенций.

Наличие такого подхода при организации учебного процесса, на наш взгляд, позволит:

– создать индивидуальную образовательную траекторию обучающихся;

– повысить эффективность преподавания в вузе;

– развить мягкие навыки “soft skills”, критическое мышление;

– сделать ответственным за процесс подготовки;

– нацелить на результат и эффективное освоение компетенций, что в свою очередь приведет к повышению качества подготовки выпускников.

Список источников

1. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 13.03.02 Электроэнергетика и электротехника : приказ Министерства образования и науки РФ от 28 февраля 2018 г. № 144 (с изменениями и дополнениями). URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS %20VO %203++/Bak/130302_B_3_15062021.pdf (дата обращения: 07.02.2025).

2. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.02.2025).

3. Гуан Т., Гарлицкий Е.И., Гафиатулина Е.С. Оценка качества международных образовательных программ Далянский транспортный университет – Дальневосточный государственный университет путей сообщения // Образование: качество и инновации : сборник трудов Всероссийской научно-методической конференции / под ред. Е.С. Гафиатулиной. Хабаровск, 2022. С. 11–15.

4. Максимова Т.В. Формирующее оценивание как средство развития регулятивных УУД кадет на уроках английского языка//Инновации и традиции в современном образовании, психологии и педагогике : сборник статей Международной научно-практической конференции. Москва, 2017. С. 127–133.

5. Harlen W. Effective teaching of science: a review of research. Scottish Council for Research in Education. Edinburgh, 1999. 105 p.

6. Пинская М.А. Формирующее оценивание: оценивание в классе : учебное пособие. Москва : Логос, 2010. 264 с.

7. Логвина И., Рождественская Л. Инструменты формирующего оценивания в деятельности учителя-предметника : учебное пособие. Narva : TartuUlikool, 2012. 48 с.

8. Землянская Е.Н. Формирующее оценивание (оценка для обучения) образовательных достижений обучающихся // Современная зарубежная психология. 2016. Т. 5, № 3. С. 50–58. doi:10.17759/jmfP. 2015050306

9. Black P. [et al.]. Assessment For Learning. Putting it into practice. Berkshire : Open University Press, 2004. 135 p.

10. Gd1student. URL: http://gd1student.wikispaces.com/Finland (accessed: 01.02.2025).

11. Microsoft_Encarta_2004_Encyclopedia_Standard_Microsoft_2003. Scanner. Internet Archive Python library 1.4.0.

12. Brown J.D. (Ed.). Developing, using and analyzing rubrics in language assessment with case studies in Asian and Pacific languages. Honolulu, HI : National Foreign Languages Resource Center, 2012.

13. Andrade Heidi G. Using rubrics to promote thinking and learning // Educational leadership 57. 2000. № 5. P. 13–18.

14. Popham James W. What's Wrong–And What's Right–With Rubrics // Edu cational leadership 55. 1997. № 2. P. 72–75.

15. Ragupathi K., Lee A. Beyond fairness and consistency in grading: the role of rubrics in higher education // Diversity and inclusion in global higher education. Singapore : Palgrave Macmilian, 2022. P. 73–95.

16. Грицаненко Н.А. «Рубрики» как инструмент формирующего оценивания. URL: https://videouroki.net/razrabotki/rubriki-kak-instrumient-formiruiushchiegho-otsienivaniia.html?ysclid=m9ca8tirn3227986232 (дата обращения: 29.01.2025).

17. Рослякова Е.Ю., Чечина А.Н. Рубрики как инструмент формирующего оценивания на уроках иностранного языка // Молодой ученый. 2020. № 2 (292). С. 407–409. URL: https://moluch.ru/archive/292/66261/ (дата обращения: 29.01.2025).

18. Шмигирилова И.Б., Рванова А.С., Григоренко О.В. Оценивание в образовании: современные тенденции, проблемы и противоречия (обзор научных публикаций) // Образование и наука. 2021. Т. 23, № 6.

19. Grant P. Wiggins and Jay McTighe. Understanding by Design. Alexandria : Association for Supervision and Curriculum Development, 2005.

20. Jonsson A., Svingby G. The placement test and the scoring rubric were found to be useful in differentiating well between ability levels of students // The use of rubrics: reliability, validity and educational consequences. Educational Research Review 2: 2007. P. 130–144.

21. Stiggins R.J. Student-Centered Classroom Assessment. New York : Macmillan Publishing Company, 1994. 477 p.

References

1. Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovaniya – bakalavriat po napravleniyu podgotovki 13.03.02 Elektroenergetika i elektrotekhnika : prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki RF ot 28 fevralya 2018 g. N 144 (s izmeneniyami i dopolneniyami). URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS %20VO %203++/Bak/130302_B_3_15062021.pdf (accessed: 07.02.2025). (In Russ.).

2. Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii : Federal'nyj zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ (poslednyaya redakciya) // SPS "Konsul'tantPlyus" (accessed: 07.02.2025). (In Russ.).

3. Guan T., Garlickij E.I., Gafiatulina E.S. Ocenka kachestva mezh-dunarodnyh obrazovatel'nyh programm Dalyanskij transportnyj universitet – Dal'nevostochnyj gosudarstvennyj universitet putej soobshcheniya // Obrazovanie: kachestvo i innovacii : sbornik trudov Vserossijskoj nauchno-metodicheskoj konferencii / pod red. E.S. Gafiatulinoj. Habarovsk, 2022. S. 11–15. (In Russ.).

4. Maksimova T.V. Formiruyushchee ocenivanie kak sredstvo razvitiya regulyativnyh UUD kadet na urokah anglijskogo yazyka // Innovacii i tradicii v sovremennom obrazovanii, psihologii i pedagogike : sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Moscow, 2017. S. 127–133. (In Russ.).

5. Harlen W. Effective teaching of science: a review of research. Scottish Council for Research in Education, Edinburgh, 1999. 105 p. (In Russ.).

6. Pinskaya M.A. Formiruyushchee ocenivanie: ocenivanie v klasse : uchebnoe posobie. Moscow : Logos, 2010. 264 s. (In Russ.).

7. Logvina I., Rozhdestvenskaya L. Instrumenty formiruyushchego ocenivaniya v deyatel'nosti uchitelya-predmetnika : uchebnoe posobie. Narva : TartuUlikool, 2012. 48 s. (In Russ.).

8. Zemlyanskaya E.N. Formiruyushchee ocenivanie (ocenka dlya obucheniya) obrazovatel'nyh dostizhenij obuchayushchihsya // Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya. 2016. T. 5, № 3. S. 50–58. doi:10.17759/jmfP. 2015050306 (In Russ.).

9. Black P. [et al.]. Assessment For Learning. Putting it into practice. Berkshire : Open University Press, 2004. 135 p.

10. Gd1student. URL: http://gd1student.wikispaces.com/Finland (accessed: 01.02.2025).

11. Microsoft_Encarta_2004_Encyclopedia_Standard_Microsoft_2003. Scanner. Internet Archive Python library 1.4.0.

12. Brown J.D. (Ed.). Developing, using and analyzing rubrics in language assessment with case studies in Asian and Pacific languages. Honolulu, HI : National Foreign Languages Resource Center, 2012.

13. Andrade Heidi G. Using rubrics to promote thinking and learning // Educational leadership 57. 2000. № 5. P. 13–18.

14. Popham James W. What's Wrong–And What's Right–With Rubrics // Edu cational leadership 55. 1997. № 2. P. 72–75.

15. Ragupathi K., Lee A. Beyond fairness and consistency in grading: the role of rubrics in higher education // Diversity and inclusion in global higher education. Singapore : Palgrave Macmilian, 2022. P. 73–95.

16. Gricanenko N.A. "Rubriki" kak instrument formiruyushchego ocenivaniya. URL: https://videouroki.net/razrabotki/rubriki-kak-instrumient-formiruiushchiegho-otsienivaniia.html?ysclid=m9ca8tirn3227986232 (accessed: 29.01.2025). (In Russ.).

17. Roslyakova E.Yu., Chechina A.N., Rubriki kak instrument formiruyushchego ocenivaniya na urokah inostrannogo yazyka // Molodoj uchenyj. 2020. № 2 (292). S. 407–409. URL: https://moluch.ru/archive/292/66261/ (accessed: 29.01.2025). (In Russ.).

18. Shmigirilova I.B., Rvanova A.S., Grigorenko O.V. Ocenivanie v obrazovanii: sovremennye tendencii, problemy i protivorechiya (obzor nauchnyh publikacij) // Obrazovanie i nauka. 2021. T. 23, № 6. (In Russ.).

19. Grant P. Wiggins and Jay McTighe. Understanding by Design. Alexandria : Association for Supervision and Curriculum Development, 2005.

20. Jonsson A., Svingby G. The placement test and the scoring rubric were found to be useful in differentiating well between ability levels of students // The use of rubrics: reliability, validity and educational consequences. Educational Research Review 2: 2007. P. 130–144.

21. Stiggins R.J. Student-Centered Classroom Assessment. New York : Macmillan Publishing Company, 1994. 477 p.

Информация об авторах

О.Г. Злобина – кандидат социологических наук, доцент;
Е.С. Гафиатулина – кандидат физико-математических наук, доцент.

Information about the authors

O.G. Zlobina is Candidate of Science (Sociology), Associate Professor;
E.S. Gafiatulina is Candidate of Science (Physics and Mathematics), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 11.04.2025; одобрена после рецензирования 28.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.
The article was submitted 11.04.2025; approved after reviewing 28.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2025. Т. XXII, Вып. 2. С. 42–50
The Humanities and Social Studies in the Far East. 2025. Vol. XXII, Is. 2. P. 42–50

Научная статья
УДК 316.612, 316.613
doi:10.31079/1992-2868-2025-22-2-42-50

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ УНИВЕРСИТЕТА (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА)

Татьяна Николаевна Корнеенко[1], **Ирина Сергеевна Зиссер**[2]
[1, 2]Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия
[1]tnkorn77@gmail.com
[2]izisser@gmail.com

Аннотация. Вопросы, поднимаемые в данной статье, посвящены проблеме социализации студента в университете. Рассмотренные в статье подходы к названной проблеме показывают ее с разных точек зрения: 1) как возможность идентификации студента в обществе и 2) как саморазвитие личностных усилий (индивидуальности) студента на протяжении всей жизни. Последнее позволяет обозначать проблему социализации как онтологическую.

Ключевые слова: социализация, идентификация, личность, индивидуальность, уровни социализации, адаптация, субъектность, педагогические факторы поддержки

Original article

THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF STUDENT'S SOCIALIZATION IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE UNIVERSITY (ON THE EXAMPLE OF THE REGIONAL UNIVERSITY OF THE FAR EAST)

Tatyana N. Korneenko[1], **Irina S. Zisser**[2]
[1, 2]Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia
[1]tnkorn77@gmail.com
[2]izisser@gmail.com

Abstract. The issues raised in this article are devoted to the problem of student's socialization at university. The existing approaches show the problem from various perspectives: 1) as a possibility for student's identification within society and 2) as self-development of a personal efforts (individuality) throughout life. The latter allows us to designate the problem of socialization as ontological.

Keywords: socialization, identification, personality, individuality, levels of socialization, adaptation, subjectivity, pedagogical support factors

Введение

Настоящие изменения, характеризуемые кризисными явлениями в социально-политической, экономической, культурной сферах в мировом масштабе, требуют обновления и решения новых задач в системе высшего образования. В условиях российского Дальнего Востока глобальный кризис усугубляется: (1) традиционным запаздыванием освоения современных технологий (вследствие удалённости территории), (2) демографическим кризисом (низкая плотность населения), (3) постоянным притоком миграции (в основном низкой квалификации из стран ближнего зарубежья), (4) недостаточным присутствием крупного бизнеса и компаний, готовых осваивать дальневосточные территории и, как следствие, вкладываться в развитие социальной и экономической инфраструктуры востока России. В то же время мировой военно-политический кризис, обусловленный культурно-ценностными, историческими и экономическими разногласиями различных стран и политических союзов, наоборот, способствует перестройке взаимодействия России со странами Азии и заставляет обратить на них более пристальное внимание. В настоящее время именно страны Азии становятся лидерами в освоении и развитии современных технологий во всех сферах жизнедеятельности человека.

© Корнеенко Т.Н., Зиссер И.С., 2025

В этой связи меняются задачи высшего образования: следует не только готовить востребованных высококвалифицированных профессионалов, но и людей, способных вписывать свою жизненную траекторию в общественный миропорядок и личностно-профессионально реализовываться в нём, понимать суть глобальных изменений как в профессиональном отношении (информационно-технологический контекст), так и в социально-культурном аспекте (ценностный контекст), кроме того, способных стратегически выстраивать жизненный путь, согласно замыслу о себе (С.И. Гессен). Поэтому актуализируется проблема социализации студента в университетской среде, поскольку успешность ее выступает условием дальнейшего врастания в культуру, профессионализации и индивидуализации его личности. Недоучет этой «стартообразующей функции» (А.Г. Асмолов) приводит к неспособности личности, а впоследствии и общества встраиваться в активный процесс экономического, культурного и ценностного развития и со-развития.

Вышесказанное подразумевает две стратегические линии развития образования: (1) горизонтальное – в контексте обретения и развития человеком профессиональных навыков, навыков взаимодействия в обществе, софт-способностей и (2) вертикальное – обусловливающее духовное становление человека: развитие рефлексии, чувств личностного и общественного долга, ответственности перед другими и самим собой (П.И. Гуревич). Это значит, что процесс социализации, как и любой другой масштабный личностный процесс, не замыкается только на внешнем контуре, но во многом обусловлен бытийственными характеристиками человека, вписан в его внутреннюю сферу, в которой развиваются необходимые социализации процессы постоянного самоопределения и рефлексии. Поэтому к процессу социализации в университете сегодня следует подходить с точки зрения целостного подхода – онтологического, опирающегося на причинные, внутренне обусловленные механизмы постепенного взросления человека.

Цель статьи состоит в теоретическом исследовании проблемы социальной адаптации в университете в рамках онтологического подхода, а именно его сущности и факторов успешности.

Исследование включает в себя теоретическую и практическую часть.

Задачи исследования:

1) обосновать процесс социализации студента в университете, описать факторы, влияющие на его развитие и торможение в образовательной среде, представить уровневую классификацию социализации;

2) качественно проанализировать экспериментальные результаты исследования (на базе регионального университета) процесса социализации студентов на разных курсах;

3) предложить возможные способы системной поддержки процесса социализации студента в университете.

Методы исследования: теоретический анализ научной литературы, рефлексия, эксперимент, методы математической статистики.

Теоретические аспекты социализации. Проблема социализации личности в науке рассматривается под разным углом зрения. Первый из них – социокультурный (Э. Дюркгейм) – объясняет процесс социализации в целом, с позиции развития общества, суть которого состоит в формировании интересов и коллективного действия членов общества. С точки зрения этого подхода социализация – объективный процесс. Причем для конкретного человека он всегда тревожен, не столько в силу психологических особенностей последнего, а по причине изначальной разницы законов развития социальных явлений (фактов) и индивидуальных. Так, Э. Дюркгейм отмечает: «…мышление групп иное, нежели отдельных людей; у него свои собственные законы, другой субстрат, они развиваются в другой среде и зависят от других условий…» [10: с. 63]. Поэтому индивид, находя социальные явления и факты уже готовыми, не может их изменить и вынужден приспосабливаться или искать законы существования в них, а значит, развивать у себя соответствующие навыки, способы совершать определенные действия. Подобный процесс подстраивания себя под внешние условия связан с пересмотром собственных привычек, индивидуальных культурных и ценностных установок. Такая последовательная идентификация индивида в общественной среде, согласно её традициям, установкам, ценностям, представляет собой процесс социализации. Успешность социализации предопределяет успешность каждой последующей ступени развития человека. В частности, А. Инкельс [16: с. 50] отмечает, что процесс социализации лежит в основании индивидуализации личности. Поэтому последовательность ступеней взросления для него выглядит следующим образом: социализация → профессионализация → инкультурация → индивидуализация. Таким образом, с социокультурной точки зрения социализация – это процесс идентификации человека в обществе и с обществом.

Если социокультурный подход рассматривает социализацию с точки зрения макроуровня, – уровня, который не учитывает частные события конкретного человека на этапе взросления, то

психолого-педагогический подход (А.В. Мудрик, И.С. Кон, В.А. Слободчиков, М.В. Ромм) к данному процессу относится с позиции микроуровня или личностного процесса. В частности, идентификация индивидуума в обществе, т.е. обретение им соответствующих языков и способов чтения общественных кодов, не является конечной целью, поскольку социализация – феномен изначально присущий родовой природе человека. С точки зрения родовой природы существуют четыре вида глубинных потребностей человека: познание, общение, активность и творчество, которые, проявляясь на внешнем контуре, вызывают к развитию и иные способности человека. По мнению В.А. Возчикова [7: с. 34–40], ими являются способности к познанию, само/деятельности и общению/диалогу. М.В. Ромм полагает, что глубинным личностным основанием социализации выступает «…*способность быть субъектом* социальных отношений и реализовывать свою индивидуальность в реальных условиях» [21: с. 29]. И.С. Кон подчеркивает важность *способностей к самообразованию и самореализации* личности, которые, с одной стороны, направляют процесс социализации, с другой – сами в нем обнаруживаются и развиваются. Вышесказанное говорит о том, что социализация с точки зрения психолого-педагогического подхода представляет собой нелинейный и сложный процесс постепенного обретения языков культуры или «врастания в бытие». Например, В.А. Петровский [19] представляет процесс личностной социализации с точки зрения циклов смены фаз развития: фаза интеграции личности в общество сменяется фазой индивидуализации, суть которой состоит в рефлексии предыдущего этапа, обретении новых личностных черт, ценностей, отношений. Затем процесс повторяется, но уже на обновленных основаниях.

Сказанное позволяет сделать вывод, что процесс социализации с точки зрения психолого-педагогического подхода – это глубоко личностный процесс, имеющий две линии развития: внутреннюю (на уровне развития потребностной сферы) и внешнюю (на уровне развития способов деятельности, навыков). Причем успешность второй зависит от развития первой.

Вышесказанное позволяет сделать следующие выводы:

1. Феномен социализации не ограничивается приспособлением к социальным условиям. С точки зрения социокультурного подхода суть социализации – в становлении личности как «полноправного члена общества» [8] или ее самореализации. С точки зрения психологического подхода социализация – процесс взаимной идентификации внутреннего «Я» и общества, возникающий в результате личностной рефлексии, переживания и самоопределения. Внутренний и внешний контур социализации определяет ее бытийный (онтологический) характер.

2. Результатом социализации становится опытно-духовное взросление человека, в ходе которого развиваются способы бытия, устремления и ценностные установки, мировоззрение, определяется место в общественном устройстве личности.

3. Процесс социализации реализуется через личностную способность быть субъектом деятельности или способность к субъектному взаимодействию в общественной среде.

Представленная сложность и многогранность процесса социализации говорит о необходимости педагогической поддержки названной способности на всех ступенях образования.

Представленная структурная сложность процесса социализации, а также анализ психологической и социологической литературы (Г.Е. Зборовский, Е.А. Шуклина, К.А. Абульханова [1; 2], В.А. Петровский, В.И. Слободчиков, Б.Д. Эльконин) позволяют выделить несколько стадий (этапов развития) данного процесса у студента. Первый уровень – уровень адаптации. В его основе лежит освоение социальной среды – когда человек усваивает необходимые нормы и принятые способы действия в обществе, но может не воспринимать их в системе и не рассматривать общество как причину и одновременную цель своих внутренних устремлений в силу недостаточно развитой рефлексии. Второй уровень – уровень профессиональной социализации. Суть его в том, что человек воспринимает общество как целое, что позволяет ему не только быть субъектом действия в обществе – углублять стратегические профессиональные интересы, но и видеть свою профессию в качестве дела на данном жизненном этапе. Это уровень начинающегося активного развития «мягких» навыков на основе объемной рефлексии. Наконец, третий уровень – уровень онтологической социализации, заключающийся в том, что человек становится субъектом жизнедеятельности [1], обретает устойчивые ценности, определяет жизненные задачи (в 5–10-летней перспективе). При этом общество, общественные отношения уже являются не только местом самореализации, но своеобразным смыслом деятельности «для…» (Г.С. Батищев). На рис. 1 представлена уровневая схема социализации как пути постепенного взросления личности.

Рис. 1. Уровневая схема процесса социализации

В образовательной среде университета можно выделить внешние и внутренние факторы, влияющие на эффективность целостного процесса социализации. Внутренние факторы – факторы, зависящие от человека: наличных способностей, мотивации, его умения учиться и переучиваться. Внешние факторы связаны с образовательной средой университета и теми ее возможностями, которыми она обладает.

Пребывая в огромном потоке людей и информации, в малых и больших группах, обучаясь и взаимодействуя, студент не всегда рефлексирует все процессы, а поэтому осознанно не осмысливает культурно-ценностные установки среды и свое отношение к ним. Как следствие, навыки взаимодействия формируются медленно, чаще интуитивно, преимущественно оставаясь на низком уровне развития. Следовательно, к внутренним факторам неуспешной социальной адаптации можно отнести следующее:

1) дефицит необходимых способностей самого студента;

2) недостаточность его (студента) профессиональной и учебной мотивации.

В частности, существует разница между школьной и университетской средой. Сталкиваясь с множеством преподавателей и их требованиями, первокурсник испытывает определенное давление, повышенную тревожность, которые мешают ему реализоваться. Кроме того, имеет место внутренний дискомфорт и противоречие между собственными ожиданиями, сформированными ранее, и реальным пребыванием в университете, которое испытывает каждый студент. Соответственно, чем быстрее первокурсник преодолевает возникающие противоречия, тем быстрее он становится способным к свободной деятельности, осуществлению выбора, способным к постановке новых целей в университетской среде. Между тем преодоление названного противоречия – это внутренняя рефлексивная работа, которая успешнее происходит в рамках системной поддержки со стороны системы управления образовательной средой. Отсюда внешние причины медленной адаптации связаны с педагогической системой поддержки первокурсника. Сюда можно отнести следующее:

– недостаточную информированность первокурсника со стороны института кураторства и наставничества о жизни в университете, его реальном сопровождении в ней. Одним из следствий становится слабая вовлеченность в групповые проектные работы совместно с командой старших курсов, магистрантов и аспирантов;

– недостаточную информационную работу ведущих кафедр и студенческих активов с первокурсником, следствием чего становится низкая мотивация студента как в учебно-научной работе, так и в профессиональном до-самоопределении;

– дефицит внутренних университетских грантов и предложений со стороны администрации и профессионального сообщества именно для студентов младших курсов. В качестве таковых могут быть: гранты для учебно-исследовательских и профессионально-исследовательских работ, различные конкурсы, связанные с профессиональным уклоном, конкурсы образовательных продуктов, специальные конференции и семинары;

– преимущественное отсутствие встреч, экскурсий и сопровождения со стороны профессионального сообщества для студентов первого и второго курса, что могло бы помочь первокурснику окончательно определиться в выборе дальнейшей жизненной траектории.

Проведенный анализ позволяет определить задачи практического исследования процесса социализации студента в университете:

1) провести анкетирование студентов первокурсников относительно их ожиданий от университета и элементов соответствующей мотивации поступления. Качественно сравнить полученные результаты с ответами студентов третьего и выпускного курса и сделать вывод;

2) доказать взаимосвязь учебной мотивации студента с его конкретными достижениями в области научной, профессиональной, самообразовательной деятельности в процессе обучения;

3) на базе проведенного исследования сделать общий вывод относительно того, насколько эффективны существующие методы педагогической поддержки социализации студентов, в случае необходимости предложить возможные практики улучшения названного процесса.

Проведенное анкетирование затрагивало студентов первого, третьего и выпускного курса. Выбор тестируемой группы студентов с каждого курса случаен, что способствует правдивости результа-

тов. Исследование не является лонгитюдным, что предполагает некоторую неточность толкования полученных данных, тем не менее выведенные общие рекомендации для создания условий самореализации в образовательной среде могут быть полезны. Выбор самих курсов обучения обусловлен необходимостью более детального изучения возраста становления способности к онтологической социализации в зависимости от возраста студента. Результаты анкетирования студентов представлены на рис. 2 и 3.

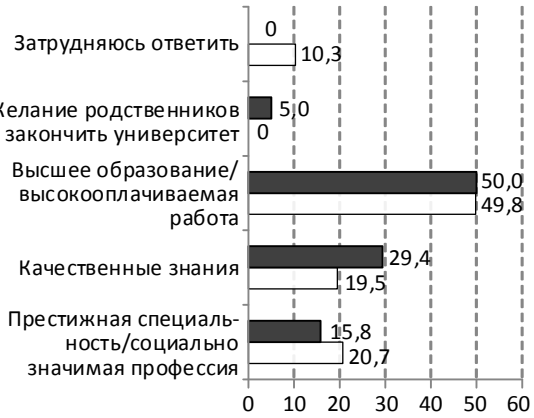

Рис. 2. Сравнение переменной «система мотивов учения» по 1 и 3-му курсу обучения, %: □ – 1-й курс; ■ – 3-й курс

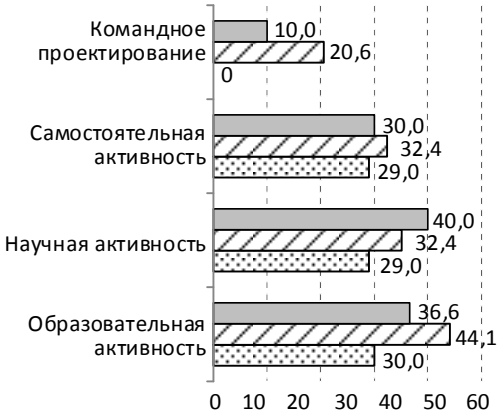

Рис. 3. Сравнение переменных «командное проектирование», «образовательная активность», «научная активность», «самостоятельная активность» студентов первого, третьего и выпускного курса, %: ⊡ – 1-й курс; ◪ – 3-й курс; ▣ – 4–5-й курс

Исследование социализации затрагивало две психологические переменные студента: систему мотивов и активность. Студентам было предложено ответить на несколько вопросов. Первая позиция предполагала вопросы относительно мотивов поступления и обучения в университете. По второй позиции вопросы касались того, насколько часто студенты участвуют в проектах, предлагаемых университетом, научно-исследовательской деятельности, профессиональных грантах. Также учитывались косвенные данные, такие как возраст, пол, средний балл сессии, форма поступления.

По переменной «система мотивов» можно отметить следующее:

1) наиболее распространенным мотивом среди студентов 1 и 3-го курса является получение престижной высокооплачиваемой работы и необходимость высшего образования;

2) как на первом, так и на третьем курсе наблюдается стабильно небольшое число студентов, стремящихся обладать качественными знаниями;

3) на 3-м курсе происходит смещение мотивов в прагматичную сторону; в частности, мотивы «стать высококвалифицированным специалистом» или «получение престижной специальности» уже не являются актуальными, происходит смещение на мотив «получение высокооплачиваемой работы».

По переменной «активность» отмечается следующее:

1) образовательная и внеобразовательная активности на первом курсе эпизодичны и внутренне не обусловлены;

2) учебная активность студентов на 3-м курсе также эпизодична и зависит (как отмечают сами студенты) от работы преподавателя; научная активность (или получение при обучении научного опыта) представлена участием хотя бы раз в научной конференции (29,41 %), в научном исследовании (5,9 %), а также активностью в дополнительном самообразовании (например, попытки студентов (29,6 %) освоить дисциплину, не относящуюся к учебному плану);

3) на первом и третьем курсе существует определенное число студентов, которые за 2,5 года обучения не приняли участия ни в одной предлагаемой активности образовательной среды.

Качественный анализ ответов позволяет сделать общие выводы:

1) на 3-м курсе учебная мотивация демонстрирует некоторый спад, что может быть связано с методами работы преподавателей или с общей усталостью студента, поскольку в данном возрасте преимущество имеет социально-досуговая активность, нежели учебно-/научные исследования;

2) научная активность (научный опыт) выражена слабо, что, вероятно, объясняется несистематической педагогической поддержкой или неэффективностью управления образовательным процессом со стороны администрации;

3) выявляется корреляционная связь между переменными «система мотивов» и «активность».

Например, слабая профессиональная и учебная мотивация обусловливает и непостоянную активность студентов в образовательной среде университета. В то же время существует и обратная зависимость: активность студентов в образовательной среде способствует развитию системы мотивов студентов;

4) наблюдается относительно небольшое число студентов на первом и третьем курсе обучения, которые ни разу не участвовали в предлагаемых мероприятиях, что говорит о несистемной педагогической поддержке.

Отметим результаты анкетирования на выпускных курсах.

На вопрос: «*Какие занятия наиболее влияют на развитие мышления*?» – большинство выпускников ответили «лабораторные исследования в университете» и «самостоятельное проектирование». При этом образовательная активность студентов была представлена следующими вариантами: за годы обучения студенты на учебном занятии хотя бы раз выступали с докладом или презентацией (36,7 % респондентов), самостоятельно осваивали научную дисциплину (20 % ответивших), собирали новую лабораторную работу (23,3 %). Между тем около 20 % затруднились ответить на заданный вопрос. Относительно научного опыта, получаемого в период обучения, можно выделить следующее: большинство студентов (43,3 %) ни в каком виде научной деятельности не принимали участие в период обучения, при этом только 10 % отвечающих участвовали в научном проектировании, а 6,7 % получили диплом по дополнительной специальности (рис. 4).

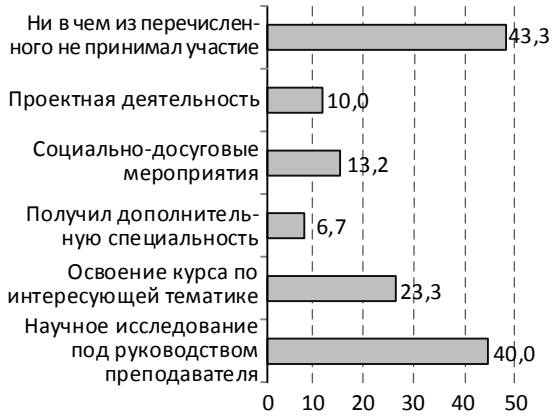

Рис. 4. Образовательная активность студентов, заканчивающих обучение в университете, %

При этом социальный портрет современного выпускника регионального университета выглядит следующим образом: 86,7 % выпускников обучаются на бюджетной основе; ожидания от университета оправдались для 73,3 %; 63,3 % студентов во время обучения имели или имеют подработку, из них 23,3 % работают по специальности (полное распределение ответов представлено на рис. 5); также студентами отмечена недостаточность встреч с работодателями (отмечают 40 % студентов) и производственной практики (23,3 %) (полное распределение ответов представлено на рис. 5 и 6).

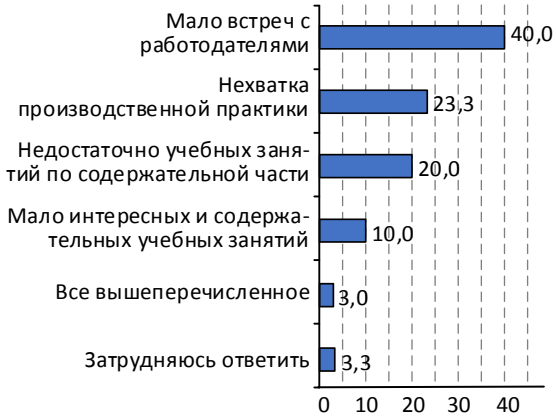

Рис. 5. Распределение ответов выпускников по видам образовательных практик

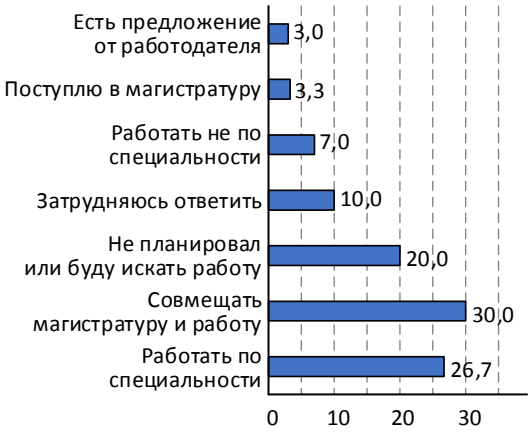

Рис. 6. Распределение ответов выпускников на вопрос «Где планируете работать после университета?»

Исследование позволяет сделать общие выводы:

1. Структура мотивов при поступлении в университет у студентов является непостоянной и несформированной.

2. Данная структура подвержена изменениям в ходе обучения. Так, активное учебное, научное, самостоятельное и профессиональное участие студента в различных видах деятельности и проектах влияет на мотивацию, расширяя и углубляя её. В свою очередь, сама мотивация имеет собственное влияние на процесс обучения, а значит, и на процесс социализации.

3. Недостаток активных образовательных практик, необходимых педагогических методов в арсенале преподавателя, несистемность образовательных и научных продуктов на младших курсах приводят к смещению мотивов (3-й курс), слабой активности студента на занятии (1 и 3-й курсы).

Подобная картина с большей долей вероятности наблюдается не только в данном университете, но и, вероятно, во всех равноценных университетах Дальнего Востока России. По мнению исследователей Института образования ВШЭ [12], такая картина связана с (1) финансируемостью университета, (2) с традиционным оттоком более сильных выпускников школ в западные вузы, а также (3) с консервативностью педагогической среды. Вышесказанное говорит о необходимости разработки целенаправленной педагогической поддержки процесса социализации студента во время обучения. С учетом специфики Дальневосточного региона, а также с вызовами перехода к информационному обществу, обусловленными приоритетом горизонтального освоения мира над вертикальным (М. Хайдеггер, И.Н. Инишев), приоритетом языка над словом, а слова над текстом (И. Н. Инишев), а также с приоритетом творчества над креативностью, можно выделить следующие факторы развития педагогической среды: (1) наличие многовариантной образовательной среды, позволяющей студенту включаться в учебно-исследовательскую, научно-исследовательскую, профессионально-исследовательскую, проектно-исследовательскую, самообразовательную деятельность; (2) разработанный педагогический арсенал интерактивных методов, медийных средств и способов взаимодействия в образовательной среде различных акторов: студент–студент, профессиональный сотрудник–студент, преподаватель–студент, научный сотрудник (в том числе профессор, аспирант, магистрант)–студент; (3) широкое взаимодействие университета и всех его участников с иными акторами образовательного пространства: университетами, НИИ, профессиональными организациями, крупным и средним бизнесом, иными научными центрами, способствующими самоопределению и саморазвитию студента.

Заключение

Таким образом, социализацию следует понимать как целостный личностный процесс, за формирование и развитие которого отвечают множество способностей человека, главной из которых является способность к рефлексии. В свою очередь, процесс социализации выступает основанием других, более сложных личностных процессов (например, индивидуализации или саморазвития). Поэтому его формирование и развитие характеризует скорее степень личностного взросления, чем способность выполнять общественную деятельность. По этой же причине нельзя выделить единичный критерий уровня данного процесса. В частности, в приведенном исследовании приняты две переменные («система мотивов» и «активность»). При этом найдена взаимообратная корелляционная зависимость одной величины от другой. Также в данном исследовании представлены рекомендации по изменению образовательной и научной университетской среды в направлении качественного развития социализации студента.

Список источников

1. Абульханова К.А. Время личности и ее жизненного пути // Человек и мир. 2017. Т. 1, № 1. С. 165–200.
2. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. Москва : Мысль, 1991. 299 с.
3. Арутюнян А.Ю., Возчиков В.А. Медиаобразование – введение в медиакультуру // Гуманизация образования. 2014. № 1. С. 21–25.
4. Асмолов А.А. Сложный человек как вызов педагогике возможностей // Поволжский педагогический поиск. 2018. № 1. С. 13–19.
5. Асмолов А.Г. Стратегия социокультурной модернизации образования: на пути к преодолению кризиса идентичности и построению гражданского общества // /Вопросы образования. 2008. № 1. С. 65–86.
6. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой ; послесл. А. Филиппова. Москва : Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
7. Возчиков В.А. Гуманитарно-образовательная среда обучения и воспитания. Опыт проекта // Человек культуры: Статьи, тезисы сообщений по актуальным проблемам гуманитарных исследований. Бийск, 2000. С. 20–27.
8. Гатиева А.М. Политическая социализация: основные теоретические подходы исследования // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2010. Вып. 3. С. 110.
9. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / отв. ред. и сост. П.В. Алексеев. Москва : Школа-Пресс, 1995. 448 с.
10. Гуревич П.С. Проблема идентичности человека в философской антропологии // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 63–87.
11. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. Москва : ЮРАЙТ, 2019. 556 с.

12. Щеглова И.А., Дремова О.В., Бабаева Д., Маюкова Е.В. За кулисами студенческого выбора: оценка привлекательности инфраструктуры российских вузов. Москва : НИУ ВШЭ, 2024. 38 с. (Современная аналитика образования. № 4 (78)).

13. Звенигородская Г.П. Феноменологическая педагогика. Хабаровск : Изд-во ДВГГУ, 2009. 138 с.

14. Зинченко В.П. Духовное возрождение // Человек. 2020. Т. 31, № 2. С. 12–26.

15. Инишев И.Н. Распределённая образность: имагинативные практики современной культуры // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2020. № 1. С. 31–46.

16. Инкельс А. Личность и социальная установка // Американская социология : сборник трудов / под ред. Т. Парсонс. Москва : Прогресс, 1972. С. 50.

17. Каптерев П.Ф. О саморазвитии и самовоспитании // Педагогика. 1999. № 7. С. 73–84.

18. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета / пер. с исп. М.Н. Голубевой ; под общ. ред. М.А. Гусаковского. Минск : БГУ, 2005. 104 с.

19. Петровский В. А. «Субъектность» в пространстве культуры и наяву // Мир психологии. 2015. № 3. С. 14–38.

20. Подольский А.И., Карабанова О.А. [и др.]. Психоэмоциональное благополучие современных подростков: опыт международного исследования // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2011. № 2. С. 9–20.

21. Ромм М.В., Ромм Т.А. Социализация и профессиональное воспитание в высшей школе // Высшее образование в России. 2010. № 12. С. 104–113.

22. Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. Москва, 1989. С. 603.

23. Хайдеггер М. Искусство и пространство // Время и бытие. Москва : Республика, 1993. С. 312–316.

References

1. Abul`xanova K.A. Vremya lichnosti i ee zhiznennogo puti [The time of the individual and his or her life's journey] // Chelovek i mir. 2017. Vol. 1, No. 1. P. 165–200. (In Russ.).

2. Abul'hanova-Slavskaya K.A. Strategiya zhizni [Strategy at life]. Moscow : Mysl', 1991. 299 s. (In Russ.).

3. Arutyunyan A.Yu.,Vozchikov V.A. Mediaobrazovanie – vvedenie v mediakul`turu [Media Education – Introduction to Media Culture] // Gumanizaciya obrazovaniya. 2014. No. 1. P. 21–25. (In Russ.).

4. Asmolov A.A. Slozhny`j chelovek kak vy`zov pedagogike vozmozhnostej [The complex human being as a challenge to the pedagogy of possibilities] // Povolzhskij pedagogicheskij poisk. 2018. No. 1. P. 13–19. (In Russ.).

5. Asmolov A.G. Strategiya sociokul`turnoj modernizacii obrazovaniya: na puti k preodoleniyu krizisa identichnosti i postroeniyu grazhdanskogo obshhestva [Strategy for Socio-Cultural Modernization of Education: Towards Overcoming the Identity Crisis and Building Civil Society] // Voprosy` obrazovaniya. 2008. No. 1. P. 65–86. (In Russ.).

6. Bek U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu [Society at Risk. Towards a different modernity]/ per. s nem. V. Sedel'nika, N. Fedorovoj; poslesl. A. Filippova. Moscow : Progress-Tradiciya, 2000. P. 384. (In Russ.).

7. Vozchikov V.A. Gumanitarno-obrazovatel'naya sreda obucheniya i vospitaniya. Opyt proekta [Humanitarian-educational environment of training and education. Project experience]// Chelovek kul'tury: Stat'i, tezisy soobshchenij po aktual'nym problemam gumanitarnyh issledovanij. Bijsk, 2000. P. 20–27. (In Russ.).

8. Gatieva A.M. Politicheskaya socializaciya: osnovnye teoreticheskie podhody issledovaniya [Political socialization: the main theoretical approaches of the study] // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kul'turologiya. 2010. Vol. 3. P. 110. (In Russ.).

9. Gessen S.I. Osnovy pedagogiki. Vvedenie v prikladnuyu filosofiyu [The Fundamentals of Pedagogy. An introduction to applied philosophy] / otv. red. i sost. P.V. Alekseev. Moscow : Shkola-Press, 1995. P. 448. (In Russ.).

10. Gurevich P. S. Problema identichnosti cheloveka v filosofskoj antropologii [The problem of human identity in philosophical anthropology] // Voprosy social'noj teorii. 2010. Vol. 4. P. 63–87. (In Russ.).

11. Dyurkgejm E. Sociologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie [Sociology. Its subject, method, purpose]. Moscow : YuRAJT, 2019. 556 p. (In Russ.).

12. Shcheglova I.A., Dremova O.V., Babaeva D., Mayukova E.V. Za kulisami studencheskogo vybora: ocenka privlekatel'nosti infrastruktury rossijskih vuzov [Behind the scenes of student choice: an assessment of the attractiveness of Russian university infrastructure]. Moscow : Higher School of Economics, 2024. 38 p. (Modern education analytics. № 4 (78)). (In Russ.).

13. Zvenigorodskaya G.P. Fenomenologicheskaya pedagogika [Pedagogy of hermeneutics]. Habarovsk : Izd-vo DVGGU, 2009. 138 s. (In Russ.).

14. Zinchenko V.P. Duhovnoe vozrozhdenie [Cultural renaissance] // Chelovek. 2020. Vol. 31, No. 2. P. 12–26. (In Russ.).

15. Inishev I.N. Raspredelyonnaya obraznost': imaginativnye praktiki sovremennoj kul'tury [Distributed imagery: Imaginative practices of contemporary culture] // Praksema. Problemy vizual'noj semiotiki. 2020. № 1. S. 31–46. (In Russ.).

16. Inkel's A. Lichnost' i social'naya ustanovka [Personality and social setting] // Amerikanskaya sociologiya : sb. / T. Parsons (red.). Moscow : Progress, 1972. P. 50. (In Russ.).

17. Kapterev P.F. O samorazvitii i samovospitanii [Thoughts on self-development and self-education of the personality] // Pedagogika. 1999. No. 7. P. 73–84. (In Russ.).

18. Ortega-i-Gasset X. Missiya universiteta [University Mission] / per. s isp. M.N. Golubevoj ; pod obshch. red. M.A. Gusakovskogo. Minsk : BGU, 2005. 104 s. (In Russ.).

19. Petrovskij V.A. “Cub"ektnost'” v prostranstve kul'tury i nayavu [“Subjectivity” in cultural space and in the real world] // Mir psihologii. 2015. No. 3. P. 14–38. (In Russ.).

20. Podol'skij A.I., Karabanova O.A. [i dr.]. Psihoemocional'noe blagopoluchie sovremennyh podrostkov: opyt mezhdunarodnogo issledovaniya [Psycho-emotional well-being of modern teenagers: Experience of an international study] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya. 2011. No. 2. P. 9–20. (In Russ.).

21. Romm M.V., Romm T.A. Socializaciya i professional'noe vospitanie v vysshej shkole [Socialization and professional education in higher education] // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2010. № 12. S. 104–113. (In Russ.).

22. Filosofskij enciklopedicheskij slovar'. Moscow, 1989. S. 603. (In Russ.).

23. Hajdegger M. Iskusstvo i prostranstvo [Art and space] / Vremya i bytie. Moscow : Respublika, 1993. S. 312–316. (In Russ.).

Информация об авторах

Т.Н. Корнеенко – кандидат педагогических наук;
И.С. Зиссер – кандидат физико-математических наук, доцент.

Information about the authors

T.N. Korneenko is Candidate of Pedagogical Sciences;
I.S. Zisser is Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests

Статья поступила в редакцию 02.04.2025; одобрена после рецензирования 28.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.
The article was submitted 02.04.2025; approved after reviewing 28.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2025. Т. XXII, Вып. 2. С. 51–55
The Humanities and Social Studies in the Far East. 2025. Vol. XXII, Is. 2. P. 51–55

Научная статья
УДК 338.001.36
doi:10.31079/1992-2868-2025-22-2-51-55

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ДРАЙВЕР КАЧЕСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В КОНТЕКСТЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Екатерина Игоревна Кузнецова

Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, kuznetsova-ei@ranepa.ru

Аннотация. В настоящее время Россия, как и многие другие страны, находящиеся в процесс третьего демографического перехода, столкнулась с проблемой снижения рождаемости и общим старением населения. Также наряду с депопуляцией в целом присутствует проблема воспроизводства и качественного улучшения человеческого капитала в России. В статье предпринимается попытка анализа влияния инвестирования в человеческий капитал на репродуктивные установки молодёжи.

Ключевые слова: социальный капитал, образование, образовательная миграция, репродуктивные установки, ценностные ориентации молодёжи

Благодарности: статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Original article

EDUCATION AS A DRIVER OF HUMAN CAPITAL QUALITY IN THE CONTEXT OF DEMOGRAPHIC POLICY

Ekaterina I. Kuznetsova

Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management, St. Petersburg, Russia, kuznetsova-ei@ranepa.ru

Abstract. Currently, Russia, like many other countries in the process of the third demographic transition, is facing the challenges of declining birth rates and the overall aging of the population. Along with depopulation in general, there is also a problem of reproduction and qualitative improvement of human capital in Russia. The article attempts to analyze the impact of investing in human capital on the reproductive attitudes of young people.

Keywords: social capital, education, educational migration, reproductive attitudes, value orientations of youth

Acknowledgments: the article was written as part of the research work under the state assignment of the RANEPA.

Введение

Сегодня на уровне Правительства Российской Федерации ставится задача оптимизации и максимизации использования возможностей высших учебных заведений как для получения студентами качественного образования по востребованным специальностям, так и для повышения квалификации специалистов. Однако в течение последних двух десятилетий страна постепенно утрачивает конкурентные преимущества в сфере человеческого капитала, что является угрозой для ее национальной безопасности. Качество человеческого капитала стало одним из главных препятствий для развития национальной экономики. Россия, обладающая огромным природным и воспроизводимым потенциалом, подошла к тому, что количественные и качественные показатели ее человеческого капитала приближаются к границе, когда не может быть обеспечено решение задач собственного развития и воспроизводства, развития экономики, освоения территориальных, природных, сырьевых и топливно-энергетических ресурсов. В связи с этим проблемы воспроизводства и качественного улучшения человеческого капитала в России как ее важнейшего стратегического ресурса являются на современном этапе одними из наиболее важных.

Молодёжь является ценным социальным ресурсом, на неё возложены функции воспроизводства накопленного государством наследия, экономическая активность и мобильность молодого поколения делает их основным объектом воспитания и образования. Также молодёжь выполняет функцию воспроизводства, сохраняет традиции, заботится о старшем поколении. Во всех странах молодое поко-

© Кузнецова Е.И., 2025

ление является стратегическим в контексте национальной безопасности. Основным приоритетом деятельности государства на текущем этапе является не только купирование проблем воспроизводства, но и развитие человеческого капитала молодёжи. В рамках выполняемой научно-исследовательской работы мы исследуем возможность совершенствования мер государственной поддержки семьи, родительства и детства, в том числе и в контексте инвестиций в человеческий капитал.

Методы

В основе статьи анализ имеющейся в научной литературе информации статистического характера о самоидентификации, установках и предпочтениях молодёжи России в контексте демографической ситуации.

Результаты

В своей работе мы будем опираться на классическое определение социального капитала, которое представлено в трудах лауреатов Нобелевской премии Т. Шульца и Г. Беккера. «Концепция капитала исходит из наличия нечто реально существующего, что обладает экономическим свойством оказывать будущие услуги, имеющие некоторую стоимость. Понимание капитала как чего-то такого, что оказывает будущие услуги, позволяет приступить к последующему делению целого на две части: на человеческий и нечеловеческий капитал» [13]. Навыки, способности человека и его знания способствуют появлению дополнительного дохода и составляют человеческий капитал. Т. Шульц выделяет образование в отдельную форму капитала, обеспечивающую экономический рост, при этом само образование в его понимании обособлено и существует внеинституционально. Невозможно отделить капитал образования от самого человека, и именно поэтому образование – это человеческий капитал. Перспективные в будущем заработки или удовлетворение деятельностью зависит от образования, следовательно, необходимы дополнительные вложения в образование. Инвестиции в образование необходимы как вложение в факторы производства, создающие дополнительный продукт. Т. Шульц придерживался позиции возможности развить в человеке те или иные качества при определённых усилиях. «Все человеческие способности являются или врожденными, или приобретенными. Каждый человек рождается с индивидуальным комплексом генов, определяющим его врожденные способности. Приобретенные человеком ценные качества, которые могут быть усилены соответствующими вложениями, мы называем человеческим капиталом» [14]. Г. Беккер, развивая идеи Т. Шульца, создал научную школу. В своём труде «Инвестиции в человеческий капитал» он отмечал, что человеческий капитал формируется через инвестиции в человека [1], такие как само обучение, производственная подготовка, финансирование здравоохранения, все эти расходы в конечном итоге оказывают влияние на потенциал человека и производительные силы. Доход с человеческого капитала можно получить через трудовое усилие работника [1].

Концепция человеческого капитала на современном этапе трактует его не только с точки зрения реализации интеллектуального потенциала самого человека, но и с точки зрения воспроизводства: рождение и уход за детьми воспроизводит человеческий капитал в следующем поколении.

Демографическая ситуация в Российской Федерации характеризуется низким уровнем рождаемости, который не обеспечивает простое воспроизводство населения. Со стороны демографической политики задача государства заключается в способствовании приоритетному выбору населением тех семейных форм жизни, которые отвечают интересам нации по воспроизводству населения. Демографическая политика в Российской Федерации выступает средством целенаправленного воздействия на рождение детей, брачность, миграцию и заботу о здоровье. Она оказывает влияние на половозрастной состав населения в том направлении, которое необходимо государству для поддержания социально-экономического развития и национальной безопасности [3]. На текущий момент государство сосредоточено на действующих инструментах для достижения поставленных демографических целей: на стимулировании рождаемости, стимулировании здоровья граждан (на укреплении здоровья и снижении смертности) и на сбалансированности миграции [9]. Основная группа, на которую направлены меры государственной демографической политики, – это молодежь.

Молодёжь в современной России является самой мобильной группой. «Образовательная миграция зачастую приводит к последующему перераспределению трудовых ресурсов в регионе и стране в целом, что делает изучение миграционных намерений молодежи и факторов, влияющих на формирование таких планов, необходимым для оценки объема и структуры потенциального миграционного потока. Неравенство стартовых возможностей, неоднородность размещения образовательных организаций оказывают влияние на миграционные планы молодежи. Для такого поведения у молодежи есть определенные социально-экономические причины. Среди них важное место

занимают как индивидуальные (уровень культурного капитала семьи, пол, успеваемость, доходы), так и внешние факторы мобильности, включая экономическое положение, институциональные характеристики региональных систем образования и др.» [9]. Учёные отмечают следующие особенности миграционного поведения молодёжи в образовательных целях:

– в Москве и Петербурге ежегодно отмечаются самые высокие показатели миграционного прироста молодежи;

– миграционный прирост существенно выше в 18 лет.

Перемещающаяся молодёжь изначально ставит целью как получение образования, так и дальнейшее трудоустройство. Большая часть респондентов, переместившихся в Москву и Петербург, добавляют, что переезжали также из-за нежелания оставаться в своём родном населённом пункте. Чаще всего переезжают молодые люди из Чукотского автономного округа (15,1 %), Кировской области (14,5 %), Новгородской области (11,9 %), Архангельской области (11,6 %), Республики Хакасия (11,5 %). Помимо общих для России проблем, связанных с острой демографической ситуацией, за исключением некоторых традиционных регионов, усугубляется также неравномерность распределения человеческих ресурсов на территории. Перемещения молодых людей с образовательными целями можно рассматривать как инвестиции в человеческий капитал, однако при этом необходимо отметить, что инвестирование получается с дальнейшей перспективой не для родного региона. В Санкт-Петербурге находится самое большое количество высших учебных заведений в стране, город активно привлекает внутренние миграционные потоки молодёжи, позиция города относительно образовательной миграции не менялась и неоднократно озвучивалась. Петербург готовит кадры на федеральном уровне. Учитывая вышеозначенную проблему неравномерного распределения человеческих ресурсов, выбор стратегии образовательной миграции молодёжью и их родителями только усугубляет её перспективой невозвращения. Председатель Совета Федерации В.И. Матвиенко справедливо обозначила некоторые скользкие моменты набора на коммерческой основе в крупных городах иногородних студентов [6]. Спикер предложила сосредоточиться на региональных вузах, это позволит регионам удерживать и воспроизводить социальный капитал. «Надо стараться, чтобы все-таки люди оставались в своих регионах, учились в своих вузах, рожали детей, решали жилищные проблемы и так далее. Это и демографический вопрос», – призвала В.И. Матвиенко.

Обсуждения

На текущем этапе молодёжь оказалась под воздействием противоречивых ценностей. Произошло некоторое обесценивание института семьи и брака, часть молодых людей разделяют гедонистическое отношение к отцовству и материнству, считая приоритетом собственное развитие, удовлетворение потребностей и получение удовольствий. Этот тренд поддерживается массовой культурой, не формирующей образ счастливой семьи с детьми. Государство при этом ясно выразило свою позицию в отношении предпочитаемого образа молодой семьи: формализованные отношения, семья, настроенная на рождение и воспитание детей в рамках традиционных для России ценностей; брак, продолжительный и крепкий. Репродуктивные установки в контексте нашей научной работы мы понимаем как планируемую модель семьи и модель определённого репродуктивного поведения, которое будет определять поиск партнёра для создания семьи, формализацию этих отношений, перспективы рождения и воспитания детей, что окажет влияние на воспроизводство и в конечном итоге на человеческий капитал. Начало реализации репродуктивных установок происходит в период обучения в вузе или учреждениях СПО. Проведённые независимо друг от друга исследования в различных вузах и колледжах в России в период с 2016 по 2024 г. [8] демонстрируют обобщенно следующие установки молодёжи:

– цели студентов одновременно возвышенные и утилитарные: молодёжь часто говорит о «саморазвитии», при этом некоторая часть хочет просто «получить диплом»;

– около трети опрошенных студентов не имеют планов дальше чем на 2–3 года;

– большинство опрошенных склоняются к идее откладывания вступления в брак и рождения детей;

– половина от опрошенных демонстрируют готовность поступиться моральными принципами для построения карьеры и достижения успеха;

– значительная часть опрошенных склонна к рискованному поведению и не занимается здоровьесбережением в юности;

– весьма распространен достаточно ранний половой дебют;

– отношение к прерыванию беременности скорее негативное, у половины опрошенных девушек – резко негативное;

– 1/3 опрошенных говорят о формализации отношений только в связке с финансовой независимостью, 76 % вообще не думают о создании семьи в ближайшие несколько лет, предпочитают семье сожительство 56 %;

– до 2/3 респондентов считают, что детей нужно планировать на 2–3-м году брака, треть студенток хотели быть родить первого ребёнка ещё в процессе обучения в вузе, но при условии дополнительной поддержки от государства.

Подводя итог исследований репродуктивных установок молодёжи, можно зафиксировать следующее: в целом молодёжь настроена на семью с детьми, при этом есть определённые барьеры, связанные с гедонистическим отношением, неуважением к традиционным ценностям, в том числе и навязанным массовой культурой, а также откладывание формализации отношений из-за легкомысленного отношения к интимной жизни и одновременно желания «пожить для себя», а также по причине финансовой зависимости от старшего поколения. В целом это свидетельствует о недостаточности мер, предпринимаемых государством для создания положительного образа семьи с детьми, в том числе и многодетной.

При общей достаточно высокой мобильности молодёжи, о чём свидетельствуют исследования образовательной мобильности, рассмотренные нами выше, усугубляется неравномерность распределения человеческих ресурсов на территории России. Выработать методику удержания молодёжи в месте проживания до сих пор не удалось ни одному из активно покидаемых регионов. Рекомендации экспертного сообщества об ужесточении правил целевого набора наталкиваются на активное сопротивление в самих регионах и со стороны родительского сообщества. Уровень образования является важным фактором, обусловливающим демографическое поведение населения (рождаемость и смертность) [10]. Фиксируется высокий разрыв в ожидаемой продолжительности жизни между высокообразованными и низкообразованными мужчинами, у женщин разрыв представлен не так ярко. Одно из недавних исследований населения показало, что дополнительный год образования примерно на 5 % снижает риск смертности от сердечно-сосудистых заболеваний [12]. Что касается влияния образования на рождаемость, оно дифференцировано. «Почти во всех регионах России у женщин, относящихся к кадрам высшей квалификации и у имеющих высшее (или неполное высшее) профессиональное образование, среднее число рожденных детей меньше по сравнению с имеющими более низкий уровень образования. В Москве, наоборот, у женщин с высшим профессиональным образованием среднее число рожденных детей наибольшее по сравнению с имеющими другой уровень образования» [4]. В России практически во всех поколениях женщин наименьшее среднее число рожденных детей наблюдается у женщин, имеющих высшее профессиональное образование, и особенно у кадров высшей квалификации. Если учесть, что основным лицом, принимающим решение о возможном рождении ребёнка, традиционно в России является женщина, то можно попробовать сформулировать вывод о том, что на высокообразованных женщин нужно обратить внимание, разрабатывая новые меры поддержки семей и деторождения. На текущий момент государственная политика сосредоточена на экономических мерах стимулирования рождаемости, что выводит из фокуса внимания эту группу женщин.

Выводы

Современное состояние поддержки социального капитала в России характеризуется в основном определёнными мерами поддержки экономического характера. Студенты и молодёжь в целом как особая группа населения, с установками которой связано будущее всей страны, в рамках опросов демонстрируют желание иметь семью и в перспективе детей, при этом их запрос в сторону государства и его демографической политики скорее созвучен экономической направленности мер поддержки. Если говорить о репродуктивных установках в целом фертильной части населения, здесь наблюдается видимая дифференциация исходя из уровня образования и возраста опрашиваемых. Сосредоточенность только на экономическом стимулировании рождаемости в перспективе может оказать влияние на качество человеческого капитала.

Список источников

1. Беккер Г.С. Теория распределения времени // Вехи экономической жизни. Рынки факторов производства. Т. 3 / под ред. В.М. Гальперина. Санкт-Петербург : Экономическая школа, 2000.

2. Галас М.Л., Брушкова Л.А. Самоидентификация российской молодежи в трансформирующемся мире : монография / отв. ред. д-р ист. наук, проф. М.Л. Галас. Москва : ИНФРА-М, 2024. 227 с. (Научная мысль).

3. Исупова О.Г. Демографическая и семейная политика в разных странах: концептуальные подходы и практики // Демографическое обозрение. 2020. № 7(3).

4. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. Т. 9. Рождаемость. Таблица 5. Среднее число рожденных детей женщинами, проживающими в частных домохозяйствах, имеющими различный уровень образования, по субъектам Российской Федерации. URL: https://fadn.gov.ru/otkritoe-agenstvo/vserossijskaya-perepis-naseleniya-2020/ (дата обращения: 05.03.2025).

5. Камалова М.И. Ценностные ориентации современной российской молодежи: публичная политика как пространство формирования : монография. Москва : ИНФРА-М, 2024. 171 с. (Научная мысль).

6. Матвиенко призвала не увеличивать прием на платное обучение в вузах в ущерб качеству. URL: https://tass.ru/obschestvo/23250667 (дата обращения: 05.03.2025).

7. Матвиенко В.И. Федеральные инструменты демографической политики // РЭиУ. 2021. № 2 (66).

8. Назарова И.Б., Зеленская М.П. Репродуктивные установки студенческой молодежи: ценностный аспект (обзор эмпирических исследований) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2017. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/reproduktivnye-ustanovki-studencheskoy-molodezhi-tsennostnyy-aspekt-obzor-empiricheskih-issledovaniy (дата обращения: 05.03.2025).

9. Семионова Е.А., Логинов Д.М., Титов В.Н. Образовательная миграция молодежи для получения среднего профессионального и высшего образования : монография. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. 181 с. (Мониторинг. Образование. Кадры). URL: https://znanium.ru/catalog/product/2152319 (дата обращения: 17.03.2025).

10. Устюжанин В.В., Архангельский В.Н., Ефремов И.А., Зинькина Ю.В., Коротаев А.В. Образование в контексте демографического прогнозирования населения России // Научный дайджест РАНХиГС. 2024. № 7.

11. Becker G.S. Investment in Human Capital: A. Theoretical Analysis // Journal of Politikal Economy. Supplement. 1962. Oct.

12. Todd M.A., Shkolnikov V.M., Goldman N. Why are well-educated Muscovites more likely to survive? Understanding the biological pathways // Social Science & Medicine. 2016. Vol. 157. P. 138–147.

13. Schulz T. Capital Formation bi Edukathion // Journal of Politikal Economu. 1960. P. 25.

14. Schultz Theodor W. Investment in human capital: the role of education and research. New York, 1971.

References

1. Becker G.S. Theory of time distribution // Milestones of economic life. Markets of production factors. Vol. 3 / Edited by V.M. Galperin. St. Petersburg : Economic School, 2000. (In Russ.).

2. Galas M.L., Brushkova L.A. Self-identification of Russian youth in a transforming world : a monograph / ed. Doctor of Historical Sciences, Professor M.L. Galas. Moscow : INFRA-M, 2024. 227 p. (Scientific Thought). (In Russ.).

3. Isupova O.G. Demographic and family policy in different countries: conceptual approaches and practices // Demographic review. 2020. № 7(3). (In Russ.).

4. The results of the All-Russian population Census in 2020. Vol. 9. Birth rate. Table 5. Average number of children born by women living in private households with different levels of education in the subjects of the Russian Federation. URL: https://fadn.gov.ru/otkritoe-agenstvo/vserossijskaya-perepis-naseleniya-2020/ (accessed: 05.03.2025). (In Russ.).

5. Kamalova M.I. Value orientations of modern Russian youth: public policy as a space of formation : a monograph. Moscow : INFRA-M, 2024. 171 p. (Scientific Thought). (In Russ.).

6. Matvienko urged not to increase admission to paid education at universities to the detriment of quality. URL: https://tass.ru/obschestvo/23250667 (accessed: 05.03.2025). (In Russ.).

7. Matvienko V. I. Federal instruments of demographic policy // REiU. 2021. № 2 (66). (In Russ.).

8. Nazarova I.B., Zelenskaya M.P. Reproductive attitudes of students: a value aspect (review of empirical research) // Bulletin of the RUDN University. Series: Sociology. 2017. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/reproduktivnye-ustanovki-studencheskoy-molodezhi-tsennostnyy-aspekt-obzor-empiricheskih-issledovaniy (accessed: 05.03.2025). (In Russ.).

9. Semionova E.A., Loginov D.M., Titov V.N. Educational migration of youth for secondary vocational and higher education: a monograph. Moscow: Publishing House "Delo" RANHiGS, 2023. 181 p. (Monitoring. Education. Frames). URL: https://znanium.ru/catalog/product/2152319 (accessed: 17.03.2025). (In Russ.).

10. Ustyuzhanin V.V., Arkhangelsky V.N., Efremov I.A., Zinkina Yu.V., Korotaev A.V. Education in the context of demographic forecasting of the Russian population // RANHiGS Scientific Digest. 2024. No. 7. (In Russ.).

11. Becker G. S. Investment in Human Capital: A. Theoretical Analysis // Journal of Politikal Economy. Supplement. Oct., 1962

12. Todd M.A., Shkolnikov V.M., Goldman N. Why are well-educated Muscovites more likely to survive? Understanding the biological pathways // Social Science & Medicine. 2016. Vol. 157. P. 138–147.

13. Schulz T. Capital Formation bi Edukathion // Journal of Politikal Economu. 1960. P. 25.

14. Schultz Theodor W. Investment in human capital: the role of education and research. New York, 1971.

Информация об авторе

Е.И. Кузнецова – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления.

Information about the author

Ekaterina I. Kuznetsova is PhD. in Politics, Associate Professor.

Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником.
Материал не содержит сведений ограниченного распространения.
The material has been verified, figures, facts, quotations have been verified with the original source.
The material does not contain information of limited distribution.

Статья поступила в редакцию 22.04.2025; одобрена после рецензирования 28.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.
The article was submitted 22.04.2025; approved after reviewing 28.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2025. Т. XXII, Вып. 2. С. 56–61
The Humanities and Social Studies in the Far East. 2025. Vol. XXII, Is. 2. P. 56–61

Научная статья
УДК 316.6
doi:10.31079/1992-2868-2025-22-2-56-61

ВЫБОР ПРОФЕССИИ НА ПОРОГЕ ВЗРОСЛЕНИЯ: ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ

Татьяна Валериевна Левкова[1], **Екатерина Леонидовна Луценко**[2]
[1, 2]Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия
[1]tvlevkova@mail.ru

Аннотация. В статье обсуждается важность осознания выбора профессионального пути старшеклассниками, анализируются факторы влияния на выбор профессии у современных старшеклассников. Профессиональный выбор старшеклассников – важная возрастная задача этого периода становления личности. Приводятся результаты исследования влияния собственной внутренней позиции, родителей на выбор профессии старшеклассниками Дальнего Востока. Исследование высвечивает внутренний конфликт у старшеклассников – как сделать самостоятельный выбор профессии при влиянии мнения родителей, информационном влиянии, а также собственном видении своего будущего.

Ключевые слова: выбор, взросление, факторы профессионального выбора, профессиональный выбор

Original article

CHOOSING A PROFESSION ON THE THRESHOLD OF ADULTHOOD: INFLUENCING FACTORS

Tatiana V. Levkova[1], **Ekaterina L. Lutsenko**[2]
[1, 2]Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia
[1]tvlevkova@mail.ru

Abstract. The article discusses the importance of understanding the choice of a professional path among high school students and analyzes the factors influencing career choices among contemporary high school students. The professional choice of high school students is an important age–related task during this period of personality formation. The article presents findings on the impact of students' internal positions and parental influence on the career choices of high school students in the Far East. The study highlights an internal conflict among high school students – how to make an independent career choice under the influence of parents' opinions, information influence, as well as their own vision of their future.

Keywords: choice, growing up, factors of professional choice, career choice

Введение

Интенсивно изменяющаяся социальная ситуация предъявляет высокие требования в области социальной адаптации раннего юношества. Весомым в современных условиях является своевременный и зрелый выбор будущей профессии.

Социальная ситуация развития (социокультурный и психологический факторы) на этапе формирования жизненных ориентиров и выбора профессионального пути в раннем юношестве играет не последнюю роль. Вопросы влияния на профессиональный выбор взрослеющего человека освещаются в исследованиях И.В. Дубровиной [1], В.И. Панова, А.А. Реана [2].

Профессиональный выбор возникает в ситуации неопределенности, существенной личностной значимости и сложности решения данной задачи. Исследования В.С. Григорьевских, Б.М. Животок, Ю.Е. Рахалиского, В.А. Шкуркина [2] рассматривают выбор профессии как показатель эффективной предпрофессиональной подготовки и активной позиции самого выбирающего. Важность учета семейных и образовательных условий в процессе профессионального выбора связана с тем, что на пороге взросления идет перестройка личности, пересматриваются терминальные и инструментальные ценности, перестраивается система межличностных отношений – всё направлено на задачи личностного самоопределения и профессионального выбора молодого человека [3; 4].

Сам по себе профессиональный выбор является сложным психологическим образованием, по мнению Э.Ф. Зеера [5], Е.А. Климова [6], Н.С. Пряжникова [7]. В этой области может образоваться зона напряженности, когда степень влияния факторов на выбор профессии не равнозначна или перевешивают внешние факторы, например – влияние позиции родителей. В этих обстоятельствах можно

© Левкова Т.В., Луценко Е.Л., 2025

увидеть диссонанс между возрастными задачами (самостоятельный и активный выбор, ответственность) и реальным активным вмешательством родителей в процесс выбора. Родители при этом неизбежно становятся участниками процесса профессионального выбора.

Современное выбирающее поколение испытывает влияние как факторов, действующих извне, так и внутренних [8]. К внешним факторам, с точки зрения В.В. Абраменковой, В.В. Донцова, А.Ю. Живаго, В.В. Милакова и др., можно отнести широкий перечень макро-, мезо- и микровлияний [9]. Внутренние факторы имеют отношение к психофизическим, индивидуально-психологическим особенностям, позволяющим делать самостоятельный и ответственный выбор (Е.М. Борисова, И.В. Крыжановская, Д.А. Леонтьев, Ю.А. Селезнёва и др.) [1].

От стратегии взаимодействия родителей и молодых людей, которые находятся в ситуации профессионального выбора, зависит степень автономности и ответственности за профессиональное самоопределение [10].

Целью нашего исследования явилось изучение факторов, которые определяют выбор профессии в раннем юношеском возрасте.

Объект исследования – учащиеся выпускных классов образовательных школ Хабаровского края, Амурской области, Еврейской автономной области, Сахалина, Камчатки и их родители.

Предмет исследования – факторы, которыми руководствуются абитуриенты при выборе вуза и специальности.

В качестве основного метода сбора первичной информации был выбран анкетный онлайн-опрос (бумажные носители информации не используются в данном социологическом исследовании).

Организация и методы исследования

Исследование, результаты которого представлены в процентном соотношении, было проведено на основе случайной выборки. За 100 % было принято общее число респондентов. В ходе исследования сформирована выборка, представляющая собой совокупность всех участников, обладающих определёнными общими характеристиками. Эти характеристики были определены после анализа результатов исследования. Общее количество респондентов составило 5000 человек, из которых 5000 – родители абитуриентов.

Выборка в 4161 абитуриент для генеральной совокупности более 5000 человек означает доверительную вероятность 95 % и доверительный интервал ±0,57 %, а следовательно, является репрезентативной. Выборка 2687 ответов родителей для генеральной совокупности более 5000 человек означает доверительную вероятность 95 % и доверительный интервал ±1,18 %, а следовательно, является репрезентативной. Период проведения опроса: январь–февраль 2023 г. Исследование проводилось с помощью двух анкет: «Определение факторов, важных для абитуриентов при выборе вуза» и «Определение факторов, важных для родителей абитуриентов при выборе вуза».

Результаты исследования и их обсуждение

В исследовании принимали участие респонденты, проживающие в пяти регионах ДФО: Хабаровском и Камчатском краях, Сахалинской и Амурской областях, Еврейской автономной области. Число абитуриентов и их родителей, принявших участие в опросе, распределилось по регионам следующим образом (рис. 1).

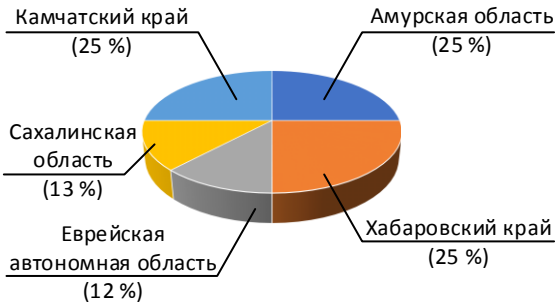

Рис. 1. Распределение по регионам родителей абитуриентов, участвующих в опросе, %

В процессе исследования были определены ключевые взгляды абитуриентов на высшее образование.

По результатам опроса можно выделить три основных мотива, которые побудили респондентов получить высшее образование: стремление к материальному благополучию в будущем (35 %); желание повысить свой интеллектуальный уровень (25,5 %); желание повысить свой социальный статус (16,5 %).

В целом участники опроса высоко оценивают важность получения высшего образования в современном обществе. На вопрос о том, согласны ли они с утверждением «В наше время каждый человек должен иметь высшее образование», примерно половина опрошенных (50,1 %) ответили утвердительно. Ещё 15,9 % респондентов выразили своё согласие с меньшей уверенностью.

Однако 30,2 % учеников 10–11-го класса не согласились с этим утверждением полностью, аргументируя свою позицию тем, что многие люди достигают успеха в карьере и без высшего образования.

Доля респондентов, которые выразили сомнение в необходимости высшего образования, крайне мала. Ещё одним показателем, характеризующим абитуриентов школ из разных регионов, принявших участие в опросе, является их собственная оценка успеваемости в школе. Так, 61,4 % респондентов учатся на «хорошо», 12,7 % – на «отлично», а 25,9 % – на «удовлетворительно».

В ходе исследования установлены основные факторы выбора вуза и направления подготовки. Относительно желаемого и фактического места обучения 28 % респондентов планируют остаться в своём регионе и поступить в местный университет. У 33,7 % опрошенных в планах подать документы и поступить в вуз в центральной части России, 38 % респондентов рассчитывают получить образование в вузах Дальневосточного федерального округа.

Для большинства учащихся 10–11-го класса важно бюджетное обучение, поскольку оно является своеобразным «маркером» для абитуриента, демонстрирующим его уровень знаний и преимущества в условиях конкурсного отбора. Некоторые респонденты не могут позволить себе платное обучение из-за финансовых ограничений.

Важным аспектом для школьников является гарантированное трудоустройство, поскольку они хотят быть уверены, что получение образования – это инвестиция в их будущую карьеру и что они легко найдут достойную работу после окончания университета.

При выборе вуза респонденты также обращают внимание на наличие общежития и стипендиальных программ. Престиж учебного заведения оказался менее значимым фактором и занял третье место в рейтинге. Как показали опросы, престиж вуза для студентов – это не только качество образования и уровень подготовки выпускников, но и другие аспекты, такие как: интересная студенческая жизнь; состояние студенческого кампуса; комфортные условия в университете.

Такие более значимые для респондентов факторы, как престиж, влияние родственников, друзей и знакомых, возможность успешной карьеры, остаются на первых четырех позициях рейтинга мотивов. Это подтверждает определённую устойчивость данных ценностных ориентиров в выборе вуза.

Среди множества факторов, определяющих выбор вуза абитуриентами, на первый план выходит конкурентоспособность выпускников конкретного учебного заведения на рынке труда.

Социально-экономическая значимость выбираемой профессии в обществе, перспективы профессионального будущего, гарантии занятости, стабильности и высокооплачиваемой работы, условия труда и престижность профессии играют важную роль в формировании востребованности на рынке труда.

Абитуриенты выбирают университет и направление подготовки, основываясь на объёме различных видов капитала, накопленных к моменту окончания школы.

Важно то, какой капитал человек получает от своей семьи, друзей, учителей и средств массовой информации, поскольку именно они формируют личность ребёнка, его основные ценности и жизненные ориентиры.

Если преобладает социальный капитал, то человек будет выбирать вуз, учитывая принятые в его окружении нормы и знаки уважения. Например, ребёнок может пойти по стопам родителей и выбрать ту же профессию. Если преобладает экономический капитал, то люди выбирают вуз, исходя из финансовой возможности поступить на определённую специальность, учитывая примерную заработную плату выпускников того или иного университета.

Если преобладает культурный капитал, т.е. знания и навыки, которыми уже обладает человек, то он выбирает вуз и специальность, которые могут дать качественные знания в интересующей его области, даже если эта специальность не гарантирует высокого дохода или не принимается окружающими.

Выбор вуза – это задача для самостоятельного решения того, кто делает выбор, и от её успешного решения зависит будущее молодых людей и учебных заведений. Каждый стремящийся к реализации своих способностей человек осознаёт, что высшее образование – это возможность начала карьеры, поэтому спрос на него достаточно велик.

По итогам опроса выяснилось, что число семей, не способных оплачивать высшее образование, уменьшается. При этом платёжеспособность родителей постепенно растёт.

92 % родителей, имеющих высшее образование, готовы оплачивать учёбу своих детей. Родители со средним профессиональным образованием рассматривают возможность поступления ребёнка только на бюджетную форму обучения.

Проанализировав результаты опроса, можно увидеть, что старшеклассникам в выборе высшего учебного заведения помогают в основном члены их семей.

Отвечая на вопрос: «Чье мнение и советы при выборе профессии, специальности для Вас важно?», респонденты указали: мнение родителей, родственников (42,8 %). Но окончательное решение остается за самими абитуриентами (51,4 %) (рис. 2).

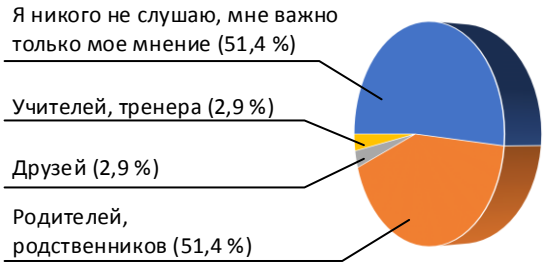

Рис. 2. Распределение учета мнений о выборе профессии, направления подготовки абитуриентами, %

Главными источниками информирования абитуриенты считают информацию из интернета – 62 %, и 38 % опрошенных получали информацию от родителей, что отображено на рис. 3.

Рис. 3. Информирование абитуриентов о вузах и направлениях подготовки, %

В большей степени абитуриенты полагаются на мнение родителей – 38 %, а также на советы учителей – 36 %. Примечательно, что учителей выделяют как тех, кому можно доверять, но их мнение не играет решающей роли при выборе места обучения.

Кроме того, большинство выпускников изучали информацию в интернете, на сайтах вузов. Среди источников информации, влияющих на выбор учебного заведения, наиболее значимыми являются те, которые связаны с оценкой возможностей поступления в конкретный вуз. Две трети респондентов (66,2 %) считают официальный сайт вуза важным или очень важным источником информации при принятии решения.

Все остальные источники информации не связаны с оценкой возможностей поступления, а скорее формируют образ привлекательного вуза. Самым важным источником информации является личное посещение вуза – этот вариант выбрали 62 % респондентов. Также популярны рейтинги вузов – 57,5 % респондентов считают их важными или очень важными. Рейтинги оказались более значимыми, чем рекомендации родителей и других родственников (52,3 %).

Менее половины молодых людей (49 %) склонны доверять социальным сетям и мессенджерам, а средства массовой информации влияют на ещё меньшее количество абитуриентов (40,9 %).

В комментариях родители указали, что необходимо проводить профориентационную работу не только до выбора экзаменов (ЕГЭ), но и после.

Дело в том, что значительная часть выпускников (31 %) до последнего момента не могут определиться, в какой вуз и на какую специальность подавать документы.

В исследовании приняли участие 1588 выпускников из Хабаровского края, что составляет 38,2 % от общего числа респондентов.

Большинство выпускников стремятся поступить на бюджетную форму обучения, их интересуют стипендиальные программы и возможность получить востребованную профессию.

Родители отмечают, что их ребёнок самостоятельно сделал выбор в пользу академии, и они поддерживают это решение. Также родители указали на важность встреч с представителями вуза, так как на сайте не удаётся найти ответы на все вопросы.

В опросе приняли участие 1075 выпускников из Сахалинской области, что составляет 25,8 % от общего числа респондентов.

Детальный анализ показывает, что родители более скептически относятся к выбору профессии, чем сами школьники. По их мнению, подростки не до конца осознают связанные с поступлением аспекты, но при этом большинство родителей отмечают, что решение о будущей профессии ребёнок принимает самостоятельно.

Стоит отметить, что родители с высшим образованием более трезво оценивают осознанность выбора направления подготовки. Этот же процент родителей подчёркивает необходимость встреч в офлайн или онлайн формате с представителями вуза для получения полного представления об учебном заведении (в частности, это касается регионов ЕАО, Амурской области и Сахалина).

По опросу видно, что 34 % респондентов не различают понятия «направление подготовки (специальность)», «профиль образования» и «программа образования». 27 % школьников не осведомлены, какие профили есть у выбранных специальностей. И только 11 % точно знают, на какой профиль и программу они будут поступать. Родители также испытывают трудности в различении этих понятий.

Существует высокий спрос на высшее образование: 98 % респондентов планируют поступать в высшие учебные заведения.

Основной причиной получения высшего образования респонденты считают его необходимость в жизни.

Наиболее важными критериями при выборе вуза были названы востребованная специальность и возможность поступления на бюджетную форму обучения.

Интернет, встречи с представителями вуза и дни открытых дверей – самые популярные источники информации для абитуриентов. Учебным заведениям следует обратить внимание на качество и полноту предоставляемой информации, чтобы обеспечить максимальную осведомлённость абитуриентов.

В связи с уменьшением количества бюджетных мест и некоторым увеличением доходов семей 43 % респондентов готовы поступать на внебюджетную форму обучения в случае неудачного поступления на бюджет.

При выборе вуза абитуриенты в основном полагаются на собственное решение и мнение родителей.

Анализ наглядно демонстрирует текущую ситуацию с информированием абитуриентов, критерии выбора учебного заведения, а также определяет степень влияния различных факторов на выпускников школ и многие другие аспекты, рассмотренные в исследовании.

Пятьдесят один процент родителей, участвовавших в опросе, имеют высшее образование, 34,1 % – среднее профессиональное, 14,2 % – среднее общее (рис. 4).

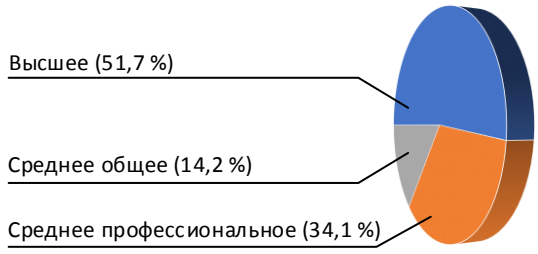

Рис. 4. Уровень образования родителей абитуриентов, %

Исследование показало, что дети, чьи родители имеют высшее образование, чаще всего советуются с ними при выборе вуза и направления подготовки.

При выборе учебного заведения родители обращают внимание на следующие аспекты:

– перспективы трудоустройства – они хотят чётко понимать, какую профессию получит их ребёнок и где и кем он сможет работать в будущем; местоположение вуза – 58 % родителей со средним профессиональным образованием хотели бы, чтобы их ребёнок поступил в местный вуз или в вуз в пределах Дальневосточного федерального округа, в то время как 71 % родителей с высшим образованием готовы отправить ребёнка учиться в вузы в пределах Дальнего Востока и Центральной России (Москва, Санкт-Петербург, Казань, Калининград);

– рейтинг вуза – 98 % всех опрошенных родителей не обращают внимания на рейтинг вуза, их больше интересуют наличие нужного направления подготовки, проходной балл, количество бюджетных мест и наличие общежития.

В процессе выбора вуза 93 % респондентов (родителей) просматривают сайты вузов, 38 % опрошенных (женщины) и 2 % (мужчины) просматривают социальные сети вузов, читают комментарии и следят за новостями.

73 % родителей посещают образовательные выставки, которые проходят в регионе, и общаются с представителями вузов. 40 % получают информацию об академии от родственников (знакомых), которые ранее обучались в академии, или из интернета.

Вывод

Профессиональный выбор в период раннего юношества – это значимая смысловая задача возраста. Многогранность и многофакторность данного процесса отражает судьбоносную составляющую этого выбора личности. Факторов, влияющих на процесс профессионального выбора, достаточно много, но сам человек определяет, какие факторы на него влияют больше – внешние или внутренние. Процесс профессионального выбора, его автономность напрямую отражает характер процесса взросления человека, так как он сопряжен с саморазвитием, рефлексивным анализом своего жизненного опыта, своих потребностей и жизненных ценностей.

Список источников

1. Дубровина И.В. Профессиональное самоопределение в контексте непрерывного самообразования // Вестник практической психологии образования. 2024. Т. 21, № 2-1. С. 9–16.

2. Головей Л.А. Профессиональное самоопределение на пороге взрослости: показатели, факторы, кризисы // На пороге взросления : сборник научных статей. Москва : МГППУ, 2011. С. 62–77.

3. Леонтьев Д.А., Пилипко Н.В. Выбор как деятельность: личностные детерминанты и возможности формирования // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 97–110.

4. Леонтьев Д.А., Шелобанова Е.В. Профессиональное самоопределение как построение образов возможного будущего // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 57–65.

5. Зеер Э.Ф. Концепция профессионального развития человека в системе непрерывного образования // Педагогическое образование в России. 2012. № 5. С. 122–126.

6. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. Москва : Академия, 2010. 304 с.

7. Пряжников Н.С. Профессиональное самоопределение: теория и практика. Москва : Академия, 2007. 503 с.

8. Пряжникова Е.Ю. Профориентация. Москва : Академия, 2013. 496 с.

9. Маслова Е.С. Психология профессионального выбора личности: динамика и факторы становления предметной области // Гуманизация образования. Шахты : Донской аграрный университет, 2018. № 1. С. 80–89.

10. Левкова Т.В., Левкова У.А. Личностные характеристики в выборе профессии в раннем юношеском возрасте // Тенденции развития образования: педагог, образовательная организация, общество : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Чебоксары, 2024. С. 74–77.

References

1. Dubrovina I.V. Professional'noe samoopredelenie v kontekste nepreryvnogo samoobrazovaniya // Vestnik prakticheskoj psihologii obrazovaniya. 2024. T .21, № 2-1. P. 9–16. (In Russ.).

2. Golovej L.A. Professional'noe samoopredelenie na poroge vzroslosti: pokazateli, faktory, krizisy // Na poroge vzrosleniya : sbornik nauchnyh statej. Moscow : MGPPU, 2011. P. 62–77. (In Russ.).

3. Leont'ev D.A., Pilipko N.V. Vybor kak deyatel'nost': lichnostnye determinanty i vozmozhnosti formirovaniya // Voprosy psihologii. 1995. № 1. P. 97–110. (In Russ.).

4. Leont'ev D.A., Shelobanova E.V. Professional'noe samoopredelenie kak postroenie obrazov vozmozhnogo budushchego // Voprosy psihologii. 2011. № 1. P. 57–65. (In Russ.).

5. Zeer E.F. Koncepciya professional'nogo razvitiya cheloveka v sisteme nepreryvnogo obrazovaniya // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2012. № 5. P. 122–126. (In Russ.).

6. Klimov E.A. Psihologiya professional'nogo samoopredeleniya. Moscow : Akademiya, 2010. 304 p. (In Russ.).

7. Pryazhnikov N.S. Professional'noe samoopredelenie: teoriya i praktika. Moscow : Akademiya, 2007. 503 p. (In Russ.).

8. Pryazhnikova E. Yu. Proforientaciya. Moscow : Akademiya, 2013. 496 p. (In Russ.).

9. Maslova E.S. Psihologiya professional'nogo vybora lichnosti: dinamika i faktory stanovleniya predmetnoj oblasti // Gumanizaciya obrazovaniya. Shahty : Donskoj agrarnyj universitet, 2018. № 1. P. 80–89. (In Russ.).

10. Levkova T.V., Levkova U.A. Lichnostnye harakteristiki v vybore professii v rannem yunosheskom vozraste In: Tendencii razvitiya obrazovaniya: pedagog, obrazovatel'naya organizaciya, obshchestvo [Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem]. Cheboksary, 2024. P. 74–77. (In Russ.).

Информация об авторах

Т.В. Левкова – кандидат педагогических наук, доцент;
Е.Л. Луценко – кандидат социологических наук, доцент.

Information about the authors

T.V. Levkova is Candidate of Sciences (Pedagogical), Associate Professor;
E.L. Lutsenko is Candidate of Sciences (Sociological), Associate Professor.

Вклад авторов:
Левкова Т.В. – концепция исследования, написание исходного текста, оформление статьи, итоговые выводы.
Луценко Е.Л. – проведение исследования, анализ результатов, выводы по исследованию.
Contribution of the authors:
Levkova T.V. – the concept of the study, the writing of the source text, the design of the article, the final conclusions.
Lutsenko E.L. – conducting a study, analyzing the results, and drawing conclusions from the study.

Статья поступила в редакцию 01.04.2025; одобрена после рецензирования 28.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.
The article was submitted 01.04.2025; approved after reviewing 28.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2025. Т. XXII, Вып. 2. С. 62–68
The Humanities and Social Studies in the Far East. 2025. Vol. XXII, Is. 2. P. 62–68

Научная статья
УДК 378.12
doi:10.31079/1992-2868-2025-22-2-62-68

КОМПЕТЕНЦИИ ПЕДАГОГА РОССИЙСКОГО ВУЗА: ЗАПРОСЫ, РЕАЛИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Людмила Руслановна Милованова[1], **Анна Андреевна Леженина**[2], **Софья Андреевна Головань**[3]
[1]Российский университет транспорта, Москва, Россия, sarmilovanova@mail.ru
[2]Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия, Lanna0808@mail.ru
[3]Иркутский государственный университет путей сообщения, Иркутск, Россия, free9sonjas@gmail.com

Аннотация. В статье на основании аналитического исследования проблемы формирования запроса на компетенции преподавателей высших учебных заведений, а также на основании данных онлайн опроса студентов и педагогов вузов предпринята попытка оценить существующее положение дел, выделить проблемы и тенденции развития компетенций педагогов, оценить вызовы, на которые предстоит отвечать педагогу ближайшего будущего.

Ключевые слова: компетентностный подход, компетенции преподавателя вуза, компетентность педагога, цифровые технологии в образовании

Original article

COMPETENCES OF THE TEACHER OF THE RUSSIAN UNIVERSITY: REQUIREMENTS, REALITIES, PROSPECTS

Lyudmila R. Milovanova[1], **Anna A. Lezhenina**[2], **Sofia A. Golovan**[3]
[1]Russian University of Transport, Moscow, Russia sarmilovanova@mail.ru
[2]Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia, Lanna0808@mail.ru
[3]Irkutsk State Transport University, Irkutsk, Russia, free9sonjas@gmail.com

Abstract. In this article based on an analytical study of the issue of forming the demand for university teachers' competencies, as well as on data from the online survey of students and university teachers, the authors attempted to assess the current situation, identify problems and trends in the development of pedagogical competencies, and evaluate the challenges that will be faced by the teacher in the near future.

Keywords: competency-based approach, competencies of the university teacher, pedagogical competence, digital technologies in education

Введение

Вопросам профессионального статуса и требованиям к уровню компетентности преподавателей высшей школы традиционно уделяется большое внимание в экспертном сообществе.

Следует подчеркнуть, что в историческом контексте вопрос классификации и формирования необходимых компетенций преподавателей вузов всегда был крайне непростым, но при этом непреложными оставались важность и значимость роли преподавателя как центральной фигуры образования.

В начале XX в. роль преподавателя нередко воспринималась через понятие служения, т.е. преподаватель не просто реализовывал свою образовательную функцию, выступал в роли наставника и участвовал в научных исследованиях, но также должен был выступать посредником между студентами и государственными или общественными организациями. При этом преподаватель олицетворял собой образованного человека, который способен интерпретировать современные ему события и помогать ориентироваться в них молодому поколению [1–3].

К началу XXI в. развиваются идеи о том, что преподаватель не должен просто транслировать знания, а должен демонстрировать различные подходы к изучаемым явлениям и процессам, побуждать студентов к аналитической деятельности, способствовать развитию у них критического мышления, применять в обучении рефлексивный подход, развивать сотрудничество преподавателя и студента. Это так называемый студенто-ориентированный подход, основанный на «запросах и вопросах» студентов [4].

Кроме того, в начале XXI в. развивается идея компетентностного подхода к подготовке выпускников вузов. Эта тенденция имеет общемировой характер, остается актуальной и по сей день, активно поддерживается и развивается не только в

© Милованова Л.Р., Леженина А.А., Головань С.А., 2025

российских, но и в зарубежных университетах. В соответствии с этим подходом целью образовательной деятельности вуза является не только формирование высококлассного профессионала в своей области и гармонично развитой личности, но личности духовно-нравственной и социально ориентированной, профессионала, который способен, в том числе, проявлять свою компетентность при решении нестандартных задач. При этом во главу угла в образовательной деятельности ставится проблемный подход, побуждающий не только эффективно решать поставленные задачи, но и предвидеть их [5].

Сегодня компетенции преподавателя вуза во многом определяют не только качество молодых специалистов и удовлетворенность потенциальных работодателей, но и престижность высшего образования, востребованность молодым поколением фундаментальных и практических знаний, формирование компетентных специалистов, нравственно- и духовно-развитых личностей в соответствии с запросом общества и государства.

Основная часть

Проблему профессиональной компетентности педагога исследовали многие философы, педагоги, психологи. Вопросы формирования и развития профессиональной компетентности рассматриваются в трудах В.А. Адольфа, Т.Г. Браже, Э.Ф. Зеера, И.А. Зимней, Н.В. Кузьминой, М.И. Лукьяновой, А.К. Марковой, А.М. Новикова, Г.С. Трофимовой, Г. Бернгард, В. Блума, Х. Маркуса, Р. Стернера и др. [5; 6].

Ученые, занятые данной тематикой, демонстрируют разные подходы, в результате чего мы можем видеть большое разнообразие классификаций компетенций вузовских преподавателей. Например, выделяют семь укрупненных групп компетенций: компетенции, относящиеся к специализированной области знаний; дидактические и психолого-дидактические; образовательные, диагностические и методические; социальные; коммуникативные; управленческие и нормативные; компетенции, направленные на профессиональное и личностное развитие [6].

Некоторые исследователи выделяют следующие четыре группы: педагогические, психологические и методические компетенции; экспертные (технические) компетенции; морально-этические компетенции; компетенции в области саморазвития [6].

Выделяются компетенции, связанные с обучением в течение всей жизни, с достижением жизненных и профессиональных задач, а также социальные компетенции, которые описываются следующим образом [6]:

– знание теорий (концепций) преподавания и обучения (углубленное знание предмета, проблемное обучение, преподавание как средство создания благоприятных условий для саморегулируемого обучения);

– роль лидера, организующего обучение и управляющего им (предоставление доступа к знанию, моделирование групповой работы, делегирование ответственности и т.д.);

– создание возможностей для обучения (создание благоприятной среды, разработка программ, экзаменов, производных от задач обучения).

Исследования российских авторов созвучны работам зарубежных коллег и выделяют такие компетенции, как обучение в течение всей жизни, создание для учащихся благоприятной образовательной среды, делегирование ответственности и моделирование групповой работы.

С 2010-х гг. в перечень компетенций педагогов стали включать так называемые цифровые компетенции, которые подразумевают онлайн-обучение, разработку мультимедийных продуктов, электронных материалов, курсов и заданий, взаимодействие со студентами и коллегами в цифровой среде, а также цифровую грамотность [7–10].

Сегодня человечество находится в состоянии глобальной цифровизации, и Россия не является исключением. Цифровизация как инструмент проникает во все сферы жизни человека от быта до промышленного производства, от здравоохранения до образования. Это должно приниматься как факт, обсуждение связанных с ней вызовов и рисков крайне необходимо. В прикладных сферах, к которым можно отнести и сферу высшего образования, цифровизация должна применяться, способствуя повышению эффективности деятельности педагога.

Совершенно ясно, что образовательная среда вузов является очень инертной и консервативной системой. Однако способность «чувствовать» время, проблемы школьного образования, запросы молодого поколения, ожидания работодателей и государства – это основа, без которой не может быть конкурентно способной структуры. Речь идет о принятии необходимости оперативного реагирования, переосмысления, перестройки устоев не формально, а с внедрением глубоких новаций и изменений реформационного характера.

В последние 5–6 лет курс на цифровую экономику становится определяющим в развитии российского образования и охватывает все его уровни. Совершенствуются механизмы государственной политики в области цифровизации образования, которая должна вывести подготовку специалистов в рамках высшей школы на новый уровень, сделать образование открытым и доступным всем.

Успех реформ высшего образования, успех работы каждого отдельного вуза во многом определяется уровнем профессионализма профессорско-преподавательского состава. Преподаватель – центральная фигура образовательного процесса, а деятельность преподавателя – это в первую очередь работа со студентами и работа с информацией (знаниями). Поэтому изменения в этих двух категориях оказывают особенно существенное влияние на изменение требований к актуальным компетенциям преподавателя.

Если говорить об изменениях, связанных с целевой аудиторией в лице студентов, то разрыв между поколениями существовал всегда, но в настоящее время в силу лавинного развития технологий этот разрыв стал намного больше и более явно ощущается. Преподаватели и студенты – это нередко люди не просто разных поколений, а люди с разным восприятием действительности.

Если говорить об изменениях, связанных с информацией (знания, данные), то в современном мире за ней не надо никуда идти и тем более ехать, не надо переписывать себе, чтобы она была под рукой. Область знаний стала такой большой, что проблема не в поиске информации, а в её фильтрации, способности отделить адекватную (правдивую) информацию от ошибочной или даже фейковой.

Таким образом, необходимость трансформирования «технической» стороны образовательного процесса обусловлена как общим трендом на цифровизацию экономики и повседневной жизни, так и особенностями целевой аудитории.

В рамках изучения заявленной темы было проведено анонимное анкетирование в онлайн формате. Исследование проводилось посредством авторской анкеты «Модель профессиональных компетенций преподавателя 2035 года». Цель исследования состояла в выявлении современных тенденций относительно представлений о профессиональных компетенциях педагогов вузов. Основные задачи анкетирования: сбор необходимой эмпирической информации; изучение мнений участников образовательного процесса университетских комплексов железнодорожного транспорта об актуальных и уходящих трендах образования, о профессиональных компетенциях, необходимых преподавателю вуза для эффективного взаимодействия со студентами.

Авторская анкета «Модель профессиональных компетенций преподавателя 2035 года» состояла из 16 вопросов, которые включали 4 закрытых вопроса, 10 вопросов на ранжирование, 2 открытых вопроса. Респондентам было предложено высказать свое мнение, касающееся уровня использования в вузах современных методов и технологий обучения, ожиданий студентов в отношении личных качеств и профессиональных компетенций педагогов как современных, так и в перспективе ближайших 10 лет.

Респондентами исследования выступили студенты (84,2 % от общего количества респондентов) и профессорско-преподавательский состав (15,8 % от общего количества респондентов) университетских комплексов железнодорожного транспорта. Всего участие в анкетировании приняли 2403 респондента.

Все полученные результаты были подвергнуты процедуре количественной обработки. При работе с данными, полученными в ответах на закрытые вопросы, вопросы на ранжирование, анализировалась частота выбора вариантов. При работе с данными, полученными в ответах на открытые вопросы, применялся метод контент-анализа.

Остановимся на наиболее интересных результатах.

Первый вопрос анкеты касался трендов образовательного процесса – современного и в перспективе 10 лет. Ответы респондентов представлены на рис. 1.

Рис. 1. Тренды образования, % опрошенных:
■ – используется сейчас в практике вуза;
□ – будет актуально к 2035 г.

Как показано на рис. 1, самым популярным (72 %) был ответ: «Представление образовательного материала с использованием подкастов, инфографиков, запоминающихся иллюстраций (в том числе мемов), видео- и аудиоформатов, а также инновационных технологий: ИТ-решений, нейросетей, виртуальной реальности». Учитывая, что основное количество респондентов – студенты уни-

верситетов, можно предположить, что они ждут включения в образовательный процесс различных медиаформатов и современных цифровых решений. Этот выбор свидетельствует о значительном интересе аудитории к интерактивному обучению, способствующему лучшему восприятию и усвоению учебного материала. Цифровизация, которая сегодня охватывает все стороны жизни человека, не обойдет стороной и учебный процесс в будущем, однако о необходимости изменения педагогических технологий образовательного процесса заявляют студенты уже сегодня.

На втором месте по популярности (56,6 %) ответ: «Адаптация материалов под интересы обучающихся и их культурные запросы, гибкость образовательной траектории». Адаптация учебных курсов под личные предпочтения студентов с учетом их индивидуальных потребностей и культурных особенностей оказалась второй по популярности мерой. Можно предположить, что зафиксировано изменение в представлениях студентов о построении профессионального пути, тогда как ранее четко прослеживались этапы профессионализации: возникновение профессиональных намерений, профессиональное обучение, освоение профессии [11]. Современный молодой человек нередко начинает путь в профессию уже в период студенчества. Он стремится «сократить» период обучения, ускорив начало своего профессионального становления, стремится к скорейшей самореализации. Это подтверждает важность персонализированного подхода в образовании, обеспечивающего большую вовлеченность учащихся и повышение качества образовательного процесса.

На третьем месте (50,3 %) ответ: «Реализация образовательных программ с совмещением онлайн формата, обучение в метавселенной, технологии AR/VR». Использование гибридных форматов обучения и внедрение инноваций, таких как VR/AR-технологии, становится важным направлением развития современного образования. Хотя этот пункт получил меньше голосов, он всё же занимает третье место, подчёркивая значимость технологического прогресса в сфере образования, указывая направление развития педагогических технологий.

Хотелось бы остановиться на рассмотрении ответов на вопрос: «Использование технологии самостоятельного поиска и решения исследовательских задач при изучении материала». Только в этом вопросе респондентами было указано стремление к уходу от тренда. Согласимся, современный учебный план университета предполагает большое количество часов самостоятельной работы, однако исследования показывают, что сегодня молодежь часто испытывает страх ответственности. Самостоятельный поиск решений и отсутствие четких инструкций вызывает чувство неуверенности и тревоги у многих студентов. Высокие нагрузки и дефицит свободного времени ведут к тому, что в учебном процессе студенты предпочитают получать готовые знания быстрее и проще, нежели тратить усилия на самостоятельный поиск и решение сложных вопросов. Также нужно уточнить, что многие преподаватели недостаточно подготовлены к организации исследований и работе над проектами, что снижает привлекательность данной формы учебной активности.

Представленные ответы вполне коррелируют с общемировым трендом на цифровизацию и формируют запрос на введение современных образовательных технологий и инструментов. На представленной диаграмме виден разрыв между тем, что сегодня применяется в вузах, и перспективными трендами в образовании.

При ответе на вопрос: «Какими из перечисленных компетенций должен обладать педагог в 2035 году» – предпочтения респондентов распределились следующим образом: технологическая грамотность (73,9 %), управление информацией (73,9 %), творческий подход к преподаванию (68,8 %), гибкость и адаптивность в методике преподавания (58,3 %), навыки проектной работы (57,7 %), умение планировать и направлять обучающихся (57,7 %), умение организовать команду и вдохновить для работы (57,4 %), критическое мышление (55,2 %), эмпатия и эмоциональный интеллект (53,6 %), визуализация данных (47,6 %), глубокое владение материалом, цифрами и фактами на память (47,4 %).

Анализ результатов ответов показывает, что наиболее важными качествами, которыми должны обладать преподаватели в будущем, являются технологическая грамотность и способность эффективно управлять информацией, творческое отношение к процессу преподавания и гибкость в выборе педагогических стратегий. Критическое мышление и эмоциональный интеллект заняли чуть меньшую долю голосов, однако тоже оказались достаточно значимыми. Такие показатели подтверждают необходимость эмоционального понимания потребностей каждого учащегося.

Менее приоритетными считаются традиционные сегодня навыки владения учебным материалом, что подчеркивает изменение функций преподавателя в учебном процессе от трансляции знаний и умений к развитию у учащихся способности аналитического мышления и обработки больших объемов информации.

На рис. 2 показаны результаты ранжирования значимости некоторых компетенций преподавателя от 1 до 10.

Рис. 2. Ранжирование компетенций педагога от наиболее значимых (10) к наименее значимым (1)

Таким образом, преподаватель должен сочетать глубокие технические познания, творческие способности, умение взаимодействовать с разными категориями учащихся и гибко адаптироваться к изменениям в профессиональной среде.

На рис. 3 приведены результаты ответа на вопрос о функциях преподавателя, которые могут утратить свою актуальность к 2035 г.

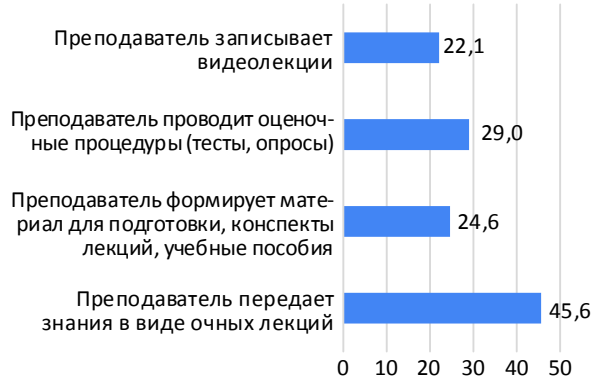

Рис. 3. Функции преподавателя в учебном процессе, которые могут утратить свою роль к 2035 г.

Функции преподавателя, отраженные на рис. 3, постепенно теряют свою центральную роль в современной системе образования и уступают место новым технологиям и подходам к обучению. Выбор именно этих «уходящих» функций указывает на постепенное смещение акцентов в деятельности преподавателя от традиционной передачи знаний к формированию навыков и развитию личности учащихся.

В рамках анкетирования респондентам были предложены и открытые вопросы. Один из них касался ассоциаций, возникающих при работе со словосочетанием «преподаватель вуза будущего». Было получено множество ответов, систематизация которых позволила выделить смысловые группы: «Преподаватель – личность, обладающая педагогическими компетенциями на высоком уровне» (70 %), «Преподаватель – самодостаточная личность с развитым эмоциональным интеллектом» (65 %), «Преподаватель – креативный, горящий, идейный» (50 %), «Преподаватель – человек с активной жизненной позицией» (50 %), «Преподаватель – профессионал, продвинутый в работе с цифрой» (50 %).

Анализ полученных ассоциаций дает возможность утверждать, что для образа преподавателя будущего во многом остаются значимыми качества, ценные для общества на постоянной основе: преподаватель должен быть направлен на студента, уважать его личность и стремиться помочь ему на пути профессионального развития. В то же время добавляются новые компетенции, связанные с требованиями цифровизации современного образа жизни. Можно констатировать, что стандартизированное представление студента о преподавателе как о специалисте, работающем для формирования личности профессионала, неизменно, изменяется виденье организации учебного процесса.

Подводя итоги проведенного анкетирования, необходимо отметить: по данным опроса, только 48 % респондентов отмечают, что сейчас преподаватели используют современные цифровые технологии и инструменты, при этом отмечается сильное отставание онлайн формата при проведении занятий, а также адаптация и гибкость образовательных программ.

Более 70 % респондентов отметили, что в ближайшем будущем будет расширяться набор цифровых инструментов, а среди устаревающих функций выделяется классический формат очных лекций в виде надиктовывания материала и зарисовывания схем и рисунков.

Заключение

Сегодня система образования претерпевает ряд изменений, результатом которых будет изменение роли педагогов. Результаты исследования, приведенного в статье, показывают, что назрели изменения в деятельности преподавателя. В частности, можно предположить, что в ближайшее время будет наблюдаться включение в задачи преподавателя функции координатора образовательного процесса, акцентирующего внимание на индивиду-

альных потребностях каждого студента и обеспечивающего условия для глубокого освоения материала и успешной социализации.

Необходимо отметить, что для современного педагога вуза наряду с классическими компетенциями, связанными с профессиональной грамотностью, умениями эффективно коммуницировать со студенческой средой, саморазвитием, эмоциональным интеллектом и др., точкой роста для каждого педагога в отдельности и для трансформации системы российского высшего образования может быть мотивирование педагогов к развитию цифровых компетенций.

Цифровые продукты в руках педагогов вузов должны стать современными эффективными инструментами, которые вкупе с личными качествами преподавателя, развитой инфраструктурой вуза и комплексной системой переподготовки кадров дадут возможность вывести высшее образование на новый уровень и избежать таких негативных последствий, как стагнация в образовании, устаревание знаний, снижение эффективности и целесообразности такого образовательного формата, как подготовка квалифицированных образованных кадров в высших учебных заведениях как с точки зрения российского общества, так и для государства в целом.

Список источников

1. Газиева И.А., Бурашникова А.А. Компетентностный функциональный профиль преподавателя вуза: ценностный подход // Высшее образование в России. 2023. № 3. С. 26-46.

2. Профессионально-педагогическое и профессионально-техническое образование в России: к столетию становления и развития. 1920–2020 гг.: сборник документов. В 3 т Т. 2. Профессионально-педагогическое образование / авт.-сост. Ю.И. Биктуганов, Е.М. Дорожкин, Л.В. Захаровский, М.Б. Ларионова, И.В. Осипова, С.Л. Разинков ; под ред. Е.М. Дорожкина, Л.В. Захаровского. Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2020. 546 с.

3. Дорожкин Е.М., Черноскутова И.А. Проблема становления отечественной системы подготовки кадров для профессионально-технических учебных заведений: историко-генетический анализ // Образование и наука. 2020. № 3. С. 172–217.

4. Ким И.Н., Лисиенко С.В. Формирование базовых составляющих профессиональной компетентности преподавателя в рамках ФГОС // Высшее образование в России. 2012. № 1. С. 16–24.

5. Печеркина А.А., Сыманюк Э.Э., Умникова Е.Л. Развитие профессиональной компетентности педагога: теория и практика : монография // Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург : [б.и.], 2011. 233 с.

6. Муравьева А.А., Олейникова О.Н. Компетенции преподавателей вузов: современные вызовы и смена парадигмы // Педагогика и психология образования. 2020. № 3. С. 100–114.

7. Орешкина Т.А., Забокрицкая Л.Д., Новиков М.Ю. Управление развитием цифровых педагогических компетенций преподавателей вузов в теории и на практике // Университетское управление: практика и анализ. 2022. № 2. С. 81–90.

8. Абрамов Р.Н., Груздев И.А., Терентьев Е.А., Захарова У.С., Григорьева А.В. Университетские преподаватели и цифровизация образования: накануне дистанционного форс-мажора // Университетское управление: практика и анализ. 2020. № 2. С. 59–73.

9. Игнатьев В.П., Шахурдин В.Д. Модель формирования цифровых компетенций современного педагога // Известия ВГПУ. 2021. № 7 (160). С. 4–10.

10. Крашакова Т.Ю., Тубер И.И. Создание условий, обеспечивающих разработку и использование педагогами профессиональных образовательных организаций цифрового образовательного контента // Инновационное развитие профессионального образования. 2020. № 4(28). С. 62–66.

11. Кудрявцев Т. В. Психология профессионального обучения и воспитания. Москва : МЭИ, 1985 (1986). 108 с.

Reference

1. Gaziyeva I.A., Burashnikova A.A. Kompetentnostnyy funktsional'nyy profil' prepodavatelya vukha: tsennostnyy podkhod // Vyssheye obrazovaniye v Rossii. 2023. № 3. S. 26–46. (In Russ.).

2.Professional'no-pedagogicheskoye i professional'no-tekhnicheskoye obrazovaniye v Rossii: k stoletiyu stanovleniya i razvitiya. 1920–2020 gg.: sbornik dokumentov. V 3 t. T. 2. Professional'no-pedagogicheskoye obrazovaniye / avt.-sost. Yu.I. Biktuganov, Ye.M. Dorozhkin, L.V. Zakharovskiy, M.B. Larionova, I.V. Osipova, S.L. Razinkov ; pod red. Ye.M. Dorozhkina, L.V. Zakharovskogo. Yekaterinburg : Izd-vo Ros. gos. prof.-ped. un-ta, 2020. 546 s. (In Russ.).

3. Dorozhkin Ye.M., Chernoskutova I.A. Problema stanovleniya otechestvennoy sistemy podgotovki kadrov dlya professional'no-tekhnicheskikh uchebnykh zavedeniy: istoriko-geneticheskiy analiz // Obrazovaniye i nauka. 2020. № 3. S. 172–217. (In Russ.).

4. Kim I.N., Lisiyenko S.V. Formirovaniye bazovykh sostavlyayushchikh professional'noy kompetentnosti prepodavatelya v ramkakh FGOS // Vyssheye obrazovaniye v Rossii. 2012. № 1. S. 16–24. (In Russ.).

5. Pecherkina A.A., Symanyuk E.E., Umnikova Ye.L. Razvitiye professional'noy kompetentnosti pedagoga: teoriya i praktika: monografiya // Ural. gos. ped. un-t. – Yekaterinburg : [b.i.], 2011. 233 s. (In Russ.).

6. Murav'yeva A.A., Oleynikova O.N. Kompetentsii prepodavateley vuzov: sovremennyye vyzovy i smena paradigmy // Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya. 2020. № 3. S. 100–114. (In Russ.).

7. Oreshkina T.A., Zabokritskaya L.D., Novikov M.YU. Upravleniye razvitiyem tsifrovykh pedagogicheskikh kompetentsiy prepodavateley vuzov v teorii i na praktike // Universitetskoye upravleniye: praktika i analiz. 2022. № 2. S. 81–90. (In Russ.).

8. Abramov R.N., Gruzdev I.A., Terent'yev Ye.A., Zakharova U.S., Grigor'yeva A.V. Universitetskiye prepodavateli i tsifrovizatsiya obrazovaniya: nakanune distantsionnogo fors-mazhora // Universitetskoye upravleniye: praktika i analiz. 2020. № 2. S. 59–73. (In Russ.).

9. Ignat'yev V.P., Shakhurdin V.D. Model' formirovaniya tsifrovykh kompetentsiy sovremennogo pedagoga // Izvestiya VGPU. 2021. № 7 (160). S. 4–10. (In Russ.).

10. Krashakova T.Yu., Tuber I.I. Sozdaniye usloviy, obespechivayushchikh razrabotku i ispol'zovaniye pedagogami professional'nykh obrazovatel'nykh organizatsiy tsifrovogo obrazovatel'nogo kontenta // Innovatsionnoye razvitiye professional'nogo obrazovaniya. 2020. № 4(28). S. 62–66. (In Russ.).

11. Kudryavtsev T. V. Psikhologiya professional'nogo obucheniya i vospitaniya. Moskva : MEI, 1985 (1986). 108 s. (In Russ.).

Информация об авторах

Л.Р. Милованова – кандидат технических наук, доцент;
А.А. Леженина – кандидат психологических наук, доцент;
С.А. Головань – кандидат экономических наук, доцент.

Information about the authors

L.R. Milovanova is Candidate of Technical Sciences, Associate Professor;
A.A. Lezhenina is Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor;
S.A. Golovan is Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.04.2025; одобрена после рецензирования 28.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.
The article was submitted 10.04.2025; approved after reviewing 28.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2025. Т. XXII, Вып. 2. С. 69–76
The Humanities and Social Studies in the Far East. 2025. Vol. XXII, Is. 2. P. 69–76

Научная статья
УДК 316.77
doi:10.31079/1992-2868-2025-22-2-69-76

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ДЕСТРУКТИВНОМУ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ВОЗДЕЙСТВИЮ НА СОЗНАНИЕ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Сергей Дмитриевич Савин[1, 2], **Ольга Олеговна Махова**[3]

[1]Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия, ssd_sav@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1030-4115

[2, 3]Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

[3]m_olya97@mail.ru

Аннотация. Целью данной статьи является описание методов противодействия деструктивному информационно-психологическому воздействию на сознание молодежи. На основе проведенного социологического исследования определяются распространенные практики потребления социально значимой информации современной российской молодежью и анализируется ее отношение к способам ограждения от манипуляций.

Ключевые слова: молодежь, массовое сознание, социальное манипулирование, информационно-психологическое воздействие

Original article

COUNTERACTION OF THE DESTRUCTIVE INFORMATION-PSYCHOLOGICAL IMPACT ON THE CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN YOUTH

Sergey D. Savin[1, 2], **Olga O. Mahova**[3]

[1]RUDN University, Moscow, Russia, ssd_sav@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1030-4115

[2, 3]The Presidential Academy (RANEPA), Moscow, Russia

[3]m_olya97@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to describe methods of counteracting the destructive information-psychological impact on the consciousness of young people. Based on the conducted sociological research, widespread practices of consuming socially significant information by modern Russian youth are determined, and their attitude to methods of protection from manipulation is analyzed.

Keywords: youth, mass consciousness, social manipulation, information-psychological impact

Введение

В условиях цифрового общества современная молодежь оказывает значительное влияние на формирование общественного мнения. Но и сама молодежь под информационно-психологическим воздействием заинтересованных субъектов становится все более уязвимой для манипуляций. В силу слабого социального опыта и хрупкого мировоззрения молодые люди могут менять жизненные ориентиры и социальные установки, не понимая возможных кризисных последствий для общественного развития и своего будущего. Важным аспектом этого влияния является воздействие на сознание молодежи через различные информационно-психологические инструменты. Современные каналы коммуникации, такие как социальные сети, интернет-платформы, мессенджеры и СМИ, играют все более возрастающую роль в формировании взглядов, установок и поведенческих паттернов молодежной аудитории. В связи с этим возникает необходимость исследовать механизмы информационно-психологического воздействия, а также выявить эффективные способы защиты от его деструктивных форм.

Процесс манипулирования массовым сознанием вызывает исследовательский интерес в рамках нескольких предметных областей: социальной и политической психологии, политической социологии, коммуникологии. Впервые он стал предметом самостоятельного научного анализа в первой половине XX в. в исследованиях пропаганды как орудия государства и инструмента диктаторских режимов [1; 13].

© Савин С.Д., Махова О.О., 2025

В дальнейшем поле анализа расширилось в сторону понимания полисубъектности этого процесса, выявления обратных коммуникативных связей, описания различных инструментов и технологий влияния [8; 12]. В отечественной традиции данная тема получает свое развитие в связи с разработкой теории массового сознания в социологической и психологической науках в 1980–1990-х гг. [4; 5; 15] На следующем этапе наиболее известной работой по информационно-психологическому воздействию на массовое сознание стала монография С.Г. Кара-Мурзы «Манипуляция сознанием» [9], которая и до сих пор остается политическим бестселлером. Среди современных крупных работ по данной теме отметим также коллективную монографию «Информационно-психологическая и когнитивная безопасность» [7], в которой проблемы деструктивного воздействия на массовое сознание рассматриваются в рамках стратегии национальной безопасности Российской Федерации.

В последние годы в российских исследованиях все чаще отдельным предметом анализа массового сознания становится молодежь. Интерес представляют меняющиеся ценностные ориентации, социальные установки и убеждения, жизненные стратегии и риски представителей молодого поколения в условиях турбулентности современного мира. Растет и количество публикаций, посвященных проблеме информационно-психологического воздействия на сознание молодежи, угрозам для самой молодежи и для общества в связи с его деструктивным характером [2; 3; 6; 17].

Информационно-психологическое воздействие рассматривается нами как целенаправленное распространение специально подобранной информации, ориентированной на психоэмоциональную реакцию со стороны объекта воздействия, в результате которой формируется определенное отношение к социальной реальности. Это воздействие затрагивает глубинные основания человеческого сознания, его нормативно-ценностные компоненты, стремится повлиять на мировоззрение. При этом в эпоху господства массовой коммуникации информационно-психологическое воздействие ориентировано, в первую очередь, на массовое сознание, обеспечивая эффект влияния на коллективное поведение и на общественное мнение. Как известно, массовое сознание характеризуется эффектами заражения и подражания, что влияет и на процессы коллективной идентификации. Кроме того, массовое сознание слабо структурировано, эмоционально нестабильно, что позволяет усилить эффект воздействия при помощи определенных информационных технологий. В нашем исследовании мы изучаем особенности информационно-коммуникационного воздействия на массовое сознание молодежи при помощи медиа.

В современном мире медиа играют важную роль в формировании общественного мнения, ценностей и установок. Они оказывают значительное влияние на молодёжь, которая является одной из наиболее активных и восприимчивых аудиторий. При этом степень влияния информационно-психологического воздействия зависит от многих факторов, таких как групповые особенности молодёжи, контекст использования медиа и качество потребляемого контента. Следует также помнить, что уровень подверженности информационно-психологическому воздействию во многом определяется фактором боязни быть отстранённым от социума, особенно усиленным в период формирования личности, установкой коммуникативных связей и внедрением в социокультурную молодежную среду. Феномен стремления человека быть с большинством хорошо описан Э. Ноэль-Нойман [14]. Она разработала концепцию «спирали молчания», которая внесла существенный вклад в рассмотрение проблематики влияния на человека общественного мнения и зависимости от предпочтений большинства, что в большей степени свойственно молодым людям, еще определяющимся в своих социальных установках.

Значительную роль в информационно-психологическом воздействии на массовое сознание играют стереотипы как избирательные и неточные способы восприятия социальной действительности, ведущие к ее упрощению. «Картинки в головах» отличаются от реального мира, они представляют собой субъективное и недостоверное восприятие, разделенное на множество категорий и имеющее присвоенные ярлыки. Этимологически само понятие стереотипа обозначает копированное представление о мире, растиражированное в обществе. Люди хорошо усваивают то, что соответствует их социальным представлениям и стереотипам. Это процесс распознавания знакомого в новом и превращение нового в знакомое. Так, в бесконечном процессе обмена и передачи транслируемой информации стереотипы еще больше укореняются, приобретая характер чего-то очевидного и несомненного. Создается целая стереотипная система, которая становится полноценной социальной реальностью.

Анализ проблемы информационно-психологического воздействия на сознание российской молодежи

Молодёжь представляет собой особую социальную группу, которая характеризуется специфическими интересами, ценностями и поведением.

В условиях современного общества молодёжь сталкивается со множеством вызовов и возможностей, которые оказывают значительное влияние на её развитие и формирование. Молодые люди стремятся к самовыражению, самореализации и поиску своего места в обществе. От заложенного в период вторичной социализации гражданского самосознания молодежи зависит прочность ее ценностной картины мира. Социализация нынешнего поколения российской молодежи имеет противоречивую основу. С одной стороны, она выросла в эпоху информационных технологий и глобализации, с другой – испытала на себе последствия политических и экономических изменений, происходивших в России после распада Советского Союза. Конфликтность информационно-политического пространства нередко приводила к ситуации, когда в сознание молодых россиян целенаправленно закладывались ложные ценности, искажалась история, подрывались патриотические установки. Создавалась ситуация, когда антироссийские силы имели широкие возможности координировать и управлять деструктивной повесткой, предназначенной молодежным аудиториям. Поэтому в настоящее время специфика российского контекста, в котором формируются взгляды молодежи, подчеркивает особое внимание к вопросам патриотизма, исторической памяти, государственного устройства, идей социальной справедливости и гражданского участия. В условиях глобализации, цифровизации и политической нестабильности молодежь оказывается в центре информационных процессов, которые активно влияют на ее мировоззрение, поведение и идеологическую позицию.

Как отмечается в результатах исследования Центра политических исследований Финансового университета, в России в последние годы фиксировалось кратное увеличение числа регионов – «мишеней» внешнего информационного давления на молодежь. Фактически половина субъектов РФ оказались в зоне внимания иностранных акторов, управляющих информационным давлением на молодых пользователей социальных медиа. Обозначенные акторы действуют в российском сегменте интернета посредством разветвленной цифровой инфраструктуры, существенную роль в которой выполняют иностранные медиа и аффилированные с ними блогеры – лидеры мнений. Молодежь оказалась восприимчива к подобным информационным атакам и, несмотря на довольно глубокое погружение в цифровую среду, подвержена влиянию фейков. Согласно результатам данного исследования молодые люди обнаруживают только половину ложных материалов в сети, что подтверждает важность развития у них навыков информационной безопасности, в том числе при активном участии образовательных организаций. При этом запреты и блокировки, по мнению исследователей, не являются эффективным способом борьбы с фейками [3].

Нынешнюю молодежь часто называют «поколением интернета», поскольку основным каналом получения информации для большинства представителей этой группы являются онлайн-ресурсы, социальные сети, мессенджеры и различные цифровые платформы. Данный процесс сопровождается не только увеличением объемов потребляемого контента, но и ростом важности социальных сетей как источника информации, что обусловливает новые формы воздействия на восприятие реальности.

Но важно отметить, что молодежь – это не только объект воздействия со стороны различных медиа, но и активный участник создания и распространения информации. В этом контексте важно понять, как молодежь воспринимает информационное пространство, насколько она подвержена информационно-психологическому воздействию, каковы основные факторы, влияющие на ее восприятие, а также особенности ее взаимодействия с медиапространством в России. Для анализа уровня подверженности информационно-психологическому воздействию молодежи и выявлению вариантов противодействия деструктивным формам такого воздействия нами было проведено исследование в форме социологического опроса. Оно было направлено на определение основных источников информации, оценку степени доверия к ним, анализ содержания получаемой информации и её влияния на формирование сознания и поведение молодёжи. В онлайн-опросе приняли участие 160 респондентов 18–35 лет из 12 регионов России.

Согласно данным опроса молодежь активно (большинство практически в ежедневном формате) следит за новостной повесткой в социальных сетях с целью изучения общественно-политической обстановки (рис. 1)

При этом информационная повестка, по оценке респондентов, заметно влияет на их эмоциональное состояние (рис 2). Каждый десятый опрошенный даже оценил это воздействие как крайне высокое. И практически каждый третий респондент отметил, что испытывает чаще отрицательные эмоции (30 %), в то время как более позитивное восприятие новостной повестки наблюдается только у 7 % молодых людей, что свидетельствует о наличии благоприятной почвы для социального манипулирования.

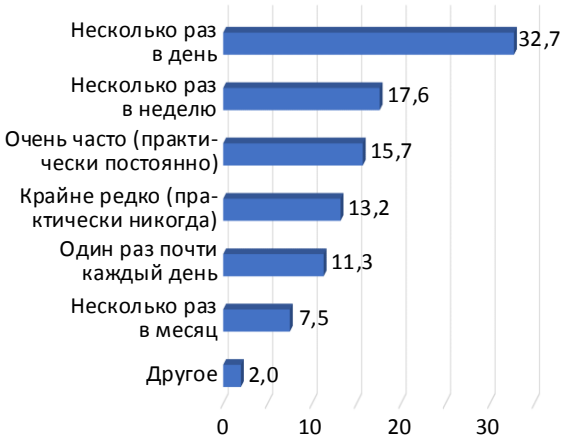

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Как часто Вы смотрите ленту в социальных сетях, чтобы изучить повестку?», %

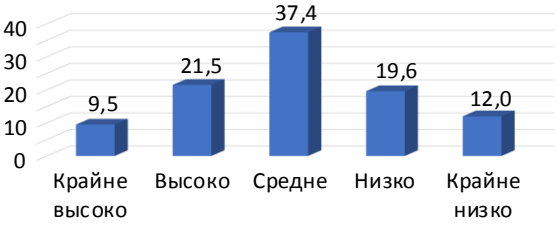

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, насколько информационная повестка влияет на ваше эмоциональное состояние?», %

В ходе исследования было выявлено, что информационно-психологическое воздействие на молодежь есть мощный инструмент формирования ее политических взглядов и общественного мнения. Это воздействие осуществляется, в том числе, через манипуляцию информацией с использованием различных коммуникативных техник и психологических принципов, таких как влияние на сферу бессознательного, потребность в коллективной идентичности, провоцирование эмоциональной реакции на информационные посылы. Уязвимость молодежи к таким воздействиям особенно высока из-за их слабой политической вовлеченности, что открывает возможности для формирования политической апатии или, напротив, усиления идеологической лояльности через медиа [17].

Важным аспектом является роль цифровых медиа, таких как социальные сети, которые становятся основным каналом распространения информации и манипуляций среди молодежи. Платформы, такие как Telegram, VK, YouTube, а также Instagram*, с их визуальной и эмоциональной направленностью играют решающую роль в формировании политического сознания. В то же время предпочтения молодежи в потреблении контента, такие как текстовый и видеоформат, дают возможность манипуляторам строить информационные посылы, которые находят отклик у молодежной аудитории. Этот тренд усиливается ростом интереса молодежи к персонализированным медиаформатам, что делает ее еще более подверженной воздействию эмоционально заряженных и фрагментарных сообщений.

Как показало исследование, незначительное большинство опрошенных представителей молодежи (51 %) доверяют российским медийным источникам информации. В то же время значительная часть опрошенных заявили (38 %), что не доверяют никому, любым медиа. Также существует и противоречивое восприятие свободы слова, что отражает неопределенность и напряженность в отношениях молодежи с медийными инструментами. Несмотря на выраженную поддержку свободы слова, почти половина (45 %) молодежи выступает в той или иной степени за введение государственной цензуры СМИ.

Важно отметить, что в условиях информационной насыщенности молодежь не всегда распознает инструменты информационно-психологического воздействия и понимает степень влияния медиа на свои взгляды, что подчеркивает необходимость развития медиаграмотности и критического подхода к потребляемой информации. В связи с этим повышение осведомленности о методах информационно-психологического воздействия и их возможных последствиях должно стать важной частью образовательных и просветительских программ для молодежи.

Заключение

На основе проведенного исследования были выделены рекомендации по противодействию деструктивным формам информационно-психологического воздействия на молодежь. Так, проведенное исследование подтвердило, что молодежь в большей мере подвержена информационно-психологическому воздействию через интернет-каналы и онлайн медиа. В условиях современного информационного общества молодёжь подвергается различным формам информационно-психологического воздействия, которые могут иметь как конструктивный, так и деструктивный характер. Деструктивные формы такого воздействия могут привести к формированию негативных социальных установок, стереотипов мышления, а также к девиантному поведению. В связи с этим возникает необходимость разработки рекомендаций по противодействию таким формам воздействия.

* Продукт компании Meta, которая признана в России экстремистской организацией.

1. Повышение медиаграмотности молодёжи

Одним из основных способов противодействия деструктивному информационно-психологическому воздействию является повышение уровня медиаграмотности среди молодёжи [6]. Оно включает в себя обучение навыкам критического анализа информации, распознавания манипулятивных техник и понимания целей и мотивов авторов информационных сообщений. Повышению медиаграмотности среди молодых людей будет способствовать проведение специализированных лекций, семинаров и тренингов в учебных заведениях, создание образовательных программ и курсов по медиаграмотности для школ и вузов, распространение информационных материалов о медиаграмотности через социальные сети.

2. Развитие критического мышления

Критическое мышление является одним из ключевых навыков, необходимых для противодействия деструктивному воздействию. Оно позволяет анализировать информацию, выявлять логические ошибки и принимать обоснованные решения. В условиях глобальной информационной эпохи, когда молодые люди все чаще сталкиваются с потоками информации через интернет и социальные сети, важно научить их анализировать, оценивать и фильтровать получаемые данные. Критическое мышление помогает молодежи не только осознавать свои собственные убеждения и ценности, но и проверять информацию, анализируя ее источники, логику и цели, стоящие за ней. Кроме того, развитие критического мышления способствует формированию активной гражданской позиции и осознанию своей ответственности в обществе. Молодежь, которая умеет объективно оценивать происходящее вокруг, становится более способной к принятию взвешенных решений и участвует в общественных процессах на основе личных убеждений, а не внешних воздействий.

3. Ограничение доступа к деструктивной информации

Большинство молодежи поддерживает идею сбалансированного подхода к контролю информации. Молодые люди считают, что в некоторых случаях это может быть оправдано необходимостью защиты от деструктивного воздействия. Ограничения к враждебным иностранным сайтам, социальным сетям и каналам на сегодня являются необходимой мерой, чтобы помочь молодым людям избежать негативного влияния от опасного контента. При этом желательно, чтобы вводимые ограничения обсуждались и одобрялись общественностью, носили временный характер до исправления ситуации с негативной направленностью информационно-психологического воздействия.

4. Поддержка позитивного контента

Позитивный контент может служить противовесом деструктивному воздействию и способствовать формированию у молодёжи позитивных установок и ценностей. К позитивному контенту можно отнести информацию о науке, искусстве, культуре, спорте и других областях, которые способствуют развитию личности. При этом через иные направления можно также доносить общественно-политические идеи, но освещая их в конструктивном ключе. В данном случае следует усилить сотрудничество с молодежными «ЛОМами», которые умеют в развлекательном формате, через повседневный контент доносить важные, значимые мысли.

5. Сотрудничество с родителями и педагогами

Здесь речь в большей степени идет об учащейся молодежи 14–25 лет. Родители и педагоги играют важную роль в формировании личности и могут оказать значительное влияние на её восприятие информации. Поэтому сотрудничество с ними государственных и общественных организаций в области информационной безопасности может стать эффективным способом противодействия деструктивному воздействию. Педагоги как специалисты, обладающие профессиональными знаниями в области психологии и педагогики, имеют возможность выявлять ранние признаки воздействия деструктивных факторов на учащихся, помогать им осознать риски и последствия таких явлений. Совместная работа педагогов и родителей позволяет создавать единую систему поддержки, в которой каждая сторона играет свою важную роль. Педагоги могут организовывать образовательные программы, направленные на развитие критического мышления и цифровой грамотности среди молодежи, обучать молодежь различать манипуляции и фальшивую информацию. Родители, в свою очередь, могут поддерживать эти инициативы в семейном кругу, создавая атмосферу доверия и открытости, где молодые люди чувствуют себя психологически защищенными.

6. Изучение молодежного контента в социальных сетях

Социальные сети должны стать основным объектом для исследования, так как именно через них осуществляется наибольшее количество информационно-психологических воздействий. Рекомендуется исследовать, как социальные платформы влияют на мнение молодежи, формируя политические предпочтения, установки и даже поведение через алгоритмы, создание информационных пузырей и использование политической рекламы. С учетом того, что наибольшее внимание молодежь уделяет

интернет-ресурсам, важно рассмотреть риски манипуляций и распространения фейковых новостей через эти каналы, а также пути повышения медийной грамотности для предотвращения подобных манипуляций. Отдельно следует изучить как видеоконтент влияет на политическую активность молодежи, включая механизмы вовлечения через комментарии, лайки и репосты. Видеоформат представляет собой мощный инструмент воздействия на молодежь. Видео может использоваться для быстрого привлечения внимания и усиления эмоционального отклика, что делает его идеальным для агитации и создания определенных политических образов. Важно изучить, как видео (особенно короткие видеоролики, мемы, репортажи) влияет на формирование политических предпочтений и образов.

7. Ориентир на текстовые форматы

Как показал опрос, несмотря на активное развитие видеоформатов, текст по-прежнему остается наиболее востребованной формой получения информации для молодежи. Следует сосредоточить внимание на текстовом формате как основном инструменте для информационно-психологического воздействия на молодежь. Тексты дают возможность для глубокой работы с контекстом и содержанием, что особенно важно для манипуляций и воздействия на общественное мнение. Рекомендуется исследовать, как тексты (статьи, блоги, посты) могут использоваться для влияния на восприятие политических событий, например через создание информационных пузырей, рамки и подбор определенных нарративов.

8. Исследование политической апатии

Среди респондентов были выявлены те, кто совершенно не следит за общественно-политической повесткой ввиду отсутствия интереса, неудовлетворенности уровнем журналистики или существующим контентом. Данная группа представляет собой важный объект для изучения, особенно в контексте политической апатии и возможных манипуляций через эмоциональные и идеологические призывы, направленные на нейтральные или аполитичные группы молодежи. Такие группы также могут быть подвержены деструктивному воздействию через социальное давление или эмоциональную агитацию в медиаресурсах. Важно понять, как с помощью менее частого, но точного воздействия можно повлиять на политическую активность этих пользователей.

9. Анализ использования эмоциональных триггеров в медиа

Следует глубже исследовать, как разные образы (дети, животные, пожилые люди и т.д.) используются в медиа в качестве эмоциональных триггеров для манипуляции и усиления общественного резонанса. Это позволит более точно определить, какие эмоциональные реакции стимулируются в различных информационных кампаниях. Важно проанализировать, как информация о перечисленных категориях воспринимается в социальных сетях, где распространение эмоционально окрашенного контента происходит быстрее и может оказывать еще более сильное влияние на молодежь.

10. Работа с молодежью, активно интересующейся общественно-политической повесткой

Те, кто являются активными потребителями политического контента и постоянно следят за политической повесткой, могут подвергаться более глубинным и продвинутым методам манипуляций, таким как создание сложных политических нарративов, влияющих на формирование политических предпочтений, использование агитации и пропаганды в виде «альтернативных фактов», а также воздействие через политические мемы и вирусный контент. Эта группа респондентов активно интересуется политической ситуацией, участвует в общественных дискуссиях и чаще осознает важность политической активности. В данной группе воздействие через информационно-психологические инструменты может быть очень мощным, поскольку люди с высокой политической активностью более восприимчивы к политическим призывам и конструируемому протестному настроению.

Ключевой общей рекомендацией по противодействию деструктивным формам информационно-психологического воздействия является необходимость формирования у молодежи навыков критического восприятия информации и укрепления их способности распознавать манипуляции и дезинформацию. Ответственное использование информационно-психологических инструментов в медийной сфере и создание механизмов защиты от негативных воздействий на сознание молодежи будут способствовать укреплению демократических ценностей и социальной активности в обществе.

Таким образом, информационно-психологическое воздействие на молодежь представляет собой комплексный процесс, в котором важнейшую роль играют коммуникативные стратегии и особенности восприятия информации. Этот процесс требует внимательного анализа и мониторинга для минимизации негативных последствий, таких как политическая апатия или дезинформация, а также для разработки эффективных стратегий в сфере медийной политики, направленных на повышение критического восприятия информации среди молодежи.

Список источников

1. Бернейс Э. Пропаганда / пер. с англ. И. Ющенко. Москва : Hippo Publishing, 2010. 176 с.
2. Богдановская И.М. Мифы о России: конструктивное и деструктивное воздействие на сознание современной молодежи // Российское образование и общество. 2016. № 58 (3). С. 181–198.
3. Бродовская Е.В., Парма Р.В., Лукушин В.А., Склярова Н.Ю. Деструктивное информационно-психологическое воздействие на молодежь России в социальных медиа (по материалам круглого стола) // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2023. № 13(2). С. 12–18.
4. Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. Москва : Политиздат, 1987. 368 с.
5. Дилигенский Г.Г. В поисках смысла и цели: Проблемы массового сознания современного капиталистического общества. Москва : Политиздат, 1986. 256 с.
6. Елишев С.О. Социальное манипулирование молодежью. Москва : Канон+РООИ "Реабилитация", 2019. 336 с.
7. Информационно-психологическая и когнитивная безопасность : коллективная монография / под ред. И.Ф. Кефели, Р.М. Юсупова. Санкт-Петербург : ИД «Петрополис», 2017. 300 с.
8. Канетти Э., Московичи С. Монстр власти. Москва : Алгоритм, 2009. 240 с.
9. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. Москва : Эксмо, 2005. 832 с.
10. Коробов А.А. Цифровая пропаганда и неформальные политические коммуникации: эффект функциональной связи // Вестник Поволжского института управления. 2022. Т. 22, № 4. С. 73–82.
11. Лазарева И.Ю. Профилактика деструктивного информационно-психологического воздействия на молодежь в сети Интернет // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. Т. 26, № 4(87). С. 416–422.
12. Лазарсфельд П.Ф., Берельсон Б., Год Х. Выбор народа: как избиратель принимает решение в президентской кампании / пер. с англ. М.Ю. Завгородней [и др.]. Ульяновск : УлГУ, 2018. 151 с.
13. Лассуэлл Г.Д. Техника пропаганды в мировой войне / Г.Д. Лассуэлл ; сост. и пер. В.Г. Николаев ; отв. ред. Д.В. Ефременко. Москва : ИНИОН РАН, 2021. 237 с.
14. Ноэль-Нойман Э.Н. Общественное мнение. Открытие спирали молчания / общ. ред. и предисл. Н.С. Мансурова. Москва : Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. 352 с.
15. Ольшанский Д.В. Психология масс. Санкт-Петербург : Питер, 2001. 363 с.
16. Скрипкина Т.П., Макаренков А.А. Анализ деструктивного информационно-психологического воздействия посредством телекоммуникационных технологий на российских пользователей // Вестник Московского государственного областного университета : электрон. журн. 2022. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 17.03.2025).
17. Андрианова Р.А., Вихрян А.П., Зубок Ю.А. [и др.]. Социогуманитарные основы противодействия экстремизму в молодежной среде : коллективная монография. Москва : РУДН, 2022. 305 с.
18. Столяренко А.М., Сердюк Н.В., Вахнина В.В. [и др.]. Психологические аспекты деструктивного информационно-психологического воздействия // Психология и право. 2019(9). № 4. С. 75–89.
19. Nkem Onyekpe J.G. Managing the youth at election // The Constitution. 2007. Vol. 7, no. I. P. 76–87.

References

1. Bernays E. Propaganda / Translate I. Yushchenko. Moscow : Hippo Publishing, 2010. P. 176. (In Russ.).
2. Bogdanovskaya I.M. Mify o Rossii: konstruktivnoe i destruktivnoe vozdejstvie na soznanie sovremennoj molodezhi // Rossijskoe obrazovanie i obshchestvo. 2016. № 58 (3). P. 181–198. (In Russ.).
3. Brodovskaya E.V., Parma R.V., Lukushin V.A., Sklyarova N.Yu. Destruktivnoe informacionno-psihologicheskoe vozdejstvie na molodezh' Rossii v social'nyh media (po materialam kruglogo stola) // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2023. № 13(2). P. 12–18. (In Russ.).
4. Grushin B.A. Massovoe soznanie: Opyt opredeleniya i problemy issledovaniya. Moscow : Politizdat, 1987. 368 p. (In Russ.).
5. Diligenskij G.G. V poiskah smysla i celi: Problemy massovogo soznaniya sovremennogo kapitalisticheskogo obshchestva. Moscow : Politizdat, 1986. 256 p. (In Russ.).
6. Elishev S.O. Social'noe manipulirovanie molodezh'yu. Moscow : Kanon+ROOI "Reabilitaciya", 2019. 336 p. (In Russ.).
7. Informacionno-psihologicheskaya i kognitivnaya bezopasnost' : kollektivnaya monografiya / pod red. I.F. Kefeli, R.M. Yusupova. Sankt-Peterburg : ID «Petropolis», 2017. 300 p. (In Russ.).
8. Kanetti E., Moskovichi S. Monster of Power. Moscow : Algoritm, 2009. 240 p. (In Russ.).
9. Kara-Murza S.G. Manipulyaciya soznaniem. Moscow : Eksmo, 2005. 832 p. (In Russ.).
10. Korobov A.A. Cifrovaya propaganda i neformal'nye politicheskie kommunikacii: effekt funkcional'noj svyazi // Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya. 2022. T. 22, № 4. P. 73–82. (In Russ.).
11. Lazareva I.Yu. Profilaktika destruktivnogo informacionno-psihologicheskogo vozdejstviya na molodezh' v seti Internet // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2021. T. 26, № 4(87). P. 416–422. (In Russ.).
12. Lazarsfeld P.F., Berelson B., Gaudet H. The People's Choice: How the Voter Makes Up His Mind in a Presidential Campaign / Translate M.Yu. Zavgorodnej [et al.]. Ul'yanovsk : UlGU, 2018. 151 p. (In Russ.).
13. Lasswell G.D. Propaganda Techniques in the World War / Translate V.G. Nikolaev ; otv. red. D.V. Efremenko. Moskva : INION RAN, 2021. 237 p. (In Russ.).
14. Noel-Neumann E.N. Public Opinion. Discovering the Spiral of Silence / Translate, Obshch. red. i predisl. N.S. Mansurova. Moscow : Progress-Akademiya, Ves' Mir, 1996. 352 p. (In Russ.).
15. Ol'shanskij D.V. Psihologiya mass. Saint Petersburg : Piter, 2001. 363 p. (In Russ.).

16. Skripkina T.P. , Makarenkov A.A. Analiz destruktivnogo informacionno-psihologicheskogo vozdejstviya posredstvom telekommunikacionnyh tekhnologij na rossijskih pol'zovatelej // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyj zhurnal). 2022. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 17.03.2025). (In Russ.).

17. Andrianova R.A., Vihryan A.P. , Zubok Yu.A. [et al.]. Sociogumanitarnye osnovy protivodejstviya ekstremizmu v molodezhnoj srede : kollektivnaya monografiya. Moskva : RUDN, 2022. 305 p. (In Russ.).

18. Stolyarenko A.M., Serdyuk N.V., Vahnina V.V. [et al.]. Psihologicheskie aspekty destruktivnogo informacionno-psihologicheskogo vozdejstviya // Psihologiya i pravo. 2019(9). № 4. P. 75–89. (In Russ.).

19. Nkem Onyekpe J.G. Managing the youth at election // The Constitution. 2007. Vol. 7, no. I. P. 76–87.

Информация об авторах

С.Д. Савин – кандидат социологических наук, доцент;
О.О. Махова – магистр по направлению «Государственное и муниципальное управление», независимый исследователь.

Information about the authors

S.D. Savin is PhD in Sociology, Associate Professor;
O.O. Makhova is a Master's degree student in Public and Municipal Administration, independent researcher.

Статья поступила в редакцию 08.04.2025; одобрена после рецензирования 28.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.
The article was submitted 08.04.2025; approved after reviewing 28.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2025. Т. XXII, Вып. 2. С. 77–85
The Humanities and Social Studies in the Far East. 2025. Vol. XXII, Is. 2. P. 77–85

Научная статья
УДК 316.6
doi:10.31079/1992-2868-2025-22-2-77-85

СПОСОБЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕР/ТЕЛЕФОННОМУ МОШЕННИЧЕСТВУ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДОВ СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ

Татьяна Валентиновна Тулупьева[1,2]✉, **Жанна Викторовна Бородина**[3,4]

[1]Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, tulupeva-tv@ranepa.ru, https://orcid.org/0000-0003-3630-7971
[2]Санкт-Петербургский Федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия
[3]Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, borodinajanna@mail.ru, https://orcid.org/0009-0009-6193-9349
[4]Октябрьская дирекция инфраструктуры – структурное подразделение Центральной дирекции инфраструктуры – филиала ОАО «РЖД», Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам роста кибер/телефонного мошенничества с использованием методов социальной инженерии вследствие развития цифровизации финансовых услуг. Подробно описаны уязвимые группы граждан нашей страны, ставшие жертвами социоинженерных атак. Приведен пример применения злоумышленниками методов социальной инженерии, повлекший за собой возбуждение уголовного дела в отношении гражданина пенсионного возраста, квалифицированного как террористический акт. Также рассмотрены случаи психологического воздействия на несовершеннолетних, что повлекло за собой хищение принадлежащих их родителям денежных средств. Основное внимание уделено мерам государственного реагирования в целях минимизации случаев нарушения информационной безопасности в сфере киберпреступности. Предложено разработать технические меры по идентификации абонентов и повысить цифровую грамотность граждан в целях противодействия кибер/телефонному мошенничеству. Статья может быть полезна государственным служащим, гражданам, студентам, аспирантам, а также всем, кто занимается проблемами противодействия кибер/телефонному мошенничеству с использованием методов социальной инженерии.

Ключевые слова: кибер/телефонное мошенничество, киберпреступность, социальная инженерия, социоинженерные атаки, цифровая грамотность

Original article

WAYS TO COUNTER CYBER/TELEPHONE FRAUD USING SOCIAL ENGINEERING TECHNIQUES

Tatyana V. Tulupieva[1,2]✉, **Zhanna V. Borodina**[3,4]

[1]RANEPA, Moscow, Russia, tulupeva-tv@ranepa.ru, https://orcid.org/0000-0003-3630-7971
[2]St. Petersburg Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia
[3]Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management, St. Petersburg, Russia, borodinajanna@mail.ru, https://orcid.org/0009-0009-6193-9349
[4]Oktyabrskaya Infrastructure Directorate, a structural subdivision of the Central Infrastructure Directorate, a branch of JSCo Russian Railways, St. Petersburg, Russia

Abstract. The article is devoted to the topical issues of the growth of cyber/telephone fraud using social engineering methods due to the digitalization of financial services. Vulnerable groups of our country's citizens who have become victims of social engineering attacks are described in detail. The article describes the example of application of social engineering methods by attackers, which resulted in the initiation of criminal proceedings against a citizen of retirement age, qualified as a terrorist act. It also discusses cases of psychological manipulation targeting minors, which resulted in the theft of money belonging to their parents. The main attention is paid to measures of state response to minimize cases of information security breaches in the area of cybercrime. It is proposed to develop technical measures to identify subscribers and to improve the digital literacy of citizens in order to counter cyber/telephone fraud. The article can be useful for civil servants, citizens, students, postgraduates, and all those who are engaged in the problems of countering cyber/telephone fraud using social engineering methods.

Keywords*:* cyber/telephone fraud, cybercrime, social engineering, social engineering attacks, digital literacy

© Тулупьева Т.В., Бородина Ж.В., 2025

Введение

Современный человек всё бóльшую часть жизненных потребностей удовлетворяет посредством цифрового потребления с применением электронной информации и цифровых сервисов для достижения личных целей, решения образовательных или производственных задач. В этих условиях растут риски нарушения информационной безопасности, вызванные ошибками, легкомыслием, небрежностью и недостаточной цифровой грамотностью граждан при работе с многочисленными электронными сервисами, что способствует незаконной деятельности злоумышленников, направленной на получение выгоды [3].

Обратной стороной активного технологического развития и цифровизации бизнес-процессов, глобального роста объема обрабатываемых финансовыми организациями данных пользователей финансовых услуг является рост кибермошенничества[1].

Используемые в современной науке термины «киберотношения», «цифровые отношения», «IT-отношения» представляют собой разновидность существующих общественных отношений, отличительной особенностью которых являются: компьютерная информация, информационно-телекоммуникационные сети и иные средства обработки и передачи компьютерной информации. Данные средства обладают уникальным качеством обеспечения возможности взаимодействия со значительно бóльшим количеством субъектов по сравнению с традиционными взаимоотношениями. В этой связи любое преступление, совершаемое с использованием перечисленных средств создания, обработки и (или) передачи информации, обладает повышенной степенью общественной опасности в сравнении с аналогичным общественно опасным деянием [7].

Начиная с 2021 г. наблюдается увеличение количества случаев добровольной передачи физическими лицами своих личных сведений (номеров платежных карт, паролей) злоумышленникам, впоследствии используемых в целях осуществления несанкционированных операций: банковских переводов денежных средств без согласия клиентов.

Так, совокупное количество операций по переводу денежных средств без согласия клиента увеличилось на 33,8 % (1035,01 тыс. операций за 2021 г. по сравнению с 773,27 тыс. операций за 2020 г.)[2].

В январе–декабре 2024 г. зарегистрировано 765,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 13,1 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 34,8 % в январе–декабре 2023 г. до 40,0 %. Почти половина таких преступлений (48,2 %) относится к категориям тяжких и особо тяжких (369,3 тыс.; +7,8 %), четыре преступления из пяти (84,8 %) совершаются с использованием сети интернет (649,1 тыс.; +23,2 %), почти половина (45,2 %) – с применением средств мобильной связи (346,0 тыс.; +14,3 %)[3].

Количество мошеннических[4] операций в 2024 г. стало самым высоким. Объем операций без добровольного согласия клиентов увеличился по сравнению с 2023 г. на 74,36 %[5].

Данные статистические сведения свидетельствуют о существовании в настоящее время одной из острых проблем, которую называют социальной инженерией.

Вопросы влияния социальной инженерии на человека и его информационную безопасность являлись предметами исследований Т.В. Тулупьевой, А.В. Суворовой, А.Л. Тулупьева, А.А. Азарова, М.В. Абрамова, Р.М. Юсупова [11], С.С. Созаева, Д.А. Кунашева [10: с. 85–88], М.О. Янгаевой [14: с. 145–151], К.Р. Ошманкевича [8: с. 42–50], М.Е. Бочарниковой, Т.М. Пестуновой, В.В. Селифанова [3: с. 36–52].

Под социальной инженерией С.С. Созаев, Д.А. Кунашев понимают искусный метод управления психологией человека без использования тех-

[1] См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.12.2022 № 4355-р «Об утверждении Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации до 2030 г.» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 1 (часть III). Ст. 476.

[2] Проект федерального закона № 197920-8 «О внесении изменений в Федеральный закон "О национальной платежной системе"». 2022. 20 сентября. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/197920-8 (дата обращения: 17.01.2025).

[3] См.: Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2024 г. // Сайт МВД России. 2025. 20 января. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/ (дата обращения: 13.03.2025).

[4] В качестве мошенничества квалифицируются действия граждан, направленные на хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием, ч. 1 ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[5] Обзор операций, совершенных без добровольного согласия клиентов финансовых организаций // Сайт Банка России. 2025. 18 февраля. URL: https://cbr.ru/analytics/ib/operations_survey/2024/ (дата обращения: 04.03.2025).

нических приемов взломов для получения персональной информации, доступа к чему-либо [11]. Социальная инженерия направлена на человеческие слабости, интерес, невнимательность, наивность, легкомыслие [15].

Применительно к киберпреступности под социальной инженерией К.Р. Ошманкевич понимает приемы психологического воздействия злоумышленников на граждан дистанционным путем с применением новых технологий в целях хищения денежных средств [9].

Социоинженерные атаки рассматриваются как набор прикладных психологических и аналитических приемов, которые злоумышленники применяют для скрытой мотивации пользователей публичной или корпоративной сети к нарушениям устоявшихся правил и политик в области информационной безопасности [12].

Как отмечают М.Е. Бочарникова, Т.М. Пестунова, В.В. Селифанов, социальная инженерия (фишинг: почтовый, телефонный, SMS, интернет) является доминирующим видом атак на пользователей, поэтому умение оперативно определить эту угрозу и правильно отреагировать («не клюнуть на удочку») – насущная потребность для всех пользователей и при работе в корпоративных информационных системах, и при использовании информационных технологий в личных целях [3].

Согласно аналитическим данным Банка России, основные сценарии злоумышленников в 2024 г. условно можно разделить на следующие группы:

– звонки с предложением о продлении различных договоров, лицензий;

– звонки от имени служб безопасности финансовых организаций;

– звонки из правоохранительных органов;

– звонки с предложением государственной поддержки и компенсационных выплат[6].

Такую деятельность называют «телефонным мошенничеством». Понесенный россиянами ущерб от данного вида мошенничества за 2024 г. составил не менее 295 млрд руб.[7].

Проблема мошенничества с использованием методов социальной инженерии носит, прежде всего, психологический характер. Социальное влияние является сложным комплексом, состоящим из возможностей и компетенций агента влияния (в которые включается владение способами и видами влияния), а также потребностей, личностных особенностей, психических свойств и состояний реципиента [13].

Авторами статьи выявлен научный пробел в виде отсутствия в Российской Федерации обязательного образовательного стандарта «Цифровая грамотность», что приводит к уязвимости граждан перед злоумышленниками. Данный вопрос не разрешен на протяжении многих лет, что актуализирует научный поиск подходов к решению данной проблемы.

Целью настоящего исследования является анализ применяемых злоумышленниками методов социальной инженерии в отношении граждан в целях принятия мер по противодействию кибер/телефонному мошенничеству.

Уязвимые группы

Ежедневно в России совершается до 15 млн мошеннических звонков[8]. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в феврале 2024 г. 67 % россиян сообщили, что получали звонки от мошенников, тогда как еще в 2021 г. о таком опыте могли рассказать чуть больше половины наших сограждан (57 %, +10 п.п. за три года)[9].

По результатам ежегодного опроса Банк России составил портрет пострадавшего от кибермошенников. В 2024 г. каждый 3-й из 10 респондентов сталкивался с разными видами финансового кибермошенничества, при этом 9 % пострадавших лишились денежных средств. Наблюдается рост числа пострадавших среди граждан старше 65 лет.

Под влиянием мошенников граждане совершают следующие действия:

– переходят по ссылке, которую присылают злоумышленники (18,9 %);

– переводят деньги злоумышленникам (15,6 %);

– сообщают коды от смс-сообщений от государственного портала «Госуслуги» (11,2 %);

– сообщают коды от смс-сообщений от банка (10,8 %);

– вводят данные банковских карт на сайте (7,6 %);

[6] Обзор операций, совершенных без добровольного согласия клиентов финансовых организаций // Сайт Банка России. 2025. 18 февраля. URL: https://cbr.ru/analytics/ib/operations_survey/2024/ (дата обращения: 04.03.2025).

[7] Сбербанк назвал сумму ущерба россиянам от телефонного мошенничества за год // Сайт АО «Коммерсантъ». 2025. 15 марта. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7551712 (дата обращения: 05.03.2025).

[8] В «Сбере» назвали число звонков мошенников в сутки. 2024. 14 января // Сайт АО «Росбизнесконсалтинг». URL: https://www.rbc.ru/society/14/02/2024/65cc66b19a794730df09b396 (дата обращения: 18.01.2025).

[9] Телефонное мошенничество: мониторинг // Сайт ВЦИОМ. 2024. 20 февраля. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telefonnoe-moshennichestvo-monitoring (дата обращения: 18.01.2025).

– устанавливают вредоносное приложение (6,7 %);

– сообщают паспортные данные (6,6 %);

– вводят личные данные на сайте (6,2 %);

– сообщают данные банковской карты (5 %);

– набирают комбинацию цифр на телефоне (3,8 %)[10].

По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, за 11 месяцев 2024 г. 85 % всех мошенничеств (350 тыс.) совершено с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации – телефонные мошенничества с подменой номеров, мошенничества в интернете, мошенничества с электронными платежными средствами и другие виды кибермошенничеств, число которых выросло на 7,8 %[11].

Гражданам наносится огромный ущерб от телефонных мошенников. Мошенники используют преднамеренно вводящие в заблуждение методы, для того чтобы убедить гражданина раскрыть конфиденциальные данные, получить доступ к банковским счетам и вывести деньги [6].

Исследователи Н.В. Мешкова, В.Т. Кудрявцев, С.Н. Ениколопов полагают, что манипуляциям со стороны телефонных мошенников подвержены люди возраста 50+ с выраженными ценностями безопасности, образом мышления наивного оптимиста, высоким самоконтролем, ставящие интересы группы выше собственных, склонные к сотрудничеству [8]. В то же время актуальные данные Банка России свидетельствуют, что на первом месте среди пострадавших (36,1 %) находятся граждане в возрасте от 25 до 44 лет, на втором (27,5 %) – возрастная группа 45–64 лет, на третьем (16,6 %) – граждане старше 65 лет, и на четвертом (10,8 %) – дети от 14 до 19 лет и на последнем месте (9 %) – молодые люди в возрасте от 20 до 24 лет[12].

Таким образом, уязвимыми категориями являются граждане в возрасте от 25 до 64 лет, которые проявляют высокую экономическую активность и часто пользуются банковскими сервисами.

В качестве яркого примера применения метода социальной инженерии приведем обстоятельства уголовного дела, возбужденного 21.12.2024 в отношении пенсионера по ч. 1 ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации[13] за совершение террористического акта в виде поджога банкоматов в отделениях банков[14]. Мужчина действовал по указанию неустановленных лиц, убедивших его сжечь банкоматы, из которых накануне его жена сняла 500 тыс. руб. и передала их неустановленным лицам.

Данный пенсионер в 2022 г. также был подвержен психологическому влиянию «телефонных мошенников», в результате чего он заключил с несколькими банками кредитные договоры на общую сумму 2,5 млн руб. и передал денежные средства неустановленным лицам[15].

Исполнить денежные обязательства перед банками в срок указанный пенсионер не смог, поскольку размер его страховой пенсии составлял 28 683,26 руб. в месяц (а расходы на оплату ежемесячных коммунальных услуг равнялись 9806,28 руб.), что явилось причиной его банкротства в ноябре 2023 г.[16].

Одна из самых крупных сумм, похищенных «телефонными мошенниками», – 430 млн руб., которые 71-летняя пенсионерка сняла со своих счетов в банке и передала злоумышленникам[17].

В частности, в 2024 г. в Санкт-Петербурге около 4300 пенсионеров пострадали от телефонных мошенников.[18] Так, 17.01.2025 пенсионер в Санкт-

[10] Кибермошенничество: портрет пострадавшего // Сайт Банка России. 2025. 17 февраля. URL: https://cbr.ru/statistics/information_security/cyber_portrait/2024/ (дата обращения: 13.03.2025).

[11] В РФ в 2024 г. рост мошенничеств составил 3,6 % // Сайт информационного агентства ТАСС. 2025. 6 января. URL: https://tass.ru/obschestvo/22827307 (дата обращения: 17.01.2025).

[12] Кибермошенничество: портрет пострадавшего // Сайт Банка России. 2025. 17 февраля. URL: https://cbr.ru/statistics/information_security/cyber_portrait/2024/ (дата обращения: 13.03.2025).

[13] См. ч. 1 ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[14] Подозреваемый в поджоге двух банкоматов в Колпино встретит Новый год в СИЗО // Сайт АО «Коммерсантъ». 2024. 23 декабря. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7401347 (дата обращения: 23.12.2024).

[15] Замести следы жены – пенсионер объяснил, почему поджег банкоматы в Петербурге // Сайт информационного агентства EADaily. 2024. 22 декабря. URL: https://eadaily.com/ru/news/2024/12/22/zamesti-sledy-zheny-pensioner-obyasnil-pochemu-podzhyog-bankomaty-v-peterburge (дата обращения: 17.01.2025).

[16] См. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 27.11.2023 по делу № А56-80766/2023; Определение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 22.07.2024 по делу № А56-80766/2023/искл.1. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a2bb47b0-404b-430d-965b-42621bac495a/cb94a1 b6-87ac-42dd-8e6c-a5d31bd0046a/A56-80766-2023_20231127 _Reshenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 17.01.2025).

[17] Экс-главу Корпорации развития Самарской области обманули на 430 млн рублей. 2025. 21 января // Сайт АО «Газета.Ру». URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2025/01/21/24888722.shtml (дата обращения: 02.02.2025).

[18] Почти 4,3 тыс. пенсионеров в Петербурге пострадали от мошенников с начала года // Сайт АО «ДП Бизнес Пресс». 2024. 25 сентября. URL: https://www.dP. ru/a/2024/09/25/pochti-4-3-tis--pensionerov (дата обращения: 18.01.2025).

Петербурге продал свою квартиру за 5 970 000 руб., снял 1 840 000 руб. со своего счета, оформил кредиты на общую сумму 2 613 000 руб. и передал денежные средства неустановленным лицам[19].

Согласно статистике кредитных организаций, порядка 50 процентов кредитных (заемных) денежных средств, выданных обманутым гражданам, после их получения были переданы мошенникам[20].

В то же время в 2024 г. только 30 % россиян, пострадавших от мошенников, обратились в правоохранительные органы[21].

По данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, в 2024 г. увеличилось на 2,1 % количество уголовных дел, направленных с обвинительным заключением в суды по статьям о мошенничестве, – до 32,9 тыс. преступлений; общая раскрываемость мошенничеств составляет 10,1 %[22].

Так, в январе 2025 г. был задержан мошенник, обманувший пенсионерку из Санкт-Петербурга на 20 тысяч долларов США методом социальной инженерии[23].

В определении Конституционного Суда Российской Федерации от 13.10.2022 № 2669-О указано, что в большинстве случаев телефонного мошенничества сделки оспариваются как совершенные под влиянием обмана потерпевшего третьим лицом. При рассмотрении таких споров особого внимания требует исследование добросовестности и осмотрительности банков. В частности, к числу обстоятельств, при которых кредитной организации в случае дистанционного оформления кредитного договора надлежит принимать повышенные меры предосторожности, следует отнести факт подачи заявки на получение клиентом кредита и незамедлительной выдачи банку распоряжения о перечислении кредитных денежных средств в пользу третьего лица (лиц).

В связи с тем что двусторонняя реституция в данном случае невозможна, то суд при разрешении правового конфликта сторон в качестве применения последствий недействительной сделки признает денежные средства по кредитному договору неполученными, а обязательства по возврату денежных средств и уплате кредитных процентов – не возникшими[24].

Особой уязвимой категорией лиц, подверженных социальному влиянию, являются несовершеннолетние.

Так, в январе 2025 г. в Москве 16-летняя девушка отдала злоумышленникам принадлежащие родителям денежные средства в сумме более 38 млн руб., поверив в сотрудничество с правоохранительными органами в целях спасения родителей от неприятностей[25].

В феврале 2025 г. злоумышленник убедил 17-летнего подростка перевести средства его родителей на определенный банковский счет. Находясь под воздействием мошенников, несовершеннолетний перевел порядка 500 тыс. руб. на банковскую карту, а после осознания случившегося покончил жизнь самоубийством. После получения денег преступник снял их в банкомате города Новосибирска, а затем перевел их через криптовалюту[26].

В частности, в некоторых субъектах Российской Федерации реализуются общественные программы на базе образовательных организаций среднего профессионального образования, проводятся информационно-разъяснительные встречи по вопросам ки-

[19] В Петербурге пенсионер отдал мошенникам более десяти миллионов рублей // Сайт Сетевого издания РИА Новости. 2025. 18 января. URL: https://ria.ru/20250118/moshenniki-1994351437.html (дата обращения: 18.01.2025).

[20] Проект федерального закона № 804702-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». 2024. 23 декабря. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/804702-8?ysclid=m8abeql6pl477697997 (дата обращения: 18.01.2025).

[21] Почти две трети россиян в 2024 г. столкнулись с телефонными мошенниками // Сайт АО «Аргументы и Факты». 2024. 26 октября. URL: https://spb.aif.ru/society/pochti-dve-treti-rossiyan-v-2024-godu-stolknulis-s-telefonnymi-moshennikami (дата обращения: 18.01.2025).

[22] Перемены на линии фрода // Сайт АО «Коммерсантъ». 2025. 25 февраля. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7533385 (дата обращения: 05.03.2025).

[23] В Петербурге задержали мошенника, обманувшего пенсионерку на 20 тысяч долларов США // Сайт сетевого издания spbdnevnik. 2025. 17 января. URL: https://spbdnevnik.ru/news/2025-01-17/v-peterburge-zaderzhali-moshennika-obmanuvshego-pensionerku-na-20-tysyach-dollarov-ssha (дата обращения: 19.01.2025).

[24] Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 10.11.2023 по делу № 33-16210/2023 (2-244/2021) // Сайт Нижегородского областного суда. URL: https://oblsud--nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=22432320&case_uid=ac3cdf97-511b-4c02-b79c-3228830ff11c&delo_id=5&new=5 (дата обращения: 19.01.2025).

[25] Школьница из Москвы отдала мошенникам 38 млн рублей из семейного сейфа // Сайт АО «Газета.ру». 2025. 27 января. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2025/01/27/24936062.shtml (дата обращения: 14.03.2025).

[26] В Санкт-Петербурге арестовали мошенника, доведшего подростка до самоубийства // Сайт ОАО «Первый канал». 2025. 24 февраля. URL: https://www.1tv.ru/news/2025-02-24/502278-v_sankt_peterburge_arestovali_moshennika_dovedshego_podrostka_do_samoubiystva (дата обращения: 05.03.2025).

бермошенничества[27], но единая государственная программа на данному вопросу отсутствует.

Разделяем мнение Н.Н. Ковалевой, А.С. Анисимовой, И.В. Шахновской, П.В. Соловьева, что важным элементом достижения состояния информационной безопасности является цифровая грамотность населения. Это требует как преобразования правового обеспечения цифровой грамотности, так и практики деятельности государственных органов в этой сфере. При этом присутствует необходимость разработки специальных мер в сфере обеспечения информационной безопасности детей (молодежи), что обусловлено их особым социальным статусом, характеризующимся возрастными и психологическими особенностями данной социальной общности [5].

Меры государственного реагирования

В качестве мер по исключению случаев обмана граждан методом социальной инженерии в 2024 г. были внесены следующие изменения в российское законодательство:

– в целях повышения уровня защиты и безопасности биометрических персональных данных граждан, обеспечения дополнительных условий для предупреждения административных правонарушений[28] 12.12.2023 был принят Федеральный закон об ужесточении наказания в статье 13.11 КоАП РФ за нарушение законодательства Российской Федерации в области персональных данных[29];

– с 01.03.2025 начал действие Федеральный закон от 26.02.2024 № 31-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О кредитных историях" и Федеральный закон "О потребительском кредите (займе)"», целью которого является предупреждение практик мошеннического получения потребительских займов (кредитов) третьими лицами путем незаконного использования персональных данных граждан, а также с использованием методов социальной инженерии, когда граждан подталкивают к получению потребительских займов (кредитов) с последующей передачей денежных средств третьим лицам, осуществляющим мошеннические действия.

Закон предусматривает право гражданина установить в своей кредитной истории запрет на заключение кредитными организациями и микрофинансовыми организациями с ним договоров потребительского займа (кредита) (в том числе дифференцированный запрет – на заключение с гражданином договора любого или отдельного вида потребительского займа (кредита), а также на все или отдельные способы заключения договора потребительского займа (кредита) и снять такой запрет[30];

– с 01.01.2025 установлено новое регулирование оборота сим-карт в целях упорядочения взаимоотношений между операторами связи и абонентами, в том числе иностранными гражданами (лицами без гражданства), при оказании услуг подвижной радиотелефонной связи для исключения предпосылок к незаконной деятельности с использованием абонентских номеров, оформленных на иностранцев[31].

Законом устанавливается обязательное условие о включении в договоры для иностранцев кода идентификации применяемого устройства (IMEI), вводится ограничение (не более 10) на количество абонентских номеров, которые могут быть выданы иностранному гражданину или лицу без гражданства[32]. Эта норма позволит повысить степень корректной идентификации абонентов-иностранцев в сети связи;

– с 01.09.2025 вступит в силу постановление Правительства Российской Федерации от 26.12.2024 № 1898, согласно которому из перечня лицензируемых услуг связи будут исключены услуги по пере-

[27] Постановление Правительства Ростовской области от 08.04.2024 № 241 «Об утверждении отчета о реализации государственной программы Ростовской области "Обеспечение общественного порядка и профилактика правонарушений" за 2023 год». URL: https://docs.cntd.ru/document/407249004 (дата обращения: 05.03.2025).

[28] Проект федерального закона № 353266-8 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». 2023. 4 мая. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/353266-8 (дата обращения: 19.01.2025).

[29] Федеральный закон от 12.12.2023 № 589-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 51. Ст. 9162.

[30] См. ст. 1 Федерального закона от 26.02.2024 № 31-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О кредитных историях" и Федеральный закон "О потребительском кредите (займе)"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 10. Ст. 1306.

[31] Проект федерального закона № 647048-8 «О внесении изменений в Федеральный закон "О связи" и Федеральный закон "Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных", о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». 2023. 13 июня. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/647048-8 (дата обращения: 20.01.2025).

[32] См. п. ст. 1 Федерального закона от 08.08.2024 № 303-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 33 (Часть II). Ст. 4999.

даче данных для целей передачи голосовой информации[33]. Это будет способствовать ограничению звонков с IP-телефонии, что ранее позволяло мошенникам подменять телефонные номера;

– 13.02.2025 в целях противодействия мошенническим схемам по хищению денежных средств с использованием методов социальной инженерии был подписан законопроект № 804702-8, обязывающий кредитные организации и микрофинансовые организации осуществлять мероприятия по противодействию такого рода мошенничеству (антифрод-мероприятия)[34].

Установлен «период охлаждения» заемщика в рамках потребительского кредитования, когда кредитор сможет передать заемщику денежные средства минимум через 4 часа для сумм от 50 тыс. до 200 тыс. руб. и минимум через 48 часов – для сумм свыше 200 тыс. руб.

Предлагаемая отсрочка в получении денежных средств даст заемщикам дополнительное время для тщательного анализа своих действий. За указанный период гражданин сможет обдумать цели, на которые он занимает средства, и понять, что находится под влиянием мошенника, а также посоветоваться с родственниками и друзьями, и, при необходимости, обратиться в кредитную организацию или правоохранительные органы с информацией о мошеннических действиях. Таким образом, заемщик откажется от ненужного кредита и не передаст денежные средства мошенникам.

Кроме того, кредитная организация теперь обязана ограничить внесение денежных средств на банковский счет через вновь токенизированную (цифровую) платежную карту на общую сумму более 50 тыс. руб. в течение 48 часов с момента выпуска такой карты, поскольку такой способ является основным каналом перечисления денежных средств злоумышленникам[35];

– в январе 2025 г. Правительство Российской Федерации подготовило два пакета антимошеннических поправок, которые вносят изменения в законы «О связи» и «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Предлагается на государственном портале «Госуслуги» регистрировать передачу сим-карт третьим лицам, если речь не идет о ближайших родственниках. Банки, операторы связи и интернет-магазины должны, в свою очередь, добавить биометрию в качестве способа авторизации в приложениях и личных кабинетах[36].

Соглашаемся с мнением О.Е. Беркович, Е.Б. Матрешиной, И.И. Павловой о том, что проводимых в настоящее время профилактических мер недостаточно, что требует усиления способов профилактики виктимного поведения потенциальных жертв мошенничества информационно-предупредительного содержания через: развитие их личной ответственности; формирование установок на самосовершенствование; понимание и ограничение (в психологическом отношении) личного пространства, что позволит сформировать умение сказать «нет», научиться брать паузу на рефлексивное обдумывание между выдвинутым требованием и ответным действием [1].

Динамичное развитие видов кибермошенничества требует от граждан особой бдительности.

Так, в декабре 2024 г. Министерство внутренних дел Российской Федерации сообщило о появлении новой угрозы – спуфинга. Это тип кибератаки, при которой злоумышленник маскируется под другого человека или компанию, чтобы завоевать доверие жертвы. Мошенники могут подменить номер и сайт, скопировав адрес и оформление, а также использовать ложную информацию о входящем вызове на смартфоне. Может быть создан вредоносный поддельный сайт с похожим адресом и оформлением на официальный сайт известного ресурса[37].

Помимо этого, мошенники стали применять нейросеть и использовать информационную технологию «дипфейк» (от англ. deepfake: deep-learning глубокое обучение и fake подделка), или «глубокий синтез» (англ. Deep in synthesis), востребованную в качестве средства, используемого при совершении преступления [14]. Дипфейк предоставляет пользователю возможность производить замену отдельных элементов изображения (путем наложения на исходный фото- и видеоматериал желаемых

[33] См. п. 2 постановления Правительства Российской Федерации от 26.12.2024 № 1898 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 53 (Часть I). Ст. 8719.

[34] См. Федеральный закон от 13.02.2025 № 9-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 7. Ст. 541.

[35] Проект федерального закона № 804702-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». 2024. 23 декабря. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/804702-8 (дата обращения: 20.01.2025).

[36] Правительство разработало пакет антимошеннических поправок // Сайт Право.ру. 2025. 30 января. URL: https://pravo.ru/news/257183/ (дата обращения: 30.01.2025).

[37] В МВД предупредили россиян о новом виде мошенничества // Сайт АО «Газета.Ру». 2024. 4 декабря. URL: https://www.gazeta.ru/tech/news/2024/12/04/24543986.shtml?updated (дата обращения: 19.01.2025).

образов) на иные, не относящиеся к оригиналу, что позволяет создавать вымышленный (фейковый) видеоконтент по заданному заинтересованными лицами сценарию [10].

К примеру, 18.01.2025 злоумышленники, используя технологию «дипфейк» (трехмерное достоверное изображение, созданное нейросетью), позвонили пенсионеру по видеосвязи, представились руководителем государственного органа и убедили его передать им 100 тыс. долл. США[38].

Заключение

В целях обеспечения достаточного уровня психологической безопасности личности от мошеннических действий гражданам важно понимать, какие механизмы манипуляции их эмоциями и восприятием могут использовать мошенники. Осознание этих тонкостей и механизмов психологического воздействия позволит им быть более бдительными и резистентными к манипулятивным актам, осуществляемым мошенниками [2].

В целях противодействия кибер/телефонному мошенничеству с использованием методов социальной инженерии предлагаем разработать технические меры по идентификации абонентов, например, чтобы при входящем вызове на мобильный телефон был указан не номер абонента, а фамилия, имя и отчество (наименование юридического лица), на кого зарегистрирован данный абонентский номер.

Также предлагаем добавить в школьную программу учебный предмет «Цифровая грамотность» в число обязательных федеральных рабочих программ основного общего и среднего общего образования, что позволит несовершеннолетним не становиться жертвой кибер/телефонного мошенничества.

В отношении совершеннолетних граждан предлагаем проводить просветительскую работу о методах и способах социальной инженерии в средствах массовой информации по принципу «предупреждён, значит, вооружён».

Список источников

1. Беркович О.Е., Матрешина Е.Б., Павлова И.И. Социально-психологические причины и способы совершения мошенничества в современном обществе // Российский следователь. 2024. № 6. С. 46–48.

2. Беркович О.Е., Матрешина Е.Б., Перминова В.И. Организация психологической безопасности личности в противодействии мошенническим действиям // Российский следователь. 2024. № 12. С. 57–60.

3. Бочарникова М.Е., Пестунова Т.М., Селифанов В.В. Вопросы личной информационной безопасности в условиях цифровой трансформации экономики, управления и общественных коммуникаций // Безопасность цифровых технологий. 2023. № 1(108). С. 36–52.

4. Ковалева Н.Н., Анисимова А.С., Шахновская И.В., Соловьев П.В. Цифровая грамотность населения как средство обеспечения информационной безопасности в Республике Беларусь и Российской Федерации // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2023. № 1. С. 118–124.

5. Коротеев М.В., Плешакова Е.С., Желябин Д.В. Обзор методов NLP, используемых для распознавания текста с целью противодействия телефонному мошенничеству // Безопасность бизнеса. 2022. № 6. С. 46–51.

6. Лапшин В.Ф., Кемова Н.Н. Общественный порядок и цифровая безопасность как современные объекты уголовно-правовой охраны // Союз криминалистов и криминологов. 2023. № 2. С. 30–38.

7. Мешкова Н.В., Кудрявцев В.Т., Ениколопов С.Н. К психологическому портрету жертв телефонного мошенничества // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2022. № 1. С. 138–157.

8. Ошманкевич К.Р. Социальная инженерия как угроза хозяйственной деятельности кредитной организации // Хозяйство и право. 2023. № 4. С. 42–50.

9. Самойлов И.Н., Камышанский Д.Ю. Потенциальные и реальные угрозы технологии deepfake (дипфейк) // ИС. Авторское право и смежные права. 2024. № 4. С. 15–21.

10. Созаев С.С., Кунашев Д.А. Социальная инженерия, ее техники и методы её противодействия // Вестник науки. 2020. № 2 (23). Т. 1. С. 85–88.

11. Азаров А.А., Тулупьева Т.В., Суворова А.В. [и др.] Социоинженерные атаки: проблемы анализа. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма «Наука», 2016. 349 с.

12. Тулупьева Т.В., Абрамов М.В., Тулупьев А.Л. Модель социального влияния в анализе социоинженерных атак // Управленческое консультирование. 2021. № 8. С. 97–107.

13. Яковлева К.Ю. Информационная технология «дипфейк»: понятие и доказательственное значение в уголовном процессе // Законность. 2024. № 11. С. 59–65.

14. Янгаева М.О. Методы (техники) социальной инженерии, используемые при совершении преступлений в сфере компьютерной информации // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 2(18). С. 145–151.

[38] Представился Собяниным: мошенники заставили пенсионера выбросить с балкона 100 тысяч долларов // Сайт ООО «ФедералПресс». 2025. 18 января. URL: https://fedpress.ru/ news/77/society/3358638 (дата обращения: 19.01.2025).

References

1. Berkovich O.E., Matreshina E.B., Pavlova I.I. Sotsial'no-psikhologicheskie prichiny i sposoby sovershenia moshennichestva v sovremennom obshchestve [Socio-psychological causes and ways of committing fraud in modern society] // Rossiiskii sledovatel'. 2024. № 6. S. 46–48. (In Russ.).
2. Berkovich O.E., Matreshina E.B., Perminova V.I. Organizatsiya psikhologicheskoi bezopasnosti lichnosti v protivodeistvii moshennicheskim deistviyam [Organization of the psychological security of the individual against fraudulent acts] // Rossiiskii sledovatel'. 2024. № 12. S. 57–60. (In Russ.).
3. Bocharnikova M.E., Pestunova T.M., Selifanov V.V. Voprosy lichnoi informatsionnoi bezopasnosti v usloviyakh tsifrovoi transformatsii ehkonomiki, upravleniya i obshchestvennykh kommunikatsii [Personal information security in the context of digital transformation of the economy, governance and public communications] // Bezopasnost' tsifrovykh tekhnologii. 2023. № 1(108). S. 36–52. (In Russ.).
4. Kovaleva N.N., Anisimova A.S., Shakhnovskaya I.V., Solov'ev P. V. Tsifrovaya gramotnost' naseleniya kak sredstvo obespecheniya informatsionnoi bezopasnosti v Respublike Belarus' i Rossiiskoi Federatsii [Digital literacy of the population as a means of ensuring information security in the Republic of Belarus and the Russian Federation] // Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D. Ehkonomicheskie i yuridicheskie nauki. 2023. № 1. S. 118–124. (In Russ.).
5. Koroteev M.V., Pleshakova E.S., Zhelyabin D.V. Obzor metodov NLP, ispol'zuemykh dlya raspoznavaniya teksta s tsel'yu protivodeistviya telefonnomu moshennichestvu [Review of NLP methods used to recognize text to counter telephone fraud] // Bezopasnost' biznesa. 2022. № 6. S. 46–51. (In Russ.).
6. Lapshin V.F., Kemova N.N. Obshchestvennyi poryadok i tsifrovaya bezopasnost' kak sovremennye ob"ekty ugolovno-pravovoi okhrany [Public order and digital security as modern facilities of criminal law protection] // Soyuz kriminalistov i kriminologov. 2023. № 2. S. 30–38. (In Russ.).
7. Meshkova N.V., Kudryavtsev V.T., Enikolopov S.N. K psikhologicheskomu portretu zhertv telefonnogo moshennichestva [To the psychological profile of the victims of telephone fraud] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya. 2022. № 1. S. 138–157. (In Russ.).
8. Oshmankevich K.R. Sotsial'naya inzheneriya kak ugroza khozyaistvennoi deyatel'nosti kreditnoi organizatsii [Social engineering as a threat to the business activities of the credit organization] // Khozyaistvo i pravo. 2023. № 4. S. 42–50. (In Russ.).
9. Samoilov I.N., Kamyshanskii D.YU. Potentsial'nye i real'nye ugrozy tekhnologii deepfake (dipfeik) [Potential and real threats of deepfake technology] // IS. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. 2024. № 4. S. 15–21. (In Russ.).
10. Sozaev S.S., Kunashev D.A. Sotsial'naya inzheneriya, ee tekhniki i metody ee protivodeistviya [Social engineering, its techniques and methods of countering it] // Vestnik nauki. 2020. № 2 (23), T. 1. S. 85–88. (In Russ.).
11. Azarov A.A., Tulup'eva T.V. , Suvorova A.V. [i dr.]. Sotsioinzhenernye ataki: problemy analiza [Social engineering attacks: Analysis problems]. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskaya izdatel'sko-knigotorgovaya firma «NaukA», 2016. 349 s. (In Russ.).
12. Tulup'eva T.V., Abramov M.V., Tulup'ev A.L. Model' sotsial'nogo vliyaniya v analize sotsioinzhenernykh atak [A model of social influence in the analysis of socio-engineering attacks] // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2021. № 8. S. 97–107. (In Russ.).
13. Yakovleva K.YU. Informatsionnaya tekhnologiya «dipfeiK»: ponyatie i dokazatel'stvennoe znachenie v ugolovnom protsesse [Information technology "dipfake": concept and evidentiary value in criminal proceedings] // Zakonnost'. 2024. № 11. S. 59–65. (In Russ.).
14. Yangaeva M.O. Metody (tekhniki) sotsial'noi inzhenerii, ispol'zuemye pri sovershenii prestuplenii v sfere komp'yuternoi informatsii [Methods (techniques) of social engineering used in computer crime] // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. 2021. № 2(18). S. 145–151. (In Russ.).

Информация об авторах

Т. В. Тулупьева – кандидат психологических наук, доцент;

Ж.В. Бородина – студент магистратуры, начальник юридического подразделения Октябрьской дирекции инфраструктуры – структурного подразделения Центральной дирекции инфраструктуры – филиала ОАО «РЖД».

Information about the authors

T.V. Tulupieva is PhD in Psychology, Associate Professor;

Z.V. Borodina is a Master's degree student, head of legal department, Oktyabrskaya Infrastructure Directorate, a structural subdivision of the Central Infrastructure Directorate, a branch of JSCo Russian Railways.

Вклад авторов:
Т.В. Тулупьева – научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; итоговые выводы.
Ж.В. Бородина – написание исходного текста.
Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors:
T.V. Tulupieva – scientific management; research concept; methodology development; final conclusions.
Z.V. Borodina – follow-on revision of the text.
The authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests

Статья поступила в редакцию 22.04.2025; одобрена после рецензирования 28.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.
The article was submitted 22.04.2025; approved after reviewing 28.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2025. Т. XXII, Вып. 2. С. 86–90
The Humanities and Social Studies in the Far East. 2025. Vol. XXII, Is. 2. P. 86–90

Научная статья
УДК 378
doi:10.31079/1992-2868-2025-22-2-86-90

ДОВЕРИЕ МОЛОДЕЖИ К НОВЫМ ИНФОРМАЦИОННЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ: ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ГОССЕКТОРЕ

Анастасия Юрьевна Шеина

Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, sheina-ay@ranepa.ru

Аннотация. В статье рассматривается особая категория общества – молодежь, а также процессы формирования доверия к технологиям искусственного интеллекта (ИИ) в области государственного сектора. Приведен обзор стратегических документов, подчеркивающих важность формирования осознанного доверия к технологиям искусственного интеллекта. Представлен анализ информированности и доверия молодежи к ИИ-технологиям, в том числе в органах государственной власти, а также уровня цифровой грамотности в целом. Сформулированы направления действий по формированию осознанного доверия молодежи к технологиям искусственного интеллекта в рамках государственного сектора.

Ключевые слова*:* цифровое поколение, цифровая трансформация, цифровые компетенции молодежи, цифровое общество, цифровое доверие, ИИ-технологии, государственный сектор

Благодарности*:* статья выполнена в рамках НИР СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ.

Original article

YOUTH TRUST IN NEW INFORMATION TECHNOLOGIES: THE APPLICATION OF AI IN THE PUBLIC SECTOR

Anastasia Yu. Sheina

North-Western Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russia, sheina-ay@ranepa.ru

Abstract. This article examines a special segment of society – youth, as well as the processes involved in forming trust in artificial intelligence technologies within the public and municipal administration sector. It provides an overview of strategic documents, emphasizing the importance of building informed trust in artificial intelligence technologies. The author analyzes youth awareness and trust in AI technologies, as well as the level of digital literacy in general. The directions of actions are formulated to establish informed trust among youth in artificial intelligence technologies within the public sector.

Keywords*:* digital generation, digital transformation, digital competencies of youth, digital society, digital trust, AI technologies

Acknowledgements*:* the article was carried out within the framework of the Scientific Research Institute of the RANEPA under the President of the Russian Federation.

Введение

Скорость цифровой трансформации общества в последние десятилетия растет экспоненциально за счет быстрого развития технологий, их внедрения и изменения потребностей общества. Интеграция технологий в жизнь человека приобретает естественный характер, а цифровая представленность в интернете стала частью повседневной молодежной культуры. Особое место в обществе, в том числе в рамках цифровой трансформации в различных сферах, занимает молодежь, к которой по действующему законодательству РФ относят людей от 14 до 35 лет [3], на данный момент это порядка 37 млн человек, что составляет четверть населения страны, две трети которого проживает в городах[1].

В рамках направлений Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации (Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 (ред. от 15.03.2021)) уделено внимание необходимости создания возможности для выявления *талантливой молодежи* и построения ею успешной карьеры в области науки, технологий и инноваций и обеспечения тем самым развития интеллектуального потен-

[1] Информационное агентство ТАСС. URL: https://tass.ru/obschestvo/20448339 (дата обращения: 05.02.2025).

© Шеина А.Ю., 2025

циала страны. Формирование эффективной системы коммуникации в области науки, технологий и инноваций обеспечит повышение восприимчивости экономики и общества к инновациям [2]. В рамках национальной Стратегии искусственного интеллекта [1] поставлена задача обеспечить к 2030 г. количество выпускников высшего образования в области искусственного интеллекта более 15 500; уровень доверия граждан к технологиям искусственного интеллекта в 2030 г. должен вырасти не менее чем до 80 %; необходимо повысить привлекательность научной карьеры в области искусственного интеллекта для обучающихся по образовательным программам высшего образования и молодых ученых. Среди основных направлений для научных исследований выделяются направления безопасности, доверия, объяснимости и взаимодействия человека и ИИ. Среди проблем выделяется дефицит высококвалифицированных специалистов и инновационных разработок в области искусственного интеллекта; низкий уровень внедрения технологий искусственного интеллекта в государственном управлении; нехватка кадров для обеспечения массового внедрения технологий искусственного интеллекта.

Также в 2025 г. запущен национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государственного управления», в котором заявлены серьезные показатели уже для органов государственной власти, в том числе: увеличение доли социальных массовых госуслуг, оказываемых в электронной форме до 99 %, усиление проактивного формата; повышение уровня удовлетворенности качеством работы госслужащих и работников социальной сферы не менее чем на 50 %; развитие диалогового формата получения услуг и помощи; создание цифровой кадровой платформы для госорганов; создание отраслевых цифровых платформ в социальной сфере.

Анализ стратегических документов РФ показывает важность категории молодежи и ее роли в процессах цифровой трансформации государственного управления в качестве кадрового потенциала, а с другой стороны, молодежь является субъектом взаимодействия с органами государственной власти как граждане, которые могут влиять на принятие решений, а также взаимодействовать по получению услуг и выполнению обязательств. Также необходимо отметить, что одним из основных показателей оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов РФ и деятельности исполнительных органов субъектов РФ является доверие к власти [4]. В данном разрезе представляется актуальным рассмотреть особенности доверия молодежи к ИИ-технологиям в области государственного сектора.

Анализ доверия молодежи к информационным технологиям, в том числе к технологиям искусственного интеллекта

Результаты мониторингового опроса ВЦИОМ на тему доверия показывают, что молодежь менее доверчива в сравнении со старшим поколением: 88 % (18–24 года); 83 % (25–34 года) – выступают за осторожность в общении с другими людьми; и только каждый восьмой доверяет большинству[2].

Исследователи ВШЭ в рамках пилотного опроса 250 респондентов 18–35 лет проанализировали онлайн-доверие как важный компонент взаимодействия клиента и бизнеса, влияющего на покупательскую активность потребителей, их лояльность и удовлетворенность. Среди факторов, влияющих на онлайн-доверие, но не зависящих от компании, были выявлены: предрасположенность потребителей к доверию и воспринимаемая эффективность регуляторной деятельности государства по обеспечению безопасности пользователей. А среди факторов, зависящих от компании, респонденты выделили: безопасность, взаимодействие пользователей и сотрудников, воспринимаемый потребителями уровень профессионализма сотрудников, впечатления от работы с платформой (честность, компетентность компании)[3].

В рамках оценки цифровой готовности населения России был проведен опрос по уровню цифрового доверия и были подтверждены гипотезы: «чем выше уровень цифровой грамотности пользователей, тем выше у них уровень цифрового доверия»; «чем выше уровень цифровой грамотности пользователей, тем чаще они используют цифровые технологии для личного и профессионального развития»; «чем выше уровень цифровой грамотности пользователей, тем выше оценка безопасности цифровых сервисов государственных и коммерческих организаций» [5]. Безусловно, цифровая грамотность молодежи в рамках возрастной категории от 14 до 35 лет имеет разные показатели. По результатам исследования НАФИ, можно отметить рост группы обладателей продвинутого уровня цифровой грамотности (от 25 до 45 лет, 33 %), это каждый третий россиянин, как правило, имеющий высшее образование, работающий руководителем

[2] Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представляет результаты мониторингового опроса россиян на тему доверия. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-v-rossii-monitoring (дата обращения: 07.02.2025).

[3] Результаты пилотного исследования Высшей школы бизнеса. URL: https://trends.rbc.ru/trends/spec-project/6463728f9a794717838d5d6a?from=copy (дата обращения: 08.02.2025).

или квалифицированным специалистом и проживающий в одном из городов-миллионников. Базовым уровнем цифровой грамотности обладает 63 % населения, как правило, это люди до 24 лет, учащиеся или работающие на государственной и муниципальной службе. К начальному уровню грамотности относятся 4 %, в том числе подростки, лица без высшего образования, но с высоким потреблением цифрового контента[4].

В целом индекс цифровой грамотности формируется из ряда компонентов. Подындекс «Информационная грамотность» отражает навыки поиска информации в интернете, работы с различными видами данных и оценку достоверности сообщений в сети; подындекс «Коммуникативная грамотность» включает умение пользоваться различными видами онлайн-сервисов и электронных устройств для общения, соблюдение норм общения в сети; подындекс «Навыки решения проблем в цифровой среде» включает навыки пользования мобильными приложениями и компьютерными программами для повседневных задач, получения новых знаний в сфере цифровых технологий, умение решать аппаратные и программные проблемы; подындекс «Создание цифрового контента» агрегирует компетенции по созданию и редактированию цифрового контента, понимание принципов авторского права в сети; подындекс «Цифровая безопасность» показывает умение оценивать риски мошенничества, знание мер по обеспечению безопасности персональных данных, понимание негативного влияния, которое цифровые устройства оказывают на окружающую среду, физическое и психическое здоровье человека.

На сегодняшний день фиксируется снижение подындекса в цифровой грамотности, связанного с цифровой безопасностью, вследствие обострения социоинженерных атак, а также подындекса по созданию цифрового контента.

Мониторинговое исследование об общественном восприятии технологий искусственного интеллекта (респонденты от 18 лет), проведенного ВЦИОМ совместно с АНО «Национальные приоритеты», показывает следующие результаты:

– чем моложе респондент, тем лучше он может объяснить тематику ИИ-технологий (74 % в группе 18–24-летних, 67 % среди 25–34-летних, 57 % среди 35–44-летних). В целом среди респондентов наблюдается прирост информированности по технологиям искусственного интеллекта, однако доверие остается на уровне 2022 г. И здесь имеет место расхождение: если молодые люди, более оптимистично настроенные к использованию технологий ИИ, демонстрируют высокий уровень доверия (более 79 %), респонденты от 45 лет делятся поровну на демонстрирующих доверие и нет. Несмотря на высокие темпы прироста фокусированной информированности, доверие к технологиям искусственного интеллекта пока остается на уровне 2022 г. Сегодня им скорее доверяют 52 %, или каждый второй, не доверяют 38 %, что на 6 п.п. выше в сравнении с 2022 г. Также респонденты демонстрируют рост позитивного отношения к применению ИИ-технологий в разных сферах (строительство, промышленность, торговля и др.), однако исключением являются сферы государственного управления, экономики, безопасности и здравоохранения. С одной стороны, высокий уровень доверия среди молодого населения к ИИ-технологиям может быть обусловлен большей степенью понимания того, что представляют собой ИИ-технологии и как они могут использоваться в рамках решения повседневных личных и профессиональных задач, с другой стороны, это может быть подкреплено отсутствием осведомленности о рисковых зонах ИИ-технологий и полноты понимания реализации негативных последствий в перспективе.

Таким образом, стоит серьезная задача по повышению уровня внедрения технологий искусственного интеллекта в государственном управлении, доверия к органам власти, роста квалифицированных кадров со знанием ИИ-технологий, в том числе среди такой важной категории, как молодежь. В то же время рост доверия специалистов в области ИИ-технологий в госсекторе, не учитывающих угрозы и слепые зоны применения ИИ-технологий, может привести к росту киберпреступности и реализации социогуманитарных угроз.

Особенности формирования доверия к ИИ-технологиям в области государственного сектора

На сегодняшний день в РФ наблюдается рост киберпреступности: по данным МВД, с использованием информационно-телекоммуникационных технологий совершается каждое третье преступление в России[5], в первой половине 2024 г. Россия заняла первое место в мире по количеству утечек баз данных компаний (10 % всех объявлений о продаже баз данных), размещенных в даркнете; увеличивается разнообразие форм осуществления социоинженерных атак (фишинг, поддельное про-

[4] НАФИ-Аналитический центр. Индекс цифровой грамотности-2023: в России стало немного больше людей с продвинутым уровнем цифровых компетенций URL: https://nafi.ru/analytics/v-rossii-vyrosla-dolya-lyudey-s-prodvinutm-urovnem-tsifrovoy-gramotnosti/ (дата обращения: 10.02.2025).

[5] NTERFAX.RU. URL: https://www.interfax.ru/russia/927661 (дата обращения: 15.02.2025).

граммное обеспечение, всплывающие окна, программы-вымогатели, SMS-шинг, онлайн-социальная инженерия и обратная социальная инженерия). По прогнозам Сбербанка, к 2026 г. с использованием искусственного интеллекта будет проводиться 70 % кибератак, из-за чего более 200 млрд строк данных могут утечь по всему миру. Также ряд схем социо-инженерных атак адаптируют под молодежь, например звонки из деканата с требованием проверки данных, где цель злоумышленников – это получение доступа к аккаунту на Госуслугах, подгрузка поддельных доверенностей и рассылка в банки заявок на оформление кредитов. Оказывая психологическое воздействие, злоумышленники создают панику, снижают критическое мышление. И далее к решению вопроса подключаются фейковые представители таких структур, как Росфинмониторинг, Роспотребнадзор, цель которых убедить гражданина, что ситуация под контролем, если он будет действовать по инструкциям, что в свою очередь приводит к потере финансовых средств.

Анализ ряда публикаций отечественных исследователей по ИИ-технологиям в государственном секторе позволяет выделить риски, связанные с возможным нарушением прав и свобод граждан; недоверием граждан к решениям, принятым в госсекторе с учетом ИИ-технологий, в том числе в вопросе эффективности; недостаточной квалификацией государственных служащих в сфере ИИ-технологий, в том числе в вопросах понимания, где они уже используют ИИ-технологии, где могут их потенциально использовать, а также в анализе и оценке последствий; вызовами для национальной безопасности с учетом возрастания количества текущих киберугроз и их и потенциала [6].

С учетом повышенных рисков необходима выработка осознанного доверия молодежи к ИИ-технологиям, в том числе к средствам повышения компетентности в области цифровой безопасности, этике использования ИИ-технологий.

Интересным представляется опыт ЕС по регулированию использования ИИ-технологий с помощью принятого закона AI Act с акцентом на соблюдение прав человека и развитием «заслуживающего доверия» ИИ на основе риск-ориентированного подхода. Градация рисков произведена по следующим уровням: неприемлемый, высокий, низкий, минимальный уровень риска. Например, к неприемлемым уровням риска относятся манипулятивные и вводящие в заблуждение методы; методы биометрической идентификации; методы прогнозов, основанные на профилировании данных; методы определения эмоций [8]. В России в 2021 г. разработан Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта, который послужил началом формирования мягкого права по регулированию ИИ-технологий, а жесткое регулирование на сегодняшний день отсутствует. В рамках Кодекса этики существует раздел по необходимости внедрения риск-ориентированного подхода, в том числе по принятию значимых для общества и государства решений в области применения ИИ, на основе научно-выверенного, междисциплинарного прогнозирования социально-экономических последствий и рисков, изучения возможных изменений в ценностно-культурной парадигме развития общества с учетом национальных приоритетов. Однако рекомендации в рамках Кодекса этики носят общий характер и не дают конкретных рекомендаций, в том числе для государственного сектора.

Заключение

Таким образом, необходимо определение как мягких, так и в дальнейшем жестких рамок регулирования применения ИИ-технологий для государственного сектора. Применение риск-ориентированного подхода в рамках регуляторной деятельности государственного сектора может быть основано на градации:

1) по технологии: слабый ИИ (голосовые помощники, рекомендательные алгоритмы); сильный ИИ (гипотетически ИИ, способный выполнять любые интеллектуальные задачи на уровне человека); сверхсильный ИИ (потенциально способный превосходить человеческий разум во всех сферах);

2) по этической градации, основанной по степени влияния на общество и ответственности за принятие решений;

3) по степени сложности задачи: реактивные системы (решение задач по заранее заданным алгоритмам); системы с ограниченной памятью (основаны на использовании исторических данных для обучения); гипотетический ИИ, способный понимать эмоции и намерения других людей;

4) по уровню риска: неприемлемый риск (запрещенные технологии), высокий риск (требуется сертификация); ограниченный риск (требование прозрачности); минимальный риск (свободное использование);

5) по автономности: человек принимает все решения, ИИ предлагает варианты решений, человек выбирает, полная автономность ИИ.

Данное регулирование будет способствовать осознанному уровню доверия молодежи органам государственной власти, а также воспитанию необходимых компетенций для молодых кадров в рамках работы в современном госсекторе.

Список источников

1. Национальная стратегия развития ИИ на период до 2030 года : утверждена Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731/page/4 (дата обращения: 06.02.2025).
2. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации : утверждена Указом Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145. URL: https://base.garant.ru/408618353/#block_1000 (дата обращения: 07.02.2025).
3. О молодежной политике в Российской Федерации : Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ. URL: https://rg.ru/documents/2021/01/11/molodez-dok.html (дата обращения: 03.02.2025).
4. Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 28 ноября 2024 г. № 1014. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410912652/ (дата обращения: 07.02.2025).
5. Дмитриева Н.Е., Жулин А.Б., Артамонов Р.Е., Титов Э.А. Оценка цифровой готовности населения России : докл. к XXII Апрельской Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества (Москва, 13–30 апр. 2021 г.) / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 86 с.
6. Репин Д.А. Технологии искусственного интеллекта как фактор совершенствования государственного управления: вызовы и угрозы // Экономика и управление. 2025. Т. 31, № 2. С. 139–148. doi:10.35854/1998-1627-2025-2-139-148
7. Тюрина Ю.А., Шеина А.Ю. Формирование цифрового доверия в публичном управлении: междисциплинарный поход // Уфимский гуманитарный научный форум. 2024. № 2(18). С. 300–309. doi:10.47309/2713-2358-2024-2-300-309
8. Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта : учебное пособие. 3-е изд., обновлен. и доп. Нижний Новгород : Нижегородский госуниверситет, 2025. 321 с.
9. Шеина А.Ю. Цифровые навыки подростков и молодежи: компоненты, риски, возможности // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2024. Т. 15, № 3(65). С. 296–299.
10. Черешнева И.А. Искусственный интеллект в государственном управлении и транспарентность: европейский опыт // Государственная служба. 2022. Т. 24, № 2(136). С. 80–87. doi:10.22394/2070-8378-2022-24-2-80-87

References

1. National Strategy for the Development of AI through 2030 : approved by the Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731/page/4 (accessed: 06.02.2025). (In Russ.).
2. Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation : approved by the Decree of the President of the Russian Federation of February 28, 2024 No. 145. URL: https://base.garant.ru/408618353/#block_1000 (accessed: 07.02.2025). (In Russ.).
3. On Youth Policy in the Russian Federation : Federal Law of December 30, 2020 No. 489-FZ. URL: https://rg.ru/documents/2021/01/11/molodez-dok.html (accessed: 03.02.2025). (In Russ.).
4. On the Executive of the Russian Federation and the Russian high assessment of the subject of the subjects of the Organov you are not effective in the activities of the Federation of the Federation of activities : Decree of the President of the Russian Federation dated November 28, 2024. No. 1014. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410912652 / (accessed: 07.02.2025). (In Russ.).
5. Dmitriev N.E., Zhulin A.B., Artamonov R.E., Titov J.A. Assessment of Russia's readiness for the digital population : doc. Apr XXII international scientific research. Conf. the problem is not societies of development economics kotly (Moscow, Apr. 13–30. 2021) / National this is a study. Kostin Higher School of Economics. Moscow : This is decreasing. Dota School of Higher Economics, 2021. 86 p. (In Russ.).
6. Repin D.A. Artificial intelligence technologies as a factor in improving public administration: challenges and threats // Economics and management. 2025. Vol. 31. No. 2. P. 139–148. doi:10.35854/1998-1627-2025-2-139-148 (In Russ.).
7. Tyurina Yu.A., Sheina A.Yu. Formation of digital trust in public administration: an interdisciplinary campaign // Ufa Humanitarian Scientific Forum. 2024. № 2(18). P. 300–309. doi:10.47309/2713-2358-2024-2-300-309 (In Russ.).
8. Filipova I.A. Legal regulation of artificial intelligence: a textbook, 3rd edition, updated and expanded. Nizhny Novgorod : Nizhny Novgorod State University, 2025. 321 p. (In Russ.).
9. Sheina A.Y. Digital skills of adolescents and youth: components, risks, opportunities // Scientific papers of the Northwestern Institute of Management of the Russian Academy of Sciences. 2024. Vol. 15, No. 3(65). P. 296–299. (In Russ.).
10. Chereshneva I.A. Artificial intelligence in public administration and transparency: European experience // Public Service. 2022. Vol. 24, No. 2(136). P. 80–87.(In Russ.).doi:10.22394/2070-8378-2022-24-2-80-87 (In Russ.).

Информация об авторе

А.Ю. Шеина – кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

A.Yu. Sheina is Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 04.04.2025; одобрена после рецензирования 28.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.
The article was submitted 04.04.2025; approved after reviewing 28.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2025. Т. XXII, Вып. 2. С. 91–99
The Humanities and Social Studies in the Far East. 2025. Vol. XXII, Is. 2. P. 91–99

СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В ПРОСТРАНСТВЕ ЯЗЫКОВ, КУЛЬТУР, ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ

MODERN INTERNATIONAL RELATIONS IN LINGUISTIC, CULTURAL
AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Научная статья
УДК 811.111-028.14
doi:10.31079/1992-2868-2025-22-2-91-99

РЕФЕРИРОВАНИЕ КАК ЭФФЕКТИВНАЯ ФОРМА КОМПРЕССИИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ СТАТЬИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ELSP СТУДЕНТОВ ИНЖЕНЕРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

Людмила Филипповна Маринич[1], **Жанна Ивановна Прыткова**[2]
[1, 2]Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия
[1]luedmilafm35@inbox.ru
[2]zhanna.pr7@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты работы студентов технического вуза с источниками профессионально значимой информации в контексте ELSP. Дается краткий анализ текста как речевого произведения. Исследуются категории текста – план содержания, план выражения, средства связности. Рассмотрены виды компрессии текста – аннотация и реферат. Основное внимание уделяется формированию навыков реферирования аутентичной журнальной статьи в процессе профессионально-ориентированного чтения на иностранном языке. В практической части исследования представлены этапы работы над рефератом и пошаговый алгоритм действий для формирования навыков реферирования научно-технической журнальной статьи у студентов инженерных специальностей.

Ключевые слова: английский язык для специальных целей, профессионально-ориентированное чтение, текстовые категории, план содержания и план выражения, первичная информация, вторичная информация, реферирование

Original article

ABSTRACTING AS AN EFFECTIVE INSTRUMENT OF COMPRESSING A SCIENTIFIC AND TECHNICAL ARTICLE WHILE TEACHING ELSP TO STUDENTS OF ENGINEERING SPECIALITIES IN FAR EASTERN STATE TRANSPORT UNIVERSITY

Lyudmila Ph. Marinich[1], **Zhanna I. Prytkova**[2]
[1, 2]Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia
[1]luedmilafm35@inbox.ru
[2]prytand@rambler.ru

Abstract. The article dwells on some aspects of students' work with the sources of authentic information in the context of the English Language for Specific Purposes (ELSP). Brief analysis of the text as a speech product is given. Text categories – plane of content, plane of expression and cohesion are considered and viewed as a valuable preliminary step targeted at text compression. Priority is given to mastering skills of abstracting a magazine article in a foreign language. The empirical part of the article includes a systematic algorithm for converting an original scientific and technical text into an abstract. The procedure is generated and adapted for the FESTU students.

Keywords: the English Language for Specific Purposes, professionally oriented reading, text categories, plane of content, plane of expression, cohesion, source text, target text, abstracting.

© Маринич Л.Ф., Прыткова Ж.И., 2025

Information is not knowledge. The only reliable source of knowledge is experience. You need experience and skill to get wisdom.

Albert Einstein

Современные инженеры должны обладать не только профессиональными знаниями, научным мировоззрением, цифровой грамотностью, но и гибким мышлением, навыками обработки информации, в том числе на иностранном языке (ИЯ). Это влияет на конечную цель изучения English Language for Specific Purposes (ELSP), которая и определяет требования к современным специалистам технического профиля [3].

Такой подход к обучению показывает студентам важность процесса познания, помогает им анализировать, систематизировать, структурировать полученную информацию, используя ее в академической, научной и профессиональной деятельности, при этом ИЯ может стать медиатором в создании эффективного образовательного пространства в вузе [5; 6].

Актуальность исследуемой темы обусловлена структурой и содержанием курса ELSP в техническом вузе, который предполагает обучение будущих специалистов не только умению читать, понимать, переводить оригинальные научно-технические тексты и статьи, анализировать композиционную и смысловую структуру первичных публикаций, но и осуществлять логико-смысловую компрессию первоисточника с целью передачи его содержания в компактном формате вторичных публикаций – аннотации или реферата.

Цель работы – исследовать принципы классификации и виды реферата, описать язык, стиль, объем, структуру текста реферата, а также порядок работы над ним.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих *задач*:

– охарактеризовать реферат как вид вторичной научно-технической публикации, обладающей особой композиционной структурой и смысловым наполнением;

– определить принципы классификации видов реферата и отличительные особенности каждого из них;

– описать основные универсальные требования, предъявляемые к любому типу реферата: адекватность стиля реферата стилю первоисточника, максимально допустимое количество сокращений, наличие формул, правила передачи имен собственных, соблюдение логической структуры реферата и др.;

– рассмотреть языковые клише, используемые при составлении реферата научно-технической статьи.

Объект исследования – реферат как сокращённая форма изложения первоисточника с основными фактическими сведениями, выводами и оценкой референта.

Предмет исследования – алгоритм работы над рефератом на примере научно-технической статьи подъязыка «Электроснабжение железных дорог».

При изучении дисциплины ELSP особого внимания заслуживает текстовой материал для различных видов чтения и критическая оценка содержания. Профессионально-ориентированное чтение и анализ текста на ИЯ – это сложная форма вербального письменного общения, направленная на ориентацию, поиск, восприятие, осознание, осмысление и последующее целенаправленное использование полученной информации [8].

Текст как речевое произведение обладает планом содержания (plane of content) и планом выражения (plane of expression).

План содержания текста включает:

– тему (*topic*), избранную автором в качестве предмета описания или научного исследования и объединяющую материал текста в единое целое;

– цель коммуникации*,* идею (*purport of communication, idea*) – результат осмысления автором предмета описания и его оценку;

– содержание *(contents)* – всю информацию, заключенную в тексте в целом;

– прагматическую установку *(pragmatic orientation)* – ориентированность текста на определенную читательскую аудиторию, для которой предназначен текст;

– текстовые категории *(textual categories)* – информативность, предикативность, интеграцию, завершенность, континуум, проспекцию, ретроспекцию, модальность, когезию [1].

План выражения текста содержит:

– структурные языковые уровни *(structural text levels)* – уровни фонем, морфем, слова, словосочетания, предложения, абзаца, уровень текста в целом. Наиболее важными уровнями для анализа научно-технического текста являются предложение и абзац;

– композицию текста *(text composition)* – форму построения текста, указывающую на его жанрово-стилистическую принадлежность;

– композиционно-речевые формы изложения *(forms of statement)* – повествование *(narration),* описание *(description),* рассуждение *(argument)*;

– внутритекстовые связи *(cohesion)* – основные виды и способы синтаксического соединения языковых единиц в речи, отражающие различные виды логических взаимоотношений между элементами сообщения [10].

Когезия – это особый вид внутритекстовых связей, обеспечивающий логическую последовательность и взаимозависимость отдельных сообщений, фактов и действий. Она задается самой системой текста в ходе его развития и поэтому является неотъемлемым признаком, присущим любому типу текста [1]. Когезия объединяет части текста, сохраняет его единство и структурную целостность, отражает различные виды логического взаимоотношения между элементами сообщения. Когезия проявляется на разных языковых уровнях: на *уровне предложения* осуществляет связь между частями простого предложения и между предложениями в составе сложносочиненных и сложноподчиненных предложений; на *уровне абзаца* осуществляет связь между предложениями в абзаце; на *уровне текста* осуществляет связь между самими абзацами в тексте.

Когезия представляет собой набор значимых отношений, который является общим для всех текстов, различает текст от *не-текста* и служит средством обнаружения взаимозависимости содержания отдельных отрезков. Когезия не выявляет то, *что* сообщает текст, она выявляет то, *как* текст организован в семантическое целое [9]. В каждом конкретном тексте когезия представлена лексическими и грамматическими единицами соответствующего языка, дополняющими друг друга.

Профессионально-ориентированное чтение на ИЯ представляет собой сложную аналитико-синтетическую и практическую деятельность. Углубление знаний студентов позволяет постепенно перейти от чтения текстов по широкому профилю специальности к сложному аутентичному материалу. В контексте ELSP овладение приемами лингвистического, переводческого и логико-смыслового анализа текста становится предпосылкой для освоения таких видов компрессии текста, как аннотирование и реферирование.

Научно-техническая информационная система включает первичную информацию (статья, монография, учебник, патентное описание, справочник, инструкция) и вторичную информацию (реферат, аннотация, резюме, рецензия).

В широком смысле слова аннотация (от лат. *annotatio* примечание, пометка) – это краткое разъяснительное или критическое примечание, следующее за библиографическим описанием сочинения на обороте титульного листа книги; реферат (от лат. *referre* докладывать, сообщать) – это доклад на определенную тему, включающий обзор литературных источников [7].

Аннотирование и реферирование могут осуществляться как по материалам родного языка, так и по иностранным источникам. При работе с иностранными публикациями процесс аннотирования и реферирования носит переводческий характер и требует от референта не только хорошего владения ИЯ, но и глубоких профессиональных компетенций.

В данной статье авторы делают акцент на формировании навыков реферирования оригинальных журнальных статей. Считаем целесообразным, чтобы обучение реферированию включало, во-первых, ознакомление студентов с некоторыми теоретическими аспектами процесса реферирования, во-вторых, поэтапную практическую работу с научно-технической статьей.

Реферат – это сокращенное изложение содержания первичного документа или его части с основными фактическими сведениями и выводами, сопровождаемое оценкой и выводами референта. Реферат представляет собой текст, построенный на основе смысловой компрессии первоисточника с целью передачи его главного содержания и новизны материала первичного документа.

Цель реферата – не заменить первоисточник, а сберечь время читателя при знакомстве с объектом описания. Реферат должен быть таким, чтобы при его чтении у специалиста не возникало необходимости обращаться к первичному документу.

Материал в реферате излагается с позиции автора исходного текста и не содержит никаких элементов интерпретации или оценки. В реферате не должно быть информации, которой нет в исходном документе. Не допускается высказывание референтом критических замечаний или собственной точки зрения относительно содержания первичной публикации.

Таким образом, согласно Межгосударственному стандарту «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Реферат и аннотация. Общие требования», реферат – это краткое точное изложение содержания документа, включающее основные фактические сведения и выводы, без дополнительной интерпретации или критических замечаний автора реферата [2].

Принципы классификации рефератов, их виды и отличительные характеристики приведены в табл. 1 [4].

Таблица 1

Classification of Abstracts and their Specific Features /
Классификация рефератов и их отличительные особенности

Type of an Abstract (вид реферата)	Specific Features (отличительные особенности)
I. *Принцип целевой аудитории: круг специалистов, на который рассчитан реферат*	
1. General Abstract / общий реферат	Передает содержание первоисточника в целом; рассчитан на специалистов широкого профиля в различных отраслях науки, техники, экономики
2. Specialized Abstract / специализированный реферат	Передает только определенные аспекты первоисточника; изложение содержания ориентировано на специалистов узкого профиля, занятых в определенной области, и учитывает их запросы
II. *Принцип количества совместно реферируемых публикаций:* *реферат выполнен на основе одной публикации / на основе нескольких публикаций*	
1. Monographic Abstract: based on a single publication / монографический реферат	Характеризует одно произведение печати; тема реферата обычно определяется содержанием материала первоисточника
2. Consolidated Abstract: based on several publications / сводный реферат	Составлен на основе двух и более исходных документов – статей и книг – на одну тему; содержание каждой из реферируемых работ излагается не отдельно, а систематизированно и обобщенно; это итог одновременного обзора одной и той же темы, изложенной в реферируемых первоисточниках
III. *Принцип авторства реферата: с точки зрения составителя реферата*	
1. Author's Abstract: the author of a primary and a secondary publications is one and the same person / автореферат	Краткое изложение содержания научного произведения, сделанное самим автором; например, автореферат диссертации – это научное издание в виде брошюры, составляемое соискателем учёной степени кандидата или доктора наук по своей диссертации, содержащее основные научно-теоретические положения диссертационной работы
2. Reviewer's Abstract: the authors of a primary and a secondary publications are different people / реферат	В отличие от автореферата реферат представляет собой краткий профессиональный обзор содержания первоисточника, выполненный не самим автором, а другим лицом – специалистом в соответствующей области или референтом-переводчиком
IV. *Принцип целевого назначения реферата*	
1. Indicative Abstract / индикативный / справочный реферат	Сообщает, о чем говорится в публикации, перечисляя не все, а только основные положения, связанные с темой реферата, и выводы по ним без изложения доказательств
2. Informative Abstract / Abstract-Conspectus / информативный, расширенный реферат / реферат-конспект	Излагает все основные положения оригинала, доказательства и выводы по ним
3. Indicative and Informative Abstract / индикативно-информативный реферат	Сочетает элементы индикативного и информативного рефератов

Приведем примеры некоторых видов рефератов.

1. Индикативный реферат

Устройство для чистки контактного провода и подвесных изоляторов. Overhead wire and wire supporting insulator-cleaning system for electric car. Комода Масаки, Сугимура Акио; Ханкюдэнтэцу к.к. Заявка 60 – 16 12 29, Япония. Заявл. 31.01.84, № 59 – 16 709, опубл. 22.08.85. МКИ B 60 M1/28, H 01 B 17/ 562.

Предлагаемое устройство установлено на подъемной площадке моторного вагона, защищенной водонепроницаемыми стенками. Устройство состоит из водоструйных сопел, щеток и системы подачи воды с помощью насоса из водяного резервуара. При движении моторного вагона происходит очистка подвесных изоляторов струями воды, направляемыми из регулируемых сопел. Очистка контактного провода и несущего троса осуществляется с помощью щеток путем регулирования подъема площадки. После окончания очистки пыль с изоляторов и контактного провода смывается водой. Ил. 12. А.М. Вакштейн.

2. Информативный реферат

Электрификация европейских железных дорог. EC transport and energy roadmaps tout electrification. Briginshaw David. Int. Railway J. 2012. 52, № 2, с. 8. англ.

Опубликованная Еврокомиссией в декабре 2011 г. Дорожная энергетическая карта 2050 Евросоюза

утверждена парламентами европейских стран. Этим нормативным документом предусмотрено увеличение инвестиций в электрификацию железных дорог и сокращение на 80 % выброса в атмосферу парниковых газов к 2050 г. В настоящее время около 50 % сети европейских железных дорог уже электрифицированы. К 2030 г. 30 % грузовых автодорожных перевозок на расстояние более 300 км будут переведены на железнодорожный и водный транспорт, и к 2050 г. их объем увеличится до 50 %. Большинство пассажирских перевозок на средние дистанции также будут переведены на железнодорожный транспорт. Основные европейские морские порты и аэропорты будут связаны рельсовым транспортом к 2050 г. О.Н. Машкович

Язык и стиль реферата. Основные требования к *стилю* реферата – информативность, точность, объективность, логичность и краткость изложения содержания.

Отличительная черта *языка* реферата при передаче основного содержания первоисточника – использование ключевых фрагментов, формулировок и обобщений, заимствованных из текста оригинала, которые затем логически комбинируются в соответствии с избранным планом изложения и типом будущего реферата. Для реферата характерно использование грамматико-стилистических средств, свойственных языку научно-технических публикаций. В тексте реферата преобладают времена групп Indefinite Active и Passive, Perfect Active и Passive. Среди синтаксических конструкций предпочтение отдается простым предложениям. Сложные громоздкие предложения, затрудняющие понимание, преобразуют в несколько простых; широко используются безличные и неопределенно-личные предложения.

Материал подаётся не в развитии, а в статике, в форме констатации или описания. Это позволяет сосредоточить внимание читателя только на фактах и тем самым усилить информационно-справочную роль реферата.

Основные требования к реферату. Независимо от вида реферата к нему предъявляется ряд требований.

Форма и содержание. Учет назначения реферата и содержания реферируемого первоисточника. Отбор и объективное изложение только той информации, которая содержится в первичном документе. Полнота отражения всех главных положений, составляющих научно-тематическое содержание оригинала.

Стиль. Использование адекватных унифицированных языковых средств, характерных для научно-технического стиля первичного документа.

Термины. Стандартизированная терминология, соблюдение единства терминов и обозначений в тексте реферата.

Сокращения. Замена терминов, отдельных слов и словосочетаний общепринятыми сокращениями или аббревиатурами, смысл которых ясен из контекста. Замена терминов, используемых в реферате более трёх раз, аббревиатурами в виде начальных заглавных букв этих терминов.

Логические сокращения. Выражение логических сокращений в тексте реферата математическими формулами, чертежами, графиками, рисунками, схемами, диаграммами, таблицами, что существенно облегчает понимание работы. Графические материалы и таблицы включаются, если они раскрывают основное содержание документа и позволяют сократить объём реферата.

Условные обозначения. Указание единиц измерения в Международной системе единиц СИ.

Имена собственные. Фамилии в тексте реферата приводят на языке оригинала, за исключением общеизвестных, которые даются в привычном написании. Географические названия приводятся в соответствии с новейшим изданием Атласа мира. Названия учреждений, наименование организаций и фирм приводятся на языке оригинала с обязательным указанием страны. Допускается перевод имен собственных путем транскрипции или транслитерации, при первом упоминании имени собственного в скобках приводится написание имени на языке оригинала.

Логическая структура реферата отличается от логической структуры первоисточника. Текст реферата должен включать вводную, описательную и заключительную части.

Вводная часть: библиографическое описание публикации

1. Перевод названия: для зарубежных публикаций.
2. Название текста на иностранном языке.
3. Фамилия и инициалы автора / авторов.
4. Название журнала / книги, место издания.
5. Год выпуска, номер периодического издания с указанием страниц.
6. Дополнительные сведения, характеризующие документ: количество рисунков, таблиц в документе; число источников в библиографическом списке.
7. Ссылки, примечания референта, его фамилия и инициалы.

Описательная часть: текст реферата

1. Тема работы.
2. Объект, предмет исследования, основные характеристики представленной конструкции или процесса.
3. Цель работы. Тема, предмет и цель исследования указываются в том случае, если они не ясны из заглавия документа.

4. Методы исследования или методологию проведения работы целесообразно описывать в случае, если они отличаются новизной или представляют особый интерес. Широко известные методы только называются.

5. Полученные результаты работы включают основные теоретические выводы, экспериментальные и фактические данные, выявленные причинно-следственные связи и закономерности. Предпочтение отдается новым результатам долгосрочного значения, важным открытиям и выводам, а также данным, имеющим практическую значимость. Следует указать пределы точности и надежности данных, степень их обоснования, первичность или производность цифровых значений.

6. Область применения результатов важно указывать для патентных документов.

Заключительная часть

1. Выводы автора могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, представленными в первоисточнике.

2. Дополнительная информация включает данные, не существенные для основной цели исследования, но имеющие значение вне основной темы: например, название организации, в которой выполнена работа, сведения об авторе исходного документа, ссылки на ранее опубликованные работы.

3. Примечания включают комментарий референта по содержанию работы или редактора при наличии в исходном документе ошибок или противоречий.

Объём реферата определяется содержанием документа: количеством сведений, их научной ценностью или практическим значением, а также доступностью и языком реферируемого документа. Рекомендуемый средний объём текста реферата от 850 до 1200 печатных знаков [2].

При составлении реферата используют специальные клише, объединенные в тематические группы (табл. 2).

Таблица 2

Some Useful Clichés for Abstracting a Scientific and Technical Article /
Клише, используемые при составлении реферата научно-технической статьи

I. Общая характеристика первоисточника: статьи, монографии и т.п.
1. *Определение основной тематической направленности работы* The author surveys the problem of energy consumption
2. *Цели и задачи работы* The main objective of the article is to …
3. *Структура работы* The article consists of three parts: … In the first part of the book attention is paid to …

Окончание табл. 2

4. *Характеристика исследования, проведенного в работе* The present study has been carried out … The research suggests a solution to the problem that …
5. *Теория, положенная в основу исследования, и использованный метод* The above mentioned theory was in detail worked out in … This reliable method is applicable to …
II. Изложение содержания первоисточника
1. *Характеристика рассмотренных в работе положений* Some new ideas were advanced by …
2. *Характеристика поставленных в работе проблем* The central problem is stated as follows … The key problem is far from an exact solution at present since … The author offers a solution of the problem…
3. *Характеристика встречающихся в работе сведений, информации* The available information was obtained through experiment The author puts forward a hypothesis of …
4. *Характеристика приведенных и полученных в работе данных* The accumulated data have been analyzed and presented in … From the data on … (obtained) it is suggested that …
5. *Подведение итогов, определение результатов работы* The results arrived at indicate that … The final results should be tested (verified) … The author comes to the conclusion that … The study reveals some discrepancy …
III. Оценка первоисточника
1. *Положительная оценка* The given article / book / publication is a valuable resource to researchers in this field The work proves to be of particular value for practical purposes
2. *Отрицательная оценка* The author failed to collect an exhaustive material and present it clearly and coherently The study seems to be lacking in supporting examples. The reviewer doesn't share the author's opinion of the nature of the article / the textbook

Порядок работы над рефератом складывается из нескольких этапов.

1. Беглое чтение реферируемого первоисточника документа для получения представления о содержании текста и о наличии / отсутствии необходимости дальнейшей работы с ним.

2. Знакомство с графиками, рисунками, таблицами первоисточника.

3. Анализ логической структуры исходного текста: деление текста на смысловые блоки, описывающие предмет исследования и его характеристики; цель и методы исследования; полученные результаты; выводы автора. При отсутствии в первоисточнике какой-либо части текста в реферате ее опускают, сохраняя последовательность изложения.

4. Определение главной информации в каждом смысловом блоке в форме ключевых фрагментов – отдельных словосочетаний или целых предложений.

5. Повторное внимательное чтение текста первоисточника с нумерацией абзацев и выделенной в них ключевой информацией.

6. Логическая перегруппировка ключевой информации в тексте позволяет убедиться в правильности понимания структуры исходного текста: исключить / объединить в один блок дублирующие фрагменты; отобрать наиболее обобщенные формулировки для включения их в текст реферата.

7. Составление логического плана реферата, который может не совпадать с планом первичного документа, так как реферат должен начинаться с формулирования основной темы первоисточника, с дальнейшим изложением подтем, развивающих основную линию реферируемого документа.

8. Написание текста реферата на основе плана и отобранного ключевого материала. Следует подчеркнуть, что реферат – это не сокращённый перевод текста, а результат осмысления содержания первоисточника и изложение его в лаконичной форме по разработанному плану. По окончании работы над рефератом необходимо внимательно проверить полноту включённых в реферат сведений, правильность приведённых цифровых данных, соблюдение принятых сокращений, условных обозначений и собственных имен.

9. Редактирование текста реферата, введение в него связующих переходных элементов / средств когезии, которые позволяют объединить заимствованные фрагменты и обеспечить логику изложения, последовательность и целостность текста реферата.

10. Составление окончательного варианта реферата согласно стилистическим нормам научно-технической документации.

11. Референт несёт полную ответственность за соответствие приведённых в реферате теоретических и фактических материалов, а также всех цифровых данных первичному документу.

Далее приводим алгоритм действий при обучении студентов реферированию на примере фрагмента научно-технической журнальной статьи (сокращенный вариант) и возможных заданий к ней [4].

Keihan Converts from 600 V to 1.5 kV in One Night

Minoru Miyashita, Managing Director,
Keihan Electric Railway

In less than 6 h, power supplies to the 64 route-km Keihan commuter line into Osaka were changed by altering transformer and rectifier connections at the substations. At the same time, most of the fleet of 553 EMU cars was converted to 1.5 kV d. c., although some new Series 6000 cars built for the higher voltage were introduced.

Between the end of service at midnight on Saturday December 3, and the start of normal service at 05.00 on Sunday December 4, some 300 men changed over the catenary voltage on Keihan lines from 600 V to 1.5 kV d. c. Another 140 men carried out the same task on our rolling stock, so that the fleet of 553 EMU cars was ready to roll in the morning.

……

Commuter service

Keihan Electric Railway has been operating a commuter service into Osaka since April 1910. Our principal Keihan line connects Yodoyabashi station in Osaka with Sanjo station in Kyoto, 49 km away. There are also two branches totaling 15 km. Each weekday 950 000 passengers are carried in 1 172 trains. Peak-hour service is intensive, and 12 km of quadruple track is operated between Osaka Tenmabashi and Kayashima. The rising travel demand has been met by increasing the length of trains from seven to eight cars.

……

Series 6000 cars

The task of converting rolling stock was eased by the delivery in 1983 of 77 cars designated Series 6000, allowing older stock to be withdrawn. In fact, 20 of these cars were placed in service at 600 V with half the motors out of use, so that conversion was a simple matter. The other 57 were put into traffic on December 4. Principal details of the Series 6000 cars are in Table I. The body structure is formed from large aluminium alloy extrusions automatically seam-welded. Compared to the previous aluminium alloy body (Series 5000 dating from 1970) this technique reduced the working time for assembly significantly. Weight of the Series 6000 body structure is 5 tonnes compared to 9 tonnes for an equivalent steel car.

……

Field phase control

One control unit covers eight traction motors on a married pair of cars. Keihan uses a unique “field phase control” to regulate motor current which we consider is cheaper than the field choppers generally adopted on Japanese railways since 1971. It also makes the traction voltage changeover easier to cope with. A motor-generator rated at 140 kVA for a married pair of cars produces a 200 V 60 Hz three-phase supply, of which up to 50 kVA is rectified by thyristors to supply separately-excited windings on the motors. This enables the motors to be used for regenerative braking.

Braking control is also digital. Above 25 km/h regenerative braking takes priority over the air brake, but if the line is not receptive or regenerative braking is inadequate, the air brake automatically maintains the desired brake force. Three air-conditioning sets rated at 10 500 kcal/h are provided for each car, along with powerful ventilation fans.

RG, March, 1984, 140, № 3, P. 189–191
Résumés: English, French, German, Spanish

A: Analyze the type and the composition of the article "Keihan Converts from 600 V to 1.5 kV in One Night". Answer the following questions.

– Determine the type of the article: advertising / scientific / technical. Give your arguments.

– What elements of composition does it include? What elements of composition are missing?

– What parts of the article may be treated as the Introduction, the Main Section and the Conclusion?

B: Consider the bibliographic entry of the publication. Answer the following questions.

– What is the headline of the article under discussion? What Russian equivalent of it can you offer?

– Who is the author of the article?

– Name the periodical / the date of the publication / the number of pages.

– Summarize your answers to get the bibliographic entry of the article.

C: Analyze the contents of the article under discussion. Answer the following questions.

1. What paragraphs of the article introduce to the reader:

– The participants of the project, their role in the modernization project performed by Keihan Electric Railway.

– The status of Keihan Electric Railway: its history, the routes it serves, the total length of the railway, and the traffic capacity of its lines.

– The approach chosen by Keihan Electric Railway to optimize the catenary structure and the rolling stock units operation.

2. What paragraphs characterize in detail the preliminary work carried out by the railway staff to facilitate and speed up the realization of the project?

3. Enumerate the technical specifications of Series 6000 EMU cars.

4. What advantages does field phase control have over chopper control used on Japanese railways?

5. What braking system is provided for new electric multiple unit cars?

6. Study and analyze the illustrative material of the article.

7. What readership may be interested in the questions raised in the article?

D: Consult Table 1 Classification of Abstracts and their Specific Features.

– Compare two English abstracts given below. Both of them review the contents of the article "Keihan converts from 600 V to 1.5 kV in one night": point out the similarities and differences in their contents.

– Put them under the headings: a. Indicative abstract or b. Informative abstract.

– Say what information in each abstract is included, excluded or generalized. Give your arguments.

Abstract 1	Abstract 2
Keihan converts from 600 V to 1.5 kV in one night. Minoru Miyashita. *Railway Gaz*. *Int*., 1984. 140, № 3, 189–191, Eng.; res. French, German, Spanish. Fig. 2, Table 1	**Keihan converts from 600 V to 1.5 kV in one night. *Minoru Miyashita***. *Railway Gaz*. *Int*., 1984. 140, № 3, 189–191, Eng.; res. French, German, Spanish. Fig. 2, Table 1
The paper discusses the reasons, the preliminary work, methods and effects (results) of the catenary voltage changeover from 600 V to 1.5 kV on 64 route-km Keihan commuter line into Osaka. The project has covered modification of the catenary insulators, altering transformer and rectifier connections at the substations with simultaneous adaption of EMUs in operation to 1.5 kV and introduction of new Series 6000 cars. The taken measures have resulted in meeting the desired rising travel demand on the Keihan Electric Railway	The conversion of 64 route-km Keihan commuter line into Osaka from 600 V to 1.5 kV is discussed with special attention given to the preliminary altering of the double-star transformer connections into a delta arrangement and silicon rectifier connections at sixteen substations. The conversion was preceded by prolonged preliminary modification of the catenary, power supply apparatuses, traction equipment of the EMUs in operation and introduction of new Series 6000 cars able to withstand the higher voltage. Taking less than six hours the final changeover is to meet the rising travel demand on Keihan Electric Railway

E: Look for a technical article relevant to the sphere of your professional interests. The article could be either in Russian or in English. Write an abstract of the chosen article. The abstract type is up to you. Make a presentation (3–5 minutes) of your abstract. Use the tips given below.

An Abstract Structure for a Foreign Scientific and Technical Article

1. Subject heading.
2. The abstract headline.
3. Publisher's imprint / bibliographic entry.
4. An abstract text structure.

– The subject-matter / the topic, the object, the subject, the purpose of research.

– Methods of work.

– Research results.

– Conclusion, recommendations.

– Sphere of application.

5. Reviewer's notes.

Выводы. Профессионально-ориентированное чтение на иностранном языке представляет собой сложную аналитико-синтетическую деятельность, обладает практической ценностью и служит основой для формирования и развития других видов речевой деятельности в контексте ELSP. Чтение аутентичной литературы на иностранном языке по широкому и узкому про-

филю специальности является одним из доминирующих направлений подготовки будущих инженеров. Профессионально значимый текстовой материал создает интегрированное образовательное пространство, обеспечивая эффективный конечный результат совместной деятельности преподавателя и студента.

Обучение студентов приемам лингвистического, переводческого, логико-смыслового анализа текста и стратегиям чтения создает предпосылки для перехода к качественно новому уровню работы с источниками научно-технической информации – реферированию. Результаты исследования и практика преподавания показывают, что овладение таким навыком компрессии текста, как реферирование, развивает у студентов критическое мышление, формирует умение определять ценность информации, трансформирует академическое чтение в осознанную профессионально-ориентированную деятельность.

Список источников

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. 4-е изд. стер. Москва : КомКнига, 2006. 144 с. (Серия «Лингвистическое наследие XX века»).

2. ГОСТ 7.9-95 (ИСО 214-276). Реферирование и Аннотирование. Общие требования. Москва : Ид-во стандартов, 1995.

3. Евдокимова М.Г. Система обучения иностранным языкам на основе информационно-коммуникационной технологии : автореф. дис. … д-ра пед. наук. Москва, 2007. 50 с.

4. Маринич Л.Ф. Английский язык в сфере профессиональной коммуникации: Guide to Professional English : учебное пособие. В 3 ч. Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2015–2019. 492 с.

5. Попова Н.В. Междисциплинарная дискурсивная линия в программе подготовки лингвистов. Санкт-Петербург : Изд-во Политехнического ун-та, 2009. 330 с.

6. Попова Н.В. Профессионально-ориентированный учебник по иностранному языку нового поколения: междисциплинарный подход. Санкт-Петербург : Изд-во Политехнического ун-та, 2011. 330 с.

7. Словарь иностранных слов. 15-е изд., испр. Москва : Рус. яз., 1988. 608 с.

8. Фоломкина С.К. Обучение чтению на иностранном языке. Москва : Высшая школа, 2005. 256 с.

9. Хэллидей М.А.К., Хасан Р. Когезия в английском языке // Исследования по теории текста : реферативный сборник. Москва, 1979. 115 с.

10. Шевченко Н.В. Основы лингвистики текста : учебное пособие. Москва : Приор-издат, 2003. 160 с.

References

1. Gal'perin I.R. Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya. 4-e izd. ster. Moskva : KoMKniga, 2006. 144 s. (Seriya “Lingvisticheskoe nasledie KHKH vekA”). (In Russ.).

2. GOST 7.9-95 (ISO 214-276). Referirovanie i Annotirovanie. Obshchie trebovaniya. Moskva : Izd-vo standartov, 1995. (In Russ.).

3. Evdokimova M.G. Sistema obucheniya inostrannym yazykam na osnove informatsionno-kommunikatsionnoi tekhnologii : avtoref. dis. … dok. ped. nauk. Moskva, 2007. 50 s. (In Russ.).

4. Marinich L.F. Angliiskii yazyk v sfere professional'noi kommunikatsii: Guide to Professional English : uchebnoe posobie. V 3 ch. Khabarovsk : Izd-vo DVGUPS, 2015–2019. 492 s. (In Russ.).

5. Popova N.V. Mezhdistsiplinarnaya diskursivnaya liniya v programme podgotovki lingvistov. Saint Petersburg : Izd-vo Politekhnicheskogo un-ta, 2009. 330 s. (In Russ.).

6. Popova N.V. Professional'no-orientirovannyi uchebnik po inostrannomu yazyku novogo pokoleniya: mezhdistsiplinarnyi podkhod. Saint Petersburg : Izd-vo Politekhnicheskogo un-ta, 2011. 330 s. (In Russ.).

7. Slovar' inostrannykh slov. 15-e izd., ispr. Moskva : Rus. yaz., 1988. 608 s. (In Russ.).

8. Folomkina S.K. Obuchenie chteniyu na inostrannom yazyke. Moskva : Vysshaya shkola, 2005. 256 s. (In Russ.).

9. Khehllidei M.A.K., Khasan R. Kogeziya v angliiskom yazyke // Issledovaniya po teorii teksta : referativnyi sb. Moskva, 1979. 115 s. (In Russ.).

10. Shevchenko N.V. Osnovy lingvistiki teksta: uchebnoe posobie. Moskva : Prior-izdat, 2003. 160 s. (In Russ.).

Информация об авторах

Л.Ф. Маринич – доцент кафедры «Иностранные языки и межкультурная коммуникация»;
Ж.И. Прыткова – доцент кафедры «Иностранные языки и межкультурная коммуникация».

Information about the authors

L.Ph. Marinich is Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication;
Zh.I. Prytkova is Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests

Статья поступила в редакцию 17.03.2025; одобрена после рецензирования 11.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.
The article was submitted 17.03.2025; approved after reviewing 11.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2025. Т. XXII, Вып. 2. С. 100–104
The Humanities and Social Studies in the Far East. 2025. Vol. XXII, Is. 2. P. 100–104

Научная статья
УДК 81’42
doi:10.31079/1992-2868-2025-22-2-100-104

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ-МЕТАФОРЫ

Мария Александровна Никитина

Дальневосточный государственный университет путей сообщения, г. Хабаровск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается роль метафоры в образовании экономических терминов, которые широко используются в научном языке. Автор отмечает, что научный язык определяется не только терминологией, но и допускает выражение смыслов через образы и эмоциональность. В статье подчеркивается изменение восприятия использования метафор в научных текстах: метафоры способствуют ясности и пониманию сложных концепций. Изучая примеры из экономической литературы, автор иллюстрирует, как метафоры выступают в качестве инструмента для наименования новых экономических реалий и создания теоретических абстракций. Метафорические выражения не только участвуют в номинации новых понятий, но и улучшают понимание и запоминание информации, проводя аналогии со знакомыми процессами. В заключение отмечается, что метафоры играют важную роль в научном стиле, особенно в экономике, так как они заимствуют образы из различных областей, что, в свою очередь, позволяет сделать сложные идеи более доступными.

Ключевые слова: метафора, терминология, экономические термины, научный язык, экономика

Original article

METAPHORICAL ECONOMIC TERMS

Maria A. Nikitina

Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia

Abstract. This article explores the dynamic role of metaphor in the formation of economic terms within the scientific language. The author emphasizes that scientific language is not only defined by its terminology but also allows for significant expression through imagery and emotionality. The article highlights the shift in perception regarding the use of metaphors in scientific texts. Metaphors can enhance clarity and understanding of complex concepts. By examining examples from economic literature, the author illustrates how metaphors serve as tools for naming new economic realities and creating theoretical abstractions. These metaphorical expressions not only facilitate the nomination of new concepts but also improve comprehension and retention of information by drawing analogies to familiar processes. In conclusion, it is stated that metaphors play a crucial role in the scientific style, particularly in economics, as they borrow imagery from various domains to make complex ideas more accessible.

Keywords: metaphor, terminology, economic terms, scientific language, economics

Научный стиль является динамично развивающимся функциональным стилем. Язык научного стиля подвергается изменениям. Он характеризуется теперь не только наличием терминов, но и «допускает весьма значительное использование разнообразных стилистических средств выражения образности и эмоциональности» [1: с. 115]. В отечественной науке выделяют три основных периода становления терминологической метафоризации [2: с. 38]. В рамках первого периода метафора рассматривалась как языковое средство, скорее выражающее эмоции и чувства, нежели научную информацию. На втором этапе в метафоре обнаружили познавательную функцию. На третьем этапе метафора предстала как способ мышления о мире, который использует прежде добытое знание. Метафора в науке является необходимой процедурой освоения принципиально новой интерпретации, так как «новое в науке прокладывает себе путь метафорическим языком» [3: с. 135]. Метафора естественна для языка науки, и очищение научного языка от метафор противоречит понятию познавательной деятельности.

Согласно Дж. Лакоффу и М. Джонсону, метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление и деятельность: «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [4: с. 25]. Отношение к употреблению метафоры в научной терминологии и теоретическом тексте менялось в зависимости от многих факторов – от общего контекста научной и культурной жизни

© Никитина М.А., 2025

общества, от характера научной области, от взглядов на язык, его сущность и предназначение, наконец, от понимания природы самой метафоры.

Долгое время считалось неприемлемым использование метафор в научном тексте по причине того, что метафорические выражения противоречили основным требованиям, предъявляемым к языку научного текста, который, главным образом, характеризовался стандартизированностью, терминами, однозначностью, точностью, экономичностью, стилистической нейтральностью, информативностью и развернутой системой связующих элементов [5: с. 75]. Считалось, что «метафорические наименования могут привести к неточностям и двусмысленностям, что особенно недопустимо в науке – по определению стремящейся к истинным, достоверным и точным знаниям» [6: с. 40].

Однако в современной лингвистике метафора рассматривается как средство научного познания. Для научного стиля теперь характерно не только наличие терминов, допускается в нем использование разнообразных стилистических средств выражения образности и экспрессии. Это связано с тем, что метафоры способствуют более четкой фиксации информации, ее толкованию, конкретизации, а также пояснению мыслей ученого.

Метафоризация считается одним из продуктивных способов терминообразования. Термины появляются в основном не за счет создания абсолютно новых терминологических единиц, а за счет приписывания нового содержания старым единицам или обозначения старой словоформой нового содержания [7: с. 44]. В этой связи в данной статье предпринимается попытка определить роль метафоры в образовании экономических терминов. В качестве корпуса исследования было использовано 100 экономических статей, опубликованных под рубрикой «Wirtschaft» (Экономика) в журнале “Der Spiegel”. С помощью метода структурно-семантического анализа были отобраны метафорические термины, которые послужили материалом исследования.

Экономика, как и любая другая отрасль науки, располагает своей терминосистемой. Согласно Большому энциклопедическому словарю термин (лат. *terminus* граница, предел) – «это слово или словосочетание, являющееся названием понятия какой-либо сферы производства, науки, искусства» [8: с. 502]. В терминологии каждой науки можно выделить несколько уровней «в зависимости от сферы употребления и от характера содержания понятия» [9: с. 10].

К первому уровню относят общеупотребительные понятия, которые находят свое применение во всех областях науки (общенаучные термины): *das System (система), die Funktion (функция), die Bedeutung (значение), der Prozess (процесс), die Qualität (качество)*. Они составляют общий понятийный фонд науки в целом.

Ко второму уровню относят понятия, употребление которых обусловлено спецификой определенной области науки, т.е. термины в узком смысле (узкоспециальные термины): *die Jahresbilanz (годовой баланс), die Einkommensteuer (подоходный налог), Angebot und Nachfrage (спрос и предложение)* [10: с. 34].

В качестве примера рассмотрим следующий отрывок из экономической статьи:

*Wer das Kunststück vergangene Woche an der **Börse** wagte, hat mit fast allen **Aktien** Geld verloren. Denn die Turbulenzen, die sich ausgehend von China auf dem ganzen Globus ausbreiteten, führten bis Ende vergangener Woche zu weiteren Verlusten. Auch diese Woche wird der Abwärtstrend, so die Ansicht der meisten Experten, weitergehen. In den vergangenen Monaten waren **die Aktienkurse** scheinbar unaufhaltsam nach oben geklettert, langsam hatten auch die letzten Pessimisten kapituliert.*

В данном примере к экономическим терминам можно отнести *die Börse → биржа, die Aktien → акции, die Aktienkurse → курс акций.* Остальная лексика является общеупотребительной, так как она может использоваться и в других областях науки.

Итак, следует отметить, что для лексического оформления текстов научного стиля характерна насыщенность узкоспециальными и общенаучными терминами. Это объясняется спецификой терминов, их принципиальной однозначностью, точностью, экономичностью, номинативной функцией и большой информационной насыщенностью.

Роль метафоры в научном тексте

В науке посредством метафоры пытаются выражать новые значения, поскольку «старые понятия уже очевидно неприменимы к новым фактам, а адекватные этим фактам новые понятия еще не выработаны» [11: с. 38]. Например, следующие выражения были созданы в первую очередь для наименования новых реалий экономики: *Schattenwirtschaft → теневая экономика, Geldkreislauf → оборот денег, Lohn-Preis-Spirale → инфляционная спираль.* В данных примерах метафора, проводя аналогии между прямым и переносным значением слова, способствует номинации новых понятий экономики. Так, прилагательное *теневой* имеет следующее значение: «находящийся в тени, менее освещенный» [12: с. 791]. Следовательно, под словосочетанием *теневая экономика* подразумевает-

ся экономика, которая не предоставляет всю информацию, «оставляет данные в тени».

В науке посредством метафор формируются теоретические абстракции. Поэтому она становится все более необходимой по мере того, как мысль отдаляется от конкретных предметов обыденной жизни. В результате метафоризации реальность раскрывается перед людьми новыми, порой неожиданными сторонами и свойствами. Можно сказать, что метафора в науке, техническом творчестве представляет собой небольшое открытие. Следовательно, слушатель при адекватной трактовке метафоры узнает нечто новое. В ряде случаев именно метафора помогает сформулировать экономическое знание и передать его в удобной для восприятия форме, например: *Schwarzarbeit mit Siegel, staatliche Steuerflucht, Preissturz gefährdert Ölsand-Projekte, großes Marktpotenzial.*

Так, выражения Schwarzarbeit (нелегальная работа), Steuerflucht (перевод капитала в другую страну с целью уклонения от уплаты налога) воспринимаются иначе, чем Arbeit (работа), Flucht (бегство). Привычные понятия, играя роль «буквального» элемента, способствуют смысловой интерпретации других терминов, не обладающих наглядным характером. Доступность экономического термина для понимания обеспечивается за счёт того, что экономические понятия обозначаются с помощью лексем, которые изначально были предназначены для описания других вещей. Проводя новые аналогии между непознанными явлениями и употребляемыми в повседневной жизни объектами, метафора позволяет «обеспечить новое видение экономических процессов и выразить их в доступной форме» [13: с. 54].

Метафоризация является одним из распространенных способов описания экономических реалий: *Im Einzelhandel herrscht Preiskrieg → в розничной торговле господствует война цен; eine wichtige Waffe im Konkurrenzkampf → важное оружие в конкурентной борьбе; aus dem Markt verdrängt → вытесненный с рынка.* В данных примерах *(Preiskrieg, Konkurrenzkampf, verdrängt)* экономические процессы сравниваются с военными действиями. Авторы данных выражений намеренно используют метафоры, чтобы выразить свое отношение к происходящим событиям в мире экономики.

Метафора в научном тексте используется как для разъяснения текста, так и с точки зрения разрядки насыщенного терминами текста. Например: *Am Ende eines harten **Bietergefechts** (борьба на торгах) übernahmen die Briten vom **Energieriesen** (энергетический гигант) E.on für sieben Milliarden Euro die **Immobilientochter** (дочерняя компания) Viterra.* Метафорическое выражение улучшает восприятие текста, рисуя в воображении читателя «бой участников аукциона» с целью приобретения компании.

Метафора в науке, главным образом, реализует две основные задачи. Во-первых, метафора в научном тексте служит для наименования понятий: *der Geldabfluss (отток денежных средств), langlebige Güter (товары длительного пользования), die Immobilientochter (дочерняя компания)*. Во-вторых, она необходима для того, чтобы благодаря данному наименованию сделать мысль доступной для других людей: *zu wenig Geld zirkulierte (циркулировало небольшое количество денег), das Schneeballsystem (принцип снежного кома), die Spekulationsblase (спекулятивный пузырь)*.

Термины-метафоры

Исследования терминологии в современном немецком экономическом тексте показали, что метафора является одним из способов образования экономических терминов. Основными понятийными сферами, порождающими экономические термины-метафоры, являются бытовая сфера, транспорт, медицина, погода и война.

Анализируя экономические термины, образованные путём семантического переноса, можно установить, что исходными лексическими единицами общего языка, значение которых переосмыслялось в процессе терминообразования, являются слова, активно употребляемые человеком в его каждодневной деятельности. Это обусловлено тем, что данные объекты были образцом для сравнения. Так, например, для образования экономических терминов *Geldwäsche (оттывание денег)* и *Geld-Quelle (источник финансирования)*, метафорически переосмыслены общеупотребительные лексемы *Wäsche (мытьё)* и *Quelle (источник)*. После того как термин создан, обиходное значение становится фоновым и позволяет представить обозначаемый объект, поскольку конкретное представление экономических процессов и явлений есть важный момент для понимания их сущности.

Сфера «транспорт» нашла свое отражение в следующих терминах, образованных посредством метафоры: *die Konjunkturbremse; Wettbewerbsmotor; Trittbrettfahrer (Betriebe, die Vorteile genießen, aber dafür keine Gebühren zahlen); die Schlusslichter (zu denen die Finanzsysteme in Osteuropa gehören)*. Экономические отношения, экономика страны всегда находятся в движении, поэтому в основе многих экономических терминов лежит транспортная метафора.

Метафорические выражения, заимствованные из области медицины, используются, как правило,

для описания состояния экономики страны. Одним из частотных выражений является Kollaps: *Kollaps der Wirtschaft, Kollaps des Finanzsystems.* Кроме этого, метафорическая модель «медицина» образует следующие экономические термины: *Dollarschwäche; Finanzspritze; Betriebsblindheit; Konjunkturerholung.* Радикальные экономические изменения характеризуются как *Schocktherapie*; сложная экономическая операция – *Kreislauf.*

Сфера «погода / климат» порождает такие метафорические выражения, как: *die Abkühlung des Konjunkturklimas; die Aufhellung der Wirtschaftslage*; *Stimmungsbarometer über die Exportlage*. Это можно объяснить тем, что экономические процессы, так же как и природные явления, порой непредсказуемы.

Сфера «война» свидетельствует о несколько агрессивных и безжалостных процессах экономики. Так, в качестве примера можно привести следующие термины: *Konkurrenzkampf, Preiskrieg, Wahlkampf.*

Следует также отметить и другие сферы, порождающие экономические термины:

• строительство – *Überbrückungskredite; Kapitalaufstockung der Banken; an der Börsen bröckeln Aktien stärker ab*;

• спорт – *Kurssprung der Weltpapiere; Höhenflug des Euros; Verhandlungsmarathon*.

Вышеприведенные примеры иллюстрируют тот факт, что с помощью метафорических терминов осуществляется не только номинация новых объектов, но улучшается восприятие, запоминание и понимание информации. Это можно объяснить тем, что метафора способствует проведению аналогий между только что открытыми наукой или созданными объектами с уже знакомыми предметами или процессами.

Итак, резюмируя вышесказанное, можно заключить, что метафоры функционируют в научном стиле и принимают непосредственное участие в образовании терминов. Необходимо отметить, что при образовании терминов язык экономики заимствует образы из таких областей, как бытовая сфера, транспорт, медицина, климат, война и т.д. Это можно объяснить тем, что посредством образов из других областей экономические термины становятся более понятными и доступными для восприятия. Следовательно, метафора способствует репрезентации знаний в экономике.

Список источников

1. Кудинова Т.А. Стилистические средства терминообразования (на материале многокомпонентной терминологии) // Стилистика текста / отв. ред. Е.В. Плисов. Нижний Новгород : НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2005. С. 114–119.

2. Алексеева Л.М. Проблемы термина и терминообразования : учебное пособие. Пермь : Перм. ун-т, 1998. 120 с.

3. Гусев С.С. Наука и метафора. Ленинград : Изд-во Лен. ун-та, 1984. 151 с.

4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Москва : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

5. Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. Москва : Высш. шк., 1983. 271 с.

6. Алексеев К.И. Метафора в научном дискурсе // Психологические исследования дискурса / под ред. Н.Д. Павлова. Москва : ПЕРСЭ, 2002. С. 40–50.

7. Никитина М.А. Функционирование метафоры в заголовке экономического текста прессы (на материале немецкого журнала "Der Spiegel") : дис. …канд. филол. наук. Хабаровск, 2010. 223 с.

8. БЭС Языкознание / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е (репринтное) издание «Лингвистического энциклопедического словаря» 1990 г. Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998.

9. Arntz R., Picht H., Mayer F. Einführung in die Terminologiearbeit. Hildesheim, Zürich, New York : OLMS, 2002. S. 331.

10. Naer N.M. Stilistik der deutschen Sprache. Moscow, 2006.

11. Баранов Г.С. Научная метафора: модельно-семиотический подход. В 2 ч. Ч 2. Теория научной метафоры. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1993. 200 с.

12. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Москва : Русский язык, 1990. 921 с.

13. Махницкая Е.Ю. Метафора в современном экономическом дискурсе и принципы её лексикографического описания : дис. … канд. филол. наук : 10.02.01. Ростов-на-Дону, 2003. 190 с.

References

1. Kudinova T.A. Stilisticheskie sredstva terminoobrazovaniya (na materiale mnogokomponentnoj terminologii) // Stilistika teksta / otv. red. E. V. Plisov. Nizhnij Novgorod : NGLU im. N. A. Dobrolyubova, 2005. S. 114–119. (In Russ.).

2. Alekseeva L.M. Problemy` termina i terminoobrazovaniya: uch. posobie. Perm` : Perm. un-t, 1998. 120 s. (In Russ.).

3. Gusev S.S. Nauka i metafora. Leningrad : Izd-vo Len. un-ta, 1984. 151 s. (In Russ.).

4. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafory`, kotory`mi my` zhivem. Moscow : Editorial URSS, 2004. 256 s. (In Russ.).

5. Brandes M.P. Stilistika nemeczkogo yazy`ka. Moscow : Vy`ssh. Shk., 1983. 271 s. (In Russ.).

6. Alekseev K.I. Metafora v nauchnom diskurse // Psixologicheskie issledovaniya diskursa / pod red. N.D. Pavlova. Moscow : PERSE`, 2002. S. 40–50. (In Russ.).

7. Nikitina M.A. Funkcionirovanie metafory` v zagolovke e`konomicheskogo teksta pressy` (na materiale nemeczkogo zhurnala "Der Spiegel") : dis. …kand. filol. nauk. Xabarovsk, 2010. 223 s. (In Russ.).

8. BE`S Yazy`koznanie / gl. red. V.N. Yarceva. 2-e (reprintnoe) izdanie «Lingvisticheskogo e`nciklopedicheskogo slovarya» 1990 g. Moscow : Bol`shaya Rossijskaya e`nciklopediya, 1998. (In Russ.).

9. Arntz R., Picht H., Mayer F. Einführung in die Terminologiearbeit. Hildesheim, Zürich, New York : OLMS, 2002. S. 331.

10. Naer N.M. Stilistik der deutschen Sprache. Moscow, 2006. (In Russ.).

11. Baranov G.S. Nauchnaya metafora: model`no-semioticheskij podxod. V 2 ch. Ch 2. Teoriya nauchnoj metafory`. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 1993. 200 s. (In Russ.).

12. Ozhegov S.I. Slovar` russkogo yazy`ka. Moscow : Russkij yazy`k, 1990. 921 s. (In Russ.).

13. Maxniczkaya E.Yu. Metafora v sovremennom e`konomicheskom diskurse i principy` eyo leksikograficheskogo opisaniya : dis. … kand. filol. nauk : 10.02.01. Rostov-na-Donu, 2003. 190 s. (In Russ.).

Информация об авторе

М.А. Никитина – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

M.A. Nikitina is Candidate of Philology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 24.03.2025; одобрена после рецензирования 11.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.
The article was submitted 24.03.2025; approved after reviewing 11.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2025. Т. XXII, Вып. 2. С. 105–110
The Humanities and Social Studies in the Far East. 2025. Vol. XXII, Is. 2. P. 105–110

Научная статья
УДК 811.161.1=581
doi:10.31079/1992-2868-2025-22-2-105-110

ОБЪЕКТИВНЫЕ ТРУДНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КИТАЙСКИМИ СТУДЕНТАМИ

Виталий Валерьянович Блажевич

Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия, vitaliy.blazhevich@list.ru

Аннотация. В статье подводится итог социолингвистических исследований с целью выявить трудности овладения русским языком, с которыми сталкиваются китайские студенты, продолжающие своё образование в России. Рассматриваются трудности, вызванные диаметральным отличием грамматических и фонетических систем русского и китайского языков, а также трудности в употреблении адекватной лексики, вызванные появлением между этими двумя языками английского языка как языка посредника в процессе усвоения русского языка, а также трудности, связанные с недостаточной языковой подготовкой студентов. Делаются выводы о том, что все трудности, о которых в статье идёт речь, имеют объективные причины, и они вполне преодолимы при условии наличия, в свою очередь, уже субъективных факторов, таких как упорство, мотивация, целеустремлённость в подходе к проблеме у самих студентов, так же как и у обучающей стороны.

Ключевые слова: русский язык, китайские студенты, академическая мобильность, фонетическая и грамматическая система языка, типичные ошибки

Original article

OBJECTIVE DIFFICULTIES IN LEARNING RUSSIAN LANGUAGE BY CHINESE STUDENTS

Vitaliy V. Blazhevich

Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia

Abstract. The article summarizes sociolinguistic research aimed at identifying the difficulties in mastering the Russian language encountered by Chinese students continuing their education in Russia. The article examines the difficulties caused by the diametric difference in the grammatical and phonetic systems of Russian and Chinese, the difficulties in using adequate vocabulary caused by the presence of English as an intermediary language between these two languages, as well as the difficulties caused by insufficient preliminary language training of students. The conclusion is made that all the difficulties discussed in the article have objective reasons and can be solved, provided in turn, that there are subjective factors such as persistence, motivation, and determination in approaching the problem among the students themselves, as well as among the teaching side.

Keywords: Russian language, Chinese students, academic mobility, phonetic and grammatical system of the language, typical errors

Введение

Такое бурно развивающееся социальное явление, как международная академическая мобильность, в значительной степени затронуло и российские регионы Сибири и Дальнего Востока. Присутствие иностранных студентов в вузах Хабаровска давно уже стало неотъемлемой частью академической среды города, и с каждым годом их количество растёт пропорционально развитию российско-китайских отношений во всех сферах, но прежде всего в том, что касается студенческого обмена. Когда мы говорим *иностранные студенты*, мы прежде всего имеем в виду студентов из Китайской Народной Республики, они составляют основную массу всех иностранных студентов в вузах Сибири и Дальнего Востока. Этому способствует вся логика развития добрососедских отношений между двумя странами, политического и экономического сотрудничества. Вопрос изучения русского языка в Китае ставится даже шире, чем только фактор двусторонних отношений: «Обучение русскому языку в Китае находится как в русле политической атмосферы Китая, так и в процессе мировой глобализации» [8: с. 88]. Глобальный китайский проект «Один пояс и один путь» затрагивает страны, где языком интернационального общения является русский язык.

В каждом крупном китайском университете уже давно, начиная с 50-х гг. прошлого века, существуют кафедры русского языка. В Китайской Народной Республике сложилась мощнейшая школа преподавания русского языка, со своими традициями и статусом в академических кругах Китая. Постоянно ведётся научная работа по изучению всех особенностей взаимоотношений двух языков в процессе

© Блажевич В.В., 2025

их освоения. В последнее время китайские вузы стали выпускать не только специалистов переводчиков и учителей русского языка, но и специалистов других, в основном технических и экономических специальностей, владеющих русским языком. Такие студенты изначально ориентированы на сотрудничество в профессиональной деятельности с российскими коллегами [2: с. 53]. Начиная с 1990-х гг. сотни, а позже тысячи и десятки тысяч китайских студентов стали приезжать учиться в российских вузах. Благодаря российско-китайской образовательной программе «два плюс два» китайские студенты получают возможность два последних года бакалавриата учиться в России. Академическая мобильность и процесс адаптации иностранных студентов в новой для них среде является объектом многих социологических и социолингвистических исследований как китайских учёных, так и российских учёных Сибири и Дальнего Востока.

В России китайские студенты сталкиваются с рядом объективных трудностей, большинство из которых носит коммуникативный характер и связаны с языковой компетенцией. Во многом эти трудности вызваны сложностью изучения русского языка носителями китайского языка, чья грамматическая и фонетическая система кардинальным образом отличается от системы русского языка. Для студентов трудности усугубляются повышенными требованиями к уровню владения языком [6: с. 39]. Например, граждане Китая, работающие в России, довольно легко осваивают базовый уровень разговорного русского языка. Такой уровень владения может быть достаточным для работы в России в некоторых отраслях экономики, таких как строительство или торговля, но совершенно недостаточен для учёбы в российском вузе. Иностранные студенты должны владеть русским языком на первом сертификационном уровне, что предполагает и более широкую лексику, более сложную грамматику, умение работать с текстом, не только способность спонтанно общаться, но и делать развёрнутые сообщения по разным темам. Да и требования к стилистическим нормам к студентам предъявляются гораздо более высокие, чем, например, к продавцу на ранке.

В этой статье мы рассмотрим самые очевидные трудности академического и лингвистического характера, которые возникают у китайских студентов при изучении русского языка. Статья написана на основе многолетних социолингвистических исследований, проведённых в Чанчуньском университете и в Дальневосточном государственном университете путей сообщений. В ходе исследования мы изучали языковое поведение студентов как готовящихся к продолжению обучения в России, так и тех студентов, которые уже здесь учатся. Мы анализировали речевой продукт как в спонтанном общении, так и в подготовленных творческих высказываниях в письменной и устной форме, Исследование также включает в себя анализ результатов федерального тестирования по русскому языку как иностранному.

Трудности русской грамматики для китайских студентов

Другая объективная трудность овладения русским языком – это сложность самого русского языка. Носителю любого родного языка очень трудно изучать русский язык, особенно его усложнённую грамматику, но носителям китайского языка это даётся особенно трудно. Русский и китайский языки представляют себой яркий пример разного, во многом даже противоположного подхода к осмыслению грамматической системы языка. Русский язык относится к синтетическим языкам, тогда как китайский демонстрирует противоположный, аналитический подход к осмыслению грамматических конструкций. Именно это противоречие вызывает наиболее характерные трудности и является причиной и источником массы типичных грамматических ошибок у китайских студентов. В случае с китайскими учащимися ситуация осложняется тем, что в китайском языке *грамматические* отношения между словами передаются в основном через синтаксис и дополнительные лексические единицы, тогда как в русском языке преобладают морфемные грамматические формы. Грамматическая концепция китайского языка диаметрально отличается от русского языка. Значения грамматических категорий русского языка, таких как падеж, род, число, личные видовременные формы глагола, передаются в китайском языке принципиально по-другому. «…Слова в китайском языке в большинстве случаев не имеют внешних морфологических признаков, по которым их можно было бы отнести к той или иной части речи. Приходится руководствоваться способностью слова выступать в роли того или иного члена предложения, соединительностью его со словами других разрядов и теми или иными формальными показателями» [3: с. 106]. Всё это значительно усложняет освоение русской грамматики именно носителями китайского языка. Студенты обычно хорошо знают формы спряжения глагола и склонения существительных, они заучивают их как таблицы и могут наизусть проспрягать знакомые глаголы и просклонять существительные. Однако в спонтанной речи затрудняются свободно употребить нужную грамматическую форму. Наблюдается огромный разрыв между теоретическим понима-

нием, механическим заучиванием грамматических форм и их практическим применением. Спонтанная устная речь на русском языке даже у самых хороших студентов часто сводится к употреблению только инфинитивов глаголов и именительного падежа у существительных во всех случаях. И уж тем более можно такое наблюдать на ранних стадиях изучения языка.

Даже на более продвинутом уровне освоения русского языка встречаются сложности в построении предложений. Особенно много самых разнообразных ошибок возникает в том, что касается грамматико-синтаксических особенностей вопросительных конструкций. Эти ошибки связаны с принятым в китайском языке порядком слов, где он не зависит от типа предложения – повествовательного или вопросительного. Например, кандидат педагогических наук Ли Минь в своём исследовании, проведённом в Цзилиньском институте русского языка, отмечает, что наиболее характерными ошибками в вопросительных предложениях являются отступление от принятого в вопросительном предложении порядка слов, пропуски глаголов-сказуемых, неверное употребление вопросительного слова [7: с. 101].

Трудности, вытекающие из различия фонетических систем

Типичные фонетические и орфографические ошибки чаще всего вытекают из особенности фонетической системы китайского языка. «В китайском языке в большинстве случаев согласные фонемы занимают место инициали слога. Существует одна согласная фонема n, которая может занимать как позицию инициали, так и позицию терминали – конечного согласного слога». «Кроме того, существует один носовой сонант -ng, который в слоге может занимать только позицию терминали» [4: с. 154]. И поэтому китайские студенты не испытывают трудностей в произношении слогов и слов русского языка, оканчивающихся на согласные звук -н, как твёрдый, так и мягкий. Но в случае, если слог или слово оканчиваются на любой другой согласный звук, начинаются серьёзные проблемы с произношением. Дело в том, что все другие согласные в китайском языке являются инициалью, и структура языка требует гласный финаль. Отсюда и типичнейшие ошибки в произношении – [родилася] вместо родилась, [ести] вместо есть, [друга] вместо друг, и так далее, примеров не счесть.

Ударения и интонации – ещё одна сложность для носителя китайского языка. Слоговой характер китайского языка затрудняет ударение в русских словах для китайских студентов [10: с. 121]. В китайском языке каждый слог ударный, а интонация с повышающимся тоном выполняет совсем другие функции. В отличие от носителей европейских языков у китайцев такая вопросительная интонация вызывает сложности. Фонемы [р] и [л] для китайских студентов никакой разницы не представляют, их путают даже отличники. Впрочем, такая же ситуация и с парными глухими и звонкими согласными – [п] и [б], [к] и [г], [т] и [д]. В транскрипции у них есть и [р] и [b], и [k] и [g], но, очевидно, фонетически они отличаются друг от друга совсем не так, как глухие и звонкие согласные в русском языке. [Крыша] вместо Гриша, [дедушка] вместо девушка, и масса других речевых ошибок, причиной которых являются особенности фонетической системы китайского языка.

Орфографические ошибки напрямую связаны с ошибками фонетическими, с особенностью восприятия на слух русской речи и с особенностью артикуляционной системы китайской речи – «кника», «гламматика», «агдябрь» и так далее, и тому подобное. Надо отметить, что китайские студенты довольно легко осваивают графическое написание букв российского алфавита, как печатного, так и прописного шрифта. Это обусловлено тем, что их с раннего детства учили иероглифической системе письменности, которая, несомненно, гораздо сложнее алфавитной письменности. Причём они знакомы с различными стилями написания китайских иероглифов. После длительных занятий китайской каллиграфией навыки написания русских букв усваиваются без труда. К тому же китайские студенты, изучающие русский язык, как правило уже освоили английский язык, после латинского шрифта кириллица русского языка усваивается тем более легко.

Однако сложности начинаются уже в правописании, в изложении в письменном виде слов и текстов, воспринимаемых на слух. Конечно, в этом аспекте владения языком сложности возникают у носителей всех, даже самых близких к русскому языков, и даже у тех, для кого русский является родным, но в случае с китайскими студентами в дополнение к общераспространённым ошибкам выявляются некоторые специфические особенности. Очевидно, что ошибки в правописании чаще всего вытекают из ошибок в фонетическом восприятии, что, в свою очередь, берёт начало в принципиальном различии фонетических систем русского и китайского языков. «Куряют в парке» (гуляют), «Порис» (Борис), «Ардём», «Никида», «Селёжа». То есть те же самые пары согласных, которые и в фонетическом плане представляют наибольшую сложность для китайских студентов, вызывают массу как речевых ошибок, так и ошибок в написании русских слов.

Социокультурные ошибки

Отдельный интерес вызывают трудности, связанные с социокультурными ошибками при коммуникации. Например, имя «Дуня», данное одной из студенток преподавателем, который, в свою очередь, взял его из классического произведения XIX в., романа Льва Толстого «Война и мир», не подозревая о тех изменениях в коннотации этого слова, которые произошли за последующие века. Часто можно услышать обращение к преподавателю «преподаватель» или даже «учитель», что является калькой с социокультурной нормы китайского общества, вместо обращения по имени отчеству. На социокультурные ошибки китайских студентов обращают внимание все преподаватели, например, доцент Московского педагогического университета пишет в своей статье: «…студент при встрече с преподавателем часто сейчас здоровается: "Привет!", а прощаясь с преподавателем говорит ему: "Пока-пока! До завтра!", что является признаком неуместного в данной ситуации разговорного стиля, а следовательно, и нарушением норм речевого этикета» [9: с. 153]. Большую проблему также вызывают регистры общения «ты»–«вы», что, несомненно, является источником серьёзных социокультурных ошибок, над которыми приходится работать преподавателям.

Предварительная языковая подготовка студентов

С самого начала при изучении русского языка китайские студенты сталкиваются с целым рядом трудностей. В большинстве своём все эти трудности имеют вполне объективные причины. Но главной достаточно очевидной причиной коммуникативных трудностей у китайских студентов в России является недостаточная предварительная языковая подготовка. Надо отметить, что из всех китайских студентов, приезжающих в Россию учиться в университетах, лишь единицы начинали учить русский язык ещё в школе.

Если английский язык китайские школьники начинают учить с первого класса, а многие ещё даже с дошкольного обучения, то русский язык преподаётся буквально в нескольких десятках китайских школ, расположенных преимущественно в провинциях, прилегающих к границе с Россией. Подавляющее большинство китайских студентов в первый раз познакомились с русским языком незадолго до начала обучения в России. Программа «два плюс два» предполагает интенсивное изучение русского языка первые два года университетского образования ещё в китайских вузах, и многие студенты за два года хорошей подготовки вполне успевают овладеть русским языком в достаточной степени для эффективной социализации в академической среде и успешного продолжения своего образования уже в российских вузах.

Однако далеко не все студенты, приезжающие в Россию, уже к началу учёбы в российском вузе владеют русским языком на достаточном уровне. Не во всех китайских университетах подготовка студентов к дальнейшему продолжению образования в России организована на должном уровне. Да и там, где такая подготовка организована отлично, вступают в силу уже субъективные факторы, не все студенты подходят к этому вопросу серьёзно.

Ещё один фактор – это не до конца продуманные решения некоторых студентов о продолжении учёбы за границей. Возможная причина такой спонтанной академической мобильности упоминается в исследовании, проведённом в Иркутском государственном университете: «Зачастую стремление китайской молодежи уехать на обучение в другую страну может быть объяснено попыткой сменить слишком напряженную конкуренториентированную модель образования у себя на родине на более "мягкий" вариант за границей, где к иностранным студентам будут предъявлять не столь высокие требования» [5: с. 29]. Принимая иногда вынужденное решение продолжить учёбу за границей, студенты часто испытывают недостаток времени на соответствующую языковую подготовку.

Недостаточно подготовленные студенты сталкиваются со значительными трудностями при общении с преподавателями и при усвоении учебного материала. Но российские вузы делают всё, что могут, для адаптации всех иностранных студентов, обеспечивая их социокультурное сопровождение, что позволяет студентам быстрее и легче адаптироваться к новой для себя среде [1: с. 7]. В большинстве случаев все этапы образовательного процесса китайских студентов в российских вузах в итоге проходят успешно, но этот успех всегда сопряжен с трудностями языкового характера.

Выводы

Трудности, связанные с разницей в языковых системах китайского и русского языков, преодолеваются методическими усилиями преподавателей и интенсивными занятиями студентов. Как бы ни был труден изучаемый язык, как бы он ни отличался от родного языка, любой язык поддаётся усвоению при достаточном приложении усилий. Поэтому следует обратить особенное внимание на языковую подготовку студентов, собирающихся продолжать образование в России. Главная причина их недостаточной подготовки заключается в том, что не все студенты заранее принимают решение ехать

в Россию, соответственно поздно начинают подготовку. В идеале студенты с самого первого месяца своего обучения в китайском вузе должны точно знать, что третий и четвёртый годы своего образования они будут учиться в России. Для таких студентов в первые два года их обучения в Китае их вузы должны предоставлять интенсивный языковой курс. Теоретически этого может быть достаточно для продолжения обучения в российском вузе. Да и на практике хорошо мотивированные студенты тех китайских вузов, где со всей серьёзностью подходят к работе программы «два плюс два», демонстрируют хорошую языковую подготовку и с успехом завершают своё образование в российских вузах.

Основная трудность заключаются в том, что не все китайские вузы, отправляющие своих студентов в Россию, в достаточной степени предоставляют языковую подготовку на месте. Не все студенты достаточно серьёзно относятся к такой подготовке даже в тех вузах, где языковая подготовка осуществляется должным образом. В таких случаях даже двух лет интенсивных занятий русским языком часто бывает недостаточно для освоения на уровне, который требуется для получения на этом языке высшего образования. Встречаются и такие студенты, которые случайно, в силу каких-либо причин неожиданно для себя вдруг решают поехать в Россию, в таком случае они получают минимальную языковую подготовку в надежде на то, что уже в России в языковой среде каким-то образом повысят уровень владения языком. Так рассуждающие студенты часто испытывают значительные трудности и в овладении учебным материалом, и в адаптации в новой для себя академической и культурной среде. Процесс адаптации – это очень индивидуальный процесс, и если у студента есть внутренняя самомотивация, установка на получение образования, то и адаптационный процесс проходит легче и быстрее.

Учитывая всё, что было сказано выше, можно сделать вывод о том, что все трудности, о которых в статье идёт речь, имеют объективные причины, и они вполне преодолимы при условии наличия таких субъективных факторов, как упорство, мотивация, целеустремлённость в подходе к проблеме, у самих студентов и у обучающей стороны.

Список источников

1. Акимова О.А. Социокультурное сопровождение процесса адаптации иностранных студентов в образовательном пространстве российского вуза // Русский язык в современном Китае : материалы IV Международной научно-практической конференции. Чита : Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 2015. С. 5–8.

2. Блажевич В.В. Трансграничная межкультурная коммуникация между населением Дальнего Востока России и северо-восточных провинций Китая // Периферия. Журнал исследования нестоличных пространств. 2024. № 2 (3). С. 49–54.

3. Корчик Л.С. Некоторые типичные устойчивые ошибки в речи китайских студентов на занятиях по русскому языку // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Вопросы образования: языки и специальность. 2010. № 4. С. 104–108.

4. Кубарич А.М. К вопросу о фонемном составе современного китайского языка путунхуа // Ученые заметки ТОГУ. 2017. Т. 8, № 1(2). С. 154–163.

5. Кузнецова О.В. Дерюгин П.П. Социальный портрет китайского студента-мигранта (на примере Иркутского государственного университета) // Периферия. Журнал исследования нестоличных пространств. 2025. № 1 (6). С. 25–32.

6. Куратченко М.А., Севастьянова С.К., Зимина Л.О. Обучение русскому языку как иностранному в КНР: историко-культурный и методологический аспекты // Вестник педагогических инноваций. 2022. № 2 (66). С. 37–46.

7. Ли Минь. Типовые ошибки китайских студентов, изучающих русский язык, и пути их коррекции: вопросительные предложения // Педагогическое образование в России. 2010. № 4. С. 98–105.

8. Ло Сяося. Новая модель подготовки специалистов в обучении русскому языку в Китае в новую эпоху // Научно-педагогическое обозрение. 2020. № 1(29). С. 87–92.

9. Соколова Г.Е. Наиболее распространенные виды ошибок китайских студентов при обучении русскому языку // Проблемы современного образования. 2020. № 2. С. 146–154.

10. Чжан Сяохуэй, Сергеева Н.Н. Типичные ошибки в подготовленной устной речи китайских студентов при изучении русского языка // Педагогическое образование в России. 2019. № 6. С. 120–124.

References

1. Akimova O.A. Sociocultural support of the process of adaptation of foreign students in the educational environment of a Russian university. Russian language in modern China: materials of the IV International scientific and practical conference. Chita : Publishing house of the Transbaikal State University, 2015. P. 5–8. (In Russ.).

2. Blazhevich V.V. Cross-border intercultural communication between the population of the Russian Far East and the northeastern provinces of China // Periphery. Journal of the Peripheries Studies. 2024. No. 2 (3). P. 49–54. (In Russ.).

3. Korchik L.S. Some typical persistent errors in the speech of Chinese students in Russian language classes // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Education Issues: Languages and Specialty. 2010. No. 4. P. 104–108. (In Russ.).

4. Kubaric A.M. On the Phonemic Composition of the Modern Chinese Language Putonghua // Scientific Notes of TNU. 2017. Vol. 8, no. 1 (2). P. 154–163. (In Russ.).

5. Kuznetsova O.V. Deryugin P.P. Social Portrait of a Chinese Migrant Student (Based on the Example of Irkutsk State University) // Periphery. Journal of Non-Metropolitan Spaces Research. 2025. No. 1 (6). P. 25–32. (In Russ.).

6. Kuratchenko M.A. Sevastyanova S.K., Zimina L.O. Teaching Russian as a Foreign Language in the PRC: Historical, Cultural and Methodological Aspects // Bulletin of Pedagogical Innovations. 2022. No. 2 (66). P. 37–46. (In Russ.).

7. Li Min. Typical mistakes of Chinese students studying Russian and ways to correct them: interrogative sentences // Pedagogical education in Russia. 2010. No. 4. P. 98–105. (In Russ.).

8. Luo Xiaoxia. A new model of training specialists in teaching Russian in China in the new era // Scientific and pedagogical review. 2020. No. 1 (29). P. 87–92. (In Russ.).

9. Sokolova G.E. The most common types of mistakes made by Chinese students when learning Russian // Problems of modern education. 2020. No. 2. P. 146–154. (In Russ.).

10. Zhang Xiaohui, Sergeeva N.N. Typical mistakes in the prepared oral speech of Chinese students when studying Russian // Pedagogical education in Russia. 2019. No. 6 P. 120–124. (In Russ.).

Информация об авторе

В.В. Блажевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и межкультурная коммуникация».

Information about the author

V.V. Blazhevich is Candidate of Sociology, Associate Professor at the Foreign Languages and Intercultural Communication Department.

Статья поступила в редакцию 28.03.2025; одобрена после рецензирования 11.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.
The article was submitted 28.03.2025; approved after reviewing 11.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2025. Т. XXII, Вып. 2. С. 111–117
The Humanities and Social Studies in the Far East. 2025. Vol. XXII, Is. 2. P. 111–117

Научная статья
УДК 372.881.1:004.8
doi:10.31079/1992-2868-2025-22-2-111-117

ПОТЕНЦИАЛ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ РАЗВИТИЯ НАВЫКОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Елена Викторовна Астахова[1], **Татьяна Владимировна Борзова**[2]

[1]Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия, eastahova2016@gmail.com, https://orcid.org/0009-0004-1220-0939

[2]Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, borzova_tatiana@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2307-9001

Аннотация. В статье исследуется потенциал генеративного искусственного интеллекта (далее – ИИ) для развития навыков профессионально-ориентированной межкультурной коммуникации при обучении иностранному языку. Анализируя недостатки традиционных методов, авторы обобщают опыт учебных кейсов, направленных на моделирование профессионального общения в различных культурных контекстах. Выявлены как ключевые преимущества, так и ограничения, связанные с использованием ИИ. Подчеркивается дополняющая, а не замещающая роль ИИ относительно преподавателя. Сделан вывод о перспективности применения генеративного ИИ при методически обоснованном подходе.

Ключевые слова: иностранный язык для профессиональных целей, генеративный искусственный интеллект, промты, межкультурная коммуникация

Благодарности: работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-01757, https://rscf.ru/project/24-28-01757/.

Original article

GENERATIVE AI'S POTENTIAL IN FOSTERING PROFESSIONAL INTERCULTURAL COMMUNICATION SKILLS

Elena V. Astakhova[1], **Tatiana V. Borzova**[2]

[1]Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia, eastahova2016@gmail.com, https://orcid.org/0009-0004-1220-0939

[2]Pacific National University, Khabarovsk, Russia, borzova_tatiana@mail.ru, https://orcid.org/ 0000-0002-2307-9001

Abstract. This article explores the potential of generative artificial intelligence (AI) for developing professional-oriented intercultural communication skills in foreign language learning. Analyzing the shortcomings of traditional methods, the authors summarize the experience of using AI in case studies designed to simulate professional communication in various cultural contexts. The study identifies both the key advantages and the limitations associated with the use of AI. The article emphasizes the complementary, rather than substitute, role of AI in relation to the teacher. The conclusion is made about the promising prospects of using generative AI with a methodically based approach.

Keywords: foreign language for professional purposes, generative artificial intelligence, prompts, intercultural communication

Acknowledgments: this research was supported by Russian Science Foundation, Project No. 24-28-01757, https://rscf.ru/project/24-28-01757/.

Современные достижения в области технологий трансформируют различные сферы общества, предоставляя возможность людям из «разных уголков мира и с разным культурным наследием работать и общаться друг с другом» [1]. Способность эффективно взаимодействовать в профессиональной среде, учитывая межкультурные особенности, является важной составляющей профессиональной компетентности специалистов в различных отраслях. Это подтверждается высоким спросом на образовательные программы, направленные на развитие профессионально-ориентированного общения на иностранном языке, а также большим количеством учебно-методических разработок в области изучения иностранного языка для профессиональных целей [2]. Однако традиционные подходы к обучению сталкиваются с рядом вызовов, которые требуют инновационных решений.

1. Учебные пособия быстро теряют актуальность, не успевая адаптироваться к динамичным изменениям в профессиональных отраслях. Унифицированный формат традиционных учебников

© Астахова Е.В., Борзова Т.В., 2025

не обеспечивает достаточного уровня персонализации для удовлетворения индивидуальных потребностей учащихся.

2. Недостаток предметной экспертизы у преподавателей иностранного языка, что затрудняет интеграцию профессионально-ориентированного контента в процесс обучения [3].

3. Ограниченные возможности развития коммуникативных навыков в условиях аудиторной работы, особенно в больших и разноуровневых группах.

4. Отсутствие аутентичной языковой практики в различных культурных и профессиональных контекстах.

Эти проблемы требуют поиска новых подходов, которые позволили бы повысить эффективность обучения. Одним из перспективных решений является использование инструментов ИИ, которые обладают потенциалом для создания персонализированных учебных материалов, моделирования профессиональных ситуаций и развития межкультурной компетентности в профессиональной коммуникации.

Генеративный ИИ предоставляет возможность погружения в языковую и культурную среду, в том числе в определённый исторический период [4: с. 45]. Способность генеративного ИИ имитировать человеческое общение, выполняя роль голосового помощника, виртуального репетитора, разговорного агента и т.д. [5: с. 2], привлекает внимание педагогов. «За 2023 год, по данным РИНЦ, российскими авторами было опубликовано более 600 работ, посвященных использованию ИИ и ИИ-инструментов в обучении иностранному языку» [6: с. 296].

Многие исследования сфокусированы на общих вопросах использования ИИ в обучении, анализе его роли в управлении и автоматизации образовательных процессов, оптимизации подготовки преподавателя к занятиям, разработке дидактических приемов или формировании отдельных языковых навыков, например грамматических [7], применении технологий для решения определённых задач, например при работе с детьми с ограниченными возможностями по зрению [8]. Существуют исследования, обсуждающие риски и угрозы интеграции инструментов ИИ в образование [9], а также отношение педагогов и учеников к этим процессам.

Однако отмечается недостаточная разработанность методологических подходов и эмпирических данных, демонстрирующих эффективность использования генеративного ИИ для формирования коммуникативной компетенции на иностранном языке.

Данное исследование направлено на устранение указанного пробела путем обобщения опыта применения генеративного ИИ для развития профессионально-ориентированных навыков иноязычного общения с акцентом на формирование межкультурной компетентности. В работе анализируются конкретные кейсы, выявляются преимущества и проблемы, связанные с использованием ИИ, а также формулируются рекомендации для образовательной практики.

Представленные кейсы разрабатывались и применялись на занятиях по английскому языку в группах 1, 2, 3 и 4-го курса, обучающихся по специальностям «Международные отношения», «Программная инженерия», «Таможенное дело» в Дальневосточном государственном университете путей сообщения. Результаты оценивались с помощью наблюдений в ходе выполнения заданий и опросов после выполнения.

Под генеративным искусственным интеллектом мы подразумеваем различные системы ИИ, способные обрабатывать тексты и имитировать человеческое общение. В данном исследовании студентами использовались такие модели, как Open AI ChatGPT (различные версии), GigaChat, DeepSeek, Lingolette.ai (программа на основе ИИ, созданная для изучения иностранных языков) и др. Основной инструмент взаимодействия с генеративными ИИ – промты, т.е. запросы, с помощью которых мы получаем необходимый ответ. Выделяют ряд структурных компонентов промта.

- Директива (“Directive” [10]) – формулировка запроса в виде вопроса, команды или инструкции, это основная цель промта.
- Примеры, которые служат демонстрацией выполнения задачи, указание по стилю и формату вывода.
- Роль, которую выполняет ИИ и/или пользователь.
- Дополнительная информация, необходимая для понимания контекста или основной задачи.
- Негативные подсказки – информация об аспектах, которых нужно избегать или намеренно исключать в процессе генерации [11: с. 19].

«Разработка подсказок (Prompt engineering) – это систематический процесс создания и оптимизации входных подсказок для управления ответами больших языковых моделей, обеспечивающий точность, релевантность и согласованность генерируемых результатов» [12: с. 2]. Промт «задает контекст для общения и сообщает LLM (Large Language Model – Большая языковая модель), какая информация важна и какой должна быть желаемая форма и содержание вывода» [13: с. 1]. Подсказка должна быть краткой и ясной, исключающей ненужную информацию, которая не способствует ре-

шению задачи, и в то же время достаточно конкретной, чтобы направлять модель [14: с. 11].

Обзор исследований, посвященных особенностям составления промтов, и собственные эксперименты позволили определить следующую схему для создания промтов (рисунок).

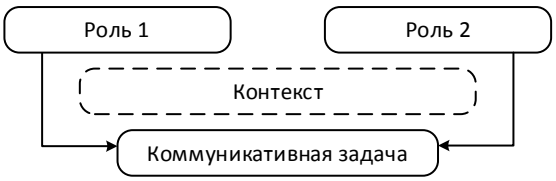

Рисунок. Схема промта для моделирования ситуации профессионального общения

Рассмотрим кейсы из практики применения инструментов генеративного ИИ для развития профессионально-ориентированной коммуникации.

Кейс 1. «Диалог с карьерным консультантом»

В рамках учебного занятия со студентами был реализован кейс «Диалог с карьерным консультантом». Задание предусматривало моделирование диалога между студентом (англоговорящим неносителем языка) и виртуальным консультантом, носителем английского языка, который совмещал функции преподавателя английского языка (ESL teacher) и специалиста по профориентации (career counselor). Были определены вопросы, которые необходимо обсудить в процессе данной консультации.

Основные дидактические задачи в рамках выполнения этого задания:

• развитие коммуникативных навыков;

• активизация и расширение словарного запаса по теме «образование и карьера»;

• развитие грамматической точности;

• развитие критического мышления (самоанализ, осознание своих сильных/слабых сторон, постановка целей);

• формирование навыков автономного обучения и взаимодействия с ИИ как с образовательным инструментом.

Роль 1: *«You're an experienced ESL teacher and career counselor.» Вы опытный преподаватель английского языка ESL и консультант по вопросам карьеры.*

Роль 2: *«I'm a non-native English speaker looking to practice conversation skills while learning essential vocabulary about careers and education.» Я не являюсь носителем английского языка и хочу попрактиковаться в разговорной речи, одновременно изучая необходимую лексику о карьере и образовании.*

Коммуникативная задача: *«Ask follow-up questions based on my responses to encourage deeper thinking and more language practice. Correct any significant language errors I make, and incorporate the key vocabulary terms throughout our conversation.» Задавайте дополнительные вопросы, основанные на моих ответах, чтобы стимулировать более глубокое мышление и больше языковой практики. Исправляйте любые существенные языковые ошибки, которые я допускаю, и включайте ключевые словарные термины в наш разговор.*

«Then, guide our conversation through these questions, one at a time:» Затем задайте мне эти вопросы по очереди:

1. «*What subjects or skills do you have a natural aptitude for?» К каким предметам или навыкам у вас есть природные способности?*

2. «Can you identify an area where you might want to become a specialist?» Можете ли вы определить область, в которой вы хотели бы стать специалистом?

3. *«Which appeals to you more: a practical vocational diploma or a theoretical university degree? Why?» Что вам больше нравится: практический диплом о профессиональном образовании или диплом университета? Почему?*

«Start the conversation by introducing yourself, then ask me the first question.» Начните разговор с того, что представьтесь, а затем задайте мне первый вопрос.

Анализ диалогов, полученных в результате выполнения задания, позволил выделить ряд особенностей.

1. Структурированность общения. Языковые модели выстраивают общение в рамках заданного плана, обеспечивая логическую и последовательную организацию диалога.

2. Поддержка и мотивация. Каждая ответная реплика начинается со слов, выражающих одобрение, например, *That’s fantastic! Great! Excellent choice! That’s great to hear!* и т.д.

3. Адаптация под интересы и опыт студента. В зависимости от ответов студентов генеративный интеллект варьирует используемую лексику, включая профессиональные термины, релевантные интересам обучающихся.

4. Коррекция ошибок. Мы задали ИИ роль не только специалиста по профориентации, но и преподавателя, и попросили исправлять ошибки при необходимости, поэтому в ответах получили комментарии по грамматическим и лексическим неточностям. При этом большое количество исправлений и лексико-грамматических комментариев затрудняло беседу.

Студенты отметили, что данное задание помогло им активизировать лексику по изучаемой теме, попрактиковать разговорные навыки, заметили улучшения в способности выражать мысли на английском языке. Все студенты ответили, что не боялись делать ошибки, общение с ИИ было комфортным. Несмотря на некоторые недостатки, например шаблонность ответов и нехватку живых эмоций, обучающиеся пришли к заключению, что ИИ – полезный инструмент для практики иностранного языка.

Кейс 2. «Переговоры о продаже мобильного приложения иностранным партнерам»

Задание предусматривает моделирование ситуации профессионального общения между разработчиком мобильного приложения (студентом, будущим программистом) и потенциальным покупателем, инвестором из Китая, Японии, США, Великобритании и т.д.

Основные дидактические задачи:

• Развитие коммуникативных навыков: формирование умений участвовать в профессиональных переговорах на английском языке, включая представление продукта, обсуждение условий сотрудничества.

• Активизация и расширение словарного запаса.

• Развитие грамматической точности.

• Развитие критического мышления, включая разработку стратегии адаптации продукта под условия рынка разных стран.

• Формирование навыков межкультурной коммуникации: понимание и учёт культурных различий в деловом общении.

• Формирование навыков автономного обучения: использование инструментов ИИ для практики иностранного языка.

Роль 1: «You're an experienced international business partner and potential investor from [choose a country: China, Japan, USA, UK, etc.]» Вы – опытный международный деловой партнёр и потенциальный инвестор из [выберите страну: Китай, Япония, США, Великобритания и т.д.].

Роль 2: «I'm a non-native English speaker and a programming student looking to practice professional communication skills while learning essential vocabulary related to selling IT products and negotiating with international partners». *Я не являюсь носителем английского языка и учусь на программиста. Я хочу попрактиковаться в профессиональном общении и выучить основные слова, связанные с продажей IT-продуктов и ведением переговоров с международными партнёрами.*

Коммуникативная задача: *«Ask follow-up questions based on my responses to encourage deeper thinking and more language practice, guide our conversation through these questions, one at a time.» Задавайте уточняющие вопросы на основе моих ответов, чтобы побудить меня к более глубокому размышлению и языковой практике. Ведите наш разговор по этим вопросам, задавая их по одному.*

1. *«Can you give a brief pitch of your application, highlighting its unique selling points? » Не могли бы вы вкратце рассказать о своем приложении, подчеркнув его уникальные преимущества?*

2. *«How do you see your application fitting into the market in my country, and what challenges do you anticipate? » Как, по вашему мнению, ваше приложение впишется в рынок в моей стране и с какими трудностями вы столкнётесь?*

3. *«What is your revenue model, and how do you plan to ensure scalability as you expand internationally?» Какова ваша модель получения дохода и как вы планируете обеспечить масштабируемость по мере выхода на международный рынок?*

«Start the conversation by introducing yourself, mentioning your country, then ask me the first question.» Начните разговор с представления себя, упомянув свою страну, а затем задайте мне первый вопрос.

В результате моделирования диалогов с инвесторами из различных стран с помощью генеративного ИИ были отмечены следующие особенности:

1) при упоминании страны модели могут заменить «Hello» на приветствия, используемые в разных странах;

2) модели подбирают соответствующие имена и фамилии, типичные для представителей разных стран;

3) различается уровень эмоциональности. Например, американский партнер отвечает «It's fantastic!», партнер из Китая в подобном контексте ответил более сдержанно: «Ok»;

4) политические особенности. Например, в диалоге с инвестором из Японии студент рассказал, что приложение может быть использовано для различных целей, в том числе и для военных. Японский партнер упомянул статью 9 Конституции Японии, в которой закреплен национальный пацифизм, и подчеркнул, что общество негативно воспринимает проекты, связанные с обороной, поэтому следует переориентировать продукт на гражданские цели, например ликвидацию последствий стихийных бедствий или здравоохранение, чтобы соответствовать приоритетам Японии.

Необходимо отметить, что некоторые студенты в начале выполнения задания не замечали культурных отличий в разных диалогах. Совместное обсуж-

дение результатов позволило привлечь внимание к определённым особенностям, указывающим на характерные черты ведения переговоров представителями разных стран. Подобная практика способствует развитию межкультурной осведомленности и чувствительности. Однако существует риск получения стереотипной или неточной информации. Например, ответы американских партнёров были в менее формальном стиле, чем диалоги с британскими, японскими или китайскими партнерами.

В таблице представлены примеры кейсов, проведенных с группами обучающихся по специальностям «Международные отношения», «Таможенное дело» и «Программная инженерия».

Проведенное исследование демонстрирует, что применение генеративного ИИ может быть эффективным инструментом для развития профессионально-ориентированных навыков иноязычного общения и межкультурной коммуникативной компетенции.

Анализ кейсов показал, что генеративный ИИ обладает следующими преимуществами:

1. Обеспечивает структурированное общение, адаптируется к уровню и интересам обучающихся, предоставляя возможность для практики в приближенных к реальности профессиональных контекстах, что позволяет сделать обучение более персонализированным и интерактивным.

2. ИИ способствует расширению словарного запаса, усвоению профессиональной лексики и грамматических конструкций. Все студенты отметили, что не боялись делать ошибки при общении с ИИ и высоко оценили грамматические и лексические подсказки, а также отметили, что задания помогли активизировать лексику по изучаемой теме.

3. Моделирование диалогов с представителями разных культур позволяет обучающимся не только практиковать язык, но и осознавать культурные различия в деловом общении, адаптировать коммуникативные стратегии и развивать эмпатию.

Вместе с тем исследование выявило ряд ограничений и вызовов, связанных с применением генеративного ИИ.

1. Эффективность использования ИИ напрямую зависит от качества промтов, требующих от преподавателя понимания принципов работы языковых моделей и умения адаптировать задания под образовательные потребности.

2. Необходимо критически оценивать ответы ИИ, учитывая возможные неточности, предвзятости и ограничения в понимании контекста.

3. ИИ является инструментом, дополняющим, но не заменяющим преподавателя. Преподаватель остаётся ключевой фигурой в организации учебного процесса, разработке заданий, модерации взаимодействия студентов с ИИ.

Таблица

Кейсы ситуаций моделирования профессионального общения

Роль 1	Роль 2	Контекст	Коммуникативная задача
Переговоры о продаже автомобилей китайского производства на международном рынке			
Представитель китайской автомобильной компании (производитель)	Иностранный партнер	Переговоры о продаже китайских автомобилей иностранному партнеру	Обсуждение ключевых аспектов сотрудничества, включая ценовую политику, гарантийные обязательства, условия послепродажного обслуживания и технической поддержки
Международный аэропорт			
Сотрудник таможенной службы	Иностранный турист	Ситуация прохождения таможенного контроля в международном аэропорту	Разыгрывание диалоговой ситуации, включающей стандартные процедуры проверки документов, декларирования вещей, разъяснение правил ввоза/вывоза товаров с учётом межкультурных особенностей общения
Собеседование			
Менеджер по персоналу	Кандидат на вакансию	Собеседование при приёме на работу	Установление профессиональной компетентности кандидата, оценка его мотивации и коммуникативных навыков; представление условий труда и корпоративной культуры компании
Интервью с дипломатом			
Дипломат А. Громыко	Британский журналист	Интервью, в ходе которого журналист задаёт вопросы, касающиеся как профессиональной деятельности дипломата, так и отдельных аспектов его личной жизни	Моделирование диалога в формате официального интервью, направленного на раскрытие дипломатической позиции СССР по актуальным международным вопросам, а также на формирование имиджа дипломата в зарубежных СМИ

Таким образом, генеративный ИИ представляет собой перспективный инструмент для инновационного развития образования. Внедрение инструментов ИИ в обучение иностранным языкам для профессиональной сферы следует осуществлять методически обоснованно, с чётким пониманием образовательных целей и потенциальных рисков. При вдумчивом и критическом подходе к его применению он может существенно обогатить процесс обучения, сделав его более персонализированным, мотивирующим и эффективным в подготовке специалистов к межкультурному профессиональному взаимодействию в глобальном мире.

Список источников

1. Kawar T.I. Cross Cultural Differences in Management // International Journal of Business and Social Science. 2012. Vol. 3. P. 105–111.

2. Сафьянова И.В., Морозова М.Н. Интеграция элементов ESP (английский язык для профессиональных целей) и EAP (академический английский язык) в процесс преподавания // Сборник избранных статей по материалам научных конференций ГНИИ «Нацразвитие» (Санкт-Петербург, 28–30 января 2019 г.). Санкт-Петербург : ГНИИ «Нацразвитие», 2019. С. 146–154.

3. Сысоев П.В. Дискуссионные вопросы внедрения предметно-языкового интегрированного обучения студентов профессиональному общению в России // Язык и культура. 2019. № 48. С. 349–371. doi:10.17223/19996195/48/22

4. Kukulska-Hulme A., Wise A.F., Coughlan T., Biswas G. [et al.]. Innovating Pedagogy 2024: Open University Innovation Report 12. Milton Keynes : The Open University, 2024. 73 p.

5. Belda-Medina J., Calvo-Ferrer J. Using Chatbots as AI Conversational Partners in Language Learning // Applied Sciences. 2022. Vol. 12. Art. 8427. https://doi.org/10.3390/app12178427

6. Сысоев П.В. Использование технологий искусственного интеллекта в обучении иностранному языку: тематика методических работ за 2023 год и перспективы дальнейших исследований // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 29, № 2. С. 294–308. https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-2-294-308

7. Черкасова Е.А. Методика дифференцированного обучения студентов технического вуза английской грамматике посредством учебного взаимодействия с чат-ботом с генеративным искусственным интеллектом : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 5.8.2 / Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. Тамбов, 2024. 26 с.

8. Кортелев К.В., Сердюков Ю.М., Кортелев В.В., Сердюков М.Ю. Интеграция элементов виртуальной реальности и искусственного интеллекта в образовательное пространство учащихся с ограниченными возможностями здоровья по зрению в школах Хабаровского края // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2024. Т. 21, № 1. С. 240–246. doi:10.31079/1992-2868-2024-21-1-240-246

9. Ананин Д.П., Комаров Р.В., Реморенко И.М. «Когда честно – хорошо, для имитации – плохо»: стратегии использования генеративного искусственного интеллекта в российском вузе // Высшее образование в России. 2025. Т. 34, № 2. С. 31–50. doi:10.31992/0869-3617-2025-34-2-31-50

10. Schulhoff S., Ilie M., Balepur N., Kahadze K., Liu A., Si C., Li Y., Gupta A., Han H., Schulhoff S., Dulepet P. , Vidyadhara S., Ki D., Agrawal S., Pham C., Kroiz G., Li F., Tao H., Srivastava A., Resnik P. The Prompt Report: A Systematic Survey of Prompting Techniques // arXiv.Org, 2024. 80 p. doi:10.48550/arXiv.2406.06608

11. Hadi M. U., Al-Tashi Q., Qureshi R., Shah A., Muneer A., Irfan M., Zafar A., Shaikh M., Akhtar N., Wu J., Mirjalili S. Large Language Models: A Comprehensive Survey of its Applications, Challenges, Limitations, and Future Prospects // TechRxiv.Org, 2023. 29 p. doi:10.36227/techrxiv.23589741

12. Banghao C., Zhaofeng Z., Nicolas L., Shengxin Z. Unleashing the potential of prompt engineering in large language models: a comprehensive review // arXiv.Org. 2023. 58 p. doi:10.48550/arXiv.2310.14735

13. White J., Fu Q., Hays S., Sandborn M., Olea C., Gilbert H., Elnashar A., Spencer-Smith J., Schmidt D. C. A Prompt Pattern Catalog to Enhance Prompt Engineering with ChatGPT // arXiv.Org. 2023. 19 p. doi:10.48550/arXiv.2302.11382

14. Bsharat S.M., Myrzakhan A., Shen Z. Principled instructions are all you need for questioning llama-1/2, gpt-3.5/4 // arXiv.Org. 2023. 26 p. doi:10.48550/arXiv.2312.16171

References

1. Kawar T.I. Cross Cultural Differences in Management // International Journal of Business and Social Science. 2012. Vol. 3. P. 105–111.

2. Saf'yanova I.V., Morozova M.N. Integratsiya elementov ESP (angliiskii yazyk dlya professional'nykh tselei) i EAP (akademicheskii angliiskii yazyk) v protsess prepodavaniya [Integration of ESP (English for Specific Purposes) and EAP (English for Academic Purposes) elements into the teaching process] // Sbornik izbrannykh statei po materialam nauchnykh konferentsii GNII «Natsrazvitie» (Sankt-Peterburg, 28–30 yanvarya 2019 g.) [Collection of selected articles based on the materials of scientific conferences of the State Research Institute «Natsrazvitie», Saint Petersburg, January 28–30, 2019]. Sankt-Peterburg : GNII «Natsrazvitie», 2019. P. 146–154. (In Rus.).

3. Sysoev P.V. Diskussionnye voprosy vnedreniya predmetno-yazykovogo integrirovannogo obucheniya studentov professional'nomu obshcheniyu v Rossii [Controversial issues of implementing content and language integrated learning for students' professional communication in Russia] // Yazyk i kul'tura [Language and Culture]. 2019. No 48. P. 349–371. doi:10.17223/19996195/48/22 (In Rus.).

4. Kukulska-Hulme A., Wise A.F., Coughlan T., Biswas G. [et al.]. Innovating Pedagogy 2024: Open University Innovation Report 12. Milton Keynes : The Open University, 2024. 73 p.

5. Belda-Medina J., Calvo-Ferrer J. Using Chatbots as AI Conversational Partners in Language Learning // Applied Sciences. 2022. Vol. 12. Art. 8427. https://doi.org/10.3390/app12178427

6. Sysoev P.V. Ispol'zovanie tekhnologii iskusstvennogo intellekta v obuchenii inostrannomu yazyku: tematika metodicheskikh rabot za 2023 god i perspektivy dal'neishikh issledovanii [The use of artificial intelligence technologies in foreign language teaching: themes of methodological works in 2023 and prospects for further research] // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Tambov University Review. Series: Humanities]. 2024. Vol. 29, no. 2. P. 294–308. https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-2-294-308 (In Russ.).

7. Cherkasova E.A. Metodika differentsirovannogo obucheniya studentov tekhnicheskogo vuza angliiskoi grammatike posredstvom uchebnogo vzaimodeistviya s chat-botom s generativnym iskusstvennym intellektom : avtoref. dis. … kand. ped. nauk : 5.8.2 [Methodology of differentiated teaching of English grammar to technical university students through educational interaction with a generative artificial intelligence chatbot: Ph.D. Thesis Abstract in Pedagogy: 5.8.2] / Tambovskii gosudarstvennyi universitet imeni G. R. Derzhavina. Tambov, 2024. 26 p. (In Russ.).

8. Kortelev K.V., Serdyukov Yu.M., Kortelev V.V., Serdyukov M.Yu. Integratsiya elementov virtual'noi real'nosti i iskusstvennogo intellekta v obrazovatel'noe prostranstvo uchashchikhsya s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya po zreniyu v shkolakh Khabarovskogo kraya [Integration of virtual reality and artificial intelligence elements into the educational space of visually impaired students in schools of the Khabarovsk Territory] // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke [Social and Human Sciences in the Far East]. 2024. Vol. 21, no. 1. P. 240–246. doi:10.31079/1992-2868-2024-21-1-240-246 (In Russ.).

9. Ananin D.P., Komarov R.V., Remorenko I.M. «Kogda chestno – khorosho, dlya imitatsii – plokho»: strategii ispol'zovaniya generativnogo iskusstvennogo intellekta v rossiiskom vuze [«When honest – good, for imitation – bad»: strategies for using generative artificial intelligence in a Russian university] // Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher Education in Russia]. 2025. Vol. 34, no. 2. P. 31–50. doi:10.31992/0869-3617-2025-34-2-31-50 (In Russ.).

10. Schulhoff S., Ilie M., Balepur N., Kahadze K., Liu A., Si C., Li Y., Gupta A., Han H., Schulhoff S., Dulepet P. , Vidyadhara S., Ki D., Agrawal S., Pham C., Kroiz G., Li F., Tao H., Srivastava A., Resnik P. The Prompt Report: A Systematic Survey of Prompting Techniques // arXiv.Org, 2024. 80 p. doi:10.48550/arXiv.2406.06608

11. Hadi M.U., Al-Tashi Q., Qureshi R., Shah A., Muneer A., Irfan M., Zafar A., Shaikh M., Akhtar N., Wu J., Mirjalili S. Large Language Models: A Comprehensive Survey of its Applications, Challenges, Limitations, and Future Prospects // TechRxiv.Org, 2023. 29 p. doi:10.36227/techrxiv.23589741

12. Banghao C., Zhaofeng Z., Nicolas L., Shengxin Z. Unleashing the potential of prompt engineering in large language models: a comprehensive review // arXiv.Org. 2023. 58 p. doi:10.48550/arXiv.2310.14735

13. White J., Fu Q., Hays S., Sandborn M., Olea C., Gilbert H., Elnashar A., Spencer-Smith J., Schmidt D. C. A Prompt Pattern Catalog to Enhance Prompt Engineering with ChatGPT // arXiv.Org. 2023. 19 p. doi:10.48550/arXiv.2302.11382

14. Bsharat S.M., Myrzakhan A., Shen Z. Principled instructions are all you need for questioning llama-1/2, gpt-3.5/4 // arXiv.Org. 2023. 26 p. doi:10.48550/arXiv.2312.16171

Информация об авторах

Е.В. Астахова – кандидат филологических наук, доцент;
Т.В. Борзова – доктор психологических наук, профессор.

Information about the authors

E.V. Astakhova is Candidate of Philology, Associate Professor;
T.V. Borzova is Doctor of Psychology, Professor.

Статья поступила в редакцию 21.03.2025; одобрена после рецензирования 11.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.
The article was submitted 21.03.2025; approved after reviewing 11.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2025. Т. XXII, Вып. 2. С. 118–123
The Humanities and Social Studies in the Far East. 2025. Vol. XXII, Is. 2. P. 118–123

Научная статья
УДК 811.161.1-057.875
doi:10.31079/1992-2868-2025-22-2-118-123

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОСОБЕННОСТЕЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ С УРОВНЕМ ЗНАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В ВУЗАХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА)

Наталья Владимировна Резанова[1], **Марина Александровна Помченко**[2], **Ирина Вячеславовна Харина**[3], **Татьяна Владимировна Кожевникова**[4]
[1, 3, 4]Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия
[2]Центр технического цифрового образования «ТЕХНО IT-куб», Хабаровск, Россия, marina-pom@mail.ru
[1]nvrezanova75@mail.ru
[3]kharina.ira@mail.ru
[4]ktvsl@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы основные подходы к изучению проблем социальной, психологической и академической адаптации иностранных студентов. Изложены результаты исследования различных видов адаптации и аккультурации у студентов КНР, обучающихся в вузах Дальнего Востока. Определен характер взаимосвязи между академической, социальной, психологической адаптациями и уровнем владения русским языком. Проведенный анализ показывает, что уровень владения русским языком влияет на адаптацию иностранных студентов в вузе.

Ключевые слова: академическая адаптация, психологическая адаптация, социальная адаптация, аккультурация, уровень владения языком

Original article

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE FEATURES OF FOREIGN STUDENTS' ADAPTATION AND THE LEVEL OF PROFICIENCY IN THE RUSSIAN LANGUAGE (USING THE EXAMPLE OF STUDYING STUDENTS FROM CHINA IN UNIVERSITIES IN THE FAR EAST)

Natalya V. Rezanova[1], **Marina A. Pomchenko**[2], **Irina V. Kharina**[3], **Tatiana V. Kozhevnikova**[4]
[1]Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia
[2]Technical digital educational center "TECHNO IT-cube", Khabarovsk, Russia, marina-pom@mail.ru
[1]nvrezanova75@mail.ru
[3]kharina.ira@mail.ru
[4]ktvsl@mail.ru

Abstract. The article analyzes the main approaches to studying the problems of social, psychological and academic adaptation of foreign students. The results of the study of various types of adaptation and acculturation of Chinese students studying at universities in the Far East are presented. The nature of the relationship between academic, social, psychological adaptation and the level of proficiency in Russian is determined. The analysis shows that the level of proficiency in Russian affects the adaptation of foreign students at the university.

Keywords: academic adaptation, psychological adaptation, social adaptation, acculturation, level of language proficiency

Значительный контингент иностранцев, прибывающий в Россию с долгосрочными целями, – это студенты, обучающиеся по программам дополнительного образования, бакалавриата и магистратуры. Дальневосточные вузы в этом смысле не исключение. С начала 90-х гг. XX в. иностранных граждан обучает и ДВГУПС. В большей степени это представители КНР. В этой связи немалую сложность представляет собой адаптация молодежи, получающей высшее образование на территории нашей страны.

Студенты, получающие образование за границей, имеют ряд преимуществ. В первую очередь, это расширяет кругозор и дает познание новой культуры: ее ценностей, традиций, норм и правил. Во-вторых, исключает развитие такого явления, как этноцентризм, рассматривающего свой собствен-

© Резанова Н.В., Помченко М.А., Харина И.В., Кожевникова Т.В., 2025

ный этнос и культуру в качестве эталона; в-третьих, способствует лучшему пониманию и уважению самих себя в ином культурном пространстве. И, наконец, в ракурсе получения образования повышается уровень межкультурной коммуникации, межкультурный обмен знаниями.

Понятие «адаптация» как результат аккультурации рассматривается как «более или менее гармоничное комбинирование элементов домашней и принимающей культур или сохранение противоречивых представлений, отражающихся в повседневном поведении» [1: p. 153].

Адаптация студентов-иностранцев – это сложный многосторонний процесс погружения в образовательную среду иной культуры и развития внутри этой среды. Адаптируясь к этой новой среде, иностранные студенты сталкиваются со многими трудностями. Они связаны: с коммуникацией на неродном языке; сменой режима питания и бытовых условий жизни; особенностями образования, учебного распорядка и требованиями к студенту; стилем и способами взаимодействия с преподавателями и администраций вуза [2–5]. Задачей для преподавателей и руководства российских вузов является изучение возникших трудностей, определение способов психолого-педагогического сопровождения иностранных студентов для успешной адаптации в новой образовательной среде.

Родоначальниками теории межкультурной адаптации можно считать американских антропологов, таких как: Редфилд, Линтон и Херсковиц, которые в начале 30-х гг. прошлого столетия вывели теоретическую основу такой проблемы, как аккультурация [1]. Они определяли ее как изменения, происходящие в результате длительного и непосредственного контакта представителей разных культур [1: p. 149]. Авторы подчеркивали комплексный характер межкультурной адаптации, несводимость к отдельным ее составляющим: ассимиляции или диффузии, отличие от изменений культуры, частью которых она является.

Исследователи Блэк и Эванс [6] считают, что межкультурная адаптация включает три стороны: 1) общую адаптацию, т.е. способность преодолевать повседневные трудности жизни; 2) адаптацию к взаимоотношениям, связанную с преодолением трудностей в коммуникации с местным населением; 3) адаптацию, связанную с успешным решением профессиональных задач. Ряд ученых [7; 8] рассматривают межкультурную адаптацию как двухкомпонентную модель: психологическую и социокультурную. *Психологическая* соотносится с общим самочувствием и степенью удовлетворённостью жизнью, преодолением трудностей и стресса, с чувством собственного достоинства. *Социокультурная* определяется взаимоотношением человека и общества, уровнем успешного освоения в новом культурном пространстве, а самое главное, она связана с изучением и постижением новой культуры. Еще одной разновидностью межкультурной адаптации, которую преодолевают студенты, является *академическая адаптация* [9; 10]. Академическая адаптация – это сложный процесс, основанный на понимании культурных особенностей страны проживания и системы образования. Благополучная адаптация к академической среде является залогом успешной учебы иностранных студентов [11].

Академическая адаптация вместе с социокультурной и психологической представляет сложный комплексный процесс для студентов иностранцев [10; 14]. В кросскультурной теории Я. Ким адаптация иностранцев представлена как их психологический рост в тесной связи с их способностью к коммуникации, соответствующей нормам и практикам принимающей культуры, а также как активное участие в массовых коммуникационных мероприятиях. Автор определяет межкультурную адаптацию как: 1) сложный и динамичный процесс, приводящий к качественным изменениям в психике и поведении человека; 2) адаптацию к определенной культурной среде, которая происходит только в процессе общения, и коммуникацию – «центральную точку» между человеком и окружающей средой [15: p. 31–32].

Мы также опираемся на то, что академическая адаптация как сложный и динамический процесс вхождения в культуру возможна только через успешную коммуникацию посредством освоения языка. Язык и культура тесно связаны между собой. Несмотря на историческую общность двух стран – России и Китая, наши культурные традиции имеют большие специфические различия. Изучение русского языка для китайских студентов представляет огромную трудность (категории рода, числа, падежа, лица, времени, многозначность аффиксов, отсутствие строгого порядка слов в предложении, интонация и т.д.). Из-за низкого уровня языковой компетенции им трудно работать с учебной литературой, понимать лекции, отвечать устно на семинарских занятиях. Китайцам не просто выделять главную информацию в тексте, отсекая второстепенные детали, так как они привыкли заучивать тексты наизусть, слово в слово. Вызывает непонимание и стиль общения с российскими преподавателями, он более демократичный, с различными формами занятий, в том числе и нетрадиционными (игра, «мозговой штурм», диспут и т.д). Актуальность и новизна данного исследования заключаются в том, что оно позволяет понять, как связь уров-

ня владения иностранным языком китайских студентов ДВГУПС влияет на успех социокультурной, психологической и академической адаптации.

Обьектом исследования является адаптация иностранных студентов к обучению в России. Предмет исследования – взаимосвязь адаптации с уровнем знаний русского языка. Цель исследования – выявить характер взаимосвязи адаптации (психологической, социокультурной и академической) с уровнем знаний русского языка. В процессе исследования ставилась задача определения социокультурной адаптации, аккультурационных ориентаций, психологической адаптации, академической мотивации и академической жизнеспособности, уровня знаний русского языка и задача выявления взаимосвязи адаптации иностранных студентов и уровня знаний русского языка. Мы предполагаем, что иностранные студенты, показывающие более высокие знания русского языка, быстрее и легче адаптируются к процессу обучения в вузе в России. Результаты исследования могут быть полезны для преподавателей и руководства вузов и использоваться для организации эффективной помощи иностранным студентам в адаптации к новой культуре и процессу обучения в вузе.

Выборку исследования составили иностранные студенты из КНР первого года обучения. Возраст испытуемых от 20 до 23 лет, из них 92 % лица мужского пола. Направления подготовки бакалавриата включали наземно-технологические комплексы, машиностроение, строительство. Согласно данным анкетирования, иностранные студенты указали длительность проживания – 6 месяцев, все студенты прибыли из КНР, родным языком является китайский язык. Большинство студентов знание английского языка отмечают как плохое, и лишь небольшая часть студентов (38 %) оценивают свой уровень владения английским языком как неплохой или хороший. Около 54 % студентов оценивают свое знание русского как неплохое, 15 % студентов оценивают уровень владения русским языком как хороший и 31 % студентов считают, что знают русский язык плохо. Все студенты отмечают, что имеют от 5 до 10 друзей, в основном среди тех студентов, с которыми учатся, среди них есть как друзья из Китая, так и из России. Студенты живут в России без семьи, они отмечают, что в семье родители говорят только на китайском языке, при этом русским и английским языками родственники в семье не владеют.

Для определения уровня психологической адаптации использовался опросник К. Демес и Н. Гираерт. Этот тип адаптации относится к психологическому благополучию и удовлетворенности жизнью. Краткая шкала психологической адаптации включает вопросы о позитивных и негативных эмоциях, связанных с родной страной и принимающей страной. Большее значение по шкале означает бóльшую степень адаптации. Опросник также дает возможность определить аккультуральные ориентации. Шкалы позволяют оценить ориентации на культуры родной страны и принимающей страны. Аккультуральная ориентация представлена двумя шкалами: шкалой ориентации на родную культуру и шкалой ориентации на культуру принимающей стороны. Большее значение по шкале означает больший уровень соответствующей культурной ориентации. Опросник также содержит шкалу социокультурной адаптации. Она позволяет изучить культурную дистанцию и социокультурную адаптацию, социальные установки, нормы и ценности. Больший уровень по шкале означает бóльшую степень адаптации.

Для определения уровня академической адаптации использовалась методика, основанная на варианте шкалы академической мотивации Р. Валлеранда. В результате тестирования определяют следующие шкалы: познавательную мотивацию, мотивацию достижения, мотивацию саморазвития, мотивацию самоуважения, интроецированную мотивацию, экстернальную мотивацию, амотивацию. Шкала мотивации познания показывает стремление узнать и понять изучаемый предмет, интерес к процессу познания. Шкала мотивации достижения диагностирует стремление добиться высоких результатов в процессе учебы. Шкала саморазвития показывает выраженность стремления к развитию способностей, потенциала. Шкала самоуважения показывает стремление учиться ради ощущения собственной значимости. Шкала интроецированной мотивации диагностирует побуждение к учебе, обусловленное чувством долга. Шкала экстернальной мотивации показывает ситуацию стремления к учебе, обусловленного социумом. Шкала амотивации измеряет отсутствие интереса к учебной деятельности. Интерпретация баллов выполняется на основе анализа профиля и выделения доминирующего типа академической мотивации.

Для более полного изучения академической адаптации использовалась шкала академической жизнеспособности S. Cassidy в адаптации Ю.В. Постылякова. Она позволяет изучить проявления жизнеспособности студентов в образовательном контексте, оценить адаптивные и неадаптивные когнитивно-эмоциональные и поведенческие реакции на академические проблемы. Методика включает общую шкалу академической жизнеспособности, диагностирующую низкий, средний и высокий уровни. Тест также включает три фактора: настойчивость,

рефлексию и адаптивный поиск помощи, отрицательный аффект и эмоциональную реакцию. Настойчивость проявляется в упорной работе и в следовании своим целям. Рефлексия и адаптивный поиск помощи проявляются в размышлении о сильных и слабых сторонах. Отрицательный аффект и эмоциональная реакция проявляются в тревоге и избегании негативных реакций. Во всех шкалах большее значение означает бóльшую жизнеспособность.

Исследование уровня психологической адаптации показало, что только 23 % иностранных студентов демонстрируют высокий уровень психологической адаптации, испытывают психологическое благополучие и высокую удовлетворенность жизнью, большая же часть студентов (77 %) показывает средний уровень адаптации. Низкий уровень адаптации не выявлен.

Исследование аккультуральной ориентации выявило, что ориентацию на родную культуру демонстрируют 23 % опрошенных, ориентацию на культуру принимающей стороны показывают 46 % студентов, 31 % студентов в равной степени ориентируются на культуру двух стран.

В свою очередь, изучение социальной адаптации показало, что только 31 % студентов имеют высокий уровень социальной адаптации, 69 % студентов показывают средний уровень социальной адаптации, низкий уровень социальной адаптации не выявлен.

В результате исследования академической мотивации было выявлено, что в качестве доминирующей познавательную мотивацию имеют 8 % студентов, мотивацию саморазвития показывают 23 % студентов, мотивацию самоуважения демонстрируют 15 % студентов, интроецированную мотивацию показывают 23 % студентов, амотивацию имеют 8 % студентов. При этом около 23 % студентов не показывают доминирующую мотивацию, а в равной степени демонстрируют несколько видов мотивации, среди которых к вышеуказанным можно добавить мотивацию достижения и экстернальную мотивацию. В целом, с учетом студентов, демонстрирующих равную степень выраженности различных видов мотивации, можно отметить мотивацию саморазвития как наиболее часто представленную среди общей выборки студентов – 54 % студентов, на втором месте можно выделить интроецированную мотивацию – 38 % студентов.

Исследование академической жизнеспособности показало, что высокий уровень имеют лишь 8 % студентов, средний уровень имеют 46 % студентов и низкий уровень демонстрируют 46 % студентов. По шкале «настойчивость» низкий уровень показывают 46 % студентов, средний уровень наблюдается у 54 % студентов. По шкале «рефлексия» высокий уровень фиксируется у 8 % студентов, средний уровень наблюдается у 54 % студентов, низкий уровень имеют 38 % студентов. По шкале «эмоциональный ответ» низкий уровень демонстрируют лишь 15 % студентов, средний уровень имеют 85 % студентов.

Для определения уровня владения русским языком был проведен тест ТРКИ-1 (тест по русскому языку как иностранному, первый сертификационный уровень). Успешное прохождение тестирования по данному уровню свидетельствует о среднем уровне коммуникативной компетенции, который позволяет удовлетворять свои коммуникативные потребности в социально-бытовой, культурной, учебной и профессиональной сферах общения в соответствии с государственным стандартом РКИ.

Для проверки гипотезы о том, что между различными видами адаптации студентов и уровнем владения русским языком существует взаимосвязь, был проведен корреляционный анализ Спирмена. Были определены корреляционные зависимости между показателями академической, социальной, психологической адаптаций, аккультурации и уровнем владения русским языком (таблица).

Таблица

Анализ взаимосвязи показателей академической, социальной, психологической адаптаций, аккультурации и уровнем владения русским языком

Параметры академической, социальной, психологической адаптаций, аккультурации	Уровень владения русским языком
Психологическая адаптация	0,17
Социокультурная адаптация	0,42*
Ориентация на родную культуру	-0,35*
Ориентация на культуру принимающей стороны	0,35*
Познавательная мотивация	0,42*
Мотивация достижения	0,45*
Мотивация саморазвития	0,22
Мотивация самоуважения	-0,24
Интроецированная мотивация	-0,48*
Экстернальная мотивация	-0,29
Амотивация	-0,45*
Шкала академической жизнеспособности	0,56*
Настойчивость	0,43*
Рефлексия	0,33*
Эмоциональный ответ	0,58*

Примечание – $^{*}p < 0,05$.

Полученные результаты показывают умеренную положительную корреляцию между социокультурной адаптацией (0,42), ориентацией на культуру принимающей стороны (0,35), познавательной мотивацией (0,42), мотивацией достижения (0,45),

настойчивостью (0,43), рефлексией (0,33) и уровнем владения русским языком. Между академической жизнеспособностью (0,56), эмоциональным ответом (0,58) и уровнем владения русским языком фиксируется заметная положительная корреляция. Между параметром аккультурации – ориентацией на родную культуру и уровнем владения русским языком фиксируется отрицательная корреляция (-0,35). Таким образом, чем выше у студента знания русского языка, тем меньше он ориентируется на родную культуру. Наблюдается также отрицательная умеренная корреляция между такими параметрами академической мотивации, как интроецированная мотивация (-0,48), амотивация (-0,45), и уровнем владения русским языком. Это означает, что чем выше уровень знаний русского языка, тем ниже отсутствие интереса к учебе и меньше степень побуждения учиться только из-за чувства долга. Полученные результаты корреляционного анализа показывают, что уровень владения русским языком существенно влияет на процесс адаптации иностранных студентов, что подтверждает выдвинутую нами гипотезу.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Только 23 % иностранных студентов демонстрируют высокий уровень психологической адаптации, 77 % студентов показывают средний уровень адаптации. Низкий уровень адаптации не выявлен.

2. Ориентацию на родную культуру демонстрируют 23 % опрошенных, ориентацию на культуру принимающей стороны показывают 46 % студентов, 31 % ориентируются на культуру двух стран.

3. Только 31 % студентов имеют высокий уровень социальной адаптации, 69 % студентов показывают средний уровень социальной адаптации, низкий уровень социальной адаптации не выявлен.

4. Доминирующую познавательную мотивацию имеют 8 % студентов, мотивацию саморазвития показывают 23 % студентов, мотивацию самоуважения демонстрируют 15 % студентов, интроецированную мотивацию показывают 23 % студентов, амотивацию имеют 8 % студентов.

5. Мотивация саморазвития наиболее часто представленна среди общей выборки студентов – 54 % студентов, на втором месте можно выделить интроецированную мотивацию – 38 % студентов.

6. Высокий уровень академической жизнеспособности имеют лишь 8 % студентов, средний уровень имеют 46 % студентов и низкий уровень демонстрируют 46 % студентов. По шкале «настойчивость» низкий уровень показывают 46 % студентов, средний уровень наблюдается у 54 % студентов. По шкале «рефлексия» высокий уровень фиксируется у 8 % студентов, средний уровень наблюдается у 54 % студентов, низкий уровень имеют 38 % студентов. По шкале «эмоциональный ответ» низкий уровень демонстрируют лишь 15 % студентов, средний уровень имеют 85 % студентов.

7. Выявлена умеренная положительная корреляция между социокультурной адаптацией (0,42), ориентацией на культуру принимающей стороны (0,35), познавательной мотивацией (0,42), мотивацией достижения (0,45), настойчивостью (0,43), рефлексией (0,33) и уровнем владения русским языком.

8. Выявлена заметная положительная корреляция между академической жизнеспособностью (0,56), эмоциональным ответом (0,58) и уровнем владения русским языком.

9. Между параметром аккультурации – ориентацией на родную культуру и уровнем владения русским языком фиксируется отрицательная корреляция (-0,35).

10. Выявлена отрицательная умеренная корреляция между такими параметрами академической мотивации, как интроецированная мотивация (-0,48), амотивация (-0,45), и уровнем владения русским языком.

Список источников

1. Redfield R., Linton R., Herskovits M. Memorandum for the Study of Acculturation // American Anthropologist. 1936. № 38 (1). P. 149–152.

2. Авакова О.В. К вопросу об адаптации иностранных студентов // Педагогика и просвещение. 2021. № 4. С. 54–61.

3. Айбазова М.Ю. Социокультурная адаптация иностранных студентов к условиям обучения в российских вузах // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2022. № 1 (34). С. 117– 121.

4. Литвинова Е.С., Горяинова Г.Н. Некоторые аспекты процесса адаптации иностранных обучающихся в отечественных вузах // АНИ: педагогика и психология. 2021. № 1 (34). С. 180–183.

5. Зеленина Л.Е., Митрофанова К.А., Абдырахманова А.К., Ашеева Е.П. Интеграция иностранных студентов в образовательную среду медицинского университета: опрос студентов // Педагогическое образование в России. 2021. № 2. С. 90–96.

6. Black J.S., Stephens G.K. The influence of the spouse on American expatriate adjustment and intent to stay in Pacific Rim overseas assignments // Journal of Management. 1997. № 15 (4). P. 529–544.

7. Searle W., Ward C. The prediction of psychological and sociocultural adjustment during cross-cultural transitions // International Journal of Intercultural Relations. 1990. № 14. P. 449–464.

8. Ward C., Kennedy A. Where's the "Culture" in cross – culturaltransition? Comparative studies of sojourner adjustment // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1993. № 24. P. 221–249.

9. Lese K.P., Robbins S.B. Relationship between goal attribute and the academic achievement of Southeast Asian adolescent refugees // Journal of Counseling Psychology. 1994. № 41 (1). P. 45–52.

10. Brisset C., Safdar S., Lewis J.R., Sabatier C. Psychological and sociocultural adaptation of university students in France: The case of Vietnamese international students // International Journal of Intercultural Relations. 2010. № 34 (4). P. 413–426.

11. Rienties B., Beausaert S., Grohnert T., Kommers P. Understanding academic performance of international students: the role of ethnicity,academic and social integration // Higher Education. 2012. № 63. P. 685–700.

12. Берри Д., Пуртинга А. Кросс-культурная психология. Исследования и применение. Харьков : Гуманитарный Центр, 2007. 518 с.

13. Витковская М.И., Троцук И.В. Адаптация иностранных студентов к условиям жизни и учебы в России (на примере РУДН) // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2004. № 6–7. С. 267–283.

14. Zhang J., Goodson P. Predictors of international students' psychosocial adjustment to life in the United States: A systematic review // International Journal of Intercultural Relation. 2011. № 35 (2). P. 139–162.

15. Kim Y.Y. Integrative Communication Theory of Cross-Cultural Adaptation // The International Encyclopedia of Intercultural Communication. 2017. P. 1–13.

References

1. Redfield R., Linton R., Herskovits M. Memorandum for the Study of Acculturation // American Anthropologist. 1936. No. 38 (1). P. 149–152.

2. Avakova O.V. K voprosu ob adaptacii inostrannyh studentov [On the issue of adaptation of foreign students] // Pedagogika i prosveshchenie. 2021. No. 4. S. 54–61. (In Russ.).

3. Ajbazova M.Yu. Sociokul'turnaya adaptaciya inostrannyh studentov k uslo-viyam obucheniya v rossijskih vuzah [Sociocultural adaptation of foreign students to the conditions of study in Russian universities] // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. 2022. No. 1 (34). S. 117– 121. (In Russ.).

4. Litvinova E.S., Goryainova G.N. Nekotorye aspekty processa adaptacii inostrannyh obucha-yushchihsya v otechestvennyh vuzah [Some aspects of the process of adaptation of foreign students in domestic universities] // ANI: peda-gogika i psihologiya. 2021. No. 1 (34). S. 180–183. (In Russ.).

5. Zelenina L.E., Mitrofanova K.A., Abdyrahmanova A.K., Asheeva E.P. Integraciya inostrannyh studentov v obrazovatel'nuyu sredu medicinskogo universiteta: opros studentov [Integration of international students into the educational environment of a medical university: a student survey] // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2021. No. 2. S. 90–96. (In Russ.).

6. Black J.S., Stephens G.K. The influence of the spouse on American expatriate adjustment and intent to stay in Pacific Rim overseas assignments // Journal of Management. 1997. No. 15 (4). P. 529–544.

7. Searle W., Ward C. The prediction of psychological and sociocultural adjustment during cross-cultural transitions // International Journal of Intercultural Relations. 1990. No. 14. P. 449–464.

8. Ward C., Kennedy A. Where's the "Culture" in cross – culturaltransition? Comparative studies of sojourner adjustment // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1993. No. 24. P. 221–249.

9. Lese K.P., Robbins S.B. Relationship between goal attribute and the academic achievement of Southeast Asian adolescent refugees // Journal of Counseling Psychology. 1994. No. 41 (1). P. 45–52.

10. Brisset C., Safdar S., Lewis J.R., Sabatier C. Psychological and sociocultural adaptation of university students in France: The case of Vietnamese international students // International Journal of Intercultural Relations. 2010. No. 34 (4). P. 413–426.

11. Rienties B., Beausaert S., Grohnert T., Kommers P. Understanding academic performance of international students: the role of ethnicity,academic and social integration // Higher Education. 2012. No. 63. P. 685–700.

12. Berri D., Purtinga A. Kross-kul'turnaya psihologiya. Issledovaniya i primenenie [Cross-cultural Psychology: Research and Application]. Har'kov : Gumanitarnyj Centr, 2007. 518 s. (In Russ.).

13. Vitkovskaya M.I., Trocuk I.V. Adaptaciya inostrannyh studentov k usloviyam zhizni i ucheby v Rossii (na primere RUDN) [Adaptation of foreign students to living and studying conditions in Russia (using RUDN University as an example)] // Vestnik RUDN. Seriya «Sociologiya». 2004. No. 6–7. S. 267–283. (In Russ.).

14. Zhang J., Goodson P. Predictors of international students' psychosocial adjustment to life in the United States: A systematic review // International Journal of Intercultural Relation. 2011. No. 35 (2). P. 139–162.

15. Kim Y.Y. Integrative Communication Theory of Cross-Cultural Adaptation // The International Encyclopedia of Intercultural Communication. 2017. P. 1–13.

Информация об авторах

Н.А. Резанова – кандидат психологических наук, доцент;
М.А. Помченко – кандидат психологических наук, доцент;
И.В. Харина – кандидат филологических наук, доцент;
Т.В. Кожевникова – доцент.

Information about the authors

N.A. Rezanova is Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor;
M.A. Pomchenko is Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor;
I.V. Kharina is Candidate of Philological Sciences, Associate Professor;
T.V. Kozhevnikova is Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 04.04.2025; одобрена после рецензирования 11.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.
The article was submitted 04.04.2025; approved after reviewing 11.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2025. Т. XXII, Вып. 2. С. 124–131
The Humanities and Social Studies in the Far East. 2025. Vol. XXII, Is. 2. P. 124–131

Научная статья
УДК 372.881.111.1
doi:10.31079/1992-2868-2025-22-2-124-131

РЕШЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ С ПОМОЩЬЮ КОРПУСА: ИЗ ПРАКТИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ

Юлия Александровна Польшина

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, polshina.yua@dvfu.ru, https://orcid.org/0000-0001-9331-4137

Аннотация. В статье отражена рефлексия автора по поводу опыта использования лингвистических корпусов в преподавании английского языка. Автор рассматривает общие теоретические основы использования корпусной лингвистики в учебной языковой практике, классификацию способов применения корпусов (прямое/непрямое использование, подходы «обучение использованию» и «использование для обучения»). На материале практического опыта работы с платформой English-Corpora.org демонстрируются некоторые приемы формирования корпусной грамотности на начальном этапе у студентов лингвистических и филологических специальностей. Особое внимание уделено анализу типичных проблем, возникающих при формулировании лингвистических задач для корпусного исследования при прямом использовании корпусов, и способам их преодоления. Статья содержит конкретные примеры студенческих работ с корпусами COCA и BNC, а также предлагает алгоритмизированный подход к организации учебной деятельности с корпусными данными.

Ключевые слова*:* корпус, лингвистический корпус, корпусная лингвистика, преподавание английского языка, обучение иностранным языкам, COCA, BNC, корпусная грамотность, English-Corpora.org

Original article

USING CORPORA IN SOLVING LINGUISTIC PROBLEMS: FROM CLASSROOM EXPERIENCE

Yulia A. Polshina

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, polshina.yua@dvfu.ru, https://orcid.org/0000-0001-9331-4137

Abstract*.* In this article the author reflects on her experience of using linguistic corpora in teaching English. The author examines the general theoretical foundations of using corpus linguistics in educational language practices, the classification of methods of using corpora (direct/indirect use, “teaching to use” and “using for teaching” approaches). Drawing on hands-on experience with the English-Corpora.org platform, the article demonstrates techniques for fostering corpus literacy among linguistics and philology students at the introductory level. Special emphasis is placed on the analysis of common challenges that students face while designing linguistic problems for corpus search through direct use of corpora, and ways to overcome them. The article contains specific examples of students’ work with COCA and BNC corpora, and also offers an algorithmic approach to organizing educational activities with corpus data.

Keywords*:* corpus, linguistic corpus, corpus linguistics, teaching English, learning English, COCA, BNC, corpus literacy, English-Corpora.org

За последнее время корпуса прочно вошли в практику преподавания английского языка, а вопросам использования корпусов в обучении английскому языку и его изучении в частности и иностранным языкам в целом только за последние пять лет посвящено огромное количество научных публикаций, среди которых можно назвать такие фундаментальные труды, как *The Routledge Handbook of Second Language Acquisition and Corpora* [1], *Beyond Concordance Lines: Corpora in language education* [2], *Corpora in Applied Linguistics* С. Ханстон [3], *The Routledge Handbook of Corpora and English Language Teaching and Learning* [4], *Corpus Applications in Language Teaching and Research: The Case of Data-Driven Learning of German* Н. Вяткиной [5], *Collocations, Corpora and Language Learning* П. Шударски [6], *Teaching English with Corpora: A Resource Book* [7], *Corpora for Language Learning: Bridging the Research-Practice Divide* [8] и др.

В современной лингвистике под корпусом традиционно понимается «коллекция текстов, предположительно представляющих определенный язык, объединенных таким образом, чтобы их можно было использовать для лингвистического анализа. ... предполагается, что язык, хранящийся в корпусе, является естественным, что он отобран в соответствии с эксплицитно выраженными критериями проектирования, с определенной целью и с

© Польшина Ю.А., 2025

перспективой на то, что он представляет более крупные фрагменты языка, отобранные в соответствии с определенной типологией»[1] [9: с. 2].

Использование корпусов в преподавании языков можно разделить на непрямое и прямое. Непрямое использование корпусов касается современных практик составления словарей, грамматических справочников и прочих справочных материалов, рабочих программ и учебных материалов, различного рода тестов, программ переподготовки для преподавателей. Прямое использование предполагает использование корпусов преподавателями и студентами, изучающими язык, в учебной аудитории [10]. При этом различают «обучение использованию (Teaching to exploit)», в ходе которого студенты получают практические навыки работы с корпусами для самостоятельного анализа, и «использование для обучения (Exploiting to teach)», которое предполагает корпусно-ориентированный подход к преподаванию языка и других лингвистических дисциплин [10: с. 370].

Данные, которые можно получить с помощью электронных корпусов, достаточно разнообразны. Так, Дж. Флауэрдью в работе, посвященной использованию корпусов в преподавании языков, описывает следующие основные способы их применения в учебных целях:

- определение частотности;
- исследования коллокаций (повторяющихся (либо неповторяющихся) паттернов лексической сочетаемости) и коллигаций (повторяющихся (либо неповторяющихся) паттернов лексическо-грамматической сочетаемости);
- исследования семантических преференций при исследовании семантических полей;
- исследования семантической (или дискурсивной) просодии;
- исследования регистров и жанров [11: с. 330–334].

К несомненным достоинствам корпуса, которые делают его особенно ценным в преподавании и изучении языков, относятся *аутентичность*, под которой понимается реальность манифестаций/проявлений языка, представленных в корпусе, высокая степень *объективности*, *проверяемость*, новые *возможности понимания* языка, *повышение мотивации* изучающих язык [12: с. 12–16].

Тем не менее отмечается, что на практике корпуса в преподавании и изучении иностранных языков по-прежнему используются достаточно редко. Несмотря на очевидные преимущества, использование корпусов в изучении иностранных языков связано с целым рядом сложностей, на которые указывают многие исследователи [13–17]. Так, П. Ронан считает, что использование корпуса представляет методологические и практические проблемы для использования в учебной аудитории, и к этим проблемам относятся (но ими не исчерпываются) уровень владения языковыми умениями тех, кто планирует обращаться к корпусу, доступность материалов, сложность языка запросов в корпусе, разграничение материалов источников, а также недостаточная уверенность преподавателей в использовании методов корпусной лингвистики в обучении прежде всего в силу того, что большая часть из них не получила соответствующей подготовки [17: с. 19–20].

Это подтверждается и собственным преподавательским опытом автора данной статьи. Лишь немногие из моих коллег привычно обращаются к корпусам в поисках ответов на различные практические задачи лингвистического характера, а опросы студентов уровней бакалавриата и магистратуры в течение нескольких лет свидетельствуют о том, что некоторый, достаточно часто довольно ограниченный опыт обращения к корпусам имеют в среднем 10–20 % обучающихся на филологических и лингвистических программах.

В нашем контексте знакомство студентов с работой с корпусами с точки зрения того, как их можно использовать, происходит на втором курсе бакалавриата и на первом курсе магистратуры для языковых направлений подготовки (филология, лингвистика, прикладная лингвистика) в рамках курсов «Компьютерная лексикография и информационные технологии», «Компьютерная лексикография и информационные ресурсы», «Информационные ресурсы в филологической деятельности», где собственно работе с корпусами посвящено от 4 до 8 часов практических занятий, в ходе которых студенты с помощью преподавателя решают различного рода лингвистические задачи. По результатам данной части курсов студентам предлагается составить и решить собственные лингвистические задачи, представив результаты в виде развернутого, сопровождаемого иллюстрациями описания собственно

[1] Corpus can be defined as a collection of texts assumed to be representative of a given language put together so that it can be used for linguistic analysis. ... the assumption is that the language stored in a corpus is naturally-occurring, that it is gathered according to explicit design criteria, with specific purpose in mind, and with a claim to represent larger chunks of language selected according to specific typology [9: с. 2].

задачи, запроса/цепи запросов в корпусе, анализа и интерпретации результатов.

Поскольку основным изучаемым языком для наших студентов является английский, мы обращаемся к платформе English-Corpora [18]. Выбор данной платформы обусловлен несколькими факторами. Во-первых, ей можно пользоваться бесплатно – каждому зарегистрированному пользователю предоставляется право на двадцать запросов в сутки, при этом запросы сохраняются в истории в личном кабинете, и при необходимости к ним можно вернуться. Данная платформа чрезвычайно популярна: ежемесячно к ней обращаются около 74 000 уникальных пользователей (данные на апрель 2024). Создатель платформы М. Дейвис (Mark Davies) отмечает, что платформа широко используется в преподавании английского по всему миру, и «лежит в основе практически каждой книги о корпусах и изучении языков, написанной за последние 10–15 лет» [18].

На платформе представлено несколько корпусов, самым популярным из которых является *Корпус современного американского английского* COCA (=Corpus of Contemporary American English). Это один из самых крупных доступных корпусов, посвященный одному варианту английского языка (1 миллиард слов), который охватывает года с 1990 по 2019 и является пропорционально сбалансированным, т.е. представляет различные жанры (блоги, интернет, кино и телевидение, разговорная речь, художественная литература, журналы, газеты, научные статьи) приблизительно в равных долях, что позволяет на основании изысканий в нем с большей или меньшей степенью уверенности экстраполировать полученные результаты на американский вариант английского языка в целом. Кроме этого корпуса, мы используем и другие корпуса на платформе English-Corpora: *Корпус исторического американского английского* COHA (Corpus of Historical American English, американский вариант английского языка, сбалансированный, 475 миллионов слов, 1820–2019 гг.), *Британский национальный корпус* BNC (British National Corpus, британский вариант английского языка, сбалансированный, 100 миллионов слов, 1980-е – 1993 г.), *Новости Интернета* NOW (News on the Web, 20 стран, специализированный (новости в Интернете), более 21.5 миллиардов слов, обновляется ежедневно с 2010 г.).

Когда мы начинали работать с корпусами в рамках вышеупомянутых курсов, в основном мы знакомили студентов с возможностями инструментов анализа данных корпусов через демонстрацию различного рода запросов и презентацию результатов, т.е. предлагали уже готовые задачи с вариантами решения, аналогичные тем, которые, например, предлагает О.Ю. Павлова [19]. Во многом это объяснялось относительной сложностью языков запросов и необходимостью ознакомить студентов с определенным количеством используемых операторов. Однако в последний год приемы, которые мы используем для работы с корпусами, несколько видоизменилась, что вызвано рядом причин. Во-первых, информационное сопровождение корпусов на платформе значительно улучшилось: каждая вкладка с вариантами запросов (List, Chart, Word, Browse, Collocates, Compare, KWIC) (рис. 1) сопровождается подробными инструкциями, которые включают описание особенностей языка, тэгов и операторов для разных типов запросов. Кроме того, на платформе выложены и краткие инструкции по использованию корпусов как в текстовом, так и видеоформатах. Во-вторых, за несколько лет мы собрали достаточно большое количество примеров студенческих работ предыдущих лет, которые мы можем использовать для обсуждения практики работы с корпусами при изучении и преподавании английского языка. Таким образом, сегодня представляется более целесообразным обсуждать рекомендации по работе с корпусами, подкрепляя эти обсуждения анализом практического материала.

Опираясь на рекомендации Д. Кауфера, профессора университета Карнеги Мэллон, а также Э. О'Бойл из Университета Квинс в Белфасте и В. Вианы из Университета Восточной Англии, дополненные нами на основании опыта работы с запросами, выполненными студентами прошлых лет на платформе English-Corpora в рамках упомянутых выше курсов, и их анализом, мы рекомендуем студентам при работе с корпусами руководствоваться принципами, которые можно сформулировать в виде вопросов, задающих определенный алгоритм работы с корпусами:

- Какой именно вопрос вы хотите задать и какую лингвистическую задачу хотите решить?
- Какие именно данные дадут ответ на вопрос?
- Какими способами можно сформулировать запрос в корпусе?
- Как можно усовершенствовать запрос, чтобы получить более точные/надежные данные?
- Чем ограничены возможности вашего запроса?
- Соответствует ли результат тому, что вы искали? [20; 21].

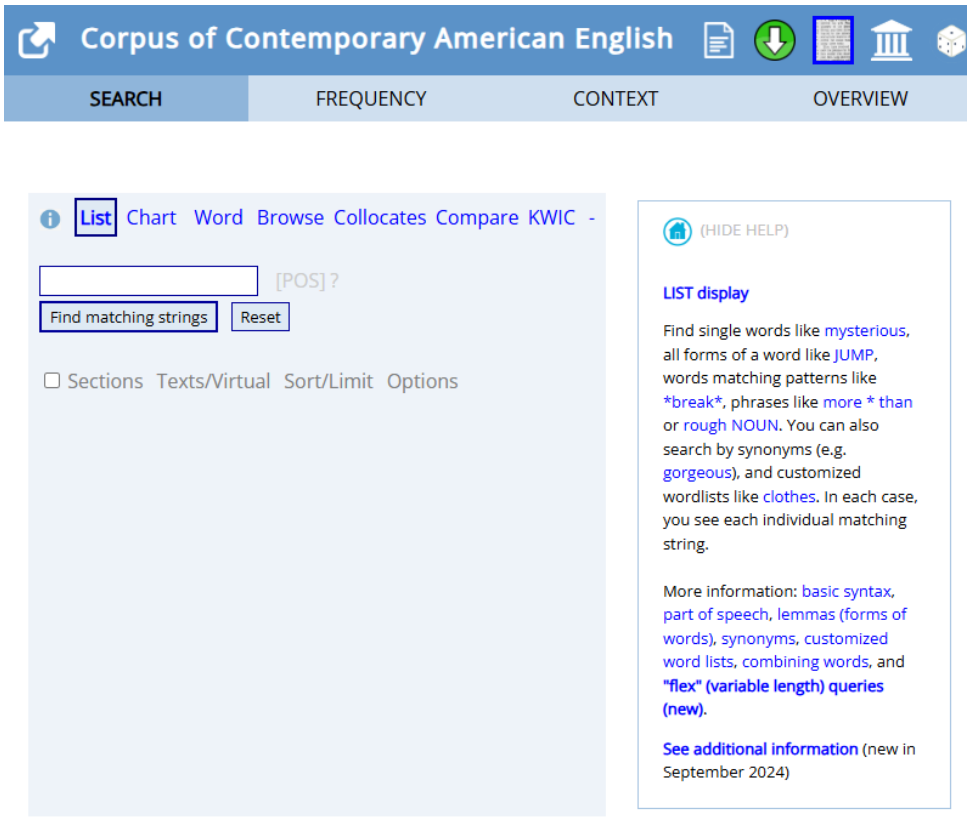

Рис. 1. Интерфейс COCA

Анализ студенческих работ прошлых лет показывает, что часто проблема возникает в самом начале, с осознания задачи для решения с помощью корпуса. Так, например, задача для COCA «При переводе художественного текста возникла сложность с определить адекватный перевод фразы ‘to feel blue’ в контексте выражения печали[1]» не имеет решения, так как данный корпус не является ни параллельным, ни сопоставимым, соответственно, он не может предложить релевантных эквивалентов для перевода, несмотря на то, что сегодня в его инструментарий встроена возможность перевода с помощью Google Translate. При этом существует огромное количество лексикографических источников и с толкованием данной идиомы, и с вариантами ее перевода на русский язык. С большой долей вероятности мы можем предположить, что для данного студента работа с корпусом осложняется недостаточным уровнем сформированности лингвистических и металингвистических компетенций. Ситуация в данном случае усугубляется еще и тем, что для решения задачи студент предлагает простой запрос ‘to feel blue’, что чрезвычайно ограничивает количество контекстов (всего 3 случая вхождения в корпус), в результате чего невозможно сделать какие-либо выводы об «образном и культурном значении фразы[2]».

Сказанное выше не означает, однако, что запрос о контекстах употребления идиомы не может дать интересные для интерпретации результаты. Так, мы можем поставить задачу найти как можно больше контекстов употребления ‘feel blue’ и выявить в них определенные закономерности. В этом случае необходимо сформулировать запрос следующим образом: ‘FEEL_vv blue’, чтобы лемматизировать ‘FEEL’ (для поиска всех форм слова), при этом ограничив поиск только формами глагола. В результате мы получим данные по абсолютной частотности (количество вхождений в корпус): ‘FEEILING BLUE’ (117), ‘FEEL BLUE’ (53), ‘FELT BLUE’ (5), ‘FEELS BLUE’ (3), которые могут представлять потенциальный интерес для дальнейшего анализа. Так, мы можем выяснить, как именно чаще всего используется ‘FEEILING BLUE’ – как часть сказуемого в продолженном времени, как причастие или как герундий, в каком времени чаще всего используется ‘FEEILING BLUE’ – как часть сказуемого в настоящем, прошедшем или будущем, с местоимениями какого лица преимущественно используется ‘FEEILING BLUE’, т.е. для чего чаще всего использу-

[1] Орфография, пунктуация и стиль авторов задач сохранены.

[2] Из формулировки решения задачи.

ется данная идиома – для описания своих чувств или для наблюдения за чувствами других, и т.д. Кроме того, выбрав для представления результатов опцию CHART, можем исследовать использование ‘feel blue’ в различных жанрах. Так, например, мы обнаружим, что использование данной идиомы достаточно неоднородно – чаще всего она используется в кино и на телевидении (54 вхождения из 178) и в популярных журналах (34 из 178), а реже всего в научных текстах (5 вхождений из 178).

Следующая задача, предложенная студентом, ставит перед собой цель определить частотность лексических единиц и распределить их по возрастанию: «Когда-то мне пришлось делать проект по сленговым выражениям. Изначально в конце работы я хотел представить мини-словарь, где расположил бы конкретные лексические единицы от наименее используемой до наиболее частотной. Тогда я не знал, как это осуществить, и отказался от этой идеи, но теперь можно решить задачу определения частоты того или иного выражения» (рис. 2). Сильными сторонами предложенной задачи и попытки ее решения являются связь с предшествующим реальным опытом интерпретации лингвистического материала, осознание возможностей корпуса по сравнению с другими инструментами, использование в запросе оператора для одновременного поиска, ограничение жанров при запросе. В результате данного запроса студент получает следующие данные: ‘OMG’ (2537 вхождений в корпус), ‘BRO’ (7575), ‘MATE’ (9789), из чего он делает вывод, что ‘MATE’ является самым частотным сленгизмом из всех трех.

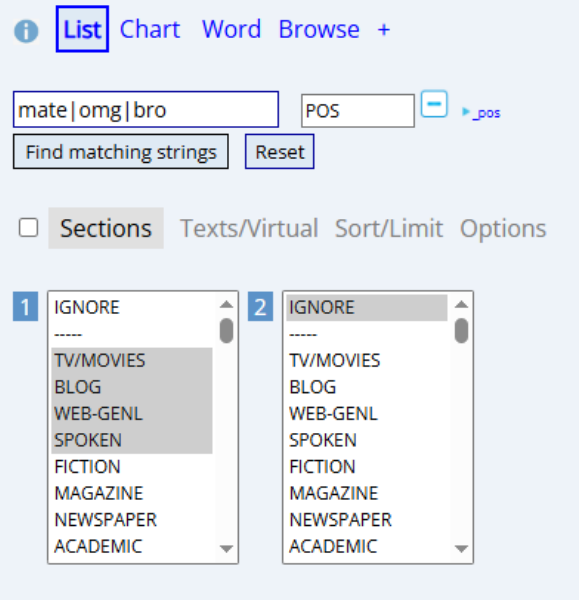

Рис. 2. Решение задачи на определение частотности

К сожалению, в данном случае студент не завершает все этапы исследования – получив статистические данные, он считает задачу решенной и не проверяет контексты употребления, которые убедительно свидетельствуют о том, что в предложенном им виде задача решения не имеет. Так, только в 4 контекстах из первых 26, представленных в конкордансе, ‘MATE’ употребляется как сленгизм в искомом значении: (*i see it now, mate*. *Mate, I don’t think this comprises a decent argument at all. That is what being a mate is all about. Congratulations mate, enjoy*). В остальных случаях ‘MATE’ употребляется в других значениях как существительное (*running mate, school mate, dorm mate, soul mate*) и как глагол.

В отличие от предыдущего случая студентка, предложившая следующую задачу, завершила все этапы работы с корпусом, что позволило ей увидеть ограничения в решении самой задачи, которая на начальном этапе была сформулирована следующим образом: «Во время общения с соседкой в общежитии услышала от нее фразу "Тебе надо его застэнить". Оказалось, что "стэнить" означает быть чьим-либо восторженным фанатом… Возник вопрос, есть ли в английском языке какая-то разница между словами ‘stan’ и ‘fan’». Сильной стороной данной задачи является связь с реальной лингвистической ситуацией, когда наблюдение за фактами речи провоцирует рефлексию по этому поводу. При этом очевидно, что формулировка задачи ограничивает возможности ее решения, что студентка осознает достаточно быстро – ‘fan’ слово многозначное, и ограничить поиск нужными для решения задачи контекстами достаточно сложно, а поиск ‘stan’ осложняется тем, что в результаты попадают контексты с именем собственным, даже при заданном ограничении по поиску существительного нарицательного. Она ищет другие пути, но ей так и не удается переформулировать задачу и найти для нее решение. Тем не менее, если мы проверим значения ‘stan’ и ‘fan’ в толковом словаре, разница будет очевидна – ‘stan’ не любой фанат или поклонник, а ‘overzealous or obsessive’ [22]. Таким образом, вопрос о разнице между ‘stan’ и ‘fan’ оказывается решенным лексикографическими инструментами, а далее мы можем использовать корпус для того, чтобы исследовать, в каких именно контекстах встречается ‘stan’ и что именно эти контексты говорят нам о его употреблении. Чтобы избежать включения имен собственных в результаты поиска, можно попробовать создать разные запросы: ‘a stan’, ‘his stan’, ‘her stan’, ‘his stans’ и т.д. В этом случае мы, например, обнаружим, что для запроса ‘a stan’ (всего 32 контекста, среди которых

все же присутствуют примеры с именами собственными) повторяются контексты ‘*I am not a stan*’ (как оправдание) и ‘*you are a stan*’ (как обвинение), что свидетельствует о наличии у данной лексической единицы негативной коннотации.

Последняя задача, которую хотелось бы прокомментировать, звучит следующим образом: «На самостоятельной работе по английскому языку в 7-м классе ученикам предлагается перевести предложение, в котором присутствует сочетание "шерстяная шляпа". Учебник указывает, что оба варианта написания прилагательных – ‘woolen’ и ‘woollen’ – являются верными, но не дает никаких поясняющих комментариев о правилах их использования. Мне бы хотелось подтвердить гипотезу, что один из вариантов чаще используется в британском варианте английского языка, а другой – в американском». Несомненным достоинством данной задачи является связь с реальной профессиональной ситуацией, в которой оправдано использование корпуса. Создав серию последовательных запросов в двух различных корпусах, COCA (для американского варианта английского языка) и BNC (для британского варианта английского языка), студентка убедительно подтверждает свою гипотезу: для американского варианта написание ‘woolen’ (488 вхождений в корпус) является более распространенным, чем ‘woollen’ (112 вхождений), а для британского – наоборот, фиксируется 919 вхождений для ‘woollen’, и только 3 для ‘woolen’. В результате студентка настоятельно рекомендует ученикам использовать вариант ‘woollen’ в силу того, что учебник ориентирован на британский вариант английского языка.

Однако мы можем последовать рекомендациям по использованию корпусов и изменить наш задачу, чтобы уточнить полученные данные. Предположим, мы предпримем попытку установить, каким будет самый частотный в обоих вариантах английского языка эквивалент для словосочетания «шерстяная шляпа». Мы создаем запрос ‘wool* HAT’, где * используется вместо части слова, которая следует за корнем ‘wool’, а ‘HAT’ лемматизировано, чтобы в результаты поиска попали обе формы существительного, и в единственном, и во множественном числе. Оказывается, что для описания шляпы в британском варианте английского языка самым частотным вариантом является прилагательное ‘woolly’ (общее количество вхождений для единственного и множественного числа – 38), а для американского – ‘wool’ (93), что не совпадает с вариантами, предложенными в учебнике.

Обобщая опыт анализа предложенных студентами лингвистических задач, а также руководствуясь рекомендациями специалистов в области корпусной лингвистики, можно представить алгоритм формулирования и решения лингвистической задачи в виде чек-листа, который поэтапно описывает процесс работы с корпусом (рис. 3).

Чек-лист решения лингвистической задачи
(Ответ "Нет" возвращает на один или несколько шагов назад!)

1. **Я четко понимаю, на какой вопрос хочу найти ответ.**
   Да > Переходите к следующему шагу.
   Нет > Уточните вопрос и повторите шаг 1.
2. **Я четко понимаю, какая лингвистическая задача соответствует моему вопросу.**
   Да > Переходите к следующему шагу.
   Нет > Вернитесь назад.
3. **Я четко понимаю, какие именно данные помогут мне ответить на мой вопрос**.
   Да > Переходите к следующему шагу.
   Нет > Вернитесь назад.
4. **Я понимаю, какими способами можно сформулировать запрос в корпусе**.
   Да Переходите к следующему шагу.
   Нет > Вернитесь назад.
5. **Результаты поиска полностью соответствуют тому, что я искал(а).**
   Да > Исследование завершено.
   Нет > Вернитесь назад.
   Частично > Вернитесь назад.
6. **Я осознаю ограничения своего запроса (объем данных, возможные искажения и т.д.).**
   Да > Переходите к следующему шагу.
   Нет > Вернитесь к шагу 4 и проанализируйте слабые места метода.
7. **Я могу улучшить запрос, чтобы получить более точные или надежные данные.**
   Да > Переходите к следующему шагу.
   Нет > Вернитесь назад.
8. **Я осознаю ограничения своего запроса (объем данных, возможные искажения и т.д.).**
   Да > Переходите к следующему шагу.
   Нет > Вернитесь назад.
9. **Результаты поиска полностью соответствуют тому, что я искал(а).**
   Да > Исследование завершено успешно!
   Нет > Вернитесь назад.
   Частично > Вернитесь назад.

Рис. 3. Образец чек-листа решения лингвистической задачи

Для более широкого и успешного внедрения корпусов в практику преподавания и изучения языков необходимо, на наш взгляд, сочетать оба подхода – и обучение использованию, и использование для обучения. Мы предполагаем, что анализ со студентами задач, предложенных их предшествен-

никами в предыдущие годы, повысит их мотивацию и позволит, с одной стороны, улучшить их лингвистические и металингвистические навыки, в том числе навыки работы с корпусами, а с другой – повысит интерес к работе с аутентичными лингвистическими данными.

В завершение, вслед за У. Рёмер-Баррон, нам хотелось бы подчеркнуть важность «миссионерской» работы по распространению информации о корпусах и их возможностях среди практикующих преподавателей [23; 24], а через них и среди тех, кто изучает иностранные языки.

Список источников

1. The Routledge Handbook of Second Language Acquisition and Corpora / Ed. by Nicole Tracy-Ventura, Magali Paquot. Abingdon : Routledge, 2020. 452 p.

2. Beyond Concordance Lines: Corpora in language education (Beyond Concordance Lines: Corpora in language education / Ed. by Pascual Pérez-Paredes, Geraldine Mark. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2021. 255 p.

3. Hunston S. Corpora in Applied Linguistics. 2nd ed., rev. Cambridge : Cambridge University Press, 2022. 300 p.

4. The Routledge Handbook of Corpora and English Language Teaching and Learning / Ed. by Reka R. Jablonkai, Eniko Csomay. Abingdon : Routledge, 2022. 558 p.

5. Vyatkina N. Corpus Applications in Language Teaching and Research: The Case of Data-Driven Learning of German. Abingdon : Routledge, 2023. 210 p.

6. Szudarski P. Collocations, Corpora and Language Learning. Cambridge : Cambridge University Press, 2023. 89 p.

7. Teaching English with Corpora: A Resource Book / Ed. by Vander Viana. Abingdon : Routledge, 2023. 368 p.

8. Corpora for Language Learning: Bridging the Research-Practice Divide / Ed. by Peter Crosthwaite. Abingdon : Routledge, 2024. 267 p.

9. Tognini-Bonelli E. Corpus Linguistics at Work. Amsterdam : John Benjamins Publishing, 2001. 223 p.

10. McEnery T., Xiao R. What corpora can offer in language teaching and learning // Handbook of Research in Second Language Teaching and Learning / Ed. by E. Hinkel. Vol. 2. London : Routledge, 2011. P. 364–380.

11. Flowerdew J. Corpora in language teaching // The handbook of language teaching / Ed. by M. H. Long, C. J. Doughty. Malden : Wiley-Blackwell, 2009. P. 327–350.

12. Grigaliūnienė, J. Corpora in the classroom. Vilnius : Vilnius University, 2013. 81 p.

13. Bennett G.R. Using Corpora in the Language Learning Classroom: Corpus Linguistics for Teachers. Ann Arbor : University of Michigan Press, 2010. 134 p.

14. Callies M. Integrating Corpus Literacy into Language Teacher Education: The Case of Learner Corpora // Learner Corpora and Language Teaching / Ed. by Sandra Götz, Joybrato Mukherjee. Amsterdam : Benjamins, 2019. P. 245–263.

15. Mukherjee J. Bridging the Gap between Applied Corpus Linguistics and the Reality of English Language Teaching in Germany // Applied Corpus Linguistics: A Multidimensional Perspective / Ed. by Ulla Connor, Thomas A. Upton. Amsterdam : Rodopi, 2004. Vol. 52. P. 239–250.

16. Poole R. “Corpus can be tricky”: revisiting teacher attitudes towards corpus-aided language learning and teaching // Computer Assisted Language Learning. 2020. Vol. 35, No. 7. P. 1620–1641.

17. Ronan P. Learning to Teach English as a Foreign Language with Corpus Linguistic Approaches: A Survey of Teacher Training Students' Attitudes. // Demystifying Corpus Linguistics for English Language Teaching / Ed. by Kieran Harrington, Patricia Ronan. Cham : Springer Nature, 2023. 301 p.

18. English-Corpora. URL: https://www.english-corpora.org/ (accessed: 30.03.2025).

19. Павлова О.Ю. Использование языковых корпусов в обучении иностранному языку // Язык и культура. 2021. No. 54. С. 283–298.

20. Kaufer D. COCA 01: Introduction to Using the Corpus of Contemporary American English. URL: https://www.youtube.com/watch?v=sCLgRTlxG0Y (accessed: 30.03.2025).

21. O’Boyle A., Viana V. Making best use of corpora for English Language Teaching. URL: https://www.teachingenglish.org.uk/professional-development/teacher-educators/knowing-subject/articles/making-best-use-corpora-english (accessed: 30.03.2025).

22. Oxford Languages. URL: https://languages.ouP. com/google-dictionary-en/ (accessed: 30.03.2025).

23. Römer U. Pedagogical applications of corpora: Some reflections on the current scope and a wish list for future developments // Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik. 2006. Vol. 54, no. 2. P. 2–34.

24. Römer-Barron U. Corpus research and practice: What help do teachers need and what can we offer? // Corpora and Language Teaching / Ed. by Karin Aijmer. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2009. P. 83–98.

References

1. The Routledge Handbook of Second Language Acquisition and Corpora / Ed. by Nicole Tracy-Ventura, Magali Paquot. Abingdon : Routledge, 2020. 452 p.

2. Beyond Concordance Lines: Corpora in language education (Beyond Concordance Lines: Corpora in language education / Ed. by Pascual Pérez-Paredes, Geraldine Mark. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2021. 255 p.

3. Hunston S. Corpora in Applied Linguistics. 2nd ed., rev. Cambridge : Cambridge University Press, 2022. 300 p.

4. The Routledge Handbook of Corpora and English Language Teaching and Learning / Ed. by Reka R. Jablonkai, Eniko Csomay. Abingdon : Routledge, 2022. 558 p.

5. Vyatkina N. Corpus Applications in Language Teaching and Research: The Case of Data-Driven Learning of German. Abingdon : Routledge, 2023. 210 p.

6. Szudarski P. Collocations, Corpora and Language Learning. Cambridge : Cambridge University Press, 2023. 89 p.

7. Teaching English with Corpora: A Resource Book / Ed. by Vander Viana. Abingdon : Routledge, 2023. 368 p.

8. Corpora for Language Learning: Bridging the Research-Practice Divide / Ed. by Peter Crosthwaite. Abingdon : Routledge, 2024. 267 p.

9. Tognini-Bonelli E. Corpus Linguistics at Work. Amsterdam : John Benjamins Publishing, 2001. 223 p.

10. McEnery T., Xiao R. What corpora can offer in language teaching and learning // Handbook of Research in Second Language Teaching and Learning / Ed. by E. Hinkel. Vol. 2. London : Routledge, 2011. P. 364–380.

11. Flowerdew J. Corpora in language teaching // The handbook of language teaching / Ed. by M. H. Long, C. J. Doughty. Malden : Wiley-Blackwell, 2009. P. 327–350.

12. Grigaliūnienė, J. Corpora in the classroom. Vilnius : Vilnius University, 2013. 81 p.

13. Bennett G.R. Using Corpora in the Language Learning Classroom: Corpus Linguistics for Teachers. Ann Arbor : University of Michigan Press, 2010. 134 p.

14. Callies M. Integrating Corpus Literacy into Language Teacher Education: The Case of Learner Corpora // Learner Corpora and Language Teaching / Ed. by Sandra Götz, Joybrato Mukherjee. Amsterdam : Benjamins, 2019. P. 245–263.

15. Mukherjee J. Bridging the Gap between Applied Corpus Linguistics and the Reality of English Language Teaching in Germany // Applied Corpus Linguistics: A Multidimensional Perspective / Ed. by Ulla Connor, Thomas A. Upton. Amsterdam : Rodopi, 2004. Vol. 52. P. 239–250.

16. Poole R. “Corpus can be tricky”: revisiting teacher attitudes towards corpus-aided language learning and teaching // Computer Assisted Language Learning. 2020. Vol. 35, No. 7. P. 1620–1641.

17. Ronan P. Learning to Teach English as a Foreign Language with Corpus Linguistic Approaches: A Survey of Teacher Training Students' Attitudes. // Demystifying Corpus Linguistics for English Language Teaching / Ed. by Kieran Harrington, Patricia Ronan. Cham : Springer Nature, 2023. 301 p.

18. English-Corpora. URL: https://www.english-corpora.org/ (accessed: 30.03.2025).

19. Pavlova O.Yu. Ispol'zovanie yazykovykh korpusov v obuchenii inostrannomu yazyku [Using Language Corpora in Foreign Language Teaching] // Yazyk i kul'tura. 2021. No. 54. P. 283–298. (In Russ.).

20. Kaufer D. COCA 01: Introduction to Using the Corpus of Contemporary American English. URL: https://www.youtube.com/watch?v=sCLgRTlxG0Y (accessed: 30.03.2025).

21. O’Boyle A., Viana V. Making best use of corpora for English Language Teaching. URL: https://www.teachingenglish.org.uk/professional-development/teacher-educators/knowing-subject/articles/making-best-use-corpora-english (accessed: 30.03.2025).

22. Oxford Languages. URL: https://languages.ouP. com/google-dictionary-en/ (accessed: 30.03.2025).

23. Römer U. Pedagogical applications of corpora: Some reflections on the current scope and a wish list for future developments // Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik. 2006. Vol. 54, No. 2. P. 2–34.

24. Römer-Barron U. Corpus research and practice: What help do teachers need and what can we offer? // Corpora and Language Teaching / Ed. by Karin Aijmer. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2009. P. 83–98.

Информация об авторе

Ю.А. Польшина – кандидат филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ВИШРМИ.

Information about the author

Yulia A. Polshina is Candidate of Philology, Professor of Department of Linguistics and Intercultural Communication, School of Regional and International Studies.

Статья поступила в редакцию 25.03.2025; одобрена после рецензирования 11.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.
The article was submitted 25.03.2025; approved after reviewing 11.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2025. Т. XXII, Вып. 2. С. 132–140
The Humanities and Social Studies in the Far East. 2025. Vol. XXII, Is. 2. P. 132–140

Научная статья
УДК 811
doi:10.31079/1992-2868-2025-22-2-132-140

ОПОСРЕДОВАННЫЙ ПЕРЕВОД КАК ИНСТРУМЕНТ МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНОГО ОБМЕНА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

Татьяна Алексеевна Иванкова

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, ivankova.ta@dvfu.ru, https://orcid.org/0000-0002-4634-4111

Аннотация. Статья посвящена опосредованному переводу в дискурсе фестиваля и отвечает на вопросы, какие навыки переводчика позволяют распознать в кино- и драматическом тексте заложенные авторами особенности языка и культуры, важные для понимания художественного замысла, и как максимально точно передать их инокультурному реципиенту. На Дальнем Востоке России активные контакты со странами Азии и не только осуществляются как на русском и азиатских языках, так и на английском в функции lingua franca, обладающем выраженными лингвокультурными особенностями, и опосредованный перевод как новая реальность переводческой практики требует осмысления, анализа и выработки рекомендаций лингвистам, которым предстоит работать в сфере международного культурного обмена. Фестивали кино- и театрального искусства во Владивостоке становятся не только важными культурно-экономическими событиями, но и богатым источником материала для исследований контакта языков и культур, в том числе в процессе опосредованного перевода. На материале корпуса текстов фестивального дискурса, прежде всего кинозаголовков и диалоговых листов, статья описывает способы передачи культурно-специфичных единиц с азиатских языков на русский посредством английского, ведущие к сохранению или утрате их прагматического потенциала, и приходит к выводу, что только в руках подготовленного переводчика, чуткого к этнокультурным особенностям текста, созданного на lingua franca, опосредованный перевод может служить эффективным инструментом культурного обмена.

Ключевые слова: опосредованный перевод, lingua franca, дискурс фестиваля, культурный обмен, реалия

Original article

INTERMEDIARY TRANSLATION AS AN INSTRUMENT OF INTERNATIONAL CULTURAL EXCHANGE IN THE FAR EAST OF RUSSIA

Tatiana A. Ivankova

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, ivankova.ta@dvfu.ru, https://orcid.org/0000-0002-4634-4111

Abstract. The article is devoted to intermediary translation in the festival discourse. It describes the skills that allow the translator to recognize linguistic-cultural peculiarities in a film or a play influenced by the author's language and culture and important for understanding the artistic concept. It also answers the question of how to convey them as accurately as possible to a recipient belonging to a different culture. In the Russian Far East active contacts with countries from Asia and beyond are carried out in Russian and Asian languages, as well as in English as a lingua franca, which has pronounced linguistic-cultural features of its users. Intermediary translation involved in these contacts, this new reality of translation practice, should be comprehended and analyzed, so that recommendations for linguists who are to work in the sphere of international cultural exchange could be determined. Film and theater festivals in Vladivostok have become not only important cultural and economic events, but also a rich source of material for research into language and culture contact, including intermediary translation. Using the corpus of texts of the festival discourse, primarily film titles and dialog sheets, the article describes the methods of transferring culturally specific units from Asian languages into Russian through English, leading to the preservation or loss of their pragmatic potential. It concludes that only in the hands of a trained translator sensitive to the ethno-cultural features of the text created in lingua franca, intermediary translation can serve as an effective instrument of cultural exchange.

Keywords: intermediary translation, lingua franca, festival discourse, cultural exchange, culture-loaded words

Обмен культурными проектами создает и укрепляет связи между странами, обогащает идеями и ценностями, вдохновляет на осмысление традиционных и создание новых форм творчества. Культурная жизнь Дальнего Востока насыщена подобными проектами, а в столице региона, Владивостоке, в бархатный сезон фестивали музыки, кино и театра с участием коллективов, представляющих страны Азии, Северной и Южной Америки, Европы и Африки, проходят практически еженедельно.

К таким событиям культурной жизни относится международный кинофестиваль (МКФ) стран Азиатско-Тихоокеанского региона «Меридианы Тихого» (Pacific Meridian), который Владивосток прини-

© Иванкова Т.А., 2025

мает с 2003 г. В фокусе фестиваля – кино разных стран региона – от Китая, Японии, Республики Кореи, Вьетнама, Таиланда до Мексики, Чили, Перу и Колумбии. В разных программах «Меридианов» широко представлено и отечественное кино, и кино Европы, Ближнего Востока, Азии и Африки. Так, в 2020 г. на кинофестивале во Владивостоке демонстрировались фильмы из 112 стран мира, что для фестиваля является рекордом, а их общее число, по данным сайта МКФ, составило свыше 2500 лент [1].

С 2021 г. в столице Дальнего Востока проводится Международный Тихоокеанский театральный фестиваль, который является «значительной частью и центральным событием государственной Программы развития театрального искусства на Дальнем Востоке, инициированной Государственным театром наций во главе с художественным руководителем, народным артистом России Евгением Мироновым» [2]. По плану Министерства культуры Российской Федерации фестиваль должен проходить раз в два года, но уже состоялось три таких театральных события – в 2021, 2023 и 2024 гг., а следующее пройдет в 2026 г. На трех театральных фестивалях показаны 29 постановок коллективами из 15 стран.

Как отмечалось нами ранее, кинофестиваль как культурное событие является объектом изучения культурологии, истории и экономики, а для лингвистов и экспертов по межкультурной коммуникации он представляет интерес как место (и ситуация) контакта языков и культур [3; 4]. Экстраполируя подход к кинофестивалю на театральный фестиваль как объект анализа, считаем целесообразным выделить общий ***дискурс фестиваля***, который представляет собой совокупность устных и письменных текстов, состоящих из вербальных и невербальных компонентов и процессов их порождения, объединенных коммуникативной ситуацией фестиваля.

Международные кинофестивали позволяют начать реальный диалог культур, создать и поддерживать определенный нарратив страны, инициировать процесс «перевода» (“translating”) культуры и её «раскрытия» (“unfolding”) – т.е. отказ от приобретенных ранее клише и стереотипов и формирование более сложного, многогранного и многоуровневого представления о культуре [5]. В частности, по мнению историка-искусствоведа Д. Иордановой, благодаря кино из Поднебесной за пределами Китая становятся известны названия других городов помимо Пекина и Шанхая, а создаваемые на экране портреты настоящих людей из «настоящего Китая» вытесняют стереотипные представления о китайцах. Так, в сознании иностранного зрителя формируется и укрепляется понимание, что Китай сложнее и разнообразнее, чем могло казаться ранее [5].

Такую же роль, на наш взгляд, выполняют международные театральные фестивали, выступая площадками культурного обмена. Безусловно, это наблюдение справедливо не только в отношении Китая, но и других стран, представляющих свои киноленты и театральные постановки на экранах и сценах Владивостока – до фестиваля, как правило, образ их городов и жителей в представлении российского дальневосточного зрителя довольно расплывчатый, как, например, в случае ЮАР, либо не свободен от стереотипов, как в случае Бразилии. Регулярный контакт с культурами стран АТР и других регионов мира через произведения кино- и театрального искусства позволяет зрителям Дальнего Востока России если не глубоко и тонко понять их особенности, то по крайней мере задуматься о существовании различий и необходимости учитывать их при взаимодействии.

На интерпретацию и извлечение смысла зрителем/читателем, равно как и на переводческое сопровождение данного культурного события, влияют такие значимые для дискурса фестиваля экстралингвистические факторы, как фоновые знания об историческом периоде создания фильма, пьесы и/или постановки, о культурах, характеризующих место действия произведения и его персонажей или определивших творческую биографию режиссёра, актёра, оператора, которым посвящены статьи в тематических рубриках каталога/сайта.

Во многих ситуациях языком общения организаторов, участников, членов жюри, журналистов и зрителей становится английский, выполняющий роль посредника между разноязычными коммуникантами. При обсуждении с авторами и исполнителями кинофильма, музыкального произведения, театральной постановки в рамках пресс-конференций, интервью, встреч со зрителями, мастер-классов, лекций и других событий фестиваля английский язык выступает транслятором культуры, средством этнического и художественного самовыражения режиссеров, артистов, всех участников. Перевод таких мероприятий программы – опосредованный, так как английский язык становится промежуточным звеном между языками контактирующих культур. Перевод драматического или кинотекста также часто является опосредованным, поскольку продюсеры во многих случаях присылают в оргкомитет фестиваля диалоговые листы фильма, сценарий постановки и субтитры не на исходном (португальском, китайском, испанском и др.), а на английском языке.

Вслед за З.Г. Прошиной ***опосредованным переводом*** мы считаем «перевод с языка lingua franca, обслуживающего две иноязычные ему культуры» [6: с. 242; 7: с. 10], когда английский язык становится промежуточным звеном между языками контактирующих групп и/или их отдельных представителей.

Распространенность перевода с lingua franca отражает изменения в практике устного перевода – новую реальность, в которой чаще всего переводят с АЯ и на АЯ не носителей и не для носителей английского языка как родного, а тех и для того, кто использует АЯ как неродной [8]. При письменном переводе теперь необходимо принимать во внимание, что исходный текст может не соответствовать нормам английского языка стран Внутреннего круга на схеме Б. Качру, где АЯ является родным [9]. Он осложняется и тем, что в ряде случаев трудно определить культуру/культуры автора/авторов исходного текста, поскольку он может быть создан несколькими людьми с разными языками и культурами, разным уровнем владения английским языком, в разной степени испытывающими влияние родных языков и культур [10]. Следовательно, при переводе с lingua franca необходимо учитывать факторы непрогнозируемой лингвокультурной интерференции, возможные прагмалингвистические переносы и нестандартное использование языковых средств [10].

Важно отметить, что отклонения от норм английского языка как родного в речи использующих АЯ в качестве lingua franca не следует однозначно воспринимать как пробелы в изучении языка, но оценивать как потенциальное проявление «мультикомпетенций», т.е. мультиязычности и мультикультурности [11].

Учет и адекватная передача особенностей lingua franca на язык перевода возможны только в случае, если переводчик осведомлен о них и обладает навыками *опосредованного перевода*, освоение которых становится его конкурентным преимуществом.

Специфика опосредованного перевода дискурса фестиваля связана, во-первых, с двумя этапами процесса, осуществляемыми разными людьми без согласования друг с другом: перевода с языка оригинала на английский и затем с английского языка на русский, а во-вторых, с культурно-языковыми особенностями исходного текста: наличием безэквивалентной лексики, культурно-специфичных аллюзий, игры слов и других языковых средств экспрессивности и выражения этнической культуры и авторского замысла. Для полноценного осуществления функции культурного обмена опосредованный перевод с английского языка на русский должен максимально передавать прагматический потенциал исходного текста, что и является приоритетом для переводчика международных культурных событий.

Основой настоящего обзора трудностей опосредованного перевода дискурса фестиваля стал накопленный на кино- и театральных фестивалях переводческий опыт в сочетании с научным интересом к проблемам лингвоконтактологии (вдохновленный З.Г. Прошиной).

Дискурс фестиваля требует переводческой медиации в целом ряде жанров устного и письменного модусов – от интервью и пресс-конференций, церемоний открытия/закрытия, лекций и мастер-классов до пресс-релизов, каталогов, брошюр для зрителей, плакатов и баннеров [4: с. 34], однако в рамках данной статьи мы обращаемся исключительно к корпусу кино- и драматических текстов (2012–2024), т.е. анализируем письменный опосредованный перевод диалоговых листов и сценариев с английского языка на русский или, точнее, с исходных языков на русский посредством английского.

Вопрос передачи безэквивалентной лексики подробно и полно освещен в лингвистических трудах XX в., ставших классикой переводоведения [12–18], однако данная исследовательская проблема не исчерпала себя и в XXI в., поскольку новые форматы коммуникации требуют обновления существующих подходов и методов.

З.Г. Прошина отмечает, что авторы-билингвы, создающие тексты на английском языке, могут включать в них реалии родной культуры, незнакомые носителям английского языка как международного [19: с. 179]. Причина очевидна и связана с содержанием и основной функцией реалий – «называть объекты, характерные для жизни одного народа и чуждые другому» [13: с. 47], что придает тексту национально-культурную специфику и погружает реципиента в иной быт и иное мышление, позволяя лучше раскрыть художественный замысел автора. Однако и при переводе на английский язык исходного текста, созданного на азиатском или ином языке, реалии первой культуры (к которой принадлежит автор или которая служит фоном или источником событий произведения) сохраняются в изначальном или измененном виде, требуя внимания при опосредованном переводе на русский язык. Подготовленный переводчик с обширными знаниями способен даже восстановить реалии и другие культурно-специфичные единицы, утраченные на первом этапе перевода.

Материалом настоящего исследования служат тексты, не созданные изначально на английском

языке, а переведенные на английский с языков Азии, однако и они демонстрируют желание авторов кинокартины или спектакля (творческих и производственных групп и дистрибьюторов, подготовивших или согласовавших перевод на английский) донести до международного зрителя значимые смыслы своих культур путем сохранения реалий как в диалогах, так и в заголовках.

Выполняя совместно с Ю.А. Польшиной анализ перевода китайских фильмонимов из каталогов МКФ «Меридианы Тихого» за 2003–2022 гг. [20], мы обнаружили, что при общей тенденции к редукции или нейтрализации культурно нагруженных единиц в кинозаголовках для снижения риска непонимания и отторжения зрительской аудиторией в ряде случаев реалии бережно переносятся как в английский, так и в русский языки.

Реже в заголовках сохраняются заимствования, переданные на английский язык с помощью транскрипции/транслитерации, поскольку их уровень «чужеродности» выше за счет непривычного графического облика, и дистрибьюторы картины боятся оттолкнуть зрителя, который не готов к чему-то настолько новому. Иллюстрацией данного подхода служит передача фильмонимов *Yonganzhen Gushi Ji* (2021, букв. с кит. «Сборник историй города Юнган») на английский и далее русский языки с редукцией топонима – *Ripples Of Life* /«Круги на воде жизни» и *Na Ye Lingchen, Wo Zuoshang Liao Wangjiao Kaiwang Dabu De Hong Van* (2012, букв. с кит. «Ранним утром я сел в красный автобус, следовавший из Монг-Кока в Тай-По», где Монгкок и Тай-по (тж. Тайпоу) – это районы Гонконга), с потерей топонима только на первом этапе – *The Midnight After*. Во втором случае утраченная реалия восстановлена переводчиками МКФ – «Затерявшиеся в Тайпоу».

Тем не менее кинозаглавия с заимствованиями-транскрипциями присутствуют в каталогах МКФ, в частности: «Самурай Татара» (*Tatara Samurai*, Япония, 2017), «Мистер Чжан верит» (Mr. Zhang believes, КНР, 2015), «Цунма, Цунма: лето с монахинями в Гималаях» (*Tsunma, tsunma: my summer with the female monastics of the Himalaya*, Тайвань, 2017) и некоторые другие.

Примером тенденции к передаче реалии, а не отказу от нее выступает и калькирование предметного заглавия «Масляная лампа» (2013, *Butter Lamp/Suyou Deng*) как на английский, так и на русский языки. По признанию режиссера фильма Ху Вэя, ему было важно сохранить упоминание элемента тибетской культуры, находящейся под угрозой исчезновения из-за глобализации и модернизации [21], и переводчики МКФ не исказили режиссерский замысел.

На наш взгляд, так переводческие усилия способствуют реализации просветительской функции дискурса кинофестиваля, приоткрывая зрителям «новый мир» уже с момента знакомства с картиной через ее название. Цитируя Ю.М. Лотмана и Ю.Г. Цивьяна, искусство помогает «видеть привычные вещи в непривычном свете», а «незнание языка, быта, стереотипов мышления чужой культуры часто способствует этой работе искусства, превращает просмотр фильма в открытие нового мира» [22].

Ответственность переводчика при передаче заголовка связана с сохранением не только его семантического содержания, но и как можно более полного спектра функций – сигнальной, номинативной, коммуникативной, прагматической, эстетической и др. (подробнее см. в [20]). Иными словами, свобода переводчика при выборе соответствия ограничена необходимостью учитывать эмоциональный, эстетический, аттрактивно-рекламный потенциал фильмонима, степень его прецендентности/узнаваемости, наличие/отсутствие дублирующих названий (вышедших ранее фильмов) и другими экстралингвистическими факторами. Однако и при переводе диалоговых листов переводчик работает в определенных рамках, принимая в расчет не только семантику и прагматику текста, но и размер строки при титровании. Требование компрессии текста на экране ограничивает возможности прагматической адаптации оригинала для инокультурного зрителя, но не исключает их.

Прагматическая адаптация, т.е. изменения, способствующие восполнению недостающей информации для понимания получателем интенции автора [18: с. 118–119], может присутствовать уже на первом этапе перевода с lingua franca – в диалоговых листах на английском языке, как в сцене из фильма «Цзя Чжанкэ, парень из Феньяна» (Бразилия (китайский язык), 2014), где китайская реалия *kang* сопровождается английским соответствием *bed*:

Here was the *“kang”, the bed* where our family slept. – Здесь стояла *«канн», кровать*, на которой спала вся семья.

На втором этапе переводчику на русский язык остается лишь сохранить уже произведенную при переводе с китайского языка трансформацию (добавление).

В других случаях именно переводчику с английского языка необходимо приложить усилия по идентификации реалии в тексте, поиску лингвокультурной информации для ее точного понимания, а также подбору средств передачи, позволяющих удовлетворить требованиям дополнения текста для облегчения восприятия зрителем незна-

комого мира на экране и одновременно компрессии текста для облегчения восприятия титров.

Как и при переводе кинозаголовков, для передачи реалий в диалогах переводчики кинофестиваля использовали противоположные по эффекту способы передачи – нейтрализацию через замену аналогом и сохранение с помощью транслитерации с добавлением.

В частности, в документальном фильме «Ещё один год» (Китай, 2016) бытовые реалии чрезвычайно важны – весь фильм состоит из 14 медленных, долгих ужинов семьи, собирающейся за одним столом и обсуждающей радости и заботы в «заполненном хламом тесном пространстве повседневности» [23: с. 65]. Эпизод за эпизодом зритель проникается жизнью героев, ограниченной по замыслу режиссера рамками квартиры. На экране нет внешнего мира, только пространство внутри стен, поэтому все предметы, с которыми взаимодействуют члены семьи, привлекают повышенное внимание.

Уже в первой сцене картины, когда мать успокаивает капризничающего сына, она кормит его *congee* – блюдом из разваренного риса, напоминающего по консистенции пудинг, густой суп или жидкую кашу. Примечательно, что при этом в английский текст включено не исходное китайское наименование – *zhou*, а его более распространенный аналог *congee* (предположительно, заимствованный из тамильского):

– Kangyi, are you a good boy or not?	– Кан-и, ты хороший мальчик или нет?
– I want dad.	– Я хочу папу.
– Dad is coming soon.	– Папа скоро придет.
– I want dad...	– Я хочу папу…
– Ok, come here...	– Так, иди сюда…
Let's eat *congee*.	Давай *кашку* поедим.

Р.М. Ситдикова отмечает, что «при опосредованном переводе реалий … языковая интерференция промежуточного языка часто приводит к искажению облика первоначальной реалии и вызывает необходимость своевременного выявления такого несоответствия» [24: с. 192], и даже если искажение было допущено не в результате ошибки, а как намеренное преобразование для предотвращения проблем с восприятием инокультурным реципиентом, при переводе в контексте культурного события такую потерю необходимо восполнить на втором этапе опосредованного перевода. В русских же субтитрах название блюда передано аналогом «кашка», с помощью которого достигается адаптация к коммуникативной ситуации (обращения матери к ребенку) через добавление уменьшительно-ласкательного суффикса, но при этом окончательно утрачивается специфика китайской реалии. Учитывая опору на видеоряд, зритель не испытал бы большого затруднения в понимании происходящего и без замены китайского слова на русский аналог, поэтому считаем, что верным выбором стала бы транслитерация *чжоу*.

Именно транслитерация с пояснением была выбрана при подготовке титров к фильму *Pebbles*/ «Камешки» (Индия, 2021). Здесь переводчик принял решение не удлинять строку на экране описательным переводом реалии *lungi* – «вид саронга, отрез ткани, который носят на манер юбки в Южной и Юго-Восточной Азии», но и не заменять кратким аналогом «юбка», а добавить противопоставление «вместо штанов», чтобы пояснить возмущение учительницы, отчитывающей отца школьника, явившегося на урок в неподобающей одежде:

– Hello, who are you? Barging in like this wearing *a lungi*?

– Эй, вы кто? Врываетесь в школу вот так, *в лунги вместо штанов*?

Данный способ, на наш взгляд, в полной мере решает задачу опосредованного перевода – сохранения национально-культурной специфики произведения и авторского замысла, при этом позволяя соблюсти требования к удобочитаемости титров.

Гораздо сложнее, чем реалии, поддаются идентификации в англоязычном тексте (переводе с азиатского языка) калькированные культурно-специфичные аллюзии и фразеологизмы, поскольку они не сохраняют графический облик языка оригинала. Здесь больше, чем в других случаях, нужна осведомленность переводчика о специфике коммуникации на lingua franca и навык вычленения в англоязычном тексте элементов иной культуры.

Интересным примером служит фрагмент китайского спектакля Cyrano / «Сирано де Бержерак», показанного на Международном театральном фестивале во Владивостоке в 2024 г. Изначально оргкомитет фестиваля получил сценарий на китайском языке, однако оказалось, что в него не внесены последние правки, и он не соответствует действию на сцене. Полностью готовым к переводу был лишь англоязычный вариант сценария, поэтому перевод осуществлялся опосредованно.

В интерпретации китайских постановщиков действие французской пьесы XIX в. перенесено в современность, а спектакль приобрел черты Пекинской оперы, иногда в зеркальном отражении – в частности, роль главного героя исполняет женщина. Хотя сюжет драмы сохранен, реплики персонажей частично осовременены и несут отпечаток не только французской, но и китайской культуры. Та-

кая сложная ткань переосмысленного классического произведения потребовала тщательного анализа, сопоставления китайского сценария с имеющимися переводами пьесы Эдмона Ростана на английский и русский языки и поиска лингвокультурной информации для точной передачи культурноспецифичных элементов. Одним из таких элементов стал китайский фразеологизм, добавленный драматургом Национального театра Китая:

– Have you ever seen a true actor *leering at ladies* in the audience *like a toad admiring a swan*?

Здесь Сирано говорит о Монфлери, которого насмешками прогнал со сцены, и сравнение, перенесенное из китайского языка в английский, призвано создать сатирический образ непривлекательного мужчины, нацелившегося на красивую девушку (в иной трактовке – человека с амбициозной целью, не осознающего свои ограничения). Дополнительное исследование позволило обнаружить китайскую поговорку о жабе, которая хочет съесть (плоть) лебедя, поэтому было принято решение произвести модуляцию в переводе, чтобы приблизить русский вариант к китайскому оригиналу:

– Ты видел настоящего актера хоть раз, кто б ухмылялся дамам в зале, *как жаба, что лебедя стремится проглотить*?

Таким образом, на наш взгляд, сохранены дух новаторства и культурная специфика китайской адаптации французской героической комедии.

Не всегда опосредованный перевод способен проложить устойчивый мост между культурами и снять все трудности с пониманием культурных стереотипов или культурных концептуализаций [25], под которыми австралийский ученый пакистанского происхождения Фарзад Шарифиан понимал культурные схемы, категории и метафоры, которые влияют на межкультурную коммуникацию. По его мнению, даже «обычные» английские слова *tree*, *food* и *people* несут разный культурный смысл в речи говорящих на мировых вариантах английского языка (World Englishes). Приводя в пример слово home в англоязычной речи австралийских аборигенов, он показал, что его значение намного шире, чем «дом» в понимании англо-австралийцев [26: с. 63].

В соавторстве с исследователем китайского варианта английского языка Ч. Сюем профессор Шарифиан проанализировал культурные концептуализации знаков китайского зодиака в английском языке китайцев [27]. Исследование показало, что китайцы знают всех зодиакальных животных и в той или иной степени верят во влияние на характер человека, рожденного под их покровительством, а также на бытовую, личную и политическую жизнь, однако при интерпретации значений даже собственных знаков прибегают к разным культурным схемам, и выбираемые ими английские соответствия показывают лексико-семантическую вариативность (напр., mouse/rat; дракон как символ власти и удачи, либо тайны и коварства) [27: с. 598]. Соглашаясь с выводом авторов о том, что декодирование культурных смыслов важно для межкультурной коммуникации с использованием вариантов английского языка, и это необходимая компетенция для говорящих на lingua franca [27: с. 604], подчеркнем, что не всегда переводчик может и должен участвовать в процессе декодирования.

Так, например, героиня фильма «Гонконгская трилогия» (Гонконг, 2016) рассуждает о том, как принадлежность к разным знакам зодиака влияет на отношения в семье:

My brother was born in Year of the Monkey,	Мой брат родился в год обезьяны.
I'm in Year of the Dog.	Я родилась в год собаки.
You know animals always fight.	Вы же знаете, что разные животные постоянно ссорятся.
Our maid is Year of the Snake.	Наша няня родилась в год змеи.
I'm not sure what Papa is, I know he's not a Snake.	Не знаю, кто у нас папа, но не змея.
I don't know why they fight. Not sure what Mama is.	Не понимаю, почему они ссорятся.
I don't know why Papa and Mama fight all the time.	Не знаю точно, кто мама. Не понимаю, почему мама с папой всё время ссорятся.

Не прибегая к пояснениям, переводчик подбирает русские соответствия английским названиям животных китайского зодиакального круга, оставляя, таким образом, выбор за заинтересованным зрителем – как и в каком объеме пополнять недостающий культурный фон для понимания нюансов отношений между героями и их конфликтов, связываемых маленькой героиней с несовместимостью знаков китайского зодиака.

Заключение

Совершив «разворот на Восток», Россия активно взаимодействует с азиатскими странами, однако языками взаимодействия выступают не только русский и языки стран Азии, но и английский в его функции lingua franca. На Дальнем Востоке России лингвистическое сопровождение международных событий по-прежнему не обходится без переводчиков с английского языка.

Международный театральный или кинофестиваль – площадка культурного обмена между странами разных регионов мира, осуществляемого с помощью национальных языков и английского языка. Одна из важных функций дискурса фестива-

ля – просвещать, т.е. знакомить с бытом, образом мысли, ценностями и нормами поведения и таким образом обогащать зрителя иным видением, формировать умение дифференцировать культуры.

Фестиваль нацелен на то, чтобы показать специфику культуры, предоставить экран и сцену для нарратива страны. Поэтому и для переводчиков приоритетной задачей является соблюдение баланса в переводе – адаптация исходного текста для принимающей стороны с учетом возможной неподготовленности, неосведомленности реципиентов, но без нейтрализации культурных особенностей. При этом важным навыком переводчиков является умение распознать в тексте на lingua franca влияние культуры или культур автора или авторов и, прежде всего, быть готовым его там обнаружить.

Поскольку английский язык международного общения становится вторичным средством этнического самовыражения и культурной идентификации [28: с. 3; 29: с. 200], опосредованный перевод с английского языка служит инструментом межэтнического культурного обмена, который эффективен только в руках подготовленного переводчика, чуткого к этнокультурным особенностям.

Список источников

1. О фестивале. Международный кинофестиваль стран Азиатско-Тихоокеанского региона во Владивостоке «Меридианы Тихого». URL: https://pacificmeridianfest.ru/history/ (дата обращения: 14.09.2024).
2. О нас. Международный Тихоокеанский Театральный фестиваль. URL: https://clck.ru/3J9YF2 (дата обращения: 14.09.2024).
3. Бондарева Е.В. [и др.] Кинoперевод – перевод культур (из опыта работы на Международном кинофестивале стран АТР «Меридианы Тихого») // Межкультурная коммуникация в интердискурсивном аспекте : монография / под ред. Е.М. Бутениной. Владивосток : Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2021. С. 123–144.
4. Иванкова Т.А., Конева Е.Б., Польшина Ю.А. Каталог как жанр дискурса кинофестиваля (на материале кинофестиваля стран АТР «Меридианы Тихого») // Известия Восточного института. 2022. № 3(55). С. 32–41. doi:10.24866/2542-1611/2022-3/32-41
5. Iordanova D. Translating Culture. Yingying, Zhenzhen, and Fenfen? China at the Festivals // Chinese Film Festivals: Sites of Translation / C. Berry and L. Robinson (eds). Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2017. P. 217–235. URL: https://link.springer.com/book/10.1057/978-1-137-55016-3 (accessed: 20.07.2024).
6. Прошина З.Г. Английский язык и культура народов Восточной Азии : монография. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. 476 с.
7. Прошина З.Г. Опосредованный перевод в перспективе экотранслатологии // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 4. С. 9–17.
8. Albl-Mikasa M. [et al.] English as a lingua franca in interpreting and translation: a survey of practitioners // Frontiers in Communication. 2024. Vol. 9. P. 1–13. doi:10.3389/fcomm.2024.1413110
9. Kachru B.B. The Alchemy of English: The Spread, Functions and Models of Non-native Englishes. Oxford/Baltimore : Pergamon Institute of English/University of Illinois Press, 1986. 200 p.
10. Albl-Mikasa M. English as a lingua franca – a paradigm shift for translation and interpreting? // Slovo.ru: Baltic accent. 2022. Vol. 13, No. 1. P. 65–81. doi:10.5922/2225-5346-2022-1-4.
11. Foley J. A., Deocampo M. F. The use of English as a lingua franca in translation // Indonesian Journal of Applied Linguistics. 2016. Vol. 5, No. 2. P. 146–153. https://doi.org/10.17509/ijal.v5i2.1339
12. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). Москва : Международные отношения, 1975. 240 с.
13. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. Москва : Международные отношения, 1980. 343 с.
14. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). Москва : Высшая школа, 1990. 253 с.
15. Левый И. Искусство перевода. Москва : Прогресс, 1974. 393 с.
16. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. Москва : Международные отношения, 1974. 216 с.
17. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). Москва : Высшая школа, 1983. 303 с.
18. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. Москва : Наука, 1988. 215 с.
19. Прошина З.Г. Опосредованный перевод и принцип обратимости перевода // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2014. № 1 (41). С. 179–184.
20. Иванкова Т.А., Польшина Ю. А. Китайские фильмонимы в дискурсе кинофестиваля: функционально-прагматические особенности и способы передачи на русский и английский языки // Зарубежная филология в высшей школе Дальнего Востока: достижения и перспективы : монография / под общ. ред. В.Л. Завьяловой, Г.Н. Ловцевич, Е.М. Бутениной. Владивосток : Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2024. С. 81–99.
21. MarBelle. Hu Wei explores the erosion of Tibetan culture in Oscar nominated short “Butter lamp” // Directors Notes. 2015. URL: https://directorsnotes.com/2015/01/21/hu-wei-butter-lamp (accessed: 20.07.2024).
22. Лотман Ю.М., Цивьян Ю.Г. Диалог с экраном. Таллин : Александра, 1994. 216 с.
23. Василенко А. Без катарсиса. О фильме «Еще один год» Чжу Шэнцзэ // Искусство кино. 2016. № 11. С. 64–69.
24. Ситдикова Р.М. Передача китайских реалий в англоязычной книге Линь Юйтана «Китайцы: моя страна и мой народ» // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2025. Т. XXII, Вып. 1. С. 188–192.

25. Sharifian F. Cultural Linguistics: cultural conceptualisations and language. Amsterdam/Philadelphia : John Benjamins, 2017. 171 p.

26. Sharifian F. Cultural conceptualisations and language: theoretical framework and applications. Amsterdam : John Benjamins, 2011. 238 p.

27. Xu Z., Sharifian F. Cultural conceptualizations of Chinese zodiac animals in Chinese English // World Englishes. 2018. Vol. 37, No. 4. P. 590–606.

28. Кабакчи В.В. Англоязычное описание русской культуры. Russian Culture Through English : учебное пособие для студентов высш. учеб. заведений. Москва : Академия, 2009. 224 с.

29. Кабакчи В.В., Белоглазова Е.В. Введение в интерлингвокультурологию : учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Юрайт, 2024. 250 с.

References

1. About the festival. International Film Festival of Asian Pacific Countries in Vladivostok Pacific Meridian. URL: https://clck.ru/3J9YF2 (accessed: 14.09.2024) (In Russ.).

2. About us. Pacific International Theatre Festival. URL: https://clck.ru/3J9YF2 (accessed: 14.09.2024) (In Russ.).

3. Bondareva E.V. [et al.] Kinoperevod – perevod kul'tur (iz opyta raboty na mezhdunarodnom kinofestivale stran ATR «Meridiany Tikhogo») [Film translation is the translation of cultures (based on the experience of translating at the International Film Festival of Asian Pacific Countries Pacific Meridian)] // Mezhkul'turnaya kommunikatsiya v interdiskursivnom aspekte : monografiya / pod red. E.M. Buteninoi. Vladivostok : Izd-vo Dal'nevost. feder. un-ta, 2021. S. 123–144 (In Russ.).

4. Ivankova T.A., Koneva E.B., Pol'shina Yu.A. Katalog kak zhanr diskursa kinofestivalya (na materiale kinofestivalya stran ATR «Meridiany Tikhogo») [Catalog as a genre of film festival discourse (based on the film festival of the Asia-Pacific countries "Pacific Meridian")] // Izvestiya Vostochnogo instituta. 2022. № 3(55). S. 32–41 (In Russ.).

5. Iordanova D. Translating Culture. Yingying, Zhenzhen, and Fenfen? China at the Festivals // Chinese Film Festivals: Sites of Translation / C. Berry and L. Robinson (eds). Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2017. P. 217–235. URL: https://link.springer.com/book/10.1057/978-1-137-55016-3 (accessed: 20.07.2024).

6. Proshina Z.G. Angliiskii yazyk i kul'tura narodov Vostochnoi Azii: monografiya [The English Language and Culture of the East-Asian Nations]. Vladivostok : Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2001. 476 s. (In Russ.).

7. Proshina Z.G. Oposredovannyi perevod v perspektive ekotranslatologii [Intermediary translation through the lens of eco-translantology] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2013. № 4. S. 9–17. (In Russ.).

8. Albl-Mikasa M. [et al.] English as a lingua franca in interpreting and translation: a survey of practitioners / // Frontiers in Communication. 2024. Vol. 9. P. 1–13.

9. Kachru B.B. The Alchemy of English: The Spread, Functions and Models of Non-native Englishes. Oxford/Baltimore : Pergamon Institute of English/University of Illinois Press, 1986. 200 p.

10. Albl-Mikasa M. English as a lingua franca – a paradigm shift for translation and interpreting? // Slovo.ru: Baltic accent. 2022. Vol. 13, No. 1. P. 65–81.

11. Foley J.A., Deocampo M.F. The use of English as a lingua franca in translation // Indonesian Journal of Applied Linguistics. 2016. Vol. 5, No. 2. P. 146–153.

12. Barkhudarov L.S. Yazyk i perevod (Voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda) [Language and translation (Issues of general and particular theory of translation)]. Moskva : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975. 240 s. (In Russ.).

13. Vlakhov S., Florin S. Neperevodimoe v perevode [Untranslatable in translation]. Moskva : Mezhdunarodnyje otnoshenija, 1980. 343 s. (In Russ.).

14. Komissarov V.N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty) [Theory of Translation (Linguistic Aspects)] Moskva : Vysshaya shkola, 1990. 253 s. (In Russ.).

15. Levyi I. Iskusstvo perevoda [Art of translation]. Moskva : Progress, 1974. 393 s. (In Russ.).

16. Retsker Ya.I. Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Ocherki lingvisticheskoi teorii perevoda [Translation theory and translation practice. Essays on the linguistic theory of translation]. Moskva : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1974. 216 s. (In Russ.).

17. Fedorov A.V. Osnovy obshchei teorii perevoda (lingvisticheskie problemy) [Fundamentals of the general theory of translation (linguistic problems)]. Moskva : Vysshaya shkola, 1983. 303 s. (In Russ.).

18. Shveitser A.D. Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty [Theory of Translation: Status, Issues, Aspects]. Moskva : Nauka, 1988. 215 s. (in Russian)

19. Proshina Z.G. Oposredovannyi perevod i princip obratimosti perevoda [Intermediary translation and the principle of translation convertibility] // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. 2014. № 1 (41). P. 179–184. (In Russ.).

20. Ivankova T.A., Pol'shina Yu. A. Kitaiskie fil'monimy v diskurse kinofestivalya: funktsional'no-pragmaticheskie osobennosti i sposoby peredachi na russkii i angliiskii yazyki [Chinese Filmonyms in Film Festival Discourse: Functional and Pragmatic Features and Methods of Transference into Russian and English] // Zarubezhnaya filologiya v vysshei shkole Dal'nego Vostoka: dostizheniya i perspektivy : monografiya / pod obshch. red. V.L. Zav'yalovoi, G.N. Lovtsevich, E.M. Buteninoi. Vladivostok : Izd-vo Dal'nevost. feder. un-ta, 2024. S. 81–99. (In Russ.).

21. MarBelle. Hu Wei explores the erosion of Tibetan culture in Oscar nominated short "Butter lamp" // Directors Notes. 2015. URL: https://directorsnotes.com/2015/01/21/hu-wei-butter-lamp (accessed: 20.07.2024)

22. Lotman Yu.M., Tsiv'yan Yu.G. Dialog s ekranom [Dialogue with the Screen]. Tallin : Aleksandra, 1994. 216 s. (In Russ.).

23. Vasilenko A. Bez katarsisa. O fil'me «Eshche odin god» Zhu Shengze [Without a catharsis. About Zhu Shengze's film «Another year»] // Iskusstvo kino. 2016. № 11. S. 64–69. (In Russ.).

24. Sitdikova R.M. Chinese culture-loaded words in "My country and my people" by Lin Yutang and their translation into Russian // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. 2025. T. XXII, Is. 1. C. 188–192. (In Russ.).

25. Sharifian F. Cultural Linguistics: cultural conceptualisations and language. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2017. 171 p.

26. Sharifian F. Cultural conceptualisations and language: theoretical framework and applications. Amsterdam: John Benjamins, 2011. 238 p.

27. Xu Z., Sharifian F. Cultural conceptualizations of Chinese zodiac animals in Chinese English // World Englishes. 2018. Vol. 37, No. 4. P. 590–606.

28. Kabakchi V.V. Angloyazychnoe opisanie russkoi kul'tury [Russian Culture Through English] : uchebnoe posobie dlya studentov vyssh. ucheb. zavedenii. Moskva : Akademiya, 2009. 224 s. (In Russ.).

29. Kabakchi V.V., Beloglazova E.V. Vvedenie v interlingvokul'turologiyu [Introduction to Interlinguoculturology] : uchebnoe posobie dlya vuzov. 2-e izd., ispr. i doP. Moskva : Yurait, 2024. 250 s. (In Russ.).

Информация об авторе

Т.А. Иванкова – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

T.A. Ivankova is Candidate of Philology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 31.03.2025; одобрена после рецензирования 11.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.
The article was submitted 31.03.2025; approved after reviewing 11.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2025. Т. XXII, Вып. 2. С. 141–146
The Humanities and Social Studies in the Far East. 2025. Vol. XXII, Is. 2. P. 141–146

Научная статья
УДК 13.00.02.
doi:10.31079/1992-2868-2025-22-2-141-146

МУЗЫКАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ. АНАЛИЗ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДИДАКТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ МУЗЫКИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ

Татьяна Петровна Дежина[1, 2]
[1]Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, waage1973@mail.ru
[2]Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия

Аннотация. Статья рассматривает использование песенного материала в преподавании немецкого языка как иностранного, акцентируя внимание на его значении как эффективного дидактического инструмента. Музыкальные произведения помогают развивать фонетические, лексические и грамматические навыки, а также углубляют понимание культурных особенностей немецкоговорящих стран. Особое внимание уделено когнитивным процессам, активируемым через музыку, таким как восприятие на слух, внимание и память, что делает песни важным элементом обучения. В статье предложены этапы работы с песнями: до прослушивания, во время прослушивания и после прослушивания, что способствует не только языковому обучению, но и развитию критического и аналитического мышления. Также рассматриваются особенности выбора песен с учётом уровня и интересов обучающихся. Включение песенного материала в учебный процесс способствует созданию мотивационной и эмоционально насыщенной атмосферы, что усиливает усвоение языковых структур. Несмотря на высокую эффективность, интеграция музыки в преподавание ограничена недостаточным количеством учебных часов, что требует оптимизации использования ресурсов и подходов.

Ключевые слова: песенный материал, дидактическая адаптация, когнитивные процессы, музыкальные произведения, грамматические структуры, мотивация, культурные особенности

Original article

MUSIC-ORIENTED TEACHING OF THE GERMAN LANGUAGE: ANALYSIS OF DIDACTIC ADAPTATION OF MUSIC IN GERMAN LANGUAGE LESSONS

Tatyana Petrovna Dezhina[1, 2]
[1]Pacific National University, Khabarovsk, Russia, waage1973@mail.ru
[2]Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia

Abstract. This article examines the use of song materials in teaching German as a foreign language, focusing on its significance as an effective didactic tool. Musical works help develop phonetic, lexical, and grammatical skills, as well as deepen the understanding of the cultural characteristics of German-speaking countries. Special attention is given to cognitive processes activated through music, such as listening perception, attention, and memory, making songs an important element of language learning. The article proposes stages of working with songs: before listening, during listening, and after listening, which not only contributes to language learning but also fosters critical and analytical thinking. The article also discusses the selection of songs considering the level and interests of students. The inclusion of song materials in the learning process helps create a motivational and emotionally rich atmosphere, enhancing the acquisition of language structures. Despite its high effectiveness, the integration of music into teaching is limited by the insufficient number of study hours, requiring optimization of resource use and approaches.

Keywords: song material, didactic adaptation, cognitive processes, musical works, grammatical structures, motivation, cultural characteristics

Введение

Использование песен и музыкальных произведений в процессе обучения немецкому как иностранному языку является высокоэффективным методическим инструментом, который способствует комплексному развитию языковых навыков обучающихся. Музыкальные произведения, благодаря своей многозначности и эмоциональной насыщенности, предоставляют уникальную возможность не только для улучшения фонетических и лексических навыков, но и для углубленного понимания культурных особенностей немецкоговорящих стран.

С научной точки зрения музыкальные произведения на занятиях по иностранному языку играют

© Дежина Т.П., 2025

важную роль в активации когнитивных процессов, таких как восприятие на слух, память, внимание и эмоциональная вовлеченность. Они служат важным инструментом для тренировки слухового восприятия, развития интонационной чувствительности и повышения уровня произносительных навыков. Песни как аутентичные текстовые материалы отражают повседневный язык, его ритм, интонацию и особенности употребления, что способствует лучшему усвоению языковых структур в естественном контексте.

Вместе с тем интеграция музыки в процесс преподавания немецкого языка помогает создать мотивационную и эмоционально насыщенную атмосферу, которая способствует более глубокому усвоению материала. Музыкальные элементы могут быть использованы для введения в культурные и социальные темы, стимулирования обсуждений, а также для практики устной и письменной речи. Включение музыкальных произведений в учебный процесс позволяет значительно расширить педагогический арсенал и способствует более эффективному и многогранному овладению языком.

Материал и методы

Песни могут служить аутентичными текстами для достижения различных учебных целей, включая развитие навыков аудирования, произношения, устной речи, креативного письма, освоение культурных особенностей стран, а также расширение лексического запаса и грамматических конструкций. Учебная цель занятия определяет выбор песен и обусловлена рядом характеристик, которые необходимо учитывать. В качестве ориентиров для преподавателей могут служить следующие критерии отбора. Выбранные песни должны [1: с. 27]:

– не быть слишком длинными;

– быть увлекательными и мотивирующими;

– иметь подходящий ритм;

– содержать повторения (например, припев);

– охватывать темы, которые интересуют обучающихся;

– соответствовать музыкальным предпочтениям, возрасту и языковому уровню обучающихся;

– иметь понятное и чёткое произношение исполнителя;

– при необходимости учитывать культурные аспекты;

– иметь конкретные учебные цели, которые преследуются при использовании песни.

Успешное использование песен и музыки в учебном процессе следует традиционному разделению на фазы обучения аудированию: фаза вступления (до прослушивания), фаза восприятия (во время прослушивания) и фаза закрепления (после прослушивания) [2: s. 76; 3]. Такие подходы встречаются в различных работах, посвящённых использованию песен в преподавании немецкого как иностранного языка. Предложенные этапы работы с песенным материалом в основном опираются на исследования А. Кэрин [3] и Родригеса Семиана [4], что предоставляет преподавателям возможность интегрировать различные навыки. Такая интеграция способствует тому, что работа с песнями на уроках становится разнообразной и интересной.

До прослушивания. На этом этапе обучающиеся имеют возможность активировать предварительные знания и знания о мире, собрать ключевые слова и выражения, а также сформировать определённые ожидания относительно песни. Всё это может быть достигнуто с помощью различных упражнений: ассоциограммы (словесные «ежики»), устное обсуждение темы, устное обсуждение названия песни или фрагментов песни, подготовительные упражнения с ключевыми словами и выражениями, работа с карточками, содержащими ключевые фразы, упражнения на соответствие (картинка–текст, картинка–картинка, текст–текст), введение в тему через фотографии или изображения, установление правильной последовательности песни, прослушивание или чтение отрывка из песни с последующим предположением о её содержании, выявление рифм.

Во время прослушивания. На данном этапе процесс освоения текста песни (при этом не обязательно полное его понимание) может быть осуществлён через аудирование или посредством предоставления текстового материала, где текст песни является центральным объектом анализа. Задания на аудирование могут быть ориентированы как на языковую деятельность, включая упражнения на определение правильности/неправильности, задания с несколькими вариантами ответов, перефразирование содержания текста, так и на действия, не связанные с лексическим содержанием, такие как рисование, сопоставление изображений с отдельными строфами или строками текста либо воспроизведение содержания с использованием жестов и мимики. Освоение навыков аудирования может быть достигнуто через различные методы работы с аудиотекстом, такие как его воспроизведение в обратной последовательности, трансформация текста песни (например, замена отдельных слов на фонетически схожие) или использование неполного текста с пропусками. Важно подчеркнуть, что применение формата текста с пропусками способствует не только развитию аудитив-

ных навыков, но и улучшению навыков чтения, поскольку обучающиеся активно взаимодействуют с текстовым материалом, что способствует комплексному развитию языковых компетенций.

Другим вариантом задания, направленным на развитие навыков аудирования через текст песни, является структурирование текста. Обучающимся предоставляется неструктурированный текст песни, и в процессе прослушивания они должны расположить фрагменты предложений или разрезанные строки в правильной последовательности. Это задание также способствует развитию способности к восприятию структуры песен.

Заключительным направлением дидактического применения песен на текущем этапе, подлежащим рассмотрению, является их использование в обучении грамматике. Повторение является важным элементом процесса обучения, который способствует закреплению и усвоению новых знаний. Музыка обладает особенностью, которая заключается в ее предназначении для многократного прослушивания, т.е. для повторения. Более того, музыка включает в себя ярко выраженные повторяющиеся элементы, такие как рефрен и мелодия. Благодаря этой (аутентичной) повторяемости в песнях, часто усиленной эффектом рифмы, запоминание слов и грамматических структур становится более легким. Кроме того, песни часто оказываются более привлекательными для обучающихся, чем искусственно созданные грамматические упражнения. Например, они могут искать, трансформировать или применять грамматические структуры в текстах песен, или преподаватель может предложить грамматическое упражнение, основанное на контекстуализации текста песни. Даже если песня не содержит явных примеров конкретной грамматической структуры, она может быть применена в образовательном процессе. Так, например, немецкая песня «Ein bisschen Frieden» в исполнении певицы Николь может служить инструментом для введения в грамматику конъюнктива. Несмотря на то, что в тексте песни нет прямых примеров конъюнктива, в припеве явно выражены желания певицы, что позволяет без труда продемонстрировать один из способов употребления конъюнктива II. Немецкий исследователь Сандра Аллмайер описывает процесс усвоения грамматических структур с помощью песен следующим образом: «…*die in musikalisch-sprachlichen Phrasen eingebetteten grammatischen Strukturen werden mehrfach implizit gespeichert und lassen sich später über diese textgebundenen Melodien (musikalisch-sprachliche) induzieren; die Lernenden erinnern sich sozusagen über das Lied an die darin enthaltenen grammatischen Strukturen. Dabei wird die grammatische Regel implizit gespeichert»* [5: s. 300] */ грамматические структуры, встроенные в музыкально-языковые фразы, многократно сохраняются на имплицитном уровне и могут быть позже вызваны через эти связанные с текстом мелодии (музыкально-языковые); обучающиеся как бы вспоминают грамматические структуры через песню. При этом грамматическое правило сохраняется имплицитно* (*перевод Дежиной Т.П.*). Песни помогают обучающимся на бессознательном уровне усваивать грамматические структуры, что делает их эффективным инструментом для достижения некоторых учебных целей. Мы разделяем мнение Сандры Аллмайер, однако считаем, что в контексте обучения немецкому как иностранному языку предпочтительно использовать термин «индуктивное обучение», а не «имплицитное обучение». Как отмечает А.В. Фирсова, индуктивное обучение представляет собой процесс, при котором преподаватель предлагает примеры или модели, на основе которых обучающиеся самостоятельно выявляют или формулируют правило, анализируя доступную информацию и делая выводы [6: с. 99].

После прослушивания. На стадии закрепления предлагаются дополнительные упражнения, с помощью которых можно закрепить новый материал (новые слова, выражения, грамматические и синтаксические структуры и т.д.). Кроме того, на этом этапе обучающимся должна быть предоставлена возможность поделиться своими мыслями о прослушанной песне с другими. На этапе после прослушивания также могут быть предложены следующие варианты заданий: восстановить текст (в виде головоломки), выполнить задания на соответствие, заполнить таблицы, составить глоссарий с речевыми единицами, расширить семантическую работу (работа с лексикой); написать параллельный текст; разработать диалоги; написать письмо исполнителю/группе; продолжить песню (дополнить новые строки, концовку и т.д.); исследовать информацию о певце/группе и представить результаты в группе; создать мини-диалоги по определенным фрагментам песни; вести вымышленные беседы с музыкантами, практиковать грамматику, лексику.

Результаты

Приведенные упражнения и задания представляют собой лишь небольшую часть тех возможностей, которые песни могут предоставить в контексте обучения иностранным языкам. Многие песни могут быть использованы для содействия интеркультурному обучению, также существует потенциал при-

менения инструментальной музыки в учебной практике. Кроме того, важно различать дидактические и аутентичные песни, которые могут быть использованы в процессе преподавания иностранных языков. В качестве дидактического материала рассмотрим некоторые из этих методов и подходов на примере аутентичной песни «Einmal um die Welt» известного в Германии рэпера Cro. Данный музыкальный материал предназначен для обучающихся начального уровня, изучающих немецкий язык как второй иностранный. При выборе песни мы руководствовались принципами правильного отбора песенного материала, разработанными Е.Н. Солововой.

1. Принцип аутентичности, связанный с критерием культурологической ценности и обеспечивающий расширение лингвострановедческого кругозора обучающегося.

2. Принцип воздействия на эмоциональную и мотивационную сферу личности с учетом возрастных особенностей и интересов целевой группы.

3. Принцип методической ценности для формирования базовых речевых навыков и умений обучающихся, который обеспечивается соответствием письменного материала тематике устной речи и чтения и другим программным требованиям обучения на данном этапе.

4. Принцип наличия проблематики при выборе музыкального материала, т.е. наличие проблемы, которая была бы актуальна для представителей конкретной группы обучающихся.

5. Принцип познавательной ценности [7: с. 189].

Предлагаемая нами технология работы с песенным материалом включает в себя последовательность заданий и упражнений, разделенных на три основных этапа: до прослушивания, во время прослушивания, после прослушивания.

Vor dem Hören – подготовительный этап

На начальном этапе, перед прослушиванием песни, студентам предлагается ответить на вопрос: „Ihr macht eine Weltreise. Welche fünf Städte wollt ihr besuchen?“ Это задание направлено на активацию предшествующих знаний участников и способствует подготовке к восприятию аудиального материала. Работа организована в парах, что способствует развитию коммуникативных навыков и обмену идеями среди студентов.

Beim Hören – этап прослушивания

В процессе прослушивания песни слушателям необходимо сосредоточиться на аудитивном восприятии и ответить на вопрос: „Welche Städtenamen hört ihr im Lied?“ Важно, что на данном этапе просмотр видеоклипа исключен, чтобы обучающиеся могли полностью сосредоточиться на восприятии звуковой информации и развивать навыки аудирования.

Vor dem Sehen – подготовка к просмотру видеоклипа

До начала просмотра видеоклипа участникам предлагается ответить на вопрос: „Ihr seid Millionäre. Welche fünf Dinge kauft ihr mit eurem Geld?“ Это задание служит для того, чтобы стимулировать воображение обучающихся и настроить их на восприятие визуальной информации, акцентируя внимание на предметах и ценностях, которые могут быть изображены в видеоклипе.

Beim Sehen – этап просмотра видеоклипа

Во время просмотра видеоклипа слушатели должны ответить на вопросы, касающиеся визуального восприятия, а именно: „Welche fünf Dinge kauft Cro?“ Задача участников – не только наблюдать, но и анализировать, что из увиденного соответствует тексту песни. Этот этап направлен на развитие навыков восприятия визуальных образов и установление связи между аудиовизуальными элементами.

Nach dem Sehen – заключительный этап

После того как обучающиеся прослушают песню и посмотрят видеоклип, им предлагается выполнить два задания: 1) ответить на вопросы по содержанию текста методом выбора из предложенных вариантов; 2) ознакомиться с текстом об исполнителе и ответить на вопросы с вариантами верно/неверно. Этот этап способствует закреплению полученных знаний и развивает критическое мышление. Проверка истинности утверждений о Cro служит для углубленного осмысления личности исполнителя и его музыкального творчества.

I. Задание – прочитать текст песни и ответить на вопросы:

1) Was wollen Cro und seine Freundin in Los Angeles machen?

a) frühstücken; b) joggen; c) shoppen

2)Was soll die Freundin von Cro auf die Reise mitnehmen?

a) Ihre Designerschuhe; b) ihre Kreditkarte; c) ihre Zahnbürste

3) Was für ein Typ ist die Freundin von Cro?

a) Sie ist neugierig und will die Welt entdecken.

b) Sie lässt sich gern mit Geschenken überraschen.

c) Sie liebt Luxus und kauft gern teure Sachen.

II. Задание – ознакомиться с текстом об исполнителе и ответить на вопросы, выбрав вариант верно/неверно

Wer ist Cro?

Cro wurde am 31. Januar 1990 in Süddeutschland, in der Nähe von Stuttgart, geboren. Sein bürgerlicher Name ist Carlo Waibel. Wir wissen somit, wie er heißt und wie alt er ist, doch über sein Aussehen ist wenig

bekannt. Cro trägt stets eine Panda-Maske, die er sowohl bei seinen Konzerten als auch in Musikvideos und Interviews trägt. Diese Maske hat sich zu einem Markenzeichen des Künstlers entwickelt und verstärkt seine künstlerische Identität. Die Musik von Cro ist eine einzigartige Mischung aus Indie, Pop und klassischem Rap, die er selbst als „Raop" bezeichnet. Dieser innovative Musikstil hat Millionen von Fans in Deutschland und Europa begeistert und ihm den Status eines „Pandarappers" eingebracht.

Richtig (R) oder Falsch (F)?

Cro ist heute 24 Jahre alt. R / F

Sein Familienname ist Carlo. R / F

Er kommt aus Bayern. R / F

Cro trägt immer eine Maske. R / F

Er spielt eine Mischung aus Reggae und RaP. R / F

Seine Fans nennen ihn „Raop". R / F

Таким образом, задания, предложенные на завершающем этапе обучения, логически связаны и направлены на развитие когнитивных и аналитических навыков обучаемых, что соответствует принципам активного и контекстуального обучения. Их можно рассматривать как ступени на пути к более глубокому осмыслению как музыкального текста, так и личности исполнителя.

1. Мультимодальный подход. Прослушивание песни и просмотр видеоклипа образуют мультимодальный контекст, который активирует различные каналы восприятия: аудиальный и визуальный. Согласно теории мультимодального обучения использование нескольких типов информации помогает учащимся воспринимать и осваивать материал более эффективно. В данном контексте видеоклип и песня работают как синергия различных элементов, усиливая восприятие и закрепление материала. Таким образом, участники не только слышат, но и видят, как исполнение песни связано с её смыслом, что способствует более глубокому пониманию.

2. Закрепление информации через выбор правильных ответов. Первое задание, в котором обучающиеся отвечают на вопросы по содержанию песни, представляет собой типичную практику закрепления полученных знаний с использованием метода выбора из предложенных вариантов. Это способствует развитию памяти и внимательности, а также проверяет степень усвоения материала. Принцип выбора правильного ответа из предложенных вариантов основан на когнитивной теории, где важно создать ситуации, в которых обучающийся активно обрабатывает информацию, фильтрует и сопоставляет полученные знания. Это усиливает память и помогает глубже понять текст песни, развивая внимание и аналитические способности.

3. Критическое мышление через проверку истинности утверждений. Второе задание связано с проверкой истинности утверждений о Cro, что служит основой для развития критического мышления. Этот этап предполагает не просто механическое запоминание фактов, но и их анализ. Студенты должны оценить информацию, применяя логическое мышление для того, чтобы выделить достоверные утверждения и отклонить неверные. Это способствует формированию более осознанного подхода к информации, повышает способность не только запоминать факты, но и анализировать контекст, делая выводы на основе логики.

4. Углубленное осмысление личности исполнителя через контекст. Представление биографии Cro в контексте его музыкальной карьеры и создания уникального стиля Raop помогает понять не только личность исполнителя, но и влияние его творчества на музыкальную культуру. Это задание направлено на расширение горизонтов обучающихся, способствуя более глубокому пониманию культурных и социальных аспектов.

5. Комплексное развитие когнитивных навыков. Все задания на завершающем этапе обучают тому, как работать с информацией на разных уровнях: от базового понимания (вопросы по содержанию песни) до более глубокого анализа и критической оценки (вопросы о личности исполнителя). Этот процесс помогает развивать когнитивные навыки, такие как внимательность, аналитическое мышление, способность к критической оценке и способность интерпретировать культурные контексты.

Таким образом, эти задания логически связаны, поскольку они плавно переходят от простого восприятия музыкального текста к более сложным аналитическим задачам. В итоге задания не только закрепляют знания, но и способствуют более глубокому осмыслению полученной информации, что является важным элементом образовательного процесса.

Заключение

В заключение можно подчеркнуть, что использование песенного материала в преподавании немецкого языка как иностранного является мощным и многогранным дидактическим инструментом, способствующим развитию различных языковых компетенций обучающихся. Песни предоставляют уникальные возможности для развития фонетических, лексических и грамматических навыков, что делает их важным компонентом образовательного процесса.

Однако успешная интеграция песенного материала требует от преподавателя значительных усилий по его дидактической адаптации. Это связано с необходимостью выбора соответствующих песен,

их адаптации к уровню знаний обучающихся и достижениям учебных целей. Преподаватель должен учитывать как лексические, так и грамматические особенности песни, а также её культурную и эмоциональную значимость для обучающихся.

Вместе с тем следует признать, что работа с песенным материалом сопряжена с определенными организационными трудностями, в частности, с ограниченностью учебного времени. Программа обучения немецкому языку, как правило, предусматривает лимитированное количество часов, что ограничивает возможности для глубокой проработки песен. В условиях нехватки учебного времени преподавателю необходимо эффективно интегрировать песенные материалы с другими аспектами обучения, оптимизируя использование ограниченных ресурсов.

Таким образом, несмотря на значительный потенциал песен как педагогического инструмента, успешная их интеграция в учебный процесс требует гибкости, творческого подхода и оптимизации учебного времени. Это предполагает, что преподаватель должен балансировать между мотивационной ценностью песенного материала и необходимостью соблюдения других образовательных целей в рамках ограниченного времени.

Список источников

1. Штраух Л., Новикова Е.Р. Использование аутентичного аудитивного песенного материала на практических занятиях по немецкому языку с применением цифровых образовательных ресурсов // Культура, искусство, образование: диалоги в условиях многополярного мира : материалы Международной научно-практической конференции / ред.-сост. О.Ю. Осадчая, Т.С. Орлова, Е.А. Юнеева. Волгоград, 2022. С. 25–32.

2. Dahlhaus B. Fertigkeit Hören. Fernstudieneinheit 5. München : Langenscheidt, 1994.

3. Karyn A. Lieder und Musik in DaF-Lehrwerken // Info DaF. 2006. Bd. 33, № 6. С. 547–556.

4. Rodriguez Cemillian D. Internet Dossier: Musik im Unterricht (Teil 3). 2000. URL: www.deutschals-fremdsprache.de/info-dienst/2000/daf-info1-00.php3 (accessed: 23.03.2025).

5. Allmayer S. Grammatikvermittlung mit Popsongs im Fremdsprachenunterricht: Sprache und Musik im Gedächtnis: Zum kognitionspsychologischen Potential von Strophenliedern für die Grammatikvermittlung im DaF-Unterricht. Saarbrücken : Südwestdeutscher Verlag für Hochschulschriften, 2008.

6. Фирсова А.В. Особенности индуктивной методики преподавания английского языка // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 5-4 (80). С. 99–102.

7. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: продвинутый курс : пособие для студентов пед. вузов и учителей. Москва : Астрель, 2008. 272 с.

References

1. Shtraukh L., Novikova E.R. Ispol'zovanie autentichnogo auditivego pesennogo materiala na prakticheskikh zanyatiyakh po nemetskomu yazyku s primeneniem tsifrovykh obrazovatel'nykh resursov // Kultura, iskusstvo, obrazovanie: dialogi v usloviyakh mnogopolyarnogo mira : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii / red.-sost. O.Yu. Osadchaya, T.S. Orlova, E.A. Yuneeva. Volgograd, 2022. P. 25–32. (In Russ.).

2. Dahlhaus B. Fertigkeit Hören. Fernstudieneinheit 5. München : Langenscheidt, 1994.

3. Karyn A. Lieder und Musik in DaF-Lehrwerken // Info DaF. 2006. Bd. 33, № 6. P. 547–556.

4. Rodriguez Cemillian D. Internet Dossier: Musik im Unterricht (Teil 3). 2000. URL: www.deutschals-fremdsprache.de/info-dienst/2000/daf-info1-00.php3 (accessed: 23.03.2025).

5. Allmayer S. Grammatikvermittlung mit Popsongs im Fremdsprachenunterricht: Sprache und Musik im Gedächtnis: Zum kognitionspsychologischen Potential von Strophenliedern für die Grammatikvermittlung im DaF-Unterricht. Saarbrücken : Südwestdeutscher Verlag für Hochschulschriften, 2008.

6. Firsova A.V. Osobennosti induktivnoy metodiki prepodavaniya angliyskogo yazyka // Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk. 2023. No. 5-4 (80). P. 99–102. (In Russ.).

7. Solovova E.N. Metodika obucheniya inostrannym yazykam: prodvinutyy kurs : posobie dlya studentov ped. vuzov i uchiteley. Moskva : Astrel', 2008. 272 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Т.П. Дежина – кандидат социологических наук, доцент.

Information about the author

T.P. Dezhina is Candidate of Sociology, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 02.04.2025; одобрена после рецензирования 11.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.
The article was submitted 02.04.2025; approved after reviewing 11.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2025. Т. XXII, Вып. 2. С. 147–154
The Humanities and Social Studies in the Far East. 2025. Vol. XXII, Is. 2. P. 147–154

Научная статья
УДК 811.581
doi:10.31079/1992-2868-2025-22-2-147-154

О СЛОВЕ «ZEN» В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КУЛЬТУРЕ

Екатерина Константиновна Караванова[1], **Людмила Сергеевна Торопова**[2]✉
[1, 2]Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия
[1]karavanova2003@mail.ru
[2]lyuda_b2004@mail.ru✉

Аннотация. Статья посвящена изучению слова «zen» в контексте современного межкультурного взаимодействия. Научную базу исследования составляют положения когнитивно-дискурсивной парадигмы, согласно которым zen рассматривается как ключевая лексема-репрезентант одноименного культурно значимого концепта; языковой знак, актуализирующий прецедентный феномен, активно осмысливающийся в англоязычном мире. Материалом послужили лингвистические примеры, взятые из открытых печатных источников стран Запада (Великобритания, США) и Востока (Китай, Япония) 2014–2024 гг., особое внимание уделяется публикациям на китайском варианте английского языка как транскультурному массмедийному дискурсивному пространству. Авторы приходят к выводу о том, что развитие символических значений исследуемого языкового знака связано с особенностями интерпретации концепта Zen западной культурой. Перспективным продолжением представляется рассмотрение развития западной философии Дзен в русскоязычных контекстах.

Ключевые слова: дзен, языковой знак, культурный код, китайский вариант английского языка, концепт, массмедийный дискурс

Original article

ON THE WORD ‘ZEN’ IN CONTEMPORARY ENGLISH-SPEAKING CULTURE

Ekaterina K. Karavanova[1], **Lyudmila S. Toropova**[2]✉
[1, 2]Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia
[1]karavanova2003@mail.ru
[2]lyuda_b2004@mail.ru✉

Abstract. This article is devoted to the study of the word «zen» in the context of modern intercultural interaction. The scientific basis of the study is the provisions of the cognitive-discursive paradigm, according to which zen is considered as a key lexeme-representant of the culturally significant concept of the same name; a linguistic sign that actualizes a precedent phenomenon that is actively comprehended in the English-speaking world. The material is linguistic examples taken from open printed sources of the West (UK, USA) and the East (China, Japan) in 2014–2024. Special attention is paid to publications in the Chinese English as a transcultural mass media discourse space. The authors come to the conclusion that the development of symbolic meanings of the studied language sign is connected with the peculiarities of the interpretation of the Zen concept by Western culture. It is a promising continuation to consider the development of Western Zen philosophy in Russian language contexts.

Keywords: zen, linguistic sign, cultural code, Chinese English, concept, mass media discourse

Введение

В условиях постоянных изменений 2020–2025 гг. в современном мире стремление к стабильности и переосмысление духовно-нравственных ценностей представляется одним из самых масштабных и актуальных. Человеку свойственно искать те ориентиры, которые позволяют преодолеть кризисные периоды. Путь познания себя и мира вокруг непрост и многомерен, поиск ответов на экзистенциальные вопросы в очередной раз разворачивает к переоценке исконных культурных основ и изучению опыта других сообществ, нередко полярных, «чужих», но в то же время «своих» в силу активного межкультурного взаимодействия в едином пространстве смыслов, что созвучно высказыванию Ю.М. Лотмана: «…разделить взаимодействие и имманентное развитие личностей или культур можно только умозрительно. В реальности это диалектически связанные и взаимопереходящие стороны единого процесса» [1: с. 118].

Феномен «дзен» стал особенно популярным в разных культурах на фоне таких факторов, как вы-

© Караванова Е.К., Торопова Л.С., 2025

сокий темп жизни, постоянный стресс, усталость, выгорание, разочарование; потрясения, связанные с военными событиями в мире, и пр. Частотность появления слова «дзен», его английского аналога «zen» в одних из самых распространенных языках мира – английском, китайском, русском – свидетельствует об интересе к данному явлению, его ценностям, практическим смыслам, к которым обращаются обычные люди в поисках ответов на свой запрос о духовной опоре.

Цель данной работы – рассмотреть особенности актуализации лексемы zen как прецедентного имени, слова-знака, в интерпретационном поле которого Западные и Восточные понимания данного феномена постепенно сближаются за счет его культурной символизации и получают дальнейшее развитие.

Актуальность исследования обусловлена важностью изучения одного из аспектов специфики процесса адаптации «чужого» для западной культуры концепта через лингвокультурное поле слова «zen» в английском как языке мирового общения.

В своих рассуждениях авторы исходят из следующих научных положений.

Английский язык как язык мирового общения создает транскультурное медиальное пространство (в терминах З.Г. Прошиной, см.: [2: с. 309]), ценное для исследования актуализации слова «zen» как в культуре стран Восточной Азии (Китай, Япония), так и в культуре исконно англоговорящих стран Запада (Великобритания, США).

Философско-культурологический концепт духовной культуры Дзен, манифестируемый в английском языке лексемой zen, представляется соотносимым с определением Ю.С. Степанова как «сгусток культуры в сознании человека», «концептуализированной областью, в которой объединяются слова, мифологемы, ритуалы» [3: с. 68]. В контексте своей актуализации слово-репрезентант является культурным языковым знаком, опредмечивающим код культуры Востока, интерпретируемый на Западе. В этой связи необходимо рассмотреть его прецедентность в понимании российских исследователей Ю.С. Караулова, В.В. Красных, И.В. Захаренко, Д.Б. Гудкова и др. [4].

Ученые едины во мнении о том, что прецедентные феномены являются основными (ядерными) элементами когнитивной базы, представляющей собой совокупность знаний и представлений всех говорящих на данном языке. Их изучение позволяет выявить системность образа мира в языковом сознании представителей разных лингвокультурных сообществ [4: с. 82]. Опираясь на научный опыт, сложившийся в данном направлении, отметим релевантные для исследования феномена Дзен теоретические моменты.

Так, В.В. Красных вслед за Ю.Н. Карауловым отмечает одну из главных дифференцирующих характеристик прецедентных феноменов (ПФ) – способность выполнять роль эталона культуры, функционировать как свернутая метафора, выступать как символ такого феномена или ситуации (взятых как совокупность некоторого набора дифференциальных признаков) [5: с. 170–171]. С этих позиций прецедентное имя (ПИ) «дзен» связано с широко известным фрагментом картины мира, включающей, в том числе, тексты – труды философов Востока, посвященные этому вопросу. Как отмечает И.В. Захаренко, ПИ – это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (референту), а к набору дифференциальных признаков данного ПИ. Он хорошо известен любому современному человеку национально-лингвокультурного сообщества [5: с. 172–173]. Немаловажным является еще один логичный вывод авторов – об инварианте восприятия прецедентного имени (ИВПИ). Именно он существует, хранится в когнитивной базе и актуализируется в коммуникации [4: с. 84–87]. Представляется возможным сделать вывод о том, что это те концептуальные (ядерные) признаки прецедентного феномена, которые передают культурную информацию через ассоциативно закрепленные базовые смыслы, со временем ставшие стереотипными (прототипичными).

Известность феномена Дзен во всем мире позволяет определить его транснациональный характер, обусловленный возникновением в «родной» восточной культуре и заимствованием в западной, в которой имя «дзен» / «zen» развивает символический смысл, функционирует как языковой знак-символ.

Согласно определению Ю.М. Лотмана культура понимается как семиосфера – «обволакивающий человека и человеческое общество семиотический континуум, все элементы которого находятся в подвижном, динамическом соотношении, постоянно меняя формулы отношения друг к другу» [1: с. 129]. Это положение получило дальнейшее научное развитие в трудах Ю.М. Малиновича, сформулировавшего концепцию семиосферы внутреннего мира человека в рамках антропологической лингвистики, основной задачей которой является «языковое моделирование человека во всех ипостасях его бытия в объективно существующей взаимосвязи с другими сопредельными науками о человеке» [6: с. 20]. В широком смысле языковой знак репрезентирует многомерное содержание, культурный код, вовле-

кающий все аспекты бытия человека и его отношение к миру, распредмеченное в языке.

Еще одно положение связано с представлением Ю.М. Лотмана о культуре как сложноустроенном тексте, «распадающейся на иерархию "текстов в текстах" и образующих сложные переплетения текстов» [7: с. 18]. В транскультурном языковом пространстве возникает момент, когда у прецедентного имени «дзен» / «zen» приобретается символизация значения при взаимодействии «текстов» разных культур. По мнению А.В. Кремневой, когнитивно-семиотическая сущность прецедентного имени определяет его как один из маркеров интертекстуальности. Это особый знак, в котором «синкретно представлены индексальная и символическая функции, при этом в фокусе внимания оказывается символическая функция, благодаря которой прецедентное имя становится эталоном, или символом определенных качеств» [8: с. 46–47]. В продолжение этой мысли отметим, что высокая частотность употребления в англоязычной культуре слова «zen» обусловливает его узнаваемость, актуализирует интертекстуальный (в широком понимании взаимодействия разных культур) характер вербализации коллективно известных, национально обусловленных и личностных смыслов, ассоциированных с феноменом «дзен».

Методы и материал исследования

Перейдем к лингвистическому анализу контекстов, отобранных методом сплошной выборки с ключевым словом «zen». Материалом исследования послужили в основном тексты англоязычной китайской прессы (статьи из газет «Global Times» и «China Daily»), около 480 контекстов за прошедшие десять лет с 2014 по 2024 г. и некоторые британские издания для сравнения («Times», «Forbes»).

В ходе исследования использовались приемы дефиниционного, контекстологического анализа актуализации ключевой лексической единицы, метода наблюдения, описания, сопоставления. Особое внимание на начальном этапе работы уделялось изучению этимологических основ лексемы zen в исходной культуре, описанной в китайских англоязычных источниках.

К вопросу о ядерных концептуальных признаках Zen как содержании инварианта восприятия прецедентного имени zen (ИВПИ)

С позиции когнитивно-дискурсивной парадигмы концепт признается означаемым языкового знака, а его базовые (ядерные) признаки определяют его понятийную составляющую. Рассмотрим этимологию слова «дзен» и основные культурно-философские идеи, обусловившие её содержание.

Так, дзен, дзэн (япон. прочтение кит. «чань» 禪, от санскр. **ध्यान** – дхьяна, созерцание, медитация) – название сложившегося в Японии направления буддизма, выдвинувшего в центр своей религиозной практики медитацию и вобравшего в себя наряду с идеями китайской школы чань элементы учения буддийских школ махасангхики, мадхъямаки, школы Чистой земли, хуаянь (япон. кэгон), тяньтай (япон. тэндай), чжэньянь (япон. сингон), а также некоторые положения даосизма и конфуцианства. Имеет место также другое наименование – «сердце (сущность) Будды» (япон. бусин, кит. фосинь) (Большая Российская энциклопедия [9]).

Учение окончательно сформировалось в Китае в V–VI вв. под влиянием даосизма, который является доминирующей, монастырской формой буддизма в Китае, Японии, Вьетнаме и Корее. Дзен считают школой мистического созерцания, в основе которой лежит учение о просветлении [10: с. 2]. К началу XX в. были предприняты попытки модернизации дзен-буддизма. К этому периоду относятся работы известного на западе учителя дзен Дайсэцу Тэйтаро Судзуки (Daisetz Teitaro Suzuki, 1870–1966), профессора буддийской философии университета Отани в Киото [11]. Последователем Д.Т. Судзуки на Западе был Х. Хамфриз, автор многих книг по распространению этого учения. По его мнению, слово «zen» имеет по меньшей мере три значения: 1) глубокое сосредоточенное созерцание; 2) указание на некий Абсолют, превосходящий все представления; 3) индивидуальный опыт достижения просветления [12]. Эти три значения создали то западное явление, которое называют «модернистским вариантом» японского дзен-буддизма, с преимущественным сосредоточением на третьем, т.е. на опыте переживания просветления. В России данный аспект дзен-буддизма получил продолжение в трудах В.Н. Абаева – буддолога, востоковеда, китаеведа, исследователя чань-буддизма. Он один из первых обратил внимание на проблему культуры психической деятельности, соединяющей в себе буддийские и китайские практики структурирования личности; попытался выявить природу просветления как воспроизведения особого состояния сознания [13: с. 54–55]. Алан Уотс, известный современный философ и исследователь Востока, также посвятил свои работы истории дзэн, изучению связей дзэн с индуизмом и даосизмом, основ дзэнского мировоззрения. Особое внимание им уделяется проявлению дзэн в культуре и повседневной жизни Японии [14].

В своё время западный мир принял концепцию Zen неоднозначно. Были периоды духовного поис-

ка, связанные с появлением бунтарей против традиционной религии [12]. В 60–70-е гг. XX в. книги Д.Т. Судзуки и А. Уотса вызвали «дзенскую революцию», в 80-х гг. при религиозных факультетах университетов организовывали Zen группы. Считается, что именно книги западных последователей Zen привели к появлению движения «битников» среди американской нонконформистской молодёжи, которую привлёк «нигилизм», парадоксальное поведение и отсутствие авторитетов. Это не было связано с практикой Zen, но использовалась его терминология [12]. Поиск истоков «аутентичного Zen» привели к движению в обратную сторону, т.е. от Запада в сторону Востока и возрастанию роли восточной философии. С именем Ф. Капло, который провёл восемь лет в школах Zen, связывают распространение истинного учения в США, Канаде, Германии, Швейцарии. Сейчас для западных последователей – это религиозная практика с уникальным методом психологической тренировки, целью которой является пробуждение, т.е. самореализация [15]. Исследователи считают, что с 30-х гг. XX в. Zen стал приобретать характер общечеловеческого, гуманитарного, межкультурного и межрелигиозного современного учения. В современной западной культуре он теряет свой религиозный характер, превращаясь в один из модных брендов [12].

Дополняет понятийную составляющую инварианта восприятия ПИ «zen» лексикографические данные английских словарей (Merriam Webster Dictionary, Cambridge Dictionary), в которых лексема zen и производная лексема zen-like, также популярная в современной англоязычной культуре, номинирует следующие концептуальные признаки: расслабленность, просветление через медитацию, доверие интуиции, состояние медитативности, спокойствия, потока [16: с. 221–222].

Отметим, что выявленные признаки закладывают стереотипизированное представление о культурном феномене Дзен Востока в интерпретации Запада.

Результаты

Проведенный анализ фактологического материала источников на китайском варианте английского языка и британо-американских контекстов позволяет наблюдать некоторые особенности актуализации языкового знака zen как ключевой лексемы-репрезентанта. Изучив выборку «Global Times» за последние десять лет (2014–2024), мы разделили эти примеры на несколько групп: 1) «Монастырский Zen» как отражение религиозно-философского учения; 2) методы и практики Zen; 3) Zen в культуре и искусстве.

Прежде всего, отметим, что большинство контекстов связано с религиозно-философским осмыслением данного феномена. В статьях китайских авторов на английском языке часто встречаются следующие названия, связанные с ним: *Zen Buddhism, the Buddhist concept of Zen, southern concept of Zen, Zen master, Zen place, Zen temple in Japan, a very famous Zen master, Zen monasteries, the birth place of Zen Buddhism, Zen monks, one of the country's four famous Zen temples.* Чаще всего публикации посвящены *монастырю Шаолинь,* расположенному в провинции Хэнань: *Shaolin, the birth place of Zen, Zen monastery, the birth place of Zen Buddhism.* Этот монастырь, построенный в конце V в., считается родиной дзен-буддизма и колыбелью китайского кунг-фу: The Shaolin Temple, built in the late fifth century and located in central China's Henan Province, is *the birthplace of Zen Buddhism* and *the cradle of Chinese Kungfu* [17].

Рядом с этим монастырём появляются упоминания о других священных местах Китая: горе Цзюхуашань в провинции Аньхой, дзенском храме в Шаогуане, древнем *буддистском храме в Линьинь*, расположенном к северо-западу от Западного озера Ханчжоу: With its imposing and magnificent architectural structures, the temple is one of the 10 largest *Zen Buddhist temples* in China and attracts a great number of tourists and worshippers from home and abroad [18].

В Китае буддизм часто ставят рядом с *даосизмом,* считая, что эти два религиозно-философских направления гармонируют и дополняют друг друга: The idea of pursuing emptiness can be found in *Zen Buddhism and also Taoism* [19].

В своём прямом значении лексема Zen употребляется при *описании методов и практик дзен-буддизма.* Появляются такие сочетания, как *Zen art (kung-fu), Zen sutra, the Soto School of Zen, Yoga meets Zen, a form of Zen practice, one-finger Zen, the double finger Zen handstand, the sound of Zen bowl music, Japan Shinto, Buddhism and Zen teaching, Zen meditation sessions, Zen meditation, Zen enlightenment, Zen studies, Zen practice of koan.* Уникальные практики в дзен-буддизме могут быть связаны с боевыми искусствами, например: кунг-фу как *Zen art*:

Yoga and kung fu enthusiasts perform in a cultural festival on Mount Song, home to the Shaolin Temple [20].

Основной техникой в дзен-буддизме является *сидячая медитация:* Zen meditation sessions [21]. Zen studies: *"Donghua Zen Temple mainly focuses on agriculture and zen studies," he said*. Момент просветления – это, собственно, то, ради чего люди и занимаются дзэном. *Zen enlightenment* является высшим достижением, наградой за долгий и трудный путь к самому себе [22].

Отдельно надо сказать *о Zen practice of koan*: A new class dedicated to studying *the Zen practice of kÕan, the "great doubt*," offered by meditative community Centre for Spiritual Living (CSL), is proving popular with local urban residents *seeking a deeper meaning to their lives, and the universe* [23]. Это одна из непостижимых, интуитивных практик, когда ученику надо догадаться, каким-то образом понять, что от него хочет мастер. Это возможно только на уже достаточно высоком уровне практики.

Под воздействием Zen появился определенный *культ поведения достойного человека,* который на многие века определил основные ценностные ориентации на востоке. Появился культ *«Бусидо» («Путь воина*»), согласно которому во главе угла ставится долг, презрение к мирским благам, неустрашимость перед лицом невзгод и смерти. «Воин должен был иметь мужество, стойкость, умеренность во всём». Необходимость физических упражнений со временем переросла в боевые искусства (кендо, айкидо, карате) и приобрела ритуальный характер. Воин должен был обладать высокой образованностью, пониманием красоты и любовью к искусству (см., например, [24: с. 30]). Согласно Zen, в идеале в человеке должны сочетаться суровость и сентиментальность, внешняя регламентированность поведения и внутренняя свобода, простота форм и сложность содержания, боевой дух и умение ценить прекрасное во всех проявлениях жизни.

Для сравнения обратимся к западным англоязычным контекстам.

1. *Состояние Zen* помогает *пережить боль*.

Living without pain may not require potent drugs, according to a new study published in the medical journal *Pain – all you need is a cushion, a quiet corner and maybe a mantra*. Previous research has found that people *who practice Zen meditation are less sensitive to pain… The meditators reported feeling less pain than the control group did.* What's more, *the Zen group* reported *feelings of pain at levels below* what their neurological output from the fMRI indicated [25].

2. *Создание атмосферы Zen, его целительные свойства* (что именно создает это состояние).

Product: Household cleansers with ultrasophisticated scents How It Started: Retailers searched for a post-aromatherapy niche Judgment: *Smelling like a spa* is better than smelling like a lab… designer-housewares stores such as Williams-Sonoma and the Terence Conran Shop are offering household-cleaning products – dishwashing soaps, floor cleaners and countertop sprays-infused with essences *fit for a Zen retreat*. Consumers can choose among scrubs that *smell like green-tea patchouli, citrus-mint ilang-ilang or basil lemon verbena*. For the most part, the earth-friendly cleansers are "plant derived," meaning they don't contain man-made substances like ammonia [26].

3. Западный успешный бизнес-деятель, разделяющий философию Zen, как ролевая модель. Его концептуальные выводы (по публикации журнала «Forbes»).

From Star Wars to Rocky to Kung Fu Panda, *Zen Buddhist principles have sneaked into popular culture so seamlessly that we often don't even realize they're there.* As someone who's been practicing Buddhism for over two decades, I enjoy seeing these ideas pop up, whether it's *Yoda dropping wisdom or Po figuring out inner peace*. But I also believe that consciously applying these principles in our everyday lives and businesses, especially in highly regulated industries such as banking, is key to staying sane and grounded. Here are three Buddhist principles that help me lead *without (completely) losing my Zen* (*1. Love the struggle*. 2. *Focus on the present. 3. Practice the art of letting go*) [27].

4. Лидерство в стиле Zen.

Dr. Ginny Whitelaw covers *Zen Leadership* and the science of resonance.

But the way a worthy future will emerge is through *selfless leadership that is committed to adding value, not destroying it.* It will emerge through leaders *committed to lifting people up to the best within them, not dragging them down to their worst fears and grievances.* It will emerge through leaders who envision a worthy future and bring others along to manifest it in the present. To do these things well calls for *an agility in leadership style* that, according to the research at Korn Ferry, most leaders don't have [28].

Выводы

В первом приближении представляется возможным прийти к выводу о том, что в транскультурном контексте прецедентный феномен Дзен, номинируемый в английском языке лексемой zen, приобретает новые интерпретационные смыслы, обусловленные «принимающей» Западной культурой. Сложившись изначально как концепция философско-религиозного учения, Дзен получает и светское переосмысление, становится транснациональным культурным феноменом. Выявленные особенности его интерпретации, объективированные в современном англоязычном сообществе, указывают на сближение новых смыслов в западной и восточной культурах и активном развитии символической стороны актуализации языкового знака zen.

Перспективным видится сопоставительный аспект исследования на материале русскоязычных контекстов.

Список источников

1. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста : избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 129–132 // Русский филологический портал. URL: http://www.philology.ru/literature1/lotman-92b.htm (дата обращения: 10.12.2024).

2. Прошина З.Г. Английский язык и культура Восточной Азии. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. 476 с.

3. Степанов Ю.С. Концепт // Константы: Словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва : Академический проект, 2001. С. 43–80.

4. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Москва : Филология, 1997. Вып. 1. С. 82–103.

5. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? Москва : ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.

6. Малинович Ю.М. Семиосфера внутреннего мира человека // Внутренний мир человека: Семантические константы. Иркутск, 2007. С. 11–58.

7. Лотман Ю.М. К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) // Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин : Александра, 1981. С. 110–120. URL: https://yanko.lib.ru/books/cultur/lotman-selection.htm (дата обращения: 10.12.2024).

8. Кремнева А.В. Прецедентное имя как синкретный семиотический знак и его культурная обусловленность // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 4. С. 46–53.

9. Большая российская энциклопедия (БРЭ). URL: https://bigenc.ru/c/dzen-11603a (дата обращения: 12.04.2025).

10. Сафронова Е.С. Основные направления распространения дзэн-буддизма в странах Запада // Вопросы научного атеизма: Мистицизм: проблемы анализа и критики / под ред. В.И. Гараджа. Москва : Мысль, 1989. № 38. С. 147–166.

11. Джинджолия Б.И. Концепция просветления в учении Т.Д. Судзуки: теория и практика вопрошания : автореф. дис. … канд.филос. наук : 09.00.03 «История философии». Екатеринбург, 2004. 28 с.

12. Лобков К.С. К проблеме западных интерпретаций дзен. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-zapadnyh-interpretatsiy-dzen/viewer (дата обращения: 11.12.2024).

13. Александрова О.А. В.Н. Абаев о понимании психической культуры в дзен-буддизме // Вестник МГУКИ. 2023. № 2 (112). С. 51–57.

14. Уотс А. Книга Путь дзэн. Истоки, принципы, практика. Москва : София, 2004. 288 с.

15. Капло Ф. Три столпа дзен. Москва : Либрис, 1996. 480 с.

16. Караванова Е.К., Торопова Л.С. Лингвокультурный аспект символического значения слова zen (на материале англоязычных текстов китайских массмедийных источников) // Современные международные отношения в пространстве языков, культур, образовательных моделей : материалы Международной научно-практической конференции (г. Хабаровск, 20–21 ноября 2024 г.). Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2025. С. 220–226.

17. Shaolin abbot responds to commercialization criticism // Global Times, 03.03.2015. URL: https://www.globaltimes.cn/page/201503/909962.shtml (accessed: 10.01.2025).

18. Qi Xijia. Buddha mountain high Lingyin's ancient temple and mystical statues offer a reflective retreat // Global Times, 24.12.2015. URL: https://www.globaltimes.cn/page/201512/960372.shtml (accessed: 10.12.2024).

19. The secret to Muji's 'normcore' success in China. Simplicity and balance // Global Times, 12.09.2018. URL: https://www.globaltimes.cn/page/201809/1119312.shtml (accessed: 10.03.2025).

20. Yoga meets Zen in Shaolin Temple // Global Times, 27.08.2018. URL: https://www.globaltimes.cn/page/201808/1117208.shtml (accessed: 10.12.2024).

21. Yang Hui. The cowl does not make the monk // Global Times, 21.10.2015. URL: https://www.globaltimes.cn/page/201510/948294.shtml (accessed: 10.12.2024).

22. Cao Siqi. Guangdong temple hires new media talent // Global Times, 20.04.2015. URL: https://www.globaltimes.cn/page/201504/917648.shtml (accessed: 10.12.2024).

23. Exploring our inner labyrinths // Global Times, 26.03.2015. URL: https://www.globaltimes.cn/page/201503/914130.shtml (accessed: 10.12.2024).

24. Кузьминов Д.А. Философско-культурологические аспекты кодекса чести «Бусидо» // Время науки. 2016. Вып. 3. С. 26–34.

25. Melnick M. Mind Over Matter: Can Zen Meditation Help You Forget About Pain? // Time. 09.12.2010. URL: https:// healthland.time.com/2010/12/09/mind-over-matter-can-zen-meditation-help-you-forget-about-pain/ (accessed: 10.12.2024).

26. Horowitz J.M. Cleaning: Zen and the Art of Home Maintenance // Time, 08.04.2002. URL: https://time.com/archive/6666176/cleaning-zen-and-the-art-of-home-maintenance/ (accessed: 10.12.2024).

27. Mile de Vere. How To Succeed In Finance Without Losing Your Inner Buddha // Forbes, 04.12.2024. URL: https://www.forbes.com/councils/forbesfinancecouncil/2024/12/04/how-to-succeed-in-finance-without-losing-your-inner-buddha/ (accessed: 10.12.2024).

28. Whitelaw G. Moving In Style: Physical Strategies For The Agile Work Of Leadership // Forbes, 01.12.2024. URL: https://www.forbes.com/sites/ginnywhitelaw/2024/12/01/moving-in-style-physical-strategies-for-the-agile-work-of-leadership/ (accessed: 10.12.2024).

References

1. Lotman Yu.M. Semiotika kul'tury i ponyatie teksta : izbrannye stat'i [Semiotics of culture and the concept of text / selected articles]. T. 1. Tallinn, 1992. P. 129–132. Russkij filologicheskij portal. URL: http://www.philology.ru/literature1/lotman-92b.htm (accessed: 10.12.2024). (In Russ.).

2. Proshina Z.G. Anglijskij yazyk i kul'tura Vostochnoj Azii [English language and East Asian culture]. Vladivostok, 2001. 476 p. (In Russ.).

3. Stepanov Yu.S. Koncept [Concept]. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury [Constants: Dictionary of Russian Culture:]. Moscow : Akademicheskij proekt, 2001. P. 43–80. (In Russ.).

4. Zaharenko I.V., Krasnyh V.V., Gudkov D.B., Bagaeva D.V. Precedentnoe imya i precedentnoe vyskazyvanie kak simvoly precedentnyh fenomenov [Precedent name and precedent utterance as symbols of precedent phenomena] // Yazyk, soznanie, kommunikaciya : sb. statej [Language, consciousness, communication: Collection of articles]. Moscow : Filologiya, 1997. Vyp. 1. P. 82–103. (In Russ.).

5. Krasnyh V.V. «Svoj» sredi «chuzhih»: mif ili real'nost'? ['Svoi' among 'strangers': myth or reality?]. Moscow : Gnozis, 2003. 375 p. (In Russ.).

6. Malinovich Yu.M. Semiosfera vnutrennego mira cheloveka [Semiosphere of the inner world of man]. Vnutrennij mir cheloveka: Semanticheskie konstanty [The inner human world: Semantic constants]. Irkutsk, 2007. P. 11–58. (In Russ.).

7. Lotman Yu.M. K postroeniyu teorii vzaimodejstviya kul'tur (semioticheskij aspekt) [Towards the construction of the theory of interaction of cultures (semiotic aspect)]. Stat'i po semiotike i topologii kul'tury. Tallin : Aleksandra, 1981. P. 110–120. URL: https://yanko.lib.ru/books/cultur/lotman-selection.htm (accessed: 10.12.2024). (In Russ.).

8. Kremneva A.V. Precedentnoe imya kak sinkretnyj semioticheskij znak i ego kul'turnaya obuslovlennost' [Precedent name as a syncretic semiotic sign and its cultural conditioning]. Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2019. № 4. P. 46–53.

9. Bol'shaya Rossijskaya enciklopediy [Big Russian Encyclopaedi]. URL: https://bigenc.ru/c/dzen-11603a (accessed: 12.04.2025). (In Russ.).

10. Safronova E.S. Osnovnye napravleniya rasprostraneniya dzen-buddizma v stranah Zapada [The main directions of the spread of Zen Buddhism in the countries of the West]. Voprosy nauchnogo ateizma: Misticizm: problemy analiza i kritiki [Questions of scientific atheism: Mysticism: problems of analysis and criticism]. Moscow : Mysl', 1989. № 38. P. 147–166. (In Russ.).

11. Dzhindzholiya B.I. Koncepciya prosvetleniya v uchenii T.D. Sudzuki: teoriya i praktika voproshaniya : avtoref. dis. … kand. filos. nauk [Concept of enlightenment in the doctrine of T.D. Suzuki: theory and practice of questioning : autoref. dis. ... cand. of Philosophy]. Ekaterinburg, 2004. 28 p. (In Russ.).

12. Lobkov K.S. K probleme zapadnyh interpretacij dzen [To the problem of Western interpretations of Zen]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-zapadnyh-interpretatsiy-dzen/viewer (accessed: 11.12.2024). (In Russ.).

13. Aleksandrova O.A. V.N. Abaev o ponimanii psihicheskoj kul'tury v dzen-buddizme [V.N. Abaev on the understanding of psychic culture in Zen Buddhism] // Vestnik MGUKI. 2023. № 2 (112). P. 51–57. (In Russ.).

14. Uots A. Kniga Put' dzen. Istoki, principy, praktika [The Way of Zen Book. Origins, principles, practice]. Moscow : Sofiya, 2004. 288 p. (In Russ.).

15. Kaplo F. Tri stolpa dzen [The three pillars of Zen]. Moscow : Libris, 1996. 480 p. (In Russ.).

16. Karavanova E.K., Toropova L.S. Lingvokul'turnyj aspekt simvolicheskogo znacheniya slova zen (na materiale angloyazychnyh tekstov kitajskih massmedijnyh istochnikov) [Linguocultural aspect of the word zen symbolic meaning (on the English-language texts of Chinese mass-media sources)] // Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya v prostranstve yazykov, kul'tur, obrazovatel'nyh modelej : materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Khabarovsk, 20–21 November, 2024) [Modern International Relations in the Space of Languages, Cultures, Educational Models: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. Khabarovsk, 2025. P. 220–226. (In Russ.).

17. Shaolin abbot responds to commercialization criticism // Global Times, 03.03.2015. URL: https://www.globaltimes.cn/page/201503/909962.shtml (accessed: 10.01.2025).

18. Qi Xijia. Buddha mountain high Lingyin's ancient temple and mystical statues offer a reflective retreat // Global Times, 24.12.2015. URL: https://www.globaltimes.cn/page/201512/960372.shtml (accessed: 10.12.2024).

19. The secret to Muji's 'normcore' success in China. Simplicity and balance // Global Times, 12.09.2018. URL: https://www.globaltimes.cn/page/201809/1119312.shtml (accessed: 10.03.2025).

20. Yoga meets Zen in Shaolin Temple // Global Times, 27.08.2018. URL: https://www.globaltimes.cn/page/201808/1117208.shtml (accessed: 10.12.2024).

21. Yang Hui. The cowl does not make the monk // Global Times, 21.10.2015. URL: https://www.globaltimes.cn/page/201510/948294.shtml (accessed: 10.12.2024).

22. Cao Siqi. Guangdong temple hires new media talent // Global Times, 20.04.2015. URL: https://www.globaltimes.cn/page/201504/917648.shtml (accessed: 10.12.2024).

23. Exploring our inner labyrinths // Global Times, 26.03.2015. URL: https://www.globaltimes.cn/page/201503/914130.shtml (accessed: 10.12.2024).

24. Kuz'minov D.A. Filosofsko-kul'turologicheskie aspekty kodeksa chesti «Busido» [Philosophical and cultural aspects of the honour 'Bushido' code] // Vremya nauki. 2016. Vyp. 3. P. 26–34. (In Russ.).

25. Melnick M. Mind Over Matter: Can Zen Meditation Help You Forget About Pain? // Time. 09.12.2010. URL: https:// healthland.time.com/2010/12/09/mind-over-matter-can-zen-meditation-help-you-forget-about-pain/ (accessed: 10.12.2024).

26. Horowitz J.M. Cleaning: Zen and the Art of Home Maintenance // Time, 08.04.2002. URL: https://time.com/archive/6666176/cleaning-zen-and-the-art-of-home-maintenance/ (accessed: 10.12.2024).

27. Mile de Vere. How To Succeed In Finance Without Losing Your Inner Buddha // Forbes, 04.12.2024. URL: https://www.forbes.com/councils/forbesfinancecouncil/2024/12/04/how-to-succeed-in-finance-without-losing-your-inner-buddha/ (accessed: 10.12.2024).

28. Whitelaw G. Moving In Style: Physical Strategies For The Agile Work Of Leadership // Forbes, 01.12.2024. URL: https://www.forbes.com/sites/ginnywhitelaw/2024/12/01/moving-in-style-physical-strategies-for-the-agile-work-of-leadership/ (accessed: 10.12.2024).

Информация об авторах

Е.К. Караванова – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и межкультурная коммуникация»;
Л.С. Торопова – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и межкультурная коммуникация».

Information about the authors

E.K. Karavanova is Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Intercultural Communication;
L.S. Toropova is Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Intercultural Communication.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests

Статья поступила в редакцию 24.03.2025; одобрена после рецензирования 11.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.
The article was submitted 24.03.2025; approved after reviewing 11.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2025. Т. XXII, Вып. 2. С. 155–159
The Humanities and Social Studies in the Far East. 2025. Vol. XXII, Is. 2. P. 155–159

Научная статья
УДК 811.581
doi:10.31079/1992-2868-2025-22-2-155-159

ДИСКУРСИВНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА HYGGE В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МАССМЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Людмила Сергеевна Торопова

Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия, lyuda_b2004@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу языковых средств дискурсивного конструирования Hygge как концептуального пространства в англоязычном массмедийном дискурсе. Материалом исследования выбраны лингвистические контексты газетно-публицистических источников Китая и Великобритании (2012–2021). Приемы концептуального анализа позволили в первом приближении выявить языковые средства, объективирующие ассоциативные атрибуты скандинавского феномена hygge, номинируемые в современном английском языке. Автор приходит к выводу о том, что ведущей стратегией дискурсивного конструирования концептуального пространства Hygge в массмедийных текстах является создание его репрезентации средствами перцептивной и положительно оценочной номинации в целях коммерциализации рассматриваемого феномена.

Ключевые слова: хюгге/Hygge, культурный феномен, дискурсивное конструирование, концептуальное пространство

Original article

DISCURSIVE CONSTRUCTING OF THE HYGGE CONCEPT IN ENGLISH-LANGUAGE MASS MEDIA FRAMEWORK

Lyudmila S. Toropova

Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia, lyuda_b2004@mail.ru

Abstract. The article dwells on the analysis of linguistic means of discursive constructing of Hygge as a conceptual framework in English-language mass-media discourse. Linguistic contexts of Chinese and British newspaper and journalistic sources (2012–2021) were chosen as the material of the study. The techniques of conceptual analysis allowed us to identify, in a first approximation, the linguistic means objectifying associative attributes of the Scandinavian phenomenon hygge, nominated in modern English. The author comes to the conclusion that the leading strategy of discursive constructing of Hygge conceptual framework in mass-media texts is to create its representation by means of perceptual and positively evaluative nomination in order to commercialize the phenomenon in question.

Keywords: Hygge, cultural phenomenon, discourse constructing, conceptual framework

Введение

В контексте взаимодействия культур и языков современного мира неизбежно возникают феномены, содержание которых отражает процесс их заимствования и интерпретации в принимающей культурной среде. Один из них, привлекающий внимание исследователей, феномен «хюгге» / «hygge», первоначально возник благодаря популяризации скандинавского образа жизни в западных странах – Великобритании, США, Европе – и успешно продвигается как имя-бренд в глобальном масштабе.

Настоящая статья посвящена изучению лингвистических особенностей дискурсивного конструирования концепта Hygge в современном англоязычном пространстве в свете положений когнитивно-дискурсивной парадигмы, теории дискурса, согласно которым язык и культура играют ключевую роль в формировании социальной реальности, её отражении и активном создании.

Многолетний опыт ученых, представителей зарубежной и российской школ дискурсивного анализа в широком понимании, позволяет принять за исходное положение о том, что дискурс – это не просто средство коммуникации, а мощный инструмент формирования социальных смыслов и структур. Дискурсивное конструирование в данной работе представляется технологией создания определенного фрагмента мира – концептуального пространства Hygge (в понимании Ю.С. Степанова как «сгустока культуры в сознании человека», «концептуализированной областью, в которой объединяются слова, мифологемы, ритуалы» [1: с. 68]).

© Торопова Л.С., 2025

Следует отметить, что предмет исследования – концепт Hygge и одноименная концептуальная сфера, объективируемая лексемами-репрезентантами, концептуализируется через призму внутреннего мира человека, языковая репрезентация которого субъективна по своей природе. Актуальность данной исследовательской проблемы, активность проведения научных работ антропоцентрического характера, посвященных, в том числе, культурным феноменам, не вызывает сомнений. По словам Ю.М. Малиновича, «…ценностное осмысление познаваемого человеком мира представлено в языке… ценностно мерным объектом является и сам человек, его ментальный внутренний мир» [2: с. 79–80].

Примечательно, что скандинавское слово hygge (датского, норвежского происхождения) в 2016 г. было включено в Оксфордский словарь современного английского языка [3], что свидетельствует о его официальном закреплении в составе английского языка и британской культуре соответственно. Дальнейшее продвижение и развитие культурного феномена hygge основано на создании его привлекательности, в первую очередь, путем коммерциализации имени-бренда hygge.

Обращаясь к лингвистическим особенностям дискурсивного конструирования контекстов, вербализующих концепт Hygge, вслед за С.Н. Плотниковой отметим, что реальный мир находится в процессе постоянного социального конструирования, «любое вплетенное в этот процесс порождение дискурса можно назвать дискурсивным конструированием мира. В этом процессе создается мир, в который говорящий / пишущий полностью вовлечен: он живет в этот момент внутри данного мира и творит его своими действиями и своим дискурсом» [4: с. 76]. Опираясь на концепцию Э. Гоффмана, который впервые указал на то, что любое общение носит стратегический характер [5], учёный подчеркивает важность определения специфики стратегичности как параметра, как унифицированного способа конструирования дискурса, которого человек преимущественно придерживается в процессе общения [6: с. 78–79].

Учитывая вышесказанное, представляется возможным провести лингвистический анализ реализации стратегии коммерциализации имени Hygge в массмедийном дискурсе как инструмента его дискурсивного конструирования.

Материал и результаты исследования

Массмедийный дискурс призван играть важную роль в формировании общественного мнения, оказывать влияние на поведение людей и политические процессы; служить инструментом для продвижения определённых интересов и идеологий. Следуя мнению Т.Г. Добросклонской, отметим особенности текстов этого типа дискурса. Их специфика заключается в том, что язык средств массовой информации обладает определенной целостностью и единством наличия устойчивых форматов, тематической структуры и стандартных способов подачи информации. Язык СМИ характеризуется значительной функционально-стилевой разнородностью, что отражает универсальность тематики, открытость и динамичность текстов массовых медиа в их взаимодействии с другими сферами речевого общения [7: с. 34].

Авторы текстов, носители и неносители английского языка и/или его вариантов, «технологически» создают тексты, привлекающие внимание к имени hygge, и адресуют их массовому читателю, целенаправленно задавая определенные маркеры-атрибуты, ассоциативно и концептуально связанные с феноменом hygge. Тем самым формируется чувственно-наглядное и положительно оцениваемое представление о нём средствами английского языка. Особый исследовательский интерес обращен к транскультурному языковому пространству англоязычного Китая, в котором через английский язык объективируется множество культурных кодов в процессах адаптации, интерпретации и переосмысления в рамках разных культурных контекстов, способствуя межкультурному диалогу и взаимопониманию (см., например, исследования, посвященные феномену куклы Барби [8]).

Проведенный анализ фактологического материала позволил выявить наиболее типичные лексемы-репрезентанты концептуального пространства Hygge в контексте дискурсивного конструирования данного феномена.

Так, в одном из текстов издания «China Daily» встречаем следующее высказывание китайского автора о датской мебели [9]:

«Danish furniture is known for conjuring *up an intimate sense of peace and tranquility while exuding a warm vibe*». Датская мебель известна тем, что вызывает *интимное ощущение мира и спокойствия*, *излучая при этом теплую атмосферу*.

В следующем контексте отметим: «…Lee recalled growing up with her *mother's interpretation of hygge* – a Danish word *suggesting cozy and comfortable spaces.* "Denmark is cold," she deadpanned. "People are stuck indoors for so many months that they are *more willing to spend money on home improvements and renovations. They will buy long-lasting furniture, which is what makes Danish design sustainable*." Ли вспоминает, как она росла с *маминой интерпретацией*

hygge – датского слова*, обозначающего уютные и комфортные помещения*. «В Дании холодно, – сказала она. – Люди так много месяцев сидят дома, что *охотнее тратят деньги на благоустройство и ремонт. Они будут покупать мебель с длительным сроком службы, что и делает датский дизайн устойчивым*».

Автор подчеркивает важность культурных и социально-экономических факторов в формировании национальных ценностей и эстетики. В условиях холодного климата и длительных зимних месяцев датский подход к созданию уютных, функциональных и долговечных интерьеров становится не только выражением эстетического вкуса, но и стратегией обеспечения комфорта и устойчивости в повседневной жизни. Выделенные курсивом языковые средства вербализуют концептуальные признаки «тепло», «мир», «спокойствие / умиротворение» в контрасте «зима-холод» – «атмосфера дома, тепло внутри».

Образ «чистого и простого» дизайна, связанный с идеей «устойчивости и долговечности», отражает ценности социальной стабильности и заботы о благополучии граждан (в Дании), которые определенно важны для китайских читателей. В целом, идея автора иллюстрирует важность интеграции культурных особенностей в дизайн как средство укрепления национальной идентичности, повышения качества жизни и продвижения западного товара (мебели в скандинавском стиле) на Востоке:

"As a socialist country, Denmark's *welfare benefits everyone, and people enjoy their daily lives.* That comes through in *Danish design* being *clean and simple. Timeless design is also our studio's philosophy*," Lee added. «Как социалистическая страна, Дания *обеспечивает всеобщее благосостояние, и люди наслаждаются своей повседневной жизнью.* Это проявляется в том, что *датский дизайн чист и прост. Нестареющий дизайн – это также философия нашей студии*». Как видим, используются ключевые лексемы и их сочетания, номинирующие положительную оценку в контексте концептуального пространства Hygge: «a socialist country, Denmark's welfare benefits everyone, people enjoy their daily lives».

Следующий лингвистический контекст выбран из текста издания “The Times”, транслирующего британский взгляд на Hygge. Так, наиболее иллюстративными оказались тексты рекламного характера, построенные на описании туристических пространств, гостиничных объектов, интерьеров, например [10]:

Rooms and suites Climb the stairs to an *inviting* communal *chill-out space* with *a mid-century vibe* and *inspiring coffee-table tomes about nature and the environment*. Off the lounge area are three *cocooning bedrooms*. All are *a triumph of low-key luxe*, with earthy colour schemes and *hygge highlights* such as *wonky wooden bowls, woolly fabric chairs, chunky knit cushions and artfully arranged vases of goat willow.* They escape any suggestion of vanilla anonymity thanks to *original features such as exposed stone, feature fireplaces, airy sash windows and restored beams.* This is a restaurant with rooms, so the bedside nibbles are a cut above, including *home-cured charcuterie and Yorkshire parkin wrapped in wax paper*. *Spacious wet rooms have aromatherapy*-inspired Chapter Organics products.	**Номера и люксы** *(перевод наш. – Л.Т.)* Поднимитесь по лестнице в *уютную общую гостиную, оформленную в стиле mid-century, с вдохновляющими книгами о природе и окружающей среде в кофейных столиках.* За гостиной находятся три уютные спальни. Все они представляют собой *триумф сдержанной роскоши*, с земляными цветовыми решениями *и такими элементами стиля hygge, как деревянные чаши, стулья из шерстяной ткани, пухлые вязаные подушки и искусно расставленные вазы из козьей ивы.* Они избавлены от любого намека на ванильную анонимность благодаря *оригинальным элементам*, таким как *открытый камень, камины, воздушные створчатые окна и восстановленные балки.* Это ресторан с номерами, поэтому прикроватные закуски здесь на порядок выше, *включая домашнюю стряпню и йоркширский конфитюр, завернутый в вощеную бумагу.* В *просторных влажных комнатах* есть средства Chapter Organics, вдохновленные ароматерапией.

Как явствует из контекста, автор лингвистически «рисует» образы Hygge в максимально привлекательном свете: здесь есть форма за счет названий объектов интерьера, цвет, свет, объемность пространства, температура, запахи, осязаемость материалов, их определенная текстура, создающая уют, «доступную роскошь», частью которой являются ароматические средства для дома (Chapter Organics) как предмет скрытой рекламы.

Еще один западный автор пишет на английском языке для китайской аудитории, одновременно формируя «палитру» представления о Hygge как феномене скандинавской культуры [11]:

If *you're away from home*, feeling a bit blue or *searching for some comfort*, the Danes have a *solution*. It's called "*hygge,"* and it's *becoming a sensation around the globe*. Если *вы находитесь вдали от дома*, чувствуете себя не в своей тарелке или *ищете уюта*, у датчан есть решение. Оно называется *«hygge»* и *становится сенсацией во всем мире*.

Emerging from Danish culture, but popularized by the British in 2016, *hygge is much more than just a word*. It is

a whole world of customs and behaviors designed to make people feel good together. Зародившийся в датской культуре, но популяризированный британцами в 2016 г., *hygge – это не просто слово*. Это *целый мир обычаев и моделей поведения, направленных на то, чтобы людям было хорошо вместе*.

The hygge concept is hard to define. It refers to the sense of well-being you get when your family is gathered together at new year or Christmas. *It is all about the pleasant sensations of home: the scents of your mother's cooking*, *your partner's arm around your shoulder,* a *warm mug of tea in your hand* and so on. Понятию hygge трудно дать определение. Оно означает *чувство благополучия*, которое возникает, когда *семья собирается вместе на Новый год или Рождество*. Речь идет о *приятных ощущениях дома: запахи маминой стряпни, рука партнера на плече, теплая кружка чая в руке* и так далее.

Отметим выбор языковых атрибутов – лексем, ассоциативно связанных с Hygge в описательных контекстах. Это не синонимы в системе языка, но дискурсивные референты, объединенные концептуальным пространством:

If you want *to feel what hygge is like*, *light a few candles* and *settle in for a cozy evening on the sofa*, perhaps *listening to some soft music*. Если вы хотите *почувствовать, что такое hygge*, зажгите несколько *свечей* и устройтесь на *диване*, чтобы провести уютный вечер, возможно, *слушая тихую музыку*.

Объективируется также признак «Hygge – это телесное и психологическое расслабление, средство уйти от стресса»:

Hygge is an *antidote to stress*. *It is impossible to measure*, but you know when you've got it because *a gentle warmth starts spreading through your body*. Hygge – это *противоядие от стресса*. Его *невозможно измерить*, но вы знаете, когда он у вас есть, потому что *по телу начинает распространяться мягкое тепло*.

Встречается образная метафора «Hygge – это цифровой детокс»:

Another important part of hygge is that it *does not involve modern technology*. It's a *digital detox* designed *to relax your exhausted mind and eyes*. So, put down that smartphone and turn off the computer. They are definitely not hygge. Еще одна важная составляющая hygge – *отсутствие современных технологий*. Это *цифровой детокс*, призванный *расслабить ваш измученный ум и глаза*. Так что отложите смартфон и выключите компьютер. Это точно не hygge.

Выводы

В рамках дискурсивного конструирования концепта «хюгге» (hygge) можно проследить, как это слово, изначально являющееся культурной категорией датской традиции, трансформируется в маркетинговый символ, посредством которого формируется определённый образ благополучия и уюта. В процессе его использования в рекламных и публицистических текстах происходит не просто вербализация культурных ценностей, а конструирование смысловых связей между понятием и потребительским опытом, что способствует созданию определенного дискурса заботы о благополучии.

Через стратегическое внедрение «хюгге» в маркетинговые практики формируется дискурсивная позиция, в которой слово выступает не только как лингвистический знак, но и как средство привлечения внимания, формирования идентичности бренда и установления эмоциональной связи с аудиторией. В этом контексте «хюгге» становится не просто термином, а ключевым репрезентантом концепта уюта и комфорта, который активно конструируется и переосмысливается в рамках глобальных дискурсов о стиле жизни.

При этом процесс актуализации слова «hygge» в англоязычной среде демонстрирует его переход от культурного к маркетинговому дискурсу: он закрепляется в системе английского языка как слово года и становится универсальным маркером скандинавской идентичности. В рамках массмедийного дискурса «hygge» функционирует как инструмент вербализации культурных корней, интерпретируемых в различных контекстах – от западных до азиатских, – что подчеркивает его роль как дискурсивного ресурса для формирования образов и стратегий коммуникации.

Таким образом, анализ языковых особенностей актуализации слова «hygge» показывает, как через дискурс создается и поддерживается определённая смысловая матрица: слово становится не только лингвистическим знаком, но и мощным инструментом конструирования социально значимых образов, способствующих формированию идентичности бренда или идеи. В этом процессе важную роль играет не только семантика слова, но и его позиционирование в конкретных текстах (дискурсивный концепт, концептуальное пространство) – в рекламных, публицистических или интернет-ресурсах, – что позволяет понять механизмы его функционирования как дискурсивного элемента современного коммуникационного пространства, проследить специфику адаптации в «чужих» культурах, способствующей объединению элементов разных культур и развитию глобальной культуры.

В целом, проведенный анализ показывает, как культурный феномен hygge превращается в маркетинговый инструмент через языковую репрезентацию и медийное распространение. Представляется перспективным продолжение исследования в социокультурном направлении.

Список источников

1. Степанов Ю.С. Концепт // Константы : Словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва : Академический проект, 2001. С. 43–80.
2. Малинович Ю.М. Иерархия ценностей внешнего мира и внутреннего мира человека // Лингвистика и аксиология: этносемиометрия ценностных смыслов : коллективная монография. Москва : ТЕЗАУРУС, 2011. С. 77–98.
3. Collins Language Lovers blog / Top 10 Collins Words of the Year 2016. URL: https://blog.collinsdictionary.com/language-lovers/top-10-collins-words-of-the-year-2016/ (accessed: 22.02.2025).
4. Плотникова С.Н. Дискурсивные технологии и их роль в конструировании социального мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. № 3 (714). С. 72–83.
5. Goffman E. Strategic Interaction. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1969. 145 p.
6. Плотникова С.Н. Концептуальные основания конструирования дискурсивных практик // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2018. № 3 (31). С. 78–86.
7. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов. Москва : УРСС, 2005. 288 с.
8. Торопова Л.С., Караванова Е.К. К вопросу о транскультурной вариативности интерпретации концепта Barbie в современном англоговорящем китайском языковом сообществе // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2024. Т. 21, № 1. С. 199–205.
9. Lo R. Chairs that love you back // China daily 10.09.2021. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202109/10/WS613b06d5a310efa1bd66eaf2.html (accessed: 15.03.2025).
10. d'Arcy S. Myse hotel review: a restaurant with rooms in North Yorkshire // The Times. 28.02.2024. URL: https://www.thetimes.com/travel/destinations/uk-travel/england/myse-hotel-90cgmgzvr (accessed: 19.04.2025).
11. Garlick J. A new antidote to stress // Global Times. 22.03.2017. URL: https://www.globaltimes.cn/page/201703/1038980.shtml (accessed: 27.04.2025).

References

1. Stepanov Yu.S. *Koncept* [Concept]. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury [Constants: Dictionary of Russian Culture:]. Moscow : Akademicheskij proekt, 2001. P. 43–80. (In Russ.).
2. Malinovich YU.M. Ierarhiya cennostej vneshnego mira i vnutrennego mira cheloveka [Hierarchy of values of the external world and the internal world of a person] // Lingvistika i aksiologiya: etnosemiometriya cennostnyh smyslov : kollektivnaya monografiya. Moscow : TEZAURUS, 2011. P. 77–98. (In Russ.).
3. Collins Language Lovers blog / Top 10 Collins Words of the Year 2016. URL: https://blog.collinsdictionary.com/language-lovers/top-10-collins-words-of-the-year-2016/ (accessed: 22.02.2025).
4. Plotnikova S.N. Diskursivnye tekhnologii i ih rol' v konstruirovanii social'nogo mira [Discursive technologies and their role in the construction of the social world] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2015. № 3 (714). P. 72–83. (In Russ.).
5. Goffman E. Strategic Interaction. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1969. 145 p.
6. Plotnikova S.N. Konceptual'nye osnovaniya konstruirovaniya diskursivnyh praktik [Conceptual bases for the construction of discursive practices] // *Vestnik MSPU*. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. YAzykovoe obrazovanie. 2018. № 3 (31). P. 78–86. (In Russ.).
7. Dobrosklonskaya T.G. *Voprosy izucheniya mediatekstov* [Issues in media text studies]. Moscow : URSS, 2005. 288 p. (In Russ.).
8. Toropova L.S., Karavanova E.K. K voprosu o transkul'turnoj variativnosti interpretacii koncepta Barbie v sovremennom anglogovoryashchem kitajskom yazykovom soobshchestve [On the issue of transcultural variation in the interpretation of the Barbie concept in the modern English-speaking Chinese language community] // *Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke.* 2024. T. 21, no. 1. P. 199–205. (In Russ.).
9. Lo R. Chairs that love you back // China daily 10.09.2021. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202109/10/WS613b06d5a310efa1bd66eaf2.html (accessed: 15.03.2025).
10. d'Arcy S. Myse hotel review: a restaurant with rooms in North Yorkshire // The Times. 28.02.2024. URL: https://www.thetimes.com/travel/destinations/uk-travel/england/myse-hotel-90cgmgzvr (accessed: 19.04.2025).
11. Garlick J. A new antidote to stress // Global Times. 22.03.2017. URL: https://www.globaltimes.cn/page/201703/1038980.shtml (accessed: 27.04.2025).

Информация об авторе

Л.С. Торопова – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и межкультурная коммуникация».

Information about the author

L.S. Toropova is Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Intercultural Communication.

Статья поступила в редакцию 05.04.2025; одобрена после рецензирования 11.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.
The article was submitted 05.04.2025; approved after reviewing 11.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2025. Т. XXII, Вып. 2. С. 160–166
The Humanities and Social Studies in the Far East. 2025. Vol. XXII, Is. 2. P. 160–166

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

ETHNIC IDENTITY IN THE DIGITAL AGE

Научная статья
УДК 39: 930.85
doi:10.31079/1992-2868-2025-22-2-160-166

ВЛИЯНИЕ КИБЕРПРОСТРАНСТВА НА ЭТНИЧНОСТЬ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

Сергей Васильевич Березницкий
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия, orcid.org/0000-0001-6235-5542, Science ResearcherID AAA-3343-2019, svbereznitsky@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются этнокультурные особенности последствий воздействия киберпространства на этничность современных коренных народов Севера Дальнего Востока России, на смешение этнических традиций и границ, традиционных и современных верований и обычаев, родных и заимствованных языков, культурных ценностей и социальных практик. Коренные народы Севера не только используют в своих целях виртуальный контент, но и сами активно производят специфическую, этнически обособленную среду смыслов и представлений. Нередко коммуникация, поиск в интернете и дальнейшее использование информации приводит к гибридному характеру процесса обновления этничности.

Ключевые слова: коренные народы Севера Дальнего Востока России, киберэтнография, социальные сети, гибридная этничность

Original article

THE IMPACT OF CYBERSPACE ON THE ETHNICITY OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH

Sergey V. Bereznitsky
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation, orcid.org/0000-0001-6235-5542, Science ResearcherID AAA-3343-2019, svbereznitsky@yandex.ru

Abstract. The article considers ethnocultural features of cyberspace's impact on the hybrid ethnicity of modern indigenous peoples of the North of the Russian Far East. Hybrid ethnicity is understood as a mixture of ethnic traditions, boundaries, beliefs, customs, languages, and social practices. Indigenous peoples of the North not only use virtual content for their own purposes, but also actively produce a specific, ethnically isolated environment of meanings and representations. Often, communication, Internet search and further use of information leads to a hybrid character of the process of ethnicity renewal.

Keywords: indigenous Peoples of the North of the Russian Far East, cyber-ethnography, social networks, hybrid ethnicity

Киберпространство, имеющее в основе технологическую инфраструктуру, отличается неделимостью, трансграничностью, несводимостью к параметрам физического мира, изменчивостью, многомерностью. Социальный аспект киберпространства связан с воздействием на человека, находящегося в цифровой среде [8: с. 52–70; 13: с. 66–71].

В соответствии с концепцией Ф. Барта этнические границы формируются в результате активных межэтнических контактов, а не в силу закрытости и изолированности человеческих общностей друг от друга [2: с. 9–49]. Со временем механизмы формирования этнических границ эволюционируют, трансформируются, обрастают новыми компонентами и технологиями. Появившуюся и распространившуюся в интернете этническую идентичность стали называть виртуальной. В виртуальном мире рассеяны многочисленные этнокультурные объекты, каналы коммуникации, социальные группы, которые характеризуются множественными индивидуальными и коллективными идентичностями, смешанной этничностью, получившей устойчивое наименование: гибридная идентичность [4: с. 17].

Актуальность темы обусловлена необходимостью исследования виртуальной этнической идентичности, факторов формирования, сущности и механизмов функционирования гибридной этничности коренных народов Севера как проекции реаль-

© Березницкий С.В., 2025

ной, проявляющейся в коммуникационных процессах в этнических сетевых сообществах.

Гибридная этничность коренных народов Севера в социальных сетях исследуется на основе синтеза концепций отечественных и зарубежных ученых, специалистов в этой сфере, и в вопросах межэтнических коммуникаций: М. Постера, М. Кастельса, А.В. Головнёва, С.Ю. Белоруссовой, Т.С. Киссер.

Первопроходцем исследований виртуальной этничности считается американский философ и социолог М. Постер, посвятивший на рубеже XX и XXI столетий несколько работ изучению этнической идентичности эпохи постмодерна. Под этим культурным институтом он понимал технологически опосредованный механизм калейдоскопичной самоидентификации человека по этническому признаку. Постер противопоставил «цифровую неоэтничность» её традиционному прототипу. Кибернеоэтничность в виртуальном коммуникативном пространстве стремительно изменяет привычные этнические смыслы и заменяет собой реальный мир. Виртуальная этничность стала своеобразным вариантом этничности «реальной». Хотя она еще не так фундаментальна, еще не имеет глубоких связей с исторической памятью. Нередко её называют контекстной киберэтничностью, особой, новой формой проявления этничности в интернет-среде [16: с. 184–211; 14: с. 61, 74, 78–84 and ets.; 15: с. 71–94, 117–138; 3: с. 37]. Киберсфера все активнее проникает во все аспекты жизни. Человек уже трудится в сетях и получает от этой деятельности необходимые для своего существования финансовые средства, он считает сети счастьем или проклятием. Сеть стала виртуальной жизнью, но постепенно акценты меняются, и для многих пользователей кибермир уже стал приобретать характер даже большей реальности. Действующая в киберпространстве скорость обмена информацией не оставляет человеку времени для размышления [5: с. 8, 15; 6: с. 57–78; 7: с. 61–63; 10: с. 160].

Одной из особенностей современной жизни становится все более активное воздействие на людей киберпространства, киберменталитета и, как следствие, появление информационных сетевых сообществ. Такими следует считать добровольно формируемые в информационном пространстве социальные сети, включающие в себя пользователей не только с общностью интересов, но, прежде всего, разделяющих этнокультурные ценности. Общение в киберпространстве используется для контрастности этнической идентичности, которая становится наиболее важным маркером для вступления в сеть [9: с. 63, 153].

В настоящее время коренные народы Севера, равно как и остальные народы Российской Федерации, практически все обладают смартфонами, компьютерами, планшетами, которые используют не только для непосредственного вербального и видеообщения, но и для безопасного и комфортного контакта с помощью приложений Whatsapp, Skype, Viber, Telegram, Signal, Threema и др., разрешенных законодательством. Наибольшей популярностью пользуется приложение Whatsapp благодаря своей простоте, удобству навигации по чатам, возможности быстро создавать конференции и групповые переписки. При этом мало кого из обычных пользователей волнует низкая конфиденциальность этой системы. С помощью приложений люди общаются как на персональном, так и на групповом уровне. Женщины обмениваются рецептами различных блюд, орнаментами для поделок; молодежь – ссылками при поиске музыкальных файлов; автолюбители, охотники и рыболовы – информацией об оптимальной возможности приобретения запасных частей для техники, лодочных моторов и снегоходов, рыболовных снастей и т.п.

В.П. Соловьева, нивхинка 1967 г.р., проживающая в с. Иннокентьевка Николаевского района Хабаровского края, рассказала в июне 2022 г. о своей методике использования сотового телефона и социальных сетей в личной и общественной жизни, при организации нивхского праздника «День первой воды» [11]. При этом она использует гаджеты: обзванивает наиболее активных женщин в селе, общается с ними в чате, ищет желающих участвовать в празднике, выясняет возможность приготовить нивхское блюдо для конкурса традиционной кухни, угощения гостей и духов. Участие в праздничных мероприятиях исключительно добровольное. В настоящее время все праздники организовывают женщины, так как они более, чем мужчины, эмоциональны, внимательны к родной культуре и языку, стараются сохранить и даже возродить их некоторые элементы. Конкретной даты для проведения праздника «День первой воды» не существует. Обычно лиманские нивхи празднуют его в конце апреля или в начале мая. Все зависит от природных и климатических условий, от момента освобождения Амура ото льда. В состав сценария праздника органичным компонентом входит ритуал угощения *Тол ызга* – духа-хозяина воды. Информантка подчеркнула значительную трансформацию его мировоззренческой основы: в традиционной культуре этот ритуал могли устраивать только старики, пожилые мужчины, наиболее уважаемые и авторитетные в конкретном сообществе люди, ко-

торые всю жизнь занимались рыболовством, общались с духами воды и другими светлыми силами, помогающими в промысле. Теперь, в связи с особенностями демографии, изменением традиционного образа жизни и по многим другим причинам стариков-нивхов практически не осталось и их функции в праздничной культуре исполняют женщины. Они сообщают по социальным сетям организаторам мероприятия о том, какие блюда приготовят и принесут на берег Амура. Обязательными являются блюда из рыбы, прежде всего, *тала* из щуки, сазана, ленка, сига, тайменя, осетра, калуги. Осетр и калуга включены в Красную книгу, но, несмотря на это и большие штрафы, каждый рыбак на Амуре мечтает поймать именно эти породы. Для этого рыбу нужно перехитрить и, конечно, иметь хорошие снасти. Многие современные рыбаки заказывают их на различных сайтах в интернете. Но везде все товары изготовлены в Китае. Некоторые нивхи говорят, что скоро и мы сами превратимся в китайцев, потому что едим китайскую пищу, покупаем китайские вещи, одежду и обувь, сети и невода, блёсны. Считается, что самые лучшие, крепкие крючки можно сделать из пружин от советских раскладных кроватей, так как они были изготовлены из качественного металла. Отличные блёсны получаются из советских серебряных ложек. Китайцы русских, нивхов и представителей других народов не только не уважают, а презирают за то, что современные россияне сегодня сами ничего делать не умеют, ничего не производят, всё покупают китайского производства: для быта, для детей, для промыслов: рыбацкие костюмы, сапоги, лодки, смартфоны, компьютеры. Поэтому китайцам незачем уважать россиян, «…ведь мы же для них как дикари. Ну, когда испанцы приехали в Америку, они же золото у тех индейцев выдуривали за всякое барахло, за зеркальца, за бусы. Вот и мы сейчас вместе с вами, с русскими, такими же стали…». В состав праздничных блюд входит тала из полусырого картофеля. В этом блюде соединились две культурные традиции: нивхская и европейская, русская. Нивхи никогда в традиционной культуре не были земледельцами, но всегда любили сырые природные продукты: дикоросы, мясо, рыбу. Картофель для этого блюда нарезают тонкими дисками и подвергают «шоковой» варке в крутом кипятке в течение нескольких секунд. В результате он уже не сырой, но еще и не варёный, приятно хрустит на зубах. Какие ингредиенты еще добавляют в это блюдо, всегда можно посмотреть в социальных сетях. Еще одним праздничным блюдом является *вызгалс*, сладкий картофель, отварной, в виде пюре с ягодами (клюква, брусника) и сахаром.

Любимым блюдом на празднике остаётся *мось* – холодец из рыбьих шкурок, которые отваривают, растирают в мусс и добавляют ягоды, чаще всего бруснику. Но сегодня редкая нивхинка соглашается сварить такой холодец. Так как нужно иметь терпение, чтобы часами растирать рыбьи шкурки. Нужно обладать запасом свободного времени, не отвлекаться на мужа и детей, на сериалы, социальные сети и звонки подружек по телефону, «…а звонят они постоянно, да и сама кому-нибудь начнешь названивать. Ведь теперь все новости через телефон передаются. Что ты! Это раньше наши бабушки, как пойдут за водой или еще по каким делам, встретят подружку и стоят, обменяются новостями. А сейчас весь мир у меня на диване...». Еще одна сложность приготовления холодца связана с отсутствием хороших мастеров, которые могли бы изготовить деревянное корытце для разминания кож, в кастрюле не получается, потому что у нее скользкая металлическая поверхность. Холодец, приготовленный в деревянном корыте, и пахнет по-настоящему, по-нивхски. *Мось* не терпит суеты.

Желательно, чтобы кто-нибудь приготовил *холоть* – блюдо из смеси конопляных семян, желудей, ягод шиповника, черемухи, корней сараны. Раньше нивхи конопляные семена покупали у китайцев, затем сами научились выращивать коноплю для изготовления масла, веревок и рыболовных сетей. Все ингредиенты перетираются в одну массу и получается «нивхская халва».

Еще одно праздничное блюдо – нивхский хлеб *еова*: вареное тесто с соленой рыбой и сахаром, которое нарезается в виде лапши.

Многие нивхи любят отварные молоки красной рыбы с ягодами, сахаром и растительным маслом. Раньше вместо этого масла добавляли вытопленный внутренний жир осетра.

Алкоголь на празднике строго запрещен. Им можно только символически угостить духов воды и попросить у них удачи в предстоящем промысле. Еду для духов заталкивают в прорубь длинными тонкими тальниковыми палками, специально приготовленными для праздника.

В сельском Доме культуры после дегустации и конкурса нивхских блюд начинается выставка поделок декоративно-прикладного искусства: вышивки с орнаментами, салфетки, тапочки, коврики и ковры. Затем начинается концертная и спортивная программа. Участники фольклорных ансамблей выступают с нивхскими танцами: «Чайки», «Танец с бубном», «На рыбалке». «Водоросли». Для каждо-

го танца используются свои костюмы и музыкальные треки, которые подыскиваются в социальных сетях, заказываются в Николаевске-на-Амуре, в Районном доме культуры, в Центре нивхской культуры, где их также скачивают из интернета и записывают на компакт-диски.

Спортивные состязания и игры содержат в себе воспитательные компоненты по подготовке будущих охотников и рыболовов, способствующие развитию у них ловкости, сноровки, наблюдательности, быстрой реакции. Например, игра «На рыбалке»: один участник старается веревкой поймать за ногу другого игрока, а тот должен подпрыгнуть и увернуться от неё.

Через социальные сети нивхи заимствовали у нанайцев игру *дяпокан*, или *чапкан*: две команды стараются забить гол противникам травяным мячом через три двойные сетки. Летящий в свою сторону мяч нужно поймать острогой – длинной палкой с развилкой на конце. Эта игра развивает ловкость и меткость, чтобы острогой колоть рыбу.

Вечером для молодежи организуется дискотека: тут уже полностью царствует интернет, так как именно из него извлекаются треки современных популярных музыкантов со всего мира [11].

Негидалка А.Е. Иванова (1983 г.р.) из с. Маго Николаевского района Хабаровского края в 2022 г. являлась уполномоченной по делам КМНС. Она мать-героиня, так как воспитывала с русским мужем пятерых детей, и ждала шестого. Все дети супругами определены как негидальцы, для того чтобы в настоящее тяжелое время не потерять льготы коренных народов Севера, не лишиться положенной по закону нормовой рыбы. В её непростой деятельности социальные сети играют важнейшую роль: с их помощью удается быстро оповестить односельчан о важных событиях. Для этого создана в Whatsapp негидальская группа «КМНС Маго». Самый главный вопрос – выбор места для рыбной ловли в одной из проток Амура. На Амуре негидальцы и нивхи в настоящее время ловить не в состоянии из-за отсутствия больших лодок с мощными моторами, для которых необходимо купить огромный запас топлива, масла, запасных частей и т.п. По протокам же рыбаки передвигаются на веслах, как предки в традиционной культуре. После выбора места происходит электронное голосование, и результаты мгновенно отправляются в Николаевск-на-Амуре – в городской департамент уполномоченного по делам КМНС. А от чиновников этого уровня ответ приходится ждать долго, несмотря на то, что они тоже из числа КМНС. Однако их самосознание быстро изменяется, стоит им занять руководящий пост. Местные нивхи, нанайцы, негидальцы, орочи считают, что такая метаморфоза людей связана с отсутствием в их традиционной культуре гражданских органов управления. Все проблемы оперативно решали старики, когда приходила нерестовая рыба, её начинали ловить без оформления разрешений, без протоколов и печатей. Чиновники – очень хитрые люди, они встали между коренными народами и природой, между людьми и рыбой, между аборигенами и рекой, за что получают огромные деньги. После появления от них разрешения А.Е. Иванова сообщает об этом в группу, и начинается рыбная ловля китайскими сетями с рассвета и до заката. Каждой семье по жребию выделяется один час на ловлю. За всем процессом строго следят сотрудники рыбинспекции: проверяют правильность заполнения промыслового журнала, норму вылова – 50 кг на каждого члена семьи в год. Пойманную рыбу несут домой, где её разделывают и засаливают на зиму в больших пластиковых мешках в железных бочках. Если объема рыбы хватит до весны, то тогда её коптят на ольховых дровах или опилках. После получения разрешения из администрации А.Е. Иванова сообщает в чате о начале ловли белорыбицы, подледного лова. Мобильный телефон освобождает от необходимости обходить село, протянувшееся вдоль Амура на многие километры [11].

Заведующая Центром культуры малочисленных народов Севера Николаевска-на-Амур А.В. Грегоревская (1976 г.р.) происходит из смешанной в этническом плане семьи: мать нивхинка, отец кореец. Но идентифицирует она себя именно с нивхской культурой, хотя учила в институте эвенкийский язык. В настоящее время она уделяет много внимания развитию единственного в Хабаровском крае нивхского театра «Нгастук» – «Сказитель». Компания «Эксон нефтегаз лимитед» выделила деньги на театральную постановку «Белая нерпа», с которой театр объехал уже весь край. Сотрудники Центра, нивхи, в своей работе активно используют интернет, социальные сети, страницы в Instagramm, Facebook, откуда берут необходимые материалы по фольклору и искусству, независимо от их этнической привязки [11].

Многие современные чукотские оленеводы в отношении электронных устройств, планшетов, мобильных устройств связи классифицируются на две категории. Молодежь, естественно, активно выступает за использование этих гаджетов не только в поселках, но и в тундре. Пожилые оленеводы отдают предпочтение традициям, советским рациям, журналам, книгам и видят именно в них ком-

фортный досуг. В частности, так думает О.П. Ятынто, чукча (1965 г.р.), директор оленеводческого совхоза «Канчаланский» Анадырского района ЧАО, который ведет своё происхождение из семьи потомственных оленеводов, сохранившей родовую ярангу со всеми тотемами и оберегами, огневыми досками. В этой яранге провели свою жизнь не одно поколение оленеводов. Но уже несколько лет наблюдается большая проблема с подрастающим поколением: молодые чукчи не хотят идти работать в тундру, не желают приобретать профессию оленевода. Главная причина их нежелания заключается в неустроенности кочевого быта, в отсутствии в тундре гаджетов. Воспитанные в городах и поселках, они уже не могут жить без интернета, аккаунтов, социальных сетей. Им не хватает виртуального общения, их менталитет трансформировался, и так, как жили чукчи-старики, они жить и работать не будут. Поэтому директору оленеводческого совхоза приходится подстраиваться под интересы молодых чукчей: закупать дизельные электрогенераторы, завозить для них топливо; электричество необходимо для работы смартфонов, ноутбуков, планшетов [1: л. 87–88].

Чукчанка С.Р. Якунина (1993 г.р.), корреспондент газеты «Крайний Север», активно использует современные гаджеты, компьютер, сотовый телефон для сбора информации, материалов для написания статей, в том числе и для электронной версии издания. Она также озабочена проблемой разрыва поколений в чукотском обществе. С.Р. Якунина собрала большое количество ценного материала о том, что современная чукотская молодежь не просто не желает становиться оленеводами, а насмехается над ними, считает их простаками, которые напрасно тратят свою жизнь, занимаются в тундре немыслимо тяжелой и трудной, но абсолютно малооплачиваемой работой. В Анадыре они зарабатывают в несколько раз больше, могут каждый день пользоваться всеми благами европейской цивилизации: теплыми санузлами и ваннами, компьютерами и смартфонами. Выход из этой ситуации С.Р. Якунина видит в организации сети кочевых школ, чтобы дети оленеводов не покидали тундры, но могли пользоваться в яранге всеми современными электронными приборами, технологиями, информацией со всего мира [1: л. 254–256].

Глава муниципального сельского поселения Канчалан Анадырского района ЧАО С.А. Норбоев (1983 г.р.), бурят, солидарен с таким мнением. Нежелание молодежи работать оленеводами является проблемой цивилизационного плана. Молодежь умная, юноши и девушки прекрасно понимают, что жить в поселке гораздо комфортнее, здесь гораздо проще, не легко, но все же можно найти работу более высокооплачиваемую, чем у оленеводов. Каждый вечер можно с семьей смотреть телевизор, при необходимост и хорошей погоде съездить в Анадырь, купить там вещи, товары, продукты, сходить в музей, культурно отдохнуть. Для детей и подростков в поселке есть новый центр образования, в составе которого детский сад, школа 11-летка, интернат, в котором в основном учатся и живут дети оленеводов: с двух лет и до достижения восемнадцатилетнего возраста. Только на каникулах они выезжают в тундру – помогать родителям-оленеводам. Но потом они взрослеют и резко «умнеют», заманить их в тундру практически невозможно. Хотя в бригадах есть дизельные электрогенераторы, в поселке скачиваются из интернета фильмы, загружаются на огромные внешние винчестеры, чтобы смотреть их в тундре, слушать музыку. Молодежь рождается с наушниками в ушах и со смартфоном в руках. Но интернета в тундре нет, его в качественном виде нет и в поселке, только в администрации платный канал, в участке полиции и у директора совхоза. С.А. Норбоев сожалеет, что с 2013 г. не работает Хабаровская радиостанция, которая вещала на тундру, и оленеводы могли слушать российские новости, «Маяк» на нормальном русском языке. Вместо них теперь работает американская станция с Аляски и тоже на русском языке. Молодежь всё видит, но понимает по-своему: в Америке все хорошо, а в России нет даже радио.

Согласно документам текущего архива сельского Дома культуры п. Канчалан Анадырского района ЧАО в сценарии новогоднего праздника для детей поймавший в проруби говорящую щуку Емеля сообщает по сотовому телефону Деду Морозу о том, что волшебная рыба не выполняет желаний [1: л. 50–51, 159, 163].

В Приморском крае с 2011 г. активно работает интернет-сайт «Страна Удэгэ», который был создан для популяризации исторического и культурного наследия удэгейцев, одного из коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Пользователи сайта могут найти на нём материалы об истории народа, приобщиться к его традициям, обычаям, материальной и духовной культуре, познакомиться с основным содержанием работ этнографов, книг писателей-удэгейцев, с творчеством удэгейских и нанайских художников, посмотреть документальные, научно-популярные фильмы о жизни коренных народов Приморского и Хабаровского краев. Опытные специалисты проведут мастер-классы и покажут особенности технологий таёжных жителей по обработке звериных шкур и рыбьих кож, раз-

личных тканей – от синтетики до шелка, способы обработки дерева и бересты. На сайте можно узнать об истории создания в июне 2007 г. национальных парков: «Удэгейская легенда» в окрестностях удэгейского села Дальний Кут в бассейне р. Иман, национального парка «Бикин» в бассейне одноименной реки. Для сохранения родного языка и культуры, родовых обычаев и быта привлекаются значительные финансовые средства. Определенную помощь в вопросе привлечения туристов оказывает проект по созданию в 2019 г. памятника Дерсу Узала, проводника знаменитого русского путешественника и этнографа В.К. Арсеньева. Местные удэгейские писатели создали свой вариант этнической принадлежности Дерсу Узала, которого современные удэгейцы считают своим сородичем [12: с. 12–13].

Киберпространство стало отличной площадкой для работы Союза коренных народов Приморского края, объединившего ряд этнических родовых и территориальных общин с целью возрождения родных языков и культуры, защиты территорий традиционного природопользования, прав и свобод аборигенов. Одной из важных задач Союза является создание мощного информационного ресурса в интернете о традиционной и современной жизни коренных народов дальневосточного региона. Благодаря сайтам в интернете «Поговорим по-нанайски»; «Ульчский язык в контакте» и др. коренные народы Севера Дальнего Востока могут общаться на родном языке. Семейный клуб «Поговорим по-нанайски» был организован с помощью учителя школы в с. Бельго Комсомольского района Хабаровского края Дигор А.К. Она сама прекрасно знает родной язык и старается возродить его среди сородичей.

Таким образом, воздействие киберпространства на этничность современных коренных народов Севера Дальнего Востока России проявляется в виде смешивания потоков идентичности в виртуальных социальных сетях, в культурных дискурсах в офлайн и онлайн режимах коммуникации. В настоящее время различные формы гибридной этнической идентичности коренных народов Севера наиболее ярко функционируют в социальных сетях. Электронные устройства, гаджеты, смартфоны, с одной стороны, помогают мгновенно опросить аудиторию, узнать количество потенциальных участников праздников и других важных социальных мероприятий, поменяться рецептами этнических блюд, форм орнамента. С другой стороны, потеряна прежняя, традиционная коммуникативная связь: сородичи и односельчане не посещают жилищ друг друга, не замечают изменений в обстановке, быту, утвари, могут видеть друг друга только на экране.

Технологии туристического бизнеса с учетом этнической специфики приводят к множественной идентичности, к трансформации этничности. Подобными последствиями заканчиваются и примеры искусственного удревнения этнической истории, осмысления сакрального характера этнокультурных ландшафтов.

Заимствование в интернете инокультурных образцов музыкальных номеров, видеоклипов, современного цифрового фольклора, орнаментального искусства и других форм декоративно-прикладного искусства, компонентов праздничной, духовной и материальной культуры, незаметно, но неизбежно приводит к появлению элементов гибридной этничности.

Список информантов

Иванова Анастасия Евгеньевна, негидалка 1983 г.р., в 2022 г. домохозяйка, уполномоченная по делам КМНС с. Маго, Овсяное поле, Николаевский район, Хабаровский край.

Грегоревская Анжелика Валерьевна, нивхинка 1976 г.р., в 2022 г. заведующая Центром этнической культуры, г. Николаевск-на-Амуре.

Норбоев Сергей Анатольевич, бурят 1983 г.р., в 2018 г. глава муниципального сельского поселения Канчалан, Анадырский район, ЧАО.

Соловьева Виктория Петровна, нивхинка 1967 г.р., в 2022 г. пенсионер, с. Иннокентьевка, Николаевский район, Хабаровский край.

Якунина Самира Резвановна, чукчанка 1993 г.р., в 2018 г. корреспондент газеты «Крайний Север», Анадырь, ЧАО.

Ятынто Олег Петрович, чукча 1965 г.р., в 2018 г. директор совхоза «Канчаланский», п. Канчалан, Анадырский район, ЧАО.

Список источников

1. Архив МАЭ РАН. Ф. KI. Оп. 2. Д. 2314. Березницкий С.В. Материалы по культуре чукчей (экспедиция на территории г. Анадыря, Анадырского района Чукотского автономного округа) 02-17 .08. 2018 г. Санкт-Петербург, 2020. 387 л.

2. Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / под ред. Ф. Барта ; пер. с англ. И. Пильщикова. Москва : Новое изд-во, 2006. С. 9–49.

3. Белоруссова С.Ю., Головнёв А.В. Виртуальная этничность: новация на фоне традиции? // Сибирские исторические исследования. 2019. № 2. С. 36–40.

4. Волков Ю.Г., Курбатов В.И. Гибридная идентичность: факторы формирования и формы проявления // Гуманитарий юга России. 2022. Т. 11 (54), № 2. С. 15–26.

5. Головнёв А.В. Киберскорость // Этнография. 2020. № 3 (9). С. 6–32.

6. Головнёв А.В. Скорость в антропологии движения // Сибирские исторические исследования. 2020. № 2. С. 57–78.

7. Головнёв А.В., Белоруссова С.Ю., Киссер Т.С. Виртуальная этничность и киберэтнография. Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2021. 280 с.

8. Добринская Д.Е. Киберпространство: территория современной жизни // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2018. Т. 24, № 1. С. 52–70.

9. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева ; под ред. В. Харитонова. Екатеринбург : У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. 328 с.

10. Киссер Т.С. Киберскорость на Таймыре // Этнография. 2021. № 4 (14). С. 158–185.

11. ПМА 2022 – полевые материалы автора, собранные в этнографической экспедиции в июне 2022 г. в Николаевском районе Хабаровского края.

12. Стеклянко М. Путешествие в удэгейскую сказку. Национальный парк и его обитатели: удэгейцы, староверы и дикие звери // Дальневосточные ведомости. 2024. № 20 (1290). С. 12–13.

13. Терентьева Л.В. Понятие киберпространства и очерчивание его территориальных контуров // Правовая информатика. 2018. № 4. С. 66–71.

14. Poster M. The information subjects. Amsterdam : Overseas Publishing Association. 2001. 120 p.

15. Poster M. The information subject. Essays. London and New York : Routledge.Taylor & Francis Group, 2013. 192 p.

16. Poster M. Virtual Ethnicity: Tribal Identity in an Age of Global Communications // CyberSociety 2.0. Revisiting Computer-Mediated Communication and Community. Thousand Oaks : Sage, 1998. P. 184–211.

References

1. Archives of the MAE RAS. F. KI. OP. 2. Д. 2314. Bereznitsky S.V. Materials on the culture of the Chukchi (expedition on the territory of the city of Anadyr, Anadyrsky district of Chukotka Autonomous Okrug) 02–17.08.2018. St. Petersburg, 2020. 387 p. (In Russ.).

2. Bart F. Introduction // Ethnic Groups and Social Boundaries. Social organisation of cultural differences / Ed. by F. Bart ; per. s Engl. I. Pilshchikov. Moscow : Novoe izdvo, 2006. P. 9–49. (In Russ.).

3. Belorussova S.Y., Golovnev A.V. Virtual ethnicity: innovation against the background of tradition? // Siberian Historical Studies. 2019. No. 2. P. 36–40. (In Russ.).

4. Volkov Y.G.. Kurbatov V.I. Hybrid identity: factors of formation and forms of manifestation // Humanitarian of the South of Russia. 2022. T. 11 (54), no. 2. P. 15–26. (In Russ.).

5. Golovnev A.V. Cyberspeed // Ethnography. 2020. No. 3 (9). P. 6–32. (In Russ.).

6. Golovnev A.V. Speed in the anthropology of movement // Siberian Historical Studies. 2020. No. 2. P. 57–78. (In Russ.).

7. Golovnev A.V., Belorussova S. Y., Kisser T. S. Virtual Ethnicity and Cyberethnography. St. Petersburg : MAE RAS, 2021. 280 p. (In Russ.).

8. Dobrinskaya D.E. Cyberspace: the territory of modern life // Bulletin of Moscow University. Ser. 18. Sociology and Political Science. 2018. T. 24, no. 1. P. 52–70. (In Russ.).

9. Castells M. Galaxy of the Internet: Reflections on the Internet, Business and Society / Ed. by V. Kharitonov. Ekaterinburg : U-Factoria (with the participation of the Humanitarian University Press), 2004. 328 p. (In Russ.).

10. Kisser T. S. Cyberspeed in Taymyr // Ethnography. 2021. No. 4 (14). P. 158–185. (In Russ.).

11. PMA 2022 – field materials of the author, collected during the ethnographic expedition in June 2022 in Nikolaevsky district of Khabarovsk Krai. (In Russ.).

12. Steklyanko M. Travelling to the Udegean fairy tale. National Park and its inhabitants: Udegeans, Old Believers and wild animals // Dalnevostochnye vedomosti. 2024. No. 20 (1290). P. 12–13. (In Russ.).

13. Terentyeva L.V. The concept of cyberspace and delineation of its territorial contours // Pravovaya Informatik. 2018. No. 4. P. 66–71. (In Russ.).

14. Poster M. The information subjects. Amsterdam : Overseas Publishing Association. 2001. 120 p.

15. Poster M. The information subject. Essays. London and New York : Routledge.Taylor & Francis Group, 2013. 192 p.

16. Poster M. Virtual Ethnicity: Tribal Identity in an Age of Global Communications // CyberSociety 2.0. Revisiting Computer-Mediated Communication and Community. Thousand Oaks : Sage, 1998. P. 184–211.

Информация об авторе

С.В. Березницкий – доктор исторических наук, профессор.

Information about the author

S.V. Bereznitsky is Doctor of Historical Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 27.03.2025; одобрена после рецензирования 11.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.
The article was submitted 27.03.2025; approved after reviewing 11.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2025. Т. XXII, Вып. 2. С. 167–176
The Humanities and Social Studies in the Far East. 2025. Vol. XXII, Is. 2. P. 167–176

Научная статья
УДК 316.72
doi:10.31079/1992-2868-2025-22-2-167-176

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ САЯН: ЭТНОГРАФИЯ В ГОЛОБАЛЬНОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Вероника Александровна Беляева-Сачук[1], **Екатерина Юрьевна Трушкина**[2, 3]

[1]Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия, belyaeva.veronika@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-4180-5027
[2]Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, e.trushkina@gmail.com, https://orcid.org/ 0000-0003-4659-5209
[3]Московский институт психоанализа, Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается репрезентация трех коренных малочисленных народов Саян (сойоты, тофалары и тувинцы-тоджинцы) в виртуальном пространстве Интерента. Все три народа живут в похожих геоклиматических условиях, на территориях, находящихся друг от друга относительно близко, имеют схожий тип ведения хозяйства (охота, оленеводство, рыболовство и собирательство), религиозных верований и состоят в этническом родстве. Для проведения данного исследования были использованы интернет-браузер Яндекс, социальная сеть ВКонтаке и кроссплатформенный мессенджер Телеграм.

Ключевые слова: киберэтнография, антропология социальных медиа, виртуальная этничность, сойоты, тофалары, тувинцы-тоджинцы, коренные малочисленные народы

Original article

REPRESENTATION OF INDIGENOUS PEOPLES OF SAYAN: ETHNOGRAPHY IN THE INTERNET

Veronika A. Belyaeva-Sachuk[1], **Ekaterina Y. Trushkina**[2, 3]

[1]Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, Saint-Peterburg, Russia, belyaeva.veronika@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-4180-5027
[2]Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, e.trushkina@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-4659-5209
[3]Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

Abstract. The article examines the representation of three indigenous peoples of the Sayan Mountains (Soyots, Tozhu Tuvans,Tofalars) in the Internet. All these peoples live in similar geoclimatic conditions located relatively close to each other, have a similar type of economy (hunting, reindeer herding, fishing and gathering), religious beliefs and are ethnically related. To study the representation and self-presentation of the peoples the Yandex browser, the social network VKontakte and the messenger Telegram were used.

Keywords: cyber ethnography, Online ethnography, anthropology of social media, virtual ethnicity, Soyots, Tozhu Tuvans,Tofalars, indigenous peoples

В современных условиях быстро развивающихся цифровых технологий и фактически повсеместного распространения глобальной сети Интернет ученые все чаще обращают свой интерес к многочисленным феноменам нового виртуального мира, разрабатывая методы и подходы к анализу непрерывно трансформирующегося киберпространства.

Так, в рамках современной антропологии развивается новое направление *киберэтнографии* [6; 7], в качестве синонимов также можно встретить термины *виртуальная, цифровая, диджитал, онлайн антропология/этнография*[1]. Сегодня данная дисциплина, безусловно, является ответом на вызовы современности и ставит своей целью сформиро-

[1] На сегодняшний день в научном сообществе до сих пор нет единого устоявшегося термина для обозначения всего спектра онлайн и виртуальных антропологических исследований. В литературе встречается: *virtual ethnography* (Hine, 2000), *Internet ethnography* (Sade-Beck, 2004), *online ethnography* (Strübing 2004; Marshall, 2010; Snodgrass, 2014), *digital ethnography* (Murthy, 2008; Sarah Pink, Heather Horst, John Postill, Larissa Hjorth,Tania Lewis and Jo Tacchi, 2016),*virtual ethnography* (Chrichton, Susan and Shelly Kinash, 2003), *netnography* (Kozinets, 2010), *киберэтнография* (Головнев, Белоруссова, Киссер, 2021).

© Беляева-Сачук В.А., Трушкина Е.Ю., 2025

вать и развить методы работы с *виртуальным этнографическим полем* [6; 7].

С каждым годом возрастет объем информации и различных *репрезентаций* этнических культур и сообществ в Интернете (статьи, фотографии, фильмы, видеоролики и др.), кроме того, активно развиваются блоги, группы в социальных сетях, вебсайты самих представителей коренных народов, а следовательно, увеличивается число *самопрезентаций* этнических культур в глобальной сети. Онлайн-жизнь народа становится не просто дополнением непосредственной реальности, а значительно расширяет круг интеракций как внутри сообщества, так и далеко за его пределами, открывает представителям коренных народов новые возможности для коммуникации и творческой активности (например, кулинарные блоги национальной кухни, онлайн-уроки традиционного рукоделия и др.). Таким образом, в пространстве глобальной сети этничность непрерывно трансформируется и обретает все новые формы своего развития, что позволяет говорить о формировании феномена *виртуальной этничности /киберэтничности* [6; 7; 21].

Использование цифровых технологий в репрезентации этничности является закономерным развитием современной культуры. Новые онлайн-формы существования (сайты, форумы, социальные сети, блоги и др.) также активно входят в жизнь народов по всему миру. С одной стороны, виртуальная среда широко распространяет знания о народах и предоставляет им новые возможности самовыражения, значительно расширяя поле возможной коммуникации. С другой, как отмечают исследователи [7; 10; 19; 21], онлайн-вселенная неизбежным образом трансформирует саму этническую идентичность народа и традиционные представления о ней.

Современные исследования в области этнических культур и коренных малочисленных народов в частности приходят к необходимости поиска новых теоретико-методологических оснований работы с виртуальным полем, непрерывно осмысляя все новые процессы, происходящие в онлайн-пространстве глобальной сети. Остановимся подробнее на некоторых подходах и методах анализа виртуального поля.

Антропологические исследования в Интернете: направления, термины, методы

Обращаясь к истории развития этнографических исследований в Интернете, ученые отмечают, что на ранних этапах своего становления термины *кибер* и *виртуальный* использовались как синонимы, а сегодня данные понятия сосуществуют наравне с термином *цифровой*. В настоящее время развитие данной области знаний также находится в процессе своего непрерывного становления и определения предметных границ, поэтому следует провести разграничения основных направлений и методов, разработанных на сегодняшний день антропологами глобальной сети.

Термин *виртуальная этнография*, как правило, применяется к исследованиям специфических виртуальных миров, таких как компьютерные игры, анонимные форумы и другие онлайн-пространства, где пользователи формируют идентичность, не связанную с их физическим окружением и паспортными данными. Мировой опыт исследований в области кибер- и виртуальных пространств начинается с 90-х гг. XX в. Так, в 1995 г. была опубликована монография «Cyberspace/Cyberbodies/Cyberpunk: Cultures of Technological Embodiment»[2]. Авторы книги небезосновательно полагали, что в скором времени виртуальные миры станут полем для полноценного исследовательского опыта, как и в мире реальном, на просторах Интернета будут возникать и утверждаться свои законы и ритуалы онлайн-жизни. В скором времени данное направление исследований получило свое активное развитие на базе ведущих университетов мира[3], а в 1997 г. в Вестминстерском университете был запущен регулярный выпуск научного журнала «Cybersociology» (*Кибер-социология*).

Британская исследовательница Кристиан Хайн *(Christine Hine)* продолжила исследования в направлении виртуальной этнографии. В своей одноименной книге «Виртуальная этнография»[4] она сопоставляет реальный и виртуальный миры, исследует внедрение цифровых медиа в антропологическую практику, изучает возможности и потенциал нового онлайн-поля. Хайн определяет принципы полевой работы в условиях реального и виртуального пространства и дает позитивный прогноз новой технике и оптике в работе этнографа-полевика, теперь уже в киберпространстве глобальной сети. Определяя предметные границы исследования, она заключает, что в виртуальной этнографии нет границ, поэтому ее объектом теперь

[2] Киберпространство, кибертела, киберпанк: культуры технологического воплощения : пер. с англ. [Cyberspace/ Cyberbodies/Cyberpunk: Cultures of Technological Embodiment (ed. M. Featherstone, R. Burrows), SAGE Publications Ltd, 1996].

[3] В Университете штата Канзас (США), школе бизнеса Шулих (Йоркский университет) и др.

[4] Hine C.Virtual Ethnography. London : Sage Publications, 2000. 192 p.

является «тема, а не место», а основная задача виртуальной этнографии состоит в том, чтобы исследовать установление границ и создание связей, особенно между «виртуальным» и «реальным» [21]. Таким образом, антрополог призывает совмещать работу в виртуальном поле с исследованиями в реальном мире.

Однако когда речь заходит об исследованиях групп в социальных сетях, таких как ВКонтакте, или чатов в мессенджерах (WhatsApp, Telegram и др.), использование термина «виртуальный» становится неуместным, поскольку современные пользователи часто взаимодействуют с уже знакомыми им людьми из реальной (офлайн) жизни. В данном контексте исследователи скорее сталкиваются с изучением *социальных взаимодействий* между конкретными людьми, что, в свою очередь, затрудняет четкое разделение поля исследования исключительно на реальное или виртуальное. Теоретическими и практическими разработками в данном направлении занялись исследователи из Университетского колледжа Лондона *(University College London)* Даниэл Миллер *(Daniel Miller)* и Дон Слейтер *(Don Slater*). Ученые отмечают, что в контексте социальных сетей чаще всего речь идёт о всей совокупности отношений с конкретными людьми, и эта совокупность не делится строго на реальную и виртуальную. Таким образом, для подобных исследований они предлагают использовать термин *антропология социальных медиа* [22].

В 2015 г. вместе с группой ученых со всего мира Миллер и Слейтер объединили свои усилии в работе над амбициозным проектом, получившим название *«Why We Post»*.[5] Целью проекта стало масштабное исследование взаимодействия человека с информационной средой: изучение не только того, как мир изменил социальные сети, но и как социальные сети изменили этот мир. Участники проекта проводили исследования в течение пятнадцати месяцев в исследуемых сообществах, используя традиционные полевые методы, а также провели сравнительный анализ полученных данных по регионам и странам (Северное Чили, Бразилия, Китай, Северо-Восточная Италия, Южная Индия, Турция, Тринидад, Англия). Концептуальной рамкой проекта была гипотеза исследователей о том, что социальные медиа неразрывно связаны с реальной жизнью и «виртуальность» буквально вплетена в практики повседневности. Данные проекта были опубликованы в серии из одиннадцати монографий, выпушенных с 2016 по 2019 г., а также на платформе онлай-обучения был запущен курс *«Why We Post: The Anthropology of Social Media»*[6].

Обширность киберпространства дает большие возможности для работы этнографов, одновременно порождая *закономерные проблемы* проведения онлайн-исследований в глобальной сети, сбора и упорядочивания информации, обработки и представления материала. Если раньше территория по-своему ограничивала объем задач этнографа, то в виртуальном пространстве Интернета ответственность за выстраивание границ лежит на ученом. Он сам организует маршрут своего поля, время и место, предмет и объект работы. Таким образом, этнографические исследования в Интернете каждый раз предполагают новый набор инструментов и ведут к возникновению все новых исследовательских вопросов [7; 19; 21].

Разработкой методологии в данной области заняты и отечественные исследователи, в частности, они активно развивают направление *цифровой антропологии*. Так, антрополог Д.А. Радченко дает следующее определение цифровой антропологии: «…это область социальной и культурной антропологии, которая занимается изучением взаимодействия человека и цифровых технологий и, шире, антропологических аспектов цифровых технологий». В Центре городской антропологии КБ «Стрелка» (Д.А. Радченко, М.Д. Алексеевский и др.) ведутся прикладные антропологические исследования в цифровой среде: исследуются вопросы взаимодействия человека с нейросетями и цифровыми медиа, в том числе разрабатываются концепты *цифровой след*, *цифровой портрет*, *интернет-фольклор* и др.

Теоретическими основаниями и методами работы в поле *киберэтнографии* занимаются российские антропологи из МАЭ РАН. В фокусе внимания исследователей русскоязычное виртуальное интернет-пространство. На примере многочисленных кейс-стади: татары в Италии, кряшены, нагайбаки, российские немцы Сибири, Урала и Поволжья – авторы рассматривают возможности и ограничения применения этнографических методов для анализа данных в онлайн среде [6; 7; 10].

Данная статья предлагает продолжить и углубить этнографические исследования в русскоязычном сегменте Интернета на примере рассмотрения коренных малочисленных народов Саян (сойоты, тофалары, тувинцы-тоджинцы).

[5] Почему мы постим (пер. с англ.).

[6] Почему мы «постим»: антропология социальных медиа : пер. с англ. URL: https://www.ucl.ac.uk/why-we-post/ (дата обращения: 06.03.2025).

Малочисленные саянские народы – сойоты, тофалары, тувинцы-тоджинцы

Рассматриваемые в статье сойоты, тофалары и тувинцы-тоджинцы относятся к категории коренных малочисленных народов Российской Федерации, в перечень которых они вошли 24 марта 2000 г. Основой создания перечня является Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», который защищает традиционную территорию обитания, образ жизни, ведение промыслов и хозяйства, а также гарантирует социально-экономическое и культурное развитие коренных малочисленных народов России. В первой статье (пункт 1) дается следующее определение: «…коренные малочисленные народы Российской Федерации (далее – малочисленные народы) – народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями» (Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ). В перечне указаны места проживания сойотов – Республика Бурятия, тувинцев-тоджинцев – Республика Тыва, тофаларов – Иркутская область, которая в документе в 2000 г. не была указана, а добавлена в поздней редакции (Постановление от 24 марта 2000 г. № 255). Таким образом, законодательство Российской Федерации, ее законы и постановления, которые, безусловно, доступны в виртуальном пространстве, уже формируют рамки этничности, вписывая в определенные категории сойотов, тофаларов и тувинцев-тоджинцев. Однако при поисковом запросе в Яндекс-браузере[7] ключевых слов «сойот», «тувинец-тоджинец» и «тофалар» ссылки на законодательные сайты выдаются отнюдь не в первую очередь. Во всех трех случаях прежде всего появляются ссылки на краткие энциклопедические статьи, очень часто с повторяющейся информацией, или туристические блоги, в которых при описании местных красот присутствуют также информация и впечатления о встрече с саянскими коренными малочисленными народами. И, как мы покажем далее, именно данный контент и создает этничность описываемых народов в интернет-пространстве.

Следует рассмотреть ближе сойотов, тофаларов и тувинцев-тоджинцев, чтобы понять на каком основании они были включены в одну группу. Все три народа живут в похожих геоклиматических условиях, на территориях, находящихся друг от друга относительно близко, имеют схожий тип ведения хозяйства (охота, оленеводство, рыболовство и собирательство), религиозных верований и состоят в этническом родстве. Считается, что все три народа являются потомками древнего протосамодийского населения, проживавшего в регионе Саян уже в неолите, что подтверждает топонимика, гидронимика и антропологические данные [17: с. 12–13; 3: с. 69]. Сойоты проживают в Окинском районе на западе Республики Бурятия, тофалары – в горнотаежной части Нижнеудинского района Иркутской области, на северо-запад от сойотов, а тувинцы-тоджинцы – в восточной части Республики Тыва, западнее сойотов и тофалар. Ко всем упомянутым народам, которые можно назвать коренными малочисленными народами Саян, можно отнести также цаатанов[8] (самоназвание туха, тухалары), которые, однако, не проживают на территории России, а занимают Хубсугульский аймак Монголии, поэтому в данном исследовании они не рассматриваются. Следует заметить, что цаатаны сформировались как отдельная этническая группа только в XX в. в связи с созданием Тувинской аратской республики (1921–1944), ее вхождением в состав СССР в 1944 г., а также увеличением пограничного контроля на советско-монгольской границе (см. [15; 23]). Консолидация цаатанов как малочисленной этнической группы Монголии связана с перекочевкой в регион Дархатской котловины горнотаежных оленеводов с территории современных Тоджинского и Тере-Хольского коожунов Республики Тыва. В настоящее время среди тувинцев-тоджинцев и цаатанов до сих пор поддерживаются родственные связи[9].

Таким образом, происхождение всех трех народов схожее, однако ключевую роль в формировании каждого сыграло вхождение территорий их проживания в состав таких государств, как Россия или цинский Китай, а также влияние, которое ока-

[7] В исследовании был использован браузер Яндекс как самый распространенный в настоящее время на территории Российской Федерации.

[8] Цаатан – монгольский этноним, который указывает на традиционные занятия жителей горнотаежного региона севера Монголии. Происходит от монгольского *цаа* – северный олень, а само слово цаатан обозначает – «оленевод» [9: с. 598, 599]. Сами цаатаны предпочитают, когда их называют собственным этнонимом.

[9] Полевые материалы В.А. Беляевой-Сачук. Тере-Хольский коожун Республики Тыва, 2023. Тоджинский коожун Республики Тыва, 2024.

зывали на них соседние народы. Как было указано выше, в этнической основе сойотов, тофалар и тувинцев-тоджинцев лежит древнее самодийское население Саян, которое еще в эпоху неолита взаимодействовало с прототунгусским населением. Именно тогда были заложены основы охотничьей культуры, элементы которой сохранились в регионе до настоящего времени. На рубеже нашей эры в Саянах появляется новая волна самодийских народов, занимающихся скотоводством, а также кетоязычные племена. Данная миграция, по мнению ученых, связана появлением в Центральной Азии хуннов и движением народов, проживающих на этой территории. Считается, что встреча скотоводов и пеших охотников повлияла на создание в Саянах одно из очагов доместикации северного оленя [4: с. 86–87; 2] и заложила традицию его использования как транспортного средства: верхового и вьючного животного, а также в качестве источника молока. Именно оленеводство до сих пор является главной отличительной чертой саянских малочисленных народов от соседних с ними народов – бурятов, тувинцев, монголов и русских. Эта черта упоминается практически во всех материалах, доступных в сети Интернет.

По мнению Л.Р. Павлинской, в I тысячелетии н.э. в Саянах складывается мощный этнокультурный очаг, в котором формируются древние саянские этносы со схожей культурой и самодийским языком[10]. Тогда же формируются и два хозяйственных типа населения Саян, обусловленные геоклиматическими условиями и взаимодополняющие друг друга: таежные охотники-оленеводовы и кочевые скотоводы [11: с. 29–30].

Следующей важной вехой в этнической истории племен, населяющих Саяны, стала усиленная экспансия тюркских племен, что было связано с созданием Тюркского каганата и распространением его влияния в Центральной Азии. Считается, что первые контакты жителей Саян с тюрками имели место уже во второй половине I тыс. н.э., на что указывает большой древнетюркский пласт в тофаларском языке [14: с. 96]. Самое большое влияние на саянские племена оказал период правления Уйгурского каганата (VII–IX вв.) и Кыргызского каганата (IX–XII вв.). С.И. Вайнштейн считал, что рассматриваемые нами народы происходят от древнетюркского племени дубо (туба), близкого по происхождению к уйгурам, которые проникли на территорию Саян в I тыс. н.э. и оказались в этнически чуждой среде, главным образом, самодийской и кетоязычной. Дубо переняли быт и хозяйство местного населения, однако сохранили свой язык, который стал в будущем основой современных языков сойотов, тофаларов и тувинцев-тоджинцев. Процесс тюркизации саянских народов закончился полной сменой языка в XVII в. Дубо также повлияли на формирование саянского типа оленеводства, которое подверглось самому большому влиянию скотоводческих (коневодческих) практик и технологий [3: с. 86; 11: с. 34].

Территория Саян с XIII в. входит в состав Монгольской империи, однако этот период не вносит кардинальных изменений ни в этническую, ни в хозяйственно-культурную картину живущих здесь народов. Ситуация изменяется в конце XVII – начале XVIII в., когда Саяны входят в состав Российской и Китайской империй и саянские племена оказываются в разных странах – сойоты и тофалары в России, а тувинцы-тоджинцы в маньчжурском Китае. Именно этот факт и послужил консолидацией для современных саянских этносов. Тофалары, которые оказались в Красноярском уезде, тесно взаимодействовали с русскими, сойоты, включенные в Иркутскую губернию, подверглись влиянию бурят, тувинцы-тоджинцы остались в тюркоязычной среде с монгольским и китайским влиянием. Однако следует заметить, что несмотря на раздельность представителей всех трех народов между разными административными единицами и даже государствами, они поддерживали взаимные отношения – входили в брачные союзы, торговали, кочевали и охотились вместе. Известно также об обмене северными оленями для улучшения породы[11].

В настоящее время сойоты проживают в Окинском и Тункинском районах Республики Бурятия, согласно последней переписи населения 2020 г. их число составляет 4380 чел. (перепись 2002 г. – 2769 чел., 2010 г. – 3608 чел.). Тофалары живут на территории Тофаларии в Нижнеудинском районе на западе Иркутской области, их число на 2020 г. составляет 721 чел. (перепись 2002 г. – 837 чел., 2010 г. – 762 чел.). Тувинцы-тоджинцы проживают в четырех кожуунах Республики Тыва – Тоджинском, Тере-Хольском, Монгун-Тайгинском и Эрзинском, их общее число в

[10] Самодийские языки народов Саян относились к южносамодийской языковой подгруппе. В настоящее время в этой группе живым языком остался только селькупский, а камасинские и маторско-тайгийско-карагасские языки исчезли в конце XVIII – начале XIX в.

[11] Полевые материалы В. А. Беляевой-Сачук. Окинский район Республики Бурятия. 2005, 2010, 2014–2015, 2022. Нижнеудинский район Иркутской области, 2022. Тере-Хольский кожуун Республики Тыва, 2023. Тоджинский кожуун Республики Тыва, 2024.

2020 г. составило 7293 чел. (перепись 2002 г. – 4442 чел., 2010 г. – 1858 чел.)[12] [5: с. 11]. Многие сойоты, тофалары и тувинцы-тоджинцы продолжают заниматься охотой, рыболовством, собирательством и оленеводством[13]. Часть сойотов и тувинцев-тоджинцев под влиянием монголов и бурят уже в XIX–XX вв. стали заниматься яководством. Все описываемые народы живут в живописных горно-таежных регионах Саян, многие из которых остаются труднодоступными, куда в последнее время благодаря растущему интересу к экстремальному и этнографическому (гастроэтнографическому) туризму приезжает все больше туристов.

Коренные малочисленные народы Саян в онлайн-пространстве

Для проведения данного исследования использовался интернет-браузер Яндекс (www.yandex.ru), социальная сеть ВКонтаке (www.vk.ru) и кроссплатформенный мессенджер Telegram (Телеграм)[14]. Запрос в поисковике формировался по следующим ключевым словам: «сойот/сойоты», «тофалар/тофалары», «тувинец-тоджинец/тувинцы-тоджинцы» и прилагательным, образованным от данных этнонимов. В интернет-браузере Яндекс во всех трех случаях в результатах поиска на первых страницах превалируют энциклопедические данные о народах, которые появляются на сайтах: Википедия (https://ru.wikipedia.org), государственный информационный портал Национальная политика, посвященный культуре и религии народов России (https://национальнаяполитика.рф), Интерактивный атлас коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: языки и культуры (https://atlaskmns.ru), Большая российская энциклопедия (https://old.bigenc.ru), портал Культура.РФ (www.culture.ru), Национальный акцент – медиапроект гильдии межэтнической журналистики, т.е. межрегиональной общественной организации журналистов, освещающих межэтническую тематику (https://nazaccent.ru), и ряд других. На этих порталах тексты статей нередко создаются учеными, профессиональными журналистами либо копирайтерами, которые составляют обзоры на этнографическую тематику.

Второй по количеству информационный блок составляют туристические сайты, например специализированный поисковик травел-услуг TravelAsk – большой портал, посвященный туризму во всем мире (https://travelask.ru/), а также разные блоги путешественников, например Субъективный путеводитель (https://dzen.ru/varandej). В статьях о саянских народах, написанных путешественниками, содержится также краткий обзор культуры, где часто используются данные из первой группы Интернет-источников. В этой части встречаются неточности, так как авторы не являются специалистами и сокращают информацию, берут из нее то, что им кажется привлекательным. Однако главный акцент делается на фотографии, опыте посещения, появляются советы, как лучше добраться, что посмотреть и где жить в этих краях, а также другая туристическая информация. В данной категории широко используются фотографии из открытых источников, и как раз здесь и возникают «ошибки» в ответ на поисковые запросы из браузера. Во-первых, часто появляются фотографии, репрезентирующие облик другого народа, очевидно, чтобы подчеркнуть специфику ведения хозяйства – горнотаежного оленеводства. В статьях, посвященных сойотам, часто используются фотографии оленеводов или изображения охотников верхом на олене, которые на самом деле являются фотографиями тофаларов или тувинцев-тоджинцев. У самих сойотов оленеводство до сих пор не восстановлено в полном объеме, так как с 1992 г., когда была предпринята попытка восстановления, поголовье оленей лишь уменьшалось. В настоящее время разведением оленей занимается одна семья, поголовье оленей которой составляет менее того количества, которое было куплено у тофаларов в 1990-е (т.е. менее 60 голов). Кроме того, большую часть времени животные проводят в тайге, где сфотографировать окинских оленей журналисту или заезжему туристу фактически невозможно. Путаницу вносит и этноним «сойот», так как, кроме современных сойотов, это слово является также и устаревшим названием тувинцев. Оно часто появляется в статьях и на подписях к фотографиям, сделанным в конце XIX – начале XX в. Таким образом, на сайтах, а также по запросу в Яндекс-браузере во вкладке «картинки» можно часто увидеть фотографии, относящиеся к быту тувинцев, но не сойотов (рис. 1).

[12] Такая большая разница в количестве тувинцев-тоджинцев связана с разницей в учете представителей КМНС Тувы и с увеличением количества мест их проживания на территории республики, а также с существующей проблемой этнонима *тувинцы-тоджинцы* [1: с. 183].

[13] Самое большое количество оленей сохраняется у тувинцев-тоджинцев, далее у тофаларов. У сойотов в 60-х гг. XX в. оленеводство было уничтожено. Его восстановление началось в 1992 г. со стада в 60 голов, купленных у тофаларов [11: с. 98]. Однако поголовье оленей существенно не растет, так как навыки оленеводства у многих сойотов были утеряны.

[14] Мессенджер **Viber (Вайбер)** не рассматривался, так как Роскомнадзор ограничил доступ к нему за распространение противоправной информации.

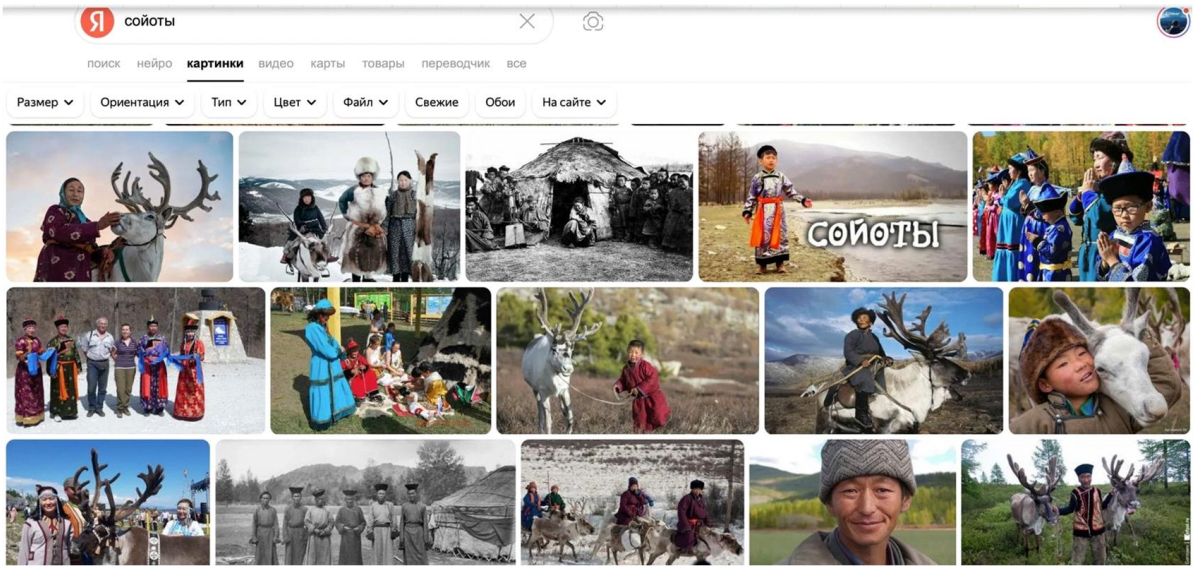

Рис. 1. Фотографии тувинцев, выданные среди прочих в ответ на поисковый запрос в Яндекс-браузере по ключевому слову «сойоты»

Третий блок источников совсем малочислен и представляет собой научные статьи, в названии которых появляются этнонимы саянских народов, данные статьи размещены на сайте научной электронной библиотеки КиберЛенинка (www.cyberleninka.ru), а также в научных журналах МАЭ РАН «Кунсткамера» (https://journal.kunstkamera.ru/) и Новые исследования Тувы (https://new-tuva.inf). Появляются также новости или журналистские очерки как на больших новостных порталах, так и в локальных интернет СМИ, однако они представляют лишь очерки о народе, например, рассказывают о гастрономической специфике региона и т.п. Также о событиях в жизни коренных малочисленных народов Саян упоминают государственные порталы, связанные с сотрудничеством с коренными малочисленными народами России, например сайты: Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (https://raipon.info/), Иркутский областной дом народного творчества (https://iodnt.ru/), Администрация муниципального образования сельское поселение «Сойотское» Окинского района Республики Бурятия (https://sojotskoe-r81.gosweb.gosuslugi.ru/). Однако практически все упомянутые выше материалы созданы сотрудниками этих организаций, а не представителями народов (рис. 2).

В социальной сети ВКонтакте также не были найдены сообщества народов Саян, а только странички государственных структур, которые локализованы в местах проживания упомянутых народов, например, группа Администрации МО СП «Сойотское» с количеством подписчиков 203 чел., Этнокультурный центр с. Алыгджер с количеством подписчиков 43 чел., Администрация Тоджинского коожуна с количеством подписчиков 3548 чел.[15] Также количество хештегов в сети ВКонтакте с упоминанием этнонимов саянских народов очень невелико: сойоты – 74, тофалары – 43, тувинцы-тоджинцы – 25[16] [5: с. 52–53].

В мессенджере Телеграм также имеется несколько каналов, где в названии используются этнонимы или названия территорий, например t.me/soyotki – канал Сылтыс Муниципального бюджетного учреждения культуры информационного культурного-досугового центра «Сылтыс», который находится в улусе Сорок, или канал ПРОДАЙ-Купи Тожу, где размещаются объявление купли-продажи в Тоджинском коожуне, главным образом в селе Тоора-Хем. В случае тофаларов появляется канал Тофалар (компания в области производства мото и электротехники) и два туристических канала, предлагающих туры в Тофаларию. По словам информантов, в мессенджере Viber (Вайбер) существовала группа по изучению тофаларского языка, созданная известным лингвистом Аржаной Александровной Сюрюн, которая на протяжении многих лет исследовала тофаларский язык. Однако уже в 2022 г. группа почти не функционировала из-за проблемы доступности Интернета и/или его дороговизны в Тофаларии[17].

[15] На сегодняшний день в коожунном центре Тоджи – селе Тоора-Хем самый доступный и стабильный Интернет из всех описываемых территорий.

[16] Для сравнения, у других коренных малочисленных народов: вепсы – 2989, ненцы – 1960, тазы – 3934, саамы – 1891, эвенки – 1576.

[17] Полевые материалы В.А. Беляевой-Сачук. Нижнеудинский район Иркутской области, 2022.

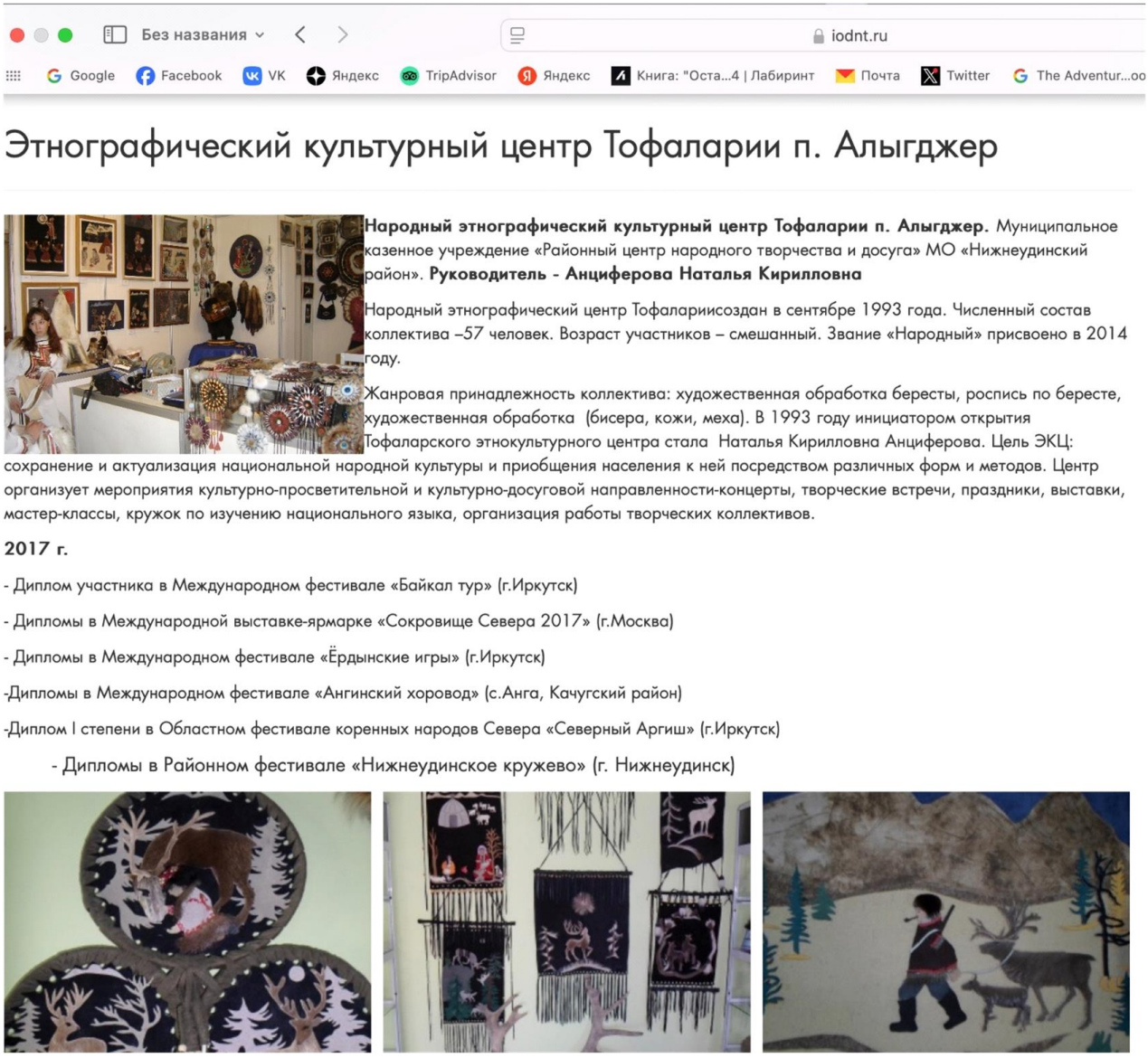

Рис. 2. Скриншот публикации об этнографическом культурном центре Тофаларии п. Алыгджер на сайте Иркутского областного дома народного творчества

Заключение

В настоящее время в Интернет-пространстве практически отсутствует самопрезентация саянских народов. Репрезентация этих народов в большинстве своем представлена энциклопедическими данными, впечатлениями путешественников и, в гораздо меньше размерах, научными статьями и новостями из жизни и культуры коренных малочисленных народов Саян. Причин этого явления несколько.

Сойоты, тофалары и отдельные группы тувинцев-тоджинцев живут компактно и могут общаться лично, не используя Интернет-пространство и онлайн-мессенджеры. Не последнюю роль здесь сыграл факт признания сойотов и тувинцев-тоджинцев отдельными народами лишь в 2002 г.[18] Однако главным фактором, безусловно, остается недоступность мобильного и кабельного Интернета в районах проживания саянских народов или его дорогая цена. Даже в тех местах, где Интернет стал доступен, у людей не сложилось навыка широкого использования социальных сетей и мессенджеров.

Создание сайтов, посвященных коренным малочисленным народам, в нашей стране началось

[18] Сойоты благодаря экспертизе Б.Э. Петри в марте 1928 г. были внесены в реестр малочисленных народов. Однако это решение не было подтверждено ни Верховным советом Бурят-Монгольской Республики, ни Бурятским отделением Комитета Севера, и в следующей переписи населения их уже не учитывали [18: с. 17].

уже в 90-х гг. XX в., но в большинстве случаев их создателями являлись правительственные структуры, музеи, дома культуры и т.д. Таким образом, эти интернет-порталы не стали площадкой для общения представителей народов, и сами представили народов часто не участвовали в заполнении содержания данных сайтов. Большую активность этнические сообщества проявляли в социальных сетях, например ВКонтакте, благодаря простоте пользования и быстроте коммуникации [5: с. 45–46]. Однако в случае рассматриваемых народов, которые нередко проживают в регионах, где доступ в Интернет появился совсем недавно и есть только в самых крупных селениях, а местами вовсе отсутствует, возможность проявлять онлайн-активность сводится на нет. В 2000-х гг., после признания многих этнических групп Российской Федерации коренными малочисленными народами наблюдался значительный всплеск этничности, в том числе и в Интернет-пространстве. Однако из-за труднодоступности выхода в глобальную сеть самопрезентация саянских народов, таких как сойтоы, тофалары, тувинцы-тоджинцы, в Интернете и до сих пор фактически отсутствует.

Список источников

1. Беляева-Сачук В.А. Тувинцы-тоджинцы: этнографические материалы экспедиций 2023 г. // Кунсткамера. 2023. № 4 (22). 178–183.
2. Вайнштейн С.И. Проблема происхождения оленеводства в Евразии. Саянский очаг одомашнивания оленя // Советская этнография. 1970. № 6. С. 3–14.
3. Вайнштейн С.И. Происхождение саянских оленеводов (Проблема этногенеза тувинцев-тоджинцев) // Этногенез народов Севера. Москва : Наука, 1980. С. 68–88.
4. Василевич Г.М., Левин Г.М. Типы оленеводства и их происхождение // Советская этнография. 1951. № 1. С. 63–87.
5. Головнёв А.В., Албогачиева М.С.-Г., Белоруссова С.Ю., Беляева-Сачук В.А., Киссер Т С., Перевалова Е.В. Коренные малочисленные народы России: этнокультурные проекции. Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2022. 200 с.
6. Головнёв А.В., Белоруссова С.Ю., Киссер Т.С. Веб-этнография и киберэтничность // Уральский исторический вестник. 2018. № 1 (58).
7. Головнёв А.В., Белоруссова С.Ю., Киссер Т.С. Виртуальная этничность и киберэтнография. Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2021. 280 с.
8. Зайонц В.В. Социально-антропологический подход к исследованию интернет-сообществ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 1 (14).
9. Монгольско-русский словарь / ред. А. Лувсандэндэв. Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957. 716 с.
10. Мясникова М.Л. Онлайн этнографический подход к исследованию интернет-сообществ: методологические разногласия и базовые принципы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. 20, № 1 (89).
11. Павлинская Л.Р. Кочевники голубых гор. Судьба традиционной культуры Восточных Саян в контексте взаимодействия с современностью. Санкт-Петербург : Европейский дом, 2002. 263 с.
12. О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации : постановление от 24 марта 2000 г. № 255 : (с изменениями на 18 декабря 2021 г.). URL: https://docs.cntd.ru/document/901757631 (дата обращения: 06.03.2025).
13. Радченко Д.А. Цифровая этнография: среди людей и алгоритмов // Фолклор и антропология города. 2023. № 1.
14. Рассадин В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1971. 251 с.
15. Сыртыпова С.Х.Д., Наранцэцэг Д. Оленеводы дархатской котловины, или Как живет малочисленный народ Монголии цаатаны // Этнография. 2023. № 2(20). С. 163–188.
16. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации : Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ : в первоначальной редакции. URL: https://ivo.garant.ru/#/document/4000521/paragraph/7:0 (дата обращения: 06.03.2025).
17. Чернецов В.Н. Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита // Проблемы археологии Урала и Сибири. Москва : Наука, 1973. С. 10–17.
18. Шарастепанов Д.Ц.-Б. Ока: годы и люди. Улан-Удэ : Республиканская типография, 2008. 373 с.
19. Boellstorff T. Rethinking Digital Anthropology in Digital Anthropology. London, New York : Bloomsbury Academic, 2012. P. 44–62.
20. Collins S.G., Durington M., Paolo Favero P., Harper K., Ali Kenner A. and O'Donnell C. Ethnographic Apps/Apps as Ethnography // Anthropology Now. 2017. 9:1. P. 102–118.
21. Hine C. Virtual Ethnography. London : Sage Publications, 2000. 192 p.
22. Miller D., Slater D. The Internet: an Ethnographic Approach. London : Routledge, 2020, 228 p.
23. Pasterze reniferów mongolskiej tajgi / red. J. S. Wasilewskiego. Warszawa : Wydawnictwo Dig, 2008. 264 p.
24. Pink S., Horst H., Postill J., Hjorth L., Lewis T. and Tacchi J. Digital Ethnography. Principles and Practice. SAGE Publications. London : SAGE Publications, 2016. 216 p.

References

1. Belyaeva-Sachuk V. A. Tuvincy-todzhincy: etnograficheskie materialy ekspedicij 2023 goda [Tozhu Tuvans: Ethnographic Materials of the Expeditions of 2023] // Kunstkamera. 2023. № 4 (22). 178–183. (In Russ.).
2. Vajnshtejn S.I. Problema proiskhozhdeniya olenevodstva v Evrazii. Sayanskij ochag odomashnivaniya olenya [The problem of the origin of reindeer husbandry in Eurasia. Sayan reindeer domestication center] // Sovetskaya etnografiya. 1970. № 6. S. 3–14. (In Russ.).

3. Vajnshtejn S.I. Proiskhozhdenie sayanskih olenevodov (Problema etnogeneza tuvincev-todzhincev) [The origin of the Sayan reindeer herders (The problem of ethnogenesis of Tuvans-Todzhins)] // Etnogenez narodov Severa. Moskva : Nauka, 1980. S. 68–88. (In Russ.).

4. Vasilevich G.M., Levin G.M. Tipy olenevodstva i ih proiskhozhdenie [Types of reindeer husbandry and their origin] // Sovetskaya etnografiya. 1951. № 1. S. 63–87. (In Russ.).

5. Golovnyov A.V., Albogachieva M.S.-G., Belorussova S.Yu., Belyaeva-Sachuk V.A., Kisser T.S., Perevalova E.V. Korennye malochislennye narody Rossii: etnokul'turnye proekcii [Indigenous peoples of Russia: ethnocultural projections]. Sankt-Peterburg : MAE RAN, 2022. 200 s. (In Russ.).

6. Golovnyov A.V., Belorussova S.Yu., Kisser T.S. Veb-etnografiya i kiberetnichnost' [Web Ethnography and Cyberethnicity] // Ural'skij istoricheskij vestnik. 2018. № 1 (58). (In Russ.).

7. Golovnyov A.V., Belorussova S.Yu., KisserT.S. Virtual'naya etnichnost' i kiberetnografiya [Virtual Ethnicity and Cyberethnography]. Sankt-Peterburg : MAE RAN, 2021. 280 p. (In Russ.).

8. Zajonc V.V. Social'no-antropologicheskij podhod k issledovaniyu internet-soobshchestv [A socio-anthropological Approach to the Study of Online Communities]. Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2011. № 1 (14). (In Russ.).

9. Mongol'sko-russkij slovar' [Mongolian-Russian dictionary] / red. A. Luvsandendev. Moskva : gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej, 1957. 716 s.

10. Myasnikova M.L. Onlajn etnograficheskij podhod k issledovaniyu internet-soobshchestv: metodologicheskie raznoglasiya i bazovye principy [An Online Ethnographic Approach to Researching Online Communities: Methodological Disagreements and Basic Principles]. Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2017. T. 20, № 1 (89). (In Russ.).

11. Pavlinskaya L.R. Kochevniki golubyh gor. Sud'ba tradicionnoj kul'tury Vostochnyh Sayan v kontekste vzaimodejstviya s sovremennost'yu [The nomads of the Blue Mountains. The fate of the traditional culture of the Eastern Sayans in the context of interaction with modernity]. Sankt-Peterburg : Evropejskij dom, 2002. 263 s. (In Russ.).

12. O Edinom perechne korennyh malochislennyh narodov Rossijskoj Federacii : postanovlenie ot 24 marta 2000 goda № 255 : s izmeneniyami na 18 dekabrya 2021 goda [On the Unified List of Indigenous Small-numbered Peoples of the Russian Federation : resolution No. 255 of March 24, 2000 : as amended on December 18, 2021]. URL: https://docs.cntd.ru/document/901757631 (accessed: 06.03.2025). (In Russ.).

13. Radchenko D.A. Cifrovaya etnografiya: sredi lyudej i algoritmov [Digital Ethnography: Among People and Algorithms] // Folklor i antropologiya goroda. 2023. № 1. (In Russ.).

14. Rassadin V.I. Fonetika i leksika tofalarskogo yazyka [Phonetics and vocabulary of the Tofalar language]. Ulan-Ude : Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1971. 251 s.

15. Syrtypova S.H.D., Naranceceg D. Olenevody darhatskoj kotloviny, ili Kak zhivet malochislennyj narod Mongolii caatany [Reindeer Herders of the Darkhatskaya Basin, or How a Small-Numbered Nation of the Tsaatans in Mongolia Live] // Etnografiya. 2023. № 2 (20). S. 163–188.

16. O garantiyah prav korennyh malochislennyh narodov Rossijskoj Federacii : Federal'nyj zakon ot 30 aprelya 1999 g. № 82-FZ : v pervonachal'noj redakcii [On Guarantees of the Rights of Small Indigenous Peoples of the Russian Federation : Federal Law No. 82-FZ of April 30, 1999 : in its original wording]. URL: https://ivo.garant.ru/#/document/4000521/paragraph/7:0 (accessed: 06.03.2025). (In Russ.).

17. Chernecov V.N. Etnokul'turnye arealy v lesnoj i subarkticheskoj zonah Evrazii v epohu neolita [Ethnocultural areas in the forest and subarctic zones of Eurasia in the Neolithic era] // Problemy arheologii Urala i Sibiri. Moskva : Nauka, 1973. S. 10–17. (In Russ.).

18. Sharastepanov D.C.-B. Oka: gody i lyudi [Oka: years and people]. Ulan-Ude : Respublikanskaya tipografiya, 2008. 373 s. (In Russ.).

19. Boellstorff T. Rethinking Digital Anthropology in Digital Anthropology. London, New York : Bloomsbury Academic, 2012. P. 44–62.

20. Collins S.G., Durington M., Paolo Favero P., Harper K., Ali Kenner A. and O'Donnell C. Ethnographic Apps/Apps as Ethnography // Anthropology Now. 2017. 9:1. P. 102–118.

21. Hine C. Virtual Ethnography. London : Sage Publications, 2000. 192 p.

22. Miller D., Slater D. The Internet: an Ethnographic Approach. London : Routledge, 2020, 228 p.

23. Pasterze reniferów mongolskiej tajgi / red. J. S. Wasilewskiego. Warszawa : Wydawnictwo Dig, 2008. 264 p.

24. Pink S., Horst H., Postill J., Hjorth L., Lewis T. and Tacchi J. Digital Ethnography. Principles and Practice. SAGE Publications. London : SAGE Publications, 2016. 216 p.

Информация об авторах

В.А. Беляева-Сачук – Ph.D., кандидат исторических наук;
Е.Ю. Трушкина – кандидат философских наук.

Information about the authors

V.A. Belyaeva-Sachuk is Ph.D., Candidate of Sciences (History);
E.Y. Trushkina is Candidate of Sciences (Philosophy).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests

Статья поступила в редакцию 07.04.2025; одобрена после рецензирования 25.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.
The article was submitted 07.04.2025; approved after reviewing 25.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2025. Т. XXII, Вып. 2. С. 177–182
The Humanities and Social Studies in the Far East. 2025. Vol. XXII, Is. 2. P. 177–182

Научная статья
УДК 308:364-781
doi:10.31079/1992-2868-2025-22-2-177-182

ЦИФРОВАЯ ДЕКОНСТРУКЦИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Владимир Гайфулович Зангиров

Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия, zangirov@live.ru

Аннотация. Статья раскрывает тему этнической идентичности в контексте цифровизации жизни современного общества, ведущей к кардинальным преобразованиям структуры этнического самосознания как на индивидуальном, так и на социальном уровне бытия этноса. Цифровизация существенно влияет на характер этнической самоидентификации, порождая новые маркеры идентичности этноса, которые становятся столь же значимыми, как и маркеры исторически сложившихся форм реальной этнической идентичности. Для анализа этих процессов в статью введён концепт цифровой деконструкции, отражающий феномен цифровой трансформации этнической идентичности.

Ключевые слова: этническая идентичность, цифровизация, человек цифровой, бытие этноса, этническая граница, этническая самоидентификация, цифровая деконструкция

Original article

DIGITAL DECONSTRUCTION OF ETHNIC IDENTITY

Vladimir G. Zangirov

Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia, zangirov@live.ru

Abstract. The article explores the ethnic identity in the context of the digitalization of modern society, leading to fundamental transformations in the structure of ethnic identity at both the individual and social levels of ethnic existence. Digitalization significantly influences the nature of ethnic self-identification, generating new markers of ethnic identity that become as significant as markers of historically established forms of real ethnic identity. To analyze these processes, the article introduces the concept of "digital deconstruction", reflecting the phenomenon of digital transformation of ethnic identity.

Keywords: ethnic identity, digitalization, digital man, the existence of an ethnic group, ethnic border, ethnic self-identification, digital deconstruction

Всю предшествующую историю человечества можно, не впадая в преувеличение, охарактеризовать как историю этносов, начавшуюся с первичных форм родоплеменного самоопределения и пришедшую в современности к мощным процессам консолидации различных этносов в составе наций-государств, в которых этничность не прекращает своего исторического существования, а трансформируется в более высокую форму. Вопросы этнической идентичности порождены стремлением любого этноса сохранить себя в бурном историческом потоке, не раствориться, не быть ассимилированным превосходящей этнической силой, утвердить себя в качестве исторического субъекта. Так сложилось в истории, что каждое отдельное лицо искало в своём этносе защиту и опору, деятельностную поддержку и моральное оправдание. Этническая идентичность не просто складывается – она сознательно формируется, в современной научной терминологии – *конструируется*, переживая решающее воздействие этнических элит и легитимирующую поддержку рядовых представителей этноса. Это формирование ведёт к обособлению родного языка, к складыванию черт материальной и духовной культуры этноса, к становлению сходного образа жизни, что нашло подробное описание в научной этнологии.

Каждый этнос проживает свою историческую жизнь не только в тесном общении с другими этносами, но и под влиянием общих исторических факторов, имеющих эпохальное значение, затрагивающих все без исключения этнические организмы. Современность принесла небывалый ранее фактор – компьютеризацию, информатизацию и цифровизацию, которые стали решающим симптомом выхода мировой цивилизации на новый виток развития, именуемый по соображениям вкуса «постиндустриальным», «информационным», «технотронным», «цифровым», «постмодернистким». Сегодня происходит интенсивное философское, социологи-

© Зангиров В.Г., 2025

ческое, психологическое, культурологическое осмысление этого эпохального состояния. Частью этого духовного процесса является стремление понять, какие изменения происходят в сфере социального бытия этносов, в том числе в наиболее чувствительном аспекте этнической идентичности.

Проблематика идентичности разрабатывается уже несколько десятилетий, если вести отсчёт с исследований Э. Эриксона [1]. В настоящее время всё более настоятельным становится обращение к феномену идентичности, оказавшемуся в условиях цифровой трансформации общественной жизни. Л.Н. Соловьёва обращает внимание на то, что «для человека, живущего в условиях цифровой трансформации, в равной степени значимо как быть другим в окружающем двояком гиперразнообразном реально-виртуальном мире, но одновременно в мире форматов, шаблонов, стандартов, так и тождественным, чтобы самосохраниться, не растеряться в пучине тотального разнообразия. Идентичность – это специфическая точка опоры, важная сейчас для человека, как никогда, позволяющая сохранить собственное "я", быть и считаться человеком, как и тысячелетия прежде. Следовательно, идентичность, на наш взгляд, может трактоваться только в фокусе её амбивалентности, единстве тождественности и изменчивости как момент устойчивости, фиксирующий самотождественность в потоке динамично меняющегося бытия» [2: с. 79].

В этом подходе определено глубинное свойство идентичности – находиться постоянно в точке пересечения тождественности и изменчивости. Отвечая на вызовы времени, идентичность обретает новые грани, в то же время сохраняя базовые черты. Не так ли происходит с родным языком любого этноса, живо реагирующим на предложения заимствования, но остающимся устойчивым выражением народного духа? Не подтверждается ли это диалектикой культуры, в которой этнос сберегает свои исконные ценности, но при этом идёт навстречу обновляющему потоку времени? Идентичность – не застывшая субстанция, а динамическое состояние, подверженное силе исторической эволюции. Глядя на национальные костюмы, хочется спросить, а не сохранили ли они свой облик с тех стародавних времён родоплеменного бытия, когда этносы были жёстко привязаны к своей земле, к своему языку, к своим обычаям, к своим жизненным мирам? Идентичность растёт и развивается вместе с этносом, повторяя его возрастные модификации, одновременно утверждая и отрицая собственные маркеры. Национальный костюм позволяет распознать «своих», но ведь он за века претерпел массу изменений, оставаясь, тем не менее, «тем же самым». Как маркер идентичности, он красноречиво манифестирует диалектику тождества и различия.

Цифровизация стала радикальным вызовом для этнической идентичности. Она решительно вошла в жизнь каждого человека, воплотившись в неорганическом теле вездесущих микроэлектронных гаджетов, приняв виртуальный облик всепроникающих социальных сетей, ввергая сознание человека в неисчерпаемую полимодальность коммуникационных ситуаций. Процесс цифровизации зашёл так далеко, что начинает обсуждаться вопрос о том, что создаётся новый человек – «человек цифровой», Homo Digitals, чьё бытие будет одновременно и неразрывно протекать в обычном и цифровом мирах [3]. Homo Digitals представляет собой особую ступень развития человечества, являясь продуктом глобальной цифровизации общества. Над ним властно возвышаются две силы – цифровое общество и цифровая культура [3: с. 123]. А.Л. Крайнов усматривает подстерегающие опасности того, что «человек цифровой» со временем может стать «человеком оцифрованным», стать из субъекта цифровизации её объектом. На место Homo Digitals может придти Homo Digitized. «Данная тенденция весьма опасна, так как прогнозируемое сращивание человека с искусственным интеллектом лишит первого индивидуальности, приведёт его к деперсонализации. Важно вовремя остановиться, чтобы безудержный рост цифровизации не вышел из-под контроля» [3: с. 127].

Этносы существуют как онтологическая сущность на основе коммуникации его представителей, интерсубъективного разделения общих ценностей, естественного приобщения к универсуму родного языка. Бытие этноса столь своеобразно, что его весьма сложно интепретировать как форму реальности. Постоянно возникает вопрос: в силу чего этнос реален? Мы всё время наталкиваемся на метафизическую очевидность того, что трудятся не этносы, а трудовые коллективы, воюют не этносы, а боевые порядки армий, поддерживают национальную кухню не этносы, а заинтересованные потребители. Где находятся этносы по отношению к социальным, экономическим, политическим и духовным реалиям? К настоящему времени переломано столько примордиалистских, конструктивистских и инструменталистских копий, что возникает ощущение невыразимой экстравагантности этнического бытия. Если сущность и структура этнического бытия поняты, то должна быть ясной и понятной и этническая граница. Убедительно звучит позиция

Л.М. Дробижевой, подчёркивающей, что «Этническая граница понимается не в значении территориального расселения народов, а как субъективно осознаваемая и переживаемая дистанция, рассматриваемая в контексте межэтнических отношений» [4: с. 73]. По сути, этническая граница является актом сознания, а важнейший способ её изучения – исследование этнической идентичности. «Действительно, только если люди (личности) разделяют представления, которые становятся общими, и действуют на их основе, они становятся группой, а этничность может приобретать организационные и институциональные формы» [4: с. 74].

В таком случае, где же пролегают разделительные линии различных этносов? Указание на общую территорию данного этноса давно потеряло смысл. Любая культура столь полиморфна, что приписать её к номенклатуре определённого этноса весьма затруднительно, если не вовсе ошибочно. Остаётся родной язык, но и он представляет собой сомнительный маркер отнесения к этносу, поскольку, например, знание испанского языка не сделает португальца испанцем, а тот, кто стал забывать родной язык, на этом основании не перестаёт принадлежать к своему этносу, если он в своих актах сознания идентифицирует себя с ним. При этом совершенно очевидно, что этническая идентичность не имеет под собой стандартного образца, с которым могла бы сличать себя определённая персона. Но есть основание, на котором складывается этническая идентичность. Есть точка зрения, согласно которой под этнической идентичностью имеют в виду «относительно целостную совокупность характеристик традиционной культуры того или иного этноса» [5: с. 221]. Тогда речь идёт о том, принимает или не принимает субъект данную целостность, что означает позитивную или негативную этническую самоидентификацию.

Здесь мы обнаруживаем интересную оговорку о том, что осознание собственной принадлежности к определённому этносу – это не идентичность, а процесс самоидентификации. «Идентичность есть синтетический образ этнокультурной общности, с которой субъект себя идентифицирует. Этническая идентификация происходит тогда, когда субъект принимает оценочное решение относительно феноменов этнической идентичности» [5: с. 222]. При таком подходе этническая идентичность обретает зримые черты объективной реальности, с которой соотносит себя субъект как актор этнической самоидентификации. Онтологической осью, вокруг которой наращивается этническая идентичность, выступает традиционная культура. Этническая идентичность есть органичное целое, единство взаимосвязанных между собой характерных для культуры того или иного этноса элементов. В неё входят также культурно обусловленные элементы сознания и стереотипы поведения. Если же иметь в виду субъективный аспект идентичности, то «основой позитивной самоидентификации является гордость субъекта за экономические, политические и культурные достижения его родного этноса, и иных оснований быть не может» [5: с. 226–227].

Такая теоретическая коннотация может быть поддержана в силу того, что этническая идентичность здесь обретает онтологическую почву, где у неё есть реальное место, на котором она могла бы вырастать и наращиваться. Концепт традиционной культуры репрезентирует бытийственную ось, вокруг которой концентрируются образ жизни этноса, его отношения с естественной природной средой, все виды социальных действий, сходный психический склад, вся дискурсивная практика этноса. Именно с традиционной культурой сверяет себя субъект этнической самоидентификации. Чувство этнического родства возникает там и только там, где отдельная личность обнаруживает сходные формы самоидентификации, т.е. аналогичное отношение к объективному выражению своеобразия этноса. На этой основе формируется коммуникативная структура этноса, тесно связанная с экзистенциальной ментальностью индивидуальных представителей этноса. Думать о себе как о «русских», находить в себе черты «русских», связывать свою судьбу с «русскими», вести себя как «русские», говорить вместе с «русскими», работать вместе с «русскими» – так консолидируется объективное содержание русской этничности, русская идентичность и общее, консолидированное самоидентифицирующее отношение к этой этничности. Пусть этот пример послужит свидетельством того, что автор этих строк в своей этнической самоидентификации рассматривает себя как представителя обширного русского этноса, как субъекта осмысленного конструирования своей идентичности. Эту работу проделывает каждый из нас, созидая свою этничность, самоопределяясь по отношению к племенам, народностям, народам, нациям.

На современной стадии развития мировая цивилизация, вооружённая информационно-коммуникационными технологиями, совершает крутой цифровой поворот, властно обозначающий общий вектор преобразований всех сторон общественной жизни. «Цифровизация общества, формирование виртуальной реальности, распространение виртуальных форм коммуникации сформировали новый

запрос на исследование формирования идентичности личности, анализа особенностей взаимодействия реальной и виртуальной идентичности» [6: с. 358]. С.И. Платонова дифференцирует общества модерна, постмодерна и цифровое общество. Общество постмодерна она характеризует как такое, в котором идентичность обретает текучие, размытые формы, где ничто не остаётся постоянным, безопасным, точным, фиксированным или стабильным и ничто не длится долго. Неопределённость и непредсказуемость вызваны процессами глобализации и местным локальным контекстом, локальными обстоятельствами, их взаимовлиянием и взаимообусловленностью. Большое количество беженцев, мигрантов, развитие туризма, деятельность СМИ приводят к объединению социальных контекстов, которые до этого существовали обособленно. Важнейшая характеристика общества постмодерна – индивидуализация личности, представляющая собой как свободный и желаемый выбор индивида, так и его обязанности и ответственность. В эпоху постмодерна идентичность переходит в фазу игры, в спектакль о собственной самости, в котором постоянно меняется сценарий. Человек модерна отличался определённым целостным устойчивым «Я», был тождествен самому себе, а в эпоху постмодерна он становится номадом, кочевником, состоящим из множественных идентичностей. Здесь индивид постоянно занят поиском идентичности, которая становится фрагментированной, текучей, ризомной.

Цифровое общество, отмечает С.И. Платонова, приводит к изменению механизмов формирования идентичности. «До появления цифровых технологий социальные коммуникации характеризовались ситуацией "лицом к лицу", в цифровом обществе они трансформировались в ситуацию "лицом в устройство"» [6: с. 361]. Жизнь «лицом в устройство» ограничивается исключительно компьютерными взаимодействиями, характеризующимися анонимностью, произвольностью, отсутствием живого непосредственного общения. «Цифровая среда и виртуальная коммуникация приводят к возникновению нового механизма формирования идентичности. В рамках общества модерна формирование личной и групповой идентичности происходит при соотнесении и сопоставлении человека с «Другим», с разными социальными общностями. В обществе постмодерна отсутствует единый центр, единый источник власти, поэтому идентичность характеризуется распылённостью, неопределённостью, текучестью. В условиях цифрового общества речь идёт о формировании цифровой идентичности, о соотнесении индивида прежде всего с виртуальными пользователями и группами» [6: с. 363].

Приведённая выше точка зрения весьма симптоматична. Если принять её как методологическую программу, то все живые процессы этнической самоидентификации, за которыми просматривается уникальность отдельной личности, как бы проваливаются в универсальный механизм формирования идентичности, в котором нет никакого выбора. Настал постмодерн – и все стабильные ориентиры идентификации слетели с прочного и устойчивого фундамента эпохи модерна, а когда неотвратимо подступила тотальная цифровизация жизни, то все, оказавшись «лицом к устройству», утратили способность быть «лицом к лицу». Сегодня философские тексты полны малопродуманными перепевами подобных сюжетов, характерных для схематического мышления. Спросим себя, а что же случилось с этнической идентичностью, когда цифровая коммуникация стала захватывать всё социальное пространство? Неужели образ этнической целостности разрушился настолько, что отдельная личность обратилась к сетевому поиску хотя бы виртуальных форм самоидентификации? Как будто, садясь лицом к устройству, человек сразу и начисто утрачивает все свои сущностные силы, отдавая свои идентичности на алтарь цифровой фрагментации. Перебирая рассыпающиеся фрагменты самого себя, человек уже не может сказать, с кем он может строить своё этническое бытие, если разрушена органичная целостность идентичности. Тогда остаётся ничем не детерминированный процесс пустой самоидентификации в виртуальном мире, который ничего не требует и всё дозволяет.

На самом деле ничего из этого не происходит. Мир цифровой виртуализации не встал на место мира реальных вещей, а только огородил себе параллельный ареал. На человека обрушились огромные информационные глыбы, но никто не в силах отменить попперовский первый мир объективной реальности. Если что и произошло, то это гигантское по объёму перенасыщение попперовского третьего мира, разрастание объективного духа до вселенских размеров Интернета и отсюда неспособность попперовского второго мира нашей субъективности справиться с давлением информационной объективации. Что касается этнической идентичности, то она коренится не в знаниях, не в теориях, не в структурах объективного духа, а в субъективной способности человека увидеть себя в зеркалах традиционной культуры в самом широком смысле этого слова. Если язык и в самом деле «дом бытия», то он инициирует прежде всего са-

мые простые формы выражения этнической идентичности: «моя земля», «мои обычаи», «моя одежда», «мои праздники», «мои погребальные обряды», «мои сказки», «мои жилища», «мои игры». Этнос жив до тех пор, пока всё это тщательно сберегается, как старое платье из бабушкиного сундука, когда-то сшитое к свадьбе.

Что такое современная цифровизация по отношению к традиционной этнической культуре? Обдумывание этого вопроса натолкнуло меня на очень странный концепт деконструкции, на который в последнее время усердно нагнали безмерное количество тумана, поддавшись обаянию спутанных и претенциозных текстов Жака Дерриды, который и сам не мог внятно объяснить, что он имеет в виду, постоянно произнося это слово. Пусть Жак Деррида нашёл оригинальный способ развития философской мысли, пусть его деконструктивизм оказывает существенное влияние на философский климат современности. Здесь можно принять во внимание предельно критическое и в то же время добросовестное, тщательное прочтение мысли Дерриды, осуществлённое санкт-петербургским философом Б.Г. Соколовым [7]. Смысл понятия деконструкции странным образом выходит за пределы той работы с текстом, которая и привела Дерриду к его деконструктивизму. У всякого концепта есть потенциально широкий смысл, не только тот, который актуализируется сейчас, но и тот, который обнаружит себя в дальнейшем. Это такой смысл, который в чистом виде стоит вне какой-либо конкретной исследовательской программы, подобной герменевтическим экспериментам Дерриды. В таком случае обозначим этот всеохватывающий смысл простым соотношением двух аспектов – деструирования и конструирования, взятых в их взаимополагании. Любая структура допускает возможность своей деструкции, чтобы затем быть воссозданной в новой форме. Пусть мышление Жака Дерриды находится в деконструктивных отношениях с мышлением Фридриха Ницше, Мартина Хайдеггера и Зигмунда Фрейда. Концепт деконструкции интересен тем, что он адекватно выражает феномен современной трансформации этнической идентичности под напором интенсивной цифровизации. Цифровой мир объективно расшатывает базовые компоненты этнической идентичности посредством небывалых ранее коммуникационных возможностей. В том виртуальном облике, в каком личность представлена в сетевых джунглях, почти невозможно разглядеть этническое лицо, фундированное на устойчивых механизмах идентификации. Цифровое общество даёт в распоряжение индивида массу обликов, заслоняющих его реальную сущность. Но этническая идентичность не такая вещь, с которой легко расстаются. Если до цифрового поворота каждый индивид решал проблему своей этнической идентичности в реальном общении с теми, с кем он мог столкнуться лицом к лицу, то в цифровом мире, находясь лицом к устройству, он получает возможность широкой этнокультурной коммуникации. Цифровое устройство не может помешать подлинной этнической манифестации человека, если он сам не желает скрыть свою этническую идентичность. Виртуальная этническая группа способна явственно высветить, насколько сохранились компоненты этнической идентичности, какое жизненное значение они ещё имеют, что уже утрачено в качестве маркеров этнической солидарности.

Есть подтверждения того, что цифровые технологии по-своему, менее заметными способами воспроизводят наше укоренённое чувство принадлежности к этническому [8]. В наши дни возникают новые формы и коммуникационные механизмы, в рамках которых происходит общение людей, содержащее в себе явственные этнические компоненты. «В настоящее время современная глобальная цифровая экосистема предлагает три ключевых механизма, которые меморализуют национальные формы и, следовательно, способствуют воспроизведению повседневных форм национального самовыражения в их цифровых вариантах: архитектура системы доменных имён в Интернете, предвзятость алгоритмов, укоренившихся в цифровых платформах, и формирование национальных цифровых экосистем. Основные особенности повседневного "цифрового" национального самовыражения – это его массовизация и диверсификация, фрагментация и поляризация межличностного национального общения, его коммодификация и коммерциализация» [8: с. 189].

В последние годы происходят крупные мировые события, которые можно квалифицировать как наступление эры ренессанса чувства национальной идентичности и популизма. Новые формы национального самовыражения получают свою цифровую репрезентацию как в Интернете, так и в социальных сетях. Цифровые технологии выступают способами воспроизводства и широкого распространения чувственно-эмоциональных дискурсов, обусловливающих принадлежность представителей той или иной национально-культурной общности к определённой этнической группе. Особенности современного национального самовыражения нуждаются в аналитическом объяснении. В.И. Красиков предлагает свою версию интерпретации по-

нятия «национальное самовыражение». Есть две формы национального самовыражения – экстраординарная и нормальная. Первая форма проявляется не всё время, а лишь в исключительные моменты социальной жизни, во времена конфликтов и войн или в периоды крупных изменений и потрясений. Такие экстраординарные моменты временно переворачивают принятые за само собой разумеющиеся формы нашей повседневной жизни, вызывают бурные дискуссии об особенностях той или иной нации, символических границах национальной идентичности [8: с. 193].

Цифровая коммуникация накладывает существенный отпечаток на формирование этнической идентичности, перестраивая систему ценностей представителей того или иного этноса. Большими возможностями для этого располагают социальные сети, целенаправленно формируя политику этнического самоопределения. Традиционные формы этнической идентификации под давлением глобализации теряют своё значение. На смену им приходят цифровые механизмы формирования этнической идентичности. Всё это имеет характер деконструктивного воздействия прежде всего на акты сознания. Разрушается прежняя форма этнокультурной сплочённости и созидается небывалый ранее этнический сегмент цифрового общества.

Список источников

1. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. Москва : Прогресс, 1996. 344 с.

2. Соловьёва Л.Н. Идентичность в условиях цифровой трансформации: теоретико-методологический фокус // Общество: философия, история, культура. 2022. № 11. С. 76–81.

3. Крайнов А.Л. Homo Digitals как продукт цифровизации // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2023. Т. 23, № 5. С. 122–129.

4. Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. Москва : Центр общечеловеческих ценностей, 2003. 376 с.

5. Шиндель С.В., Семухина Е.А. Проблема сохранения этнокультурной идентичности в XXI веке: методологический аспект // Культура и цивилизация. 2022. Т. 12, № 1А. С. 221–230.

6. Платонова С.И. Идентичность в цифровом обществе: генезис понятия и основные характеристики // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2024. № 49(2). С. 357–366.

7. Соколов Б.Г. Маргинальный дискурс Деррида. Санкт-Петербург, 1996.

8. Красиков В.И. Национальное самовыражение в контексте цифровых медиа и социальных сетей // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21, № 2. С. 188–202.

References

1. Erickson E. Identichnost': yunost' i krizis [Identity: youth and crisis]. Moscow : Progress Publ., 1996. 344 p. (In Russ.).

2. Solovyova L.N. Identichnost' v usloviyah cifrovoj transformacii: teoretiko-metodologicheskij fokus [Identity in the context of digital transformation: a theoretical and methodological focus] // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura [Society: philosophy, history, culture]. 2022. No. 11. P. 76–81. (In Russ.).

3. Krainov A.L. Homo Digitals kak produkt cifrovizacii [Homo Digitals as a product of digitalization] // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University]. 2023. Vol. 23, no. 5. P. 122–129. (In Russ.).

4. Drobizheva L.M. Social'nye problemy mezhnacional'nyh otnoshenij v postsovetskoj Rossii [Social problems of interethnic relations in post-Soviet Russia]. Moscow : Center for Universal Human Values, 2003. 376 p. (In Russ.).

5. Shindel S.V., Semukhina E.A. Problema sohraneniya etnokul'turnoj identichnosti v XXI veke: metodologicheskij aspekt [The problem of preserving ethnic and cultural identity in the 21st century: a methodological aspect] // Kul'tura i civilizaciya [Culture and civilization]. 2022. Vol. 12, no. 1A. P. 221–230. (In Russ.).

6. Platonova S.I. Identichnost' v cifrovom obshchestve: genezis ponyatiya i osnovnye harakteristiki [Identity in the digital society: the genesis of the concept and main characteristics] // NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sociologiya. Pravo [NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Right]. 2024. No. 49(2). P. 357–366. (In Russ.).

7. Sokolov B.G. Marginal'nyj diskurs Derrida [Marginal discourse of Derrida]. St. Petersburg, 1996. (In Russ.).

8. Krasikov V.I. Nacional'noe samovyrazhenie v kontekste cifrovyh media i social'nyh setej [National self-expression in the context of digital media and social networks] // Diskurs-Pi [Discourse-Pi]. 2024. Vol. 21, no. 2. P. 188–202. (In Russ.).

Информация об авторе

В.Г. Зангиров – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «Философия, социология и право».

Information about the author

V.G. Zangirov is Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Law.

Статья поступила в редакцию 24.03.2025; одобрена после рецензирования 11.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.
The article was submitted 24.03.2025; approved after reviewing 11.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2025. Т. XXII, Вып. 2. С. 183–187
The Humanities and Social Studies in the Far East. 2025. Vol. XXII, Is. 2. P. 183–187

Научная статья
УДК 316.472.45:323.15
doi:10.31079/1992-2868-2025-22-2-183-187

ФЕНОМЕН ЭТНИЧНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННО-ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Александр Сергеевич Ким[1], **Ксения Руслановна Козырская**[2]
[1, 2]Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия
[1]stosorok2005@yandex.ru, https://ORCID: 0000-0002-0533-8786
[2]snzhnkzrskicloud.com @gmail.com, https://ORCID: 0009-0002-1424-6661

Аннотация. Статья посвящена анализу феномена этничности в информационном пространстве российского общества. Авторы рассматривают расширение возможностей этнической консолидации и мобилизации, а вместе с тем и рисков конфликтности в условиях использования цифровых технологий. На примере Хабаровского края рассмотрен позитивный опыт формирования позитивной этнической идентичности в открытом информационном пространстве на региональном и местном уровне.

Ключевые слова: этничность, феномен этничности, информационно-цифровое общество, государственная национальная политика, этническая идентичность

Original article

THE PHENOMENON OF ETHNICITY IN THE INFORMATION AND DIGITAL SOCIETY

Alexander S. Kim[1], **Ksenia R. Kozyrskaya**[2]
[1, 2]Pacific National University, Khabarovsk, Russia
[1]stosorok2005@yandex.ru, https://ORCID: 0000-0002-0533-8786
[2]snzhnkzrskicloud.com @gmail.com, https://ORCID: 0009-0002-1424-6661

Abstract. The article is devoted to the analysis of the phenomenon of ethnicity within the information space of Russian society. The authors examine the expanded possibilities for ethnic consolidation and mobilization, as well as the associated risks of conflict in the context of using digital technologies. Additionally, the article presents a positive case study from the Khabarovsk Krai, highlighting the formation of a positive ethnic identity in the open informational space at regional and local levels.

Keywords: ethnicity, phenomenon of ethnicity, information and digital society, state national policy, ethnic identity

Проблемы кросскультурного, межэтнического взаимодействия, этнической идентичности и национально-этнической конфликтности приобретают новые смыслы, значения и формы. Это обусловлено принципиально новыми способами социальной коммуникации, которыми характеризуется так называемое новое информационное общество. Даже традиционные культуры не могут игнорировать возрастающее значение средств массовой информации в современную цифровую эпоху. Развитие Интернет-коммуникаций привело к формированию новых явлений, одно из которых – этническое виртуальное сообщество. Активизацию этнических сетей многие исследователи трактуют как подтверждение концепции «воображаемых сообществ», поскольку пользователи конструируют виртуальные пространства, представляя их как сообщества [7: с. 153]. Маркером таких пространств выступает «виртуальная этничность», под которой М. Постер понимает «взаимодействие реальных и виртуальных элементов конструирования этнических групп» [10]. При этом в настоящее время еще не существует устоявшегося определения вышеуказанного феномена. Под этническим виртуальным сообществом некоторые российские исследователи понимают сети межличностных связей в Интернете, посредством которых происходит социальное взаимодействие, трансляция информации на основе этнической идентичности или ее компонентов [7: с. 153].

Цель настоящей статьи – выявление и раскрытие некоторых аспектов феномена этничности в условиях цифровой информационной среды современного российского общества, связанных как с мобилизацией этничности, так ее замещением. Этничность как глобальный феномен информационно-цифрового общества – это этнически ориентированная информационная среда. В ней цирку-

© Ким А.С., Козырская К.Р., 2025

лируют сведения и данные, содержание которых включает как реальные, так и воображаемые представления об этническом. Этничность представляется в форме текстовых, фото-, аудио- и видеоматериалов исторического, этнографического, литературного и фольклорного характера. Язык, ментальность, традиции, внутриэтническое и межэтническое общение составляют предмет общественного дискурса, в информационном поле которого происходит коммуникация этнических субъектов как на индивидуальном, так и на групповом уровне [2 : с. 28].

Как полагают Г.Ф. Габдрахманова и З.А. Махмутов, рассмотрение этничности в интернет-пространстве возможно в следующих ракурсах: интерактивном, атрибутивном и субъектно-символическом. Таким образом, этничность в информационном пространстве предстаёт как: форма межгруппового взаимодействия культурно отличающихся друг от друга групп; совокупность характеристик, конструирующих этническую группу в виде целостной общности; особая форма социальной идентичности в виртуальном мире. Происходит сосуществование виртуальной этничности с этничностью реальной, что способствует формированию новых форм внутриэтнического и межэтнического взаимодействия. В интернет-пространстве наблюдается бурная активность технологической армии социального инжиниринга в виде блогеров, создателей сайтов, порталов, администраторов групп, формирующих этнические стереотипы, мобилизующих этнические чувства и настроения и конструирующих массовые формы этнической идентификации [2: с. 28–29].

Ранее в так называемом массовом обществе происходило весьма активное использование печатных СМИ, телевидения, радио и кино в качестве инструментов массовой политики, испытывающих сильное влияние политических и экономических элит и служащих их интересам. Напротив, информационно-сетевая эпоха характеризуется резким расширением круга учредителей и операторов средств массовой коммуникации в силу использования технологий компьютерного набора текста и цифровых средств передачи информации. Наложение данного обстоятельства на социальную и политическую стратификацию сетевого общества привело к мультипликативному эффекту. Он проявляется в интенсификации воздействия на общественное мнение электронных СМИ, артикулирующих разнообразные социально-политические и социально-культурные интересы.

Однако вопреки распространённым представлениям о том, что Интернет становится «могильщиком» традиционных СМИ, исследования показывают, что в современном российском обществе пресса, радио и в особенности телевидение остаются пока востребованными информационными источниками, пусть и в меньшей степени, чем до 2012 г. [1: с. 290–291]. Кроме того, сам по себе факт умножения средств массовой коммуникации в условиях открытого информационного пространства не всегда означает плюрализм идейно-политических и мировоззренческих позиций. У властных институтов существуют возможности ограничения доступа пользователей к информационным ресурсам или их блокировки, в случае если имеются основания считать их содержание противоправным или ценностно-деструктивным.

Во всём мире, и в России, в частности, властные структуры стремятся в своих интересах использовать различные информационные каналы для распространения в массовом сознании идей, взглядов, представлений, ценностей и моделей социального поведения [3: с. 270]. Более того, институты государственной власти обладают собственными информационными ресурсами, связанными с этнической проблематикой, которые представлены на соответствующих порталах, сайтах, в электронных СМИ и других информационных системах. Так, например, в России вектор информационного потока направлен на установление позитивной коммуникации между органами государственной власти и общественностью по вопросам межэтнических отношений. Именно поэтому информационные ресурсы, выражающие интересы властных институтов, являются инструментом реализации государственной национальной политики на федеральном, региональном и муниципальном уровне.

Одним из значимых аспектов предметной области государственной национальной политики является раннее предупреждение конфликтных ситуаций в сфере межэтнических отношений. Предпосылки этнической конфликтогенности могут быть связаны, в том числе, и с различными факторами, определяющими своеобразный «ренессанс», оживление этнической идентичности. К их числу можно отнести фактор глобализации, характеризующийся, с одной стороны, усилением взаимозависимости различных стран и международных регионов, а с другой, противоположным процессом роста интереса к этнической специфике. Именно поэтому в средствах массовой информации поликультурных регионов и стран этнокультурная и этнополитическая проблематика присутствует постоянно.

В открытом информационном пространстве продвигается в большом количестве так называемая этнически окрашенная информация, которая

изначально имеет или приобретает впоследствии политическую значимость и таким образом становится существенной составляющей современной этнополитики. Речь идёт о публикациях о странах и народах, их образе жизни, национальных или этнических традициях, обычаях и ценностях и других сферах общественной жизни. При этом в материалах СМИ нередко можно встретить информацию, связанную не только с распространением ценностей и норм, содействующих интеграции многосоставных обществ, но и с муссированием предрассудков, стереотипов и установок, способствующих сохранению и усилению этнических и расовых границ, интенсификации межэтнической напряжённости. В одних случаях происходит сознательное манипулирование общественным мнением, поскольку этничность используется как политический ресурс и выполняет роль аргумента для обоснования позиций конфликтующих сторон или лидеров. В других – использование этнических предрассудков и стереотипов носит спонтанный, неспровоцированный и неявный характер, являясь следствием нарушения принципов журналистской этики. Такие нарушения обусловлены, в свою очередь, как общей и профессиональной неподготовленностью журналистов, так и их этнополитической некомпетентностью [3: с. 270].

Благоприятной почвой для восприятия вышеуказанных предрассудков и стереотипов является преобладающая в России так называемая «диффузная», «безадресная» ксенофобия, замещающая более глубинные, слабо осознанные личностные формы социального недовольства. Этнически «чужие» воспринимаются в российском массовом сознании чаще всего как существенно более болезненное явление, нежели социальное неравенство, коррупция, социальная несправедливость. Именно поэтому недовольство населения базовыми условиями жизни часто переносится на этнически чужих [5: с. 322].

В то же время в информационном пространстве существуют и определённые объективные предпосылки формирования культурных, этнических границ между автохтонным (старожильческим) населением и иммигрантами (диаспоральными меньшинствами). Как полагает А.В. Назарчук, цифровые коммуникации благодаря своей информационной мощи и виртуальной образной силе воспроизводят суррогаты среды социализации и компенсируют существенную часть изменений культурной среды, обычно вынуждающей мигрантов адаптироваться к новой среде или ассимилироваться. Спутниковые телеканалы, Интернет способствуют формированию социокультурного окружения, с которым городской мигрант всегда имел дело. Сохранение субкультуры в семье, ее воссоздание в рамках городской среды обусловливают воспроизводство культуры в формате сетевых отношений, который в свою очередь позволяет сохраняться этнической идентичности в рамках любого количества удалённых ячеек. Конфликтогенность складывающейся при этом ситуации заключается в том, что информационно оснащённое меньшинство может не просто сохранять свою субкультуру в чужеродной среде, а смело вступать в борьбу за отстаивание собственных ценностей. Противоборство культур перестаёт носить отдалённый, абстрактный характер и актуализируется в городских агломерациях. В таких условиях не может идти и речи о полноценной социализации иммиграционных меньшинств, что порождает выдвижение на передний план этнических и религиозных акцентов. Именно поэтому возникает конфликтная ситуация, приобретающая ценностный, цивилизационно культурный характер [4: с. 363].

Что касается национальных меньшинств, относящихся к народам России, то потенциал цифрового общества дает им возможность сохранять свою идентичность, но не в противопоставлении другим российским народам и российской культуре в целом. Государственная национальная политика в Российской Федерации как раз и ориентирована на создание условий, благоприятствующих сочетанию этнокультурного многообразия и общероссийской гражданской идентичности. Представители российских народов могут создавать виртуальные сообщества, в рамках которых поддерживается этническая идентичность. Они формируют виртуальные объединения (интернет-сообщества, онлайн-сообщества) и позиционируют свои этнические представления, ценности, чувства. Так, например, существует виртуальное пространство татарских субэтнических групп, представленное в социальной сети «Вконтакте». Оно охватывает представителей таких сообществ, как «Мишары», «Сибирские татары», «Кряшены», проживающих в таких городах, как Набережные Челны, Москва, Нижнекамск, Тюмень, Тобольск, Омск, Казань. При этом большинство публикаций во всех перечисленных сообществах представлено на русском языке, что является показателем интенсивной языковой ассимиляции [6: с. 300–302].

В современном информационно-цифровом обществе могут наблюдаться и противоположные по направленности процессы, связанные не с интересом к этнической идентичности, а, наоборот, с отсутствием в культурной идентификации таких маркеров, как родной язык, историческая память, куль-

турные ценности и этнический менталитет. Глобальный цифровой мир диктует свои правила и нормы, навязывая определенные условия бытия, в результате чего происходит подмена естественного процесса социализации и идентификации искусственным, навязываемым Интернетом. В виртуальном интернет-коммуникативном пространстве формирование ценностного мира молодежи происходит посредством силового вмешательства в ее духовную жизнь, что влечет за собой утрату ориентиров самоидентификации и разрушение исторически сложившихся объединяющих основ российского общества: патриотизма, российской культуры и идентичности, русского языка и т.д. По сути дела, развитие культуры цифровизации глобального общества характеризуется процессами вытеснения и замещения позитивной этнической, национальной культуры и идентичности так называемой сетевой культурой, сетевой идентичностью, приводящей к формированию так называемого цифрового поколения [9: с. 300–302].

В силу вышеизложенного, в современном обществе весьма значимым является формирование позитивной этнической и гражданской идентичности. На региональном и местном уровне существует позитивный опыт в решении этой задачи. Так, в Хабаровском крае в октябре 2012 г. была зарегистрирована в качестве самостоятельной региональная общественная организация «Ассамблея народов Хабаровского края» (далее – Ассамблея). Ассамблея имеет свой сайт (www.assembly27.ru), который стал информационным порталом по различным вопросам реализации государственной национальной политики и активно наполняется информацией о запланированных и проведенных мероприятиях в сфере этнокультурного развития и межнационального сотрудничества. Ассамблеей уже подписаны соглашения о сотрудничестве с администрациями муниципальных районов края, с Ассамблеями народов субъектов России и с общественными, национальными, религиозными, издательскими и другими организациями Хабаровского края. В 2018 г. открыт первый муниципальный совет Ассамблеи в городе Комсомольске-на-Амуре. В сфере интересов Ассамблеи находятся научная и творческая деятельность, грантовая поддержка на всех уровнях, работа с молодежью и детьми дошкольного и школьного возраста, методическая работа ресурсного центра по поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций, а также работа по адаптации и интеграции иностранных граждан. Активное участие в работе Ассамблеи принимают краевая общественная организация «Молодёжная ассамблея народов Хабаровского края» и структурные подразделения Ассамблеи – детско-взрослое сообщество «Малая Ассамблея» и Женский клуб, который объединяет женщин разных национальностей и вероисповеданий Хабаровского края. Ежеквартально издается журнал «Ассамблея народов Хабаровского края» и ежемесячно газета «Вести Ассамблеи народов Хабаровского края», информирующие о деятельности национальных объединений Хабаровского края и освещающие вопросы формирования межнационального мира и согласия, сохранения культурно-нравственных ценностей [8].

Таким образом, рассмотрение феномена этничности в информационном пространстве российского общества показало, что использование цифровых технологий способствует расширению возможностей этнической консолидации и мобилизации, а вместе с тем несет и риски конфликтности. При этом информационно-сетевая этническая дифференциация может сопровождаться и противоположными по направленности процессами национального и этнического нигилизма, обусловленного деструктивным влиянием глобального цифрового мира. Данное противоречие обусловливает необходимость разработки научных подходов и управленческих практик, ориентированных на сочетание открытости и доступности информации как необходимого условия для успешного развития российского государства, с обеспечением национальной безопасности и формированием общенациональной гражданской идентичности. В то же время при условии конструктивной информационной политики вполне возможно выражение и культивирование этнокультурной самобытности в сочетании с межнациональным консенсусом и межэтнической интеграцией. Следовательно, информационно-цифровые ресурсы имеют значимый потенциал в формировании позитивной этнической идентичности.

Список источников

1. Вартанова Е.Л. Антропология медиа: индустриальный и философский поворот к человеку. Интерес к человеку как тенденция развития науки // Антропология медиа: теория и практика / отв. ред. В.К. Малькова, В.А. Тишков. Москва : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2016. 392 с.

2. Габдрахманова Г.Ф., Махмутов З.А. Национальный интернет России: некоторые размышления // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации : материалы III Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию первого этносоциологического исследования в СССР (Казань, 6–7 сентября 2018 г.) / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, Л.В. Сагитовой. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 28–32.

3. Тишков В.А. [и др.] Государственная национальная политика Российской Федерации : учебное пособие для специалистов в сфере национальных и религиозных отношений. Москва : Просвещение, 2020. 288 с.

4. Назарчук А.В. Мультикультурализм в сетевом обществе // Этнос, нация, ценности: Социально-философские исследования / науч. ред. К.Х. Момджян, А.Ю. Антоновский. Москва : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. С. 361–367.

5. Паин Э.А. Этничность, нация и политика: Критические очерки по этнополитологии. Москва : Новое литературное обозрение, 2023. 392 с.

6. Махмутов З.А. Татарские субэтнические группы в социальной сети «Вконтакте» // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации : материалы III Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию первого этносоциологического исследования в СССР (Казань, 6–7 сентября 2018 г.) / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, Л.В. Сагитовой. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 300–303.

7. Махмутов З.А. Новые формы функционирования и воспроизводства этничности (татарские этнолокализованные виртуальные сообщества) // Кавказология. 2019. № 2. С. 152–163.

8. ХКОО «Ассамблея народов Хабаровского края». URL: https: // guvP. khabkrai.ru / Soveschatelnye-organy / HKOO-quot-Assambleya-narodov-Habarovskogo-kraya (дата обращения: 19.03.2025).

9. Шадже А.Ю. Идентификационное пространство современной молодежи: проблемы и возможные пути решения // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации : материалы VI Всероссийской научно-практической конференции (Казань, 26–29 июня 2024 г.) / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, Л.В. Сагитовой, Э.А. Сагдиевой. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2024. С. 206–208.

10. Poster M. Virtual Ethnicity: Tribal Identity in an Age of Global Communications // CyberSociety 2.0. Revisiting Computer-Mediated Communication and Community / Edited by Steven G. Jones. Thousand Oaks : Sage, 1998. P. 184–211.

References

1. Vartanova E.L. Antropologiya media: industrial’nyy i filosofskiy povorot k cheloveku. Interes k cheloveku kak tendentsiya razvitiya nauki // Media Anthropology: Theory and Practice / Ed. V.K. Malkova, V.A. Tishkov. Moscow : Institute of Ethnology and Anthropology RAS, 2016. 392 p. (In Russ.).

2. Gabdrakhmanova G.F., Makmutov Z.A. Natsional’nyy internet Rossii: nekotorye razmyshleniia // Positive Experience in Regulating Ethnosocial and Ethnocultural Processes in the Regions of the Russian Federation : materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference, Dedicated to the 50th Anniversary of the First Ethnosociological Study in the USSR (Kazan, September 6–7, 2018) / Ed. G.F. Gabdrakhmanova, G.I. Makarova, L.V. Sagitova. Kazan : Institute of History named after Sh. Marjani, AN RT, 2018. P. 28–32. (In Russ.).

3. Tishkov V.A. [et al.]. Gosudarstvennaya natsional’naya politika Rossiyskoy Federatsii: ucheb. posobie dlya spetsialistov v sfere natsional’nykh i religioznykh otnosheniy. Moscow : Enlightenment, 2020. 288 p. (In Russ.).

4. Nazarchuk A.V. Mul'tikul'turalizm v setevom obshchestve // Ethnos, Nation, Values: Social-Philosophical Studies / Scientific Editors K.H. Momjyan, A.Yu. Antonovsky. Moscow : “Kanon+” ROOI “Rehabilitation”, 2015. P. 361–367. (In Russ.).

5. Pain E.A. Etnichnost' natsiya i politika: Kriticheskie ocherki po etnopolitologii. Moscow : New Literary Review, 2023. 392 p. (In Russ.).

6. Makmutov Z.A. Tatarskie subetnicheskie gruppy v social'noj seti «Vkontakte» // Positive Experience in Regulating Ethnosocial and Ethnocultural Processes in the Regions of the Russian Federation : materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference, Dedicated to the 50th Anniversary of the First Ethnosociological Study in the USSR (Kazan, September 6–7, 2018) / Ed. G.F. Gabdrakhmanova, G.I. Makarova, L.V. Sagitova. Kazan : Institute of History named after Sh. Marjani, AN RT, 2018. P. 300–303. (In Russ.).

7. Makmutov Z.A. Novye formy funktsionirovaniya i vosproizvodstva etnichnosti (tatarskie etnolokalizovannye virtual’nye soobshchestva) // Caucasology. 2019. No. 2. P. 152–163. (In Russ.).

8. HKO "Assambleya narodov Khabarovskogo kraya". URL: https://guvP. khabkrai.ru/ Soveshchatelnye-organy/HKO-quot-Assembly-of-Peoples-of-the-Khabarovsk-Territory (accessed: 19.03.2025). (In Russ.).

9. Shadzhie A.Yu. Identifikatsionnoe prostranstvo sovremennoy molodezhi: problemy i vozmozhnye puti resheniya // Positive Experience in Regulating Ethnosocial and Ethnocultural Processes in the Regions of the Russian Federation : materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference (Kazan, June 26–29, 2024) / Ed. G.F. Gabdrakhmanova, G.I. Makarova, L.V. Sagitova, E.A. Sagdieva. Kazan : Institute of History named after Sh. Marjani, AN RT, 2024. P. 206–208. (In Russ.).

10. Poster M. Virtual Ethnicity: Tribal Identity in an Age of Global Communications // CyberSociety 2.0. Revisiting Computer-Mediated Communication and Community / Edited by Steven G. Jones. Thousand Oaks : Sage, 1998. P. 184–211.

Информация об авторах

А.С. Ким – доктор политических наук, доцент, профессор Высшей школы социальных и политических наук;
К.Р. Козырская – бакалавр Института экономики и управления.

Information about the authors

A.S. Kim is Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor at the Higher School of Social and Political Sciences;
K.R. Kozyrskaya is a bachelor of the Institute of Economics and Management.

Статья поступила в редакцию 11.04.2025; одобрена после рецензирования 25.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.
The article was submitted 11.04.2025; approved after reviewing 25.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2025. Т. XXII, Вып. 2. С. 188–194
The Humanities and Social Studies in the Far East. 2025. Vol. XXII, Is. 2. P. 188–194

Научная статья
УДК 74
doi:10.31079/1992-2868-2025-22-2-188-194

АЙНСКАЯ СУВЕНИРНАЯ КУКЛА КАК СПОСОБ ПРЕЗЕНТАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Марина Викторовна Осипова

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Отдел Сибири, Санкт-Петербург, Россия, ainu07@mail.ru, https://orsid.org/0000-0001-9486-1861

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме сохранения и репрезентации этнической идентичности айнов в современных условиях. Изучение литературных источников и полевые исследования в местах компактного проживания айнов показали, что изготовление сувенирной продукции, в частности этнографических кукол, демонстрирующих художественными средствами этнические и культурные особенности народа, является одним из эффективных средств сохранения этнической идентичности. В прошлом, в силу религиозных воззрений айны не изготавливали кукол, хотя отдельные образцы деревянных фигурок, напоминающих человека, имеются в музейных и частных коллекциях. Сложившиеся к началу XX в. неблагоприятные социально-исторические условия, когда основные факторы формирования этнической идентичности: родной язык, религиозные воззрения, традиции, фольклор – были практически устранены, айнам пришлось предпринимать усилия по восстановлению и сохранению не только этнической, но и культурной идентичности. С появлением в жизни людей интернета, социальных сетей, маркетплейсов возникла возможность популяризации своей идентичности в виртуальном пространстве через предъявление продуктов художественного творчества – этнографических и фольклорных кукол. Они стали частью этновизуальной культуры и способом демонстрации уникальности этноса в условиях усиливающихся процессов международной интеграции и стандартизации культур.

Ключевые слова: айны, этническая идентичность, этнографическая и фольклорная кукла, виртуальное пространство

Original article

AINU SOUVENIR DOLL AS A MEANS OF PRESENTING ETHNIC IDENTITY

Marina V. Osipova

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS, Saint Petersburg, Russia, ainu07@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9486-1861

Abstract. The article is devoted to the urgent problem of preserving and representing the Ainu ethnic identity in modern conditions. The study of literary sources and field work in places of compact residence of the Ainu has shown that the production of souvenirs such as ethnographic dolls, in particular, which demonstrate by artistic means the ethnic and cultural features of the people, is one of the effective means of preserving ethnic identity. In the past, due to their religious beliefs, the Ainu did not make dolls, although some samples of human-like wooden figurines are in museum and private collections. The unfavorable socio-historical conditions that had developed by the early twentieth century, when the main factors of ethnic identity formation as native language, religious beliefs, traditions and folklore were practically eliminated, forced the Ainu to make efforts to restore their identity and preserve it. The Internet and social networks give the people the opportunity to popularize their identity in virtual space through the presentation of artistic products - ethnographic and folklore dolls. They became a part of ethno-visual culture and a way of demonstrating the uniqueness of the ethnic group in the conditions of increasing processes of international integration and standardization of cultures. It is a kind of illustration of the Ainu ethnic identity.

Keywords: the Ainu, ethnic identity, ethnographic and folklore doll, virtual space

Введение

В современной этнологии одной из актуальных проблем, обсуждаемых учеными и общественными кругами, стала проблема сохранения индивидом его этнической идентичности. Глобализационные процессы, углубление международной интеграции, взявшие свое начало в экономике, оказывают разрушительное действие на архаические и национальные традиционные институты, лежащие в основе сохранения коллективной идентичности. Это приводит к сужению сферы проявления этнических свойств культуры, она теряет свою самобытность, а одним из факторов формирования этнической идентичности является этнокультурная среда.

Учеными из разных областей знания – философами, социологами, психологами, этнологами – предлагаются разные подходы к определению понятия этнической идентичности. Самым распро-

© Осипова М.В., 2025

страненным, рассматриваемым в качестве одного из ключевых социальных конструктов, объединяющим в себе основные точки зрения на эту проблему, является определение, предложенное Т.Г. Стефаненко. Она ассоциирует это понятие с осознанием принадлежности индивида к определенной этнической общности с ее национальными и культурными особенностями, его тождества со своей этнической группой [1: с. 210]. Это можно рассматривать как одно из первых проявлений социальной природы человека [2: с. 86]. Однако осознание принадлежности к определенной этнической общности и собственной этнической идентичности, воспроизводимой через язык, религиозные воззрения, традиции, фольклор, не происходит произвольно, оно, по мнению философов И.С. Бакланова, Т.В. Душиной и О.А. Микеевой, «обусловлено в высокой степени конкретными общественными интересами и групповыми потребностями, в том числе и политического, экономического, культурного характера» [3: с. 408].

Этническая общность, с которой ассоциирует себя человек, является твердой опорой в его жизни, и во времена социально-исторической нестабильности именно этническая идентичность становится той силой, которая способствует сплочению этнической группы. Она выступает в качестве интегрирующего начала, объединяя людей.

Неблагоприятные социально-исторические условия конца XIX – середины XX в., а именно освоение айнских земель на Хоккайдо во время буржуазной революции в Японии 1868–1912 гг., переселение курильских айнов, согласно Петербургскому договору 1875 г., и переезд айнов Сахалина на Хоккайдо в 1875 и 1946 гг., оказали негативное влияние на социальное и экономическое положение народа. В конце XIX в. в Японии был выдвинут лозунг формирования единой общности в государстве. В 1898 г. был принят так называемый Закон о защите аборигенов (Protection Act), где было записано, что айны должны стать «типичными имперскими подданными путем искоренения их прежнего языка, обычаев и культурных особенностей» [4: p. 70–71].

Ассимиляционные процессы в отношении айнского населения (замена айнских имен на японские имена и фамилии, запрет на использование айнского языка, фактический запрет на традиционные формы хозяйствования и проведение значимых обрядов, запрет на ношение айнской одежды, татуировку) пагубно сказались на материальной и духовной культуре народа. У коренных жителей были отняты места рыболовного промысла и охоты, люди лишились многих источников существования. В сложившихся условиях основные факторы, влияющие на формирование этнической идентичности, такие как родной язык, традиции, обычаи и обряды, практически утратили свое значение в айнском обществе. Социокультурные трансформации подтолкнули айнов к необходимости восстановления и сохранения айнской идентичности и самоидентификации со своей этнической группой. Трудно представить себе любого человека вне определенной культуры, но айнская культура постепенно заменялась культурой японской, и поэтому народу пришлось предпринимать усилия по сохранению и популяризации своей культуры, а также самопрезентации доступными на тот период времени средствами. Непростые жизненные обстоятельства вынудили людей приспосабливаться к новой действительности. И помощь в этом оказал туризм.

Результаты исследования

Став неотъемлемой частью Японии, остров Хоккайдо с его коренным населением – айнами – стал привлекательным туристическим местом. Возрос интерес к их этнической культуре. Население острова должно было освоить новые виды деятельности, чтобы привлечь турпоток. Айны включились в процесс адаптации к новым экономическим условиям. Мастерам необходимо было изготавливать предметы уже не только для личного потребления, но и на продажу. Сувенирные куклы и фигурки животных были самым привлекательным товаром. Однако религиозные воззрения айнов, связанные с понятием души, категорически запрещали людям изображать живое существо, будь то животное или человек, и айны еще в недалеком прошлом, а точнее до 1912 г. строго соблюдали этот запрет. И. Бёрд привела в качестве примера отношение айнов к изображениям, когда, сделав портретный набросок, в ответ получила не ожидаемую благодарность, а требование незамедлительно уничтожить его, так как изображение могло принести несчастье и смерть изображенному человеку [5: с. 106]. Но жизнь заставила людей отойти от этой вековой традиции, и процесс изготовления сувенирных кукол, айна и айнки, в образах которых нашли отражение антропологические и этнокультурные особенности этноса, занял одно из центральных мест.

Справедливости ради необходимо сказать, что изготовление антропоморфных фигурок айны все-таки практиковали. Однако кукол в привычном нам понимании, т.е. фигурок, изображающих человека, датой изготовления которых считается конец XIX – начало XX в., немного. Они являются редкими экспонатами, характеризующими айнскую культуру в музейных и частных коллекциях. Лишь в четырех

музеях мира есть артефакты, напоминающие куклу. Они были приобретены у айнов в период бытования их традиционной культуры. Это условно называемая куколкой деревянная фигурка сахалинских айнов *нипóп(х)о* (*ни* – дерево, *попо* – старший брат, "деревянный ребенок"), представляющая собой стилизованное изображение человека.

Куколки могли быть одиночными или в виде близнецов. В книге Ямамото Юко говорилось, что существовали куклы-мужчины и куклы-женщины [6: p. 254]. Такие имеются в коллекции Сахалинского областного краеведческого музея (СОКМ КП 97-13). Несмотря на то, что этническая принадлежность куколки *нипопо* определена в музеях как айнская, в массовом порядке эти игрушки айнами не вырезались. Свидетельством тому является письмо исследователя айнской культуры Б.О. Пилсудского этнографу В.В. Богданову, в котором он спрашивал о том, действительно ли ученый видел айнскую куклу и есть ли ее фотография, так как он сам не раз убеждался в том, что айны очень боятся кукол, человеческих изображений с глазами: «…в одной только семье видел я как исключение деревянную куклу (вставлен синими бусами – *орфография Б.О. Пилсудского*), но это под влиянием приятеля ольча с Амура. Кукла напоминала бурхан, который встречается у ольчей в религиозной жизни. От русских кукол с ужасом убегали все женщины, не позволяли играть ими детям, когда я хотел раз подарить им, считая, что кукла с глазами напоминает мертвеца» [7: с. 92–93]. Хотя Ф.М. Депрерадович свидетельствовал, что ему удалось увидеть в руках айнских девочек деревянные куклы грубой работы, именуемые «*нибобо*», к которым дети относились с большой любовью и старались всячески украсить бусами или лоскутками [8: с. 20].

Имеющиеся коллекционные куколки отличаются формой и размерами. От этого зависело их функциональное предназначение. У этих фигурок могли отсутствовать или просто быть намеченными руки и ноги, но были четко обозначены головы, черты лица (РЭМ 2812-189; СОКМ КП 97-16). По мнению Тири Масихо и Вада Кана, одни куколки выполняли утилитарную функцию и были игрушками. Они могли быть изготовлены отцом ребенка или же приобретены. Однако имеются фигурки *нипопо*, укутанные в священные стружки *инау кике,* или же эти стружки повязаны на них, на отдельных экземплярах можно видеть повязанные полоски из красной и синей ткани, бусины. Куколка, хранящаяся в РЭМе (№ 2812-190), украшена голубой бусиной или бисером. Возможно, что именно о ней шла речь в письме Б.О. Пилсудского. Такая куколка, по словам Вада Кана, именовалась уже по-другому – *сенистэ-нипопо* (*се(и)нистэ* – болезнь). Это был оберег, отгоняющий духов болезни от ребенка. Он изготавливался или самим шаманом, или по его рекомендации. Н.Г. Манро писал, что *сенистэ-нипопо* вырезалась и для привлечения богатства и удачи, а имевшиеся на ней атрибуты были призваны увеличить силу воздействия фигурки [8: p. 53]. Именно такие куколки есть в коллекции Кунсткамеры (МАЭ 700-44), СОКМ (СОКМ КП 97-9; 97-13; 97-17) и в Музее этнологии в Будапеште (№ 128725, 128726, 128727). Фигурка могла быть двуглавой. Люди верили, что амулет повышает вероятность рождения близнецов, которые, согласно поверью, приносили удачу в охоте и рыбной ловле [10: p. 44–45; 11: p. 263]. Тем не менее существуют свидетельства, что на Хоккайдо в местности Абасири вплоть до конца 1912 г. детям запрещалось лепить снеговиков и тем более иметь кукол и играть с ними. Считалось, что такая игра вредила ребенку, так как его душа могла переселиться в куклу [12: p. 185].

Но уже в 1913 г. венгерский путешественник Б. Баратоши Балог передал в фонды Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова приобретенную им в Отару на Хоккайдо вырезанную из дерева фигурку айна (ХКМ КП 2295). Эта фигурка выполнена в реалистической манере, этническая принадлежность сувенирного человечка легко узнаваема по густой бороде, усам, пышным волосам, схематично выполненному узору на халате [13: с. 73]. Автор фигурки неизвестен, но вполне возможно, что это изделие японского мастера, так как большая часть сувенирной продукции, связанной с культурой айнов, в то время изготавливалась именно японцами, но возможно, что первые переселенцы с Сахалина на Хоккайдо, так называемые исикари-айны, знакомые с резьбой деревянных фигурок, стали первыми авторами антропоморфных скульптурных изображений, появившихся в начале XX в.

В 50-е г. XX в. на постоянной основе был налажен выпуск сувенирных кукол, получивших именование *нипопо* (рис. 1). Это были деревянные, изображающие мужчину и женщину, куколки, выполненные в стилизованной манере. Они были однотонными или ярко раскрашенными, покрытые лаком или без него, декорированные цветными вставками, символизирующими женское нагрудное украшение *тамасай*. Они совсем не напоминали куколок, изготовленных веком ранее. Позже стилизация при изготовлении этих кукол достигла такого уровня, что уже было не совсем понятно, какой этнос они представляют. Этих кукол можно отнести к сувенирной продукции, рассчитанной на массового потребителя (рис. 2).

Рис. 1. Сувенирные куклы «Айн и айнка».
Из колл. М.В. Осиповой

Рис. 2. Стилизованные сувенирные куклы. Фото Ю. Нагаяма

Художественный этнический образ, воплощенный в сувенирной кукле, с одной стороны, влиял на формирование этнической идентичности его создателей, а с другой – формировал положительный образ коренного народа у потребителей сувенирной продукции. Воплощение этнического образа в сувенирных куклах художественными средствами стало формой отражения действительности, демонстрируя облик человека, его внешний образ, специфическое индивидуальное поведение, а также давало представление об этнической территории народа [14].

Сувенирная кукла *нипопо* стала мощным средством формирования интереса к айнской национальной культуре у людей, принадлежащих к разным поколениям. Перейдя в предмет, предназначенный для украшения интерьера, она, тем не менее, остается своеобразным национально-этническим маркером и знаком территории, на которой она произведена.

На сегодняшний день скульптурные изображения айна и айнки – излюбленный мотив мастеров, изготавливающих сувенирную продукцию (рис. 3). Эти куколки порой рассматриваются в качестве одной из форм трансляции культурных особенностей этноса. Они стали своеобразным брендом острова Хоккайдо, встречая и провожая людей в сувенирных лавках аэропорта и вокзалов острова. Такие сувениры пользуются неизменным спросом у приезжающих на остров туристов, соответствуя определению, что сувенир является тем предметом, который напоминает о посещении страны, определенной местности или в данном случае – воспоминанием о народе [15: с. 305]. Это могут быть не просто куколки, а, например, предметы утилитарного назначения, такие как карандашницы (рис. 4).

Рис. 3. В сувенирной лавке. С. Нибутани, Япония.
Фото М.В. Осиповой

Рис. 3. Карандашница «Айн».
Из колл. М.В. Осиповой

Сувенирная кукла в национальной одежде самобытно и в естественной манере отражает индивидуальность народа. Существует два вида таких кукол: этнографическая, которая в полной мере представляет особенности определенного народа, и стилизованная, или фольклорная, в которой отражены обобщающие черты этноса, но которая отвечает запросам времени [16: с. 73]. Создание этнографической куклы предполагает использование аутентичных материалов и строгое соблюдение канона, принятого в декоративно-прикладном искусстве, тогда как при изготовлении фольклорной куклы допускаются отступления от канонического в орнаменте одежды куклы, в выборе материала для костюма, упрощение отдельных элементов наряда. К этим двум видам можно добавить возникший сегодня третий, условно обозначив его как фольклорно-этнографический. В фигурках этого вида не сохраняются антропологические особенности, но точно переданы особенности одежды и аксессуаров.

Перечисленные виды обладают специфическими выразительными средствами и художественными достоинствами, соединяющими в себе единство ремесла и искусства. Они отличаются четкой проработкой орнамента на халатах, на головах фигурок могут быть вырезаны или нарисованы ритуальные головные уборы – *сапаунпэ* у мужчины и *матанпуши* у женщины, есть женские фигурки, украшенные традиционными айнскими бусами *тамасай и ситоки*, на лице женщины может быть обозначена татуировка. Есть куклы, одежда которых соткана из луба дерева, на голове мужчин ритуальная корона из стружек *инау кике*. В этом случае детали одежды, особенности внешности служат своеобразным этнографическим акцентом, а орнамент на халате куклы является дополнительным символическим элементом, конкретизирующим принадлежность изображаемых людей к совершенно определенному этносу, в данном случае – айнам (рис. 5).

В настоящее время наблюдается повышенный интерес к традиционной этнической культуре и ее элементам, в особенности к декоративно-прикладному творчеству. С появлением интернета и социальных сетей проявление этнической идентичности приобрело новые формы. По мнению Д.А. Холопова, происходит информатизация этноса и этничности, которая понимается как «информационная этничность», некий «сконструированный символический образ» интернет-пространства, тесно связанный с фактической этничностью. Цифровизация этничности в современном информационном пространстве рассматривается как объективная необходимость для сохранения и дальнейшего развития культуры народа [17: с. 229, 234–235].

Рис. 5. Фольклорно-этнографические куклы «Айн и айнка». Из колл. М.В. Осиповой

Внедрение технологий виртуального пространства в жизнь людей породило необходимость быть в нем представленным, это стало одним из факторов социализации, пространством для социальных взаимодействий. Виртуальное пространство является сегодня своеобразным «информационно-культурным полем» этнических групп, где виртуальная и реальная идентичности взаимно дополняют друг друга [18: с. 230; 19: с. 124].

В своей книге «Power of Identity», опубликованной в 1997 г., М. Кастельс выразил опасение о снижении актуальности вопроса этнической самоидентификации в информационном обществе и пространстве, заявив: «…я утверждаю на основе анализа, представленного в первом томе этой трилогии, что подъем сетевого общества ставит под сомнение процессы построения идентичности в этот период, вызывая тем самым новые формы социальных изменений» [20: p. 11]. Но эти предположения не оправдались. Не нашли подтверждения и предсказания по поводу того, что интернет будет способствовать потере коренными народами в силу их малочисленности особенностей и уникальности их культуры. Сеть предоставила новые возможности ей противостоять. Виртуальное пространство явилось той средой, где публикация тематических материалов и распространение фото- и видеоматериалов этнической направленности дало коренным малочисленным народам возможность популяризации своей идентичности не только через обсуждение и сохранение традиций и ценностей народа, но и через предъявление продуктов художественного творчества, в частности этнографических и фольклорных кукол, практически для неограниченного количества пользователей. Этих кукол можно рассматривать как часть этновизуаль-

ной культуры и в то же время как способ демонстрации уникальности этноса, как своеобразную иллюстрацию этнической идентичности.

Видеохостинг YouTube посредством видеоконтента обучает людей технологии изготовления кукол, айнской одежды, учит вышивать традиционный айнский орнамент и таким образом изготавливать сувенирную продукцию. Интернет дал возможность не только изготавливать, но и приобретать ее. Например, крупнейший японский маркетплейс jP. mercari предлагает на своей платформе айнских сувенирных кукол. Н.А. Волокитина считает, что так происходит трансляция этнической идентичности в массы и закрепление образа народа [21: с. 44].

Заключение

Сувенирная айнская кукла в настоящее время, когда международная интеграция приводит к постепенной стандартизации образа жизни, обезличиванию быта, неоднозначности национальной идентичности, играет очень важную роль. Она рассматривается и как этномаркирующий элемент, отражающий социальные, национальные и эстетические особенности народа, и как предмет, способствующий формированию этнической идентичности. Айны посредством сувенирных кукол пытаются ее подчеркнуть и, в какой-то степени, рекламировать, знакомя таким образом посещающих Японию людей с одним из самых загадочных этносов планеты. Эти сувениры призваны вызвать ассоциации-воспоминания о конкретном месте их покупки, а именно месте компактного проживания коренного народа Японии. Являясь декоративным изделием народных художественных промыслов, сувенирная айнская кукла в национальной одежде, изготовленная по традиционным технологиям, – это, с одной стороны, рекламно-сувенирная продукция, а с другой – востребованный этнокультурный бренд, способствующий повышению самооценки этноса в остающихся до сих пор непростых жизненных условиях и формированию положительного и привлекательного образа айнов. Виртуальное пространство как продолжение реального этнического мира, где происходит репрезентация художественными способами этнической идентичности, является необходимым средством для преодоления негативных последствий глобализации.

Список источников

1. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. Москва : Академический проект, 1999. 320 с.
2. Ачкасов В.А. Этническая и национальная идентичности в современном мире // Вестник СПбГУ. 2012. Серия 6. Вып. 1. С. 85–91.
3. Бакланов И.С., Душина Т.В., Микеева О.А. Человек этнический: проблема этнической идентичности // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 396–408.
4. Siddle R. Race, Resistance, and the Ainu of Japan Sheffield Centre for Japanese Studies. London, USA, Canada : Routledge, 1996. 284 p.
5. Bird I. Unbeaten Tracks in Japan. London : John Murray, Albemarle Street, 1881. 383 p.
6. 山本幸夫 Ямамото Юко アイヌカラフト. 住居と国の道具 Айну Карафуто. Дзукю то куни но догу (Айны Карафуто. Жилища и национальная утварь). Tokyo : Soma Syebo, 1943. 262 p.
7. Латышев В.М. Исцеление айна Ивана Григорьевича // Краеведческий бюллетень. 1994. № 1. С. 90–98.
8. Депрерадович Ф.М. Этнографический очерк Южного Сахалина // Сборник историко-статистических сведений о Сибири. Санкт-Петербург, 1876. Т. 2. С. 1–67.
9. Munro N.G. Ainu Creed and Cult. New York: Columbia University Press, London : Routledge and Kegan Paul, 1963. 182 p.
10. 和田完 Вада Кан 樺太アイヌの偶像. 北方文化研究報告. 第十四輯. Карафуто айну но гудзо. Хоппо бунка кэнкю хококу. Ди сиси дзи. (Идолы сахалинских айнов. Отчет об исследовании культуры Севера. Т. 14.). Sapporo : Sapporo Printing Co., Ltd., 1959. P. 43–79.
11. Wada K. Ainu Shamanism // Ainu: Spirit Of A Northern People. Ed. By W.W. Fitzhugh, Ch. O. Dubreuil. New York : Arctic Studies Center, National Museum of Natural History, Smithsonian Institution, University Of Washington Press, 1999. P. 261–267.
12. 諏訪原 貴子 Сувахара Такако, 鷹司 綸子 Такацукаса Ринко アイヌの民族衣服における文様の呪術的要素と地域差 Айну но миндзоку ифуку ни океру мон'ё но джуджуцу-тэки ёсо то чиики-са (Магические элементы узоров и региональные различия в национальной одежде айнов) // Bulletin of Wayo Women's University. 2002. № 42. P. 181–195.
13. Айны. Каталог коллекции Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова / сост.: Т.В. Мельникова, М.В. Осипова, А.А. Пономарева. Хабаровск : ХКМ им. Н.И. Гродекова, 2013. 136 с.
14. Чеснов Я.В. Лекции по исторической этнологии : учебное пособие. URL: https://studfile.net/preview/9559264/page:38/ (дата обращения: 21.01.2025).
15. Акинфеева И.И., Железняк О.Е Сувенир как феномен культуры: специфика и классификационные признаки // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. № 5 (100). С. 305–314.
16. Васильева Е.А. Сувенирная кукла в коллекциях Петербургского музея кукол // Культура и искусство. 2017. № 5. С. 68–77. doi:10.7256/2454-0625.2017.5.19447
17. Холопов Д.А. Этническая идентичность в пространстве интернета // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве : материалы IX Международной научной конференции. 2021. Т. 1, № 10. С. 229–236.
18. Тихонов О.В. Интернет как пространство конструирования идентичности // Вестник ТГУ. Серия Гуманитарные науки. 2011. Вып. 8 (100). С. 228–232.

19. Мельникова Н.М., Кузнецова С.А., Чарина Е.В. Виртуальный мир как способ сохранения и формирования этнической идентичности в условиях миграции // Вестник СВФУ. 2021. № 4 (24). С. 118–125.

20. Castels M. The Power of Identity. The Information Age: Economy, Society and Culture, Vol. II. UK : Wiley-Blackwell, 2009. 538 p.

21. Волокитина Н.А. Этническая культура и репрезентация этнической идентичности в интернет-пространстве // Человек. Культура. Образование. Human. Culture. Education. 2019. № 3(33). С. 39–45. doi:10.34130/2223-1277-2019-3-39-45

References

1. Stefanenko T.G. Etnopsikhologiia [Ethnopsychology]. Moskva : Akademicheskii proekt, 1999. 320 s. (In Russ.).

2. Achkasov V.A. Etnicheskaia i natsional-naia identichnosti v sovremennom mire [Ethnic and national identity in the modern world] // Vestnik SPbGU. 2012. S. 6. V. 1. P. 85–91. (In Russ.).

3. Baklanov I.S., Dushina T.V., Mikeeva O.A. Chelovek etnicheskii: problema etnicheskoi identichnosti [Ethnic Man: The Problem of Ethnic Identity] // Voprosy sotsial'noi teorii. 2010. V. IV. P. 396–408. (In Russ.).

4. Siddle R. Race, Resistance, and the Ainu of Japan Sheffield Centre for Japanese Studies. London, USA, Canada : Routledge, 1996. 284 p.

5. Bird I. Unbeaten Tracks in Japan. London : John Murray, Albemarle Street, 1881. 383 p.

6. 山本幸夫 Yamamoto Yuko アイヌカラフト. 住居と国の道具 Ainu karafuto. Jūkyo to kuni no dōgu [Ainu of Karafuto. Dwellings and National Utensils]. Tokyo : Soma Syebo, 1943. 262 p. (In Japanese).

7. Latyshev V.M. Istselenie aina Ivana Grigor'evicha [Healing of Ainu Ivan Grigorievich]. Kraevedcheskii biulleten'. 1994. No. 1. P. 90–98. (In Russ.).

8. Depreradovich F.M. Etnograficheskii ocherk Iuzhnogo Sakhalina [Ethnographic essay on South Sakhalin] // Sbornik istoriko-statisticheskikh svedenii o Sibiri. Saint Petersburg, 1876. Vol. 2. P. 1–67. (In Russ.).

9. Munro N.G. Ainu Creed and Cult. New York: Columbia University Press, London : Routledge and Kegan Paul, 1963. 182 p.

10. 和田完 Wada Кан 樺太アイヌの偶像. 北方文化研究報告. 第十四輯.[Idols of the Sakhalin Ainu. Report of Northern Culture Research. Vol. 14]. Sapporo : Sapporo Printing Co., Ltd., 1959. P. 43–79. (In Japanese).

11. Wada K. Ainu Shamanism // Ainu: Spirit Of A Northern People. Ed. By W.W. Fitzhugh, Ch. O. Dubreuil. New York : Arctic Studies Center, National Museum of Natural History, Smithsonian Institution, University Of Washington Press, 1999. P. 261–267.

12. 諏訪原 貴子 Suvakhara Takako, 鷹司 綸子 Takatsukasa, Rinko アイヌの民族衣服における文様の呪術的要素と地域差 Ainu no minzoku ifuku ni okeru mon'yō no jujutsu-teki yōso to chiiki-sa [Magical elements and regional differences in the patterns of Ainu traditional clothing] // Bulletin of Wayo Women's University. 2002. No. 42. P. 181–195. (In Japanese).

13. Ainy. Katalog kollektsii Khabarovskogo kraevogo muzeia im. N.I. Grodekova [Ainu. Catalog of collections of the Khabarovsk regional museum after N.I. Grodekov] / sost. T.V. Mel'nikova, M.V. Osipova, A.A. Ponomareva. Khabarovsk : KhKM im. N.I. Grodekova, 2013. 136 s. (In Russ.).

14. Chesnov Ia.V. Lektsii po istoricheskoi etnologii: Uchebnoe posobie [Lectures on Historical Ethnology: Textbook]. URL: https://studfile.net/preview/9559264/page:38/ (accessed: 21.01.2025) (In Russ.).

15. Akinfeeva I.I., Zhelezniak O.E Suvenir kak fenomen kul-tury: spetsifika i klassifikatsionnye priznaki [Souvenir as a cultural phenomenon: specific and classical characteristics] // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2015. No. 5(100). P. 305–314. (In Russ.).

16. Vasil'eva E.A. Suvenirnaia kukla v kollektsiiakh Peterburgskogo muzeia kukol [Souvenir doll in the collections of the St. Petersburg Doll Museum] // Kul'tura i iskusstvo. 2017. No. 5. P. 68–77. doi:10.7256/2454-0625.2017.5.19447 (In Russ.).

17. Kholopov D.A. Etnicheskaia identichnost' v prostranstve interneta [Ethnic identity in the Internet space] // Sotsial'naia integratsiia i razvitie etnokul'tur v evraziiskom prostranstve : materialy IX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. 2021. Vol. 1, No. 10. P. 229–236. (In Russ.).

18. Tikhonov O.V. Internet kak prostranstvo konstruirovaniia identichnosti [Internet as a space for constructing identity] // Vestnik TGU. Seriia Gumanitarnye nauki. 2011. No. 8 (100). P. 228–232. (In Russ.).

19. Mel'nikova N.M., Kuznetsova S.A., Charina E.V. Virtual'nyi mir kak sposob sokhraneniia i formirovaniia etnicheskoi identichnosti v usloviiakh migratsii [Virtual world as a way of preserving and forming ethnic identity in the context of migration] // Vestnik SVFU. 2021. No. 4 (24). P. 118–125. (In Russ.).

20. Castels M. The Power of Identity. The Information Age: Economy, Society and Culture, Vol. II. UK : Wiley-Blackwell, 2009. 538 p.

21. Volokitina N.A. Etnicheskaia kul'tura i reprezentatsiia etnicheskoi identichnosti v internet-prostranstve [Ethnic culture and representation of ethnic identity in the Internet space] // Chelovek. Kultura. Obrazovanie. Human. Culture. Education. 2019. No. 3(33). P. 39–45. doi:10.34130/2223-1277-2019-3-39-45 (In Russ.).

Информация об авторе

М.В. Осипова – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Отдела Сибири МАЭ РАН.

Information about the author

M.V. Osipova is Candidate of History, Associate Professor, Senior Researcher of the Department of Siberia MAE RAS.

Статья поступила в редакцию 03.04.2025; одобрена после рецензирования 11.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.
The article was submitted 03.04.2025; approved after reviewing 11.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2025. Т. XXII, Вып. 2. С. 195–204
The Humanities and Social Studies in the Far East. 2025. Vol. XXII, Is. 2. P. 195–204

Научная статья
УДК 94
doi:10.31079/1992-2868-2025-22-2-195-204

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ ХАБАРОВСКОГО КРАЕВОГО МУЗЕЯ ИМЕНИ Н.И. ГРОДЕКОВА И ИНТЕГРАЦИЯ МУЗЕЙНЫХ ПРОЕКТОВ В ЦИФРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО

Ольга Александровна Прудникова[1, 2], **Станислав Вадимович Сливко**[3]
[1, 3]Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия
[2]Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, Хабаровск, Россия, yucca01@mail.ru, https://orcid.org/0009-0001-7320-9919,
[3]tov.slivko@mail.ru

Аннотация. В условиях глобализации и стремительной цифровизации особую актуальность приобретает сохранение культурного разнообразия и этнической идентичности малых народов. Этнографические коллекции Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова служат важным средством поддержки самоидентификации коренных народов Дальнего Востока России – нанайцев, ульчей, нивхов, эвенков и др. Эти коллекции отражают уникальные элементы традиционного быта, духовной культуры и мировоззрения, они позволяют жителям края осознать этническое многообразие и богатство своего региона. Музей активно адаптирует свои проекты к цифровому формату: создаются виртуальные выставки, интерактивные каталоги, мультимедийные и образовательные ресурсы. Применение 3D-технологий, а также элементов виртуальной и дополненной реальности способствует новому способу восприятия этнографического материала и расширяет аудиторию, включая молодёжь и пользователей за пределами региона.

Ключевые слова: Хабаровский краевой музей, этнографические коллекции, цифровизация, глобализация, культурное наследие, коренные народы, виртуальные выставки, музейные проекты, Дальний Восток, 3D-технологии

Original article

ETHNOGRAPHIC COLLECTIONS OF THE KHABAROVSK REGIONAL MUSEUM NAMED AFTER N.I. GRODEKOV AND THE INTEGRATION OF MUSEUM PROJECTS INTO THE DIGITAL SPACE

Olga A. Prudnikova[1, 2], **Stanislav V. Slivko**[3]
[1, 3]Pacific State University, Khabarovsk, Russia
[2]Khabarovsk Regional Museum named after N.I. Grodekov, Khabarovsk, Russia yucca01@mail.ru, https://orcid.org/0009-0001-7320-9919
[3]tov.slivko@mail.ru

Abstract. In the context of globalization and rapid digitalization, the preservation of cultural diversity and ethnic identity of indigenous peoples is becoming increasingly relevant. The ethnographic collections of the N.I. Grodekov Khabarovsk Regional Museum serve as an important means of supporting the self-identification of the indigenous peoples of the Russian Far East-Nanais, Ulchis, Nivkhs, Evenks, and others. These collections reflect unique elements of traditional life, spiritual culture, and worldview. The museum actively adapts its projects to digital formats by creating virtual exhibitions, interactive catalogs, multimedia, and educational resources. The use of 3D technologies, as well as elements of virtual and augmented reality, contributes to new ways of engaging with ethnographic materials and broadens the audience, including youth and users beyond the region.

Keywords: Khabarovsk Regional Museum, ethnographic collections, digitalization, globalization, cultural heritage, indigenous peoples, virtual exhibitions, museum projects, Russian Far East, 3D technologies

Введение

В XXI в. из-за изменений в политической, экономической, технологической сферах люди столкнулись с новым миром, в котором в настоящий момент проходят два процесса: глобализация и вестернизация. Глобализация в целом рассматривается как «мегатенденция к объединению человечества, воплощенная в диалектике пространственно-временных перемещений, взаимодействий и трансформаций антропосоциальных (культурно и политически связанных) целостностей» [1: с. 55]. Вестернизация идет параллельно с глобализацией и представляет собой идеологию, суть которой заключается «в отказе от национальной самобытности, национальных тра-

© Прудникова О.А., Сливко С.В., 2025

диций и культуры, в пренебрежении к собственным национальным интересам; выдвигающей идеи единого мирового государства и гражданства; … навязывание европейско-американской системы ценностей как прогрессивной эталонной модели развития отдельно взятого государства» [2: с. 233]. Эти процессы происходят во всех сферах, в том числе и в культурной – так называемая культурная глобализация. С одной стороны, происходит процесс создания единой культуры, единых ценностей человечества, что облегчает коммуникацию между населением планеты. Однако наряду с этим, из-за неравного уровня экономического развития участников, лидирующей роли стран Западной Европы и США в глобализации развиваются две тенденции – культурная поляризация и культурная изоляция. Культурная поляризация – это «взаимозависимость, порождаемая страхом взаимного гарантированного уничтожения», (например, исламский мир и христианский), а противостоит ей культурная самоизоляция [3]. Иначе говоря, глобализация и вестернизация на данный момент времени не смогли создать баланса в культурной сфере, в некоторой степени они даже усугубили проблемы, что доказывается существованием этих тенденций.

Культура малых и коренных народов планеты также испытывает на себе все последствия этих процессов и тенденций. В настоящее время выходят различные исследования насчет влияния глобализации на культуру народов мира, и авторы выделяют положительные и отрицательные стороны этого процесса. Например, Соловьева Н.А. в своем исследовании о народах ва и хуэй (КНР) сделала следующий вывод: «Глобализация не является негативным процессом в культуре народов ва и хуэй, она лишь расширяет представление о плюрализме культур, дополняя новыми возможностями и знаниями технологического прорыва. Традиции и обычаи народов ва и и хуэй видоизменяются по причине естественной изменчивости культуры и влияния национальной политики, при этом система ценностей остается неизменной» [4]. А Делокаров К. высказал насчет последствий глобализации для малых народов Северного Кавказа следующее: «Анализируя вопрос о судьбах малых народов в условиях глобализации, следует помнить, что в современном мире правила последней задают индустриально развитые многочисленные народы с их прогрессивной наукой и технологией, которые при моделировании контуров будущего в первую очередь преследуют свои интересы… Часто глобализационные процессы начинают угрожать будущему малочисленных народов, если они оказываются границей разных миров, пришедших в соприкосновение» [5: с. 182]. Такие полярные мнения говорят о том, что до сих пор не установлено конкретных последствий глобализации для малых народов. Однако она, безусловно, влияет на них, изменяя их культуру и стиль жизни.

Вместе с вышеуказанными процессами происходит цифровизация – это «преобразование информации, когда она обретает цифровое выражение, то есть записывается (кодируется) посредством определенных операций с цифрами. Это как раз и есть основа, исходный пункт цифровых технологий, которые представляют собой совокупность методов и инструментов для достижения желаемого результата при помощи информации, выраженной в цифровом формате» [6: с. 38]. Цифровизация тесно связана с процессами глобализации, они взаимно дополняют друг друга и позволили войти человечеству в эпоху «цифрового общества». Во многих сферах общественной жизни произошел прогресс, но наряду с этим есть и обратная сторона – «информационное загрязнение». Теперь в информационном поле присутствует такое количество данных, что их крайне трудно контролировать и обрабатывать. Человеческий мозг и тело не успели эволюционировать для такого рода задач, поэтому возник ряд негативных последствий. Информационные технологии применяются в войнах, в манипулировании людьми, способствуют созданию культуры потребления, клипового мышления. Однако А.Н. Чумаков в своем исследовании подчеркнул, что «какие надежды ни возлагались бы на глобализацию, цифровизацию и иные перспективы в развитии науки, техники и технологий, подлинные перемены должны произойти, прежде всего, в самом человеке и обществе на уровне сознания, морали и поведения людей» [6: с. 45].

Процессы цифровизации также коснулись и коренных народов. В настоящее время выходят исследования о том, как народы адаптируются к новому миру и есть ли необходимость в этом. Например, Ельмендеева Л.В. говорила о целесообразности включения коренных и малых народов в цифровое пространство общества: «…для повышения эффективности предоставления государственных гарантий и реализации установленных мер социальной поддержки малочисленных народов, ведущих традиционный образ жизни, в условиях современных цифровых технологий требуются специальные подходы к включению аборигенов в цифровую трансформацию общества» [7]. Ткачук Н.В. придерживается схожего мнения в своей работе, считая, что доступ в интернет будет «способствовать появлению новых

сообществ, желающих говорить о своей культуре, традициях, родных языках в Интернет-пространстве» [8: с. 258]. Автором также были исследованы этнообщества сети интернет, которые активно обменивались информацией о различных аспектах этносов Югры, а также активно побуждали людей к этнической самоидентификации.

В целом, современная эпоха, связанная с процессами глобализации, вестернизации и цифровизации, создает условия для трансформации традиционного образа жизни коренных народов не только в разных странах мира, но и, в частности, для Дальнего Востока России. Создаются условия для стирания границ между культурами и, как следствие, утраты уникальности самобытных культур коренных народов. Однако в нынешних условиях есть возможность сохранить свою этническую идентичность даже в цифровом пространстве, во времена господства информационных технологий. Большую помощь в этом оказывают учреждения, которые были созданы для сохранения памяти – музеи. Музей – это «исторически обусловленный многофункциональный институт социальной памяти, посредством которого реализуется общественная потребность в отборе, сохранении и репрезентации специфических групп культурных и природных объектов (музейных предметов), осознаваемых обществом как ценность, подлежащая изъятию из среды бытования и передаче из поколения в поколение», в цифровую эпоху этот институт претерпел изменения и начал адаптироваться под запросы общества и распространение информационных технологий [9].

Хабаровский краевой музей имени Н.И. Гродекова – один из старейших музеев Дальнего Востока России, основанный в 1894 г. по инициативе военного губернатора Николая Ивановича Гродекова. Музей обладает богатейшими этнографическими коллекциями, отражающими культуру и быт коренных народов региона – нанайцев, удэгейцев, нивхов, орочей, эвенков и др.

Формирование этнографической коллекции началось в 1895 г., почти с момента основания музея. Она включает более 5 тысяч различных экспонатов, и это без учета фотодокументальных материалов. Сегодня коллекция включает традиционные костюмы и украшения коренных народов: свадебный костюм нанайской девушки, женскую гару, которая надевается к национальному ульчскому костюму в зимнее время, халат нанайский мужской и др. [10–12]; предметы быта: посох с ножом «хогда», мешок дорожный, колотушку «Тоту» для выделки кожи рыбы и др. [13–15]; культовые объекты: бубен шаманский, маску шаманскую «Хамбабо», идола защитника шамана, Сэвэна – помощника шамана в загробном мире и др. [16–19]; произведения декоративно-прикладного искусства: ковер ульчский автора Робугбу Очу Лукьяновны, браслет, серьгу ушную женскую, скульптуру тигра и др. [20–23]; многочисленные фотографии различных народов Дальнего Востока и Крайнего Севера: Туз Ю.Н «Охотник с головой лося в руках (орочи)», «Нанайские мастерицы М.Е. Актанко, В.И. Оненко, М.И. Данкан, Н.И. Самар, С.А. Уданкан рассматривают рисунок нового ковра», «Гольдский костюм, поднесенный Государю Наследнику Цесаревичу в 1891 г.», «Эвены села Эссо» [24–27]. Большая часть предметов коллекции находится в цифровом варианте на сайте музея и Госкаталога России, а значит, любой человек может изучить культуру коренных народов Дальнего Востока, находясь в любой точке планеты. Это стало возможным благодаря реализации государственной политики в области цифровизации музейного фонда и усилиям музейного коллектива.

Гродековский музей к настоящему времени активно демонстрирует свои коллекции в цифровом варианте, продолжая активно заниматься «оцифровкой» музейных экспонатов. В 2023 г. совместно с Тихоокеанским государственным университетом был запущен проект по созданию трехмерных моделей наиболее древних и ценных предметов [28]. Из таких 3D-копий экспонатов в будущем планируется составить виртуальный банк, который можно будет использовать для онлайн-выставок или обучения [29]. В число «оцифрованных» таким образом экспонатов войдут и предметы из этнографических коллекций.

На цифровой платформе интерактивных гидов с технологией дополнительной реальности «Артефакт» музей активно обновляет свои этнографические выставки и экспонаты. На сайте отражена постоянная музейная экспозиция «Культура коренных народов Хабаровского края». Каждый предмет представлен в виде фотографии с высоким разрешением, с пояснительной запиской и аудиогидом, которые позволяют получить информацию в любом удобном виде [30]. Страница коллекции на сайте активно пополняется.

Гродековский музей также активно ведет научные исследования, по результатам которых публикуются различные музейные каталоги, большая часть их них посвящена культуре и истории коренных народов Дальнего Востока [31]. На сайте музея в свободном доступе представлены новейшие музейные издания. Например, в 2022 г. вышло 2-е издание каталога, посвященного культуре оро-

чей [32]. Книга с многочисленными иллюстрациями и яркими фотографиями экспонатов полноценно знакомит читателей с орочской культурой, а текстовые справки информируют об истории самой коллекции. Каталог о нивхах вышел в том же году. В него, кроме истории народа, его культуры, также вошла информация о современной жизни нивхов, об известных представителях этого народа [33]. Эвенки и их северо-восточная ветвь – эвены также были описаны в музейных каталогах [34; 35]. В 2022 г. вышли музейные справочники о негидальцах, ульчах, нанайцах, отличающиеся красочностью изображенных экспонатов, фотографий представителей этих народов [36–38]. В 2023 г. вышли книги подобной тематики о народах Крайнего Севера и якутах [39; 40]. Также вышел в свет музейный справочник об удэгейцах, на обложке которого весьма символично был помещен портрет выдающегося исследователя Дальнего Востока В.К. Арсеньева, много сделавшего для изучения удэгейской культуры [41]. В 2024 г. вышел последний на настоящий момент этнографический каталог «Народы Дальнего Востока», он посвящен предметам, этническая принадлежность которых не установлена [42]. Всего в цифровом формате издано 11 музейных каталогов, связанных с народами не только Дальнего Востока, но и Крайнего Севера России. Стоит отметить, что все они содержат большой иллюстративный материал, а информация изложена в доступном для восприятия читателя стиле. Любой желающий может ознакомиться с каталогами на сайте музея и прочитать их в электронном формате. Это не только расширяет возможности культурно-просветительской работы музея и делает доступными для исследователей его коллекции, но и позволяет малым народам даже в цифровую эпоху сохранять свою уникальность и распространять культуру среди пользователей интернет-пространства.

В настоящее время музей, следуя запросам цифровой эпохи, активно внедряет новые форматы. Гродековский музей начал создавать виртуальные экскурсии еще с 2020 г., в рамках грантовой программы было потрачено больше 1 млн руб. на реализацию такого проекта. Созданием самого виртуального тура занимался хабаровский фотограф Алексей Тимиргалеев. Он отснял 13 экспозиций, среди которых «Традиционная культура коренных народов Хабаровского края» [43].

На сайте музея также представлены видеоэкскурсии по экспозиции, связанной с традиционной культурой коренных народов Хабаровского края, их ведет Галина Теодоровна Титорева – заведующая сектором этнографии, одна из крупнейших специалистов по данной теме [44]. На официальном Youtube-канале Гродековского музея есть рубрика «История одного предмета», где рассказывается о предметах этнографической коллекции.

С 2022 г. музей приступил к активному созданию обновлённого контента для аудиогидов и внедрению IP-телефонии: «Инструмент позволит взаимодействовать с потенциальными посетителями и партнерами. Благодаря ему можно будет принимать, обрабатывать и сортировать входящие звонки, формировать базу клиентов, анализировать аудиторию, выстраивать эффективные схемы переадресации, внедрять и корректировать голосовые меню» [45]. Внедрение таких способов передачи информации должно способствовать расширению передачи культурной памяти о коренных народах для разных групп граждан, в том числе и для людей с ограниченными возможностями здоровья.

Современный россиянин получает большое количество информации из социальных сетей и мессенджеров, которые сильно потеснили не только периодическую печать, радио и телевидение, но и сделали менее актуальными интернет-сайты в своем традиционном варианте [46]. PR-команда Гродековского музея активно ведет группу VK и Telegram-канал, поскольку эти ресурсы наиболее популярны среди пользователей России. На группу Гродековского музея в социальной сети VKонтакте в апреле 2025 г. было подписано 2760 пользователей. В группе каждый день публикуется несколько постов различной тематики: информация об актуальных выставках, об экспонатах, интересные факты. Особое место занимают этнографические сюжеты. Можно встретить записи об отдельном предмете, например о Дюлине: «Дюлин – дух хозяина домашнего очага, покровитель семьи и дома. Его сэвэн передавался сыну, наследовавшему дом. По древним нанайским обычаям принято обращаться к Дюлину перед важным событием в жизни семьи, а также перед началом промысла, от которого зависело благополучие жителей дома» [47]. Кроме формата истории одного предмета, сотрудники музея часто пишут лонгриды об обычаях, культуре народов. Лонгрид – это длинный текстовый материал, разделённый на абзацы и разбавленный мультимедийными материалами. Представления об объеме материала разные, но в основном лонгридом считают текст от 8–10 тысяч символов [48]. Например, лонгрид о волосах в традиционной культуре народов Приамурья: «Древние нивхи считали, что душа человека помещалась на голове, в волосах макушки. Когда ребенку выстригали волосы, то на макушке обязательно

оставляли несколько волосинок, которые назывались – «волосы, в которых душа находится». У нивхов самой первой детской прической был пучочек, связанный на лбу, затем пучочек собирали на затылке. Когда волосы отрастали, их заплетали в косу, которую складывали вдвое, втрое и перевязывали тканью с тесьмой» [49]. Или, например, лонгрид о зимнем рыболовном промысле народов Приамурья «Ни хвоста, ни чешуи!»: «Среди коренных народов Приамурья было распространено поверье, что хозяин реки дарует определенное количество рыбы, которое должен поймать рыбак. Считалось, что хищническая ловля рыбы карается хозяином места» [50].

Часто в группе используются форматы шортридов – это короткие форматы контента, которые предназначены для быстрого и эффективного донесения информации [51]. Такого формата были шортриды о суставном календаре оленеводов, который отражает климатические особенности занимаемой территории и занятия народов. Например, «Первый месяц года – январь хорон беган (месяц темени) подчеркивал его вершинное название. Именно с головы год начинает свой бег. Это период самых сильных морозов. Главное занятие – охота на белку в окрестностях стойбища, в этот период люди не кочевали» [52]. В группе освещаются результаты этнографических экспедиций, которые проходят ежегодно, в посте можно ознакомиться с уникальными находками и фотографиями с места исследования, «…в ходе опроса населения коллеги выяснили, что в селе Найхин семья Андрея Ивановича Бельды и его жены Евгении Витальевны занимается оживлением традиций собаководства в Нанайском районе. Это уникальное для здешних мест явление, направленное, в том числе, на популяризацию культуры традиционного собаководства и культуры коренных малочисленных народов в Хабаровском крае», – говорится в публикации [53]. Анонсы этнографических выставок занимают важное место в группе, например: выставка «Люди рассвета», посвященная материальной и духовной культуре жителей Крайнего Северо-Востока России» [54]; выставка «Национальный натюрморт», произведения, представленные на выставке, созданы на основе древних культурных традиций, которые, сохраняя национальную идентичность, отражают жизнь современного человека и др. [55].

Читатели в группе могут также увидеть информацию о новых экспонатах, которые пополнили коллекцию музея путем выкупа или в рамках этнографических экспедиций сотрудников музея, об этом пишут и различные новостные порталы. Например, в 2020 г. музей приобрел коллекцию предметов традиционной культуры нанайцев: «Она насчитывает более 150 изделий. Как сообщили представители музея, коллекция принадлежала Хабаровскому краевому благотворительному общественному фонду культуры. Основатель фонда, Светлана Черепанова, занималась ее комплектованием более 30 лет. В состав вошли лучшие образцы традиционных художественных ремёсел нанайцев: предметы одежды, ковры, посуда. Это изделия знаменитых нанайских мастеров, членов Союза художников РФ Анны Оненко, Татьяны Ходжер, Ларисы Бельды и других» [56].

Мессенджер Telegram возымел популярность у пользователей относительно недавно, но уже стал одним из самых пользуемых средств коммуникации в России. Telegram-канал «Гродековский музей» насчитывает на апрель 2025 г. 2330 подписчиков. Посты появляются в мессенджере каждый день. Рассмотрим, каким образом представлена тема этнографии на канале. Часто публикуются шортриды как интересные факты о представителях народов, культуре, обычаях, традициях. Например, пост о нанайском писателе А.А. Пассаре с указанием его краткой биографии: «25 марта 2025 г. исполняется 100 лет со дня рождения Андрея Александровича Пассара (1925–2013) – нанайского поэта и прозаика, переводчика, ветерана Великой Отечественной войны, члена Союза писателей России, заслуженного работника культуры РФЦ» [57]. Выходят посты и о пополнениях этнографической коллекции: «В первый месяц нового 2025 года Гродековский музей приобрел уникальные негидальские ковры, с негидальского – комаланы. Культура негидальцев всегда вызывала особый интерес у исследователей. Несмотря на свою малочисленность, один из коренных этносов Хабаровского края сохранил до настоящего времени родной язык, самосознание и традиции» [58]. Популярны лонгриды об обычаях народов Дальнего Востока. Например, такой лонгрид вышел о месте женщины в культуре коренных народов: «Женщина в культуре коренных народов Хабаровского края выступала хранителем материального и нематериального наследия этноса, являясь главным проводником, она передавала своим детям знания, законы, обычаи, традиции и язык своего народа. В воспитательном процессе, на начальных этапах жизни детей, ей была предоставлена главная роль» [59]. Выкладывается информация об актуальных этнических фестивалях. Например, анонсировался каждый день фестиваля И.К.Р.А. (Идеи креативного развития Амура), который отличался насыщенной

программой [60]. На канале публикуются посты и о различных этнографических выставках. Например, «Хранительницы», где были представлены скульптурные произведения К. Гречанова, вдохновлённые темой культуры народов Приамурья: «Некоторые скульптуры созданы по мотивам петроглифов – изображений на базальтовых валунах Нижнего Амура и Уссури (XII–IX тыс. до н. э.), содержат образы медведя и тигра – тотемных животных коренных народов Приамурья, рыбы – символов духовности, гармонии, мудрости и плодородия». Присутствуют и шортриды об этнографических предметах в коллекции музея: «Среди коренных жителей Приамурья бытовал и другой тип ушных украшений – серьги "лэргиукэ" (нанайск.) со сложными ажурными штампованными фигурными подвесками. Такие подвески изготавливались в Китае и стоили дорого. Наличие такого украшения в наряде женщины свидетельствовало о семейном достатке» [61]. В целом, информация из Telegram-канала часто пересекается или полностью дублирует посты из социальной сети VK. Однако существует несколько различающихся форматов подачи информации. Проводятся викторины, приуроченные к теме выставок или лонгридов. Например, в одной из записей было такое сообщение: «2 июля отмечается Международный день собак. В честь праздника хранитель этнографической коллекции Ксения Пересыпкина прислала лонгрид, посвящённый собакам коренных народов Приамурья. Но прежде, чем переходить к публикации, приглашаем принять участие в небольшой викторине. Проверьте знания сегодня в 13:30!» [62]. Делаются «репосты» гостей, где они делятся впечатлениями от посещения музея. Например, репост А. Жоги, полномочного представителя Президента России в Уральском федеральном округе: «Во время рабочей поездки в Хабаровск вместе с коллегами – главами законодательных органов регионов Дальнего Востока – посетили краевой музей имени генерал-губернатора Н.И. Гродекова. Встретил и познакомил с музеем его директор, депутат Законодательного Собрания Хабаровского края Иван Крюков. Музей отображает богатую историю Хабаровского края: традиционную культуру коренных народов, флору и фауну реки Амур» [62]. В целом, такие частые публикации в социальных сетях на этнографические темы позволяют пользователям знакомиться с культурой народов Дальнего Востока и не забывать свои этнические корни.

Таким образом, Хабаровский краевой музей имени Н.И. Гродекова, обладая значительным этнографическим наследием, успешно адаптируется к вызовам цифровой эпохи, сохраняя и популяризируя культуру коренных народов Дальнего Востока. В условиях глобализации, вестернизации и цифровизации музей выступает не только как хранитель культурной памяти, но и как активный участник современного информационного пространства. Через виртуальные выставки, цифровые каталоги, 3D-моделирование экспонатов и активную работу в социальных сетях музей обеспечивает доступ к уникальным этнографическим материалам широкой аудитории, включая молодое поколение и представителей самих этносов. Это способствует сохранению этнической идентичности, поддержанию интереса к самобытной культуре в условиях изменяющегося мира и ее интеграции в культурное пространство не только России, но и мира. Гродековский музей демонстрирует, что современные технологии могут не разрушать, а наоборот – укреплять культурные основы и способствовать диалогу.

Список источников

1. Гранин Ю. «Глобализация» или «вестернизация»? // Свободная мысль. 2013. № 1(1637). С. 51–64.

2. Пензина Е.В. Феномен глобализации: глобализация и вестернизация // Вестник КрасГАУ. 2012. № 8(71). С. 228–233.

3. Гревцева А.А. Культурная глобализация: проблемы и парадигмы // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 70. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-globalizatsiya-problemy-i-paradigmy (дата обращения: 25.04.2025).

4. Соловьева Н.А. Влияние глобализации на культуру малочисленных народов КНР (на примере народов ва и хуэй) // Вестник ЗабГУ. 2013. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-globalizatsii-na-kulturu-malochislennyh-narodov-knr-na-primere-narodov-va-i-huey-1 (дата обращения: 25.04.2025).

5. Делокаров К. Малые народы Северного Кавказа в условиях глобализации // Центральная Азия и Кавказ. 2006. № 3(45). С. 176–183.

6. Чумаков А.Н. Глобализация и цифровизация: социальные последствия кумулятивного взаимодействия // Вопросы философии. 2021. № 8. С. 36–46.

7. Ельмендеева Л.В. Устойчивое развитие коренных малочисленных народов Севера в эпоху цифровой трансформации // Вестник СурГУ. 2022. № 2(36). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ustoychivoe-razvitie-korennyh-malochislennyh-narodov-severa-v-epohu-tsifrovoy-transformatsii (дата обращения: 25.04.2025).

8. Ткачук Н.В. Интернет-пространство как площадка проявления этнической коммуникации и идентичности титульных этносов Югры // Социальная компетентность. 2021. Т. 6, № 2(20). С. 185–191.

9. Музей // Большая российская энциклопедия. Электронная версия. 2017. URL: https://old.bigenc.ru/education/text/2236403 (дата обращения: 25.04.2025).

10. Свадебный костюм нанайской девушки: халат. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=59011372 (дата обращения: 25.04.2025).
11. Женская гара, надевается к национальному ульчскому костюму в зимнее время. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=58744931 (дата обращения: 25.04.2025).
12. Халат нанайский мужской. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=58744859 (дата обращения: 25.04.2025).
13. Посох с ножом «хогда». URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=57726326 (дата обращения: 25.04.2025).
14. Мешок дорожный. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=57977380 (дата обращения: 25.04.2025).
15. Колотушка «Тоту» для выделки кожи рыбы. Нивхи. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=41056544 (дата обращения: 25.04.2025).
16. Бубен шаманский. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=58033718 (дата обращения: 25.04.2025).
17. Маска шаманская «Хамбабо». Удэге. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=43163615 (дата обращения: 25.04.2025).
18. Идол защитник шамана. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=45732429 (дата обращения: 25.04.2025).
19. Сэвэн – помощник шамана в загробном мире. Нанайцы. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=31617989 (дата обращения: 25.04.2025).
20. Робугбу Очу Лукьяновна. Ковер ульчский. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=59011382 (дата обращения: 25.04.2025).
21. Браслет. Нанайцы. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=43163615 (дата обращения: 25.04.2025).
22. Серьга ушная женская. Нанайцы. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=57105707 (дата обращения: 25.04.2025).
23. Скульптура тигра. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=51649507 (дата обращения: 25.04.2025).
24. Туз Ю.Н. Фотография. Охотник с головой лося в руках (орочи). URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=55756780 (дата обращения: 25.04.2025).
25. Фотография. Нанайские мастерицы... URL: https://hkm.ru/exhibit/fotografiya-nanajskie-mastericzy-m-e-aktanko-v-i-onenko-m-i-dankan-n-i-samar-s-a-udankan-rassmatrivayut-risunok-novogo-kovra/ (дата обращения: 25.04.2025).
26. Фотография. Гольдский костюм... URL: https://hkm.ru/exhibit/fotografiya-goldskij-kostyum-podnesennyj-gosudaryu-nasledniku-czesarevichu-v-1891-g/ (дата обращения: 25.04.2025).
27. Фотография. Эвены села Эссо. URL: https://hkm.ru/exhibit/fotografiya-eveny-sela-esso/ (дата обращения: 25.04.2025).
28. В Хабаровском музее начали оцифровывать богатства. URL: https://md-news.ru/culture/v-habarovskom-muzee-nachali-oczifrovyvat-bogatstva/ (дата обращения: 25.04.2025).
29. 3D-копии экспонатов создадут в Хабаровском музее имени Гродекова. URL: https://khabarovsktv.ru/news/3d-kopii-eksponatov-sozdadut-v-habarovskom-muzee-imeni-grodekova (дата обращения: 25.04.2025).
30. Культура коренных народов Хабаровского края. URL: https://ar.culture.ru/ru/exhibition/kultura-korennyh-narodov-habarovskogo-kraya (дата обращения: 25.04.2025).
31. Мартыненко И.Э. Музейное дело, охрана музейных ценностей, музейная деятельность: новый опыт законодательного регулирования // Наследие и современность. 2019. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/muzeynoe-delo-ohrana-muzeynyh-tsennostey-muzeynaya-deyatelnost-novyy-opyt-zakonodatelnogo-regulirovaniya (дата обращения: 25.04.2025).
32. Орочи. Каталог коллекции Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова. 2-е изд., испр. и доп. Хабаровск : Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2022. 168 с.
33. Нивхи. Каталог коллекции. URL: https://hkm.ru/nivhi/ (дата обращения: 25.04.2025).
34. Эвены. Каталог коллекции. URL: https://hkm.ru/eveny/ (дата обращения: 25.04.2025).
35. Эвенки. Каталог коллекции. URL: https://hkm.ru/evenki/ (дата обращения: 25.04.2025).
36. Нанайцы. Каталог коллекции. URL: https://hkm.ru/nanajczy/ (дата обращения: 25.04.2025).
37. Ульчи. Каталог коллекции. URL: https://hkm.ru/ulchi/ (дата обращения: 25.04.2025).
38. Негидальцы. Каталог коллекции. URL: https://hkm.ru/negidalczy/ (дата обращения: 25.04.2025).
39. Якуты. Каталог коллекции. URL: https://hkm.ru/yakuty/ (дата обращения: 25.04.2025).
40. Люди рассвета. Каталог коллекций народов Крайнего Северо-Востока. URL: https://hkm.ru/lyudi-rassveta/ (дата обращения: 25.04.2025).
41. Удэгейцы. Каталог коллекции. URL: https://hkm.ru/udegejczy/ (дата обращения: 25.04.2025).
42. Народы Дальнего Востока. Каталог коллекции. URL: https://hkm.ru/narody-dalnego-vostoka/ (дата обращения: 25.04.2025).
43. Гродековский музей в Хабаровске запустил виртуальные экскурсии. URL: https://todaykhv.ru/news/culture/52652/ (дата обращения: 25.04.2025).
44. Видеоэкскурсия по постоянной экспозиции «Традиционная культура коренных народов Хабаровского края». URL: https://hkm.ru/online/videoekskursiya-po-postoyannoj-ekspoziczii-tradiczionnaya-kultura-korennyh-narodov-habarovskogo-kraya/ (дата обращения: 25.04.2025).
45. Аудиогид и IP-телефония появятся в Гродековском музее Хабаровска. URL: https://www.hab.kp.ru/online/news/4814079/ (дата обращения: 25.04.2025).
46. В Mediascope назвали лидера среди интернет-платформ в России. URL: https://tass.ru/ekonomika/19287883 (дата обращения: 25.04.2025).
47. Дюлин – дух хозяина домашнего очага, покровитель семьи и дома. URL: https://vk.com/wall-21551207_2988 (дата обращения: 25.04.2025).

48. Что такое лонгрид (long read) и как его написать. URL: https://expert.vk.com/articles/chto-takoe-longrid-long-read-i-kak-ego-napisat/ (дата обращения: 25.04.2025).

49. Волосы в традиционной культуре народов Приамурья. URL: https://vk.com/@grodekov_museum-volosy-v-tradicionnoi-kulture-narodov-priamurya (дата обращения: 25.04.2025).

50. Ни хвоста, ни чешуи! URL: https://vk.com/@grodekov_museum-ni-hvosta-ni-cheshui (дата обращения: 25.04.2025).

51. ИИ, тру лайф, эстетика, шортриды – главные тренды в рекламе 2024 года. URL: https://blog.icontextgroup.ru/articles/ii-tru-lajf-estetika-shortridy-glavnye-trendy-v-reklame-2024-goda#SHortridy (дата обращения: 25.04.2025).

52. Как январь определяет жизнь эвенков и эвенов. Суставной календарь. URL: https://vk.com/wall-21551207_6309 (дата обращения: 25.04.2025).

53. Делимся результатами экспедиции! URL: https://vk.com/wall-21551207_3475 (дата обращения: 25.04.2025).

54. Друзья, мы продлили работу выставки «Люди рассвета» до 20 марта. URL: https://vk.com/wall-21551207_1588 (дата обращения: 25.04.2025).

55. Национальные традиции на языке современного искусства. URL: https://vk.com/wall-21551207_3059 (дата обращения: 25.04.2025).

56. Уникальную коллекцию приобрел музей им. Гродекова. URL: https://khab-vesti.ru/news/culture/unikalnuyu_kollektsiyu_priobrel_muzey_im_grodekova (дата обращения: 25.04.2025).

57. Не шаман я – певец и поэт… URL: https://t.me/grodekov/6217 (дата обращения: 25.04.2025).

58. Пополнение этнографической коллекции. URL: https://t.me/grodekov/5993 (дата обращения: 25.04.2025).

59. Этноматеринство. URL: https://t.me/grodekov/5626 (дата обращения: 25.04.2025).

60. ИкраФест. День 4. URL: https://t.me/grodekov/5581 (дата обращения: 25.04.2025).

61. От «тоннелей» до кольцевых. URL: https://t.me/grodekov/5546 (дата обращения: 25.04.2025).

62. 2 июля отмечается Международный день собак. URL: https://t.me/grodekov/4862 (дата обращения: 25.04.2025).

63. «Народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего». URL: https://t.me/grodekov/4595 (дата обращения: 25.04.2025).

References

1. Granin Yu. "Globalization" or "Westernization"? // Free Thought. 2013. No. 1 (1637). P. 51–64. (In Russ.).

2. Penzina E.V. Phenomenon of Globalization: Globalization and Westernization // Bulletin of KrasSAU. 2012. No. 8 (71). P. 228–233. (In Russ.).

3. Grevtseva A.A. Cultural Globalization: Problems and Paradigms // Bulletin of the Herzen State Pedagogical University. 2008. No. 70. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-globalizatsiya-problemy-i-paradigmy (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

4. Solovieva N. A. The Impact of Globalization on the Culture of Small-Numbered Peoples of the PRC (Based on the Example of the Wa and Hui Peoples) // Bulletin of ZabSU. 2013. No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-globalizatsii-na-kulturu-malochislennyh-narodov-knr-na-primere-narodov-va-i-huey-1 (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

5. Delokaronov K. Small Peoples of the North Caucasus in the Context of Globalization // Central Asia and the Caucasus. 2006. No. 3 (45). P. 176–183. (In Russ.).

6. Chumakov A.N. Globalization and Digitalization: Social Consequences of Cumulative Interaction // Questions of Philosophy. 2021. No. 8. P. 36–46. (In Russ.).

7. Elmendeeva L.V. Sustainable development of indigenous peoples of the North in the era of digital transformation // Bulletin of Surgut State University. 2022. No. 2(36). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ustoychivoe-razvitie-korennyh-malochislennyh-narodov-severa-v-epohu-tsifrovoy-transformatsii (accessed: 04.25.2025). (In Russ.).

8. Tkachuk N.V. Internet space as a platform for manifestation of ethnic communication and identity of the titular ethnic groups of Ugra // Social competence. 2021. Vol. 6, no. 2(20). P. 185–191. (In Russ.).

9. Museum // The Great Russian Encyclopedia. Electronic version. 2017. URL: https://old.bigenc.ru/education/text/2236403 (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

10. Wedding costume of a Nanai girl: robe. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=59011372 (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

11. Women's gara, worn with the national Ulchi costume in winter. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=58744931 (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

12. Nanai men's robe. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=58744859 (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

13. Staff with a knife "hogda". URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=57726326 (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

14. Travel bag. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=57977380 (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

15. "Totu" beater for tanning fish skin. Nivkh. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=41056544 (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

16. Shaman's drum. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=58033718 (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

17. Shaman's mask "Hambabo". Udege. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=43163615 (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

18. Shaman's protector idol. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=45732429 (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

19. Seven – the shaman's assistant in the afterlife. Nanai. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=31617989 (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

20. Robugbu Ochu Lukyanovna. Ulchi carpet. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=59011382 (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

21. Bracelet. Nanai. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=43163615 (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

22. Women's earring. Nanai. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=57105707 (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

23. Sculpture of a tiger. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=51649507 (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

24. Tuz Yu.N. Photograph. Hunter with a moose head in his hands (orochi). URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=55756780 (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

25. Photograph. Nanai craftswomen... URL: https://hkm.ru/exhibit/fotografiya-nanajskie-mastericzy-m-e-aktanko-v-i-onenko-m-i-dankan-n-i-samar-s-a-udankan-rassmatrivayut-risunok-novogo-kovra/ (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

26. Photograph. Gold costume... URL: https://hkm.ru/exhibit/fotografiya-goldskij-kostyum-podnesennyj-gosudaryu-naslednikuczesarevichu-v-1891-g/ (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

27. Photograph. Evens of the village of Esso. URL: https://hkm.ru/exhibit/fotografiya-eveny-sela-esso/ (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

28. The Khabarovsk museum has begun to digitize its wealth. URL: https://md-news.ru/culture/v-habarovskom-muzee-nachali-oczifrovyvat-bogatstva/ (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

29. 3D copies of exhibits will be created in the Khabarovsk Grodekov Museum. URL: https://khabarovsktv.ru/news/3d-kopii-eksponatov-sozdadut-v-habarovskom-muzee-imeni-grodekova (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

30. Culture of indigenous peoples of Khabarovsk Krai. URL: https://ar.culture.ru/ru/exhibition/kultura-korennyh-narodov-habarovskogo-kraya (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

31. Martynenko I.E. Museum Affairs, Protection of Museum Valuables, Museum Activity: New Experience in Legislative Regulation // Heritage and Modernity. 2019. No. 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/muzeynoe-delo-ohrana-muzeynyh-tsennosteymuzeynaya-deyatelnost-novyy-opyt-zakonodatelnogo-regulirovaniya (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

32. Orochi. Catalog of the Collection of the Khabarovsk Regional Museum named after N.I. Grodekov. 2nd ed., revised and expanded. Khabarovsk : Khabarovsk Regional Museum named after N.I. Grodekov, 2022. 168 p. (In Russ.).

33. Nivkhs. Collection catalog. URL: https://hkm.ru/nivhi/ (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

34. Eveny. Collection catalog. URL: https://hkm.ru/eveny/ (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

35. Evenks. Collection catalog. URL: https://hkm.ru/evenki/ (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

36. Nanais. Collection catalog. URL: https://hkm.ru/nanajczy/ (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

37. Ulchi. Collection catalog. URL: https://hkm.ru/ulchi/ (accessed: 25.04.2025). (In Russ.). (In Russ.).

38. Negidals. Collection catalog. URL: https://hkm.ru/negidalczy/ (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

39. Yakuts. Collection catalog. URL: https://hkm.ru/yakuty/ (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

40. People of the Dawn. Catalog of the Collections of the Peoples of the Far Northeast. URL: https://hkm.ru/lyudi-rassveta/ (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

41. Udege. Collection catalog. URL: https://hkm.ru/udegejczy/ (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

42. Peoples of the Russian Far East. Collection catalog. URL: https://hkm.ru/narody-dalnego-vostoka/ (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

43. Grodekov Museum in Khabarovsk Launches Virtual Tours. URL: https://todaykhv.ru/news/culture/52652/ (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

44. Video Tour of the Permanent Exhibition "Traditional Culture of the Indigenous Peoples of Khabarovsk Krai". URL: https://hkm.ru/online/videoekskursiya-po-postoyannoj-ekspoziczii-tradiczionnaya-kultura-korennyh-narodov-habarovskogo-kraya/ (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

45. Audio guides and IP-telephony to appear at the Grodekov Museum in Khabarovsk. URL: https://www.hab.kp.ru/online/news/4814079/ (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

46. Mediascope names the leading internet platform in Russia. URL: https://tass.ru/ekonomika/19287883 (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

47. Dyulin – spirit guardian of the hearth, protector of the family and home. URL: https://vk.com/wall-21551207_2988 (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

48. What is a long read and how to write one. URL: https://expert.vk.com/articles/chto-takoe-longrid-long-read-i-kak-ego-napisat/ (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

49. Hair in the Traditional Culture of the Peoples of the Amur Region. URL: https://vk.com/@grodekov_museum-volosy-v-tradicionnoi-kulture-narodov-priamurya (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

50. Neither tail nor scales! URL: https://vk.com/@grodekov_museum-ni-hvosta-ni-cheshui (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

51. AI, True Life, Aesthetics, Short Reads – Main Advertising Trends in 2024. URL: https://blog.icontextgroup.ru/articles/ii-trulajf-estetika-shortridy-glavnye-trendy-v-reklame-2024-goda#SHortridy (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

52. How January Determines the Lives of the Evenks and Eveny. Joint Calendar. URL: https://vk.com/wall-21551207_6309 (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

53. Sharing the results of the expedition! URL: https://vk.com/wall-21551207_3475 (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

54. Friends, the exhibition "People of the Dawn" has been extended until March 20. URL: https://vk.com/wall-21551207_1588 (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

55. National Traditions in the Language of Contemporary Art. URL: https://vk.com/wall-21551207_3059 (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

56. Grodekov Museum acquires a unique collection. URL: https://khab-vesti.ru/news/culture/unikalnuyu_kollektsiyu_priobrel_muzey_im_grodekova (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

57. I'm not a shaman – I'm a singer and poet... URL: https://t.me/grodekov/6217 (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

58. New additions to the ethnographic collection. URL: https://t.me/grodekov/5993 (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).
59. Ethno-motherhood. URL: https://t.me/grodekov/5626 (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).
60. IkraFest. Day 4. URL: https://t.me/grodekov/5581 (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).
61. From "tunnels" to rings. URL: https://t.me/grodekov/5546 (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).
62. July 2 International Dog Day. URL: https://t.me/grodekov/4862 (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).
63. "A people who do not know their past have no future." URL: https://t.me/grodekov/4595 (accessed: 25.04.2025). (In Russ.).

Информация об авторах

О.А. Прудникова – магистрантка 1-го курса Высшей школы педагогики и истории Пединститута ТОГУ, сотрудница научно-исследовательского отдела истории ХКМ им. Н.И. Гродекова;
С.В. Сливко – кандидат исторических наук, доцент Высшей школы педагогики и истории.

Information about the authors

O.A. Prudnikova is a first-year master's student of the Higher School of Pedagogy and History of the Pedagogical Institute of Pacific National University, employee of the research department of history of the Khabarovsk Museum of History named after N.I. Grodekov;
S.V. Slivko is Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Higher School of Pedagogy and History of the Pedagogical Institute of Pacific National University.

Статья поступила в редакцию 28.03.2025; одобрена после рецензирования 11.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.
The article was submitted 28.03.2025; approved after reviewing 11.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2025. Т. XXII, Вып. 2. С. 205–213
The Humanities and Social Studies in the Far East. 2025. Vol. XXII, Is. 2. P. 205–213

Научная статья
УДК 323.21:641
doi:10.31079/1992-2868-2025-22-2-205-213

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО ПОЛЯ

Жан Жанович Чимитдоржиев[1, 2]✉, **Светлана Николаевна Басова**[3]
[1]Дальневосточный государственный медицинский университет, Хабаровск, Россия, jeanjean@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0003-1179-9148
[2, 3]Дальневосточный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Хабаровск, Россия
[3]basova-sn@ranepa.ru, https://orcid.org/0009-0007-8346-890X

Аннотация. С развитием информационно-коммуникационных технологий медийное пространство сильно трансформировалось, особенно заметные изменения произошли с появлением интернета, ставшего началом перехода в цифровую эпоху. Современное медийное пространство превращается в мощную площадку для формирования региональной идентичности. Гастрономическое поле выступает одной из активно развивающихся медийных площадок, гастрономическая культура региона является одним из инструментов мягкой дипломатии и аттрактором для различных ресурсов. Наполненность акторами и их активность в медийном гастрономическом пространстве становится важной составляющей в общей политике продвижения региона.

Ключевые слова: идентичность, регион, гастрономическое поле, цифровая эпоха, интернет, медийное пространство

Original article

REGIONAL IDENTITY IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF THE GASTRONOMIC FIELD

Zhan Zh. Chimitdorzhiev[1, 2]✉, **Svetlana N. Basova**[3]
[1]Far Eastern State Medical University, Khabarovsk, Russia, jeanjean@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0003-1179-9148
[2, 3]The Far Eastern Institute of Management is a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Khabarovsk, Russia
[3]basova-sn@ranepa.ru, https://orcid.org/0009-0007-8346-890X

Abstract. With the development of information and communication technologies, the media space has been greatly transformed, especially with the advent of the Internet. The advent of the Internet marked the beginning of the transition to the digital age. The modern media space is turning into a powerful platform for the formation of regional identity. The gastronomic field is one of the actively developing media platforms, the gastronomic culture of the region is one of the tools of soft diplomacy and an attractor for various resources. The involvement of actors and their activity in the media gastronomic space is becoming an important component in the overall policy of promoting the region.

Keywords: identity, region, gastronomic field, digital age, Internet, media space

В современном дискурсе дефиниция «идентичность» становится одной из главных тем в различных эпистемологических полях. Не будем и мы отставать от общего тренда. В нашем представлении идентичность – это комплекс атрибутивных факторов, с которыми себя идентифицирует индивидуум. Один из важнейших факторов, с которым себя отождествляет индивидуум, – это его кухня. Как нам представляется, национальная кухня является одним из маркеров идентичности любого носителя определённой культуры, и это очень устойчивый признак [2; 5–7; 15; 20]. Также в рамках нашего исследования для более тонкого понимания мы выбираем географический фактор региональности. Наш выбор обусловлен тем, что исследуемый регион обладает рядом специфических особенностей на гастрономическом поле. Как всякая колонизируемая территория, регион становится своеобразным «плавильным котлом» для различных этносов. В этом «этническом котле» формируется своеобразная региональная кухня, которая сочетает в себе различные исходные коды: гастрономические культуры различных этносов и локальные продукты. Если обратиться к историческому фактору, то

© Чимитдоржиев Ж.Ж., Басова С.Н., 2025

мы увидим, что дальневосточная кухня развивалась в драматических условиях [3; 7; 10; 19; 20], что оказало существенное влияние на формирование региональной кухни, которую мы сейчас наблюдаем.

Текущий исторический этап человечества определяется как этап постиндустриального развития. Как отмечается многими исследователями, мир делится на несколько групп: 1) страны, которые уже находятся на стадии постиндустриального развития; 2) страны втягивающиеся и 3) страны, которые только на подходе. В различных работах ведутся активные дискуссии относительно того, на какой стадии находится Россия, не вдаваясь в эту дискуссию, мы примем сторону тех, кто считает, что наша страна заканчивает процесс перехода в постиндустриальную стадию. Мы обосновываем это тем, что формирование постиндустриальной экономики начинается с процесса глобализации. Многими авторами выделяются разновидности процесса глобализации: американизм, вестернизация и глобализм, что в своём общем смысле означает доминирование одной культуры и поглощение более слабой культуры, а глобализация в своём истинном смысле означает взаимообогащение культур [8]. По мнению французского историка Ф. Броделя, процесс глобализации был запущен торговцами и путешественниками, которые начали открывать мир. Наиболее значимым был период великих географических открытий в Средние века [1]. С развитием капиталистических отношений процесс глобализации принял необратимый характер. Ход развития глобализации показал, что не все протекает гладко, экспансия сильной культуры сталкивается с феноменом региональности, локальные культуры оказывают существенное противодействие проникновению и навязыванию универсальных практик [10]. В научном сообществе существуют лобби региональной самобытности, и мы принимаем их сторону, считая, что региональная гастрономическая культура позволяет сохранить свою идентичность и стать тем самым аттрактором, который будет привлекать в регион дополнительные ресурсы, что соответствует мировым тенденциям.

Процесс глобализации протекает не только в экономической сфере, но и, в первую очередь, в культурной. Гастрономическая культура находится на переднем крае столкновения культур, являясь по своей сути высокосенситивной к различным инновациям, её также рассматривают как фактор международных отношений, называя народной дипломатией или мягкой силой. Через взаимообогащение гастрономических культур происходит контакт между различными этническими культурами, приятие «Чужого». Процесс глобализации на гастрономическом поле имеет двухстороннее движение, обмен идёт в обе стороны, в зависимости от величия гастрономической культуры и определяется объём заимствования. Сказать, что стирается чья-то гастрономическая культура, мы не можем, напротив – она очень устойчива, поскольку зашита включена в культурный и генетический код народа. Доктор философских наук, доктор культурологии Костина А.В. утверждает: «Практика показывает, что абсолютно безболезненным для любых культур является процесс обмена поверхностными элементами – одеждой, способом приготовления пищи и т.д.» [8: с. 134].

Развитие цифровых и информационно-коммуникационных технологий значительно ускорило процесс глобализации. Несомненно, новые реалии постиндустриального общества и цифровой экономики оказывают существенное давление на гастрономическое поле, местами деформируя его и производя мутации. Современная гастрономия – это сочетание локальных продуктов и новых кулинарных технологий, с помощью которых передовые шеф-повара экспериментируют с традиционной кухней, создавая новые опыты телесности во вкусовых ощущениях [9; 17; 21]. По мнению футурологов, все телесные практики в недалёком будущем перейдут в иное измерение − VR/AR, материальность становится прерогативой богатых, «mainstream» будет пребывать в координатах искусственности еды, ощущений, впечатлений и т.д. Пока это в фантазиях футурологов, но мы можем уже сегодня ознакомиться с разработками ведущих высокотехнологических компаний. Так, уже созданы VR/AR очки, которые создают эффект присутствия в любом месте мира. Теперь очередь за пищевыми химиками, которые, возможно, создадут сбалансированные пищевые концентраты, заменяющие натуральные продукты, и тогда человечество вступит в эру гиперреальности и симулякров [2].

По нашему мнению, революционным скачком в развитии информационно-коммуникационных технологий стало изобретение интернета. Интернет коренным образом изменил медийное пространство. Мощные трансформационные процессы, новые средства масс-медиа активно замещают традиционные, практически списаны со счетов газеты и журналы, на подходе радио и телевидение, все они переходят в интернет-пространство. Такие трансформационные процессы можно объяснить с помощью теории когорт. Поколение «X» – это то поколение, в котором ещё доживают свой век традиционные СМИ, поколения «Y» и «Z» уже практи-

чески сместились в киберпространство, а поколение «α» уже живёт в нем [16]. Новые информационно-коммуникационные технологии формируют новое медийное пространство, они позволяют дилетантам выйти в публичное пространство и активно формировать свой контент, искать свою целевую аудиторию, многие такие дилетанты стали практически профессионалами в своём сегменте, собирая многочисленные аудитории.

Генезис феномена кулинарной тематики в современном медийном пространстве ещё требует своего исследования, ну а мы в своей работе будем просто анализировать его. Медийные интернет-технологии в настоящее время являются одним из основных инструментов, формирующих региональную идентичность. Интернет создал уникальную ситуацию пространственно-временного сжатия бытия: работа в режиме 24/7; доступность входа в интернет благодаря различным гаджетам и девайсам, а также информационно-коммуникационной инфраструктуре; короткая *«центральная задержка»*[1] создаёт иллюзию интерактивности здесь и сейчас; скорость передачи информации сворачивает пространство до минимума; происходит снятие множества пространственных барьеров и т.д.

Все это даёт обширное оперативное пространство для размещения информационного контента. Что касается гастрономической тематики, то можно выделить несколько разновидностей: 1) по источнику – персоналии и юридическое лицо или общественная организация; 2) по формату – кулинарное шоу, аналитические статьи, просветительские статьи; 3) по тематике – дальневосточная кухня и этнические кухни. Данная предварительная классификация позволяет нам провести зондажное исследование региональной идентичности. Вполне возможно, что мы будем несколько уходить в сторону того контента, который формирует у целевой аудитории устойчивые представления о региональной идентичности. В ходе своего анализа мы пришли к заключению, что региональная идентичность Дальнего Востока формируется не в категориях этнических гастрономических культур, а в категории собирательного образа «дальневосточная кухня», которая по объёму контента превосходит этнические кухни, что, на наш взгляд, вполне логично, в наших предыдущих работах мы достаточно подробно разбирали этот вопрос.

Мы выделили одного кулинарного эксперта из массива регионального гастрономического контента (мы его идентифицируем как персоналию), активно пишущего аналитические и познавательные тексты на темы дальневосточной кухни и этнических кухонь на Дальнем Востоке, размещающего свои публикации на различных информационных интернет-ресурсах, ведущего авторские колонки. Это – Хамзин Сергей Николаевич – разносторонне развитая личность, отличный кулинар и эксперт в гастрономическом поле. Контент-анализ его текстов позволяет заключить, что он активно пропагандирует тематику дальневосточной кухни, даже в текстах, посвящённых этническим кухням, С.Н. Хамзин помещает их в дальневосточный контекст и, так или иначе, упоминает дальневосточный колорит, стараясь показать, как этнические кухни развиваются именно на дальневосточной почве [18].

Другой персоналий, Денис Ким [4], позиционирует себя как фуд-блогер, имеющий 706 тыс подписчиков[2], который основал интернет-сообщество FoodKor, где продвигает корейскую кухню. Наш профайл выглядит следующим образом: персоналия, пишет просветительские статьи на тему корейской кухни, как аутентичной, так и кухни корё-сарам (российских этнических корейцев), ведёт кулинарное шоу. Беглый контент-анализ аккаунта позволяет утверждать, что в нем доминируют темы, посвященные кухне корё-сарам в дальневосточном контексте. Много рассуждений о кухне российских этнических корейцев, в своём кулинарном шоу Денис Ким акцентирует внимание на представлении семейных рецептов, что вполне логично. В нашем интервью он высказал своё отношение к различным медийным каналам, через которые формируется региональная идентичность. По его мнению, *«большой телевизор»* продолжает сохранять своё доминирующие положение в медийном пространстве: «*"Большой телевизор"* является основной площадкой для кулинарных программ». Также он утверждает, что интернет-пространство для региональных блогеров является высококонкурентной сферой: «Выходя в российское интернет-пространство, ты сразу вступаешь в жёсткую конкуренцию с мега-популярными фуд-блогерами. Чтобы быть интересным блогером и держать в тонусе подписчиков, необходимо делать интересный контент, а сделать такой контент на дальневосточной тематике крайне сложно, слишком скудный материал». Также он отмечает, что понятие кулинарной идентичности в настоящее время размывается и гастрономическое пространство превращается в пространство космополитиче-

[1] Данный термин взят из нейрофизиологии и характеризует скорость обработки информации в нейроне.

[2] На 16.03.2025 г.

ское, процесс заимствования развивается очень быстро, активные мирохозяйственные связи ведут к наполнению рынков всеми необходимыми продуктами для кулинарных экспериментов.

Мы также выделили ряд сайтов, которые продвигают в интернет-сообществе региональную идентичность в гастрономическом поле. Так, Eastrussia.ru [11; 13] имеет в своём составе большой сегмент гастрономического контента, по нашей классификации: юридическое лицо ИА «Восток России», пишущее новостийные, аналитические и просветительские статьи о дальневосточной и этнической кухнях, имеющих выраженный региональный доминант. По нашему мнению, это одна из больших медийных площадок по продвижению дальневосточной кухни в целевые аудитории.

Другой активной площадкой, по нашему мнению, является Pacific Russia Food, «движком» этого ресурса считается Татьяна Заречнева – авторитетная личность в ресторанных и туристических кругах Дальнего Востока. Информационное наполнение ресурса сугубо специализировано на дальневосточной кухне: локальных продуктах, кулинарных технологиях, подаче и столовом этикете, познавательных статьях, кулинарных шоу и мастер-классах. К этой группе мы также относим непосредственно предприятия общественного питания. Они активно участвуют в продвижении своих предприятий, используя мультиканальный подход: сайты, социальные сети, ГИС, мессенджеры и т.д. Только наиболее продвинутые компании используют омниканальный подход, создавая бесшовный медийный континуум. Информационное наполнение представлено в первую очередь коммерческой информацией, в которой можно выделить идентификационный блок, отражающий приверженность региональной идентичности, это, как правило, меню, в котором представлены блюда дальневосточной кухни. Другой элемент – это проводимые предприятием гастрономические события, в которых региональной идентичности отводится главное место. Также на информационных носителях можно встретить познавательные статьи, рассказывающие об истории предприятия, его концепции, занимательные истории и т.д., видео-контент от шеф-повара с мастер-классом. В целом можно сказать, что вышеприведённые акторы образуют основное ядро медийного пространства, в котором формируется региональная идентичность гастрономической культуры [11; 13].

За этим ядром можно выделить группу стейкхолдеров, которые участвуют в идентификации региона в более общем плане и при этом затрагивают гастрономическую тематику. Несомненно, это государственные институты, если обратиться к мировом опыту, то наиболее интересен опыт наших географических соседей – Республики Кореи, Японии, Китайской Народной Республики.

В Корее, на наш взгляд, был реализован впечатляющий проект по продвижению корейской культуры в глобальном масштабе. Государственные институты в своей глобальной дипломатии, используя «мягкую силу», смогли породить феномен корейской волны «Халлю», немалое место в этой дипломатии занимала гастрономическая культура. Государство выделило на продвижение корейской кухни огромные ресурсы, что позволило рестораторам развить свой бизнес, выйти на мировые рынки и продвинуть в мировое гастрономическое поле корейскую гастрономическую культуру. Благодаря государственной поддержке корейским гастрономам удалось выделить аутентичное блюдо, с которым ассоциируется корейская кухня, – ким-чи, теперь это своеобразный символ корейской кухни.

Не менее впечатляющий опыт имеет японская кухня, которая в довольно короткий срок завоевала гастрономический мир благодаря поддержке государственных институтов. ЮНЕСКО включила японскую гастрономическую культуру в список мирового культурного наследия.

Китайская кухня, на наш взгляд, является феноменально активной, сложно найти какое-нибудь место на Земле, где нет китайской кухни. Несомненно, большую роль здесь также играет государство, поддерживая своих рестораторов в мировой экспансии. В настоящее время ведётся работа по включению китайской гастрономической культуры в список мирового культурного наследия ЮНЕСКО. В каждой провинции Китая государственные институты разрабатывают программы по развитию региональной кухни и их представлению на уровне страны и в остальном мире. К примеру, у нашего соседа – провинции Хэйлунцзян имеется программа по развитию северной кухни, среди других регионов эта кухня совсем не теряется и имеет своё уникальное лицо, она активно продвигается в наши дальневосточные регионы, особенно в приграничные. Таким образом, российским государственным институтам следует внимательно изучить опыт наших соседей и использовать лучшие практики в своих государственных программах по развитию отечественной региональной гастрономической идентичности. Пока же отечественные государственные институты ограничиваются частичным участием в проведении различных региональных гастрономических мероприятий, которые

достаточно сухо и скудно отражают на своих информационных ресурсах.

Общественные объединения в виде ассоциаций являются одним из мощных инструментов развития региональной кухни. Основная задача ассоциаций состоит в объединении вокруг себя активных акторов как для решения насущных вопросов с государственными институтами, так и внутренних вопросов. Также ассоциации ведут активную работу с внешней средой, формируя определённое общественное мнение вокруг региональной гастрономической культуры. В программе ассоциаций одним из важнейших блоков работы является популяризация дальневосточной кухни, проведение различных гастрономических мероприятий в виде фестивалей и других форм привлечения внимания к региональной кухне, на которых активно формируется и продвигается региональная идентичность. Ассоциации размещают свой контент как на своих, так и на сторонних информационных ресурсах, где популяризуют дальневосточную гастрономическую культуру. Ассоциации являются системообразующим элементом в формировании и функционировании регионального гастрономического кластера [9; 17].

Другими стейкхолдерами являются региональные средства массовой информации, это газеты и журналы, телевидение, радио, которые ушли в интернет-пространство, и непосредственно информационные агентства, организовавшиеся в интернете. В рамках своей информационной программы они имеют небольшие рубрики, посвящённые гастрономической тематике. По нашей классификации, они ориентированы на новостийный и досуговый медийный контент, принимая в некоторых проектах активное участие в качестве информационного партнёра. Если сравнивать с федеральными акторами, то следует отметить крайне слабую наполненность эфира программами кулинарного характера, многие кулинарные шоу сошли на нет, соответствуя периоду конца 2010-х гг. К примеру, были интересные кулинарные программы «Будет вкусно» на «Губернии», которую вела талантливый журналист Валентина Олексенко, где активно продвигалась дальневосточная кухня, на телеканале «6ТВ» был очень интересный проект «Национальные кухни», подготовленный и реализованный журналистами Александром Ткаченко и Людмилой Маркеловой, в котором медийный контент создавался в полевых условиях и информация снималась непосредственно с носителей этнической гастрономической культуры. Программа привлекала внимание тем, что журналисты выезжали в самые отдалённые районы края и в ходе работы знакомили с природой, проживающими этносами, их культурой, историей района. Журналистам удалось объединить в своей программе не только кулинарный вопрос, но и много другого контента, который был интересен зрителю.

Нами выделяется ещё один стейкхолдер – институт амбассадоров. Нам представляется, что амбассадор является одним из важнейших элементов в формировании и продвижении региональной идентичности. Эффективность амбассадора обусловлена тем, что им может стать любой человек, способный донести до целевой аудитории основную концепцию региональной идентичности. В гастрономическом поле ключевым амбассадором выделяют шеф-повара, и это логично, именно он создаёт уникальные блюда, используя исходные коды региона, но эффект увеличивается кратно, если шеф-повар умеет и желает активно взаимодействовать с целевой аудиторией. Вторым по значимости идёт ресторатор, в интересах которого продвижение своего предприятия, позиционирующегося на региональной кухне. Он как собственник в курсе всего происходящего внутри предприятия и во внешней среде. У ресторатора должно быть понимание важности функции посла своего бренда, соответственно он должен таргетированно выбирать информационные площадки, где можно контактировать с целевой аудиторией, и должен иметь опыт представления своего бренда региональной кухни. Это два самых важных, на наш взгляд, интересанта в продвижении региональной гастрономической идентичности. Далее идут амбассадоры, которые при любых обстоятельтвах заинтересованы в успехе региональной гастрономической культуры, ими могут быть гурманы, патриоты своего региона, учёные и т.д.

Таким образом, мы можем выделить основных акторов медийного интернет-пространства, формирующих региональную идентичность. Благодаря уникальным свойствам интернет-пространства акторы могут презентовать идентичность региональной гастрономической культуры во всех её ипостасях. Каждый может выйти в интернет и представлять свой гастрономический контент, транслировать его на весь мир, и это создаёт специфическую особенность медийного поля по сравнению с доинтернетными временами. Можно ли отнести к недостатку медийного интернет-пространства такое обилие акторов, выступающих каждый со своей позицией на региональную гастрономическую идентичность? На наш взгляд, многообразие элементов создает условия дляя более конкурентного и устойчивого развития системы региональной

идентичности, что является одним из важнейших факторов формирования медийного пространства региона. Единственно, о чём стоит задуматься, так это о том, каким образом объединить всех акторов на различных медийных площадках. Нам представляется, что наиболее приемлемой площадкой являются различные гастрономические события, проходящие в регионе, их широкое освещение в медийном пространстве, возможность обмена мнениями, дискуссии и т.д., это позволит более адекватно формировать региональную гастрономическую идентичность. Учитывая многообразие дальневосточной гастрономической культуры, можно предположить, что каждый дальневосточный регион может претендовать на уникальность своей региональной кухни. Это, на наш взгляд, является сильной стороной в формировании региональной гастрономической идентичности и позволяет потребителю выбирать свой гастрономический сет для познания дальневосточной кухни. В то же время мы можем смело утверждать, что в основе любой региональной кухни лежат исходные коды, к примеру, в основе дальневосточной кухни лежат: 1) локальные продукты или специалитеты[3], из которых готовятся региональные блюда; 2) различные этнические кухни, которые в течение многих лет формировали региональную гастрономическую культуру, мы выделяем три основные этнические кухни: славянские (русская, белорусская и украинская); азиатские (китайская, корейская, японская, в последнее время наши рестораторы и шефповара активно продвигают тайскую, вьетнамскую кухни, что является логическим откликом на активный туристический поток наших граждан в эти страны); кухни коренных народов Дальнего Востока. Это становится основой для акторов медийного пространства, для рефлексии дальневосточной гастрономической культуры. Если оценивать текущий этап развития дальневосточной кухни, то можно утверждать, что это своеобразный «золотой период».

По сравнению с предыдущими этапами развития региональной гастрономической идентичности современный этап отличается обилием возможностей. При сравнении царского периода с текущим периодом мы выделяем ряд отличий:

1) медийное пространство не поддаётся сравнению, так как в царский период основным медийным носителем были газеты, в которых в основном печатались рекламные объявления и новостной контент, который в подавляющем большинстве своём носил негативный характер. В доступной литературе мы не обнаружили сколько бы значимого контента, посвящённого гастрономической рефлексии того времени, по всей видимости, авторы не считали необходимым рефлексировать банальную повседневность и воспринимали гастрономическую культуру как данность. Современный российский период показывает разительное отличие в медийном пространстве, обилие каналов коммуникации с целевой аудиторией, развитие информационно-коммуникационных технологий позволяют создавать вполне адекватный нарратив в медийном пространстве, формируя гастрономическую культуру региона;

2) в плане ассортимента локальных продуктов царский период, несомненно, смотрится крайне скудно на фоне обилия локальных и нелокальных продуктов современных шеф-поваров. Конечно же, этому есть своё объяснение, совсем уже будет некорректно сравнивать систему логистики того и этого времени. К тому же хозяйственное освоение Дальнего Востока позволило выявить новые продукты в кормящем ландшафте, также культивировать совершенно новые продукты, которые были невозможны в царский период;

3) существенно отличается система миграционных потоков и международных контактов. В царский период основной миграционный поток формировался за счёт западного направления, основной вклад вносили русскоязычные переселенцы из центральных районов России, Малороссии (белорусы, украинцы, поляки, молдаване), также присутствовали мусульманские народы. Азиатский миграционный поток формировался за счёт китайского этноса, затем шли корейцы и наименьший вклад внесли японцы. Согласно переписи населения минимальный вклад в миграцию внесли европейские народы [3; 14; 19]. С точки зрения международных контактов они были в зачаточном состоянии, наиболее активно развивались контакты с ближайшими географическими азиатскими соседями, частично торговые связи были с Америкой и Европой.

Современный период развития российского Дальнего Востока существенно отличается от предыдущих периодов активными миграционными процессами, особенно отмечается развитие туристической индустрии, в последнее время активизируется внутренний туризм, что должно стать своеобразным триггером для медийной активности гастрономических акторов. Международные контакты достаточно сильно расширены по сравнению с царским периодом, Российская Федерация ведёт активную международную политику в АТР, как ре-

[3] Многие из которых являются эндемиками, т.е. имеются исключительно только в этом регионе.

зультат – гастрономия становится инструментом мягкой дипломатии. Мирохозяйственные связи России обогащают продуктовую корзину россиян и предприятий общественного питания. Рост туристической активности привёл рестораторов к пониманию того, что необходимо обогащать кулинарный репертуар своего предприятия. Многие рестораторы отправили своих шеф-поваров на стажировки в лучшие заведения России и мира, стали приглашать к себе ведущих шеф-поваров мира. На этой волне многие акторы гастрономического медийного пространства резко расширили свой кругозор и стали знакомиться с мировой гастрономической культурой, у них появился богатый нарративный материал для её рефлексии.

Если сравнивать советский период с российским, то мы также увидим ряд различий:

1) основное различие мы выделяем в свободе творчества поварского состава. Советский период развития гастрономической культуры породил феномен − советскую кухню, которая проявлялась в индустриализации системы питания, унификации кулинарных технологий, закреплённых в жёстких стандартах и регламентах. Система советского общественного питания двигалась в русле мировых тенденций индустриализации системы питания. В то же время следует отметить, что советское правительство поощряло действия местных органов власти, направленные на поиск сырья в кормящем ландшафте региона. При органах советской власти были созданы специальные кулинарные советы, через которые происходила институциализация многих дальневосточных блюд [20].

Современный российский этап развития гастрономической культуры сильно отличается от советского периода тем, что шеф-повара получили абсолютную свободу в кулинарном творчестве. Современная логистика и бенчмаркинг позволяют шеф-поварам использовать практически любой продукт из любой части мира, кулинарные технологии шагнули очень далеко и создают уникальные возможности и пространство для творчества, активные контакты с мировым гастрономическим сообществом позволяют находиться на передовой кулинарной жизни и т.д. – все это создает условия для реализации молодыми шеф-поварами своих талантов на кулинарном поле, создания блюд собственного сочинения, которые формируют современное лицо дальневосточной кухни;

2) с точки зрения формирования нарративов в гастрономическом поле следует признать определённые достижения советского периода. Советские люди считались самым читающими, книгопечатная продукция работала весьма хорошо, обеспечивая страну книгами. В то же время необходимо заметить, что объём книгопродукции на кулинарные темы был на минимальном уровне и не позволял обеспечить все домохозяйства в достаточном количестве книгами, например, с кулинарными рецептами. Единственная книга, о которой стоит сказать особо, – это, конечно же, знаменитая книга «О вкусной и здоровой пище», это своего рода некий симулякр, формирующий у советского народа кулинарную гиперреальность. Этот пробел пытались заполнить журналы и газеты, публикуя кулинарный контент в своих специальных колонках. Самым публикуемым автором был Вильям Васильевич Похлебкин, «Фантастическая эрудиция, академическая добросовестность и широта не только гуманитарного кругозора превращают каждую его книгу в увлекательную и строго научную монографию», – сказал Александр Генис [12], каждую его публикацию с нетерпением ждала целевая аудитория, несмотря на все потуги в этой части, медийное пространство оставалось не заполненным в полной мере. Если посмотреть контент советского кинематографа, мы увидим, что нарратив, как правило, имеет негативный оттенок, рисуя ресторан местом криминальным и недостойным для советского человека. По сравнению с этим периодом текущий период разительно отличается своей гастрономической наполненностью;

3) особенностью советского периода можно считать то, что из исходных кодов были элиминированы азиатские кухни и отчасти этнические кухни коренных народов Дальнего Востока, этническая кухня ещё продолжала сохраняться на уровне домового питания, где семья была главным институтом передачи национальной гастрономической культуры от поколения к поколению. К великому сожалению, в процессе ассимиляции местных этносов многие кулинарные технологии и гастрономическая культура были утрачены. Современный этап вернул на места эти исходные коды, но это уже совсем другая азиатская кухня, которая эволюционировала в течение 70 лет, особенно примечательно, что за это время в России появилась особая корейская кухня «корё-сарам»[4]. В целях формирования региональной гастрономической идентичности многие рестораторы и шеф-повара обращаются к национальной кухне народов Дальнего Востока, сейчас появилось понимание того, что именно аборигенская кухня является основой для формирования региональной идентичности. В то же вре-

[4] Этнические корейцы российского происхождения.

мя при обсуждении развития дальневосточной кухни звучали голоса о бережном отношении к аборигенской кухне, о том, что не следует радикально перерабатывать блюда и оставлять от них только названия.

В заключение следует сказать, что формирующееся региональное медийное поле находится в своей начальной стадии развития. Наше зондажное исследование показывает, что пока идёт наполнение акторами регионального гастрономического медийного пространства, пока нет чёткого понимания атрибутов идентификации региональной гастрономической культуры, пока нет омниканального понимания развития регионального гастрономического медийного континуума. Несомненно, необходимо определиться в системообразующем акторе, который мог бы стать драйвером формирования региональной идентичности. Если обратиться к опыту наших региональных соседей, то мы могли бы пойти по их пути: органы власти как основной интересант в развитии региона должны использовать все необходимые ресурсы для продвижения региона, создавая государственные программы по развитию региональной гастрономической культуры, в которую войдут медийные акторы и другие стейкхолдеры. Это позволит, на наш взгляд, сделать мощный рывок в формировании региональной гастрономической идентичности для аттракции туристических потоков. Совершенно понятно, что в этой работе должны активно участвовать общественные организации в лице Ассоциаций рестораторов как непосредственные акторы, которые будут реализовывать эти программы. Также нам представляется, что гастрономическая идентичность тесно коррелируется с региональными дестинациями и, как следствие, необходима коллаборация индустрии питания с туристической отраслью региона. Это позволит сформировать узнаваемый образ территории и её гастрономической культуры.

Список источников

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. Москва : Весь мир, 2011. 592 с.

2. Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения / пер. с фр. О.И. Кирчик // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / сост. и науч. ред. В.В. Радаев ; пер. М.С. Добряковой [и др.]. Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 680 с.

3. Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых её насельников. Т. 1. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 328 с.

4. Ким Д. FoodKor, рецепты корейской и паназиатской кухни. URL: https://vk.com/foodkor?ysclid=m97s50k4gc4985 37300 (дата обращения: 23.03.2025).

5. Иващенко Я.С. Модель традиционного питания нанайцев в контексте пищевого поведения народов Северо-Востока и Юго-Востока Азии // Вестник ТОГУ. 2010. № 4. С. 187–194.

6. Капкан М.В., Лихачева Л.С. Гастрономическая культура: понятие, функции, факторы формирования // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2008. № 55. С. 34–42.

7. Константинов А.А. Дальневосточная кухня. Питание и здоровье. Хабаровск : Изд-во Хворова А.Ю., 2013. 272 с.

8. Костина А.В. Этнокультурный ренессанс начала XXI века: особенности, противоречия, суждения // Культура на рубеже XX–XXI веков: глобализационные процессы. Санкт-Петербург : Нестор-История, 2009. С. 131–157.

9. Кухня России, региональная и современная. Москва : Изд-во гастрономической лит. «Чернов и Ко», 2016. 456 с.

10. Льюис Р. Столкновение культур. Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2013. 640 с.

11. Мурзина К. Тала у каждого своя. Рассказываем об особенностях национального блюда в разных регионах Дальнего Востока. URL: https://www.eastrussia.ru/ (дата обращения: 10.08.2018).

12. Мушкина Е.Р. По следам курляндского пирога. Десять лет спустя. Москва : Северный паломник, 2019. 472 с.

13. Особенности кухни Дальнего Востока. URL: https://www.eastrussia.ru / 07.09.2017 (дата обращения: 01.01.2021).

14. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897. Тетрадь 3. LXXVI, Приморская область – Центральный статистический комитет МВД / под ред. И.А. Тройницкого. Санкт-Петербург, 1901. 212 с.

15. Похлебкин В.В. Национальные кухни наших народов. Москва : Центрполиграф, 2004. 330 с.

16. Радаев В. Миллениалы: как меняется российское общество. Москва : Издат. дом Высшей школы экономики, 2023. 296 с.

17. Рахманов Р. Север греет. Коллекция Русского Севера от Карелии до Камчатки. Москва : Э, 2018. 128 с.

18. Сергей Хамзин. Очерки'О О жизни, о еде, о друзьях и путешествиях. URL: https://khamzin-fm.com/ (дата обращения 23.03.2025).

19. Словцов П.А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. Москва : Вече, 2020. 512 с.

20. Сюткина О.А., Сюткин П.П. Русская и советская кухня в лицах. Непридуманная история. Москва : АСТ, 2016. 320 с.

21. Чимитдоржиев Ж.Ж., Веретенников А.Н. Этнические кухни в городе Хабаровске // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2018. № 4. С. 203–211.

References

1. Brodel' F. Material'naya civilizaciya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. T. 1. Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe. Moscow : Ves' mir, 2011. 592 s. (In Russ.).

2. Burd'yo P. Razlichenie: social'naya kritika suzhdeniya / Per. s fr. O.I. Kirchik // Zapadnaya ekonomicheskaya sociologiya: Hrestomatiya sovremennoj klassiki / sost. i nauch. red. V.V. Radaev ; per. M.S. Dobryakovoj [i dr.]. Moscow : Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2004. 680 s. (In Russ.).

3. Bucinskij P.N. Zaselenie Sibiri i byt pervyh eyo nasel'nikov. T. 1. Tyumen' : Izd-vo Yu. Mandriki, 1999. 328 s. (In Russ.).

4. Denis Kim FoodKor, recepty korejskoj i panaziatskoj kuhni. URL: https://vk.com/foodkor?ysclid=m97s50k4gc498537300 (accessed: 23.03.2025). (In Russ.).

5. Ivashchenko Ya.S. Model' tradicionnogo pitaniya nanajcev v kontekste pishchevogo povedeniya narodov Severo-Vostoka i Yugo-Vostoka Azii // Vestnik TOGU. 2010. № 4. S. 187–194. (In Russ.).

6. Kapkan M.V., Lihacheva L.S. Gastronomicheskaya kul'tura: ponyatie, funkcii, faktory formirovaniya // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki. 2008. № 55. S. 34–42. (In Russ.).

7. Konstantinov A.A. Dal'nevostochnaya kuhnya. Pitanie i zdorov'e. Habarovsk : Izd-vo Hvorova A.Yu., 2013. 272 s. (In Russ.).

8. Kostina A.V. Etnokul'turnyj renessans nachala XXI veka: osobennosti, protivorechiya, suzhdeniya // Kul'tura na rubezhe XX–XXI vekov: globalizacionnye processy. Saint Petersburg : Nestor-Istoriya, 2009. S. 131–157. (In Russ.).

9. Kuhnya Rossii, regional'naya i sovremennaya. Moscow : Izd-vo gastronomicheskoj literatury «Chernov i Ko», 2016. 456 s. (In Russ.).

10. L'yuis R. Stolknovenie kul'tur. Moscow : Mann, Ivanov i Ferber, 2013. 640 s. (In Russ.).

11. Murzina Kseniya Tala u kazhdogo svoya. Rasskazyvaem ob osobennostyah nacional'nogo blyuda v raznyh regionah Dal'nego Vostoka. URL: https://www.eastrussia.ru/ (accessed: 10.08.2018). (In Russ.).

12. Mushkina E.R. Po sledam kurlyandskogo piroga. Desyat' let spustya. Moscow : Severnyj palomnik, 2019. 472 s. (In Russ.).

13. Osobennosti kuhni Dal'nego Vostoka. URL: https://www.eastrussia.ru / 07.09.2017 / (accessed: 01.01.2021). (In Russ.).

14. Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897. Tetrad' 3. – LXXVI, Primorskaya oblast' – Central'nyj statisticheskij komitet MVD / pod red. I.A. Trojnickogo. Saint Petersburg, 1901. 212 s. (In Russ.).

15. Pohlebkin V.V. Nacional'nye kuhni nashih narodov. Moscow : Centrpoligraf, 2004. 330 s. (In Russ.).

16. Radaev V. Millenialy: kak menyaetsya rossijskoe obshchestvo. Moscow : Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2023. 296 s. (In Russ.).

17. Rahmanov R. Sever greet. Kollekciya Russkogo Severa ot Karelii do Kamchatki. Moscow : E, 2018. 128 s. (In Russ.).

18. Sergej Hamzin. Ocherki\'O O zhizni, o ede, o druz'yah i puteshestviyah. URL: https://khamzin-fm.com/ (accessed: 23.03.2025). (In Russ.).

19. Slovcov P.A. Istoriya Sibiri. Ot Ermaka do Ekateriny II. Moscow : Veche, 2020. 512 s. (In Russ.).

20. Syutkina O.A., Syutkin P.P. Russkaya i sovetskaya kuhnya v licah. Nepridumannaya istoriya. Moscow : AST, 2016. 320 s. (In Russ.).

21. Chimitdorzhiev Zh.Zh., Veretennikov A.N. Etnicheskie kuhni v gorode Habarovske // Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. 2018. № 4. S. 203–211. (In Russ.).

Информация об авторах

Ж.Ж. Чимитдоржиев – кандидат медицинских наук, доцент;
С.Н. Басова – кандидат экономических наук, доцент.

Information about the authors

Zh.Zh. Chimitdorzhiev is Candidate of Medical Sciences, Associate Professor;
S.N. Basova is Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 09.04.2025; одобрена после рецензирования 28.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.
The article was submitted 09.04.2025; approved after reviewing 28.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2025. Т. XXII, Вып. 2. С. 214–218
The Humanities and Social Studies in the Far East. 2025. Vol. XXII, Is. 2. P. 214–218

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

PROBLEMS OF THE FAR EAST

Научная статья
УДК 616-082(571.6)
doi:10.31079/1992-2868-2025-22-2-214-218

БИОЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Анна Валинуровна Ахметова[1], **Сергей Васильевич Бобышев**[2], **Вадим Вадимович Наливайко**[3], **Шемс Сардар кызы Алиева**[4], **Евгения Анатольевна Мусалитина**[5]
[1, 2, 3, 4]Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия
[5]Комсомольский-на-Амуре государственный университет, Комсомольск-на-Амуре, Россия, tarasova2784@mail.ru
[1] wyrds@rambler.ru
[2] history@festu.khv.ru
[3] norna-zine@mail.ru
[4] shems.dzhalilova.02@mail.ru

Аннотация. Статья освещает фундаментальные вопросы биоэтических проблем советской модернизации здравоохранения малочисленных народов Дальнего Востока. Авторы приходят к выводу о том, что в период 1970–1980 гг. традиционная система здоровьесбережения малочисленных народов Дальнего Востока, основанная на этническом опыте врачевания природно-биологическими ресурсами, претерпела существенные трансформации в результате государственной программы модернизации здравоохранения. Особое внимание уделяется проблеме развития ряда медико-демографических вопросов биоэтического характера, которые обусловили обострение дальнейшей депопуляции малочисленных народов, их ассимиляцию с русским населением и в результате утрату национально-этнических традиций.

Ключевые слова: советская модернизация, Дальний Восток, коренные малочисленные народы, биоэтика, биополитика
Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01366, https://rscf.ru/project/23-28-01366/

Original article

BIOETHICAL ISSUES OF THE SOVIET MODERNIZATION OF HEALTH CARE FOR THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE FAR EAST

Anna V. Akhmetova[1], **Sergey V. Bobyshev**[2], **Vadim V. Nalivaiko**[3], **Shems S. Alieva**[4], **Evgeniya A. Musalitina**[5]
[1, 2, 3, 4]Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia
[5] Komsomolsk-on-Amur State University, Komsomolsk-on-Amure, Russia, tarasova2784@mail.ru
[1]wyrds@rambler.ru
[2]history@festu.khv.ru
[3]norna-zine@mail.ru
[4]shems.dzhalilova.02@mail.ru

Abstract. The article covers fundamental issues related to the bioethical problems of the Soviet modernization of health care for the indigenous peoples of the Far East. The authors concluded that in the period 1970-1980, the traditional system of health care of the indigenous peoples of the Far East, based on the ethnic experience of healing with natural and biological resources, underwent significant transformations as a result of the state program of health care modernization. Particular attention is paid to the development of a number of medical and demographic issues of a bioethical nature, which caused the aggravation of further depopulation of the indigenous peoples, their assimilation with the Russian population and, as a result, the loss of national and ethnic traditions.

Keywords: soviet modernization, Far East, indigenous peoples, bioethics, biopolitics
Funding: *the research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-01366, https://rscf.ru/project/23-28-01366/*

© Ахметова А.В., Бобышев С.В., Наливайко В.В., Алиева Ш.С., Мусалитина Е.А., 2025

В настоящее время в Российской Федерации зафиксировано 40 малочисленных народов с общей численностью населения не более 250 тыс. человек, традиционно проживающих в районах Севера, Сибири и Дальнего Востока. Проблема здровьесбережения и сохранения этих народов является одной из ключевых в системе демографической политики государства. Однако новая социально-экономическая реальность, сопровождаемая техническим прогрессом, глобализационными процессами, ростом урбанизации, в целом расцениваемая государством как подтверждение комплексного развития общества, оказалась для малочисленных народов новым вызовом, а не благоприятными условиями для улучшения уровня жизни. Модернизация, которая в 1970–1980 гг. затронула практически все сферы жизни советского общества, обозначила переломный момент в традиционном укладе жизни и требовала своевременной интеграции коренного населения в новую социокультурную среду государства. При этом вынужденное нарушение устоявшегося образа жизни в середине XX в. (переход на оседлый образ жизни; ликвидация малочисленных поселений и слияние их с более крупными; создание районных медицинских центров, удаленных от места жительства) привело к росту медико-социальных проблем, связанных с алкоголизацией, повышением уровня смертности от онкологических, сердечно-сосудистых заболеваний, снижением рождаемости, ухудшением санитарно-эпидемиологической обстановки.

Исторический анализ реализуемых советским правительством мер, направленных на совершенствование системы медицинского обслуживания малочисленного населения, а также современное состояние исследуемого вопроса показывают, что многие проблемы здравоохранения в отношении малочисленных народов остались нерешенными. Одна из причин – унифицированный подход правительства к модернизации системы медицинского обслуживания коренных народов в рамках общегосударственной системы здравоохранения без учета национальных традиций быта, этнических психофизиологических особенностей, культурно-исторического прошлого, модели традиционной народной медицины.

В связи с этим особую актуальность приобретает исследование становления системы здравоохранения в отношении коренного населения в контексте биоэтического подхода, который позволяет учитывать биосоциальные основы этноса при разработке мер по его сохранению. Такая концепция направлена на выявление этнической, биогенетической, социально-культурной специфики вопросов здоровьесбережения. Обращение к биоэтике позволяет установить влияние достижений медицинского прогресса на изменения демографических процессов у малочисленных народов и определить наиболее эффективные меры их сохранения.

Целью исследования является анализ советской политики в области здравоохранения в отношении малочисленных народов Дальнего Востока в контексте биоэтической концепции.

Исследование направлено на представление новых данных по проблеме медикализации как биоэтической проблемы в результате анализа локальных архивных источников и статистических данных, а также на описание характера взаимодействия советской власти и коренного населения в сфере здравоохранения с точки зрения биополитического контроля.

В середине XX в. наблюдался рост заболеваемости хроническими и инфекционными заболеваниями среди коренного населения. Согласно статистическим данным на конец 1970 г. почти 50 % населения болело туберкулезом, причем около 20 % из них имели открытую форму заболевания. Высоким оставался уровень заболеваемости инфекционными заболеваниями, особенно среди детского населения [1: с. 17].

Увеличение контактов с пришлым населением имело серьезные негативные последствия. Во-первых, с переходом на оседлый образ жизни и увеличением контактов с пришлым населением нередкими стали случаи венерических заболеваний, в том числе сифилиса [2: с. 198]. Во-вторых, интеграция аборигенов в социально-экономическую деятельность Дальневосточного региона характеризовалась переходом от традиционной формы хозяйства к занятости в промышленном секторе, где в условиях совместной трудовой деятельности с русскими коренное население подверглось алкоголизации. Система контроля продажи алкоголя в исследуемый период имела ряд проблем, поэтому средняя доля потребления на одного взрослого человека составляла не менее 36 литров спирта в год, цифра, значительно превышавшая средние показатели в стране [3: л. 1]. Проблема приобрела острый медико-этический характер из-за генетической предрасположенности автохтонного населения к быстрому алкогольному привыканию, большой доли фальсифицированного алкоголя, реализуемого в удаленных районах проживания коренного населения, отсутствия организации досуга местного населения в форме культурно-массовых, просветительских мероприятий [4].

Этническая особенность бытовой культуры, определяющая традицию совместного проживания большого количества родственников в одной фанзе (жилище), стала причиной неудовлетворительных санитарных условий проживания автохтонного населения. Скученность населения вызвала вспышки эпидемий коклюша, кори, гепатита, дизентерии. Большое количество людей, проживающих в одном доме (по 15–20 человек на 15 кв. м) также было причиной массовых случаев педикулеза [5: л. 107]. В 1975 г. в Аяно-Майском районе Хабаровского края в результате проведения медицинского обследования были выявлены следующие случаи: у 17 из 50 осмотренных выявлен туберкулез (с. Талandай); у четверых выявлен сифилис, у 12 из 76 человек выявлен туберкулёз, (с. Джигда); у 12 из 42 прошедших медицинский осмотр был выявлен туберкулез, у пятерых – трахома (с. Аян) [6: л. 42].

Уровень смертности превышал уровень рождаемости, в том числе из-за инфекционных заболеваний. Так, на Чукотке в 1976 г. демографический показатель составил минус 1,3 % [7: л. 8], причем младенческая смертность была критически высокой (43 % у эвенков, 48 % у эвенов). Около 2 % случаев заболевания гриппом заканчивались летальным исходом [8: л. 107]. Особенности системы питания коренного населения с большим количеством употребления сырой речной рыбы, печени животных, термически необработанного замороженного мяса диких животных определили частые случаи паразитарных заболеваний. Представленные данные наглядно показывают степень серьезности проблемы в системе здоровьесбережения аборигенного населения во второй половине XX в., которая требовала от правительства разработки мер улучшения медико-демографической ситуации. Несмотря на внедрение государственной программы расширения сферы медицинского облуживания в районах проживания малочисленного населения к 1970 г. уровень обращения за официальной медицинской помощью коренным населением оставался значительно ниже, чем в СССР в целом [9: л. 153].

Причиной этому было недоверие аборигенного населения методам диагностики и лечения конвенциональной медицины, вследствие чего большинство жителей этнических районов продолжали обращаться только к альтернативной народной медицине. В сложившейся ситуации перед правительством стояла сложная задача не только по расширению сферы медицинского обслуживания, но и по повышению информационного просвещения по вопросам профилактической медицины. В 1970–1980 гг. была продолжена централизованная работа руководства государства по совершенствованию медицинского обслуживания районов этнического проживания, которая была начата после окончания Великой Отечественной войны. В рамках этой работы были достигнуты значительные успехи:

– восстановлены фельдшерско-акушерские пункты в отдалённых районах;

– организована работа медицинских экспедиций с целью изучения медико-биологических проблем и оказания квалифицированной медицинской помощи;

– внедрена программа систематических медицинско-профилактических осмотров;

– интегрирована в национальный календарь профилактических прививок вакцинация взрослого и детского аборигенного населения;

– расширен список узкоспециализированной медицинской помощи в этнических районах: терапевтической, неврологической, онкологической, гинекологической, хирургической, педиатрической;

– увеличена квота медицинских образовательных учреждений края на целевую подготовку медицинских кадров из числа коренного населения;

– улучшена материально-техническая база местных учреждений здравоохранения;

– усилена культурно-просветительская работа по вопросам гигиены, санитарного благополучия и профилактики заболеваний;

– введена система охраны женского здоровья в районах проживания аборигенного населения [10: л. 16].

Осуществляя комплексную оценку результатов советской модернизации здравоохранения малочисленных народов Дальнего Востока, недопустимо игнорировать ее биоэтические последствия. Основной проблемой программы совершенствования социально-медицинского обслуживания автохтонного населения стал ее централизованный унифицированный характер. Недооценка правительством этногенетических и национально-культурных факторов формирования традиционного уклада жизни привела к тому, что многие реализуемые меры не позволили получить ожидаемый результат и вызвали ряд проблем, в том числе биоэтических.

Сохранение малочисленных народов является одним из приоритетных направлений демографической политики России как в настоящее время, так и в советском опыте нашего государства. Обращение к проблеме повышения качества жизни аборигенного населения через совершенствование системы здоровьесбережения с позиции биоэтического подхода недостаточно полно освещено в современных исследованиях. Однако рассмотрение

вопросов поддержания здоровья и предотвращения депопуляции в контексте биоэтики позволяет избежать «обезличивания» и шаблонности советского опыта в вопросах медикализации автохтонного населения.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в период 1970–1980 гг. традиционная система здоровьесбережения малочисленных народов Дальнего Востока, основанная на этническом опыте врачевания природно-биологическими ресурсами, претерпела существенные трансформации в результате государственной программы модернизации здравоохранения. Этот процесс, имея бинарные проявления, может быть интерпретирован неоднозначно. С одной стороны, централизованные реформы в области здравоохранения в отношении коренного населения способствовали значительному снижению уровня социально опасных заболеваний, которые без соответствующей государственной поддержки могли поставить под угрозу само существование коренного населения. С другой стороны, советская модернизация спровоцировала развитие ряда медико-демографических вопросов биоэтического характера, которые обусловили обострение дальнейшей депопуляции малочисленных народов, их ассимиляцию с русским населением и в результате утрату национально-этнических традиций.

Список источников

1. Ахметова А.В. Опыт народной медицины малочисленных этносов и его применение в медицинском обслуживании национальных районов советского Дальнего Востока // Историко-культурное наследие в институциональном измерении : материалы II Уральского историко-архивного форума, посвященного 30-летию подготовки документоведов и 20-летию подготовки специалистов в сфере туризма и гостеприимства в Уральском федеральном университете (Екатеринбург, 6–9 октября 2022 г.) / отв. ред. Л.Н. Мазур. Екатеринбург : Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2022. С. 17–21.

2. Пивоваров Н.Ю., Попов А.Д., Тихонов В.В. «Инфекции – надёжный заслон!» : советская медицина, власть и общество в борьбе с эпидемиями 1960–1970-х гг. // Российская история. 2022. № 2. С. 198–217.

3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 3316. Оп. 3. Д. 78. Л. 1.

4. Хайруллина Н.Г. Проблема алкоголизма в среде коренных малочисленных народов Севера // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1.

5. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р 2413. Оп. 2. Д. 513. Л. 107.

6. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-1802. Оп. 17. Д. 3. Л. 42.

7. ГАХК. Ф. Р-1764. Оп. 1. Д. 19. Л. 8.

8. РГИА ДВ. Ф. Р 2413. Оп. 2. Д. 513. Л. 107.

9. ГАРФ. Ф. 31. Оп. 3. Д. 32. Л. 153.

10. Государственный архив Магаданской области. Ф. 284. Оп. 1. Д. 40. Л. 16.

References

1. Ahmetova A.V. Opyt narodnoj mediciny malochislennyh jetnosov i ego primenenie v medicinskom obsluzhivanii nacional'nyh rajonov sovetskogo Dal'nego Vostoka [The experience of traditional medicine of small ethnic groups and its application in medical care of national regions of the Soviet Far East] // *Istoriko-kul'turnoe nasledie v institucional'nom izmerenii : materialy II Ural'skogo istoriko-arhivnogo foruma, posvjashhennogo 30-letiju podgotovki dokumentovedov i 20-letiju podgotovki specialistov v sfere turizma i gostepriimstva v Ural'skom federal'nom universitete (Ekaterinburg, 6–9 oktjabrja 2022 g.)* [Historical and cultural heritage in the institutional dimension: Proceedings of the II Ural Historical and Archival Forum dedicated to the 30th anniversary of the training of documentary historians and the 20th anniversary of the training of specialists in the field of tourism and hospitality at Ural Federal University (Yekaterinburg, October 06–09, 2022)] / editor-in-chief L.N. Mazur. Yekaterinburg : Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, 2022. P. 17–21. (In Russ.).

2. Pivovarov N.Ju., Popov A.D., Tihonov V.V. «Infekcii – nadjozhnyj zaslon!» : sovetskaja medicina, vlast' i obshhestvo v bor'be s jepidemijami 1960–1970-h gg ["Infections are a reliable barrier!" : Soviet medicine, government and society in the fight against epidemics of the 1960s and 1970s] // *Rossijskaja istorija* [Russian History]. 2022. No. 2. P. 198–217. (In Russ.).

3. The State Archive of the Russian Federation (GARF). F. 3316. Op. 3. D. 78. L. 1. (In Russ.).

4. Hajrullina N.G. Problema alkogolizma v srede korennyh malochislennyh narodov Severa [The problem of alcoholism among the indigenous peoples of the North] // *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija* [Modern problems of science and education]. 2015. No. 1-1. (In Russ.).

5. Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). F. R. 2413. Op. 2. D. 513. L. 107. (In Russ.).

6. The State Archive of the Khabarovsk Territory (GAHK). F. P-1802. Op. 17. D. 3. L. 42 (In Russ.).

7. GAKHK. F. R-1764. Op. 1. D. 19. L. 8. (In Russ.).

8. RGIA DV. F. R. 2413. Op. 2. D. 513. L. 107. (In Russ.).

9. GARF. F. 31. Op. 3. D. 32. L. 153. (In Russ.).

10. The State Archive of the Magadan region. F. 284. Op. 1. D. 40. L. 16. (In Russ.).

Информация об авторах

А.В. Ахметова – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник;
С.В. Бобышев – доктор исторических наук, профессор;
В.В. Наливайко – сотрудник;
Ш.С. Алиева – студентка;
Е.А. Мусалитина – кандидат культурологии, доцент.

Information about the authors

A.V. Akhmetova is Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher;
S.V. Bobyshev is Doctor of Historical Sciences, Professor;
V.V. Nalivaiko is employee;
Sh.S. Aliyeva is a student;
E.A. Musalitina is Candidate of Cultural Studies, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests

Статья поступила в редакцию 09.04.2025; одобрена после рецензирования 28.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.
The article was submitted 09.04.2025; approved after reviewing 28.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2025. Т. XXII, Вып. 2. С. 219–223
The Humanities and Social Studies in the Far East. 2025. Vol. XXII, Is. 2. P. 219–223

Научная статья
УДК 625.721:94(100) “1917/22” (571.6)
doi:10.31079/1992-2868-2025-22-2-219-223

ДОРОЖНОЕ ХОЗЯЙСТВО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917–1922)

Михаил Александрович Ковальчук[1], **Антон Михайлович Ковальчук**[2]

[1]Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия, ma_kov@bk.ru
[2]Дальневосточный художественный музей, Хабаровск, Россия, mnbr88@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается состояние сухопутных путей сообщения в наиболее сложный период истории нашей страны – в период революции 1917 г. и Гражданской войны на Дальнем Востоке. Авторы рассматривают перемены в системе управления дорожной строительной отраслью и показывают проблемы отрасли, связанные с нехваткой людских, материальных и финансовых ресурсов. По результатам исследования они приходят к выводу о том, что, несмотря на все трудности, удалось сохранить инженерно-технические кадры, что стало залогом будущего масштабного дорожного строительства в регионе.

Ключевые слова*:* грунтовые дороги, Дальний Восток, инженеры, техники, дорожные мастера, дорожное хозяйство

Original article

ROAD INFRASTRUCTURE IN THE FAR EAST DURING THE REVOLUTION AND CIVIL WAR YEARS (1917–1922)

Michael A. Kovalchuk[1], **Anton M. Kovalchuk**[2]

[1]Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia, ma_kov@bk.ru
[2]Far Eastern Art Museum, Khabarovsk, Russia, mnbr88@mail.ru

Abstract. The article examines the state of land transportation network during one of the most challenging periods in our country's history – the period of the 1917 revolution and the civil war in the Far East. The authors analyze changes in the management system of the road construction industry and highlight the problems faced by the sector, particularly those related to the shortage of human, material and financial resources. The findings of the research indicate that, despite all the difficulties, it was possible to retain engineering and technical personnel, which became the key to future large-scale road construction in the region.

Keywords: dirt roads, Far East, engineers, technicians, road construction organizations, road maintenance

Ушедший в прошлое XIX в. подарил миру величайшее изобретение – автомобиль. Однако для того, чтобы автомобили перестали быть роскошью, недостаточно построить заводы, наладить на них конвейерное производство, еще нужно, чтобы существовала сеть дорог, пригодных для автомобильного движения. Это особенно важно для нашей страны, огромные просторы которой пугают и завораживают взор иностранцев, наполняя душу соотечественников гордостью за свою Родину. Однако одной гордости мало, необходимо, чтобы богатства нашей великой страны были достоянием её народа. Проникнуть во все «медвежьи углы», вовлечь жителей отдалённых районов в созидательное строительство возможно только при наличии развитой и разветвлённой сети автомобильных дорог. Но автомобилю доступно и большее – в настоящее время он серьёзный конкурент железной дороге даже в нашей стране, где она всегда доминировала в перевозках грузов и пассажиров. Всё это действительно так, но опять же при условии наличия соответствующих дорожных коммуникаций.

Революция Октября 1917 г. вызвала серьёзные изменения в структуре отраслевых управлений. Ломка не везде происходила сразу. Так, в высшем исполнительном органе власти Советской республики – Совете народных комиссаров – транспортного ведомства не было. В декрете «Об образовании рабочего и крестьянского правительства» содержалась оговорка о том, что «пост народного комиссара по делам железнодорожным временно остаётся незамещённым» [1: ст. 1]. Это объясняется тем, что ещё в период двоевластия (после Февральской 1917 г. революции) возникший центральный профсоюзный орган железнодорожников – Викжель, возглавляемый меньшевиками и эсера-

© Ковальчук М.А., Ковальчук А.М., 2025

ми, серьёзно претендовал на установление всей полноты руководства транспортной отраслью. Только в январе 1918 г. на Чрезвычайном Всероссийском съезде железнодорожников, когда было сменено руководство этого профсоюза и принято положение об управлении железными дорогами, из его состава была избрана коллегия народного комиссариата путей сообщения (НКПС).

20 (7) февраля СНК принял декрет «О пределах компетенции НКПС», в котором было определено, что организация всех перевозок в республике сосредоточивается в руках этого ведомства. Декрет носил общий характер, намечая основной принцип управления транспортной отраслью, включая дорожное строительство, – сосредоточить всё руководство в НКПС.

25 июля 1918 г. ВЦИК принял декрет «Об округах путей сообщения», определивший структуру управления транспортом на местах. Управление тогда строилось на принципах коллегиальности, поэтому высшими органами ОПС были съезды, куда посылались представители от управлений действующих и строящихся железных и шоссейных дорог, водных путей сообщения [1: ст. 607]. В июле того же года управление шоссейных дорог (Упшосс) при НКПС передаётся в ведение Главного комитета государственных сооружений (Главкомгоссоор) Всероссийского совета народного хозяйства (ВСНХ). Этому ведомству от НКВД были переданы дороги местного значения. В 1919 г. Упшосс ведал 48 дорожными организациями, в которых работало 27 тыс. человек.

В ноябре 1921 г. Главкомгоссоор был ликвидирован, а в начале следующего года Упшосс передали со всеми его организациями из ВСНХ в Центральное управление местного транспорта (ЦУМТ) НКПС. Управление объединяло автомобильный, гужевой, трамвайный транспорт, их ремонт, погрузоразгрузочные операции и хранение транзитных грузов, а также функции строительства и эксплуатации дорог [1: ст. 498, 322]. В августе 1922 г. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР дорожное хозяйство было разделено между двумя организациями: дороги общегосударственного и стратегического значения по особому списку оставлены в ведении ЦУМТа НКПС, а местными стали заниматься отделы коммунального хозяйства исполкомов под общим руководством Главного управления коммунального хозяйства НКВД РСФСР. Для руководства «безрельсовым» транспортом на местах создаются Окружные управления местного транспорта (ОМЕСы). К началу 1923 г. в РСФСР их было создано 14.

Как же в этот период развивалось дорожное хозяйство на Дальнем Востоке России?

После Февральской революции 1917 г. на Дальнем Востоке формируются земства, которые в регионе берут на себя функции, при царском режиме выполнявшиеся органами МВД и переселенческим ведомством, в том числе строительство и эксплуатацию переселенческих дорог. Во время недолгого установления власти Советов дорожного строительства не было. В 1918–1920 гг., несмотря на частую смену различного рода «белых» и «розовых» правителей под эгидой иностранных распорядителей, земства сохраняли своё влияние, так как им приходилось заниматься неотложными вопросами, включая сезонное дорожное строительство. В Приморской областной управе был даже дорожный отдел. В 1918 г. его возглавлял 35-летний, не имевший до этого опыта работы в дорожно-строительной отрасли, инженер-механик по специальности, бывший меньшевик А.А. Фогельман (1887–1937) [2: с. 325], с марта 1919 г. – инженер А.Н. Новиков [3: с. 25].

В статье Г. Орленко «Дорожное строительство в Приморье» приведены ценные сведения о работе переселенческого управления в те годы [4]. Так, он сообщал, что в 1917 г. в дорожных работах было задействовано по переселенческому ведомству 5 инженеров, 111 техников и десятников. Силами переселенческого управления велись практически все виды работ: изыскание, строительство новых дорог, переустройство и ремонт существующих. Всего на эти цели было израсходовано 633,8 тыс. руб. И это на фоне продолжающегося участия в мировой войне, бурных событий 1917 г. На следующий год переселенческое дорожное финансирование уменьшилось в три раза и сразу же число постоянных работников (инженеры, техники, десятники) сократилось почти в два раза – с 116 до 63 человек. Были прекращены изыскания новых дорог, ограничились обследованием существующих. В 1919–1920 гг. расходы на содержание постоянного штата ещё более уменьшились – с 19,4 тыс. до 5,9 тыс. руб., а на дорожные работы – до 17–18 тыс. руб. в год. В период ДВР и Временного Приамурского правительства (1921–1922) в штате остались инженер, 8 техников и десятников, расходы на которых упали с 4,6 тыс. до 3,9 тыс. (при возрастающей инфляции в Приморье). Производился только ремонт дорог – бесплатно, местным населением. В 1921 г. переселенческое ведомство смогло выделить 4,6 тыс. руб., а на следующий год – ни копейки.

При утверждении в Сибири с осени 1918 г. власти А. Колчака, при его Омском правительстве создаётся МПС, которому подчинялся Ленско-Забайкальский округ путей сообщения с Забайкальским дорожным отделением с центром в г. Чите. Восстанавливалось и Сибирское управление шоссейных дорог с центром в г. Благовещенске, включавшее Амурское дорожно-строительное управление (г. Благовещенск) и Хабаровский дорожный участок (г. Хабаровск) [5].

Относительное укрепление колчаковской власти породило в определённых кругах Дальнего Востока надежды на осуществление масштабного дорожного строительства, начатого в мировую войну на севере Дальнего Востока. В апреле – мае 1919-го в г. Чите прошло три заседания при начальнике Лено-Забайкальского округа путей сообщения, где обсуждались возможности строительства Аяно-Нельканского тракта. На них присутствовали: А.Н. Лагутин (начальник Управления речных и дорожных изысканий округа), инженер Н.А. Колосовский (начальник дорожного отдела округа), инженер Ф.А. Захаров, которого назначили производителем работ. Пришли к решению, что трасса пройдёт по направлению, проложенному изысканиями экспедиции 1912 г. Предполагалось выделить 2580 тыс. руб. Из них непосредственно на дорожные работы – 2094 тыс. руб., остальные – на устройство радиостанции в Аяне. В 1919 г. удалось освоить только 1916 тыс. руб. Предполагалось, что этих средств будет достаточно для постройки складов в Аяне и Нелькане, прокладки «тропы» между ними, устройства радиостанции. По всей трассе хотели протянуть телефонную линию.

В 1919 г. для строителей магистрали в Якутске Центрсоюз закупил 40 тыс. пудов продовольствия. В Аян было отправлено 40 рабочих-корейцев. Они занялись там обустройством базы для развёртывания строительства. В августе к ним присоединилась партия во главе с инженером Ф.А. Захаровым, в которую входило 8 техников и ещё 10 рабочих. Увеличить численность строителей-дорожников не представлялось возможным. Обнаружилось, что из-за дороговизны продовольствия и трудностей по его доставке выделенных сумм недостаточно. Уже в ноябре Ф.А. Захаров вернулся из п. Аян в г. Николаевск. Вероятно, ему удалось лишь начать подготовительные работы. Основная причина неудачи со строительством – поражение Белого движения.

В апреле 1920 г. была образована Дальневосточная республика (ДВР) с центром в г. Чите. Исполнительным органом республики был Совет министров, состоявший из 14 министерств, одним из которых было министерство транспорта. Его возглавил коммерсант по образованию, революционер по призванию и анархо-синдикалист по партийной принадлежности – будущий строитель Транссибирской магистрали В.С. Шатов (1887–1937) [6], которого 17 октября 1921 г. сменил член партии социалистов-революционеров А.Ф. Милеев (1867–1942, г. Ленинград) [7]. В составе минтранса было образовано Водно-шоссейное управление. Предполагалось, что его начальником станет П.П. Крынин – бывший городской голова г. Николаевска-на-Амуре. Однако это назначение не состоялось, так как он эмигрировал из г. Благовещенска в Китай. Возглавил Водно-шоссейное управление опытный инженер путей сообщения А.Н. Лагутин (г. Рыльск, 1880–?), возглавлявший до этого Лено-Байкальский округ путей сообщения [2: с. 321]. Приказом № 80 по МТ ДВР от 17 января 1921 г. при Управлении были созданы районные управления шоссейных и грунтовых дорог (рупшосы). В ведение Читинского рупшоса были переданы дороги Забайкальской области, Благовещенского рупшоса – Амурской области, Хабаровского – дороги Приморской, Сахалинской и Камчатской областей.

Временно исполнявшим обязанности начальника Хабаровского рупшоса в 1921 г. был известный до революции инженер путей сообщений, бывший действительный статский советник Г.К. Казанфаров (1864–1927) [8: с. 158], а его заместителем С.Н. Михайлов [7]. Последний также возглавлял техническую (строительную) службу Управления. Их месячный оклад исчислялся в золотых рублях. Первому причиталось 160, а второму – 150 руб. В состав Хабаровского рупшоса входили Хабаровский и Иманский дорожные участки. Хабаровский участок, возглавляемый А.Д. Араниным, обслуживал дороги Тунгусской, Князе-Волконской, Полетнинской, Киинской, Дормидонтовской и Вяземской волостей, перешедших к нему из ведения министерства земледелия ДВР. Кроме того, к этому участку перешло 142 версты от бывшего Сибшоса, «приказавшего долго жить» после ликвидации власти белых и установления власти ДВР в Приамурье. Иманский дорожный участок, возглавляемый И.П. Ранцевым, принял от министерства земледелия дороги Соровской, Ново-Покровской, Веденской, Ракитнинской и Лутковской волостей. В свою очередь, Хабаровский дорожный участок принял от Сибшоса две дорожные дистанции, конторы которых располагались в самом Хабаровске и в с. Верино. В составе Иманского дорожного участка – также унаследованные от Сибшосса три дистанции, из которых одна вплоть до октября 1922 г. находилась в зоне оккупации белых войск и интервентов. Всего же в составе Хабаровско-

го рупшоса предполагалось организовать, кроме упомянутых двух, ещё три участка – Ольгинский, Никольск-Уссурийский, Спасский. Однако это не осуществилось из-за политических событий начала 1920-х гг., пока территория юга Приморья входила в состав Временного Приамурского правительства.

Если в Приамурье и Приморье дорожные управленческие структуры были худо-бедно созданы, то управление дорогами Камчатки и Сахалина было чисто символическим. Обозначались намерения это сделать, но не более того. Всего в Хабаровском рупшосе было занято 83 штатных работника. Штат двух других рупшосов в пределах ДВР – Читинского и Амурского – был примерно таким же. С учетом огромной территории, подведомственной им, можно сказать, что этот штат был ничтожным и не соответствовал потребностям развития региона [9]. Об использовании труда заключенных в дорожном строительстве в Приамурье [10] и на Сахалине [11], как это было в царской России, не могло быть и речи.

О том, насколько эффективно работали эти дорожные органы ДВР, свидетельствует следующая оценка их деятельности в Амурской области: «*…В 1921 г. требовалось произвести работ по восстановлению дорог на сумму 6 272 810 р. 92 к., но ввиду неустойчивости денежных знаков и несвоевременных ассигнований данному управлению не пришлось принести реальной помощи делу дорожного строительства в губернии и работ по дорогам почти не производилось*» [12: с. 106]. Эта оценка справедлива не только применительно к Амурскому рупшосу, но и для других в ДВР. О развитии дорожного хозяйства в условиях Гражданской войны и интервенции говорить не приходится. Более того, имеющаяся в распоряжении дорожников специальная дорожная техника, закупленная в США, не использовалась и приходила в негодность [8: с. 79].

Тем не менее главное, что смогли сделать дорожные организации ДВР, – это сохранить дорожные структуры и существующие технические кадры, связанные с ними. Кадры, безусловно, являлись залогом будущего развития дорожной строительной отрасли региона в последующие годы. Несмотря на революционные изменения, происходившие в стране, важна была не их партийная принадлежность, а умение организовать работы по сохранению дорог, привлечь к ним местное население, кровно заинтересованное в этом.

Список источников

1. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ РСФСР). 1917–1921.

2. Сметанко В.Г., Ковальчук М.А., Цехмейстер Н.Ф. Автомобильные дороги России (1917–1960 гг.). Хабаровск : РИОТИП, 2007. 371 с.

3. Земская Жизнь Приморья : еженедельный журнал / Приморская областная земская управа. Владивосток : Изд. Примор. обл. земской управы. 1919. № 7. 34 с.

4. Орленко Г. Дорожное строительство в Приморье // Советское Приморье. 1926. № 10. С. 18–20.

5. Российский государственный архив экономики. Ф. 1884. Оп. 5. Д. 235. Л. 55.

6. Кудин В.А., Гутман М.Ю. Владимир Сергеевич Шатов – начальник милиции Петрограда, строитель Турксиба // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 4 (76). С. 13–21.

7. Бюллетень Министерства Транспорта Дальневосточной Республики. Чита : Министерство транспорта, 1922. № 1 (5).

8. Ковальчук М.А. Грунтовые дороги Дальнего Востока России (середина XVII–XX вв.). Хабаровск, 2005. 165 с.

9. Государственный архив Амурской области. Ф. Р-838. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–5.

10. Voronin I.K., Kovalchuk M.A. Carriage Labor on the Amur Wheel Road (Kolesukha): Historical and Legal Aspect // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS, Nizhny Novgorod (10–12 марта 2020 г.). Vol. 102. Nizhny Novgorod : European Publisher, 2021. P. 1050–1061. doi:10.15405/epsbs.2022.06.116

11. Ковальчук М.А. Использование подневольного труда в дорожном строительстве на острове Сахалин в конце XIX в. // Актуальные проблемы теории и истории государства и права : сборник научных трудов. Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2022. С. 100–105.

12. Два года советской власти в Амурской губернии: отчет Амурского губернского исполнительного комитета 2-му Губернскому съезду советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Благовещенск : Амурская правда, 1925. 291 с.

References

1. Collection of laws and regulations of the Workers' and Peasants' Government (SU RSFSR). 1917–1921. (In Russ.).

2. Smetanko V.G., Kovalchuk M.A., Tsekhmeister N.F. Highways of Russia (1917–1960). Khabarovsk: RIOTYPE Publishing House, 2007. 371 p. (In Russ.).

3. Zemstvo Life of Primorye: a weekly magazine / Primorsky Regional Zemstvo Council. Vladivostok : Publishing House. Primor. region of the zemstvo council. 1919. № 7. 34 p. (In Russ.).

4. Orlenko G. Road construction in Primorye // Soviet Primorye. 1926. No. 10. P. 18–20. (In Russ.).

5. Russian State Archive of Economics. F. 1884. OP. 5. D. 235. L. 55. (In Russ.).

6. Kudin V.A., Gutman M.Yu. Vladimir Sergeevich Shatov – chief of police of Petrograd, builder of Turksib // Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 4 (76). P. 13–21. (In Russ.).

7. Bulletin of the Ministry of Transport of the Far Eastern Republic. Chita : Ministry of Transport, 1922. № 1 (5). (In Russ.).

8. Kovalchuk M.A. Dirt roads of the Russian Far East (the middle of the XVII–XX centuries). Khabarovsk, 2005. 165 p. (In Russ.).
9. State Archive of the Amur region. F. R-838. OP. 1. D. 1. L. 1–5. (In Russ.).
10. Voronin I.K., Kovalchuk M.A. Carriage Labor on the Amur Wheel Road (Kolesukha): Historical and Legal Aspect // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS, Nizhny Novgorod (10–12 марта 2020 г.). Vol. 102. Nizhny Novgorod : European Publisher, 2021. P. 1050–1061. doi:10.15405/epsbs.2022.06.116.
11. Kovalchuk M.A. The use of forced labor in road construction on Sakhalin Island at the end of the 19th century // Actual problems of theory and history of the state and law: Collection of scientific papers. Khabarovsk : Izd-vo FESURT, 2022. P. 100–105. (In Russ.).
12. Two years of Soviet power in the Amur province: report of the Amur Provincial Executive Committee of the 2nd Provincial Congress of Soviets of Workers, Peasants and Red Army Deputies. Blagoveshchensk: Amurskaya Pravda, 1925. 291 p. (In Russ.).

Информация об авторах

М.А. Ковальчук – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права;
А.М. Ковальчук – кандидат культурологии, научный сотрудник.

Information about the authors

M.A. Kovalchuk is Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law;
A.M. Kovalchuk is Candidate of Cultural Sciences, Researcher.

Статья поступила в редакцию 31.03.2025; одобрена после рецензирования 11.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.
The article was submitted 31.03.2025; approved after reviewing 11.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2025. Т. XXII, Вып. 2. С. 224–228
The Humanities and Social Studies in the Far East. 2025. Vol. XXII, Is. 2. P. 224–228

Научная статья
УДК 616-082(571.6)
doi:10.31079/1992-2868-2025-22-2-224-228

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ СРЕДИ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕАМУРСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-Х ГОДОВ

Сергей Васильевич Бобышев[1], **Анна Валинуровна Ахметова**[2], **Михаил Александрович Ковальчук**[3], **Вадим Вадимович Наливайко**[4], **Шемс Сардар кызы Алиева**[5]
[1, 2, 3, 4, 5]Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия
[1]history@festu.khv.ru
[2]wyrds@rambler.ru
[3]ma_kov@bk.ru
[4]norna-zine@mail.ru
[5]shems.dzhalilova.02@mail.ru

Аннотация. На основе анализа впервые вводимых в научный оборот архивных данных в статье будет проведен анализ медицинского обслуживания среди коренного населения Нижнеамурской области в первой половине 1940-х гг. Материалы Муниципального архива Николаевского района стали основой для сравнительного анализа организации обеспечения здоровья среди коренного населения удаленных районов Нижнеамурской области. Были проанализированы природно-климатические условия жизни малочисленных этносов, имевшие большое влияние на особенности их заболеваемости. В сложный для страны период первой половины 1940-х гг., в условиях военных действий по всей стране, работа с малочисленными этносами в удаленных регионах не прекращалась. Особенно трудно данная проблема решалась на Дальнем Востоке из-за отсутствия путей сообщения. Ранее малоисследованная Нижне-Амурская область представляет целый комплекс информации по специфике организации здравоохранения в отдаленных районах, преимущественно национальных. Медицинское обслуживание районов проживания коренного населения осуществлялось сетью сельских врачебных участков, среди которых были три участка, которые обслуживали только коренные малочисленные народы.

Ключевые слова: Нижнеамурская область, коренные малочисленные народы, система здравоохранения, национальный район, эвенки

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01366, https://rscf.ru/project/23-28-01366/

Original article

PROBLEMS OF ORGANIZATION OF MEDICAL SERVICES AMONG THE INDIGENOUS POPULATION OF THE NIZHNEAMUR REGION IN THE FIRST HALF OF THE 1940S

Sergey V. Bobyshev[1], **Anna V. Akhmetova**[2], **Mikhail A. Kovalchuk**[3], **Vadim V. Nalivaiko**[4], **Shems S. Alieva**[5]
[1, 2, 3, 4, 5]Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia
[1]history@festu.khv.ru
[2]wyrds@rambler.ru
[3]ma_kov@bk.ru
[4]norna-zine@mail.ru
[5]shems.dzhalilova.02@mail.ru

Abstract. Based on the analysis of archival data, which are being introduced into scientific circulation for the first time, the article will analyze the medical care among the indigenous population of the Nizhneamur Region in the first half of the 1940s. The materials of the Municipal Archive of Nikolayevsky District served as the basis for a comparative analysis of organizing health care among the indigenous population of remote areas of the Nizhneamur Region. The authors analyzed the natural and climatic conditions of life of small-numbered ethnic groups, which had a great influence on the peculiarities of their morbidity. In the difficult period of the first half of the 1940s, in the conditions of warfare throughout the country, work with small-numbered ethnic groups in remote regions did not stop. This problem was particularly difficult to solve in the Far East due to the lack of communication routes. The previously little-studied

© Бобышев С.В., Ахметова А.В., Ковальчук М.А., Наливайко В.В., Алиева Ш.С., 2025

Nizhneamur region presents comprehensive information on the specifics of the organization of health care in remote areas, mostly inhabited by indigenous peoples. Medical services in the areas inhabited by the indigenous population were provided by a network of rural medical stations, among which there were three stations that served only indigenous peoples.

Keywords: Nizhneamur region, indigenous minorities, health care system, national district, Evenks

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-01366, https://rscf.ru/project/23-28-01366/

Нижнеамурская область (Нижне-Амурская) – это административно-территориальная единица в составе РСФСР, существовавшая в 1934–1956 гг. Центром области был город Николаевск-на-Амуре. После ликвидации в 1930 г. окружного деления в стране остро встал вопрос об организации административно-территориального устройства на удаленных территориях. В дальневосточном регионе эта ситуация осложнялась огромной территорией и отсутствием путей сообщения [1: с. 915].

Область была образована постановлением ВЦИК от 22 июля 1934 г. как административно-территориальная единица Дальневосточного края в составе Нижне-Амурского и Охотско-Эвенского национальных округов [2].

При разделении Дальневосточного края 20 октября 1938 г. на Приморский и Хабаровский края вошла в состав последнего [3: с. 9]. Нижнеамурская область ликвидирована 23 января 1956 г., а входящие в неё районы переданы непосредственно в состав Хабаровского края [4: с. 51].

По территории Нижнеамурская область была одной их крупнейших областей Советского Союза. Территория области была равна 549 600 км^2. Занимая побережье Охотского моря, Нижне-Амурская область располагалась с юго-запада на северо-восток. Огромное пространство, занимаемое на севере области тремя районами – Охотским, Аяно-Майским, Тугуро-Чумиканским – имеет резко выраженный северный, холодный климат, сильно отличающийся от климата других четырех районов, расположенных по низовью реки Амур и реки Амгунь: Ульчского, Тахтинского, имени Полины Осипенко и Нижне-Амурского районов, с более умеренным климатом, позволяющим заниматься сельским хозяйством [5: л. 24–25].

Общей чертой для территории области являлся ее гористый характер, труднопроходимая тайга, большие заболоченные пространства, затрудняющие сообщение с другими регионами и обусловливающие расселение главной массы жителей по прибрежной полосе Охотского моря и берегам рек Амур и Амгунь, а внутренние территории области были заселены сравнительно бедно.

Горный хребет Джур-Джур, проходящий вдоль побережья Охотского моря, делит территорию северных районов на две неравные половины: приморскую и захребетную – с совершенно разным климатом.

В захребетной части климат резко континентальный с очень морозной, безветренной зимой с температурой до -60 °С и жарким летом, позволяющим вызревать даже пшенице.

Приморская полоса характеризуется снежной, ветреной зимой с небольшим количеством морозных дней, и хотя морозы здесь больше -20 °С случаются редко, но частые пурги с огромными снежными заносами являются очень вредным климатическим фактором этой территории.

В такие периоды обеспечение населения топливом, водой и продуктами питания резко нарушается, а часто срывается совсем. Весна в этих районах – очень скверное время года. Сильные ветры и сплошные туманы, часто на много дней скрывающие солнце, обильные дожди – все это сильно отражается на состоянии здоровья жителей.

Повышенная влажность, частые колебания атмосферного давления тяжело переносятся сердечными больными, ревматиками, даже здоровыми людьми. В приморских районах плохо чувствуют себя и туберкулезные больные, процесс заболевания у них часто обостряется, ухудшается общее состояние и снижается работоспособность.

Отсутствие развитого сельского хозяйства, авитаминоз и климатические факторы ежегодно вызывают появление в приморской части большого количества заболеваний скорбутом (цинга. – *прим. авт*.). Климат Нижне-Амурского района схож с северными районами, так как близкое соседство с Татарским проливом и постоянные ветры сказываются на климате очень неблагоприятно.

Особенности развития Нижне-Амурской области: огромная территория, обособленность населенных пунктов, трудности сообщения и связи, а также суровый климат – все это стало серьезным препятствием для осуществления задач медицинского обслуживания и требовало от медработников большой настойчивости и энергии.

Особенно трудно было осуществлять их в тех районах и населенных пунктах, где преобладающим населением были коренные местные жители: эвенки, ульчи, нивхи, негидальцы и др., культурный уровень которых был еще сравнительно низким. Здесь необходимо было проводить меропри-

ятия применительно к особенностям образа жизни, быта и занятий национального населения.

В районах проживания коренного населения были созданы национальные сельсоветы. В конце 1930-х гг. их было 42: 16 эвенкийских, 9 ульчских, 7 нивхских, 6 эвенских, 4 негидальских [6: с. 67].

Согласно Всесоюзной переписи населения 1939 г., доля представителей коренных малочисленных народов в национальном составе области определялась как 8,5 %, по районам картина национальностей выглядела следующим образом: в Аяно-Майском районе эвенки составляли 27 %, в Нижне-Амурском нивхи – 7 %, в Охотском районе эвены – 13 %, в Тугуро-Чумиканском районе эвенки – 37 %, в Ульчском районе нанайцы – 6 % [7: л. 11].

Суровый, порой даже вредный климат поставил перед органами здравоохранения новые задачи: организацию в пределах области санитарно-курортного лечения и улучшение бытовых условий жителей региона.

До революции на территории Нижнеамурской области, по существу, не было даже зачатков системы здравоохранения. Среди населения были характерны частые эпидемии, тяжелые материально-бытовые условия нередко приводили к массовому вымиранию.

Медицинское обслуживание районов проживания коренного населения осуществлялось сетью сельских врачебных участков, всего в 1940-е гг. в области имелось 10 таких участков [5: с. 26]. Среди них были три участка, которые обслуживали только представителей коренных малочисленных народов.

Булавинский сельский врачебный участок Ульчского района обслуживал 10 населенных пунктов. Радиус обслуживания – 35 км. Населенные пункты небольшие и неблагоустроенные. Основная масса населения – ульчи. Главное занятие жителей – охота и рыболовство. В последние годы начало развиваться сельское хозяйство. На территории участка расположены рыбозавод Кади и консервный завод Дуди. Булавинская больница являлось самой неблагоустроенной в Ульчском районе. Она располагалась в простом бараке, в котором ранее помещалось общежитие лесорубов, здание не отвечало никаким техническим требованиям. В помещении не было соответствующего оборудования. Отопление осуществлялось железными печками. Больница не имела ни транспорта, ни подсобного хозяйства.

Заведовал участком врач Дубоносов А.П., окончивший Киевский мединститут в 1931 г. Поскоьку в таких условиях не было возможности организовать стационар, деятельность врача состояла в амбулаторно-разъездной работе. Основное лечение проводилось на дому [6: с. 42].

Кроме врача, штат больницы состоял из 1 акушерки (нанайки по национальности), 1 фельдшера и 2 санитарок. Врач Дубоносов и акушерка хорошо знали ульчский язык, что помогало при проведении лечебно-профилактических работ. Так, в 1944 г. было сделано 78 выездов, принято 414 больных, сделано 10 посещений больных, проведено 28 бесед на ульчском языке. При этом план работы булавинского стационара был выполнен только на 10 %, проведено 120 койкодней.

Положительным явлением стало проведение больничных родов ульчскими женщинами. Из 19 родов только трое родов были приняты на дому. Все 16 рожениц выписывались в хорошем состоянии. Смертности не было. Из заболеваний, имеющих распространение среди ульчей, характерны туберкулез, трахома и различные гнойно-воспалительные заболевания. В рамках санитарно-просветительской работы медики разъясняли ульчам необходимость соблюдения правил личной гигиены, гигиены жилища и т.д. Санитарная культура прививалась очень медленно. На участке не хватало медицинской литературы.

Ульчский райисполком (в лице председателя Гаврилова), Ульчский райздравотдел (в лице заведующей Назаровой) и облздравотдел не имели сведений о положении дел в булавинской больнице, а местные районные работники не придавали серьезного значения сельскому здравоохранению, особенно среди коренного населения [5: л. 24–25].

Нельканский сельский врачебный участок Аяно-Майского района по территории самый большой, радиус обслуживания составляет 300 км. Заведующей участком была Клячко Цилия Соломоновна, окончившая Хабаровский мединститут в 1943 г. Данный участок обслуживал эвенков. На его территории было 5 селений и 5 колхозов (смешанные северные артели). Эвенки – хорошие охотники и следопыты, большинство их взрослых мужчин – снайперы. Главное занятие – охота и оленеводство. Сельское хозяйство было в зачаточном состоянии. Климат на территории участка резко континентальный, летом температуры поднимались до +40 °С, а зимой падали до -40–60 °С. Это самая низкая температура зимой по области. Работа в таких условиях была затруднена, население было неграмотным, санитарная культура находилась на самом низком уровне. Еще недавно эвенки вели кочевой образ жизни, а у части колхозов и в 1940-е гг. преобладал полукочевой образ жизни. Этому способствовала профессия: 8 месяцев в году эвенки охотились, проходя по 1000 км по тайге. Вместе с охотниками кочевали женщины и подростки [5: л. 50].

Для оказания помощи заболевшим членам бригады иногда приходилось больше месяца пробираться на оленьих нартах по глухой тайге. Большинство жителей на территории Нельканского сельского участка только в начале 1940-х гг. начали селиться в деревянных домах. До этого они жили в юртах, и сейчас в летнее время бóльшая часть эвенков и якутов живут в палатках. При проведении санпросветработы среди эвенков приходилось давать конкретные указания, а не говорить о чистоте в целом. Например, в эвенкийских жилищах нет пола, на снег настилают еловые ветви, а на них шкуры оленей и медведей. На длительных стоянках в юртах накапливалось много мусора. Рекомендацией в данном случае была замена хвойной подстилки раз в неделю, а возле печки еще чаще. Санитарные требования эвенки выполняли охотно. Почти все эвенки курили начиная с 5–6 лет. Курящие постоянно сплевывали слюну, поэтому пол (хвойная подстилка) требовал еще и надлежащего ухода. Задачей медиков было разъяснение и убеждение курящих в пагубности этой привычки, особенно при таком большом наличии туберкулезных больных. Эвенки раньше не знали, что такое баня. Белье не меняли, а по мере износа новое надевали на старое. Благодаря работе бригады, они уже привыкли умываться утром и в течение дня иной раз моют руки. Стали также ходить в баню, но за всем этим нужно было внимательно следить, напоминать и закреплять новые привычки. До сих пор встречались пожилые люди, которые за свою жизнь ни разу не мылись в бане.

За 1944 г. в больнице было проведено всего 279 койкодней. Из 23 пациентов на стационаре умерло 7 человек, такой недопустимо большой процент не был озвучен во врачебных отчетах. Врач не работает с населением и не выезжает в колхозы, на что ей указывал Облздравотдел. Наиболее распространенными болезнями на участке являлись туберкулез легких, желез, кожи и костей. Последние 3–4 года было много случаев гонореи. С открытием золотого прииска «Курун-Урях» река Мая, на берегу которой было расположено село Нелькан, стала главным путем из Якутии на прииск, и проходящие партии золотоискателей принесли с собой гонорею, которая в 1944 г. приняла характер эпидемии в одном из селений Цапанде. Вся работа Нельканского врачебного участка по ликвидации эпидемии состояла в том, что было принято в амбулатории 3834 человек, обслужено 560 вызовов, стационарная помощь оказана 23 больным. При этом не было проведено ни одной профилактической беседы [6: с. 51].

Аимский сельский врачебный участок Аяно-Майского района, такой же огромный, как и Нельканский, является амбулаторным участком. Заведовал участком фельдшер Чеботюк В.П. Население исключительно коренное – эвенки и якуты. Медики выполняли сложную задачу организации санитарного порядка в домашнем быту коренного населения, общественных местах и на территории медицинского пункта. Фельдшер осуществлял поездки на расстояние в сотни километров для оказания медицинской помощи. Он проводил регулярную санпросветработу, профилактические беседы в амбулатории, на стоянках, пастбищах и в охотничьих бригадах. Всего за 1944 г. фельдшер провел 134 коллективные беседы. Результаты просветительской работы Чеботюка были очевидны: на территории поселка Аим было чисто, в домах сравнительный порядок, регулярно работала баня, в которой эвенки мылись раз в неделю. На участке не было кожных заболеваний, педикулеза. За 1944 г. фельдшер Чеботюк принял 2247 амбулаторных больных и обслужил 196 вызовов.

Общей проблемой всех сельских участков являлось отсутствие мягкого инвентаря, медицинской аппаратуры, лабораторий и рентгеновских аппаратов.

В сложный для страны период первой половины 1940-х гг., в условиях военных действий по всей стране, работа с малочисленными этносами в удаленных регионах не прекращалась. Особенно сложно данная проблема решалась на Дальнем Востоке из-за отсутствия путей сообщения.

Ранее малоисследованная Нижне-Амурская область дает целый комплекс информации по специфике организации здравоохранения в отдаленных районах, преимущественно национальных.

Взятые для анализа районы Нижне-Амурской области представляют собой полностью национальные территории с проживающим коренным населением. Специфика организации медицинского обслуживания в них нередко зависела от личностных характеристик медицинского персонала и от общей организации власти в конкретном районе.

Список источников

1. Ахметова А.В., Ковальчук М.А., Бобышев С.В. Особенности подготовки национальных интеллектуальных кадров в Николаевском-на-Амуре техникуме народов Севера в 1930-е гг. // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 913–929.

2. Постановление Президиума ВЦИК «О новом административном делении Дальневосточного края» // Тихоокеанская звезда. 26 июля 1934 г.

3. СССР. Административно-территориальное деление союзных республик. Москва : Власть советов, 1938.

4. Об упразднении Нижне-Амурской области Хабаровского края : указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 января 1956 года // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / под ред. Ю.И. Мандельштам. Москва : Государственное издательство юридической литературы, 1956.

5. Николаевский муниципальный архив. Ф. 263. Оп. 1. Д. 39. Л. 24–25.

6. Крючков Е.В. Нижне-Амурская область. Социально-экономический очерк. Хабаровск : Дальгиз, 1940.

7. Российский государственный архив экономики Российской Федерации. Ф. 1562. Оп. 336. Ед. хр. 966–1001 (Разработочная таблица Ф. 15А. Национальный состав населения по СССР, республикам, областям, районам).

References

1. Akhmetova A.V., Kovalchuk M.A., Bobyshev S.V. Ahmetova A.V., Koval'chuk M.A., Bobyshev S.V. Osobennosti podgotovki nacional'nyh intellektual'nyh kadrov v Nikolaevskom-na-Amure tehnikume narodov Severa v 1930-e gg. [Features of the training of national intellectual personnel at the Nikolaevsky-on-Amur Technical College of the peoples of the North in the 1930s] // Vestnik arhivista [Archivist's Bulletin]. 2024. No. 3. P. 913–929. (In Russ.).

2. Postanovlenie Prezidiuma VCIK «O novom administrativnom delenii Dal'nevostochnogo kraja» [Resolution of the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee "On the new administrative division of the Far Eastern Territory"] // Tihookeanskaja zvezda [Pacific Star]. July 26, 1934. (In Russ.).

3. SSSR. Administrativno-territorial'noe delenie sojuznyh respublik [The USSR. Administrative-territorial division of the Union republics]. Moscow : The Power of the Soviets, 1938. (In Russ.).

4. Ob uprazdnenii Nizhne-Amurskoj oblasti Habarovskogo kraja : Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 23 janvarja 1956 goda [On the abolition of the Nizhny Amur region of the Khabarovsk Territory : Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated January 23, 1956] // Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR. 1938 g. – ijul' 1956 g. [Collection of laws of the USSR and decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. 1938 – July 1956] / Edited by Yu.I. Mandelstam. Moscow : State Publishing House of Legal Literature, 1956. (In Russ.).

5. Nikolaevskij Municipal Archive. F. 263. Op. 1. D. 39. L. 24–25. (In Russ.).

6. Kryuchkov E.V. Nizhny Amur region. Socio-economic essay. Khabarovsk : Dalgiz Publ., 1940. (In Russ.).

7. Russian State Archive of Economics of the Russian Federation. F. 1562. Op. 336. Ed. chr. 966–1001 (Development table F. 15A. National composition of the population by USSR, republics, regions, districts). (In Russ.).

Информация об авторах

С.В. Бобышев – доктор исторических наук, профессор;
А.В. Ахметова – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник;
М.А. Ковальчук – доктор исторических наук, профессор;
В.В. Наливайко – сотрудник;
Ш.С. Алиева – студентка.

Information about the authors

S.V. Bobyshev is Doctor of Historical Sciences, Professor;
A.V. Akhmetova is Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher;
M.A. Kovalchuk is Doctor of Historical Sciences, Professor;
V.V. Nalivaiko is employee;
Sh.S. Aliyeva is a student.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests

Статья поступила в редакцию 09.04.2025; одобрена после рецензирования 28.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.
The article was submitted 09.04.2025; approved after reviewing 28.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2025. Т. XXII, Вып. 2. С. 229–240
The Humanities and Social Studies in the Far East. 2025. Vol. XXII, Is. 2. P. 229–240

Научная статья
УДК 316.772
doi:10.31079/1992-2868-2025-22-2-229-240

ЯПОНСКИЙ ПУТЬ ЦВЕТКА (КАДО)

Сергей Михайлович Марков[1]✉, **Виталина Викторовна Шумилова**[2]
[1, 2]Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, Хабаровск, Россия,
[1] Ser_Mark@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-3634-154X
[2]vi20sh07@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется символика цветов в синтоизме и японской культуре; в традиционной японской поэзии (хокку) и современной театральной практике (кабуки). Прослеживается эволюция и трансформация восприятия цветов, таких как сакура, бамбук и хризантема: от древних ритуалов и мифологических представлений до современного использования в искусстве и этнокультурной идентификации. Особое внимание уделяется роли хризантемы как символа государственной власти и национальной культуры как внутри страны, так и за пределами Японии. В настоящее время она продолжает оставаться государственным символом, отражая глубокие культурные и исторические корни страны. Восприятие и использование цветов в Японии отражает как преемственность традиционных ценностей, так и адаптацию их к культуре XXI в. в культурной дипломатии.

Ключевые слова: Япония, идентичность, цвет, кабуки, ханамити, кумадори, кадо, хризантема

Original article

THE JAPANESE WAY OF THE FLOWER (KADO)

Sergey M. Markov[1]✉, **Vitalina V. Shumilova**[2]
[1, 2]The Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Khabarovsk, Russia
[1] Ser_Mark@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-3634-154X
[2]vi20sh07@gmail.com

Abstract. The article examines the symbolism of flowers in Shintoism and Japanese culture, particularly in traditional Japanese poetry (hokku) and modern theatrical practice (kabuki). It traces the evolution and transformation of the perception of flowers such as cherry blossoms, bamboo and chrysanthemum from ancient rituals and mythological representations to modern use in art and ethnocultural identification. Special attention is paid to the role of the chrysanthemum as a symbol of state power and national culture both within Japan and outside the country. Today, it continues to be a national symbol, reflecting the deep cultural and historical roots of the country. The perception and use of colors in Japan reflects both the continuity of traditional values and their adaptation to the culture of the 21st century in cultural diplomacy.

Keywords: Japan, identity, color, kabuki, hanamichi, kumadori, kado, chrysanthemum

Вопрос о том, какие символы лежат в основе цветочной символики в Японии, остаётся открытым и может быть предметом дискуссии среди исследователей. Некоторые считают, что цветочная символика в Японии основана на древних традициях синтоизма, в то время как другие отмечают в ней проявление буддизма, в частности дзэн-буддизма, либо конфуцианства. Сложно сразу разрешить данную культурологическую дилемму, но ясно, что ответ следует искать в этническом восприятии мира и древней национальной культуре миропонимания.

В древней культуре Японии цвета характеризовали социальный статус и роль человека в общественных отношениях. Цвет и его семиотика восприятия уходят корнями в древнюю религию – *синто*, принципы которой объясняют традиционные верования японцев, в том числе их отношение к цветам, а через цветы к национальной, а также социальной, идентификации. Так, в XVIII–XIX вв. сёгуны (чиновники-самураи) строго следили, чтобы их подданные, согласно своим сословиям, строго соблюдали цвет своей одежды.

Что касается цветка, то в современном японском доме, а в чайном домике обязательно, имеется своеобразный алтарь (токонома), в нише которого располагается какой-либо свиток с каллигра-

© Марков С.М., Шумилова В.В., 2025

фически написанным буддистским афоризмом и икебана (букет цветов). Токонома для японцев – это все равно что для православных окно в запредельный мир предков и традиций.

Цвет, цветы, кабуки и семиотика цветов в национальной идентичности

Цвет и его семиотика по-прежнему выполняют ключевую роль в этнической идентификации. В современном японском мировоззрении есть даже своеобразный кодекс описания и восприятия цветов как в искусстве, обыденной жизни, так и стандартизации цветов в промышленных технологиях Japan Industrial standards on color measurement [1]. Или другой стандарт цветов: «The Standardization of Graphic Technology / Printing Color Standards for Offset Printing / ISO/Japan Color Series». Этот японский «цветовой» ГОСТ (стандарт) иллюстрирует смешанный вариант корпоративной и национальной идентичности, что, в принципе, характерно для всей японской как древней, так и современной культуры. Цветовые гаммы кимоно тоже строго, почти как по декрету, отличаются по месяцам, да и по статусу их хозяев [2: с. 61].

В Японии есть особая «книга» ханакотоба (яп. 花言葉) – словарь цветов и растений, своеобразная энциклопедия цветов и их смыслов (два первых иероглифа обозначают «словарь цветов»). На английском языке для других стран её именуют «Ultimate Guide to Hanakotoba: The Japanese Language of Flowers», или путеводитель в японский язык цветов. В ней все цветы имеют свою символическую значимость. Букеты цветов, икебаны, хризантемы, цвет кимоно и поздравительные открытки выбирают с учётом этих рекомендаций. Если составить краткий словарь восприятия японских цветов, то получится такая цветовая картина. Белый цвет (сирой) – духовная и физическая чистота, а в императорской символике означает государственную власть, красный (акай) – ассоциируется со священным символом солнца Аматэрасу, а в синтоизме – с миром и процветанием семьи.

Специалисты по Японии считают, что самые древние для сёгунов и самураев цвета – красный, синий либо синевато-зелёный, чёрный и белый. Кстати, все они отражаются в высшей награде современной Японии – ордене Хризантемы (киккасё). Чёрный (курой) – мужской цвет и символ самурайской чести, красный (акай) – власть и процветание, синий (ао) – символ небытия и простолюдинов, золотой (ки) – символ солнца, божественной власти и милосердия, фиолетовый (мурасаки) – цвет воинов и благородства. Хотелось бы особо отметить, что в связи с особенностями исторического развития у японцев сложилось своё понимание цветов, отличное от восприятия цветов другими народами. Так, если для нас с вами зелёный свет светофора означает свободный путь, то японцы этот же цвет воспринимают как синий.

У синтоистских монахов чёрный головной убор символизировал просвещение, а современная токийская башня – красно-белого цвета, так как это символы государственного флага Страны восходящего солнца, обозначающие союз государства и народа, как бы своеобразный общественный договор по-японски. Если обратиться к семиотике, то в современном японском языке большинство названий цветов образуются при помощи слова *иро* («цвет»). Лишь четыре цвета без приставки «иро»: акай, аой (одновременно синий, голубой и зелёный), курой, сирой.

Если говорить об отношении японцев к цветам и их роли в национальном самосознании, то следует кратко остановиться на театре кабуки хотя бы потому, что он в начале революции Мэйдзи (1868–1912) принял на себя авангардистскую роль перемен в духовной культуре страны, оказавшую влияние на японское общество. Кабуки, пожалуй, можно сравнить с исключительно японской философией садово-паркового мировоззрения, где цвет и цветы выполняют фундирующую функцию национального самосознания в миниатюре. В театре кабуки как бы в сценической миниатюре отражаются история (традиция) и современные новаторские идеи, примерно как в картинах изменчивого мира укиё-э Хокусая.

В 1928 г. японский театр впервые гастролировал за пределами страны, представив свои постановки в Москве и Ленинграде. Вскользь заметим, что во времена НЭПа в Советской России и рождения национального духа в Японии в культурных элитах наших стран ощущалась атмосфера взаимного интереса. Так, Хаттори Сандзи (1908–1937), прекрасно знавший русский язык, работал помощником режиссера С.Э. Радлова в Ленинграде, Хидзиката Ёси в своем Малом новаторском театре Цукидзи ставил пьесы по А.П. Чехову и М. Горькому, затем сотрудничал в Москве с Мейерхольдом (1933–1937). Рёкити Сугимото перевел на японский язык «Как закалялась сталь». Вс. Мейерхольд и С. Эйзенштейн внимательно следили за развитием японского театра, отмечая его новаторские элементы. Руководителя театральной труппы, приехавшей на гастроли в Москву и Ленинград, Итикаву Садандзи II (1880–1940), именовали «японским Станиславским». До первых гастролей кабуки ранее в России выступали с танцами японские гейши Сада Якко (1902) и Ханако (1909).

Кабуки как театральный жанр появляется в начале эпохи Эдо (1603–1868). Его основоположницей считается танцовщица синтоистского храма Идзумо Тайся Окуни, но впоследствии он превращается в театр исключительно с «мужскими актёрами». Монахи этого храма впервые придумали способ зарабатывания денег танцами и сценами на городских улицах. В период Мэйдзи кабуки превращается в национальный японский театр [3]. В конце XIX в. появились новые сцены кабуки: Синтоми-дза и Кабуки-дза. Последний стал именоваться национальным театром компании Мацутакэ, в котором стали сочетаться как древние, так и новые европейские театральные традиции.

Слово «кабуки» включает три иероглифа 歌舞伎, или по частям: 歌 *ка* – песня, 舞 *бу* – танец, 伎 *ки* – искусство, мастерство (букв. «песня, танец, мастерство», «искусное пение и танцы»). Если в иероглифе 妓 немного изменить левую часть, получится «театр поющих и танцующих гейш». Вот такая интересная метаморфоза, впрочем, имеющая вполне реальный социальный контекст. Но нас интересует в кабуки цвет и грим, или кумадори.

В японском кабуки красный цвет символизирует справедливость, доблесть, храбрость (например, герой Сибараку), синий – зло и злодеяния, в зависимости от узоров (Кицунэ, Генкуро), коричневый – сверхъестественный демонический дух (демон Цучигумо или земляной паук). Злодеи часто изображаются с черной бородой и синими бровями-орнаментами. Существуют сложные техники нанесения макияжа в кабуки, именуемой *кумадори*, знание которой позволяет проникнуть в тайны древней японской театральной пьесы, особенно понять суть танцев и песен. В кумадори используются всего четыре цвета (красный, черный, коричневый, синий).

Сцена театра кабуки представляет собой образ цветка, расцветающего во всех своих гаммах во время спектакля. Более точное её название – *ханамити*, или «путь театра». В XXI в. кабуки стал вновь популярным зрелищем, а кумадори с удовольствием используют подростки в молодежной субкультуре для обозначения своей идентичности. Так, кумадори использует разноцветная токийская молодёжь, демонстрируя свое искусство обычно в квартале Харадзюку в районе Сибуя. Более того, появившись в эпоху Эдо, кабуки сегодня превратился в особенность государственной политики как внутри страны, так и за её границами.

Во время гастролей японского театра в СССР, прежде всего Дао ханамити, высоко оценили Сергей Эйзенштейн, Константин Станиславский, Вс. Мейерхольд, Анна Ахматова, С.Э. Радлов, А.В. Луначарский, востоковед Н.И. Конрад и др. Более того, советская пресса и журналы посвящали ему хвалебные отзывы [4]. Эйзенштейн, например, использовал в своей концепции, как пишет В.В. Хомченкова, его цветовую идею и сочетание зрительного и звукового образов в кино, однако выступая против буквального использования японской «условности» изменчивого мира в кино [5: с. 386]. По крайней мере, три статьи о кабуки были опубликованы в хабаровской «Тихоокеанской звезде», одна в приморской газете «Красное знамя» (июль–сентябрь 1928). Но выступления труппы на Дальнем Востоке не состоялось. Жители Владивостока смогли познакомиться со спектаклем кабуки «Журавль и черепаха» в гербовых национальных костюмах лишь в 2018 г. на сцене Приморской филармонии, но уже под руководством Итикава Сандзи IV, а не второго. Японский театр показал всего 16 спектаклей в Москве и Ленинграде: в Московском художественном театре и в Большом, в Ленинграде в Малом оперном театре. Второй раз кабуки гастролировал в Советском Союзе в эпоху «оттепели» 1961 г. В 2008 г. кабуки был официально признан ЮНЕСКО нематериальным культурным достоянием человечества. Но начинался этот путь ханамити/кумадори к всемирному признанию в гостинице «Золотой Рог» Владивостока.

Пресса и советские театралы по-разному оценили кабуки. Одни видели в нем древние японские традиции, даже народность, другие – отмечали новаторские идеи. Вот что написал о театре А.В. Луначарский: «Кабуки вызывает по отношению к себе в самой Японии различные суждения… Мы не сомневаемся, что театр Кабуки с его многовековыми традициями представляет собой огромный культурный интерес не зависимо от того, должны ли эти традиции доминировать в театре Японии или отойти на задний план и сохраниться как высокохудожественный исторический памятник» [6]. «Всё искусство Кабуки, – пишет в специальной брошюре перед гастролями востоковед Н.И. Конрад, – зиждется на одном основании – на актерском мастерстве. Всё остальное – пьеса, вещественное оформление, постановка – на втором плане» [7: с. 19]. Дальнейший опыт показал, что во второй половине XX в. кабуки сделался своеобразной национальной культурной идеологией, примерно так, как у китайцев институт Конфуция.

Следует отметить, что кумадори как особый способ гримирования и нанесения на лицо масок делится на множество разновидностей, таких как ханкума, нихонкума, дзарэкума, судзикума и др.

Если кратко, кумадори – техника нанесения разных цветов на лице актёров театра, ханамити (в общем смысле) – путь кабуки в национальной идентичности японцев как внутри страны, так и в мире.

Кумадори – национальный стиль, определяющий цветовую палитру культурной дипломатии послевоенной истории и в век цифровой цивилизации. После Второй мировой войны японцам требовалось каким-то образом показать свой отказ от милитаристского (имперского) прошлого. С этой целью примерно с 60-х гг. прошлого столетия японская дипломатия начала демонстрировать за рубежом своё миролюбивое искусство, ориентируясь на пересечение древних традиций и европейских ценностей, как бы показывая мировому сообществу новый тип своей этнической идентичности через кабуки, икебану, чайную церемонию, сад камней, любование цветением сакуры и бамбука, национальный символ хризантему, культовые гравюры Фудзи художника Хокусая, и, разумеется, хокку (хайку). Везде в этих культах мы замечаем ханамити («путь театра») и кадо («путь цветка»).

В 60-е гг. начинается обмен студентами, в первую очередь с США, а в Китае открываются японские школы (ханамити в дипломатии). Японские ученые и преподаватели стажируются за границей, но возвращаются обратно. Появляются японские писатели, лауреаты Нобелевских премий: Ясунари Кавабата (1968), Кэндзабуро Оэ (1994), Кадзуо Исигуро (2017). Пик культурной дипломатии традиционных ценностей, в том числе если судить по её капиталовложениям, пришелся на 80-е гг., особенно отметившись реформой кокусаика 1984 г. Ясухиро Накасонэ [8: с. 111–112]. Как считает в проведенном социологическом исследовании дипломат, японовед и политолог А. Зикас (Aurelijus Zykas), «Это был период, когда среди западных и юго-восточно-азиатских обществ, несмотря на имеющиеся между ними государственные противоречия, Япония, наконец, создала свой особый положительный культурный имидж как страна с богатыми национальными миролюбивыми традициями» [8: с. 112]. Пожалуй, самым последним актом культурной дипломатии является популяризации Харуки Мураками, неоднократно выдвигавшегося на Нобелевскую премию по литературе. Японцы начинаются пропагандировать везде сакуру, икебану и садово-парковое мировоззрение. Но предыстория второго культурного похода началась вновь с гастролей кабуки в СССР 1961 г.

Исходя из древних традиций синтоизма и дзэн-буддизма, японскую культуру можно определить как садово-парковую, в которой явно выделяется поклонение природе и её отдельным элементам, в частности цветам, растениям и всегда – Фудзи. Цветок (кадо) – неотъемлемая часть повседневной жизни японца; образы цветов сопровождают его повсюду от рождения до смерти. Цветок, цветение, цвет, их созерцание как бы превращаются в элементы современной японской идеологии [9]. Его образ сопровождает японца начиная с повседневного быта и заканчивая сложными философскими концепциями и литературными произведениями. Как заметил японский поэт Басё, «Коль скоро ты видишь, то не можешь не видеть цветы… <…> Когда нет цветов в твоих мыслях, ты подобен дикому зверю» [10: с. 59]. В японской культуре цветок почти всегда олицетворял живое начало природы, а сам момент цветения символизирует особую духовную практику познания парамиты (истины бытия). Так, сакура обозначает доброту и вежливость, ромашки – веру и честность, ирис – хорошие новости, клевер – удачу (является символом удачи не только в Японии, но практически во всех западных странах), незабудка – истинную любовь [11: с. 47–48]. Таким образом, не только цвет, но цветок (ханамити, ханакотоба, кадо) имеет свое метафорическое значение и ассоциируется с какими-либо впечатлениями или жизненной ситуацией, а то и вобще имеет глубокий сакральный смысл.

Как отмечает дальневосточный востоковед-японист А.Ф. Прасол, более двадцати лет проработавший профессором Ниигатского университета, японцы не умеют мыслить абстрактными категориями, но с простыми понятиями обращаются превосходно: «Там где нужно доступно и понятно объяснить… цель и смысл каждой отдельной операции, японцам нет равных» [12: с. 74]. Мышление японцев представляет собой миниатюризацию всего, что есть в природе [12: с. 57–58]. Яркий пример – японский язык и его выражение в поэзии танка и хайку, а также в особых стилях *катаката* (для иностранных слов) и *хирагата* (для национальных слов), оказавших влияние на мировосприятие. Как отмечает японский философ-востоковед, буддолог Х. Накамура, мышление японцев конкретное, но не абстрактное, оно не любит абстрактных терминов и понятий. «Умозаключения японцев выражаются <…> через единичные факты и явления и не содержат обобщающих логических выводов…» [13: с. 191]. Миниатюризация окружающей среды – феномен этнокультурной идентичности японцев, что ярко отражается в кабуки, икебане, чайном домике, хризантеме.

Особую культурную ценность как внутри страны, так и за её пределами приобрела сакура, древний символ самураев. Сакура – это собирательное наз-

вание целого семейства растений, основным представителем которого является японская вишня из семейства сливовых. В качестве примера можно привести токийский парк Синдзюку-гёэн, буквально «Императорский сад Синдзюку», или ботанический парк, в котором собрана целая коллекция из 75 разных видов сакуры. Они все по очереди цветут в начале весны. Если во время её цветения стоишь рядом, то кажется, что находишься внутри волшебного облака разной окраски: от чисто белого до ярко-розового.

Интересно заметить, что японцы включают в созерцание одновременно традиции и игровое их восприятие, что было отмечено С.М. Марковым и А.К. Гладких на примере метаморфоз китайской иероглифики, изначально заимствованной в Китае: «Графемы могут выступать в качестве самостоятельных иероглифов, а другие могут составлять иероглиф только в сочетании с другими чертами и графемами» [14: с. 319–320], а в японском варианте происходит примерно так. Sakura (яп. 桜) – сакура это «вишня в цвету». Saku (яп. 咲) означает цветение, а, например, sakura-fubuki означает «снежную бурю из лепестков сакуры», hana-no-ami (яп. 花の雨) – «цветочный дождь» и т.д. В частности, метаморфозы получаются при сочетании кандзи и катаканы. Здесь надо вникнуть в национальную игру японских иероглифов, впрочем, как и китайских, на основе которой складываются многие японские поговорки и сюжеты. Так, «Хадзакура» – в наши дни спектакль в Саппоро по мотивам пьесы Кунио и вишня в последний день цветения.

Сложно однозначно ответить на вопрос о том, являются ли «созерцательные» практики в современной Японии в буквальном смысле религией либо религиозным опытом в европейском понимании. Возможно, здесь на самом деле больше «игры» и культурной дипломатии, чем религии. Так, доктор наук, профессор кафедры востоковедения Кембриджского университета Дэвид Льюис (David Lewis) в своей книге «Религия в повседневной жизни японцев» справедливо заметил, что для японцев синтоизм и дзэн-буддизм, иногда с элементами христианства, например, новогодними, скорее напоминают дань уважения традициям, но переработанным на современный манер, чем религию как таковую [15: с. 46]. Российский востоковед А.Ф. Прасол резюмирует: «…отношение к религии в целом довольно лёгкое и необременительное» и, как правило, ограничивается посещением могил предков и приобретением в храмах амулетов, довольно редким участием в богослужениях [16: с. 158].

В японской культуре есть традиция «ханами» (яп. 花見) – «любования цветами», берущая своё начало в период Хэйан (794–1185), что в переводе означает мир и процветание. Легенды гласят, во времена императора Сага в Киото зародился ритуал в японских дворцах проводить свободное время, созерцая цветущие сливы и вишни. В современном мире ханами – это масштабные фестивали, известные на весь мир [17: с. 46], и метод культурной дипломатии.

Кроме сакуры, интересен бамбук. Связками веток сосны и бамбука украшают вход в жилище перед Новым годом, привлекая в дом удачу и счастье, а маленькие горшочки с этим вечнозеленым растением на столиках в кафе и ресторанах призваны обеспечить финансовое процветание. Бамбук символизирует конфуцианский принцип сыновней почтительности, а в дзэн-буддизме олицетворяет мужскую волю и несгибаемость. Бамбук, или такэ по-японски, символизирует вечную молодость, твердость, честность.

Традиция «ханами» адаптировалась под современную культурную дипломатию как внутри страны, так и за рубежом. Вот что считает ранее упомянутый профессор Дэвид Льюис. Японцы легко начали принимать инновации, но они их переделывают на японский лад и манер, даже иероглифы специальные им придумывают. Японцы воспринимают новые идеи как «чужие» инновации, но только если их возможно адаптировать через свои традиции (культуру), затем их используют в культурной дипломатии за рубежом. Не все инновации глубоко проникают в их культуру. Часто новые ценности «они принимают как коренные народы Сибири православные иконы, но при этом через иконы продолжают молиться своим традиционным богам» [18: с. 144]. Другими словами, в ханами мы видим как традиции, так и новые культурные ценности, пропагандируемые во многих странах мира. Религия же японцев больше напоминает суеверие, чем веру и вероисповедание, где «особое внимание уделяется безопасности и защите, которая проявляется во многих различных аспектах японской культуры – как религиозной, так и нерелигиозной» [18: с. 146].

Цветовую семиотику, или язык цветов, японцы используют в государственной политике. Так, 15 февраля 2025 г. в честь 60-летия установления дипломатических отношений с Южной Кореей токийская башня осветилась в трехцветный корейский флаг – красный, синий и белый, хотя, ради исторической справедливости следует заметить, что Япония и Южная Корея официально закрепили свои дипломатии 22 июня 1965 г., а не в февральские дни. А в честь китайского Нового года башня окрасилась в красный китайский флаг.

Цветовую семиотику, или ханакотоба (язык цветов), японцы в послевоенное время закрепили в идеологии культурной дипломатии с тем, чтобы продемонстрировать в первую очередь в странах Тихоокеанского региона свою миролюбивую политику и культурно-этническое процветание. В своем исследовании мы акцентируем внимание на традиционном искусстве Японии, а не на популярной культуре (манга, аниме, литература, мода и пр.). Поэтому нам интересны культурные обмены лишь в традиционной культуре. Как считает дипломат-японовед А. Зикас, цели японской дипломатии были вполне прагматические: «…создание благоприятных условий для японских компаний в проведении международной экспансии. Считалось, что культурная дипломатия уменьшит трения с иностранными компаниями и странами Юго-Восточной Азии» [8: с. 110].

В этом контексте японцы усвоили философию «мягкой силы» (англ. soft power), или культурную дипломатию профессора-международника Гарвардского университета Джозефа Ная, разработанную в 80–90-е гг. XX в., окончательно утвердившуюся в 90-е гг. [19]. В этой концепции приоритет отдавался культурной, в том числе спортивной, привлекательности государства-субъекта (актора) международных отношений, а также «гибкому», затем «умному» (smart power) взаимодействию жестких и мягких инструментов в международных отношениях [20: с. 61–62]. Этот процесс отразился в японском термине «бунка корю» (яп. 文化交流) или «культурный диалог», либо «культурное сотрудничество и обмен», либо «культурное взаимодействие» и прочие значения. Иными словами, иероглифы 文化 в сочетании 交流 обозначают приблизительно «культурный обмен (дипломатию) через пересечение разных культур».

Другими словами, дипломаты закрепили в международной практике те древние традиции, которые и так ранее выполняли свою позитивную роль в пропаганде культурного имиджа какой-либо страны-субъекта (актора). Япония же, начиная с эпохи Мэйдзи, всегда стремилась утвердиться как древняя цивилизация. Её активизация особенно стала заметной после её вступления в ЮНЕСКО в 1951 г., а в 60-е гг. начинается японский путь цветка (кадо) в этнокультурной идентичности на международной арене.

В 2000-е гг. культурная дипломатия продолжилась и продолжается, скорее всего, уже по инерции достигнутых результатов 80-х гг. «Растущая популярность традиционных аспектов японской культуры полностью объясняется запоздалым эффектом публичной дипломатии 1980-х гг., что в коммуникационных практиках довольно часто происходит в качестве эффекта воздействия по инерции» [8: с. 113]. С 2003 г. культурная дипломатия превращается в приоритетную программу во внешней (публичной) дипломатии, что было отмечено многими официальными документами правительства и методическими указаниями эпохи премьер-министра Коидзуми (2001–2006) и Синдзо Абэ (2006–2020). Культурная дипломатия стала восприниматься, во-первых, как концепция «мягкой силы» в международной политике, во-вторых, в качестве особой японской национальной идентичности в других странах, в-третьих, японцы начали вкладываться в международную пропаганду своей массовой культуры (манга, анимэ, кимоно, садово-парковое искусство, ханакотоба и пр.) вплоть до выделения культурных грантов от МИДа Японии другим странам.

В современной японской культуре цветы и растения занимают смысловое значение, показывающее глубокую связь народа с природой и земледелием. Это внимание к близкой окружающей среде подчеркивает уникальность японского мировосприятия, в котором гармония с природой и уважение к её жизненным формам становятся мировоззренческими ценностями. С другой стороны, поклонение и почитание цветов («путь кадо») в современном мире, часто целенаправленно, выступают доминантами в национальной идентификации японцев, которая показывает ценности мира и процветания.

Хризантема (кикумон) в государственной символике Японии и национальной идентичности

Верно заметил В.Г. Белинский: «У каждого народа две философии: одна учёная, книжная торжественная и праздная, другая – ежедневная, домашняя, обиходная… Тайна национальности каждого народа заключается не в его одежде и кухне, а в его, так сказать, манере понимать вещи» [21: с. 433]. Итак, какие народные традиции мы обнаруживаем в цветочной символике?

Суть дела в том, что сегодня мы оцениваем японские духовные практики как искусство, отличающееся своей уникальностью, но до периода Нового времени, эпохи так называемого открытия страны, японцы не были знакомы с термином «искусство» в европейском его понимании. Книжный смысл искусства им был неизвестен, лишь в эпоху Мэйдзи появился термин *гэйдзюцу* для обозначения искусства.

Если говорить о книжной культуре, то следует упомянуть японский «Путь», в европейской трактовке «Дао», заимствованный из даосской духовной практики, но переосмысленный на синтоист-

ский манер. В результате переосмысления рождаются исключительно японские «пути», среди которых мы выделяем «путь цветов» *(кадо)*. Для сравнения есть «путь чая» *(садо)* и др. Все они имеют свою внутреннюю логику или каноны, впрочем, одухотворенную религиозными традициями, считает японовед М.П. Герасимова [23: с. 63]. Хотелось бы отметить, что в пересечении китайской религии и местных традиций складывался особый язык «путей» и миропонимания: «…Изготовление чего бы то ни было становилось творческим актом (морально-религиозным. – *прим. авторов*). Изготовляемый предмет всегда был единственным в своем роде, неповторимым, как сама Природа, и воспринимался не только утилитарно, но и как образ, значимый сам по себе» [23: с. 64]. Иными словами, для японцев в «искусстве» главное не «Я», а суть самой Природы *(синра бансё)*. Вполне возможно, этот *синра бансё* в европейской традиции соответствует фихтеанской философии «Я» и «не-Я», точно так же, как *укиё-э* новым канонам в искусстве. Лишь в конце XIX в. японские духовные «пути» заметили и оценили европейцы. В частности, японские гравюры, известные как *укиё-э*, стали использоваться в импрессионизме как картины «изменчивого мира».

Цветок в японской культуре – это не просто эстетическое восприятие, а национальный символ, пронизывающий все аспекты жизни («пути»). В сборнике японской поэзии Манъёсю, или «Антология мириад листьев», составленном в VIII в., упоминается 50 сортов цветов, в том числе хризантема.

В любой стране мира цветок или растение – символ глубинного этнического духа, а в Японии – особенно. В Японии каждый цветок ассоциируется с определёнными философскими понятиями и идеями как синтоизма, так дзэн-буддизма, в которых отражаются традиции, религиозные и мифологические миросозерцания. Как нам представляется, изучение японской цветочной символики (ханакотоба) будет способствовать лучшему пониманию национальной специфики мировосприятия и ценностных ориентаций японцев. Это касается, как считает С.М. Марков, «книжных» терминов для понимания японской культуры. Так, «макото – синтоистское понимание истины, истинности, правды, реальности. Макото – философско-эстетическое понимание, лежащее в основе японской духовности, понимания мира сущего (Универсума), в гносеологии – постижение истинной сущности вещей (мира). Другая установка, связанная с макото, называется по-японски *бамбуцу иттай*, что в примерном переводе означает постижение всеобщей связи единичного в мире Единого» [24: с. 91–92].

Если вернуться к книжной культуре, то следует в «пути» цветов упомянуть хокку (хайку) – стихотворения в форме трёхстишия, где выражается целая комбинация ощущений: «от удивления и восхищения до умиления и сожаления, всегда выраженными в настоящем времени» [25: с. 229]. Например, «Видели всё на свете / Мои глаза – и вернулись / К вам, белые хризантемы» (Мацуо Басё) [26: с. 204]. Как уже ранее отмечалось, мышление японцев конкретное, а не абстрактное, где любая вещь превращается в символ абстрактного понятия или в своеобразную мифологему, что кратко в тезисе выразил Х. Накамура: «В конкретных вещах в японском мышлении сконцентрированы все абстрактные принципы» [13: с. 187]. Пожалуй, самый яркий пример – хризантема (кикумон) и её путь (кадо) в этнокультурную идентичность.

В период Хэйан (794–1185) хризантема приобрела статус государственного цветка страны, когда император Го-Тоба (1183–1198) начал использовать стилистическое изображение хризантемы в качестве своей личной печати [27: с. 3]. Она стала неотъемлемой частью императорского двора и японской аристократии. Богатые японские семьи часто устраивали «Пиршества хризантем», в ритуалах которых люди пили *кикудзакэ* (саке), которое настаивалось на лепестках хризантемы. Также стоит упомянуть о японской чайной церемонии, в которой на каждом ритуальном этапе используются цветы. Более того, как отметили в своих исследованиях Сицилия Сурьявати и Энгард Поэрбовати, «Цветочная символика в стиле Чаною» имеет культурное происхождение в индонезийской чайной культуре Чаною [28: с. 469–450]. В японской бытовой культуре считалось, что желтая хризантема избавляет от несчастий, а белая – символ жизни и бессмертия. Бедняки устраивали *кику-авасэ* (яп. 菊合) – конкурс, в котором все желающие делились на две команды и соревновались в красоте принесённых ими хризантем [29: с. 67].

Хризантема – один из самых знаменитых символов Японии, который играет важную роль в культуре и искусстве этой страны с древнейших времен, но только в период Эдо (1603–1868), т.е. в эпоху рождения японского самосознания как особого этноса и этики чести самурая бусидо, она стала использоваться как особый знак императорской власти. Выбор был сделан в её пользу по разным причинам, прежде всего, в период возникновения так называемого японского духа требовалась особая символика. В результате долгих поисков была выбрана хризантема, имеющая множество разновидностей по цвету и форме, что позволяло создать

разнообразные изображения и орнаменты для обозначения власти и чести самураев, а также как символ долголетия и процветания, и зафиксировать её изображение в XX в. в японском паспорте.

Образ хризантемы в этот период можно было увидеть на каждой второй гравюре, фарфоровой посуде, одежде и предметах быта и интерьера. В первой половине XIX в. зарождается традиция *кику-нингё* (яп. 菊人形) – уличная выставка хризантем. Хризантема появляется как украшение на могильных плитах, ибо, как считали в те времена японцы, этот цветок символизирует бессмертие. Сейчас эта традиция превратилась в искусство создавать куклы из живых хризантем. Участники кику-нингё представляли на суд зрителей своё искусство из букетов хризантем. В это же время, считает японский историк Иэнага, хризантема появляется в картинах ямато-э, написанных на *сёдзи* (дверях или «перегородках» в доме) и *бёбу* или *бёбу-у*, т.е. на картинах складных ширм [30: с. 87].

В китайской культуре хризантема символизирует Путь Неба, а хризантема является его символом, при этом считается, что хризантема обозначает богатство, процветание, гармонический ян во вселенной, божественную энергию Космоса, считают Е.М. Болдырева и Е.В. Асафьева [31: с. 21], в редких случаях она выступает атрибутом смерти, например в стихотворении Юань Чжэня «Хризантема» [31: с. 26]. В японской семиотике и мифологии хризантема – символ Аматэрасу, т.е. богиня-солнце, что по-японски звучит как kiku (солнце), главная богиня пантеона синтоистских богов, утверждают все японоведы, в частности Н.Н. Изотова [32: с. 43]. В мифологии хризантема считается символом солнца и богини Аматэрасу, более того, прародительницей всех японских императоров. Согласно древним мифам хризантема так же, как лотос и ирис, имеет божественное происхождение. По легенде, бог творения Идзанаги, сбежав от старой злой ведьмы на Землю, решил умыться в реке. Сброшенные драгоценности превратилась в цветы: браслеты – в лотос и ирис, а ожерелье – в золотую хризантему. Видимо, эта мифологема отражается во многих пословицах и поговорках, связанных с хризантемой, а красивых девушек принято в шутку называть о-кику-сан.

В эпоху Мэйдзи (1868–1912) император увековечил образ любимого цветка необычным способом, он учредил Высший орден Хризантемы в двух степенях: орден Хризантемы с цепью и орден Хризантемы на Большой ленте.

В императорском эдикте № 1 от 4 января 1888 г. указано, что орденом Хризантемы с цепью награждаются те, кто уже является обладателем ордена Хризантемы на Большой ленте», хотя, выражаясь юридическими понятиями, он имеет лишь одну степень, но делится на орден с лентой и звезду. Иными словами, знак ордена Хризантемы с подвеской и звезда ордена Хризантемы без подвески. Знак ордена представляет собой четырёхконечный позолоченный символ с лучами белой эмали, в центре которого располагается диск солнца красной эмали. Между лучами находится цветок хризантемы жёлтой эмали с зелёными эмалированными листьями.

Награждение им было предусмотрено только в отношении членов императорской семьи, высшей аристократии, национальных героев и глав иностранных государств. Но в XXI в. порядок награждений изменили. Так, им был награжден посмертно в 2022 г. бывший премьер Японии Синдзо Абэ. Иногда в случае государственных визитов в Японию особо важных государственных персон им награждаются иностранцы. Среди иностранных обладателей этого высшего знака отличия хотелось бы отметить последнего императора России Николая II [33].

В XX в. в Японии решили возродить символ хризантемы как знак государственной идеологии. Так, в годы Второй мировой войны японцы разработали модель учебного самолета Shiragiku («белая хризантема», или сирогику). Государственные чиновники надеялись, что старые символы в новой обертке помогут им выиграть несправедливую войну на Тихом океане. Впрочем, идеология «белой хризантемы» продолжается в культурной дипломатии, иногда встречая на своем пути (кадо) открытое противодействие со стороны народов, в прошлом оккупированных Японией. Конфликты «белой хризантемы» обострились после установки в Корее в 2011 г. перед посольством Японии памятника жертвам сексуального насилия и рабства «Женщинам для утешения», или «Белая хризантема». Трагедия сексуального рабства была описана в романе американской писательницы корейского происхождения, сейчас проживающей в Лондоне, Мэри Линн Брахт (Mary Bracht) «Белая хризантема» («White Chrysanthemum»; 2018), переведенного на русский язык Алексеем Смирновым (2018). Под давлением мировой общественности премьер-министр Абэ официально признал факт «женщин для утешения», но в настоящем времени конфликт находится в замороженной форме как раз из-за памятника и романа Мэри Брахт. В общем, путь цветка (кадо) – тернистый в дипломатии XXI в., в который японцы стараются возвратить свои традиционные мировоззренческие идеологемы с целью духовного очищения от военного прошлого.

В современном понимании японцев хризантема – это символ богатой истории, культуры, традиций и ценностей страны. Она ассоциируется с осенью, долголетием и императорской властью. Одновременно стали модными кимоно с изображением хризантемы, но по мере милитаризации страны её заменили на сакуру как символ самурайской чести. Иными словами, японцы в своей истории и в настоящее время уделяют внимание цветам как символам их духовного просветления и национальной (культурно-этнической) идентификации.

Говоря о государственных символах, нельзя не упомянуть об истории создания государственного флага и герба, также непосредственно связанной с цветами. Впервые бело-красный символ был замечен в «Повести о Хейке», написанной в XII в. о самураях, которые, якобы, носили с собой белые веера с изображением солнца в качестве талисмана воина. Об этом рассказывается в художественном эпосе «Ину-о: Рождение легенды» режиссера Масааки Юаса (2022).

С национальной идентификацией связано рождение японского флага, что было обусловлено открытием страны для международной торговли. С этой целью к середине XIX в. жители Страны восходящего солнца придумали свой отличительный знак: на белом полотне изображалось красное солнце с 16 лучами (что соответствует количеству лепестков у хризантемы), позже лучи убрали. В Японии его называют *кёкудзицу-ки*.

В основу изображения герба, как считает А.Н. Мещеряков, легло очертание императорской печати в виде хризантемы эпохи китайского влияния Хэйан (794–1185), что в переводе буквально означает «мир» [17: с. 203]. Правители времени зарождения самурайского сословия стали использовать хризантему как государственный символ (кикумон) мира и спокойствия. Что интересно, формально герб в Японии отсутствует, а вместо него используется рисунок хризантемы (кикумон). Его изображение есть на обложке японского паспорта, на зданиях официальных учреждений власти, монетах, памятных орденах в честь важных исторических событий, а также главной официальной награде – ордене Хризантемы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что семантика цветов в японской культуре имеет свою внутреннюю логику или закономерности: символика цветов складывалась веками на основе легенд и истории страны, которая играет важную роль в понимании японской традиции и объясняет современное восприятие мира японцами. Если здесь дать ответ на первый вопрос нашего скромного исследования, то хотелось бы отметить, что для японского «религиозного» мышления характерен синкретизм и номинализм, или смешение синто, буддизма, конфуцианства, даосизма и христианства. Как верно заметил А.Ф. Прасол: «В целом японцы относятся к религии терпимо, гибко и прагматично – любая религия хороша, если помогает в практической жизни» [16: с. 159]. Видимо, этим правилом руководствовался император Мэйдзи, когда утвердил в 1869 г. хризантему в качестве национального цветка Японии, а в 1916 г. она стала официальным символом императорской семьи. С тех пор хризантема прочно вошла в государственную символику Японии и стала одним из самых узнаваемых её элементов в мире.

Заключение

Цвет и его семиотика, а через цвет путь кадо, по-прежнему выполняют ключевую роль в этнической и гражданско-государственной идентификации. В современной японской культуре цветы и растения занимают смысловое значение, показывающее глубокую связь народа с природой, при этом японцы научились миниатюризировать природу, превращая её в сложную систему единичных символов своего этнического мира. Их отношение к природе через «Я» подчеркивает уникальность японского садово-паркового мировосприятия, в котором гармония с природой и уважение к окружающей среде становятся основными ценностями. С другой стороны, поклонение цветам и почитание цветов в современном мире, часто целенаправленно, выступают доминантами в этнокультурной идентификации японцев, которая показывает всем ценности мира и процветания. Особенно если взять во внимание термин «ханамити» в широком значении.

Хризантема – один из самых знаменитых символов Японии, который играет важную роль в культуре и искусстве этой страны с древнейших времен, а в XX в. и в эмблеме государственной идеологии, после того как император Мэйдзи утвердил её в качестве национального цветка Японии. В 1916 г. она превращается в официальный символ императорской семьи. Цветок хризантемы стал ассоциироваться с политической властью, одновременно демонстрируя всем общественный договор по-японски между властью и народом.

В современном понимании японцев хризантема – это символ богатой истории, культуры, традиций и ценностей страны. Хризантема основательно закрепилась в государственной символике Японии в качестве гражданско-государственной идентичности и стала одним из элементов этнической идентификации японцев в других странах мира.

Список источников

1. Шиманская А.С. Семиотика цвета в японской культуре : дис. … канд. филос. наук : 24.00.01. Москва : МГЛУ, 2014. URL: https://hellenza.livejournal.com/19777.html?es=1 (дата обращения: 12.03.2025).
2. Хованчук О.А. Особенности формирования японского традиционного костюма и эстетического мировоззрения // Ойкумена. 2009. № 4. С. 58–64.
3. Аневич Ю.Е. Кабуки как культурносоциальное явление в истории Японии // The Newman in Foreign Policy. 2018. № 40. С. 57–60.
4. Плетнер О.В. Театр Кабуки // Японский театр. Ленинград–Москва : Academia, DJRC, 1928. С. 30–41.
5. Хомченкова В.В. Гастроли театра Кабуки в СССР в 1928. От дипломатического проекта к национальному событию / История и культура Японии / сост. и отв. ред. А.Н. Мещеряков. Москва : Издат. Дом Высшей школы экономики, 2024. С. 381–392.
6. Луначарский А.В. Японский театр // Известия / ЦИК СССР и ВЦИК. 1928. № 154. 5 июля.
7. Конрад Н.И. Брошюра о японском театре к гастролям в СССР. Ленинград–Москва : ВОКС, 1928. 32 с.
8. Zykas A. Traditional and Popular cultural discourses within the post-war development of Japan's Cultural diplomacy // Vilniaus universiteto leidykla. 2012. Vol. 12, iss. 1. P. 105–119. URL: https://hdl.handle.net/20.500.12259/47985 (accessed: 09.03.2025).
9. Марков С.М. Философский и юридический анализ идеологии: сравнение и предпочтения в современной картине мира // XIV Южно-российский политологический конвент: «Мировоззренческие основы российской политики: культурные константы, ценностные установки, идеологические предпочтения» / отв. ред. Р.А. Пупыкин, А.В. Назарьева. Ростов-на-Дону; Таганрог : Изд-во ЮФУ, 2024. С. 241–245.
10. Басё Мацуо. По тропинкам Севера / пер. В. Марковой. Москва : Азбука, 2011. 62 с.
11. Карташова Н.С. Флористика в истории и традициях : учебное пособие. Москва : Берлин: Директ-Медиа, 2017. 79 с.
12. Прасол А.Ф. Япония: лики времени. Менталитет и традиции в современном интерьере. Москва : Наука, 2009. 416 с.
13. Nakamura H. Basic Features of the Legal, Political and Economic Thought in Japanese // The Japanese Mind. 1967. doi:org/10.1515/9780824843052-009
14. Марков С.М., Гладких А.К. Философско-медицинская символика китайских иероглифов и «Книги перемен» // Россия – Китай: история и культура : сб. ст. и докл. участников XII Международной научно-практической конференции. Казань : Фэн АН РТ, 2019. С. 317–324.
15. Lewis David C. Religion in Japanese Life. Milton : Routledge, 2017. 364 p.
16. Прасол А.Ф. О некоторых особенностях русского и японского этнокультурного типа // Япония. Ежегодник. Институт Востоковедения РАН. 2007. № 36. С. 148–170.
17. Мещеряков А.Н. Книга японских символов. Книга японских обыкновений. Москва : Наталис, 2003. 556 с.
18. Льюис Д.Х. Ключевые ценности в японской религии и культуре // Россия – Япония: политика, история и культура. Казань : Изд-во Академии наук РТБ, 2018. С. 143–147.
19. Nye J.S. Soft Power: the Evolution of a Concept // Journal of Political Power. 2021. No. 3. P. 196–208. URL: https://clck.ru/sKhCX (accessed: 10.11.2024).
20. Най Дж. С. Будущее власти / пер. с англ. В. Н. Верченко. Москва : АСТ, 2014. 444 с.
21. Белинский В.Г. Евгений Онегин // ПСС. В 13 т. Т. VII. / гл. ред. Н.Ф. Бельчиков. Москва : Изд-во АН СССР, 1953–1959. С. 431–472.
22. Марков С.М. «Книга перемен» в духовной традиции дальневосточной культуры // Ученые записки КнАГТУ (Комсомольск-на-Амуре). 2018. Т. 2, № 3 (35). С. 35–40.
23. Герасимова М.П. Имплицитность японского искусства. Причины и следствия // Японские исследования. 2017. № 4. С. 62–78.
24. Марков С.М. Макото и нихонга в романе Харуки Мураками «Убийство командора»: социально-этические принципы осмысления прошлого и настоящего // Интеллектуальная культура Беларуси: проблемы интерпретации философского наследия и современные задачи гуманитарного знания. В 2 т. Т. 2 / ИФ НАН Беларуси ; редкол. А.А. Лазаревич [и др.]. Минск : Четыре четверти, 2022. С. 90–93.
25. Герасимова М.П. О специфике «Японского» (красота мгновения, исчезающего в Вечности) // Япония : ежегодник. 2012. № 41. С. 223–238.
26. Японские трехстишия : сборник / пер. с яп. В. Марковой. Москва : Худож. лит., 1973. 343 с.
27. Shtankola M.A., Skvortsova V.N., Shcherbinin A.I., Spichenko T.A. The origins of Japanese natio // SHS Web of Conferences. 2016. № 28.
28. Suryawati Cicilia T., Poerbowati Endang. Flower Symbolism in Chanoyu Spirit / Proceedings the International Conference of Communication Science Research. 2018. No. 165. P. 469–471. URL: https://doi.org/10.2991/iccsr-18.2018.104 (accessed: 07.04.2025).
29. Мицкевич А. Исследование изображений растений на японском чайном сервизе // Наука и инновации. 2023. № 7 (245). С. 65–70.
30. Иэнага Сабуро. История японской культуры. Москва : Прогресс, 1972. 231 с.
31. Болдырева Е.М., Асафьева Е.В. Культурная символика образа хризантемы в русской и китайской поэзии // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 1(36). С. 20–34.
32. Изотова Н.Н. Символика хризантемы в японской лингвокультуре // Культура и искусство. 2017. № 10. С. 40–48.
33. Орден Хризантемы // Портал о наградах, орденах и медалях России, СССР и стран мира. URL: https://onagradah.ru/orden-khrizantemy/# (дата обращения: 05.03.2025).

References

1. Shimanskaya A.S. *Semiotika cveta v yaponskoj kul'ture: diss. … kand. filos. nauk* [Semiotics of color in Japanese culture : diss. … Cand. Philosophical Sciences]. Moscow : Moscow State Linguistic University, 2014. URL: https://hellenza.livejournal.com/19777.html?es=1 (accessed: 12.03.2025). (In Russ.).

2. Khovanchuk O.A. Osobennosti formirovaniya yaponskogo tradicionnogo kostyuma i esteticheskogo mirovozzreniya [Features of the formation of Japanese traditional costume and aesthetic worldview] // *Ojkumena* [Oikumena]. 2009. No. 4. P. 58–64. (In Russ.).

3. Anevich Yu.E. Kabuki kak kul'turnosocial'noe yavlenie v istorii YAponii [Kabuki as a cultural and social phenomenon in the history of Japan] // *The Newman in Foreign Policy*. 2018. №40. P. 57–60. (In Russ.).

4. Pletner Ol.V. Teatr Kabuki [Kabuki Theatre] // *Yaponskij teatr* [Japanese Theatre]. Leningrad–Moscow : Academia, DJRC, 1928. P. 30–41. (In Russ.).

5. Khomchenkova V.V. Gastroli teatra Kabuki v SSSR v 1928. Ot diplomaticheskogo proekta k nacional'nomu sobytiyu [Kabuki Theatre Tours in the USSR in 1928. From a Diplomatic Project to a National Event] / *Istoriya i kul'tura Yaponii* [History and Culture of Japan] / compiled and edited by A.N. Meshcheryakov. Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2024. P. 381–392. (In Russ.).

6. Lunacharsky A.V. Yaponskij teatr [Japanese theater] // *Izvestiya* [Izvestia]. 1928. No. 154. July 5. (In Russ.).

7. Konrad N.I. *Konrad N.I. Broshyura o yaponskom teatre k gastrolyam v SSSR* [Brochure about the Japanese theater for tours in the USSR]. Leningrad–Moscow : VOKS, 1928. 32 p. (In Russ.).

8. Zykas A. Traditional and Popular cultural discourses within the post-war development of Japan's Cultural diplomacy // Vilniaus universiteto leidykla. 2012. Vol. 12, iss. 1. P. 105–119. URL: https://hdl.handle.net/20.500.12259/47985 (accessed: 09.03.2025).

9. Markov S.M. Filosofskij i yuridicheskij analiz ideologii: sravnenie i predpochteniya v sovremennoj kartine mira [Philosophical and legal analysis of ideology: comparison and preferences in the modern picture of the world] // *XIV Yuzhno-rossijskij politologicheskij konvent: «Mirovozzrencheskie osnovy rossijskoj politiki: kul'turnye konstanty, cennostnye ustanovki, ideologicheskie predpochteniya»* [XIV South-Russian political science convention: "Ideological foundations of Russian politics: cultural constants, value attitudes, ideological preferences"] / ed. R.A. Pupykin, A.V. Nazaryeva. Rostov-on-Don; Taganrog : Publishing house of Southern Federal University, 2024. P. 241–245. (In Russ.).

10. Basyo Macuo. *Po tropinkam Severa* [Along the Paths of the North]. Moscow : Azbuka, 2011. 62 p. (In Russ.).

11. Kartashova N.S. *Floristika v istorii i tradiciyah: uchebnoe posobie* [Floristry in history and traditions: a tutorial]. Moscow : Berlin: Direct-Media, 2017. 79 p. (In Russ.).

12. Prasol A.F. *Yaponiya: liki vremeni. Mentalitet i tradicii v sovremennom inter'ere* [Japan: Faces of Time. Mentality and Traditions in a Modern Interior]. Moscow : Nauka, 2009. 416 p. (In Russ.).

13. Nakamura H. Basic Features of the Legal, Political and Economic Thought in Japanese // The Japanese Mind. 1967. doi:org/10.1515/9780824843052-009

14. Markov S.M., Gladkih A.K. Filosofsko-medicinskaya simvolika kitajskih ieroglifov i «Knigi peremen» [Philosophical and medical symbolism of Chinese hieroglyphs and the "Book of Changes"] // *Rossiya – Kitaj: istoriya i kul'tura: sb. st. i dokladov uchastnikov XII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Russia – China: history and culture: collection of articles and reports of participants of the XII International scientific and practical conference]. Kazan: Publishing house "Feng" of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2019. P. 317–324. (In Russ.).

15. Lewis David C. *Religion in Japanese Life*. Milton : Routledge. 2017. 364 p.

16. Prasol A.F. O nekotoryh osobennostyah russkogo i yaponskogo etnokul'turnogo tipa [On some features of the Russian and Japanese ethnocultural types] // *Yaponiya* [Japan]. 2007. No. 36. P. 148–170. (In Russ.).

17. Meshcheryakov A.N. *Kniga yaponskih simvolov. Kniga yaponskih obyknovenij* [Book of Japanese symbols. Book of Japanese customs]. Moscow : Natalis, 2003. 556 p. (In Russ.).

18. L'yuis D.H. Klyuchevye cennosti v yaponskoj religii i kul'ture [Key Values in Japanese Religion and Culture] // *Rossiya – Yaponiya: politika, istoriya i kul'tura* [Russia – Japan: Politics, History and Culture]. Kazan: Publishing House of the Academy of Sciences RTB, 2018. P. 143–147. (In Russ.).

19. Nye J.S. Soft Power: the Evolution of a Concept // Journal of Political Power. 2021. No. 3. P. 196–208. URL: https://clck.ru/sKhCX (accessed: 10.11.2024).

20. Naj Dzh. S. *Budushchee vlasti* [The Future of Power]. Moscow : AST, 2014. 444 p. (In Russ.).

21. Belinskij V.G. Evgenij Onegin [Eugene Onegin] // *Belinskij V.G. Polnoe sobranie sochinenij* [Belinskij V.G. Complete Works]. In 13 volumes. Volume VII / Ed. N.F. Belchikov. Moscow : Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1953–1959. P. 431–472. (In Russ.).

22. Markov S.M. «Kniga peremen» v duhovnoj tradicii dal'nevostochnoj kul'tury ["The Book of Changes" in the spiritual tradition of the Far Eastern culture] // *Uchenye zapiski KnAGTU* [Scientific notes of KnAGTU]. 2018. Vol. 2, no. 3 (35). P. 35–40. (In Russ.).

23. Gerasimova M.P. Implicitnost' yaponskogo iskusstva. Prichiny i sledstviya [Implicitness of Japanese art. Causes and consequences] // *Yaponskie issledovaniya* [Japanese studies]. 2017. No. 4. P. 62–78. (In Russ.).

24. Markov S.M. Makoto i nihonga v romane Haruki Murakami "Ubijstvo komandora": social'no-eticheskie principy osmysleniya proshlogo i nastoyashchego [Makoto and Nihonga in Haruki Murakami's Novel "Killing Commendatore": Social and Ethical Principles of Understanding the Past and Present] // *Intellektual'naya kul'tura Belarusi: problemy interpretacii filosofskogo naslediya i sovremennye zadachi gumanitarnogo znaniya* [Intellectual Culture of Belarus: Problems of Interpretation of Philosophical Heritage

and Modern Tasks of Humanitarian Knowledge]. In 2 volumes. Vol. 2 / IF NAS of Belarus; editorial board. A.A. Lazarevich [et al.]. Minsk : Four Quarters, 2022. P. 90–93. (In Russ.).

25. Gerasimova M.P. O specifike «Yaponskogo» (krasota mgnoveniya, ischezayushchego v Vechnosti) [On the specifics of "Japanese" (the beauty of a moment disappearing into Eternity)] // *Ezhegodnik Yaponiya* [Yearbook Japan]. 2012. No. 41. P. 223–238. (In Russ.).

26. *Yaponskie trekhstishiya: Sbornik* [Japanese three-line poems: Collection]. Moscow : Fiction, 1973. 343 p. (In Russ.).

27. Shtankola M.A., Skvortsova V.N., Shcherbinin A.I., Spichenko T.A. The origins of Japanese natio // SHS Web of Conferences. 2016. № 28.

28. Suryawati Cicilia T., Poerbowati Endang. Flower Symbolism in Chanoyu Spirit / Proceedings the International Conference of Communication Science Research. 2018. No. 165. P. 469–471. URL: https://doi.org/10.2991/iccsr-18.2018.104 (accessed: 07.04.2025).

29. Mickevich A. Issledovanie izobrazhenij rastenij na yaponskom chajnom servize [Study of plant images on a Japanese tea set] // *Nauka i innovacii* [Science and Innovation]. 2023. No. 7 (245). P. 65–70. (In Russ.).

30. Ienaga Saburo. Istoriya yaponskoj kul'tury [History of Japanese Culture]. Moscow : Progress, 1972. 231 p. (In Russ.).

31. Boldyreva E.M., Asaf'eva E.V. Kul'turnaya simvolika obraza hrizantemy v russkoj i kitajskoj poezii [Cultural symbolism of the image of chrysanthemum in Russian and Chinese poetry] // *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik* [Upper Volga Philological Bulletin]. 2024. No. 1 (36). P. 20–34. (In Russ.).

32. Izotova N.N. Simvolika hrizantemy v yaponskoj lingvokul'ture [Symbolism of chrysanthemum in Japanese linguoculture] // *Kul'tura i iskusstvo* [Culture and Art]. 2017. No. 10. P. 40–48. (In Russ.).

33. *Orden Hrizantemy. Portal o nagradah, ordenah i medalyah Rossii, SSSR i stran mira* [Order of the Chrysanthemum. Portal about awards, orders and medals of Russia, USSR and countries of the world]. URL: https://onagradah.ru/orden-khrizantemy/# (accessed: 05.03.2025). (In Russ.).

Информация об авторах

С.М. Марков – кандидат философских наук, доцент;
В.В. Шумилова – студент.

Information about the authors

S.M. Markov is Candidate of Philosophy Sciences, Associate Professor;
V.V. Shumilova is a student.

Статья поступила в редакцию 20.03.2025; одобрена после рецензирования 11.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.
The article was submitted 20.03.2025; approved after reviewing 11.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2025. Т. XXII, Вып. 2. С. 241–249
The Humanities and Social Studies in the Far East. 2025. Vol. XXII, Is. 2. P. 241–249

Научная статья
УДК 811.161.
doi:10.31079/1992-2868-2025-22-2-241-249

ПОЛЕ ГЛАГОЛОВ РЕЧИ В РУССКИХ ГОВОРАХ ПРИАМУРЬЯ

Валентина Тарасовна Садченко[1], **Хоу Сюэли**[2]
[1, 2]Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия
[1]ValentinaSadchenko@yandex.ru, ORCID ID: 0000-0001-6276-6819
[2]freeman.fe@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена описанию некоторых семантических особенностей глаголов речи в русских говорах Приамурья с точки зрения полевого подхода. Представлена полевая структура лексико-семантической группы диалектных глаголов с общим значением речи; выделены микрополя и семантические компоненты, дифференцирующие значения глаголов речи в пределах поля.

Ключевые слова: глаголы речи, семантическое поле, диалекты, русские говоры Приамурья

Original article

THE FIELD OF VERBS OF SPEECH IN THE RUSSIAN DIALECTS OF THE AMUR REGION

Valentina T. Sadchenko[1], **Hou Xueli**[2]
[1, 2]Pacific National University, Khabarovsk, Russia
[1]ValentinaSadchenko@yandex.ru, ORCID ID: 0000-0001-6276-6819
[2]freeman.fe@mail.ru

Abstract.The article describes some semantic features of speech verbs in the Russian dialects of the Amur region based on the field approach. The field structure of the lexico-semantic group of dialectal verbs with the general meaning of speech is presented; microfields and semantic components differentiating the meanings of speech verbs within the field are highlighted.

Keywords: verbs of speech, semantic field, dialects, Russian dialects of Amur Region

Введение

Теория поля разрабатывалась зарубежными (Р. Мейер, Й. Трир, В. Порциг, Г. Ипсен, Л. Вайсгербер, Э. Косериу) и отечественными (В.Г. Адмони, Ю.Д. Апресян, О.С. Ахманова, А.В. Бондарко, Е.В. Гулыга, Л.М. Васильев, Ю.Н. Караулов, И.М. Кобозева, Л.А. Новиков, Ю.С. Степанов, А.А. Уфимцева, Е.И. Шендельс, Д.Н. Шмелев, Г.С. Щур и др.) учеными практически на протяжении последних ста лет.

Предметом изучения в теории поля являются группировки языковых единиц, «объединяемых на основе общности выражаемого ими значения (семантический принцип) или по общности выполняемых ими функций (функциональный принцип), или на основе комбинации двух признаков (функционально-семантический принцип)». Группировки языковых единиц (поля) определяются учеными как «системные образования с характерными для любой системы связями и отношениями и вместе с тем обладающие собственными специфическими чертами» [1: с. 4].

На основе типа связи между единицами выделяются следующие виды полей: понятийное (Й. Трир, Л. Вайсгербер), семантическое / лексико-семантическое (Г. Ибсен, В. Порциг, Р. Мейер, В.И. Кодухов, Ф.П. Филин, И.И. Ревзин, А.А. Уфимцева), ассоциативное (Ш. Балли), тематическое (Н.В. Артемова), функционально-семантическое (А.В. Бондарко).

В исследованиях последнего времени интерес к изучению языковых единиц с точки зрения полевого подхода продолжает оставаться актуальным. Однако, несмотря на довольно длительную историю изучения полевых структур, понятие «поле» в лингвистике продолжает оставаться дискуссионным. В первую очередь дискутируется наполняемость и соотношение понятий «семантическое поле» / «лексико-семантическая группа» (ЛСГ) (Ф.П. Филин, Ю.С. Степанов, Ю.Н. Караулов) / «тематический класс» (Е.В. Падучева).

Кроме того, как отмечает А. Литвинович, «системная организация лексики, в частности глаголов, имеет скрытый характер и не получает непо-

© Садченко В.Т., Хоу Сюэли, 2025

средственного выражения в формах слова», что затрудняет «изучение глагольных лексико-семантических группировок» [2: с. 92].

Ученые видят главное отличие семантического поля от тематической группы в методологии отбора лексики для анализа.

В частности, по мнению Р.И. Хашимова, если отбор лексики осуществляется на основе языковых признаков (парадигматических, синтагматических и иерархических отношений), то «такая классификация представлена семантическим полем, синонимами, антонимами, лексико-семантическими вариантами слова, а также морфологическими, синтаксическими разновидностями, формами языковых единиц»; в случае анализа языковых единиц с точки зрения их соотнесенности с внеязыковой действительностью классификация будет отражать типологию самих объектов реальной действительности и представлять собой тематическую группу. Кроме того, семантическое поле состоит из взаимосвязанных единиц, а тематическая группа – из «единиц, обозначающих относительно самостоятельные, автономные объекты действительности» [3: с. 211].

Словарная дефиниция семантического поля, на которую большей частью ссылаются исследователи, разработанная О.С. Ахмановой, подразумевает под полем «частичку (кусочек) действительности», выделенную и закрепленную в человеческом опыте и имеющую в языке автономную лексическую микросистему; кроме того, поле может быть представлено совокупностью слов и выражений, «которые составляют тематический ряд и имеют определенную область значений» [4: с. 334].

Развернутый обзор исследований в области теории семантических полей содержится в работе Л.М. Васильева [5] и докторской диссертации С.М. Тиллоевой [6].

В данной статье мы не стремимся представить полный обзор литературы, посвященной теории поля в русистике и глагольной лексике с общим значением речи в частности. Остановимся лишь на некоторых точках зрения относительно понятия «семантическое поле», не получивших в указанных выше обзорах достаточного отражения и особо значимых, с нашей точки зрения, а также к полевым исследованиям глаголов речи в русской диалектологии.

Принципы выделения семантического поля многочисленны. Семантические поля выделяются по одному или нескольким диагностическим факторам с точки зрения парадигматического и синтагматического подходов, а наличие тех или иных черт поля позволяет классифицировать множество семантических полей в языке.

Л.М. Босова считает дифференциацию лексики по семантическим полям универсальным способом структурирования лексического состава языка. Теория поля, по мнению автора, выражает идею семантической связи слов друг с другом в языке. Л.М. Босова, с опорой на исследования предшественников, выделяет наиболее общие характеристики лингвистического поля: 1) наличие определенных отношений между элементами в полевой структуре; 2) наличие специфической структуры поля; 3) неравномерность поля; 4) аттракцию [7: с. 10, 13].

Е.В. Падучева аналогом семантического поля считает тематический класс, который «объединяет слова с общим нетривиальным семантическим компонентом, который занимает центральное место в их смысловой структуре», и выделяет такие тематические классы, как бытийные глаголы, глаголы обладания, физического действия, движения, речи, передачи сообщения, восприятия, чувства, волеизъявления, издавания звука и др. [8: с. 399].

М.Н. Заметалина считает, что семантическое (или языковое) поле представляет собой «модель, которая, учитывая системность языка, речи, позволяет соотносить друг с другом упорядоченность мышления, отраженного в системе языка, хаос жизненных ситуаций и индивидуальных психологий, отраженных в речи» [9].

Полевую структуру лексического значения слова представила, с опорой на точки зрения других семасиологов, в своей монографии С.М. Антонова, выделяющая макро- и микроструктуры значения, детерминированные способом и «характером самого отражаемого участка внеязыковой действительности» в языковом знаке. Полевое пространство лексико-семантической группы организуется функционально-семантическими отношениями дублетности, вариантности, синонимии, гиперо-гипонимии или деривации, которыми связаны все единицы, входящие в данную ЛСГ с ядерными глаголами этой группы [10: с. 90–91, 222].

В.Н. Денисенко, опираясь на материалы художественных текстов, обращается к семантическому полю «изменение» и рассматривает его с точки зрения комплексного, функционально-семантического подхода, а именно в структурном, функциональном и когнитивном аспектах. Автор обращает внимание на необходимость анализа синтаксических связей глагола *изменятъ(-ся) / изменить(-ся)* и установления его синтагматических, парадигматических и эпидигматических отношений. По мнению В.Н. Денисенко, описание отношений, на основе которых строится семантическое поле, позволит определить его место в структуре языковой личности, а также в русской языковой картине мира [11].

Достаточно подробная информация о системном подходе в области семантики и разработке теории семантического поля в диахроническом аспекте, а также актуальных семасиологических проблемах содержится в работе С.В. Кезиной. С.В. Кезина дает следующее определение поля: «Семантическое поле – совокупность слов, имеющих хотя бы одну общую сему и находящихся по отношению друг к другу в разнообразных связях». Основными признаками такого поля, с точки зрения автора, являются следующие: наличие межсловных и внутрисловных связей; органичное вхождение в семантическое пространство языка; самоорганизация; выполнение классифицирующей функции (классифицирует фрагмент мира); динамичность, открытость и гибкость системы. Автор обращает внимание на актуальность изучения структуры семантического поля и структуры значения отдельного слова (моносеманта и полисеманта), их изменений, а также на потребность в разработке особых методов для семасиологических исследований) [12: с. 4–17, 37].

На необходимость исследования языка «как культурного кода нации» обращает внимание и С.М. Тиллоева, считающая проблему описания семантики лексических единиц одной из наиболее актуальных в современном языкознании [6: с. 4–7].

По наблюдениям Э.А. Столяровой, полевый анализ в соединении со статистическим методом «позволяет представить лексическую систему в виде пересекающихся лексико-семантических полей (ЛСП), которые можно классифицировать по значимости их смысла для РР (разговорной речи), по их весу в системе ЛСП в РР, по их внутреннему устройству» [13: с. 433].

Таким образом, исходя из наиболее общего положения о том, что семантическое поле объединяет лексические элементы на основе общности значения, семантическое поле может трактоваться как система (система систем, или подсистем – ЛСГ) с определенной структурной организацией входящих в нее единиц.

Семантическое описание и классификация глаголов речи в русской диалектологии с точки зрения полевого похода

Полевый метод в исследовании диалектных глаголов речи практически не применялся. Как правило, совокупность глаголов речи в большинстве исследований рассматривается как лексико-семантическая группа.

Исключение составляет кандидатская диссертация Ю.А. Бессоновой, в которой в структурно-коммуникативном аспекте рассмотрены глаголы речи в орловских говорах (2001). В данной диссертации, а также в написанных позже Ю.А. Бессоновой статьях «К вопросу о методике компонентного анализа диалектных глаголов речи» (2008) и «Семантическое микрополе глаголов речи в литературном языке и в говорах» (2011) рассматривается микрополе глагола *говорить* в русском литературном языке с опорой на словари современного русского языка, а также микрополе диалектных глаголов речи в орловских говорах.

Ю.А. Бессонова выделяет архисему «говорить», которая обусловливает принадлежность глаголов к полю речевой деятельности и порождает центральные (ядерные) семы, отражающие особенности процесса речи, это такие как «произносить», «взаимодействовать», «сообщать», «оценивать», «выражать отношение», «побуждать», «выражать мысль». На основе данных сем автор предлагает выделять следующие лексико-семантические группы в общем микрополе глаголов речи: 1) сообщения, 2) взаимодействия, 3) побуждения, 4) оценки, 5) мысли, 6) акустико-физиологической стороны речи [14: с. 123]. В микрополе глагола *говорить* Ю.А. Бессонова также выделяет лексико-семантические группы устного выражения мысли, взаимодействия, отношения и оценки, побуждения, сообщения, внешней стороны речи. Внутри каждой группы выделяются подгруппы в зависимости от видов общения и способов взаимодействия субъектов в речевой деятельности [15].

К сожалению, в работе 2011 г. не указывается наполняемость ЛСГ и подгрупп и не приводятся конкретные примеры, а констатируются только общие значения с использованием литературных аналогов.

Кроме того, Ю.А. Бессонова акцентирует внимание на том, что семантика диалектных глаголов речи в орловских говорах имеет системный характер, который проявляется в семной структуре лексико-семантических вариантов глагольных лексем, что диалектные глаголы речи в семантическом плане более разнообразны, чем литературные, так как их особенностью является «многосемность» [16].

Следует отметить, что на наличие многозначных глаголов речи в других группах русских говоров также обращают внимание ученые.

Так, С.В. Кезина отмечает, что русские говоры (автор не указывает, какие именно группы говоров) хранят уникальные полисеманты, в частности, глагол *брехать* имеет значения «ржать» (о лошади), «мычать» (о корове), «блеять» (об овце), «мяукать» (о кошке), «выть» (о волке), «лаять, гавкать» (о собаке) [12: с. 37].

С.М. Тиллоева, анализируя семантическое поле «Человек» в разноструктурных языках, отмечает полисемию как характерную особенность русского языка в целом и пишет о том, что семантическое поле в русском языке «буквально соткано из полисемантов» [6: с. 36].

Контекстные реализации глаголов *говорить/ сказать* в русской литературе, а также их употребление в среднеобских говорах рассматривает С.М. Антонова в уже упоминаемой монографии. «Своеобразие общерусского глагола *говорить* в системе литературного языка, – пишет автор, – в большей разветвленности семантической структуры, в отражении в ней связей речи с процессами передачи информации и поведением; в диалекте – это глагол только звучания: все его ЛСВ объединены семой ‘производить звуки’, общей для всей ЛСГ глаголов говорения и звучания» [10: с. 187].

Автор называет глаголы *говорить* / *сказать*, используемые в диалектной системе, ядерными глаголами говорения «в чистом виде», так как все их лексико-семантические варианты имеют «связь с акустическим аспектом речевой деятельности – единственную или дополнительную, а потому идентифицируются семой ‘пользоваться устной речью’» [10: с. 216]. С.М. Антонова приходит к выводу, что «полных эквивалентов ядерным общерусским глаголам нет: нет ни одного диалектного глагола говорения, который мог бы соперничать с ними по своей структурной роли в ЛСГ, или по семантической ёмкости, или по функциональной универсальности, или по частотности, или по ареалу своего распространения» [10: с. 222].

Интерес представляет также статья, написанная в соавторстве Ю.А. Ермолаевой и М.А. Короткевич, посвященная анализу лексико-семантической группы глаголов речи (говорения) в русских говорах Башкирии, так же, как и русские говоры Приамурья, относимых к вторичным говорам. В основу анализа положены принципы, сформулированные Л.М. Васильевым в «Системном семантическом словаре». Авторы составляют диалектологическую карту фиксации глаголов эмоционального отношения, выражаемого речью, на территории Башкирии [17]. Статья носит название «Семантическое микрополе "глаголы речи" в русских говорах Башкирии», однако не содержит полевой характеристики заявленной ЛСГ. В работе не определен принцип организации проанализированных единиц, т.е. никак не представлена сама структура микрополя; не определен статус единиц: их принадлежность к ядру микрополя, его центру или периферии. Иначе говоря, авторы используют термины «поле» и «группа» недифференцированно, т.е. отождествляют понятия «поле» и «лексико-семантическая группа».

Семантическое поле глаголов речи в русских говорах Приамурья

При описании русских говоров Приамурья полевый метод применялся только при анализе эмотивных глаголов и, в частности, глагольных лексем, характеризующих концепт «Страх» [18].

Основным источником эмпирического материала для данного исследования явился «Словарь русских говоров Приамурья» [19], из которого методом сплошной выборки было выделено 115 глагольных единиц с общим значением речи.

Задачи данного исследования мы видим в необходимости:

1) выделить семантические объѐмы глаголов речи в изучаемой группе говоров;

2) определить, из каких компонентов состоит значение каждого конституэнта поля, в какие синонимические ряды входят;

3) выделить семантические компоненты, дифференцирующие значения глаголов речи в пределах поля;

4) определить ядерные и периферийные элементы.

Для реализации данных задач были использованы следующие методы исследования: анализ словарных дефиниций, компонентный анализ, лингвистическая интерпретация полученных статистических данных. В качестве основной была использована трансформационно-объяснительная методика, с помощью которой, как пишет Н.Г. Долгих, «...семантические поля выделяются на языковой, а не на понятийной основе, следовательно, базовым критерием является слово, а не понятие» [20: с. 121]. Лексемы объединяются в микрополя, если в их толкованиях, представленных в словарных статьях в виде литературных аналогов, встречается хотя бы один общий компонент (рисунок).

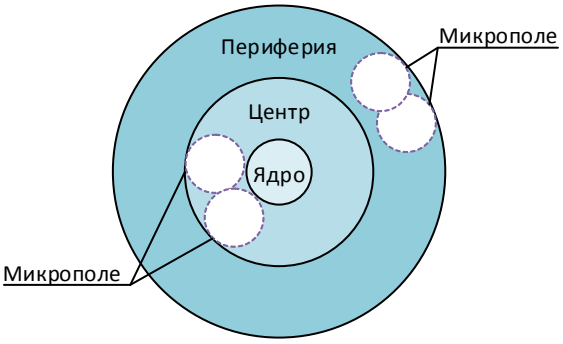

Рисунок. Структура семантического поля

Схема глаголов речи русских говоров Приамурья с точки зрения полевого подхода

В ходе анализа извлеченных из «Словаря русских говоров Приамурья» (СРГП) глаголов речи были получены следующие **результаты**.

ЛСГ глаголов речи в данной группе говоров представляет собой типичную полевую структуру.

Как всякое системно-структурное объединение, поле имеет определенную конфигурацию, что подразумевает существование различных группировок элементов внутри данного множества. Выделенное нами поле включает несколько микрополей, обладающих относительной самостоятельностью.

В качестве базового семантического компонента поля (**ядра**) может быть выделено слово *ботать* в значении ‘говорить’:

«***БО́ТАТЬ**, а ю, а е ш ь,* несов., что. *Говорить.* Всяки страсти начнет бо́тать *(Екат.Окт.). Амур. (Окт.)*» [19: с. 41].

Кроме того, в СРГП также представлен фонематический вариант литературного аналога – глагола *говорить*, вместе с лексемой *сказать* входящего в соответствующую ядерную зону в современном русском литературном языке, – глагол *говореть* (Э.А. Столярова глаголы *говорить* и *сказать* относит к самым частотным единицам актуального лексико-семантического поля **ГОВОРИТЬ** в современном русском литературном языке и составляющим ядро семантического поля глаголов речи в русском литературном языке) [13: с. 434].

В русских говорах Приамурья глаголы *ботать* и *говореть* являются полными синонимами (или, иначе, составляют нулевую семантическую оппозицию), у которых совпадает план содержания и не совпадает план выражения:

«***ГОВОРЁТЬ**, рю́, р и́ ш ь,* несов., что. *Говорить.* А чё вам, а кого вам говореть? *(Сам.Окт.).* Вот я говорела вам вчера, что жили однóлично *(Деж.Лен.).* Дедушка говорел вам, что онé с Унды *(Уш. Шим.)* Всё говорели, что из Забайкалу перекочевали, на паромах приехали *(Дим Мих.). Амур. (Повсем.). Хаб. (Повсем.)*» [19: с. 87].

С учетом категориально-лексической семантики каждого глагола в рамках данного поля можно выделить его конституэнты – микрополя. Центральную зону всего поля образует микрополе «нехарактеризованной речевой деятельности», состоящее из двух частей (подполей):

1) включающее глаголы с общим значением процесса речи или, иначе, акта говорения в его общем виде (*балаять* (‘разговаривать’), *белемекать* (‘говорить’), *внушать* (‘рассказывать’), *гардачить* (‘говорить’), *лалачить* (‘разговаривать’), *толмочить* (‘говорить’), *трёкать* (‘говорить’, ‘разговаривать’)), и

2) глаголы со значением «речевого взаимодействия и контакта» (*заказать* (‘позвать, вызвать кого-либо’), *зареветься* (‘дозваться’), *обзывать* (‘приглашать кого-либо, созывать’), *обзываться* (‘отзываться, высказывать мнение о чем-либо’), *попытать* (‘спросить’), *размаячить* (‘разъяснить’, ‘объяснить’), *скрикнуть* (‘позвать’), *спытывать* (‘спрашивать’), *трёкаться* (‘отказываться’)).

На периферии расположено микрополе «характеризованной речевой деятельности», которое, в свою очередь, представлено двумя подполями:

1) внешней, акустико-физиологической стороны речи, в которое входят глаголы, определяющие особенности речи по звучанию или характеру произношения (*загнусеть* (‘заговорить в нос, медленно’), *отчекрыжить* (‘пропеть, проговорить быстро без дополнительных просьб’); *базанить/базланить* (‘громко кричать’), *скричать* (‘позвать, громко спросить о чем-либо’, ‘приказать, скомандовать’), *катить* (‘сильно кричать на кого-либо’); *булькнуть* (‘невнятно сказать что-либо’), *хрипатить* (‘говорить хриплым голосом’), *вяньгать* (в значениях ‘’‘; *толмить/затолмить* (‘надоедливо повторять несколько раз одно и то же’; ‘твердить/затвердить’)); 2) подполе глаголов, характеризующих внутреннюю, содержательную сторону речи (*буровить* (‘говорить несуразное’), *набуровить* (‘наговорить с избытком нелепостей, вздора’), *лалачить* (‘вести пустой разговор’), *ошауривать* (‘говорить лишнее, вздор’); *гавкать* (‘сплетничать’), *горготать* (‘наговаривать на кого-либо’), *обобславить* (‘распространить дурные слухи’), *плёшничать* (‘сплетничать’), *распростягать* (‘распространять весть, слухи’); *выстукать* (‘вольно или невольно сообщить о чем-то тайном’); *зубатиться* (‘ругаться’), *напонужать* (‘отругать’), *постыриться* (‘ругаться’), *приколупаться* (‘незаслуженно упрекнуть’, ‘предъявить претензии к кому-нибудь’), *пострамить* (‘пристыдить’, ‘отчитать’, ‘отругать’), *просудить* (‘осудить’), *франтовать* (‘осуждать’), *матюжниться* (‘ругаться бранными словами’), *разматюкаться* (‘ругаться бранными словами’); *горготать* (‘насмехаться над кем-либо’), *подшунивать* (‘подшучивать’), *сундурить* (‘насмехаться’), *шаульничать* (‘насмешничать, шутить’); *рядиться* (‘спорить по пустякам, препираться’)).

Границы между подполями нечеткие, возможны зоны пересечения, в которых чаще всего оказываются полисеманты, характеризующие речь одновременно с разных сторон, в частности, с содержательной стороны и по способу говорения, напри-

мер: многозначный глагол *вяньгать* имеет в своей семантике компоненты ‘издавать ноющие звуки’ и ‘говорить не к месту’:

«***ВЯ́НЬГАТЬ**, а ю, а е ш ь,* несов. *1. Издавать ноющие звуки, перемежаемые плачем; хныкать.* Вяньгат Наташа целый день *(Алб.Скв.).* Вот он вяньгает, вяньгает, плачет *(Благовещ.). Амур. (Благ.). Нов.-Даур. 2.* Неодобр. *Говорить не к месту.* Чего ты вя́ньгаш, когда не спрашивают *(Алб.Скв.). Амур. (Скв.). 3. Ворчать.* Дед вяньгает сегодня всё утро, ох и нудный *(Чал. Магд.). Амур. (Магд.)*» [19: с. 82].

Глагол не только имеет значения ‘позвать, спросить о чем-либо’, ‘приказать, скомандовать’), но и характеризует речевое действие по громкости во втором и третьем значениях, т.е. в его семантике содержится указание на содержание и тип речевого взаимодействия:

«***СКРИЧА́ТЬ**, ч у́,ч и́ ш ь,* сов., кого. *1. То же, что скри́кнуть.* Надо скричать сына. Скричи-ка и Маринку ужинать *(Джл. Скв.).* Как вечер, он нас соберёт всех, скричит нас ужинать *(Бус. Своб.). Амур. (Своб. Скв.). 2. Громко спросить о чём-л.* Скричите, что там у них? Где они? *(Черн. Магд.). Амур. (Магд.). 3. Громко приказать, скомандовать.* Скричал лоцман: "Вправо!" или "Влево'" – вот и гонишь плот *(Заг. Сел. Своб.). Амур. (Своб.)*» [19: с. 401].

Каждое микрополе, в свою очередь, представлено несколькими семантическими группами, в частности, микрополе «характеризованной речевой деятельности» включает целую систему микрообъединений глагольных лексем, имеющих дифференциальные семы, на основе которых актуализируются особенности речевого взаимодействия диалектоносителей, отражающие различные его оттенки.

Так, дифференциация глаголов речевого воздействия, входящих в подполе глаголов, характеризующих внутреннюю, содержательную сторону речи, на подгруппы, зависит от дополнительных семантических оттенков значения и от валентностной характеристики глаголов, а также и от коннотативной окраски и оценки реализуемого действия.

В частности, глагольные лексемы, относящиеся к семантической подгруппе с идентификатором ‘ругать’, могут обозначать следующие речевые действия:

– ‘ворчать’: *вяньгать* («***ВЯ́НЬГАТЬ**, а ю, а е ш ь,* несов. *1. Издавать ноющие звуки, перемежаемые плачем; хныкать.* Вяньгат Наташа целый день *(Алб. Скв.).* Вот он вяньгает, вяньгает, плачет *(Благовещ.). Амур. (Благ.). Нов.-Даур. 2.* Неодобр. *Говорить не к месту.* Чего ты вя́ньгаш, когда не спрашивают *(Алб.Скв.). Амур. (Скв.). 3. Ворчать.* Дед вяньгает сегодня всё утро, ох и нудный *(Чал. Магд.). Амур. (Магд.»)* [19: с. 82]);

– ‘отругать’: *напонужать* («***НАПОНУЖА́ТЬ**, а́ ю, а́ е ш ь,* сов., кого-что. *Отругать.* Он придёт, напонужа́т тебя. Отец его, неслуха, опе́ть напонужа́т *(Е.-Ник. Окт.).Хаб. (Окт.)*» [19: с. 261]).

По сравнению с глаголом несовершенного вида *ворчать* со значением длительного, не исчерпанного действия лексема совершенного вида *напонужать* имеет значение, выражающее более высокую степень интенсивности и экспрессивности действия, направленного на объект; означает полноту и исчерпанность результата;

– ‘ругаться’: *зубатиться* («***ЗУБА́ТИТЬСЯ**, ч у с ь, т и ш ь с я,* несов. *Ругаться.* С начальником зубатишься *(Черн. Магд.). Амур. (Магд.). Нов.-Даур.*» [19: с. 161]);

– ‘начать ругаться’: *взлаять* («***ВЗЛА́ЯТЬ**, а́ ю, а́ е ш ь, сое. 1. Внезапно залаять.* Ходили на роста́нь, гадали: собака злает, или корова змычит – там и жених, в той стороне *(Ам. Окт.).* Чё-то собака взлаяла, наверное кого-то *заметила (Обл-е). Хаб. (Облуч. Окт.). 2*. Экспр. *Начать ругаться.* Взлаешь, небось. Ушли и всё не идут *(Голов. Бир.). Хаб. (Бир.)*» [19: с. 62]);

– ‘ругаться бранными словами’: *матюжниться* («***МАТЮЖИ́НИТЬСЯ**, н ю с ь, н и ш ь с я,* несов. Неодобр. *Ругаться, употребляя бранные выражения.* Чё матюжинишься при девках? *(Н.-Андр. Бел.).* Не матюжинился там Сережка? *(Н.-Андр. Бел.). Амур. (Бел.)*» [19: с. 237]); *разматюкаться* («***РАЗМАТЮКА́ТЬСЯ**, а́ ю с ь, а́ е ш ь ся,* сов. Груб. Экспр. *Разразиться нецензурной бранью.* А он как разматюкался! *(Тамб-ка Тамб.).* О! Как разматюкаются, так все разбегаются *(Козьм. Тамб.). Амур. (Тамб.)*» [19: с. 362]).

Лексемы *матюжиниться–разматюкаться* отличаются не только видовым противопоставлением, но и связаны деривационными отношениями: глагол совершенного вида образован от глагольной основы возвратного глагола несовершенного вида *матюжиниться* при помощи префикса ***раз***- со значением полноты, интенсивности, усиленности в проявлении действия, характерным для интенсивно-результативного способа действия;

– ‘пристыдить’: *пострамить* («***ПРОСТРАМИ́ТЬ**, м л ю́, м и́ ш ь,* сов., кого. *Пристыдить, отчитать, отругать.* Никого под суд не сдаёт, так пострамит и всё *(Н.-Андр.Бел.). Амур. (Бел.)*» [19: с. 353]);

Интересно, что диалектный глагол совершенного вида, образованный при помощи префикса ***про***-, *пострамить*, в отличие от литературного *пристыдить* имеет все три значения: и представляю-

щее собой смягчительную разновидность Уменьшительно-смягчительного способа действия: ‘произвести действие слегка, с небольшой интенсивностью, в течение недолгого времени’, и отмеченное выше и уже прокомментированное значение ‘отругать’, и ‘отчитать’, т.е. ‘сделать выговор, строгое замечание кому-нибудь’ – оба последние значения, характеризующие содержательную сторону речи, обозначающие завершенность длительного речевого действия, соответствуют Терминативному способу глагольного действия;

– ‘осудить/осуждать’: *просудить* («***ПРОСУДИ́ТЬ**, ж ý, д и ш ь,* сов., кого. *Осудить.* Ты меня, может, просудишь, но я говорю правду *(Алб. Скв.). Амур. (Скв.)*» [с. 353]); *франтовать* («***ФРАНТОВА́ТЬ**, ý ю, ý е ш ь,* несов. *Осуждать.* Только умеешь франтовать, на себя посмотри. Ой, Верка меня франтует *(Благовещ.). Амур. (Благ.)*» [19: с. 463]).

Глагол *просудить* хотя и имеет четко выделяемый префикс *про-*, но его функция в данной лексеме чистовидовая, не выражает дополнительных семантических оттенков, кроме значения совершенного вида. В результате глагол имеет значение, соответствующее литературному аналогу «осудить»: ‘выразить неодобрение кому-/чему-нибудь, признать плохим’.

Глагол *франтовать* имеет тождественное значение незаконченного нерезультативного действия, соответствующего значению несовершенного вида;

– ‘незаслуженно упрекнуть’: *приколупаться* («***ПРИКОЛУПА́ТЬСЯ**, а́ ю с ь, а́ е ш ь с я,* сов. Экспр. *Незаслуженно упрекнуть, предъявить претензии к кому-нибудь.* К чисту́ле не приколупа́шься, у ей завсегда́ чисто *(Пуз. Окт.). Хаб. (Окт.)*» [19: с. 346]).

В литературном языке глагол *ругать* реализует две основные семы: 1) называть, обзывать грубыми, оскорбительными словами, желая пробудить неприятные чувства или выразить своё раздражение; 2) высказывать неодобрение (обычно в резком тоне) по поводу кого-либо или чего-либо; порицать [21: с. 90].

Таким образом, в диалектных лексемах *вяньгать*, *просудить*, *приколупаться*, *франтовать* актуализируется сема ‘выражать кому-либо неодобрение, недовольство’; сема ‘называть, обзывать грубыми, оскорбительными словами, желая пробудить неприятные чувства или выразить своё раздражение’ актуализируется в лексемах *напонужать*, *взлаять*, *зубатиться*, *простремить*, *матюжиниться*, *разматюкаться*.

В то же время следует отметить, что сема ‘высказать неодобрение’ присутствует во всех глаголах выделенной подгруппы, и можно говорить только о том, какая из двух сем является в той или иной диалектной лексеме преобладающей, а какая сема деактуализируется.

Несомненно, что возможно также выделение дополнительных сем-характеризаторов, уточняющих процесс речи, характеризующих речевые действия по другим параметрам: по отношению к адресату, по признаку ‘превосходить норму’ в соответствии с параметрами ‘долго’, ‘громко’, ‘постоянно’, ‘нецензурно’, ‘грубо’, ‘неоднократно’, а также выполняющих оценочную функцию.

Предложенная схема, безусловно, не исчерпывает всего многообразия свойственных данной группе русских говоров типов семантических различий глагольных лексем с общим значением речи. Так, приведенная классификация не исключает возможности отнесения одного и того же диалектного глагола к двум и более подполям, поскольку, как было отмечено выше, невозможно строгое разграничение фактов, отражающих различные аспекты речевого процесса и его характеристику, нередко оказывается невозможным сопоставить семантику диалектизма с лексическим репрезентантом нормы глагола-идентификатора.

Кроме того, необходимо также определить в пределах поля локацию глаголов, обозначающих, например, процесс пения со всеми его ритмомелодическими особенностями (*голосовать/проголосовать* (‘петь’), *зареветь* (‘запеть’), *базланить*, *взывать*, *возгудать* (‘громко петь’), *выголашивать* (‘выводить мелодию голосом’), *голосить* (‘петь на несколько голосов’), *разливать* (‘петь звонко, с переливами’), *заголосить* (‘запеть высоким голосом’), или глаголов с узким, специальным значением, используемых, например, в заговорах (*бузить* (‘заговаривать’), *закликать* (‘вылечить заговором’), *ладить* (‘лечить, используя заговор’), *оговорить* (‘накликать болезнь путем заговора’)).

Заключение

Сравнительно небольшое количество диалектных глаголов, относимых к ЛСГ с общим значением речи в русских говорах Приамурья, свидетельствует о вторичности данной группы говоров, подверженных активному влиянию литературного языка, и о том, что стратегии речевого поведения, которые определяют особенности функционирования регионального варианта языка, глобально не отличаются от общерусских и диктуемых нормой.

Анализ показал, что «полевое структурирование» (А.В. Бондарко) позволяет осуществить упорядочение глагольной лексики со значением речи,

используемой носителями русских говоров Приамурья и зафиксированной в СРГП.

Полученные результаты предоставляют сведения о внутреннем устройстве одной из микросистем русских народных говоров, тем самым позволяют расширить представления об организации глагольной лексики русского языка в региональном аспекте.

Список источников

1. Полевые структуры в системе языка / ред. З.Д. Попова. Воронеж : ВГУ, 1989. 198 с.
2. Литвинович А. Полевая организация глагольной лексики (на примере глаголов со значением ‘защищать’ в русском языке) // Acta universitatis Lodziens is folia linguistica Rossica 2020. № 19. С. 91–101.
3. Хашимов Р.И. Семантическое поле слов и его элементы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. В 2 ч. Ч. II. Тамбов : Грамота, 2015. № 4 (46). С. 209–213.
4. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 4-е изд. Москва : Советская энциклопедия, 1966. 607 с.
5. Васильев Л.М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. 1971. № 5. С. 105–113.
6. Тиллоева С.М. Семантический анализ лексики в системе разноструктурных языков (на материале семантического поля «اد سد ان – Человек») : дис. … д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2016. 479 с.
7. Босова Л.М. Соотношение семантических и смысловых полей качественных прилагательных : психолингвистический аспект : автореф. дис. … д-ра филол. наук. Барнаул, 1998. 48 с.
8. Падучева Е.В. О семантической деривации : слово как парадигма лексем // Русский язык сегодня : сб. статей. Вып. 1 / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова ; отв. ред. Л.П. Крысин. Москва : Азбуковник, 2000. С. 395–417.
9. Заметалина М.Н. Бытийность в функционально-семантическом пространстве русского языка : Диахрония и синхрония : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2002. 286 с. URL: https: //www.dissercat.com›Языкознание›Русский язык (дата обращения: 27.02.2025).
10. Антонова С.М. Глаголы говорения – динамическая модель языковой картины мира : опыт когнитивной интерпретации : монография. Гродно : ГрГУ, 2003. 519 с.
11. Денисенко В.Н. Семантическое поле «изменение» в русской языковой картине мира : структурный, функциональный, когнитивный аспекты : автореф. дис. … д-ра филол. наук. Москва, 2005. 44 с.
12. Кезина С.В. Семантическое поле цветообозначений в русском языке (диахронический аспект) : автореф. дис. … д-ра филол. наук. Челябинск, 2010. 51 с.
13. Столярова Э.А. Типы лексико-семантических полей в русской разговорной речи // Русский язык сегодня : сб. статей. Вып. 1. / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова ; отв. ред. Л.П. Крысин. Москва : Азбуковник, 2000. С. 433–443.
14. Бессонова Ю.А. К вопросу о методике компонентного анализа диалектных глаголов речи // Известия ВГПУ. 2008. № 2(26). С. 122–125.
15. Бессонова Ю.А. Семантическое микрополе глаголов речи в литературном языке и в говорах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 1(8). С. 33–37.
16. Бессонова Ю.А. Семантика диалектных глаголов речи в орловских говорах и отражение в ней мировосприятия их носителей : дис. … канд. филол. наук. Орел, 2001. 269 с. URL: https://www.dissercat.com/content/semantika-dialektnykh-glagolov-rechi-v-orlovskikh-govorakh-i-otrazhenie-v-nei-mirovospriyati (дата обращения: 27.02.2025).
17. Ермолаева Ю.А., Короткевич М.А. Семантическое микрополе «глаголы речи» в русских говорах Башкирии // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 23(352). Филология. Искусствоведение. Вып. 92. С. 30–36.
18. Фан Хайсюй, Садченко В.Т. Микрополе «Страх» в русских говорах Приамурья (на материале глагольной лексики) // Litera. 2024. № 9. С. 72–80.
19. Словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост.: О.Ю. Галуза, Ф.П. Иванова, Л.В. Кирпикова, Л.Ф. Путятина, Н.П. Шенкевец. Изд. 2-е, испр. и доп. Благовещенск : БГПУ, 2007. 544 с.
20. Долгих Н.Г. Теория семантического поля на современном этапе развития семасиологии // Филологические науки. 1973. № 1. С. 89–98.
21. Иомдин Б.Л. Словарная статья глагола *ругать* // Семиотика и информатика. Вып. 32. Материалы к Интегральному словарю современного русского литературного языка (образцы словарных статей). Москва : ВИНИТИ, 1991. С. 90–93.

References

1. Polevye struktury v sisteme yazyka [Field structures in the language system] / Ed. by Z.D. Popova. Voronezh : VGU, 1989. 198 p. (In Russ.).
2. Litvinovich A. Polevaya organizaciya glagol'noj leksiki (na primere glagolov so znacheniem ‘zashchishchat’’ v russkom yazyke) [Field organization of verbal vocabulary (using the example of verbs with the meaning ‘protect' in Russian)] // Acta universitatis Lodziens is folia linguistica Rossica. 2020. № 19. P. 91–101. (In Russ.).
3. Hashimov R.I. Semanticheskoe pole slov i ego element [The semantic field of words and its elements] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Questions of theory and practice]. V 2 ch. Ch. II. Tambov : Gramota, 2015. № 4 (46). P. 209–213. (In Russ.).
4. Ahmanova O.S. Slovar' lingvisticheskih terminov [Dictionary of linguistic terms]. 4-e izd. Moskva : Sovetskaya enciklopediya, 1966. 607 p. (In Russ.).

5. Vasil'ev L.M. Teoriya semanticheskih polej [Theory of semantic fields] // Voprosy yazykoznaniya [Questions of linguistics]. 1971. № 5. P. 105–113. (In Russ.).

6. Tilloeva S.M. Semanticheskij analiz leksiki v sisteme raznostrukturnyh yazykov (na materiale semanticheskogo polya «انسان − Chelovek») : dis. … d-ra filol. nauk [Semantic analysis of vocabulary in the system of differently structured languages (based on the material of the semantic field "Man"). Ph.D. Thesis in Philology]. Ekaterinburg, 2016. 479 p. (In Russ.).

7. Bosova L.M. Sootnoshenie semanticheskih i smyslovyh polej kachestvennyh prilagatel'nyh : psiholingvisticheskij aspekt : avtoref. dis. … d-ra filol. nauk [The ratio of semantic and semantic fields of qualitative adjectives : the psycholinguistic aspect. Ph.D. Thesis in Philology]. Barnaul, 1998. 48 p. (In Russ.).

8. Paducheva E.V. O semanticheskoj derivacii : slovo kak paradigma leksem [On semantic derivation : the word as a paradigm of lexemes] // Russkij yazyk segodnya. Vy`p. 1. Sb. Statej [The Russian language today. Issue 1. Collection of articles] / RAN. In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova. Ed. by L.P. Krysin. Moskva : Azbukovnik, 2000. P. 395–417. (In Russ.).

9. Zametalina M.N. Bytijnost' v funkcional'no-semanticheskom prostranstve russkogo yazyka : Diahroniya i sinhroniya : dis. ... d-ra filol. nauk [Beingness in the functional and semantic space of the Russian language : Diachrony and synchrony. Ph.D. Thesis in Philology]. Volgograd, 2002. 286 p. URL: https: //www.dissercat.com›Yazykoznanie›Russkij yazyk (accessed: 27.02.2025). (In Russ.).

10. Antonova S.M. Glagoly govoreniya – dinamicheskaya model' yazykovoj kartiny mira : opyt kognitivnoj interpretacii : monografiya [Speaking verbs – a dynamic model of the linguistic picture of the world : the experience of cognitive interpretation : monograph]. Grodno : GrGU, 2003. 519 p. (In Russ.).

11. Denisenko V.N. Semanticheskoe pole «izmenenie» v russkoj yazykovoj kartine mira : strukturnyj, funkcional'nyj, kognitivnyj aspekty : avtoref. dis. … d-ra filol. nauk [The semantic field of "change" in the Russian linguistic worldview : structural, functional, cognitive aspects. Ph.D. Thesis in Philology]. Moskva, 2005. 44 p. (In Russ.).

12. Kezina S.V. Semanticheskoe pole cvetooboznachenij v russkom yazyke (diahronicheskij aspekt) : avtoref. dis. … d-ra filol. nauk [The semantic field of color meanings in the Russian language (diachronic aspect). Ph.D. Thesis in Philology]. Chelyabinsk, 2010. 51 p. (In Russ.).

13. Stolyarova E.A. Tipy leksiko-semanticheskih polej v russkoj razgovornoj rechi [Types of lexical and semantic fields in Russian colloquial speech] // Russkij yazyk segodnya. Vy`p. 1. Sb. Statej [The Russian language today. Issue 1. Collection of articles] / RAN. In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova. Ed. by L.P. Krysin. Moskva : Azbukovnik, 2000. P. 433–443. (In Russ.).

14. Bessonova Yu.A. K voprosu o metodike komponentnogo analiza dialektnyh glagolov rechi [On the issue of the methodology of component analysis of dialectal verbs of speech] // Izvestiya VGPU [Izvestiya VGPU]. 2008. № 2(26). P. 122–125. (In Russ.).

15. Bessonova Yu.A. Semanticheskoe mikropole glagolov rechi v literaturnom yazyke i v govorah [Semantic micropole of verbs of speech in literary language and in dialects] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Questions of theory and practice]. 2011. № 1(8). P. 33–37. (In Russ.).

16. Bessonova Yu.A. Semantika dialektnyh glagolov rechi v orlovskih govorah i otrazhenie v nej mirovospriyatiya ih nositelej : dis. … kand. filol. nauk [The semantics of dialectal verbs of speech in Oryol dialects and the reflection in it of the worldview of their speakers. Ph.D. Thesis in Philology]. Orel, 2001. 269 p. URL: https://www.dissercat.com/content/semantika-dialektnykh-glagolov-rechi-v-orlovskikh-govorakh-i-otrazhenie-v-nei-mirovospriyati (accessed: 27.02.2025). (In Russ.).

17. Ermolaeva Yu.A., Korotkevich M.A. Semanticheskoe mikropole «glagoly rechi» v russkih govorah Bashkirii [Semantic micropole "verbs of speech" in Russian dialects of Bashkiria] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 23(352). Filologiya. Iskusstvovedenie [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology. Art history]. 2014. № 23(352) Vyp. 92. P. 30–36. (In Russ.).

18. Fan Hajsyuj, Sadchenko V.T. Mikropole «Strah» v russkih govorah Priamur'ya (na materiale glagol'noj leksiki) [Micropole "Fear" in Russian dialects of the Amur region (based on the material of verbal vocabulary)] // Litera. 2024. № 9. P. 72–80. (In Russ.).

19. Slovar russkix govorov Priamurya [Dictionary of Russian dialects of the Amur region] / compiled by O.Yu. Galuza, F.P. Ivanova, L.V. Kirpikova, L.F. Putyatina, N.P. Shenkevec. 2nd edn, revised. Blagoveshchensk : BGPU Press, 2007. 544 p. (In Russ.).

20. Dolgih N.G. Teoriya semanticheskogo polya na sovremennom etape razvitiya semasiologii [The theory of the semantic field at the present stage of the development of semasiology] // Filologicheskie nauki [Philological sciences]. 1973. № 1. P. 89–98. (In Russ.).

21. Iomdin B.L. Slovarnaya stat'ya glagola rugat' [Dictionary entry of the verb to scold] // Semiotika i informatika. Vyp. 32. Materialy k Integral'nomu slovaryu sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka (obrazcy slovarnyh statej) [Semiotics and computer science. Issue 32. Materials for the Integral Dictionary of the Modern Russian Literary Language (samples of dictionary entries)]. Moskva : VINITI, 1991. P. 90–93. (In Russ.).

Информация об авторах

В.Т. Садченко – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник высшей школы русской филологии;
Хоу Сюэли – аспирант Тихоокеанского государственного университета.

Information about the authors

V.T. Sadchenko is Doctor of Philology, Professor, Leading Researcher at the Higher School of Russian Philology;
Hou Xueli is a PhD student, Pacific National University.

Статья поступила в редакцию 20.02.2025; одобрена после рецензирования 17.03.2025; принята к публикации 30.04.2025.
The article was submitted 20.02.2025; approved after reviewing 17.03.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2025. Т. XXII, Вып. 2. С. 250–254
The Humanities and Social Studies in the Far East. 2025. Vol. XXII, Is. 2. P. 250–254

Научная статья
УДК 908:069(510)
doi:10.31079/1992-2868-2025-22-2-250-254

ИСТОРИЯ КИТАЙСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ИЗ СОБРАНИЯ ХАБАРОВСКОГО КРАЕВОГО МУЗЕЯ ИМЕНИ Н.И. ГРОДЕКОВА

Галина Теодоровна Титорева

Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, г. Хабаровск, Россия, mazo2005@mail.ru

Аннотация. 2024–2025 гг. по решению Президента России Владимира Путина и Председателя КНР Си Цзиньпина объявлены Перекрёстными годами культуры России и Китая. В связи с этим Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова планирует ряд мероприятий, включающих подготовку научного каталога и выставку китайской коллекции, формирование которой относится к концу XIX – XX в. В статье рассмотрены основные этапы комплектования коллекции, дан анализ ее особенностей и опыта использования. В процессе исследования материалов научного архива Гродековского музея и периодической печати конца XIX – начала XX в. были выявлены имена дарителей и собирателей музейных предметов.

Ключевые слова: Китай, музейная коллекция, Хабаровский краевой музей

Original article

HISTORY OF THE CHINESE COLLECTION FROM THE COLLECTION OF THE KHABAROVSK REGIONAL MUSEUM NAMED AFTER N.I. GRODEKOV

Galina T.Titoreva

The Khabarovsk Regional Museum after N.I. Grodekov, Khabarovsk, Russia, mazo2005@mail.ru

Abstract. The years 2024–2025 have been declared the Cross Years of Culture of Russia and China by the decision of the President of Russia Vladimir Putin and the Chairman of the People's Republic of China Xi Jinping. In this regard, the Khabarovsk Regional Museum named after N.I. Grodekov plans a number of events, including the preparation of a scientific catalog and an exhibition of the Chinese collection, which has been formed since the late 19th – 20th centuries. The article examines the main stages of the collection acquisition, analyzes its features and discusses the experience of its use. The research process involved materials from the scientific archive of the Grodekov Museum and the periodical press from the late 19th to early 20th centuries, revealing the names of donors and collectors of museum items.

Keywords: China, museum collection, Khabarovsk Regional Museum

Китайская коллекция в Хабаровском краевом музее им. Н.И. Гродекова начала складываться еще в конце XIX в. и сегодня включает более 6 тысяч предметов материальной и духовной культуры, созданных за период с XII в. по настоящее время. Основу первых поступлений в китайскую коллекцию составляли предметы, привезенные участниками русских военных экспедиций по северному Китаю и Маньчжурии. Так, в 1895–1899 гг. фонды тогда еще Музея Приамурского отдела Императорского русского географического общества (ПО ИРГО)[1] пополнились головными украшениями китаянки и старинными китайскими монетами, поступившими от капитана М.А. Соковнина [18: с. 7]. Поручик Я.П. Горский передал в музей 27 моделей китайских земледельческих орудий [25: с. 11–12], а подпоручик Н.Г. Волков большую коллекцию предметов одежды, быта, оружия [21: с. 8]. Это только небольшой перечень собирателей китайской коллекции, чьи имена сохранились в сообщениях о новых поступлениях музея, регулярно публикуемых в газете «Приамурские ведомости».

Большую роль в формировании китайской коллекции сыграл Николай Иванович Гродеков, генерал-лейтенант, председатель ПО ИРГО, Приамурский генерал-губернатор, покровитель музея. В 1897 г. Н.И. Гродеков, в то время помощник Приамурского генерал-губернатора, подарил музею замечательную коллекцию жанровой деревянной скульптуры, приобретенную им в Шанхае во время путешествия

[1] Музей Приамурского отдела Императорского русского географического общества был открыт 19 апреля 1894 г. В 1902 г. музею было присвоено имя Н.И. Гродекова. В 1921 г. была упразднена принадлежность музея ПО ИРГО, он перешел под управление Главнауки.

© Титорева Г.Т., 2025

по странам Юго-Восточной Азии [19: с. 7]. В этом же году Н.И. Гродеков передал в музей коллекцию современных монет разных провинций Китая [20: с. 6–7], а также коллекцию чаев, китайские головные уборы и коллекцию марок государств и колоний Восточной Азии (в том числе и Китая) [15: л. 10].

В 1900–1901 гг. соединения Приамурского военного округа под командованием генерал-лейтенанта Н.И. Гродекова приняли участие в усмирении восстания ихэтуаней (Боксерское восстание) в приграничной Маньчжурии. В это время коллекция музея значительно пополнилась предметами, которые были взяты в качестве трофеев во время похода в Китай [2: л. 51 об.]. «…От разных частей войск и их отдельных представителей поступили богатейшие коллекции боевого снаряжения и вооружения китайцев, предметы пыток и казни преступников у китайцев и, наконец, предметы должностной обстановки Хунчунского фудутуна (правителя – *Г.Т.*), начиная с его повозки и кончая стрелой – знак власти китайского начальника «казнить» и трехгранным пером, которым прокалывали ухо (хрящ) провинившегося подчиненного» [14: л. 13]. Сам Н.И. Гродеков передал медную пушку, захваченную в Гирине, шашку, которой китайский солдат был разрублен пополам, два фрагмента красной материи на головной убор и два фрагмента желтой материи на пояса, употребляемые «боксерами», девять флагов и т.д. [26: с. 5–6].

Деятельное участие в комплектовании коллекций Хабаровского музея в первые годы его существования принимал командующий войсками Южно-Уссурийского отдела (1895–1900), командир 1-го Сибирского армейского корпуса (1900–1903), действительный член ПО ИРГО генерал-лейтенант Николай Петрович Линевич (1839–1908). В 1898 г. он прислал в музей «каменные ядра, которые украшают собой могилу китайских воинов, заслуживших почётное имя храбрых» [29: л. 240, 244; 22: с. 11]. В это же время в музей поступили «прелестно сделанные китайские вещицы, присланные Н.П. Линевичу фудутуном из Нингуты, в обмен на посланный фудутуну генералом подарок» [23: с. 5].

Во время подавления Боксёрского восстания Н.П. Линевич командовал войсками, взявшими Пекин. В 1902 г. вместе с другими предметами он передал в музей металлические часы английской работы, подаренные ему в Пекине. Во время хода часов механизм приводил в движение фигурки, соединенные с ним [28: с. 3]. Предмет поступил в разобранном виде, для сборки сложных часов даритель направил в музей мастера [29: л. 397–399, 638; 27: с. 9].

Помимо военных активное участие в пополнении музейной коллекции в конце XIX в. принимали и китайцы – жители Приамурского края. Например, хабаровский купец китайского происхождения, действительный член ПО ИРГО Н.И. Тифонтай подарил музею китайские музыкальные инструменты, стол с инкрустацией, а также скульптуру Бога войны в виде человека (в натуральную величину), сидящего в кресле [17: с. 11]. Среди дарителей были китаец Чотун-ян, проживавший в Никольском [16: с. 10], торговый агент Ли-тя-о из Владивостока [24: с. 11–12] и житель Хабаровска Чан-фа-дун [1: кв. 29, 46, 123]. Представители коренного населения Приамурья тоже участвовали в формировании китайской коллекции. Так, гольд Тимофей Косяков, проживающий «в стойбище около устья р. Тунгуски», выезжая на китайские рынки городов Харбин, Пекин, Чифу и др., приобретал различные предметы, которые потом передавал в музей [1: кв. 23, 25, 26, 30, 31, 33, 69, 71, 99].

На протяжении 1900–1920-х гг. азиатская коллекция активно пополнялась. Если в 1925 г. в ней насчитывалось 1775 предметов, то в 1929 г. уже 3585 (включая предметы из Монголии) [2: л. 11 об., 118]. Наиболее многочисленной среди коллекций сопредельных стран всегда была коллекция Китая. Как отмечалось в отчетах о деятельности музея того времени, в ней «в значительной степени отражается не современный, а дореволюционный период Китая», в коллекции «немало предметов, ценных по выделке и в художественном отношении» [2: л. 51 об.]. В 1927 г. при участии члена Дальневосточного отделения Научной ассоциации востоковедения Д.К. Озорнина была проведена работа по атрибуции части китайской коллекции [2: л. 105].

В годы службы директором Хабаровского музея В.К. Арсеньева (1910–1918) велась огромная работа по каталогизации всех музейных коллекций, в том числе и китайской. Выпускник Восточного института капитан Н.Е. Федоров составил описание одежды китайцев и женских головных украшений (часть каталога № 3), капитан П.В. Шкуркин описал предметы раздела «Опиумокурение, табак и азартные игры» (каталог № 4). В 1913 г. оба каталога были закончены и подготовлены к печати [12: л. 3 об.], но, к сожалению, как и многие другие каталоги, написанные В.К Арсеньевым и его соратниками, они не были изданы.

К сожалению, далеко не все предметы китайской коллекции, собранные в конце XIX – середине XX в., сохранились до наших дней. Это связано и с условиями хранения вещей, и с политическими событиями, и с идеологическими установками, существующими в государстве в разные исторические периоды.

Долгое время коллекции музея, в том числе и китайская, хранились в неотапливаемых помещениях, стоящих во дворе музея. Экспозиция «сопредельных стран» располагалась на первом этаже музея, где всегда было очень сыро, что приводило к разрушению и утрате экспонатов [9: л. 11]. Не меньший вред музейной коллекции нанесли политические отношения между Китаем и СССР. На протяжении всей истории взаимоотношения между соседями были нестабильными. Международные события XX в. во многом повлияли на формирование китайской коллекции. В конце 1927 г. после Кантонского восстания дипломатические отношения между СССР и Китаем были разорваны. В 1929 г. конфликт на КВЖД еще больше обострил противоречия между двумя странами. В 1945–1949 гг. – при советской поддержке к власти в Китае приходит Мао Цзэдун и Коммунистическая партия Китая, 1949–1956 гг. – время расцвета советско-китайских отношений, в этот период был заключен советско-китайский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи. Однако после прихода к власти Н.С. Хрущёва и XX съезда КПСС в 1956 г., развенчавшего культа личности Сталина, отношения между двумя странами снова ухудшились.

Особенно сложными для российско-китайских отношений были 1960-е гг. 18 августа 1960 г. СССР отозвал из КНР всех специалистов и аннулировал ранее заключённые торговые договоры. В 1966 г. в Китае началась культурная революция, повлекшая репрессии против членов руководства и рядового состава КПК, подозреваемых в симпатиях к Советскому Союзу. Отряд хунвейбинов напал на посольство СССР и сотрудников дипмиссии. В 1969 г. произошел вооружённый пограничный конфликт между СССР и Китаем на острове Даманский.

В этот период китайская коллекция была признана несоответствующей профилю Хабаровского краеведческого музея, и часть предметов была передана в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), а часть оказалась в частных руках. Возможно, в это же время были спрятаны в земле, недалеко от музея, скульптуры двух каменных львов (ХКМ КП 12079/1,2), поступивших в музей в 1899 г. Их обнаружили в 2002 г. строители, прокладывавшие теплотрассу к зданию музея.

Экспозиционно-выставочная судьба китайской коллекции также отражала состояние и характер взаимоотношений между Китаем и Россией. С первых лет деятельности музея и до 1928 г. в экспозиции существовал раздел «Этнография сопредельных стран», включающий и китайские предметы. В 1921 г. была открыта выставка «Китайцы в Уссурийском крае», в ее содержании выделялись темы: «Искатели женьшеня», «Спирт, опиум и курение табаку», «Инструменты» и «Обстановка зверовых фанз» [13: л. 1–1 об.].

Осенью 1928 г. экспозицию по сопредельным странам закрыли [4: л. 21]. Причин для этого было несколько: и сырость в помещениях, и необходимость в размещении экспозиции нового Отдела Революции, и, несомненно, ухудшение отношений между странами [3: л. 7; 2: л. 119]. Через год в музее создали выставку по истории революционного движения в Китае, для которой специально изготовили диаграммы, карты, фотоснимки. В ней частично использовали экспонаты «свернутого отдела сопредельных стран»[2: л. 119 об.].

На заседании ученого совета музея 24 ноября 1930 г., обсуждая план реэкспозиции, заместитель директора С.Я. Сизых выступил с предложением восстановить отдел этнографии сопредельных стран, однако его не поддержали. Было решено включить некоторые предметы из ликвидированной экспозиции в тему «Сельское хозяйство», где показать сельское хозяйство Китая, Японии и Кореи [5: л. 30].

С 1930-х гг. предметы китайской коллекции практически не выставлялись, использовались лишь те, которые иллюстрировали определенные исторические темы. Например, оружие в разделе «Боксерское восстание», знамена – в теме «Конфликт на КВЖД в 1929 г.» [8: л. 4; 10: л. 88]. Известно лишь об одной выставке 1940 г., когда в Художественный музей было выдано 32 предмета китайской одежды и посуды [7: л. 22].

В 1938 г. руководство музея обратилось в Наркомпрос с просьбой передать предметы китайской коллекции другим музеям: «…в фондах музея имеется очень много экспонатов китайского и антирелигиозного отдела, которые сейчас музеем не используются из-за отсутствия этих отделов (экспозиции – *Г.Т.*), поэтому прошу разрешить … передать указанные экспонаты музеям, которые имеют китайский и антирелигиозный отделы». В прилагаемом списке: «оружие – кремневые, копья и др., одежда мандаринов, офицеров, солдат, женщин и детей, посуда фарфоровая, вазы фарфоровые большие, статуэтки (большие и маленькие) глиняные, металлические и фарфоровые, изображающие различных духов и богов,… музыкальные инструменты, часы бронзовые, картины, модели гербов и кумирни, … различные головные уборы и зонты…» [6: л. 5, 8]. Документального подтверждения передачи китайских предметов другим музеям в этот период в архиве Хабаровского музея не найдено.

В 1957 г. в нашем музее был открыт зал советско-китайской дружбы, где в основном экспонировались

предметы, подаренные «Китайской Народной Республикой трудящимся Хабаровского края» [11: л. 18]. Особенно много подарков поступило в музей в 1958 г., в год празднования 100-летия г. Хабаровска. Кроме подарков, в зале советско-китайской дружбы были представлены предметы дореволюционного Китая. Однако в 1960 г. зал советско-китайской дружбы был закрыт по известным причинам. Активное экспонирование предметов китайской коллекции началось лишь в 2000-е гг.

Комплектование китайских предметов во второй половине XX в. совсем замедлилось и активизировалось к концу 1990-х – в 2000-е гг. В основном это были поступления от хабаровчан, в чьих семьях сохранились реликвии, от сотрудников музея, выезжающих с разными целями в Китай, или подарки китайских официальных делегаций.

Несмотря на то что коллекция предметов этнографии и искусства Китая формировалась эпизодически, бессистемно, многократно подвергалась «чисткам» и утратам, сегодня она по-прежнему самая многочисленная из всех зарубежных коллекций Гродековского музея. В настоящее время она насчитывает около 8 тысяч предметов, большая часть из которых – монеты разных периодов (около 6 тысяч единиц хранения). Анализируя состав коллекции, можно отметить, что ее основу, кроме монет, составляют изделия из фарфора, фаянса и дерева (посуда, мелкая пластика), скульптура из камня (чаще всего из агальматолита) и лубок. Имеется небольшое количество традиционной одежды и антикварной мебели. Китайская коллекция содержит большое количество уникальных, ценных предметов и является одной из самых крупных среди музеев Дальнего Востока. История ее формирования в Хабаровском краевом музее им. Н.И. Гродекова в определенной мере отражает историю взаимоотношения между нашими странами.

Список источников

1. Книга квитанций по приему пожертвований в Музей Приамурского Императорского Географического общества.
2. Научный архив ХКМ им. Н.И. Гродекова (НА ХКМ). О. 1. Д. 3.
3. НА ХКМ. О. 1. Д. 4.
4. НА ХКМ. О. 1. Д. 7.
5. НА ХКМ. О. 1. Д. 8.
6. НА ХКМ. О. 1. Д. 14.
7. НА ХКМ. О. 1. Д. 31.
8. НА ХКМ. О. 1. Д. 35.
9. НА ХКМ. О. 1. Д. 90.
10. НА ХКМ. О.1. Д. 101.
11. НА ХКМ. О. 1. Д. 104.
12. НА ХКМ. О. 1. Д. 264.
13. НА ХКМ. О. 1. Д. 271.
14. НА ХКМ. О. 1. Д. 598.
15. НА ХКМ. О. 1. Д. 685.
16. Приамурские ведомости. 26 февраля 1895 г.
17. Приамурские ведомости. 4 августа 1896 г.
18. Приамурские ведомости. 6 октября 1896 г.
19. Приамурские ведомости. 4 мая 1897 г.
20. Приамурские ведомости. 27 июля 1897 г.
21. Приамурские ведомости. 1 февраля 1898 г.
22. Приамурские ведомости. 8 февраля 1898 г.
23. Приамурские ведомости. 22 февраля 1898 г.
24. Приамурские ведомости. 21 марта 1899 г.
25. Приамурские ведомости. 28 марта 1899 г.
26. Приамурские ведомости. 19 августа 1901 г.
27. Приамурские ведомости. 8 декабря 1902 г.
28. Тихоокеанская звезда. 29 мая 1927 г.
29. Документы о коллекциях музея 1858–1915 гг. ХКМ КП 7872.

References

1. Kniga kvitansij po priyomu pozhertvovanij v Muzej Priamurskogo Imperatorskogo Geograficheskogo obchestva.
2. Nauchnyij arhiv HKM im. N.I. Grodekova (NA HKM). O. 1. D. 3.
3. NA HKM. O. 1. D. 4.
4. NA HKM). O. 1. D. 7.
5. NA HKM. O. 1. D. 8.
6. NA HKM. O. 1. D. 14.

7. NA HKM. O. 1. D. 31.
8. NA HKM. O. 1. D. 35.
9. NA HKM. O. 1. D. 90.
10. NA HKM. O. 1. D. 101.
11. NA HKM. O. 1. D. 104.
12. NA HKM. O. 1. D. 264.
13. NA HKM. O. 1. D. 271.
14. NA HKM. O. 1. D. 598.
15. NA HKM. O. 1. D. 685.
16. Priamurskie vedomosti. 26 fevralya 1895 g.
17. Priamurskie vedomosti. 4 avgusta 1896 g.
18. Priamurskie vedomosti. 6 oktyabrya 1896 g.
19. Priamurskie vedomosti. 4 maya 1897 g.
20. Priamurskie vedomosti. 27 iyulya 1897 g.
21. Priamurskie vedomosti. 1 fevralya 1898 g.
22. Priamurskie vedomosti. 8 fevralya 1898 g.
23. Priamurskie vedomosti. 22 fevralya 1898 g.
24. Priamurskie vedomosti. 21 marta 1899 g.
25. Priamurskie vedomosti. 28 marta 1899 g.
26. Priamurskie vedomosti. 19 avgusta 1901 g.
27. Priamurskie vedomosti. 8 dekabrya 1902 g.
28. Tihookeanskaya Zvezda. 29 maya 1927 g.
29. Dokumenty o kollekciyah muzeya 1858–1915 gg. HKM KP 7872.

Информация об авторе

Г.Т. Титорева – кандидат искусствоведения, заведующий научно-исследовательским сектором этнографии.

Information about the author

G.T. Titoreva – Candidate of Science (Art History), Head of the Research Sector of Ethnography.

Статья поступила в редакцию 24.03.2025; одобрена после рецензирования 11.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.
The article was submitted 24.03.2025; approved after reviewing 11.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ И ПОДПИСЧИКОВ / AUTHORS GUIDELINES

1. В журнале печатаются рукописи не публиковавшиеся ранее.

2. Все поступившие в редакцию статьи проходят рецензирование.

3. Публикация статей бесплатная.

4. Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегию, размещены на официальном сайте журнала – http://www.eastjournal.ru/docs/author.htm

5. Материалы, не имеющие научного аппарата или неправильно оформленные, не соответствующие указанным выше правилам, не рассматриваются. Рукописи не возвращаются.

6. К рукописи должны прилагаться следующие сведения об авторе: ФИО, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, рабочий адрес, телефон, e-mail.

7. К рассмотрению принимаются материалы, поступившие только на официальную электронную почту журнала: journal@festu.khv.ru.

1. The journal publishes materials which have not been published before.

2. The articles submitted to the editorial board undergo a reviewing procedure.

3. The publication is free of charge.

4. The requirements for manuscripts submitted to the editorial board – http://www.eastjournal.ru/docs/author.htm

5. Materials without substantiated research support or not corresponding to the rules mentioned higher will not be considered. Manuscripts will not be returned.

6. The following data about the author should be attached to the manuscript: first name, middle name initial, last name, academic degree, academic title, place of employment, postal address, work address, home address, office phone number, home telephone number, fax, e-mail.

7. Please address the materials to the following e-mail: journal@festu.khv.ru

Наш журнал распространяется по подписке и поступает в розничную продажу.

Подписку на журнал можно оформить по каталогу ООО «Урал-Пресс Округ». Подписной индекс – 84277.

Научное издание

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Научно-теоретический журнал
Том XXII
Выпуск 2, 2025

Под общей научной редакцией Е.Н. Спасского

Редактор *Т.М. Яковенко*
Технический редактор *И.А. Нильмаер*

План 2025 г. Поз. 12.6. Подписано в печать 17.06.2025 г. Дата выхода в свет 30.06.2025 г.
Усл. печ. л. 29,8. Зак. 87. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–50 экз.). Цена свободная.

Отпечатано в издательстве ДВГУПС.
Адрес издательства и типографии: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47.